

Ю. Ю. КАРПОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА
НА СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ
ПЕРИФЕРИИ
в 20-30-е гг. XX в.

Доклад Д.К.-Ц.К.Р.К.П. (6).

ионирова-
края для
ых объеди-
Кавказа.

На запрос Орг. Бюро ЦКРК(б) от 6 июля 1924 г. вопросу о выделении Дагестана из Юго-Восточной области ДК сообщает, что он остается на своей прежней, **пократно выраженной** точке зрения о необходимости **включения** Дагестана из Юго-Восточной области в неподустановленности **в** состав этой области при предполагаемом районировании. Свое решение Дакком основывает на следующих мотивах:

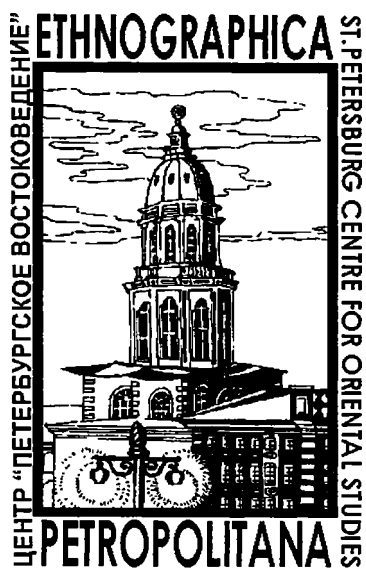
1) Прежде всего, согласно принятой всей партией, экономической районирование является только средством, посредством которого еще не могут быть никак учтены последствия, которые еще не раз будут коренным образом изменены. Это тем более возможно, что до сих пор еще не было никаких экономических исследований, не говоря уже о

мониторинг ЮН
которого никто
итти к заключе
ьней осторожи.
рушая основных

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМ И РЕШЕНИЙ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

Ю. Ю. Карпов

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
НА СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ
ПЕРИФЕРИИ в 20—30-е гг. XX в.:
эволюция проблем и решений**

Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2017

ББК ТЗ(2Р37)71-56
УДК 947.084.6(479):323.1

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 17-01-16036, не подлежит продаже*

Утверждено к печати Ученым советом Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Ответственный редактор — *О. И. Трофимова*

Ю. Ю. Карпов. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20—30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. — 400 с. (Ethnographica Petropolitana).

К 26 В книге предлагается комплексное изучение государственной политики по отношению к северокавказской периферии в контексте т. н. «национального вопроса» в условиях «демократической» организации государственной системы. Раннесоветский период дает пример парадигмы государственной национальной политики на Северном Кавказе. В ранней практике советского государственного управления получили развитие идеи «коренизации», строившиеся на этнической идеологии и выражавшиеся отчасти в уступках в языке, кадровой политике и культуре, что, по убеждению инженеров «коренизации», должно было способствовать снижению уровня сепаратистских настроений в национальных автономиях Советской России. Широкое использование архивных материалов позволило документально проследить ход «диалогов» между центральным и местными органами власти и выявить основные направления трансформации социальных институтов и общественных практик в разных частях региона.

Книга предназначена для этнологов, историков, культурологов, обществоведов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории и культуры народов Северного Кавказа.

В оформлении обложки использованы: фотография В. В. Храмовой «Члены сельского совета селения Казы-юрт около канцелярии». 1928 г. (МАЭ. № И-2193-10); страница архивного документа «Доклад расширенного пленума Дагестанского областного комитета в ЦК РКП(б) по вопросу о районировании Юго-Восточной области и о предполагаемом включении Дагестана в эту область». 1924 г. (ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 2.)

ISBN 978-5-85803-505-3

9 785858 035053

© Ю. Ю. Карпов, 2017
© Петербургское Востоковедение, 2017
© МАЭ РАН, 2017

Оглавление

Предисловие	7
Часть 1	
Глава 1. На переломе	10
Исходная ситуация	10
Инородцы и формирование национальных движений	18
О концепции национальной политики большевиков	27
Переходный период: революции 17-го года и гражданская война.	35
Общие замечания.	47
Часть 2	
Глава 1. Начало советской реорганизации края	50
Решения политические	50
Решения политико-экономические и хозяйственные	59
Судьба и опыт Горской Республики	71
К «самостоятельности» в больших и малых формах	84
Автономии под руководством края.	91
«...В отношении к национальным правам... самый сознательный и чуткий народ в СССР»	100
Общие замечания.	111
Глава 2. Местные общества в условиях советских преобразований.	123
Предварительные замечания	123
Советизация на местах	136
Власть верхнего звена.	158
Власть и мусульмане	202
Коллективизация	219
Введение воинской обязанности	225
Общие замечания.	229
Глава 3. Национальное строительство на разных уровнях и в разных формах.	241
Вопросы жизнеобеспечения «своих наций» и механика их решения	241
Языковое строительство и политика коренизации	264
Культурная революция	283
О национальном самосознании и нациестроительстве	291
Общие замечания.	314
Глава 4. Поворот в национальной политике.	320
Теоретические предпосылки.	320
Сферы практических действий	326
Развенчание планов и лидеров.	338
Завершение оформления новой политической линии	344

Послесловие	353
Еще немного о характере империи и национальной проблеме в ней	353
Результаты советской национальной политики глазами современных «обозревателей»	356
Источники и литература	365
Список сокращений	399

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема предлагаемой книги лежит в широком проблемном поле становления раннесоветской государственности, в ходе которого возникали и решались задачи поддержания единства и целостности страны.

В данном труде сделана попытка сосредоточиться на изучении процессов развития и качественных изменений в правительственной политике интеграции разнородного населения Северного Кавказа в общегосударственное пространство — территориально-административное, социально-политическое и, в определенной мере, хозяйственно-экономическое и социокультурное в хронологическом диапазоне, охватывающем ранний советский период истории России.

В позднеимперскую эпоху (80-е гг. XIX—начало XX в.) эта политика связывалась с процессами «русификации» инородческого населения как в административно-правовом, так и в культурно-языковом отношении. В период становления советской государственности (20—30-е гг. XX в.) на первый план выдвинулись вопросы нациестроительства, в ходе которого партийно-советское руководство страны вынуждено было решать проблемы, по сути, выкристаллизовавшиеся уже в начале XX в. и связанные с ростом этнического самосознания внутри местных социумов, сделав при этом «национальный вопрос» козырем политической элиты.

Актуальность темы в большой степени связана с осмыслением исторического опыта построения социально-политических, экономических и культурных мегасистем и с неизбежной оценкой (ориентированной не столько на прошлое, сколько на будущее) их жизнеспособности и конструктивного потенциала. Особую остроту проблеме придает ее очевидное современное звучание, обусловленное самой ситуацией, наблюдаемой сегодня в Северо-Кавказском регионе, общая обстановка в котором пока такова, что влияние конфликтогенных факторов явно или подспудно тормозит процесс современных модернизационных преобразований в регионе, во многом определяя их общий социокультурный фон и являясь своеобразным индикатором недоработки и низкой эффективности государственной национальной и федеративной политики в целом.

Как видится, тема вызывает и академический интерес ввиду недостаточной (несмотря на популярность отдельных сюжетов) разработанности вопросов, связанных с преемственностью и разрывами в практике российского государственного управления окраинными регионами (в частности, Северным Кавказом) сквозь призму национальных проблем государственного строительства.

Многокомпонентность проблематики исследования делает необходимым использование междисциплинарного подхода, сочетающего методы историко-этнологических, политико-антропологических и культурологических иссле-

дований. Каждая из этих отраслей общественнознания оперирует своим комплексом методов, ряд которых и применен в настоящем труде. Основными исследовательскими методами стали историко-этнологический, сравнительный, описательный, функциональный, типологический. Эти методические приемы были необходимы при работе с имеющейся литературой, документальными данными, публицистическими и литературно-художественными текстами и др.

Основная теоретическая посылка представляемой работы заключается в признании высокой степени конфликтности процессов унификации и конструирования советской идентичности. Кризисные явления начала XX в. дали импульс к разработке идеологии национальной стабильности, подхваченной новым режимом.

Советское руководство, восприняв идеи европейской социал-демократии и либеральных политических течений о праве наций на самоопределение, на первых порах (до второй половины 1920-х гг.) стремилось реализовать их через федерализацию политического устройства и поликультурализм в социальном аспекте жизнедеятельности национальных районов страны. Это нашло выражение в новой административной организации национальных районов с четким фиксированием территорий автономий, в коренизации аппаратов власти, в языковой политике и др., что позитивно было воспринято на местах, где элитами ставился вопрос об обособлении национальных автономий Северного Кавказа от русских краев и областей «Юга России» в экономическом и политическом отношении, о предоставлении максимально возможной самостоятельности, об объединении разделенных народов и «национальных территорий» (Северной и Южной Осетии) и др. Диалоги местных руководителей с центром отличала полемичность, что давало определенные временные результаты для национальных автономий. Однако потребности экономического развития страны, задачи социально-политической интеграции общества и формирования «советской» идентичности противоречили данным практикам, и это обусловило постепенный отказ от них. Ко второй половине 1930-х гг. восприятие политическим руководством страны концепта «национальное» и его производных («национальная автономия» и т. п.) существенно изменилось. Хотя национальная политика официально значилась в числе особо актуальных проблем советского строительства, по конституции 1936 г. статус многих национальных автономий был повышен, а национальной идентичности в свете активно формировавшейся сверху «советской» идентичности придавалось столь же большое значение, как и классовой идентичности. Соответственно, возобладал курс на унификацию общества и государства в самых разных аспектах их функционирования.

Использование исследовательских методов социальной антропологии при анализе архивных материалов позволяет проследить трансформации коллективных идентичностей, сформировавшихся на местах под влиянием реализации соответствующей политики государства. В частности, в связи с антирелигиозной пропагандой и переключением векторов идентичности с религиозной на национальную составляющую, а также с реорганизацией административно-территориального устройства национальных автономий — созданием Чечено-Ингушской АССР и провозглашением форсирования межэтнической интеграции и «ассимиляции в условиях социализма».

В целом национально-государственное строительство на Северном Кавказе (как и в других частях страны) в 1920—1930-е гг. отличала противоречивость, связанная с общими изменениями идеологического курса и политики

государства, с общей политической обстановкой в Европе, а также с потребностями развития экономики страны. В этом отношении (как и в других аспектах) указанный период в истории СССР во многом напоминает последние два десятилетия новейшей истории России. Этот очевидный параллелизм заставляет обратить внимание как на то, что сегодня и в центре, и на местах интеллектуально-властные элиты одинаково активно заняты поиском «национальной идеи», которая в новых социально-политических условиях послужила бы безусловным идеологическим обоснованием общественного устройства и политической системы современной России, так и на то, каким образом и в каких категориях эта идея формулируется. Эти обстоятельства еще более обостряют необходимость обращения к опыту взаимоотношений советского центра с национальными окраинами, поскольку его изучение может помочь найти ответы на целый ряд вопросов, связанных с практикой нациестроительства в России советской и (тем более) постсоветской.

Глава 1

НА ПЕРЕЛОМЕ

Исходная ситуация

Процесс вхождения Северного Кавказа в состав Российского государства растянулся на длительное время, исчисляемое разным количеством десятилетий и даже веков. В отдельных частях региона он начался на пороге Нового времени, а завершился на большей части оно лишь во второй половине XIX в.

Процесс был не только многоэтапный, но и весьма сложный, что определялось рядом обстоятельств, в том числе длительным военным противостоянием значительной части горцев региона российской власти. Особое значение имел религиозный — исламский фактор. Немаловажное значение имело то, что горские общества отличал закрытый в социально-культурном отношении характер, с очевидностью затруднявший включение их в систему имперской государственности (в специфических чертах, но имевшей открытый характер). Разнообразие политических и потестарных форм организации местных обществ и пестрый в национальном и языковом отношении состав их населения также не способствовали «простому» включению в состав Российского государства. На судьбу Края в составе империи оказывал влияние его колониальный потенциал, суливший империи выход к морям и через это обеспечивавший транзитные пути в другие части света, а также предполагавший превращение Северного Кавказа в один из главных зерноводческих регионов страны. Все перечисленное определяло особое отношение к этому региону имперского центра.

Однако при всей своей специфике Северный Кавказ со второй половины XIX в. входил в состав империи на условиях, в достаточной мере приближенных к «стандартному» общегосударственному режиму регулирования жизни провинций (губерний), лишенных тех или иных прав на автономное существование. Территории проживания основной части коренного населения Северного Кавказа были включены в Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области. Относительность распространения на регион общегосударственного режима заключалась в том, что на территории расселения горцев в границах Кубанской и Терской областей и всей Дагестанской области (за исключением Дербентского градоначальства и города Петровска) была введена система военно-народного (в первых двух случаях — военно-казачьего) управления. На должности глав администраций назначались армейские офицеры (казацкие чины), в ведении которых сосредотачивались административно-управленческие, полицейские и, в значительной мере, судебные функции.

Осуществленные в 1860-е гг. судебные реформы предполагали функционирование суда по адату, шариату, а в определенных сферах — и по общероссийским законам. Расчет делался на уменьшение роли шариата.

Проведенная тогда же земельная реформа узаконила общинное землепользование в качестве основного, при этом занятые горцами земли были признаны государственным достоянием. В целях создания барьера против возможных «недружественных» действий горцев, обеспечения над ними контроля территории расселения ингушей, чеченцев и, в меньшей степени, осетин и кабардинцев были «разрезаны» полосами казачьих поселений. Так, ингуши из аулов Тарской долины, верховий Сунжи, из Ассиновского ущелья были выселены в район Назрани (где они были сгруппированы в крупные села), а на освобожденной таким образом территории были основаны станицы Нестеровская, Сунженская, Фельдмаршальская, Камбилеевская и ряд других. Подобные мероприятия существенно обострили земельную проблему горцев и чрезвычайно ухудшили их отношения с казаками. Осетинский общественный деятель начала XX в. А. Цаликов писал:

С горцами никогда не церемонились... Если на Кавказе никогда не задумывались перед экспроприацией горской земли в пользу казаков, то, с другой стороны, меньшее пристрастие к казачеству обнаружилось и при самом земельном устройстве горцев и казаков [Цаликов 1908: 55, 56]¹.

У казаков горцы вынуждены были арендовать земли².

¹ При цитировании здесь и далее везде сохранены стиль, орфография и пунктуация оригинала.

² Реально мыслящие администраторы сознавали необходимость внесения значительных корректив в правовые отношения горцев и казаков. К их числу относился начальник Ингушеского округа подполковник А. Нурид, который еще в 1864 г. писал начальнику Терской области: «...Самой главной и существенной заботой должно быть соблюдение полной равноправности (выделено в документе. — Ю. К.) между туземцами и казаками как между подданными одного государства. Преобладание казаков над туземцами, преимущественно в отношении местных судебных прав и по взысканиям, служит главным разъединяющим началом. Как право сильного, оно вызывает в покоренном народе дикие страсти и скопляет в душе его затаенную ненависть и вражду к казакам... Самая великая проницательность не может ничего выдумать сильнее нынешнего положения дел для окончательного нравственного разъединения туземцев с русскими, если только казаки не будут побуждены изменять свои беспощадные отношения к туземцам» [ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 303. Л. 18 об.—19]. Нереализованность подобных предложений привела к крайнему обострению отношений между горцами и казаками в начале XX в. Из петиции ингушей в 1-ю Государственную думу в 1906 г.: «Мы, ингуши, с незапамятных времен живем в нынешней Терской области в количестве 50 000 человек, занимаясь испокон веков земледелием. Весь маленький народ составлял как бы одну трудовую общину, не зная, что такое классовые деления, сословия, управляясь общинными началами. Но после покорения Кавказа, в 60-х годах, невзирая на всю горячую любовь к России, высказанную нами не раз в трудные исторические моменты, местные власти, охваченные пагубной идеей русификации края, начали отбирать у нас земли и заселять их казаками. В настоящее время 2/3 наших земель, насильственно отобранных, перешли в руки казаков, и мы, ингуши, доведены до того состояния, что для того, чтобы жить, мы должны арендовать землю у тех же казаков. В среднем ингушское племя платит ежегодно казакам с лишком 30 000 рублей арендной платы. Это не что иное, как налог в пользу казаков, налог тем более возмутительный, что мы, ингуши, платим его за пользование землей, принадле-

Характер реорганизаций, проводившихся на территории края, мог существенно различаться. С одной стороны, имперская администрация принимала во внимание местные особенности и обстановку либо, наоборот, подгоняла реалии под собственные представления о должном. С другой стороны, различие судеб местных обществ в недавнем прошлом вызывало неодинаковую реакцию на соответствующие изменения.

В Осетии, преимущественно мирной в годы Кавказской войны и поэтому ставшей полигоном социальных и политических нововведений, установленный российской администрацией порядок, согласно «Положению об управлении Терской областью» 1862 г. и последующим актам, существенно изменил прежнее содержание сельских обществ, которым в качестве базовой и основной была придана (точнее, на них была перенесена) модель русской общины, функционировавшей в условиях централизованной государственной власти. В результате «универсальные социоорганизующие принципы (сельской общины. — Ю. К.)... практически полностью выпадали из официальной управленческой практики, а отношения властвования, подвергаясь предельной формализации, коренным образом видоизменялись... Сельская община пореформенного образца оказалась довольно искусственным, механически сконструированным социальным образованием» [Кобахидзе 2010: 330].

В замиренном же после 1859 г. Дагестане введенная там система военноподчиненного управления предоставила определенные права сельским обществам, «изголодавшимся» после порядков, установленных в имамате Шамиля, по «народовластию». Известный дагестановед М. А. Агларов пишет:

Ценнейшим политологическим опытом того времени явилось возрождение колониальными властями сельского самоуправления на основе модернизированных адатов. Было сохранено прежнее административное деление в виде наместничеств, что соответствовало тысячелетнему этноадминистративному укладу горцев. Местные джамааты (общины. — Ю. К.) получили статус сельских обществ. Было возрождено (ликвидированное в имамате. — Ю. К.) выборное сельское управление по дошамилевским старинным образцам. Созданы выборные сельские суды... За сельскими обществами сохранялось право законодательной инициативы и законодательной функции по вопросам конкретного общества и наместничества. Частичное возрождение самоуправления и возвращение горцев к гражданскому состоянию снова окрылили горцев... Это был новый чрезвычайно богатый и актуальный опыт самоуправления «при властях» [Агларов 2002: 65].

Не случайно в памяти дагестанцев, живших в середине и второй половине XX в., *никто не заман* — ‘николаевское время’ — представлялось периодом спокойным и, по-своему, благополучным.

жавшей нам тысячелетия...» [Ткачев 1911: 141] В пору революции и гражданской войны данные противоречия обрели форму кровавой бойни. Уже в начале декабря 1917 г. «мусульмане Северного Кавказа» обращались к «господину комиссару по делам национальностей» по вопросу крайне сложной ситуации в регионе. В частности, они поясняли: «Горцы (Чеченцы, Ингуши, Осетины и другие) народы демократические, они не имеют ни князей, ни дворян и все считаются Узденями, т. е. свободными людьми, потому они весьма горды, наивно считая себя свободным народом... Казаки, заделавшись полными хозяевами в этих краях, руководимые жадными царскими правительствами, держали нас (истинных сынов демократии...) и свободолюбивых мусульман, как говорится, в железном кулаке, не давая нам просветить себя... Казак, будь он на службе или частным человеком, являлся начальником над горцем» [ГАРФ. Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 84. Л. 28, 29].

Конкретные шаги, предпринимавшиеся в направлении русификации жителей национальных окраин, имели специфику, охарактеризованную выше (на примере Центрального Кавказа). В империи водоразделом в отношении населения являлось вероисповедание, так что христиане, и в первую очередь православные, считались полноправными ее гражданами, а мусульмане, иудеи, буддисты, язычники — «иноверцами»/«иногородцами». Вопрос о необходимости скорейшей русификации последних не ставился в силу позднего вхождения их в состав государства, неразвитости инфраструктуры в местах их компактного проживания и неопределенности перспектив экономического освоения территорий³. Применительно к горцам Кавказа речь шла об умеренной их русификации через «изменение центра цивилизирующего тяготения, устранение влияния цивилизации враждебной», т. е. мусульманской. Наиболее просвещенные и гуманистически настроенные лица из администрации видели путь к такой цели через развитие грамотности, причем построенной на основе местных языков:

Выучите сначала ученика-горца грамоте на его родном языке (а для этого необходимо было создать соответствующие грамматики. — Ю. К.) и от нее перейдите к русской... Туземная грамотность должна служить только к тому, чтобы отвлечь горцев от арабского языка и облегчить для них изучение русского. Все, что утратит первый язык, обратится прямо в пользу второго... С наступлением спокойствия в горах беснующиеся головорезы, вроде Гаджи-Мурата... должны постепенно сходить со сцены. Их место, в качестве руководителей народных, будут постепенно занимать люди относительно просвещенные [Услар 1870: 3, 22, 25, 29].

Сам автор процитированного текста — Петр Карлович Услар — составил словари и грамматики аварского, чеченского, табасаранского, абхазского и ряда других языков народов Кавказа. За период с середины XIX по начало XX в. у многих местных народов сформировалась новая интеллигенция, ориентированная на широкое взаимодействие с российским обществом. В достаточной мере закономерным выглядит и тот факт, что взрослое население Осетии, Ингушетии и ряда других территорий Северного Кавказа отправляло своих детей на различного рода работы к проживавшим в регионе русским «хозяевам», домовладельцам, предпринимателям, рассчитывая, что, служа у тех, дети в достаточной мере овладеют русским языком и это даст им реальный шанс достойно, а то и хорошо устроиться в жизни.

В период царствования Александра III политический курс в аспекте «национального вопроса» был заметно скорректирован в сторону усиления контроля над инородческой периферией (в частности, было ликвидировано Кавказское наместничество) и практической русификации, что отразилось в организации администрирования на местах, в школьном деле и пр.⁴ Впрочем,

³ Ситуация с евреями имела иные характерные особенности.

⁴ В подготовленных в это время популярных изданиях о «народах Русского царства» колонизаторская миссия русского народа излагалась следующим образом: «С самого начала русской истории, среди постоянной борьбы с Востоком, наши предки неизменно сохраняли все основные признаки европейского происхождения, не утратив ни одной его существенной черты. В этой-то крепости хранения европейского типа, среди непрерывного смешения с племенем азиатского происхождения, и состоит величайшая заслуга русского народа; поэтому-то каждый шаг русского племени в глубину Азии и становится несомненной победой европейской гражданственности.

административные округа в пределах областей в основных границах соответствовали прежним феодальным владениям и союзам «вольных» обществ, а через это, формально, территориям расселения конкретных народов. В Терской области Ингушевский (позднее переименованный в Назрановский) и Осетинский округа по составу жителей являлись однородными, то же можно сказать о Чеченском, Аргунском, Ичкеринском и Нагорном округах той же области, где лишь в последнем были представлены немногочисленные аварцы; сходная картина наблюдалась в Кумыкском округе. Наименования округов Дагестанской области с некоторыми поправками подразумевали их «национальное содержание». Это были Андийский (народы андо-дидойской подгруппы и аварцы), Аварский (с небольшим включением населения андо-дидойской подгруппы), Гунибский (тоже аварский по составу населения), Казикумухский (читай — лакский), Даргинский, Кюринский (читай — лезгинский), Самурский (лезгины и народы лезгинской подгруппы), Кайтаго-Табасаранский (кайтаги, табасаранцы, лезгины, азербайджанцы, терекменцы), Темир-Хан-Шуринский (большей частью населенный кумыками) округа.

Однако нерадивость, злоупотребления и хамство чиновников вызывали откровенно негативное восприятие власти на местах. Р. А. Фадеев, большой патриот России, но трезво смотревший на положение дел в империи, вынужденно признавал, что население национальных окраин «из-за житейских выгод» мирится лишь с «немногими высшими правителями», навязанными ему империей, однако «как только иновверные властители принимают на себя низшую администрацию и вследствие того вносят в народный быт свои законы, не только непонятные туземцу, но напоминающие ему при каждом его дыхании, что он раб гяура, — дело принимает другой оборот. Пища фанатизму готова» [Фадеев 2005: 456]⁵.

В конце XIX—начале XX в. социальное напряжение в регионе возрастало, и это определило рост влияния религии, а также рост преступности. Один из авторов в журнале «Вестник Европы» отмечал:

На Кавказе неудовлетворенность некоторых экономических интересов является единственным мотивом многих и многих преступлений... Не простое усиление репрессалий, а, главным образом, более близкое знакомство полиции и суда с условиями местной жизни делает борьбу законной власти с разбойничьими шайками более успешной, и восстановление порядка и спокойствия в крае возможным [Т. 1885: 628, 636].

Чуждые племена вливались в народность русскую под условием принятия ими главных условий народности славянской и европейской» [Народы Русского царства 1901: 16].

⁵ Здесь нужно упомянуть так называемое антиписарское движение в Дагестане, имевшее место в 1913 г. и спровоцированное решением ввести в Дагестане делопроизводство (письмоводство) на русском языке. Местные жители усмотрели в этом «новый шаг... на пути вмешательства царской администрации в дела сельских обществ», выступая не столько против русского языка, сколько против насильственных методов его насаждения. В одной из газет того времени цитировались слова дагестанцев: «...Дайте школы, научите наше подрастающее поколение читать, писать, а там и вводите свои реформы, против которых мы ничего не имели в основе, но считаем их несвоевременными» (цит. по: [Магомедханов 2008: 79—80]). Впрочем, вскоре после установления советской власти один из руководителей Дагестана отмечал ненависть к русскому языку со стороны местных жителей и настаивал на введении азербайджанского языка в качестве основного языка делопроизводства (см. ниже).

В это время уже и туземное население четко формулировало свои претензии к власти. В 1902 г. ингуши, жители 2-го Сунженского участка Терской области, заявляли:

Мы имеем право сказать, что в отношении нас нашими начальствующими лицами проявляется лишь власть полицейская во всех видах, подчас очень суровая, с применением за провинности отдельных лиц довольно частых экзекуций войсками над сельскими обществами, уносящих с собою последние крохи и без того обнищавших жителей, без малейшего проявления деятельности земской в смысле народного просвещения, т. е. увеличения просветительно-культурных начинаний или средств в населении, народного здоровья и народного продовольствия (цит. по: [Мартirosian 1933: 102—104]).

Последний наместник Кавказа граф И. И. Воронцов-Дашков, заступивший в должность в крайне неспокойном 1905 г. и прослуживший на этом посту десять лет, относившийся к Кавказу как к «величине совершенно особого рода», пытался осуществить ряд преобразований, которые смягчили бы социальную и политическую обстановку в крае. Не распространяясь на данную тему (подробнее см.: [Исмаил-Заде 2005: 111—170]), отметим лишь, что Воронцов пытался урегулировать этноконфессиональные конфликты в Закавказье, поддерживал инициативу учреждения самостоятельного духовного управления для мусульман Северного Кавказа, а также земств. Он стремился повлиять на ход развития переселенческого движения в регион крестьянства из центральных губерний страны, одновременно урегулировав земельные отношения в местной среде путем закрепления за жителями земель, состоявших в беспорном владении сельских обществ и отдельных лиц. Во «Всеподданнейшей записке по управлению Кавказским краем», представленной им на имя императора Николая II в феврале 1907 г., помимо прочего отмечались целесообразность постепенного «распространения на мусульман всеобщей воинской повинности, при условии отбывания ее в особых мусульманских частях», необходимость урегулирования податного налога. Он ратовал за прекращение наметившейся в 1880-е гг. «борьбы с местными языками» в школьной политике и предлагал план развития школ и педагогических заведений⁶. Констатировал, что система военно-народного управления изжила себя, и предлагал реорганизацию административного управления Краем, а также судебного устройства с целью поставить суд «вне сферы влияния на его решения административных властей». Отмечая в качестве одной из главных причин роста преступности «полное отсутствие самоуправления и вообще самостоятельности сельского общества», поднимал вопрос о переустройстве сельского управления [Исмаил-Заде 2005: 329 и след.; 2001].

План реорганизаций был обширен и основан на довольно тщательной оценке проблем, остро ощущавшихся в жизни населения кавказского, в том

⁶ «Таким образом, школа по системе Ильминского, — отмечалось в этом документе, — приспособляется к каждой национальности и ее бытовым условиям... Язык преподавания в течение первого года обучения в этих школах должен быть родной для учеников; начиная со второго года обучения можно постепенно вводить и русский язык, и только в третьем отделении можно вести обучение уже на русском языке... Программы школ должны вырабатываться применительно к местным условиям данной народности». А в Дагестане, как было известно Воронцову-Дашкову, «14 разных самостоятельных языков, не считая наречий» [Исмаил-Заде 2005: 334, 335].

числе и северокавказского, общества. Однако он остался почти полностью не реализованным.

И это подвело к событиям, которые получили место в истории революционных 1905—1907 гг., но со своей спецификой. Непосредственный свидетель происходивших в это время в регионе событий жандармский офицер Полозов немного позднее отмечал:

Революция 1905—1907 годов на Кавказе протекала повсюду неодинаково. Здесь она имела иной характер, нежели в других частях Империи... Чечня, Ингушетия, Кабарда, Дагестан и остальные мусульманские области оказались чужды политическим требованиям русских революционных партий. Они на деле доказали свою преданность Белому Царю и верность России, охотно вступая в ряды формировавшейся тогда в центральных губерниях конной стражи из добровольцев. Правда, в Терской области, где оперировал неуловимый Зелимхан, число абреков несколько увеличилось. Политика не политика, а отчего же не разбойничать и не свести счеты с кровниками, благо полиция и войска заняты, одни — рабочими беспорядками на нефтяных полях, а другие ослаблены выделением частей в Манчжурию, на войну с Японией. В общем же на Северном Кавказе было сравнительно тихо... (цит. по: [Бобровников 2002: 81]).

То же фиксируют и другие авторы. Кубани и Адыгеи общественные волнения практически не коснулись [Алиев и др. 1927: 57]. В Дагестане они не имели выразительных форм и «лишь слегка задели Чечню» [Ошаев 1928а: 7]. В Осетии, в целом, казалось бы, более других благорасположенной к России, очевидными стали антирусские настроения и действия [Апухтин 1926: 162]. А влияние «анархических, деклассированных элементов» вылилось в алагирский погром, в разгром мизурской, садонской и фаснальской горнодобывающих фабрик. По оценке историка начала 1930-х гг., эти события в расширенном виде повторяли набеги абреков [Буркин 1931: 17, 18]. В число крайне немногочисленных проявлений революционной активности в национальных районах Северного Кавказа было внесено и следующее: «30 августа. Ингуши произвели нападение на станцию Беслан и устроили крушение поезда» [Революция на Северном Кавказе 1926: 219].

Впрочем, в это же время «национальные чувства», которым была представлена относительная возможность легализоваться, начали проявлять себя в области культуры и просвещения. Учителя Осетии ставили вопрос о сокращении часов на преподавание закона божьего, об исключении из программы славянских языков (т. е. русского) и о необходимости «ввести осетинский — как обязательный» [Апухтин 1926: 162—168]. Стали издаваться (хотя просуществовали недолго, так как были закрыты административными органами) газеты на осетинском языке, обсуждалась идея издания первой книги на ингушском языке⁷. В эти годы и позднее появились исторические сочинения об Осетии, Дагестане, кабардинцах и некоторых других народах региона [Гата-

⁷ Впрочем, подобная деятельность далеко не всегда вызывала отклик среди национальной интеллигенции. В 1912 г. осетинское издательское общество информировало публику, что, хотя им было намечено издание на осетинском языке брошюр «Как создаются законы», «Наша налоговая система» и «Прошлое Осетии», был объявлен конкурс и обозначен гонорар, однако желающих включиться в эту деятельность не нашлось. Редакция намеревалась обойтись собственными силами. А на первых порах была готова издать на осетинском языке сказку Андерсена «Соловей» и рассказ Короленко «Сон Макара» [В издательстве 1912].

гова 2011: 259—263]. За предреволюционный (до 1917 г.) десятилетний период в столице Дагестанской области Темир-Хан-Шуре было издано более двух сотен наименований книг на аварском, даргинском, кумыкском, лакском и других языках народов Кавказа [Магомедханов 2008: 79]. С очевидностью активизировалось формирование «этнического» самосознания. И хотя его выразителем являлась на тот период немногочисленная национальная интеллигенция, однако остановить соответствующий процесс уже вряд ли было возможно.

В Государственной думе разных созывов работала мусульманская фракция (правда, весьма немногочисленная), среди членов которой (в 1-й и во 2-й Думе) был и чеченец Т. Эльдарханов, представлявший интересы горцев (хотя в основном безрезультатно) (см., например: [Дарчиева 2009; 2013])⁸.

Разносторонне оценивая положение на Кавказе, равно как и в других «инородческих» окраинах империи, можно поставить под сомнение распропагандированный в то время левыми социал-демократами тезис о Российской империи как «тюрьме народов». В 1914 г. В. И. Ленин писал:

Вся политика правительства по отношению к... «инородцам» сразу станет понятной, естественной, неизбежной, если взглянуть правде в лицо и признать несомненный факт, страна переживает состояние плохо прикрытой гражданской войны. Правительство не управляет, а воюет [Ленин 1961в: 65].

Такую оценку отличал публицистический задор⁹, однако она широко использовалась партией большевиков в пред- и послереволюционные годы. Впрочем, не только ею¹⁰.

⁸ О порядке выборов в Государственную думу от губерний и областей Кавказского края см.: [Государственный строй 1995: 106—111].

⁹ Трудно судить, насколько хорошо Ленин знал обстановку в разных национальных окраинах империи. Скорее всего, в подобном высказывании он ориентировался на ее европейские регионы — Финляндию, Польшу, Прибалтику (не случайно именно их «отпадение» от советского государства было так или иначе санкционировано руководством последнего).

¹⁰ Приведем цитату из публикации «Конец века», появившейся в 1905 г. из-под пера великого Льва Толстого: «Что такое Россия?.. Кавказ со всеми своими народами? Казанские татары? Ферганская область?.. Все... это чужие народы, желающие освобождения от того соединения, которое называется Россией... Соединение это держится только той властью, которая распространяется на эти народы...»

«Задором» не были обделены и представители других политических взглядов. Например, директор народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей А. Е. Алекторов писал: «Еще раз приходится повторить, что наша политика по отношению к завоеванным народам была не только всегда политической братства и равноправия, но и политикой самопожертвования. Это мы сознаем и этим имеем полное право гордиться перед многими другими народами» [Алекторов 1906: 70]. И он с удовольствием цитировал Исмаила Гаспринского — крымско-татарского просветителя и политика, который в одном из первых номеров издававшейся им газеты «Терджиман» («Переводчик») писал: «Не однажды говорилось нами о замечательно уживчивом и гуманном характере русского человека. В первом слове нашем, предшествовавшем изданию газеты, мы писали, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покоренному, вообще чуждому племени, как наши старшие братья, русские. Русский человек и простого и интеллигентного класса смотрит на всех живущих с ним под одним законом как на своих, не выказывая, не имея даже племенного себялюбия» [Там же: 3].

Инородцы и формирование национальных движений

Вопрос о том, кто официально значился в Российской империи «инородцами», что подразумевало данное понятие в тех либо иных контекстах, привлекал и привлекает внимание представителей разных общественных и политических кругов с рубежа XIX и XX вв. по настоящее время.

Сошлемся на официальные документы империи той поры: «Совет министров в сентябре 1906 г. отмечал, что одинаковыми правами в отношении государственной службы пользуются все российские подданные, за исключением инородцев, к числу коих по действующему закону... относятся некоторые стоящие на самой низкой ступени гражданского развития народности (сибирские инородцы, самоеды Архангельской губернии, кочевые инородцы Ставропольской губернии, калмыки, кочующие в Астраханской и Ставропольской губерниях, киргизы Внутренней орды, инородцы областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и инородческое население Закаспийской области), и также евреи». Далее, уже от себя, он добавлял, что «к инородцам, таким образом, относилась лишь часть мусульманского населения империи — различные туркестанские этносы» [Особые журналы 1982: 336].

Заметим, что в официальном определении того, кого следовало считать «инородцами», определенно делался акцент на кочевые народы, а также народы Севера и Сибири.

Исследователь мусульманского движения в стране в тот период С. М. Исхаков назвал «недоразумением» встречающиеся в литературе (преимущественно зарубежной) указания на официальное причисление к этой категории населения империи горцев Кавказа [Исхаков 2007: 120]. Вопрос об обладании горцами Кавказа «одинаковыми правами в отношении государственной службы» особый, к нему мы обратимся позднее, а сейчас еще о понимании «инородческого вопроса» в то время в широком контексте.

В 1910 г. увидела свет солидная по объему и содержанию коллективная монография под общей редакцией А. И. Кастельского «Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия». Автором раздела, посвященного инородцам, стал к тому времени уже известный этнограф Л. Я. Штернберг. Помимо конкретной темы он затронул и теоретические вопросы этнических (национальных) движений.

Л. Я. Штернберг писал:

Термин инородец (здесь и ниже выделено автором. — Ю. К.) понимается на языке правительства и националистической прессы в двояком смысле — политическом и технико-юридическом. В политическом и главнейшем значении этого слова основным признаком инородчества является язык. Только население, говорящее на великорусском наречии, имеет привилегию на звание русского народа.

В технико-юридическом смысле под инородцами подразумевается целый ряд неславянских племен, которые в законодательном отношении поставлены в особое положение.

Он перечислил эти народы (список совпадает с приведенным выше, с включением в него и горцев Кавказа), отметив практическую непригодность «этой квалификации» и «бесцеремонность» вершителей законов.

И далее автор стремился осветить теоретические аспекты национальных движений:

Для нашей цели — характеристики национального движения — термин «инородцы» может иметь только одно толкование, именно то, которое ему придается в этнографическом понимании слова, т. е. группы народов либо совсем чуждых, либо только в очень незначительной степени приобщившихся к европейской культуре [Штернберг 1910: 532].

Для превращения народа в национальный коллектив, сознающий себя таковым, недостаточно, конечно, одной наличности тех или других обычных элементов народного бытия, как территория, язык, вера, сходство обычаев и образа жизни и т. д. Это все сырые материалы, требующие особой огненной спайки в горниле общего организованного сотрудничества, общей борьбы за самосохранение, общих исторических действий или, по крайней мере, общих исторических эмоций — как результата совместной борьбы или переживаний; необходимы, кроме того, благоприятные условия, чтобы такие эмоции не теряли своей живости и яркости в памяти народа [Там же: 546].

...Мы видим кроме внешнего стимула гнета, опасности, другой великий стимул рождения и возрождения национальности — стимул извне пришедшей идеи свободы. Необходима наличность той или другой социальной организации (напр., родовой, племенной), способной в нужную минуту направить разрозненные действия в одно общее русло, либо, если все следы исторической организации успели сойти со сцены, наличность интеллигенции — духовной или светской, смотря по обстоятельствам, — способной заразить массу собственным энтузиазмом к борьбе за национальное освобождение. Без организации, без фермента интеллигенции возрождение невозможно... В одной только области стимул опасности сохраняется — в области религии; но более или менее организованную самооборону и сотрудничество... мы находим только у народностей магометанских [Там же: 547, 548]¹¹.

Другая статья в этом же сборнике принадлежала перу В. Водовозова и называлась «Национальность и государство»; ее содержание перекликалось с размышлениями на соответствующие темы Штернберга. Этот автор писал:

Антропология до сих пор далеко не выяснила, что такое национальность; более того, самый вопрос о том, существует ли она как реальное антропологическое явление, или же представление о национальном типе есть не более чем одна из человеческих иллюзий, не может считаться окончательно решенным. Никто не сомневается, однако, что если не как антропологический факт, то, по крайней мере, как иллюзия, национальность не только существует, но имеет могущественное влияние на умы человечества и является причиной многих и при том весьма важных политических событий; в этом смысле она вполне конкретный исторический факт [Водовозов 1910: 729]¹².

¹¹ Обсуждение проблем «национальности» и сам процесс «этнизации» общественных явлений получил развитие во второй половине XIX в. Соответствующую работу с 1870-х гг. начали осуществлять работники статистических комитетов, географы, этнографы. Обращению российского общества и чиновничества к национальным вопросам способствовали и активно развернувшиеся в это время национальные движения в Западной Европе (см.: [Кадио 2010: 30 и след.]).

¹² Звучит вполне современно в свете не прекращающейся в течение последних десятилетий дискуссии о том, что такое «этнос», «этничность» и т. п.

Появление подобных научных опусов красноречиво свидетельствовало о злободневности национальной проблематики в начале XX в., и публикация солидной коллективной монографии, посвященной «национальным движениям», закономерна¹³. А рассматривались в ней соответствующие сюжеты на примерах империй, что тоже естественно. В первую очередь, на примере империи Российской и применительно к «дню текущему», т. е. ко времени после революции 1905—1907 гг., которая определенно выявила немаловажное значение национального фактора в общественно-политической жизни страны.

Известный в свое время публицист М. А. Славинский в той же книге писал:

В продолжение всей, хотя и недолгой законодательной деятельности имперского парламента — государственной думы, национальные вопросы возникали обычно как элемент вводный. И хотя они трактовались иногда бурно и страстно, но не эти вопросы создавали почву для внутренних парламентских конфликтов и трений. Самым ярким и цельным моментом в этом отношении является, несомненно, ответный адрес первой Государственной думы, отразивший в себе, как в фокусе, настроение имперского населения в тот период. Отношение к национальному вопросу в России получило здесь свое выражение в следующем фрагменте: «Государственная дума считает необходимым указать в числе неотложных задач своих и разрешение вопроса об удовлетворении давно назревших требований отдельных национальностей. Россия представляет государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединение всех этих племен и народностей возможно только при удовлетворении потребности каждого из них сохранять и развивать своеобразие в отдельных сторонах быта. Государственная дума озабочится удовлетворением этих справедливых нужд» [Славинский 1910: 299].

После прений прогрессивная часть Думы приняла это обращение к правительству, консервативная же проигнорировала голосование по данному вопросу [Славинский 1910: 299].

К этому все же можно добавить мнение современного западного исследователя Веры Тольц о том, что, вопреки современному устойчивому мнению, «на рубеже XX века национальное строительство и сохранение имперских структур не считалось несовместимым» [Тольц 2013: 41].

В это время позиции политических партий в отношении национального вопроса варьировали весьма значительно.

Самая правая партия мирного обновления говорила, что «предоставление автономного управления отдельным областям... не должно простирается далее признания за ними законодательных полномочий по вопросам исключительно местного значения». Примечательно, что такой же «скудной и неот-

¹³ Данная проблематика заботила и лидеров политических партий. Так, глава партии кадетов П. Н. Милюков посвятил ей отдельную солидных размеров книгу (правда, уже после всех революций). Разбираясь в проблемах «национальности», он писал: «...Сочетание признаков в каждой национальности, конечно, различно. Но, во-первых, известное сочетание признаков необходимо для того, чтобы существовала национальность; во-вторых, национальность не есть только сумма признаков, ее составляющих, а известный интегрированный результат их взаимодействия, нечто специфическое в ряде форм социального объединения. Нет, конечно, надобности представлять себе национальный „организм“ или национальную „душу“ как нечто реальное, существующее отдельно от тех индивидуумов, которые являются конкретными носителями этой „души“». В этом отношении я... отрицательно отношусь к „социологическому реализму“» [Милюков 1925: 66].

четливой» охарактеризовал Славинский позицию по национальному вопросу самой левой — социал-демократической партии, провозгласившей право наций на самоопределение и декларировавшей права национальных языков, а также «областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются бытовыми условиями и составом населения». Он подчеркивал:

В программе партии, охотно рисующей будущий социальный и политический строй в самых детальных подробностях, будущее национального вопроса осталось вне поля зрения; партия не сумела даже различить границ этого вопроса от соседнего, но далеко не идентичного с ним вопроса областного [Тольц 2013: 298].

В целом он отмечал, что «национальные суждения, представляющие собою, в сущности, не более как аморфную массу настроений», в это время начинали «кристаллизоваться в определенные политические формы» [Тольц 2013: 299].

Все возрастающее значение «национальности» как «нечто сознанный, как цели, все резче и ярче выделяющейся на общем фоне социального бытия», отмечал и редактор данного издания А. И. Кастелянский.

Она (национальность. — Ю. К.) становится регулятором общественной совести, до известной степени сообщает направление всему общественному руслу. В реальной, повседневной жизни национальность выступает пред нами как цельная сила, как самостоятельный, довлеющий себе фактор [Кастелянский 1910: IV—V].

Конец XIX—начало XX в. явились своего рода эпохой упрочения национального вопроса в жизни Европы и сопряженных с ней территорий. Однако проявлялся данный фактор не сам по себе, а в качестве одной из составляющих социал-демократического движения, которое с недавних пор само переживало подъем. Это отчетливо сознавалось многими. В настоящем случае для нас представляет интерес мнение ученого-юриста, историка, литературоведа и дипломата князя Зураба Давидовича Авалишвили (Авалова), в те годы являвшегося профессором и заведующим кафедрой административного права Санкт-Петербургского политехнического института. Приведем пространную цитату из его статьи, помещенной все в том же издании, имея в виду, что он довольно четко определил место национального движения в общем строе общественно-политических процессов в Грузии — одной из достаточно развитых национальных, к тому же кавказских, окраин Российской империи.

Начиная с первой половины девяностых годов в общественную жизнь Грузии врезывается новое явление — социалистическая пропаганда... Социал-демократическое движение в Грузии как таковое, т. е. если брать буквально его лозунги, относится, конечно, не к области национального вопроса, а к сфере международного социализма, причем не следует ни на минуту забывать, что грузинская социал-демократия является составной частью российской, и что нигде национальный принцип, по крайней мере на словах, не изгонялся так настойчиво и так прямолинейно — из программ, тезисов, платформ и пр., — как в деятельности именно грузинской социал-демократии (как будет показано дальше, эта словесная, показная сторона далеко не вполне соответствует конкретной роли грузинских с.-д.). Как бы то ни было, возможно формулировать следующее положение: в начале XX в. в Грузии наибольшим успехом пользовалась партия,

наиболее равнодушная к вопросам национальной культуры и, в частности, к вопросу об автономии или самоуправлении Грузии.

Это тем интереснее, что вопрос о политической самостоятельности Грузии, в течение предшествующего времени не возбуждавшийся, выдвигается спустя несколько лет после первых успехов социал-демократической пропаганды. А именно, небольшой кружок литераторов и общественных деятелей, относясь отрицательно к централистическим увлечениям и предрассудкам грузинских социал-демократов, выступил с проповедью такой программы, в которой идея автономии Грузии совмещалась бы с началами социализма [Авалов 1910: 485—486].

...Торжество его (социализма. — Ю. К.) над национальной идеей объясняется... выступлением вперед на фоне обезличенной и неорганизованной народности, вопросов социальных. При таких условиях идея национального возрождения легко смешивалась — иногда благодаря святой невинности, иногда благодаря подтасовке — с идеей реставрации прежней Грузии — царской, дворцовой, церковной. Национальный нигилизм (договаривались до лозунгов «Долой Грузию») казался поэтому единственным выходом, а социализм представлялся единственным знаменем будущего. Но не имея под собой достаточно разработанной... почвы, не будучи в Грузии порождением культуры... социализм, в сущности, являлся и является знаменем, за которым кроются явления и стремления иного порядка, и прежде всего крестьянские аграрные стремления... направленные не столько на социализацию земли, сколько на освобождение ее от пережитков средневековых повинностей и зависимости и к наделению безземельных [Там же: 489—490]¹⁴.

Завершал же он статью такими словами:

Но кто станет сомневаться, что Кавказу предстоит сделаться страной национальных вопросов, трений, столкновений? Пред русской властью открывается достаточный простор, чтобы обнаружить политический смысл; местным народам есть где показать меру своей энергии и благоразумия [Там же: 493].

Национальные вопросы в первое десятилетие XX столетия действительно давали о себе знать на Кавказе. Однако примечательно, что, как и говорил З. Д. Авалишвили, в первую очередь они представляли через земельный вопрос. В наиболее оформленном виде это изложено в публикациях Ахмеда Цаликова¹⁵. В одной из них он писал:

Масса туземцев инстинктивно (выделено нами. — Ю. К.) сочувствует идее передачи в руки нации, а не области, всего земельного фонда, расположенного в пределах национальной территории. Это была бы, если можно так выразиться, «национальная муниципализация». Укажем, что много лет тому назад кабардинцы без всякой сторонней агитации на одном из своих народных собраний вынесли резолюцию, которую признает теперь вся Кабарда, — что все земли, находящиеся на кабардинской территории, они признают собственностью всего кабардинского народа и распоряжаются ею при помощи своих выборных [Цаликов 1906: 108—109].

¹⁴ В контексте подобных оценок, очевидно, допустимо рассматривать и выступления представителя социал-демократии от Кавказа Н. С. Чхеидзе в Государственной думе [Кавказские депутаты 1912: 181—183; Зорин, Аманжолова, Кулешов 1999: 113, 117, 125 и др.].

¹⁵ А х м е д (Ахмет) Ц а л и к о в (1882—1928) — осетин-мусульманин, юрист, член социал-демократического комитета, образованного во Владикавказе в 1904 г., позднее лидер меньшевиков в Осетии, активист мусульманского движения в России.

Желательную «муниципализацию» земли, по его словам, можно было производить «только в рамках отдельных национальностей, иначе может возникнуть междоусобная национальная борьба», да и серьезных разногласий между сельскими обществами при этом трудно избежать¹⁶.

Пожалуй, самыми организованными (относительно) и требовательными в это время на Северном Кавказе оказались ингуши и осетины. Делегация от ингушей в июне 1905 г. настойчиво просила у представителя наместника Кавказа решения, помимо экономических вопросов (возвращения земель, перешедших в пользование казаков, возврата лесных полей, признания за ингушами права полной собственности на земли горной полосы и др.), также вопросов социальных и политических (отменить ограничения, установленные правительством для ингушей; предоставить ингушам право принимать участие в лице выборных депутатов во всех общих законодательно-представительных учреждениях Кавказа и России; ввести земские учреждения на началах, выработанных местными выборными силами; ввести общее обязательное начальное образование с преподаванием родного языка; наконец, выделить ингушей в отдельный ингушский округ) [Джабагиев 1905а]¹⁷.

В появившейся тогда же «Петиции осетин» ставился вопрос и о введении местного самоуправления, созыве собраний народных представителей на основе прямого, равного и тайного голосования [Гатагова 2011: 258].

Впрочем, это едва ли не единственные примеры проявления северокавказцами относительной политической зрелости. В основном их требования были более расплывчатыми, как, например, обращение представителей кабардинцев, осетин, ингушей и чеченцев, поданное ими в мае 1905 г., где выражалось требование о предоставлении им «общественных прав» [Революция на Северном Кавказе 1926: 201]. Десятью днями позже уже одно «осетинское сельское общество через своего уполномоченного подало наместнику Кавказа петицию о возвращении осетинам земли, отнятой казаками» [Революция на Северном Кавказе 1926: 203]. То есть комплекс акций, предпринятых в этот революционный год националами региона, преимущественно обозначал конкретную сторону волновавших их проблем, вовсе не расширяя ее до проблем политических. Практически о том же в 1906 г. доносил царю Б. М. Колюбакин (генерал-лейтенант генерального штаба и военный историк, долгое время служивший на Кавказе). Он отмечал, что, несмотря на «дружелюбное» отношение к русской власти, на «стеснение» в землепользовании, чеченцы не выказывали явного сочувствия революционному движению той поры. Генерал предлагал незамедлительно решить земельный вопрос, что, по его мнению, «благотворно повлияет на настроение горцев и на отношение их к русской власти», «приступить к правильной постановке школ с ремесленными отделениями, введению дешевого мелкого кредита, улучшению путей сообщения... и др. мерам, могущим дать населению заработок, поднять его благосостояние и тем отвлечь от занятия грабежами и разбоями». И относительно кабардин-

¹⁶ Далее А. Цаликов отмечал: «Одновременно с борьбой за землю среди осетин подымается поход и против духовенства и сельских властей» [Цаликов 1906: 109].

¹⁷ Требования были частично удовлетворены. В конце ноября 1905 г. было утверждено распоряжение «Об образовании в Терской области Назрановского округа», впрочем, только на 3 года, «дабы практически выяснить» результаты данной меры. Результаты оказались положительными, и в дальнейшем округ существовал на постоянной основе [Угурчиева 2006: 10]. Другие требования были отклонены.

цев генерал писал, что они «представляли элемент, мало поддавшийся влиянию революционных агитаторов». А применительно к ингушам отмечал, что отношения с казаками, одно время дошедшие у них было до перестрелок, к тому моменту в целом нормализовались, и предлагал правительству прийти на помощь этому народу в деле просвещения и культуры (цит. по: [Исхаков 2007: 238]).

Ахмед Цаликов явно преувеличивал степень сознательности и организованности народных масс. Съезд представителей сельских обществ Северной Осетии, который имел место после упомянутых погромов в Алагире и в других «фабричных» местах, он назвал ни больше ни меньше как «лебединой песней социал-демократии в Осетии в эпоху декабрьских событий» [Исхаков 2007: 112]. Однако эти мероприятия куда резоннее соотносить с традиционными формами выражения социальной активности и протеста в кризисные периоды истории. Влияние идей социал-демократии на крестьянскую массу здесь вряд ли правомерно усматривать. Не случайно советская публицистика 1920—1930-х гг., на которую мы ссылались ранее и в которой характеризовались события этой революционной поры среди горцев, вовсе не была склонна соотносить оные с собственно революционным проявлением активности масс. Нередко зафиксированные в те годы эксцессы соотносили с абречеством, и надо заметить — неспроста. Собственно абречество в то время действительно приобрело значительные размеры и яркие формы (вспомним того же Зелимхана), однако абреки не поддерживали городских революционеров, хотя, по оценке В. О. Бобровникова, начали вмешиваться в экономические и религиозные дела местных обществ. «О росте влияния абреков на народное сознание, — пишет автор, — свидетельствует стихийная канонизация в это время ряда погибших абреков, объявленных святыми (шейхами)» [Бобровников 2002а: 82].

Преувеличивал степень политической сознательности кавказцев как таковых и Вассан-Гирей Джабагиев, активный общественный, позднее и политический деятель из ингушей¹⁸, который писал осенью 1905 г.:

Автономное самоуправление! Вот тот девиз, тот лозунг, вокруг которого объединяются в настоящее время все народы и все религии Кавказа (выделено в оригинале. — Ю. К.). Это требование выставлено решительно на всех петициях, исходявших от общественных учреждений, социальных организаций или частных лиц... Конечно, последнее должно быть построено на таких началах, чтобы не повредить принципу целостности и единства нашего великого отечества. Кавказ не хочет окончательно разрываться с Россией, которая дала ему уже начатки культуры и промышленного прогресса, да он и не способен к отдельному политическому существованию. Тысячи причин заставляют, да и заставят его и в будущем держаться за метрополию. Он хочет только освободиться от русского чиновничества, чуждого ему по духу, воспитанию, крови и симпатиям... [Джабагиев 1905б].

¹⁸ Вассан-Гирей Джабагиев (1882—1961) получил образование во Владикавказском реальном училище, затем учился в Дерптском (по другой информации — в Рижском) политехническом институте, где окончил сельскохозяйственный факультет, затем в Йенском университете. До февральской революции служил в Департаменте земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ России. В Союзе объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана был заместителем председателя, а затем председателем парламента. Являлся автором декларации о независимости данного государственного образования, одним из авторов его конституции. С начала 1920-х гг. находился в эмиграции.

Он преувеличивал, так как в другом месте констатировал, что наряду с «пробудившимся национальным сознанием туземных народов... Дагестан еще молчит. Воинственные горы Северного Кавказа только нехотя примыкают к движению» [Джабагиев 1906].

Волнения, охватившие страну, в ее областях имели свои особенности, далеко не всегда определявшиеся политической составляющей. Социальная активность, которой присущи разные, но взаимосвязанные аспекты и формы (собственно политические, а также экономические, национальные и т. д.), в данном случае проявлялась недифференцированно. По замечанию А. Цаликова, в Северной Осетии, где большая часть солидных землевладельцев, представителей знатных сословий исповедовали ислам, а основная крестьянская масса — христианство, конфликт между ними получил форму межконфессиональных осложнений [Цаликов 1906: 105]. При первых попытках грабежей алдары (представители знатного сословия и основные землевладельцы) на своем съезде в марте 1905 г. решили довести до сведения нападавших, что если грабежи не прекратятся, то они призовут мусульман из соседних Кабарды и Чечни и разгромят одноплеменников-христиан [Джанаев 1988: 162, 181—183].

В это время национальные движения в среде горцев только формировались. Ахмед Цаликов как представитель национальной интеллигенции, на особую роль которой в сложении «национальности» обращал внимание Л. Я. Штернберг, был выразителем известных чаяний и своего рода запалом в данном многосложном процессе. Впрочем, он и сам не был склонен придавать национальному фактору самодовлеющего значения. Показательно, что после Февральской революции он ратовал за объединение всех мусульман и формирование общероссийского мусульманского движения, отмечая ущербность постановки вопроса о национальных автономиях [Цаликов 1917] ¹⁹. В свою очередь, министр иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Гайдар Бамматов заявлял весной 1917 г., что национальный вопрос для мусульман России может быть разрешен только на основе ислама [Казанбиев 1960: 11]. Одновременно показательно, что другой активный общественный деятель Осетии той поры Гиго Дзасохов ²⁰, говоря о необходимости введения земского самоуправления в кавказских областях как «крупницах свободы в деле устройства своей жизни» местными народами, в то же время являлся противником создания национальной литературы и развития национального самосознания, считая это «праздными затеями». В 1910 г. он писал:

По-моему, вся работа нашей интеллигенции должна быть направлена к тому, чтобы развивать в своем народе человеческое самосознание, и к скорейшему введению нашей нации в общую семью культурных людей. Для этого нет надобности в создании именно национальной литературы. Письменность осе-

¹⁹ Примечательно, что в это же время другой крупный деятель мусульманского движения в России башкир А.-З. Валидов критиковал точку зрения о существовании единой мусульманской нации и отмечал, что, решая вопрос будущего государственного устройства, необходимо иметь в виду интересы и право на самоопределение даже самых малочисленных народностей [Исхаков 2004: 175].

²⁰ Гиго Дзасохов, учитель, по оценкам современников, «главный вдохновитель и руководитель осетинской революции... Фанатик чистой воды, который причислял себя к первым из передовых борцов за свободу». Он издавал собственную газету «Искра» и «настоятельно требовал созыва Учредительного собрания и скорейшего свержения правительства» [Революция на Северном Кавказе 1926: 177].

тинская должна быть поддерживаема лишь как средство к скорейшему привитию массам культурных понятий. Национальная физиономия как сумма отличительных признаков должна быть стираема, а не оберегаема [Дзасохов 2006: 147, 148].

Красноречивое пояснение к оценке уровня развития национальных движений в Северо-Кавказском регионе.

В этой связи сошлемся и на выводы Л. С. Гатаговой, изучающей вопросы этнических процессов и национальных движений на Северном Кавказе в XIX—XX вв. Она констатирует, что «разрушение традиционных структур и привычных форм социального взаимодействия способствовало усилению этнической формы солидарности», однако и в первое десятилетие XX в. последняя не обрела отчетливых и выразительных форм [Гатагова 2009; 2011] ²¹.

Ко второй русской революции обстановка в Северо-Кавказском регионе в целом изменилась ненамного ²². На первом месте оставался насущный земельный вопрос, собственно национальная тематика фигурировала мало. «События, — с сожалением констатировал в мае 1917 г. кумыкский князь и министр Горской Республики Р.-Х. Капланов, — застали нас врасплох; мы не были подготовлены, не были организованы» [Исхаков 2004: 204]. О том же через годы, находясь в эмиграции, писал крупный политический деятель той поры — министр иностранных дел «Союза горцев» Гайдар Бамматов (кумык по национальности) и конкретизировал:

...Одним из основных наших несчастий было отсутствие у нас кавказской психологии и неумение разобраться в физической и этнографической карте Кавказа и сделать вытекающие отсюда для народов Кавказа политические выводы [Исхаков 2004: 48].

²¹ Впрочем, общественно-политическая обстановка в регионе уже со второй половины XIX в. была неоднозначной. Ускорились процессы этно- и нациегенеза, что выкристаллизовывало проблемы их взаимоотношений с «центром» и «аккумулировало мощный конфликтогенный потенциал» на территориях совместного жительства [Гатагова 2001: 48].

²² В других регионах страны обстановка была гораздо более напряженной. На это влиял ход мировой войны и заявления зарубежных лидеров (Представители Антанты, в частности, открыто декларировали, что расчленение России на несколько государств осложнит военную ситуацию для Германии) [Милуков 1925: 176, 180; Революция и национальный вопрос 1930: XXII]. Томас Вудро Вильсон — президент США — выдвинул «14 пунктов программы мира», в которой говорилось о самоопределении народов и защите прав меньшинств. Как отмечал большевистский функционер на поприще национальной политики С. М. Диманштейн, если до войны сепаратистские тенденции проявлялись только у поляков, финнов и в некоторых слоях украинского населения, то во время войны они усилились почти по всей стране. За границей была организована «Лига русских народов», которая в мае 1916 г. обратилась к Вильсону с коллективной жалобой на положение национальностей в России (среди них были мусульмане и грузины), заявляя: «Придите нам на помощь, спасите нас от гибели» [Революция и национальный вопрос 1930: XXI]. После этого, на съезде «Союза национальностей», проходившем в 1916 г. в Лозанне, территориальной независимости потребовали представители Финляндии, Бухары, Хивы и одна польская группа, представители же черкесов и дагестанцев в целом нерешительно просили страны Антанты освободить их от московского ига, а члены грузинской делегации «воздержались от всякого практического вывода» [Милуков 1925: 181—182]. Открытием школ и организацией обучения на родном языке в это время ограничивали свои требования к Временному правительству и западные адыги [Хлынина 1997: 16].

Однако бурные события в столице, отречение императора, слом прежней системы государственного устройства не могли не отразиться на общественных настроениях северокавказцев, которые происходили на фоне борьбы за власть на местном уровне (в Чечне таковая происходила между мулльскими группами и интеллигенцией, в Ингушетии — между офицерством и интеллигенцией) (см.: [Исхаков 2004: 206—207]). Воины Кабардинского и Ингушского полков, узнав о произошедшем в центре, заявляли, что готовы принять к себе свергнутого царя [Там же: 132—133]. Первый съезд представителей чеченского народа выразил поддержку Временному правительству [Там же: 150]. Общественное настроение и сознание эволюционировало в русле событий текущих дней. Впрочем, не очень быстро, ибо критичность переживаемого момента многими осознавалась более чем отчетливо. Представитель Союза горцев Намитоков в сентябре говорил:

Сейчас мы наблюдаем такое гнетущее зрелище какого-то политического садизма, висекции над изнемогающим телом страны, что говорить о тех или иных требованиях — это нужно потерять, я бы прямо сказал, совесть и чувство гражданского долга (цит. по: [Исхаков 2004: 347]).

Когда в апреле 1917 г. к Н. С. Чхеидзе — меньшевику по партийной принадлежности и председателю исполкома Петербургского совета рабочих и солдатских депутатов, одного из главных органов новой власти в стране, — пришли представители Туркестана с заявлением, что они желают добиваться «автономного режима» для этой части страны, он испугался такой постановки вопроса и отговаривал их от подобных намерений [Чокаев 2001: 11—12]. Примечательно, что через год, после большевистского переворота, который Чхеидзе не принял, он уехал в Грузию, где возглавил Закавказский сейм и Учредительное собрание Грузии, т. е. активно соучаствовал в организации уже не автономной, а независимой от России республики.

О концепции национальной политики большевиков

Так или иначе, политические события в империи развивались довольно быстро, и национальный вопрос в них занимал важное место (о чем, в частности, свидетельствует появление обширно цитированной выше книги по национальному вопросу в империях).

Наступил 1917 год. Время бурного выражения эмоций и политических деклараций, естественно, не могло оставить в стороне правительство и основные партии по ставшему с очевидностью «болезненным» национальному вопросу.

Из речи главы Временного правительства А. Ф. Керенского при открытии Государственного совещания в Москве 12 августа 1917 г.:

...Процесс распада и распыления на все новые и новые, враждующие между собой партии и группы сталкивается с все более и более поднимающим голову стремлением некоторых национальностей государства русского искать спасения не в более и более тесном единении с живыми силами государства российского, а в стремлении все больше и определеннее отмежевать судьбу свою от нас, одинаково и бескорыстно борющихся и борющихся за свободу и самоопределение всех народов державы нашей [Революция и национальный вопрос 1930: 54].

Осенью того же года, т. е. с явным запозданием, Временное правительство заявило, что, «исходя из незыблемого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом и что совесть народа не может мириться с ограничениями прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения», оно признало «за всеми народностями права на самоопределение на основах, которые будут выработаны Учредительным собранием» [Революция и национальный вопрос 1930: 53, 56].

Одновременно основные (в той или иной степени левой ориентации) политические партии страны обнародовали свои взгляды по национальному вопросу.

В Программе радикальной партии говорилось, что она считает «нужным установить принцип широкой национально-политической автономии», который может быть допущен «без всякого ущерба для целостности России» [Программы партий 1992: 84—85].

Лидер партии конституционных демократов П. Н. Милюков в мае 1917 г. заявлял, что «партия народной свободы попытается найти решения, которые, давши возможность отдельным местностям России создать у себя автономию на началах местного законодательства, в то же время не разрушили бы государственного единства России» [Там же: 79].

На съезде социалистов-революционеров (июнь 1917 г.) было оглашено:

Решать национальный вопрос надо исходя из интернационализма. Культура — интернациональна, национальны лишь ее формы. Но содержание и форму разделить нельзя. Для сближения национальностей необходимы автономные формы. Будущее России — федеративная демократическая республика с территориально-национальными автономиями «в пределах этнографического расселения народностей» [Там же: 87, 88].

Представители объединенной РСДРП (меньшевики) тогда же говорили:

...При сохранении прочного общегосударственного единства с.-д. будут добиваться самого широкого самоуправления (вплоть до полной автономии) для областей, отличающихся своими национальными, экономическими или бытовыми условиями. Но при многоплеменном составе населения России ни самоуправление, ни автономия отдельных областей не устраняет попыток угнетения одних наций другими. И с.-д. будут бороться против всяких таких попыток... [Там же: 97]

Взгляды большевиков (левого крыла социал-демократии) отличались большей решительностью по отношению к изменениям в данном аспекте.

Реалии общественной жизни в Европе и развитие науки подвели к тому, что «нации», «народы» стали интерпретироваться как своеобразная объективная реальность и субъект политики. Российская социал-демократия в лице большевиков практически напрямую соотнесла якобы основную движущую силу исторического процесса — классовую борьбу с отношениями между народами — большими и малыми, завоевателями и завоеванными. В 1904 г. И. В. Сталин, впервые обратившись к национальному вопросу, написал:

На арену борьбы выступил новый класс, пролетариат, — и вместе с ним возник новый вопрос, «национальный вопрос», «национальный вопрос» пролетариата [Сталин 1953: 35].

В свете этого положения межнациональные отношения должны были стать одним из главных объектов политических и социальных преобразова-

ний, за которые ратовали большевики в целях построения справедливого общества²³.

В данной связи представляет интерес то, что вкладывалось руководителями партии в понятие «нация». Соответствующее определение в 1913 г. было дано Иосифом Сталиным, которому Ленин доверил курировать национальную проблематику в русле формулирования основных задач партийной идеологии и программы. В появившейся тогда статье Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия», позднее фигурировавшей под названием «Марксизм и национальный вопрос», значилось:

Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры [Сталин 1939: 11].

В собрании сочинений «отца народов» 1946 г. в данное определение было внесено уточнение, а именно, что нация есть «устойчивая общность, возникшая на базе» (здесь и ниже выделено нами. — Ю. К.) языка, территории, экономической жизни и психического склада [Сталин 1946: 296], которые подавались в качестве четырех основных признаков подобной общности. Уточнение подразумевало, что перечисленные признаки являются только базой для формирования данной общности (подробнее см.: [Вдовин 1992: 20—21]).

Здесь надо отметить, что представленная Сталиным формулировка понятия «нация» восприняла главное из теоретических разработок Отто Бауэра и Карла Каутского. А «вдохновил» Сталина на написание упомянутой статьи В. И. Ленин, который, по оценке Льва Троцкого, и курировал работу официального автора над ней и в последующем отредактировал ее (подробнее см.: [Соколовский])²⁴.

Для нас в настоящем случае важно оттенить значение четырех признаков нации, которые в будущем станут основными направлениями нациестроительства в советском государстве. Это «общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Указанные признаки окажутся своего рода необходимыми и планируемыми рубежами, границами соответствующей работы партийно-советского аппарата в Центре и на местах.

²³ В изданиях 1920—1930-х гг. данная тема обыгрывалась по-разному, но практически неизменно оставалась в центре внимания: «Классовая борьба была... перенесена из области национальных взаимоотношений в плоскость интернациональной классовой борьбы. Лишь в среде отсталых крестьянских и патриархально-крестьянских наций октябрьская революция в первое время столкнулась с более или менее единым национальным фронтом» [Сафаров 1923: 216]; или: «Изменение классовых взаимоотношений ведет к тому, что, что национальный вопрос превращается в орудие классовой борьбы буржуазии против пролетариата, национальный вопрос используется в целях затемнения классовых противоречий» [Бройдо 1924а: 21]; либо: «Большевики никогда не забывали подчиненного значения национального вопроса по отношению к классовой борьбе пролетариата, но вместе с тем они энергично боролись против недооценки его» (С. М. Диманштейн в Предисловии к труду: [Революция и национальный вопрос 1930: XIX]).

²⁴ Для сравнения можно привести определение этноса, которое в первой четверти XX в. дал другой известный теоретик в этой области — С. М. Широкогоров: «Этнос — есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих общим складом быта, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличающихся ею от таковых других групп» [Широкогоров 1923: 13].

После этого небольшого отступления вернемся к основной теме данного раздела.

В силу специфики народонаселения страны национальный вопрос для социал-демократов, и особенно их левого крыла — большевиков, обретал свойства важного политического ресурса в борьбе за власть, а в дальнейшем в ее упрочении. Вскоре Сталиным же был сформулирован вошедший в партийную программу тезис о праве наций на самоопределение. Оно подразумевало самостоятельное определение нацией своей судьбы, когда никто не смеет насильственно вмешиваться в ее жизнь, ломать нравы и обычаи, притеснять язык и урезать права. Впрочем, это не означало, что партия была готова поддерживать любые национальные обычаи и учреждения [Сталин 1946: 49].

В 1914 г. В. И. Ленин огласил основные установки возглавляемой им партии по национальному вопросу, в которых подтвердил верность решениям Лондонского международного конгресса рабочих и социалистических организаций, провозгласившего «полное право самоопределения всех наций». Одновременно он писал:

Мы, социал-демократы, враги всякого (здесь и ниже подчеркнуто в оригиналах. — Ю. К.) национализма и сторонники демократического централизма. Мы противники партикуляризма, мы убеждены, что при прочих равных условиях крупные государства гораздо успешнее, чем мелкие, могут решить задачи экономического прогресса и задачи борьбы пролетариата с буржуазией. Но мы ценим связь только добровольную, а никогда не насильственную [Ленин 1961а: 70—71].

Очевидно, здесь Ленин во главу проблемы ставил задачи экономического прогресса и борьбы пролетариата, хотя в общесоциологическом и общеисторическом плане соглашался с Карлом Каутским в том, что «национальное государство есть правило и „норма“ капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение» [Ленин 1961г: 263]. Однако позднее борьбу пролетариата он вновь поставил во главу вопроса:

Что важно для пролетария? Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить максимум доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцам то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации [Ленин 1964: 359].

Впрочем, дискуссии по национальному вопросу в стане лидеров большевиков были весьма острыми. Так было в 1915—1916 гг., когда составлявшие так называемое левое крыло партии Н. Бухарин, Г. Пятаков и др. заявляли, что «лозунг „самоопределения наций“ прежде всего утопичен... и вреден как лозунг, сеющий иллюзии... Задачей социал-демократии является в текущий момент пропаганда индифферентизма по отношению к „отечеству“, „нации“ etc., что предполагает отнюдь не „государственную“ (протест против „распада“), а, наоборот, резко выраженную революционную по отношению к государственной власти и всей капиталистической системе постановку вопроса» (цит. по: [Революция и национальный вопрос 1930: XXX, XXXI]).

Схожие высказывания звучали на апрельской конференции 1917 г.

Г. Пятаков:

...Мы против сепаратистских движений, против лозунга национальных государств и ведем борьбу против таких движений. Раз это так, то «право наций на самоопределение» теряет реальную почву под ногами. Если занять такую позицию, то оказывается, что это право является бессодержательным правом. Социал-демократы провозглашают права, чтобы так или иначе их осуществлять. Если же мы говорим, что осуществлять эти права вредно, то непонятно, ради чего такое право провозглашается [Революция и национальный вопрос 1930: 13].

Ф. Махарадзе:

Тов. Ленин сказал, что у нас этот вопрос вот где сидит (показывает на горло). Это верно, товарищи... Что мы делаем, выставяя лозунг самоопределения наций? Кому мы даем козырь в руки? Тем ли, кто выступает за национальную автономию, или тем, кто борется с националистическими стремлениями? Хорошо провозглашать общие лозунги, но прежде следовало бы подумать о том, как их проводить в жизнь. Мы потеряли почву под ногами, под нами будет подрублен тот сук, на котором мы сидим... Единственно правильное решение национального вопроса — это самая последовательная демократизация общественной жизни. Национальный вопрос будет решен только при социалистическом строе. Национальное государство в настоящее время относится к прошлому, а не к будущему [Там же: 21, 22, 23].

Резолюция данной конференции по национальному вопросу, за которую ратовали В. Ленин, И. Сталин и Г. Зиновьев, была принята при минимальном преимуществе голосов. В ней говорилось:

Вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или другой момент. Этот последний вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Партия требует широкой областной автономии, отмены надзора сверху, отмены общего государственного языка и определения границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д. [Там же: 26]

При таких позициях по указанному вопросу и был совершен большевиками октябрьский переворот.

Одним из первых официальных заявлений пришедших к власти большевиков была «Декларация прав народов России», в которой говорилось о праве народов «на свободное самоопределение вплоть до отделения» [Политика 1920: 7]. Первая советская конституция (1918) определяла вновь созданное государство как «свободный союз свободных наций, как федерацию Советских национальных республик», где «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы» [Политика 1920: 9—10].

И в это же время Сталин писал:

Национальный вопрос нельзя считать чем-то самодовлеющим (выделено нами. — Ю. К.), раз навсегда данным. Являясь лишь частью общего вопроса о преобразовании существующего строя, национальный вопрос целиком оп-

ределяется условиями социальной обстановки, характером власти в стране и вообще всем ходом общественного развития. Это особенно ярко сказывается в период революции в России, когда национальный вопрос и национальное движение на окраинах России быстро и на глазах у всех меняют свое содержание в зависимости от хода и исхода революции [Сталин 1947а: 155].

Позднее, в ходе гражданской войны и при необходимости упорядочения межнациональных (а в реалиях того времени отчасти и межгосударственных) отношений и столкнувшись с откровенно националистическим фактором в ряде регионов, «левые большевики» вновь предложили принципиально пересмотреть отношение к тезису о праве наций на самоопределение. На Восьмом съезде РКП(б) (март 1919 г.) Н. Бухарин опять настаивал на замене последнего лозунгом самоопределения трудящихся каждой национальности, так как «нации» включают в себя и буржуазию [Восьмой съезд 1959: 47]. Г. Пятаков возражал и против такой постановки вопроса, заявляя, что только интернациональное объединение пролетариев может принимать решения с точки зрения движения в целом. Лозунг же о самоопределении, по его словам, являлся либо «просто дипломатической игрой... или... хуже... если мы берем это всерьез... Раз мы экономически объединяем, то все это пресловутое самоопределение не стоит и выеденного яйца» [Там же: 79, 80, 81].

В свою очередь, Ленин и его сторонники (Н. Осинский, Н. Томский) настаивали на более мягкой форме объединения наций в рамках советского государства: «...Хозяйственного единства... мы должны добиваться его пропагандой, агитацией, добровольным союзом» [Восьмой съезд 1959: 106]²⁵.

Реализовать национальную политику партии было доверено И. В. Сталину. По принципиальным ее вопросам он разделял взгляды вождя²⁶.

Основные положения собственной позиции по соответствующей теме Сталин изложил в 1920 г. (тезисы «Советская власть и национальный вопрос в России»), когда от теории уже надлежало переходить к делу. Эти положения сводились к следующему:

Центральная Россия не может держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, продуктами продовольствия. Окраины России, в свою очередь, об-

²⁵ Впрочем, предоставленные «самим себе» вновь создававшиеся в условиях войны автономии рассматривались в качестве «буферных зон», смягчавших удары международного империализма, а по окончании оной «буферность» автономий то же делала уже применительно к «чрезмерной советизации» [Хлынина 1997: 24].

²⁶ В свою очередь, Ленин, как известно, не поддержал Сталина лишь при определении условий союзного договора. Сохранился документ — письмо Сталина Ленину от 22 сентября 1922 г., в котором нарком по делам национальностей, обосновывая идею «автономизации», писал о своем понимании национальной политики в годы гражданской войны, которая расценивалась им как «демонстрация либерализма», а независимость республик — как «игра в независимость». «За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП(б) как обман и лицемерие со стороны Москвы. Мы переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру...» (цит. по: [Гимпельсон 1995: 214]).

речены на неминуемую империалистическую кабалу без политической, военной и организационной помощи более развитой Центральной России... Отделение окраин от России противоречит интересам народных масс как центра, так и окраин... Должна быть исключена так называемая культурно-национальная автономия как форма союза между центром и окраинами (Австро-Венгрия)... Единственно целесообразная форма союза между центром и окраинами — областная автономия окраин, отличающихся особым бытом и национальным составом. Автономия эта должна связать окраины России с центром узами федеративной связи... Советская автономия не есть нечто застывшее и раз навсегда данное, она допускает самые разнообразные формы и степени развития. От узкой административной автономии (немцы Поволжья, чувашаи, карелы) она переходит к более широкой политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы), от широкой политической автономии — к еще более расширенной ее форме (Украина, Туркестан), наконец, от украинского типа автономии — к высшей форме автономии, к договорным отношениям. Эта эластичность советской автономии составляет одно из первых ее достоинств, ибо она (эластичность) позволяет охватывать все разнообразие окраин России, стоящих на самых различных ступенях культурного и экономического развития [ЦК РКП(б) 2005: 39—41].

В ходе обсуждения вопросов о заключении союзного договора в сентябре 1922 г. Сталин обратился к Ленину с письмом, в котором изложил свое видение порядка отношений Центра с республиками. Он писал:

...Если мы сейчас не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном, безусловно, должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство Советских Республик. Сейчас же речь идет о том, как бы не «обидеть» националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве... [ЦК РКП(б) 2005: 78]

Тремя неделями раньше Сталин получил письмо от секретаря ЦК КП(б) Украины Д. З. Мануильского, в котором тот излагал аргументы в пользу «ликвидации самостоятельных республик и замены их широкой реальной автономией». Пояснял он свою позицию следующим образом:

Образование на окраинах самостоятельных Республик со своими ЦИК и Совнарками отвечало определенному этапу нашей революции, который было бы неточно назвать «национальным» этапом, но в период, который пролетарской диктатуре пришлось развивать национальный вопрос, это была неизбежная уступка национальной стихии, приведенной революцией в движение, и которая, опираясь на недовольство крестьянской массы, могла превратиться в серьезнейшую Вандею. Изменение экономической политики внесло успокоение в деревню, выбив почву из-под ног политических сепаратистов... [ЦК РКП(б) 2005: 77].

Таким образом, к моменту оформления взаимоотношений между Центром и бывшими национальными окраинами империи, а на тот момент в той или иной мере самостоятельными республиками, основной принцип «формализации» склонялся в пользу автономных начал. Однако, как хорошо известно, Ленин настаивал на предоставлении национальным республикам наиболее широких прав [Ленин 1964: 362]. Принцип союзного государства в основном и был соблюден при заключении соответствующего договора в самом конце 1922 г.

Забегая еще далее вперед в плане хронологии описываемых событий (хотя мы стараемся излагать не «события», а принципы и логику выстраивания концепций национальной политики одной и другой властью, а концепции обычно складываются до реализации политики и, следовательно, «событий»), отметим, что Сталин четко формулировал перспективы «национального вопроса» в общеисторическом плане.

В период доимпериалистического капитализма национальный вопрос составлял часть общего вопроса о буржуазно-демократической революции. Так именно понимали мы, русские марксисты, национальный вопрос перед буржуазно-демократической революцией в России... Иначе стали мы рассматривать национальный вопрос перед и во время мировой империалистической войны, в период расцвета империализма, когда национальный вопрос в старом его понимании явным образом перерос в национально-колониальный вопрос, когда социалистическая революция стала на очередь дня и когда самый национальный вопрос стали рассматривать мы, русские марксисты, как составную часть общего вопроса о социалистической революции [ЦК РКП(б) 2005: 613—615].

Иначе говоря, национальный вопрос, «национальная борьба» применительно к конкретной «ситуации» стали рассматриваться сквозь призму классовой борьбы. Перспектива же описывалась (в 1929 г.) Сталиным следующим образом:

...Период, переходный от капитализма к социализму, период диктатуры пролетариата и строительства социализма, скажем, в нашей стране, представляет... период расцвета (а не отмирания) национальных культур и национальных языков, причем расцвет этот происходит на базе развития социалистического содержания национальных по форме культур, а наше государство, государство пролетарской диктатуры, ведет при этом в отношении национальных культур политику поддержки и покровительства... Расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (а значит и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире... Это противоречиво? Да, противоречиво. Но противоречие это жизненное, и его целиком отражает Марксова диалектика [ЦК РКП(б) 2005: 613—615].

Таковыми были основные слагаемые концепции национальной политики, разработанные вождями партии большевиков в преддверии больших событий и корректировавшиеся ими уже в ходе глубоких преобразований, творимых собственными руками. Впрочем, как считают авторы одной из публикаций, непосредственно посвященной проблеме национальной политики России, «подход к национальному вопросу, независимо от степени „демократизма“ того или иного политического деятеля, базировался на обезличенной, предельно механистической и функионалистской основе. Разрешение национальных проблем мыслилось через механизмы „партийного руководства“ с его „приводными ремнями“, „винтиками“, „шайбочками“ и иными технологическими приемами» [Национальная политика 1997: 279].

При этом примем во внимание верное замечание В. Тольц по поводу того, что при всем принципиальном отличии национальной политики большевиков, осуществлявшейся ими в последующие десятилетия, ряд важных интеллектуальных предпосылок, на которых она основывалась, был сформулирован в позднеимперский период, в том числе применительно к идеологии «малой

родины», а в определенной степени и относительно преемственности с «национальным пробуждением» дореволюционного времени [Тольц 2013: 84, 240, 245 и др.].

А теперь обратимся к событиям.

Переходный период: революции 17-го года и гражданская война

*Горе тем, кто пьет кровь моего брата!
И горе брату, если он обратит свободу,
доставленную кровью борцов идей,
во зло ближнему.*

Из письма Сергея Есенина Марии Бальзамовой

«Эпоха» второй и третьей русских революций и гражданской войны обострила противоречия самого разного характера, родила новые идеи и планы, мобилизовала различные политические, общественные, национальные силы, привела в действие старые и новые механизмы достижения желаемых целей и вызвала разнонаправленную агрессивность ²⁷.

Развал государственной системы империи сопровождался ростом сепаратистских настроений и планов на его окраинах (но и сами они, проявившись ранее означенного времени, способствовали разложению данной системы). С Февральской (а не с Октябрьской, как утверждалось в советской исторической науке) революции в Кавказском регионе начались национально-государственные процессы [Боров и др. 1999: 41; Кажаров А. 2012: 161] ²⁸. В Грузии, Азербайджане и Армении стали оформляться независимые от Петрограда государственные структуры. Тогда же схожие явления наблюдались на Северном Кавказе, но по причине специфики народонаселения, географии, экономики, социокультурного фактора там самостоятельность оформлялась в рамках объединений горских народов, а порой вместе с ними — казачества и жителей степи ²⁹.

²⁷ Возможно, с долей преувеличения, но исследователи отмечают, что «в период революционной смуты взаимная неприязнь кавказских народов достигла кульминации» [Гатагова 2001: 54].

²⁸ «Февральская революция в горских областях привела в движение все классы горского общества» [Буркин 1933: 8]. «Весть о Февральской революции была в Чечне встречена восторженно. События никто, конечно, не понимал. Прежде всего население выгнало приставов, разгромило приставские участки, сняло правительственных старшин». Был образован Национальный совет. Однако «Октябрьский переворот... прошел в Чечне незамеченным... К этому времени Национальный Совет уже распался» [Ошаев 1928а: 17]. В Адыгее «чувство политического и национального сознания так было подавлено и пришиблено в течение десятилетий тяжелым царским гнетом, что создавалось впечатление о полной потере этого чувства... Народная масса говорила: „Революция не наше дело, не следует нам в нее вмешиваться, при всяком ее исходе мы будем виноваты...“». Итогом подобного отношения к происходившим событиям явилось заключение жителями адыгейских аулов союза с казачеством, за что в ходе гражданской войны они жестоко расплачивались [Алиев и др. 1927: 57, 58].

²⁹ Здесь уместно дать справку об основных общественных и политических силах, проявивших себя в это время в Северо-Кавказском регионе. Сделаем это словами

В начале мая 1917 г. во Владикавказе состоялся Первый съезд горских народов, в документах которого отмечалось:

События застали нас врасплох; мы не были подготовлены, не были организованы... С установлением нового строя стало ясно, что переживаемый момент должен будет определить судьбы народов России, быть может, на много веков... Наступило время переоценки всех ценностей. Ясно, что теперь все, кто имеет силы подняться в уровень государственного строительства, должны немедленно мобилизовать свои силы. Нужно помнить, что кто не станет активным, организованным в этот ответственный момент, тот будет только материалом для строительства. В связи с этим определяются и наши задачи [Союз горцев 1994: 34].

участника событий и внимательного наблюдателя Константина Чхеидзе. «От начала революции и до первых попыток большевистского переворота никаких эксцессов Терская область, да и все население С. Кавказа не знали. Администраторов старого режима сменили новые лица с новыми наименованиями прежних должностей и учреждений; но ни чиновники, ни офицеры расстреливаемы не были. Все же революционный процесс шел своим порядком. Главными силами, двигавшими или останавливавшими этот процесс, были: группы противников революции из русских, из казаков и из горцев. Они скорее пассивно сопротивлялись новым веяниям, стремились урезать размах, сохранить кое-что от старого. Никакой общей и явной идеологией они объединены не были. Затем шли деятели Февральской революции. Люди большей частью искренние, с оттенком карьеризма, достаточно интеллигентные. Им нравилось играть видную роль. Повиновение им, которое оказывалось главным образом по инерции, а не по „сознательному принятию революции“, они принимали за доказательство прочности своего положения „народных избранников“. В этом состояла их крупная ошибка. Они были хозяева положения; они создали Терско-Дагестанское Правительство. Они не сумели удержать свои границы от натиска большевистских банд, не сумели — не говорю создать (это было бы смешно), но использовать и собрать уже имевшуюся военную силу в виде казачьих и горских полков... Третью группу составляли большевики, главным образом русские по происхождению; русские и евреи. Они сосредоточили свою деятельность в городах: Владикавказ, Пятигорск, Грозный и т. д. В первую очередь они были заняты разрушением всего, что имелось: учреждений, войск, организаций. Во вторую очередь они обещали создать новую жизнь и мир и вполне определенно указывали пути к этому миру и как этот мир будет выглядеть. Они не стеснялись обещаниями, каждому сулили по его вкусам. А это очень важно отметить! Малоземельным горцам они немедленно обещали землю; и откровенно намекали на Зольские пастбища кабардинцев... кабардинцам обещали выселить с их земель казаков; ингушам отдавали казачьи станицы и т. д. — и не обещали ничего кроме свободы и пролетарской революции казакам. Но в утаре тогдашних дней и казаки в некоторой части шли за большевиками. Четвертую группу, только еще формирующуюся, составляли местные националисты. Это не были интеллигенты русской школы и русской манеры. Это не были большевики. Они в большинстве были хорошие мусульмане; они помнили Шамиля; их ряды составлялись из молодых фанатиков-националистов и старых приверженцев пророка, иногда с турецкой ориентацией. Эта группа была самая энергичная, стремительная. Далеко не сразу ее деятели соединились с коммунистами. Но соединившись, и компартия, и ее горские союзники оставались верны друг другу в минуты удачи и в минуты поражений...» [Чхеидзе 2009: 10—11] Очевидно, следует признать, что подобные оценки достаточно объективны.

Разительно отличается от них оценка политической обстановки в крае в этот период, изложенная в «мемуарах» большевика Б. Калмыкова. «В противовес нашей организованности не дремали и контрреволюционеры: они собирали силы, вели националистическую агитацию, разжигали религиозный фанатизм в массах...» [Калмыков 1958: 14]

На фоне происходивших по всей стране бурных процессов был выражен упрек в адрес царской «злой мачехи России» и одновременно высказано желание о создании «свободной» автономной республики северокавказцев (горских народов Северного Кавказа и Дагестана, а также Абхазии, ногойцев и туркмен региона) в демократическом федеративном государственном устройстве новой России.

Сознавая себя нераздельной составной частью Великого Российского государства, горцы, как для общего блага их Родины России, так и для собственного их блага и счастья, в данный революционный период ставят во главе всех задач упрочение завоеванных свобод и обеспечение свободного развития освобожденного от гнета государства [Союз горцев 1994: 48].

Цели провозглашенного союза в первую очередь были оборонительными («мы говорим, кто задевает одного из нас, тот задевает всех нас...»), но вместе с тем и наступательными («мы хотим только добиваться осуществления наших общих требований»). «...Каждое племя сохраняет полную возможность внутреннего самоопределения. Союз в этом отношении не будет делать никаких покушений, он хочет только обеспечить каждому племени возможности достижения его жизненных задач» [Союз горцев 1994: 34—35]. Далее оговаривалось, что Союз горцев является членом общекавказского мусульманского Союза, но это не исключало деятельного присутствия в союзе народов, «расколовшихся в отношении религии» (имелись в виду осетины, часть которых исповедовали ислам, но большинство представляли православное христианство) [Там же]. Перед Временным правительством были поставлены вопросы о признании за горскими народами прав на занимаемые земли, о реформе школы, о применении шариата «в полном объеме» [Там же: 35—39, 45, 50, 52], однако государственные структуры должны были развиваться в светском формате. Примечательно, что речь шла о получении автономии от центральной власти, а не о государственной независимости народов Северного Кавказа; и на деле фиксировалась интегрированность Союза объединенных горцев в новую государственно-политическую систему [Кажаров А. 2012: 162—163, 164]³⁰.

В условиях все более разрастающейся круговерти политических событий 1917 г.³¹, участниками которых большей частью помимо собственной воли оказывались и горские народы, последние предпринимали дополнительные шаги к защите себя от негативных последствий революции. В сентябре этого же года был созван новый съезд. В информационном письме о проведении 2-го съезда горцев говорилось:

³⁰ Взгляды Временного правительства на права наций эволюционировали; если весной 1917 г. глава этого правительства Г. Е. Львов высказывал негативное отношение к праву наций на самоопределение, то в сентябре правительство выступило с декларацией, в которой обещало народам России право на самоопределение на основах, которые будут выработаны Учредительным собранием [Кажаров А. 2012: 165, 169].

³¹ В этой связи укажем, что в сентябре этого года в Киеве состоялся съезд представителей народов и областей Российской империи (северокавказцы на нем практически не были представлены), в резолюции которого было отмечено, что «в каждой области должно быть образовано столько органов власти, сколько в ней имеется национальностей». В результате подобной реформы в каждой области должны были появиться десятки, а то и сотни соответствующих органов [Революция и национальный вопрос 1930: XXV].

Только благодаря Союзу могли быть предотвращены недоразумения между различными горскими племенами. Только существование Союза обеспечивает различные горские народы от посягательств на их жизненные интересы и дает им возможность самостоятельно устраивать свою внутреннюю жизнь [Союз горцев 1994: 66].

«Спасение» виделось и в достижении соглашений с казаками, и поздней осенью все того же 17-го года было создано Объединенное правительство Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, в декларации которого было заявлено:

Развал центральной государственной власти и быстро развивающаяся анархия привели к тому, что жизнь нашей великой страны как единого целого остановилась. Предоставленные самим себе, отдельные области и народы перед лицом надвигающихся хозяйственно-экономических и политических потрясений были вынуждены организовать свою собственную власть на началах самоуправления [Там же: 87].

Все это с очевидностью свидетельствовало о том, что «самосохранение» малых народов в условиях революции было для их общественных активистов выше прочих вопросов. Редкие примеры происходивших в это время национальных съездов лишь подтверждают сказанное. Так, в марте грузинские национал-демократы записали в своей программе требование «политической автономии Грузии на началах демократической республики» [Революция и национальный вопрос 1930: 391]. Практически тогда же осетинская революционная партия «Кермен» зафиксировала в собственной программе задачу воссоединения Северной и Южной Осетии в целях образования «единого национального организма, создания общенациональной основы для прогрессивного развития осетинского народа» [Там же: 386]. В свою очередь, съезд лезгин Табасаранского округа Дагестанской области требовал от Учредительного собрания создания «демократической республики на основах национально-персональной автономии» [Там же: 382]³².

В то же время представители исламских кругов Чечни и Дагестана были намерены восстановить на Северном Кавказе теократическое государство (имамат), с целью реализации чего в конце лета 1917 г. в дагестанском селении Анди прошел съезд горцев Северного Кавказа и Дагестана, на котором имамом был избран Нажмутдин Гоцинский [Революция и национальный вопрос 1930: 5—6, 62—63]. Позднее (лето 1919 г.) та же цель преследовалась объявлением о создании Северо-Кавказского эмирата во главе с шейхом Узун-Хаджи.

В конце августа 1917 г. в Екатеринодаре состоялась конференция казаков и союза горцев, участники которой ратовали за федеративное устройство государства и в его составе Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, что было подкреплено декларацией о созда-

³² Понятие «персональной» автономии в то время было достаточно популярным. Под национально-персональной автономией понималось «конструирование нации в публично-правовой союз, охватывающий всех ее членов на всем протяжении государства» [Янчевский 1927, 1: 140]. Использование его делегатами лезгинского съезда обуславливалось тем, что представители данного народа активно занимались отхожим промыслом, в частности, находя себе работу на бакинских нефтяных промыслах.

нии данного союза в ноябре того же года. В его состав вошел и Союз объединенных горцев Кавказа [Революция и национальный вопрос 1930: 6, 86—89].

* * *

Выделим Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей среди существовавших недолгое время и оказавшихся побежденными политических образований. Это мы делаем по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от Северо-Кавказского эмирата, выстроенного по конфессиональному принципу и, соответственно, объединявшего только народы, исповадовавшие ислам, Союз был (или должен был/мог стать) многоэтническим образованием, в него входили народы, исповадовавшие христианство и ислам, народы с разными хозяйственно-культурными традициями. В основе организации Союза лежал региональный принцип, это был весь Северный Кавказ плюс Абхазия. Это было объединение, появившееся в расчете на перспективу реорганизации Российского государства, построенного по федеративному принципу, где земли Юго-Востока могли бы составить несколько административно-территориальных единиц. Во-вторых, Союз интересен тем, что «Договор», провозгласивший его образование, был подписан 20 октября 1917 г., т. е. за пять дней до большевистского переворота в Петрограде. Это свидетельствует о том, что политический хаос, охвативший страну с конца зимы—начала весны того же года, привел ее к состоянию распада и вызвал активизацию разных политических сил, искавших выход из сложившейся ситуации. Сам Союз возник как продолжение поиска регионами и населяющими их народами выхода из тупика, в котором они оказались в условиях паралича центральной власти. Конкретно Союз стал в известном смысле наследником Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана.

Протицируем статьи «Союзного договора», разъясняющие взгляд его создателей на принципы построения Союза и цели, которые он перед собой ставил:

а) Достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики с признанием Членов Союза отдельными ее штатами;

б) Всемирная поддержка других народов и областей, стремящихся к устройству Государства Российского на федеративных началах, и установление с ними связи и сношений;

в) Стремление к образованию твердой и авторитетной демократической государственной власти, опирающейся на все живые силы национальностей и территории страны и свободной от давления безответственных организаций...

д) Гарантию полной самостоятельности и независимости Членов Союза в отношении их внутренней жизни (в преамбуле «Договора» было написано: «Каждый член Союза сохраняет свою полную независимость в отношении своей политической жизни и имеет право самостоятельно вступать в сношения и договоры, не противоречащие целям Союза». — Ю. К.);

е) Содействие Членам Союза в подготовке и реорганизации внутренней их жизни, как штатов будущей Российской Федерации;

ж) Защита прав Членов Союза: политических, земельных, культурно-экономических и национальных, а также урегулирование земельных отношений между Членами Союза;

з) Согласование и объединение мер к обеспечению порядка и спокойствия на территории Членов Союза;

и) Улучшение благосостояния Членов Союза и содействие им в деле обеспечения населения предметами первой необходимости;

и) осуществление при взаимной поддержке всех других не противоречащих целям Союза задач, выдвигаемых жизнью и политическим моментом [Союз горцев 1994: 74].

Конечно, эта политическая декларация носила предельно общий характер, но она содержала и ряд принципиальных моментов. В первую очередь это провозглашение федеративных основ будущего государственного устройства, при котором народы будут являться его субъектами. Это с очевидностью свидетельствует о том, что национальный вопрос был у многих на слуху и на виду, а у живущих в Северо-Кавказском регионе тем более. Большевики выигрывали у своих политических конкурентов не столько разработанностью планов будущего государственного устройства, сколько яркой категоричностью заявлений и обещаний: «Мир — народам, фабрики — рабочим, землю — крестьянам, право наций на самоопределение вплоть до отделения».

Через месяц с небольшим, т. е. уже после октябрьского переворота в Петрограде, объединенное правительство Союза объявило, что в условиях отсутствия «единой центральной Общепризнанной Государственной власти, когда... от самоичинной группы захватчиков исходит преступное покушение на самоопределение отдельных народностей Российского государства (примечательная формулировка. — Ю. К.), входящих в состав Юго-Восточного Союза», оно берет на себя «почин в деле организации автономного управления главнейшими отраслями культурно-экономической жизни в пределах земель, обнимающих Союз» [ГАКК. Ф. р-6. Оп. 1. Д. 48. Л. 12].

В истории Юго-Восточного Союза надо отметить принципиальную позицию его руководства, касающуюся общественно-политического содержания будущего государства. Она раскрылась, когда к правительству Юго-Востока обратилась делегация Украинского Генерального Секретариата с предложением о взаимодействии и при этом изложила политическую платформу последней. Там, в частности, говорилось:

...верховную федеральную власть секретариат мыслит только как социалистическую, это основной пункт соглашения, не подлежащий изменению; во-первых, потому что раньше несоциалистические партии не признавали федерации, во-вторых, потому что народные массы идут только за социальными (так в оригинале. — Ю. К.) лозунгами и только от социалистов ждут помощи... Республика в настоящее время может быть только буржуазной, но с настроением масс надо считаться: верховная власть может в своем составе иметь и беспартийных людей, но непременно признающих социализм [ГАКК. Ф. р-6. Оп. 1. Д. 48. Л. 17].

Соглашаясь с федеративным принципом устройства будущего государства (о чем говорила и украинская сторона), правительство Юго-Востока принципиально не соглашалось на провозглашение социалистической ориентации первого. Оно заявляло:

Требование обязательной социалистической федеральной власти неприемлемо для Юго-Восточного Союза, так как в составе Союза имеются члены, не знающие партийного деления, например, калмыки, ногайцы, туркмены, горцы, даже казаки, исключая единичные явления. Войсковые правительства не интересуются партийностью своих членов, а руководятся постановлениями Войсковых Кругов... Центральная федеральная власть не может решать местных вопросов и оказывать давление на местные правительства, а потому обязательное требование вхождения в состав его только социалистов излишне, тем более что

не все социалистические партии признают федеративный строй, а главное, тогда пришлось бы среди казаков и горцев искать не крупных сил для делегирования в центральный орган, а исключительно партийных людей [ГАКК. Ф. р-6. Оп. 1. Д. 48. Л. 17 об.].

Эту свою позицию правительство Юго-Восточного Союза подтверждало и позднее [Там же. Л. 20], одновременно возлагая надежды на Учредительное собрание в том отношении, что именно оно предоставит возможность организовать государственную систему по федеративному принципу [ГАКК. Ф. р-6. Оп. 1. Д. 47. Л. 5].

* * *

После октябрьской революции 1917 г. и начала гражданской войны политическая ситуация в Крае периодически менялась. «Красные» и «белые» — это полюсы военно-политического противостояния, внутри и рядом с которыми размещалось и действовало множество других сил. На Северном Кавказе, где политические, социокультурные, национальные, а также экономические, хозяйственные противоречия имели ярко выраженную специфику, эти процессы развивались динамично и разнонаправленно.

Калейдоскопу событий в регионе посвящено изрядное количество публикаций. Обратимся к свидетельству лишь одного из их участников.

«Борьба на Северном Кавказе, — писал далеко не беспристрастный летописец тех событий генерал А. И. Деникин, — была явно бессмысленна и губительна для обеих сторон, и является поэтому вопрос, какие же условия питали ее...»

Можно привести оценки представителей другого политического лагеря в отношении причин и хода развития событий в данном регионе. Ограничимся видением происходившего указанного автора. Не только потому, что на него до недавнего времени редко ссылались ввиду принадлежности его к иному политическому лагерю по сравнению с историками победившей власти, но и по той причине, что он уделял внимание тем аспектам кризиса, которые в силу своей заидеологизированности либо вовсе опускались официальной советской историей, либо преподносились в одном негативном ключе.

Деникин продолжал:

...Почва для народного неудовольствия была подготовлена многообразными причинами: тяжелое экономическое положение, темнота масс, бытовые навыки, острая вражда между горцами и терцами (казаками. — Ю. К.), несправедливость и поборы местной туземной администрации, в Дагестане — насилия, чинимые войсками и чинами флота, и т. д., и т. д.

...Конец 1917 и начало 1918 г. ознаменованы были расслоением русского элемента в крае (иногородние, казаки), разложением терского казачества и обособлением в этнографических пределах мелких народностей Северного Кавказа³³ [Деникин 2003: 659].

³³ А. И. Деникин охарактеризовал участие коренных народов региона «в политической жизни края», которое «далеко не соответствовало их численному составу». «Ингуши — наименьший по численности и наиболее спаянный и сильный военной организацией народ оказался, по существу, вершителем судеб Северного Кавказа... Ингуши стали ландскнехтами советской власти, ее опорой, не допуская, однако же, проявления ее в своем крае... Осетины, помимо многих частных взаимно враждебных

Представленная бывшим генералом картина политической жизни Края неточна в том отношении, что наряду с «обособлением народностей» в это критическое время отчетливо наблюдались и центристские тенденции, одновременно своеобразные и типичные для времени большого перелома.

Для борьбы с большевиками было признано целесообразным объединить силы горцев и терского казачества в целях освобождения территории Юго-Восточного союза. Весной 1918 г. правительство Северного Кавказа и Дагестана объявило об отделении Союза горцев от России и образовании независимого государства. В дальнейшем ему оказывали покровительство и помощь Грузинская Демократическая Республика, Азербайджанская Республика³⁴, страны Европы (Германия, Великобритания) и Турция (подробнее см.: [Даудов, Месхидзе 2009: 45—48]). Тезис о праве наций на самоопределение был положен в основу политической программы вновь провозглашенного государства.

В период гражданской войны на территории Северного Кавказа существовали также Терская Советская Республика (провозглашена в марте 1918 г.), положение которой было крайне неустойчивым, ввиду чего ее руководство искало компромисса с руководством Горской Республики. По причине выдвижения последним неприемлемых для большевиков требований (отказ от советской власти, независимость Северного Кавказа как федерации, куда в качестве штатов должны были быть включены территории казаков, иногородних и других) [Союз горцев 1994: 8—9]³⁵, полноценного компромисса добиться не удалось. Большевики и горцы, ведомые религиозным лидером Али-Гаджи (Хаджи) Акушинским, объединялись лишь в период военных успехов Добровольческой армии А. И. Деникина. Беспрекословное следование генерала лозунгу «Единой и неделимой России», а также сопровождавшиеся жестокостью и мародерством военные операции Добармии на территориях прожи-

подразделений, представляли два основных лагеря — православных и мусульман. Первые дружили с казаками, вторые с ингушами... Народ... официально признавал советскую власть и тайно, неорганизованно входил во все комбинации для ее свержения... *Кабарда*, занятая большевицкими гарнизонами и управляемая большевицкими комиссарами, смирилась сразу... *Чеченцы*, помимо сложной внутренней своей распри, разделились и по признакам внешней политики, образовав одновременно два национальных совета: Грозненский округ, имевший старые счеты с терцами... шел с большевиками и получал от них деньги... Другая часть чеченцев — Веденский округ... стоял на стороне казаков, хотя и не оказывал им непосредственной помощи и был против большевиков... Наиболее стойкою в борьбе с большевиками оказалась *Дагестанская область*...» [Деникин 2003: 139—140]

³⁴ Между Горской Республикой и Азербайджанской Республикой был заключен договор о создании общего министерства вооруженных сил [Алиева 2015], азербайджанское правительство поднимало также вопрос о присоединении к своей республике Дагестана [Алиева 2015: 66; Эмиров 1972: 83]. Здесь же отметим, что в начале лета 1920 г., в преддверии победы большевиков, со стороны Дагестана ставился вопрос о включении Аварии в состав Грузинской Республики [Даудов, Месхидзе 2009: 94].

³⁵ Руководство Терской Республики (как первоначально и руководство Союза горцев) ставило вопрос о социализации земли, однако по этому поводу звучали возражения: «Мы, представители горцев, — говорил один из членов Ингушской фракции, — знаем свои народы, что к социализму они не подготовлены. Нам надо много поработать среди них, дабы подготовить их к восприятию новых идей» [Союз горцев 1994: 164].

вания горских народов³⁶ создали условия для координации действий обеих сил. Из обращения председателя Совета обороны Северного Кавказа и Дагестана шейх-уль-ислама Али-Гаджи Акушинского к дипломатическим представителям союзных держав, правительствам Персии, Азербайджана и Грузии (октябрь 1919 г.):

Совет обороны заявляет, что Кавказ — не Россия и насильственное вторжение Деникина с казаками в наши горы не может быть терпимо ни одним горцем, как бы не было терпимо и насилие со стороны Советской России [Союз горцев 1994: 340]³⁷.

В условиях чрезвычайно сложной политической обстановки и военных действий в регионе наблюдалась тенденция к тем либо другим формам объединений горских народов. Впрочем, реализовалась она преимущественно на словах, объединение почти исключительно носило декларативный характер. На Первом съезде горцев Кавказа в мае 1917 г. было заявлено:

Для сознательного же отстаивания нового строя горцы спланиваются в одну могучую организацию, так как только в единении и организации сила [Союз горцев 1994: 48].

На деле все выглядело далеко не столь оптимистично. Обосновавшийся в Европе один из деятельных участников событий революции и гражданской войны осетин Б. Байтуганов писал впоследствии:

Для Северного Кавказа Мировая война и революция произошли немного раньше, чем надо было бы. Процесс национального осознания среди интеллигенции не был закончен и, кроме этого, интеллигенция была еще слишком малочисленной, чтобы выделить из себя достаточные национально твердые кадры... Интеллигенция эта не была организована, не имела точной и ясной национальной программы... [Кристаллизация 2001: 14].

В «Обращении социалистов горских народов Северного Кавказа к Международной социалистической делегации в Грузии» (подписанном Ахмедом Цаликовым и Гайдаром Бамматом) говорилось:

³⁶ Одна из дагестанских газет писала осенью 1919 г.: «Белогвардейцы сожгли аулы Кадар, Доргели, Губден, разрушили артиллеристскими обстрелами свыше 33 населенных пунктов Северного Кавказа, предавали оккупированные населенные пункты грабежам и насилиям. Даже деникинский офицюз, будучи не в состоянии скрыть причины массового недовольства деникинцев, сообщал: „То, что позволяли себе казаки в горах, в особенности в сел. Доргели, не поддается описанию. Они снимали с женщин кольца, браслеты, серьги, ожерелья. Они оскорбляли жен в присутствии мужей, дочерей — при родителях, сестер — при братьях“» (цит. по: [Кашкаев 1976: 201]). Надо отметить, что генерал Деникин сам искренне сокрушался о «мрачной бездне морального падения» своей армии [Деникин 2003: 134].

³⁷ Большевики, призывая «трудовой народ Дагестана» на борьбу с армией Деникина, говорили: «...Все способные носить оружие идите в войска, будьте послушными зову ваших великих шейхов Али-Гаджи Акушинского и Узун-Хаджи, защищающих свою мудрую политику вместе с нашей партией, вашу свободу...» [Борьба за установление власти 1958: 281—282]. Здесь же отметим проявленную большевиками в ходе войны способность лавировать в изменявшихся политических обстоятельствах и играть на противоречиях между разными группами горцев, в том числе одной этнической принадлежности. Многие из них умело использовали культурно-психологические особенности горцев (подробнее см.: [Морозова 2011: 38 и след.]).

Чем ненавистней становится горским народам весь тот политический сумбур и вся та общественная и экономическая неурядица, которую вносят в их жизнь большевики, тем ярче сияет в их сознании идея национальной независимости и самостоятельного государственного правительства. Мы, социалистический авангард горских народов, отражая интересы трудовых масс, считаем своей исторической задачей оформить этот стихийный процесс освободительного движения горских народов на основах последовательного демократизма в предвидении социализма — этой ближайшей мировой задачи нашей эпохи [Тахо-Годи 1927: 235].

Упомянутые же Деникиным «обособления... мелких народностей Северного Кавказа» оказались почти естественным следствием революционной ломки всего комплекса прежней политической, экономической и т. д. системы. В калейдоскопе событий можно было решать и «свои национальные» задачи, причем не только хозяйственно-экономические.

Член Терского правительства Г. А. Вертепов (хорошо знавший местную национальную и казачью среду)³⁸ в докладе, произнесенном на Чрезвычайном казачье-крестьянском съезде в Моздоке (сентябрь 1917 г.), говорил:

Ингушетия, которая не имела своей государственности, но которая стоит у волшебного ключа, который отмыкает и замыкает двери Кавказа, обратила свое внимание на этот ключ. Ключ этот — город Владикавказ... Кто владеет Владикавказом, тот владеет Терской областью... Подступы к этому ключу против ингушей ограждали казачьи станицы, и их нужно было убрать. Проведение закона о социализации земли нужно было ингушам для уничтожения чересполосицы не на аграрной почве, а на политической. Ингуши всегда учитывали важность обладания подступами к Владикавказу: когда была переселена Галашевская станица, ингуши немедленно арендовали у Войска эту землю и поселили там ряд хуторов. С другой стороны Владикавказа в Длинной долине ими был поселен хутор «Длинная долина». С начала революции ингуши усиленно стали беспокоить Тарскую и Сунженскую станицы, чтобы не дать им мирной жизни и таким образом принудить их уйти. Далее, учитывая важность этого, ингуши первые заняли осетинскую сторону Военно-Грузинской дороги. Когда Владикавказская операция показала, что казачество бессильно, что его, казачества, нет, а есть отдельные станицы, тогда ингуши решили, что настал момент открыть себе дорогу к волшебному ключу — Владикавказу. Вот причина выселения трех станиц. Так проводится план освобождения от влияния русской культуры, и, с падением Сунжи, уничтожилось влияние на Владикавказ (цит. по: [Полян 2007: 125]).

Ломка системы экономических, социальных и прочих отношений между соседними народами нередко приводила к их боевому противостоянию. Так, в пылу разгоревшихся страстей карачаевцы, в прежние столетия пребывавшие в экономической и отчасти в политической зависимости от кабардинских феодалов, в условиях «опьянения неожиданной свободой» перенесли вопросы «классовой борьбы» на национальную почву. В свою очередь, большевики использовали в собственных целях подобные разногласия между народами. Как заявил С. М. Киров на партийной конференции в Астрахани в ноябре 1919 г., «на Северном Кавказе... мы действовали умело. Мы создали там

³⁸ С конца XIX в. Г. А. Вертепов являлся редактором газеты «Терские ведомости», ежегодно издавал «Терский календарь», был автором ряда содержательных очерков о народах Терской области.

анархию, возбуждая одну группу [населения] против другой — и старались в это время организовать рабочих. И это нам удалось» (цит. по: [Морозова 2011: 46]).

Помимо этого в каждой национальной среде имели место и действовали разные политические силы, неодинаково оценивавшие текущую обстановку и виды на будущее. Аналогичные противоречия наблюдались в создававшихся объединениях горцев. Параллельно с Союзом горцев (Терской Советской Республики) собственные правительства (точнее, национальные советы и правительств) одно время имели Кабарда, Осетия, Дагестан, поддерживавшие генерала Деникина.

Из Протеста (датируемого не ранее конца августа 1919 г.) Осетинского национального Совета верховному комиссару Антанты на Кавказе полковнику В. Н. Гаскелю по поводу включения Осетии в состав вновь создаваемой Горской Республики.

...Политические цели осетинского народа в высшей степени ясны, так как представители народа на всех своих съездах с первых же дней государственного переворота заявили одно и то же, что народ не мыслит ни своего существования, ни духовно-культурного развития вне России, что Осетия — неотъемлемая часть Единой Великой России...

В начале переворота возник «Союз горцев Северного Кавказа». Борьба с анархией, создание, поддержание правопорядка среди горцев, мирное разрешение столкновений как между самими горцами, так и между горцами с русским населением и с казаками в области землепользования, и, наконец, совместное отстаивание некоторых общегорских интересов в созываемом учредительном собрании — таковы были первоначальные, приемлемые для всех народов Северного Кавказа цели.

К сожалению, по мере того как анархия углублялась в России и на ее окраинах, по мере того как усиливался распад единой власти, которая в конце концов оказалась достоянием политических авантюристов и подонков населения, горский союз под влиянием фанатизма одних и честолюбивых замыслов других перешел сначала к чисто горской автономности, а позже к независимому государственному образованию, требуя от всех признания своего суверенитета над территорией и над народами, населяющими во многих местах чересполосно с русскими и казаками Северный Кавказ.

Эти политические стремления дали осетинам и остальным горским народам только межплеменную вражду и большевиков в Терском крае. Не располагая умственными и материальными силами даже при совместной автономности, не говоря уже о государственной независимости, горцы на пути своей независимости стали добычей как авантюристов из собственной среды, так и большевиков... [Союз горцев 1994: 315, 316, 317]³⁹.

³⁹ В октябре 1919 г. Большой войсковой круг Терского казачьего войска ставил вопрос об организации Терского края с включением в него территорий Осетии и Кабарды. Из протокола совещания по выработке положения о Терском крае: «Представители Терского войска и Осетии пришли по вопросу об организации органов местного законодательства и управления Терским краем к следующим основным положениям: 1). Территория Терского войска, (Кабарды) и Осетии образуют совместно единую территорию, именуемую „Терский край“. 2). Народы Края казаки, кабардинцы и осетины на равных правах образуют местные законодательные учреждения и органы управления и самоуправления. Примечание: Всякое отступление от этих двух принципов — единство территории и равенство прав — соглашающихся сторон должно быть оговорено в основных законах» [ЦГА РСО-А. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 24. Л. 38].

Для советского руководства в условиях военных неудач, фактического разложения 11-й армии вопрос о национально-государственном устройстве народов Северного Кавказа стал фактором международной и внутренней политики. Дабы укрепить собственные позиции в регионе, от него требовалось более четкое формулирование этих составляющих его политики. Однако четкости не наблюдалось. Были предприняты лишь попытки «выхода из ситуации» в конкретные особо сложные моменты. Так, в начале февраля 1919 г. по инициативе чрезвычайного комиссара Юга России Г. К. Орджоникидзе «на съезде вооруженного ингушского народа» была провозглашена «независимая Горская Республика» (о чем глава СНК Советского государства В. И. Ленин узнал из телеграммы самого Орджоникидзе) [Кажаров А. 2012: 177, 181].

Председатель Тероблисполкома В. Квиркелия в докладе Совнаркому сообщил:

Идея независимой Горской Республики, автономии и прочих форм правления приобретает в последнее время сторонников даже в тех группах и слоях населения, которые раньше отрицательно относились к ней. Этим путем местное население стремится отгородиться от непрошенных гостей (т. е. большевиков. — *Ю. К.*), которые причиняют ему слишком много хлопот и неприятностей. Реквизиции, конфискации, беспричинные аресты и расстрелы, обезоруживание горцев, избиение их... — все это создает в высшей степени ненормальные условия (цит. по: [Жанситов 2007: 7]).

По мнению другого свидетеля тех событий, впоследствии жившего в эмиграции К. Чхеидзе, одной из главных причин «трудностей», с которыми регулярно сталкивались большевики в регионе, было то, что «они сами по преимуществу горожане; они первым делом захватили города и железные дороги. И получали уверенность, что благодаря этим захватам они владеют Краем. В этом и была их ошибка. Аулы, селения, станицы, деревни и т. д. не приняли большевизма, а при первой возможности поднялись против них...» [Чхеидзе 2009: 17]. Далее он же отмечал, что преобладающим стилем мышления и поведения среди горцев являлось отрицание политических дрязг и гражданской войны.

Кабардинцы — народ деликатный, вежливый, мирный и трудолюбивый. Кабардинцы в массе ошущали гражданскую войну как нечто навязанное им извне, как похмелье в чужом пиру. И на самом деле так оно в известной мере и было. Кабардинцы хорошие дипломаты и знают цену и благодать жизни, что и доказали историей взаимоотношений с Россией. Они, в массе, не считали гражданскую войну неизбежной и для себя особенно существенной. Но не от них зависело ее течение. Во имя жизни, мира и труда они довольно легко принимали то антибольшевистскую, то большевистскую «защитную» окраску [Чхеидзе 2009: 27]⁴⁰.

Кроме этого, большевикам служили за деньги и разрешение грабить соседей, за обещание предоставить землю, как, например, дигорцам, и уверения в том, что «их давно умерший деятель Кермен проповедовал то же самое, что

⁴⁰ Такие же идеи исповедовал один из первых руководителей советской Балкарии — «революционер, отрицавший классовую борьбу» Ако Гемуев, который доказывал: «Нельзя князья расстреливать только за то, что они князья», «Нельзя забирать приусадебные участки, огороды, крупный и мелкий скот — им нужен хозяин», «Нельзя разрушать то, что строилось в быту и на земле веками» [Кучмезова 2009: 37].

и коммунисты. Отсюда вышло образование разновидности коммунистов: керменисты. Словом, коммунисты узнавали о вкусах и желаниях той или иной группы населения и потом заверяли эту группу, что только в союзе с коммуной можно добиться желаемого. Однако попутно они вели свою линию», устраивая единообразное — советское — управление Краем [Чхеидзе 2009: 13].

В самых разных отношениях Северный Кавказ, включая Дагестан, в период гражданской войны представлял собой клубок противоречий, борьбы разных политических и национальных сил, отсутствия четких программ по национально-государственному устройству.

Как выразился один из первых историков гражданской войны в этом регионе, «в течение 1917—1921 гг. в горах Кавказа прошли десятки авантюристов и авантор» [Борисенко 1930: 106]. Авантюристы были разного пошиба. Тот же Константин Чхеидзе писал:

Глава чеченского большевизма Аслан-бек Шерипов оправдывал свое сотрудничество двумя мотивами: он считал, что от большевиков чеченские националисты получают больше, чем от остальных российских группировок, — во-первых. Во-вторых, он надеялся, что из всех общероссийских группировок — коммунистическая скорее всех и вернее всех приведет Россию к гибели. Тогда можно будет думать о самостоятельности и турецкой ориентации [Чхеидзе 2009: 13].

Однако в 1920 г. накал борьбы в целом разрешился победой большевиков и ориентировавшихся на них сил⁴¹.

Общие замечания

Положение, которое сложилось в Российской империи к 1917 г., характеризовалось наличием сгустка противоречий — военно-политических в отношениях с внешним окружением и социально-политических во внутреннем пространстве. Фактор национальных противоречий вряд ли был самодовлеющим, хотя в ряде территорий играл весьма значительную роль в формировании социально-политической атмосферы. Чаще он являлся составной частью

⁴¹ Вскоре после завершения войны новое правительство заказало авторитетным лицам на местах написать историю революции в том или ином крае Кавказа. Так, в Дагестане некто Абусупьян составил подобный труд и назвал его «Лучезарным жемчугом» (в другой версии «Лучезарной жемчужиной») [НА ИИАЭ ДАНЦ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48]. Его земляк Магомед-кади Алхасов озаглавил собственное сочинение проще — «История революции в Дагестане». В нем Алхасов лестно отзывался о местных революционерах, говоря, что они как «деятели свободы Дагестана работали в числе прочих действовавших по России со времен начала культуры и высшего образования в ней и достигли цели...» [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 49. Л. 1]. Зато еще один дагестанец рассуждал совсем иначе: «...Численность (большевиков. — Ю. К.) не превышала пятисот человек, большинство которых были дети незаконнорожденных в предприятиях России. Но пред ними дагестанский народ оказался побежденным из-за злополучия офицеров и беков, отсутствия у них тактики в ведении современной войны, из-за измены социалистов и их последователей... Наверное Дагестан не забудет тех, кто причинил ему злосчастье, и вспомнит их, когда ему представится возможность» [НА ИИАЭ ДАНЦ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 307. Л. 36]. Автором этого сочинения, как установлено современными исследователями, был Гамзат Кадиев из селения Дуранги, бывший заведующий канцелярией Темир-Хан-Шурина окружного суда [Там же. Л. 108].

последней, действуя с ней взаимосвязанно, хотя чем дальше, тем самостоятельнее и значимее.

Нетрудно заметить, что возрастание роли национального фактора происходило в условиях все более острого обсуждения в западноевропейском, а вслед за этим и российском общественном пространстве темы классовых противоречий и борьбы. И едва ли не первое место в подобных дискуссиях занимал вопрос о пролетариате. Для российской национальной глубинки (sic! но не для западных и юго-западных губерний империи) он не был актуальным, и уже поэтому политический вопрос там был представлен почти однозначно аграрной проблемой. Вспомним в этой связи процитированные выше рассуждения З. Д. Авалишвили о развитии социал-демократического и национального движения в Грузии. Да и сам дискурс о природе этнического/национального на рубеже XIX и XX вв. только еще набирал обороты.

Для восточных провинций империи, с населением, исповедовавшим ислам, большую роль по сравнению с темой национальной автономии (и уж вовсе не национального самоопределения) имел вопрос религиозный. И уже сопряженно с ним в оригинальной мусульманской трактовке стоял вопрос национальный.

Помимо аграрного (земельного) и религиозного аспектов обозначившихся социально-политических вопросов, в национальных районах страны немаловажное значение имел языковой фактор. Русификаторская политика в сферах образования, дело- и судопроизводства оказывала очевидное негативное воздействие на эмоциональное самочувствие жителей национальных регионов.

Указанное в полной мере относится к Северному Кавказу. Если в Грузии с ее давними традициями государственности в самом широком аспекте их проявления развитие темы национальной автономии происходило далеко не однозначно, то применительно к Северо-Кавказскому региону, хотя и пережившему за несколько десятилетий до этого «эпоху» войны и покорения, об однозначности говорить еще проблематичнее.

Первые сформулированные заявления по отдельным моментам данной темы прозвучали в годы первой русской революции. Тогда же предпринимались и протестные действия, часто имевшие формы бунтов и терактов. Но маховик роста национального самосознания на местах, включавший религиозный, языковые, социальные и политические аспекты онтого, был запущен и, можно сказать, начал стремительно набирать обороты. Правительство пыталось установить контроль над данными процессами через регламент выборов в Государственную думу, через подготовку материалов к новой переписи населения, где достаточно четко обозначился вопрос о том, что есть «национальность» (перепись не состоялась в связи с началом Первой мировой войны, подробнее см.: [Кадю 2010: 103 и след.]) и др. Подобные устремления оказались нереализованными в том числе из-за ксенофобских настроений в верхах. В свою очередь, мировая война обострила все противоречия, включая и заново осмысливаемые национальные. Последовавшие за ней революции внесли дополнительную сумятицу в политические умонастроения, одновременно придав всем социальным и политическим процессам особый динамизм, когда национальные аспекты оных приобретали дополнительную остроту и получали новые интерпретации и решения.

Большевики оказались политической группой, заявившей о радикальном реформировании практически всех областей жизни общества. Этот радика-

лизм в значительной мере и обеспечил им победу уже в новой гражданской войне. Пункты их политической программы по национальному вопросу напрямую были сопряжены с пунктами, касавшимися вопросов классовой борьбы. Однако это не свидетельствовало о четкости представлений о национально-государственном созидании в стране, которую они намеревались построить. Было больше политического запала, нежели реальных планов. Дальнейший ход развития этого «созидания» показал, что многие первичные проекты, инициированные Центром, оказывались плохо вписывавшимися в реалии жизни большого сложносоставного государства.

В заключение раздела еще раз отметим, что в сознании руководителей партии большевиков, а вскоре и страны Советов, национальный вопрос напрямую сопрягался с классовым вопросом, а в реалиях многонационального государства он, по их оценке, имел выраженную крестьянскую природу⁴². Данная тема будет повторяться многие годы, но с соответствующими корректировками, о чем мы скажем в другом месте.

И. В. Сталин. Из организационного отчета ЦК на XII съезде РКП(б) (1923):

Классовая сущность национального вопроса в условиях современного советского развития состоит в установлении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством бывших угнетенных национальностей [Сталин 1947: 239—240]⁴³.

⁴² Хотя первоначально так вопрос не ставился. Напомним слова Сталина, озвученные им в 1904 г.: «На арену борьбы выступил новый класс, пролетариат, — и вместе с ним возник новый вопрос, „национальный вопрос“, „национальный вопрос“ пролетариата» [Сталин 1953: 35].

⁴³ Эта цитата, представленная в публикации сотрудника Наркомнаца Г. И. Бройдо (1924), имеет небольшое, но примечательное разночтение. «Классовая сущность национального вопроса в России...» [Бройдо 1924: 85].

Глава 1

НАЧАЛО СОВЕТСКОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ КРАЯ

Решения политические

Положение, сложившееся в Северо-Кавказском регионе после победы Красной Армии и на начальном этапе установления советской власти в стране, отличалось изрядной неопределенностью. Существовали отдельные административно-территориальные единицы, часть которых являлась наследием такового устройства прежней страны, другие же — вновь появившимися образованиями.

В сознании политически активной части населения витали идеи о самостоятельности или автономном будущем народов либо региона в целом. Они казались тем более осуществимыми, что в ходе гражданской войны представители партии большевиков неоднократно об этом заявляли, а предпринимавшиеся незадолго до этого (в 1918—1919 гг.) попытки создания «независимых» государств внутренне подкрепляли надежды.

Политические и идеологические противники большевиков в основной массе покинули край. Доверявшие им рассчитывали на исполнение обещаний.

В конце апреля 1920 г. в письме Шейх-Уль-Исламу Дагестана Али-Хаджи Акушинскому Осман Османов, как он себя представил — министр внутренних дел Дагестана, писал:

Я сообщаю вам сейчас о положении между горцами и Советской Россией. Со своей стороны Российская Советская власть послала на весь Северный Кавказ Временный Революционный Комитет. Главари этого Комитета Орджоникидзе и Нариманов. Все общие дела Северного Кавказа в руках этого Комитета. Комитет в Дагестане состоит из десяти лиц. Главари его Коркмасов... Когда этот Комитет, отделяясь от Северного Кавказа, образовался в Дагестане, я страдал и сказал: почему отвергаете название «Северо-Кавказский Совет Оборон», организованный для нашего правительства в Левашах (селение в центральной части Дагестана. — Ю. К.), служащий для самостоятельности как нас самих, так и для всего Северного Кавказа и, как это подобает сынам Кавказа, проливающим кровь ради самостоятельности... Тогда глава Комитета Коркмасов ответил: и ингуши организовали для себя временный комитет, так сделали и черкесы, и кабардинцы. А если без всяких совещаний с ними и без представителей от них организуем общий комитет и правительство — это будет безосновательным пустым словом. Тогда мы сказали: здесь имеются представители от чеченцев и черкесов, мы их введем в правительство. Тогда он ответил: нельзя ввести в состав правительства прибывших по своим личным делам и лиц, найденных на улице, что членом правительства должен быть официальный представитель. Результатом дела и слов явилось следующее: [сохраняются] те коллегии — вре-

менные комитеты, — которые охраняют на Северном Кавказе свободу и ведут работу, пока все официальные представители Северного Кавказа не соберутся в одном собрании. А это общее собрание соберем в течение месяца. Тогда мы всю работу и всю власть дадим в их руки, и они возьмут вожжи Северного Кавказа в свои руки, и они будут требовать самостоятельности или автономии, как сами хотят. И Российское правительство, если захочет, даст самостоятельность или автономию. Если в Дагестане будет упомянутый временный комитет, его слово о самостоятельности и о других не будет принято, ибо они не являются официальными представителями, посланными от народа. Представители Северного Кавказа соберутся в одном собрании, и они получают самостоятельность [Власть и религия 2007: 27].

Этот документ примечателен фиксацией состояния политической неопределенности. С одной стороны, наблюдается стремление к достижению широких прав — к самостоятельности народов или к автономии их регионально-го союза, с другой — очевидна нерешительность в «самоопределении», о чем свидетельствуют явно не случайные слова о том, что решение вопроса зависит от российского правительства.

«Российская Советская власть» определялась на данный счет в течение полугода (хотя, напомним, в феврале 1919 г. чрезвычайный комиссар Юга России Г. К. Орджоникидзе «на съезде вооруженного ингушского народа» инициировал провозглашение «независимой Горской Республики»). В ноябре 1920 г. были озвучены «политические декларации» центральной власти, а в январе следующего года приняты официальные постановления, определявшие порядок отношений Центра с населением Северо-Кавказского региона.

До относительно недавнего времени решения советского правительства и следовавшие за ними конкретные события на Северном Кавказе подавались историками недостаточно объективно. В частности, это касалось интерпретации деятельности партии и правительства, якобы направленной исключительно на разрешение «горского вопроса». В действительности многое из вершившегося тогда выглядело не столь одиозно. Оцените сами.

Из доклада народного комиссара РСФСР по делам национальностей И. В. Сталина на съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г.:

Товарищи! Сегодняшний съезд созван для того, чтобы объявить волю Советского правительства об устройении жизни терских народов и об их отношении к казакам.

Первый вопрос — это отношение к казакам.

Жизнь показала, что совместное жительство казаков и горцев в пределах единой административной единицы привело к бесконечным смутам.

Жизнь показала, что во избежание взаимных обид и кровопролитий необходимо отделить массы казаков от масс горцев.

Жизнь показала, что для обеих сторон выгодно размежеваться. На этом основании правительством решено выделить большинство казаков в особую губернию и большую часть горцев в автономную Горскую Советскую Республику с тем, чтобы границей между ними служила река Терек.

Советская власть стремилась, чтобы интересы казачества не попирались. Она не думала, товарищи казаки, отбирать у вас земли. У нее была только одна мысль: освободить вас от ига царских генералов и богатеев...

На первое место докладчик не случайно вынес вопрос не о создании Горской Советской Республики, а о казачестве. Казачество являлось организо-

ванной силой, с которой в той ситуации не желали конфликтовать. Внешне с ней не желали вести двойной игры. Казачество в идеале следовало сделать союзником, на худой конец нейтральным элементом для достижения собственных целей. Горцы отводились на второй план (как менее организованные в смысле «большой» силы или что-то вроде этого).

Далее, обращаясь к казакам, Сталин вспомнил выступления «отдельных» их групп против советской власти и, как следствие, вынужденное выселение «провинившихся станиц» и заселение их чеченцами. «В дальнейшем судьба казаков... целиком зависит от их собственного поведения», — заявил наркомнац. Однако он предостерег и горцев от нанесения «безнаказанных обид» казакам: «Следует помнить, что если горцы не прекратят бесчинств, Советская власть покарает их со всей строгостью революционной власти»¹.

Вторым вопросом значилось «отношение к горцам Терской области».

Сталин говорил:

Давая Вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели царские генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках Конституции России...

Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат, Советская власть не думает объявить войну шариату.

Если будет доказано, что органы Чeka и Особого отдела не умеют применяться к быту и особенностям населения, то ясно, что соответствующие изменения должны быть внесены и в эту область.

Было заявлено, что у каждого народа будет собственный «национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних».

Значит ли это, что горцы будут тем самым отделены от России?.. Нет, не значит... Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа горской советской автономии [Союз горцев 1994: 364—366].

¹ Такие предупреждения не были беспочвенными. Из прошения уполномоченных станиц Сунженской (казачьей) линии Большому войсковому кругу Терского казачьего войска, датированного 1919 г.: «Мы, представители станиц Сунженской линии... [собрались] для обсуждения вопроса о житье-бытье жителей названных станиц в отношении краж, грабежей и разбоев и убийств, зверски чинимых нашими соседями ингушами. Причем пришли к следующему... В последние годы, а в особенности в начале внешней войны, начиная с июля 1914 года, Ингушевское население, как оставшееся с мала и до велика свободным от военной службы, поголовно занялось давнишним своим промыслом, кражами и грабежами, и последними довело казачье население до невозможности даже открытого выступления. Несмотря на чинимые кражи, грабежи и разбои, Ингушевское население во время Господства большевиков в Терской Области [дошло] до совершенной наглости, в результате чего было уничтожение станиц Фельдмаршальской, Сунженской, Тарской с хутором и Акиюртовской, и жители сказанных станиц были обречены на явную гибель, кроме этого, ими же, ингушами, уничтожены все хутора и экономии, находящиеся в Сунженском отделе, что крайне убыточно и вредно отозвалось на нашем благосостоянии. В данный момент, когда все казачье население привлечено на службу для борьбы с большевиками, Ингуши, как свободные от службы, еще пуще начали проявлять свое зверство...» [ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 7—7 об.].

На вопрос, что за автономия предоставляется горцам, Сталин дал пространственный ответ. Он отметил, что автономии бывают разные: политические и административные. У карел, черемисов, чувашей, немцев Поволжья она административная, а у башкир, киргизов, татар Поволжья — политическая. Горцам Северного Кавказа предоставляется политическая автономия. Такую интерпретацию новых «политических прав», предоставлявшихся государством северокавказцам, следует понимать в контексте высокой конфликтности региона.

Несколькими днями ранее (13 ноября 1920 г.) И. Сталин провозгласил автономию Дагестана и в своей речи по данному случаю уточнил:

Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены.

Вместе с тем считаю необходимым заявить, что автономия Дагестана не есть его отделение от Советской России. Автономия — не есть независимость. Россия и Дагестан должны сохранить между собою связь, ибо только в этом случае Дагестан сможет сохранить свою свободу. Давая автономию Дагестану, советское правительство имеет определенную цель выделить из среды местных работников честных и преданных, любящих свой народ, и вверить им все органы управления Дагестана, как хозяйственные, так и административные. Только так и таким образом можно сблизить советскую власть в Дагестане с народом. Никакой другой цели, как поднятия его на высшую культурную ступень, путем привлечения местных работников, советская власть не имеет [Союз горцев 1994: 363—364].

Возвращение вольностей — это одно, автономные начала сосуществования — в немалой степени другое. Что было услышано делегатами съезда в первую очередь, как воспринято и чему отдано предпочтение — вопрос, по большому счету, открытый. В свою очередь, партия большевиков руководствовалась установками, разработанными В. И. Лениным (см. предыдущую главу). В общем контексте этих установок не выглядит случайным то, что в политической лексике руководителей национальных автономий 1920-х гг. устойчиво фигурировало определение «страна» применительно к подведомственным их власти территориям. По крайней мере, оно было широко применяемо руководителями Дагестана, автономии в составе РСФСР, хотя меньше по сравнению с Горской Республикой, отягощенной внутренними неурядицами (о которых ниже). В документах, составлявшихся в ту пору в Махачкале, да и во Владикавказе, слово «автономная» при написании названий республик и буква «А» в соответствующих аббревиатурах опускались. Подобное имело распространение среди других автономных республик РСФСР, претендовавших на «особое» положение в данной государственной структуре, по крайней мере, аналогичным образом поступали в Татарской и Башкирской республиках. Руководство Дагестана с очевидностью воспринимало собственную «страну» не заштатной автономной территорией большого государства². Если в

² Хотя в принятой в эти годы Конституции ДАССР (или ДССР) говорилось: «Дагестанская Социалистическая Советская Республика является автономной, входит на основе федерации в состав РСФСР, а через последнюю и в СССР. Автономные права ДССР ограничены лишь в пределах, указанных конституциями СССР и РСФСР (ст. 15). Все декреты, постановления и распоряжения, издаваемые ЦИК'ом (а также президиумом его) и Совнаркомом СССР, ВЦИК'ом (а также его президиумом) и Сов-

1920 г. Сталин говорил о готовности центральной власти доверить в республике все органы управления местным «честным и преданным» работникам, в 1923 г. XII съезд РКП(б) в свете решения национального вопроса в СССР одним из ключевых назвал «коренизацию» аппарата на местах, то в 1925 г. глава правительства — председатель ЦИК ДАССР³ Нажмутдин Самурский назвал подобную задачу одной из главных [Самурский 1925а: 132]. Нежелание республиканских руководителей допустить, чтобы мусульманской «страной» управляли иноверцы, звучало напористо и было обусловлено предшествующей историей взаимоотношений Дагестана с Россией, которая рефлексивно переносилась в настоящее.

Надо заметить, что вопрос об автономии горцев при его обсуждении вызывал разногласия. На Северном Кавказе и в Дагестане местные работники в первые годы установления советской власти вынашивали идею создания в регионе независимой советской республики [Летифов 1972: 31]. Одновременно немалое число советских работников, главным образом не из местных, напротив, сомневались в обоснованности создания даже автономий, ссылаясь на отсутствие у горских народов достаточного для этого экономического и культурного потенциала, национальных кадров и т. д. [Там же: 32]⁴ Однако политическая линия партии на тот момент была определена, и ей, после настоятельных разъяснений главных лиц товарищам на местах, надлежало следовать.

Сказав, что определенность была выработана на тот момент, мы имеем в виду некоторые сомнения и среди первых лиц государства относительно выбранной формы административного размежевания региона. По воспоминаниям Дж. Коркмасова (в 1921 г. почетный председатель Совета Оборона Северного Кавказа и Дагестана), на состоявшейся 12 февраля 1921 г. встрече В. И. Ленина с делегацией ответственных лиц из недавно провозглашенной Дагестанской Республики среди прочих председателем СНК РСФСР были заданы и такие вопросы:

— А каковы у вас отношения с Горской республикой? Считаете ли вы целесообразным существование двух отдельных республик?

Мы не могли не отметить, что дагестанская по-арабски значит то же, что и горская по-русски, что обе республики имеют, конечно, много общего.

— Ну, а все-таки революция выигрывает от существования двух отдельных республик? — попытался Ильич.

— В данное время надо признать, что мы все еще недостаточно огляделись, недостаточно самоопределились.

— А позже будет ли это целесообразно? — настанвал он.

— Горская республика богаче Дагестана. Присоединение к ней облегчило бы нам развитие, ускорило бы его. Да и Горской республике было бы, вероятно, легче справиться с основными задачами организациями трудовых масс. Дагестан сумел изжить племенную борьбу. Классовая дифференциация у нас пошла глубже и шире охватила крестьянство, борьба острее, поэтому ориентация масс

наркомом РСФСР, обязательны к непосредственному исполнению на территории ДССР» [Дагестан 1929: 27—28].

³ В 1921—1928 гг., а в 1934—1937 гг. — секретарь Дагестанского обкома ВКП(б).

⁴ В те годы в Центре и на местах «многие товарищи» призывали «твердо стоять на пути строгой пролетарской диктатуры», полагая, «что пресловутые „самоопределение“, „автономии“ и т. п. не стоят выеденного яйца, понимая это как дипломатическую игру...» (цит. по: [Национальная политика 1997: 258])

устойчивее. Можно было бы признать, что слияние пошло бы на пользу революции.

— Я тоже думаю, что впоследствии можно было бы не возражать против слияния [В боях за власть 1957: 16].

В этом (скорее всего, отредактированном) тексте прозрачно видно, что члены дагестанской делегации не были склонны менять положение своей республики и прозвучавший ответ был фактически вытребован от них вождем мирового пролетариата. И здесь же отметим, что члены делегации обоснованно указывали на отсутствие «племенной борьбы» в Дагестане в отличие от Северного Кавказа, хотя в оценке сознательной «ориентации» дагестанских масс на революционные преобразования заметно преувеличение. В свою очередь, увязка Лениным вопроса о национальном устройстве конкретного региона с достижением «пользы» для революции (в мировом масштабе?!), или, точнее, подчинение первого второму, скорее всего, говорит о крайне общем подходе теоретика и вождя мирового пролетариата к реалиям на местах в том же регионе⁵.

Так либо иначе, 20 января 1921 г. Всероссийский ЦИК издал постановления об образовании Дагестанской Автономной Социалистической Советской Республики и Автономной Горской Социалистической Советской Республики как частей РСФСР. В состав последней включались территории, «занимаемые ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами и карачаевцами и живущими между ними казаками и иногородними (крестьянами-переселенцами из центральных губерний страны. — Ю. К.)», с делением их по соответствующим национальным округам [Союз горцев 1994: 369—372], за исключением особого казачьего округа (таковой в виде Сунженского округа был сформирован позднее)⁶. Города Владикавказ и Грозный (вместе

⁵ В резолюции совещания Кавбюро ЦК РКП(б) с секретарями партийных организаций, представителями профессиональных организаций Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Горской Республики и Абхазии и политработниками частей отдельной Кавказской армии, проходившего в августе 1921 г., значилось: «1. Для социалистической революции России Советский Кавказ является аванпостом, который в одном из двух главных направлений защищает пролетарскую революцию против капиталистической Европы. Исходя из этого, мы должны продолжать поддерживать всякое национально-освободительное движение на Ближнем Востоке, направленное против Антанты. Кемалисты и национально-революционные элементы Персии должны привлечь к себе самое чуткое и внимательное отношение со стороны Советского Кавказа. 2. В области внутренней политики на первый план выдвигается задача дальнейшего упрочения братской солидарности трудящихся масс на основе тесного экономического объединения. Для преодоления пережитков национализма коммунистические партии вынуждены совершенно сознательно идти на некоторые временные уступки националистическим стремлениям масс, что преследует цель безболезненного изживания шовинистического яда, оставленного в наследство меньшевиками, дашнаками и мусаватистами. Эти уступки ни в какой мере не должны отражаться на ясности и устойчивости наших принципов внутри партии... 3. Независимость советских республик Кавказа является для нас фактором борьбы в международном отношении, фактором борьбы с национальной ограниченностью и отсталостью. Независимость отнюдь не означает разъединения трудящихся Кавказа...» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 4].

⁶ В апреле 1921 г. Учредительный съезд Советов Горской ССР удовлетворил «особое ходатайство Еленчукских (зеленчукских. — Ю. К.) горских народов Баталпа-

с нефтепромыслами) выделялись в самостоятельные административные единицы, непосредственно подчиненные ЦИК и Совнаркому РСФСР.

По-особому складывалась судьба адыгов (черкесов, которых вскоре стали именовать адыгейцами), проживавших на небольшой территории в Кубано-Черноморской области анклавом и во многих случаях чересполосно с казачьими станицами и поселениями иногородних. Специфика положения в этой части региона заключалась в том, что «национальные возможности в Адыгее» сводились к земельной тяжбе между русским крестьянством и местными горцами, обусловленной тем, что черкесы (адыгейцы) еще с дореволюционного времени располагали большей долей земли на душу населения по сравнению с иногородними. Последние добивались увеличения своих земельных наделов за счет перераспределения земли, а черкесы (адыгейцы) этому всячески сопротивлялись [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 293. Л. 77—78].

Начало пути адыгейцев к автономии было ознаменовано созданием в апреле 1920 г. Мусульманской секции при подотделе по национальным делам областного управления ввиду «сплоченности мусульманских масс в области и совершенного отсутствия понятия о сущности и задачах советской власти, а также принятия неотложных мер в культурно-просветительной области» (цит. по: [Хлынина 1997: 45]). В конце июля 1920 г. в областном аппарате появилась Горская секция. «Вся работа этой секции, — как формулировали в докладе о своей деятельности ее ответственные представители, — кладется на то, чтобы проводить в жизнь все распоряжения высших Советских инстанций», начиная с информирования населения о распоряжениях и мероприятиях, осуществляемых властью [ГАКК. Ф. р-102. Оп. 1. Д. 25. Л. 249].

В задачу членов секции (очевидно, предписанную вышестоящими инстанциями) входило обеспечение лояльности адыгского населения к новой власти. Для этого они совершали поездки по аулам, что особо отмечено в упомянутом докладе. Посещая населенные пункты, они собирали сходы жителей, разъясняли политику партии большевиков и нового правительства и брали с жителей своего рода подписку с обязательством поддерживать новую власть. Тексты подобных документов однотипны (в архиве сохранились копии шести экземпляров оных). Приведем текст одного из них:

Постановление № 22. 1920 года декабря 13 дня. Мы, нижеподписавшиеся граждане, живущие в Ассоколаевском сельском обществе, собравшись сего числа на общем нашем аульном сборе, собранном Инструктором Горской Секции тов. Кадыр Намитоковым, в присутствии тов. Председателя Ревкома Александра Обашенко... выслушав объяснения тов. Намитокова о целях и задачах Сов. власти, о выборах, предстоящих в Исполнительный Комитет согласно Конституции РСФСР, выслушав разъяснения по всем данным вопросам, единогласно постановили приветствовать Сов. власть как единственную истинную защитницу всех нас, трудящихся, от посягательства всех контрреволюционных организаций, бело-зеленых банд, нарушающих нашу мирную жизнь и мешающих нам устраивать новую счастливую жизнь, объявляем своими врагами всех сторонников контрреволюции и борьбу с ними. На выборах в Исполнительный комитет [будем] голосовать за власть трудящихся и сочувствующих РКП(большевики) — истинной защитницы всех трудящихся, и выражаем благодарность

шинского Отдела Кубанской области о присоединении их (черкесов. — Ю. К.) к Горской Республике на правах самостоятельного округа» [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 6. Л. 2а].

инструктору Горской Секции тов. Намитокову, давшему точные, ясные объяснения на нашем родном языке [ГАКК. Ф. р-102. Оп. 1. Д. 330. Л. 2].

Повторим, это типовая форма «подписок» сельских обществ. В некоторых, правда, дополнительно фигурировали благодарности «Великим вождям тт. Ленину и Троцкому» и Красной Армии, но в каждом документе выражалась благодарность тов. Намитокову за точные и ясные разъяснения на родном для жителей адыгейских аулов языке [Там же. Л. 3—7]. Тем самым подчеркивалось то, что власть пришла к народу.

Помимо информирования населения о мероприятиях и делах власти члены Горской секции «в целях нового советского строительства» считали важнейшей своей задачей развитие народного образования и создание «Шариатского народного горского суда» [Там же. Д. 25. Л. 249].

Однако наиболее активные представители секции мечтали о создании независимой Горской (Северо-Кавказской) Республики, ратовали за сохранение народного суда на основе норм шариата, за что были обвинены Кубчерревкой в национализме. Решение вопроса об автономии считалось целесообразным, но форму ее определить было сложно, в частности, из-за отсутствия опыта советского строительства и недостатка работников-националов. В итоге возник Горский окружной исполком, чья деятельность была сопряжена со многими трудностями, преодолеть которые удавалось далеко не всегда. Сложности у него были и во взаимоотношениях с Кубано-Черноморским областным исполкомом. Последний рассматривал деятельность Горского исполкома как форму осуществления посредничества между властью и населением и советского строительства, тогда как Горский исполком видел себя в качестве организации по удовлетворению нужд и потребностей одноплеменников.

В сентябре 1921 г. председатель Горского исполкома Ш.-Г.У. Хакурате, выступая на заседании президиума Кубано-Черноморского областного исполкома, сетовал на вмешательство отделов последнего в работу подведомственной ему структуры, и особенно в вопросы землеустройства и землепользования. Беспокоило его и положение с милицией на местах, так как на работу ее сотрудников было много нареканий со стороны горцев⁷. Областной исполком своим решением предоставил Горскому исполкому право самому выдвигать кандидатов на занятие административных и рядовых должностей в горских аулах [ГАКК. Ф. р-686. Оп. 1. Д. 3. Л. 108].

Однако препирательства по разным поводам между Горским и областными исполкомами, главным образом по поводу создания автономной области, продолжались. В основном конец им положило решение об образовании Ады-

⁷ Они жаловались на необоснованные реквизиции, требования подарков в денежном и материальном выражении, аресте милиционерами неповинных лиц. Отчасти то же касалось и бойцов Красной Армии. Эти вопросы были озвучены на «заседании» (собрании/съезде) горцев Кубано-Черноморской области. Делегаты с мест указывали, что «в качестве милиционеров в аулы назначаются негорцы, которые, естественно, не умеют с надлежащей тактичностью подойти к населению, не знают всех его особенностей, и очень часто попадают в милицию люди с порочным уголовным прошлым», на основании этого было высказано пожелание, чтобы при назначении милиционеров следовали «указанию самого населения, а ответственными руководителями назначались бы люди интеллигентные и опытные в делах милицейских» [ГАКК. Ф. р-102. Оп. 1. Д. 25. Л. 243].

гейско-Черкесской АО, утвержденное Президиумом ВЦИК в конце июля 1922 г., хотя следы взаимного недружелюбия давали о себе знать и позднее⁸.

При общей численности населения вновь образованной области 111 354 чел. черкесы (адыгейцы) составляли более 68 тыс. чел., русские — без малого 40 тыс., представители других национальностей — порядка 3,5 тыс. чел.

Адыгейская (или Адыгейско-Черкесская, как в первое время ее называли) автономная область имела особую конфигурацию территории. «Вытянутая вдоль рек Кубани и Лабы почти на 300 верст, — говорилось в докладной записке Адыгейской автономной области в административную комиссию ВЦИК, — область имеет в ширину от 10 до 30 вер[ст]. Причины такой формы области кроются в различных исторических обстоятельствах, при каких происходило заселение племенем Адыге теперь занимаемой территории» [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 315. Л. 1] (в первую очередь имелись в виду обстоятельства Кавказской войны, что особо оговаривалось в записке). Расселение адыгейцев (черкесов) в плотном окружении русских поселений предопределило трудность образования полноценной социальной и территориальной общности, и отдельные аулы адыгейцев тяготели к «своим экономически более сильным соседям» [Там же. Л. 2 об.]. Как следствие указанного, вновь образованная Адыгейско-Черкесская АО не имела собственного административного центра, а надлежащие ей как субъекту федеративного устройства государства учреждения долгое время размещались в Краснодаре, с которым ее территория непосредственно граничила. По распоряжению ВЦИК, за жителями вновь выделенной Адыгеи сохранялось право на равных с населением Кубано-Черноморской области пользоваться альпийскими пастбищами, территория которых не вошла в ее состав, но которыми они пользовались раньше. В постановлении той же инстанции Центра Кубано-Черноморскому облисполкому предписывалось «строжайше следить за тем, чтобы подведомственные ему органы ни в коем случае не вмешивались во внутренние дела Адыгейско-Черкесской Области, имеющей право самостоятельной губернии» [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 314. Л. 1].

По утверждению Т. П. Хлыниной, в первую очередь адресованному к истории Адыгейской АО, повышение статуса национальных органов самоуправления происходило стихийно, а предоставление статуса автономии являлось компромиссом в системе «национализм — советская власть» [Хлыни-

⁸ На VI съезде Советов Кубано-Черноморской области, состоявшемся в декабре 1922 г. (т. е. вскоре после официального признания Адыгейско-Черкесской АО), председатель облисполкома Толмачев в своем заключительном слове сказал: «В записках несколько раз затрагивался вопрос о Адыгейско-Черкесской Республике. Я полагаю, что вражда между Черкесско-Адыгейской областью — Советской областью, которая выделялась усилиями трудящихся черкесов, и Советской Кубано-Черноморской областью не должны существовать. И если эта вражда замечается, то это или отдельные случаи, или результат контрреволюционной агитации» [газ. «Красное знамя». 1922. № 281, 13 декабря]. Примечательно, что в год образования Адыгейской АО (1922) орган обкома и облисполкома Кубано-Черноморской области газета «Красное знамя» фактически игнорировала тему Адыгеи. Однако в 1923 г. ситуация изменилась, и на страницах этой газеты появлялись материалы, связанные с важными общественно-политическими событиями, имевшими место в Адыгее, в первую очередь съездами Советов (см.: [газ. «Красное знамя». 1923. № 277, 293]).

на 1997: 58]⁹. В некоторой степени это так. Однако нельзя упускать из виду, что почву для обострения взаимоотношений между представителями национальных и наднациональных структур в немалой степени создавало само государство, периодически и в разных регионах страны обращаясь к вопросу о статусе той или иной автономии. Государство «создавало нации», чем и гордилось. И в этих условиях кому, как не ему, было идти на компромиссы.

Решения политико-экономические и хозяйственные

Казачий вопрос

Одно из слагаемых реализовывавшейся политической линии определялось тем, что, как писал Ленин в подготовленном им «Проекте постановления о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народностями», «по вопросу аграрному признать необходимым возвращение горцам Северного Кавказа земель, отнятых у них великорусами, за счет кулацкой части казачье-го населения» [Ленин 1963а: 342].

Для нового руководства страны на словах именно такое решение являлось аксиомой. До прихода в регион России положение дел там якобы было удовлетворительным, после же установления ее власти все испортилось. Член коллегии Народного комиссариата по делам национальностей Ш. Н. Ибрагимов в докладной записке о земельном вопросе в регионе писал:

По всем историческим вопросам, относящимся к жизни горцев Северного Кавказа до их покорения царским правительством, видно, что земельные отношения в то время были весьма благоприятны по сравнению с настоящим положением. Вместе с этим в указанный период хозяйство горцев находилось в гораздо лучших условиях в смысле культуры и обозначенности к человеческому существованию.

И ниже о решении земельного вопроса:

Возникает вопрос, откуда взять недостающую землю. Конечно у многоземельных казаков, иногороднего населения и частично у Кабарды. Ни в коем случае советская власть не должна в данном случае вставать на защиту контрреволюционного казачества, как было сделано одной из Комиссий Всероссийского верховного органа ВЦИК. На Кавказе советская власть главным образом должна опираться на горскую бедноту, которая при наделении земель явится сильнейшей опорой для революции [ГАРФ. Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 21, 22а].

⁹ Среди делегатов I съезда Советов Адыгейской (Черкесской) АО, состоявшегося в декабре 1922 г., царила, по сообщению ГПУ, нездоровая атмосфера: «русские отнеслись к черкесам с недоверием, те платили им ненавистью». На съезде звучали призывы отстаивать национальные интересы, а главное — не выбирать в исполком русских и коммунистов, отрицательно относившихся к местной автономии. Высказывалось пожелание новому областному исполкому наладить связи с черкесами, живущими за рубежом, как якобы наиболее способными принести пользу автономии, говорилось о задачах «преодоления темноты» и создания промышленности с ориентацией на Турцию [Хлынина 1997: 65].

Примем во внимание, что при провозглашении Горской Республики Сталин на первое место выдвинул вопрос о казачестве, добиваясь его лояльности к новой власти, а Орджоникидзе, выступая на совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа, проходившем в 1921 г., говорил, что «необходима беспощадная борьба с верхами казачества, высвобождение беднейших казаков и наделение земель иногороднего населения» [НА СОИГСИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 18. Л. 92]. По этой причине казаков не следовало делать потерпевшей стороной в политическом, хозяйственном и экономическом отношении.

Реалии же были другими. Еще накануне провозглашения Горской Республики Сталин в качестве наркомнаца говорил, что все собранные им материалы свидетельствуют о невозможности «сожительства казаков и горцев в одной административной единице» [Бугай 2000: 46]. И этот тезис получал воплощение.

Немногом ранее, в ходе боевых действий во время гражданской войны, член Реввоенсовета Кавказского фронта тот же Орджоникидзе приказал выселить всех мужчин в возрасте от 18 до 50 лет из станиц Калиновской, Ермоловской, Закан-Юртовской (Романовской), Самашкинской и Михайловской, отправив их на принудительные работы в Донецкий бассейн.

Все остальное население выселяется в станицы и хутора: из станицы Калиновской — на 50 верст на Север и Запад от этой станицы. Из станиц Ермоловской, Закан-Юрт (Романовской), Самашкинской и Михайловской за р. Терек... Все лошади, скот, подводы, хлеб, всякое имущество, пригодное для военных целей, и фураж остаются и поступают в распоряжение рабоче-крестьянской власти [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 17—18].

И это при том, что в 1921 г. на упомянутом совещании опять-таки Орджоникидзе говорил:

Мы как представители власти и коммунистической партии... не могли упустить из виду, что в Кубанской области есть и горцы, но не революционеры. Горские массы — это самые отягченные контрреволюционные массы. Самые лучшие полки Деникина формировались из них... [НА СОИГСИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 18. Л. 92].

Даже из приведенного следует, что политика Центра в отношении казачества и его связей с горцами не была неизменной. Так и случилось с установлением мира, хотя и достаточно шаткого. Центром было принято решение по поводу того, что казаки и горцы должны жить вместе, «не притесняя» друг друга. Здесь нашли выражение то политическое решение и согласованно с ним та модель районирования, согласно которым создаваемые национальные административные образования включали бы в себя и территории проживания русских. Аргументировалось же это экономическими соображениями: «туземные» районы с преимущественно скотоводческим хозяйством соединялись с земледельческими русскими. В итоге новообразованные единицы, по возможности, должны были сочетать три основных национальных компонента — великорусский, малорусский и горский, так как преобладание той или другой из них наложило бы резкий отпечаток на весь хозяйственный уклад района [Хлынина 1997: 101—102].

В автономиях это явно не нравилось, ибо ставка местных властей делалась на выселение казачества в целях решения земельного вопроса.

«Выслушав заявление, — записано в протоколе заседания Большого Совнаркома Горской Республики от 7 мая 1921 г., — Казачьего исполкома об образовании Казачьего округа из станиц, разбросанных в разных местах ГССР, выслушав также возражения всех наркомов о нецелесообразности образования Казачьего округа, могущего в будущем внести в жизнь Горреспублики на почве административной межполосицы разлад и трения, Большой Совнарком постановляет: 1) Казачьего округа в ГССР не образовывать» и подготовить по этому поводу доклад во ВЦИК [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 63. Л. 6].

Концовка постановляющей части была адресована московской власти, рекомендовавшей организацию казачьих округов. И позднее правительство Горской Республики использовало дискриминационные меры в отношении казаков, в частности, запрещавшие возвращение на территории оной тех, кто был выселен из станиц в 1920 г. А таковых было много.

На первом Учредительном съезде Советов Горской АССР, состоявшемся в апреле 1921 г., в целях «разрешения вопиющей нужды горцев в земле» было принято решение о «срочном планомерном выселении казачьих станиц за пределы ГАСССР». А еще до решения данного съезда был составлен «Список станиц Терской области, подлежащих выселению» с указанием числа жителей обоего пола (согласно сельскохозяйственной переписи 1916 г.), суммарно составлявшего порядка 62 тысяч человек, естественно, без выделения среди оных кулацких и прочих элементов ¹⁰.

В том была своя относительная историческая справедливость, ибо большое количество станиц появилось в Крае в ходе и по окончании Кавказской войны на землях, прежде заселенных или использовавшихся горцами, и это было связано с конкретными политическими целями (о чем говорилось ранее). А о щепках, которые летят при рубке леса, ни тогда, ни при установлении новой власти не задумывались.

Положение выселявшегося из станиц населения было более чем сложным. Сунженское станичное общество в начале апреля 1920 г. обращалось в Терский областной исполнительный комитет с письмом следующего содержания:

Заслушав доклад уполномоченных наших по вопросу о срочном переселении нашей станицы (по предписанию председателя Сев.-Кавк. Ревкома т. Орджоникидзе Председателю Владикавказского Ревкома т. Мардовцеву), вполне подчиняясь всем распоряжениям Советской власти, — мы тем не менее находим, что такое срочное переселение положительно для нас пагубно, так как мы окончательно должны быть разорены этим переселением, а потому во избежание тех бедствий, которые мы уже перетерпели при первом переселении в 1918 году, единогласно ПОСТАНОВИЛИ: просить Терский областной Ревком и Председателя Сев.-Кавк. Ревкома т. Орджоникидзе об отмене распоряжения о переселении нашей станицы согласно декретам центральной Советской власти в отношении казачьего населения или об оставлении станицы на своем месте на годичный срок, дабы мы могли воспользоваться посевами озимого и ярового

¹⁰ В этот список были включены станицы Архонская — 4662 души, Ардонская — 2661, Николаевская — 1926, Змейская — 3411, Ассиновская — 3452, Нестеровская — 2645, Троицкая — 4931, Слепцовская — 5279, Михайловская — 3629, Самашкинская — 3286, Зakanюртовская (она же Романовская) — 3575, Ермоловская — 3517, Грозненская — 3299, Фельдмаршальская — 1445, Петропавловская — 2074, Джалкинская (Ильинская) — 7480, Кахановская — 1967, Карабулакская — 2555 душ [ЦГА РСО-А. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 40. Л. 1].

хлебов, чтобы не умереть голодной смертью... [ЦГА РСО-А. Ф. р-36. Оп. 1. Д. 71. Л. 8].

В документе, датированном сентябрем 1920 г. и адресованном в Областной земельный отдел, говорилось:

В под. отдел землеустройства сегодня поступило словесное заявление от представителя выселенного из слободы Алагир русского населения о предоставлении им возможности переселиться на свободные земли в Пятигорском Отделе, мотивируя свою просьбу тем, что им Владикавказским Окружным Земельным Отделом отказано в переселении на старые места, так как таковые заняты осетинами. Русские беженцы сел. Алагир в настоящее время проживают в соседних с селением Алагир казачьих станицах, а также в гор. Владикавказе и испытывают сильную нужду в материальной помощи. На обращение их с ходатайством в Обл. Исполком об их устройстве последний в отношении удовлетворения алагирцев землей предложил земельному отделу выработать в ближайшее время план снабжения их земельными угодьями. Принимая во внимание желание самих алагирцев устроиться на прежних своих местах и имея в виду, что осетины, за предоставлением им во временное пользование достаточного земельного фонда из казачьих земель, в данный момент будут вполне обеспечены землей, а также находя невозможным при настоящих условиях за наступлением осени устроить их в других местах, под. отдел землеустройства находит наиболее целесообразным и вполне справедливым переселить их на прежние места, а расселившимся на их землях осетинам предоставить казачьи земли, отводимые в настоящее время во временное пользование осетин [ЦГА РСО-А. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 40. Л. 4—4 об.].

Это было далеко не единственное обращение населения казачьих станиц региона в те либо иные инстанции новой власти (в том числе и непосредственно к Ленину), которая давала распоряжения о возмещении казакам-переселенцам материальных убытков «со степенью нуждаемости» [ЦГА РСО-А. Ф. р-47. Оп. 1. Д. 481. Л. 1]. Однако если таковое и делалось, то наверняка не покрывало издержек катастрофы местного значения.

Местная власть реагировала на обращения казаков по-своему. В протоколах заседаний Президиума Гороблпарткома отмечалось:

Представители казаков выселенных станиц не зевают, и вопрос о выселенных казаках обсуждается в центре не в нашу пользу благодаря информации, что чеченцы грабят и разрушают дома выселенных станиц и что если не будут возвращены казаки, то Горреспублика потерпит крах (цит. по: [Хубулова 2003: 33]).

Говоря о достижениях советской власти в решении земельного вопроса горцев, автор журнальной публикации начала 1930-х гг. отмечал, что новые аулы на плоскости и плоскогорье появились на бывших кордонных, казачьих и частновладельческих землях:

Большинство аулов нынешнего Мало-Карачаевского района Карачаевской автономной области созданы на означенных землях. В Ингушетии было размещено более 13 тыс. человек на землях бывших казачьих станиц, выселенных отсюда еще в 1920 г., а в Чечне значительно увеличилась земельная площадь (на 112 тыс. га пахотной земли) за счет выселенных в 1920 г. за контрреволюционное выступление четырех больших казачьих станиц: Самашкинской, Михайловской, Алхан-Юрт и Закан-Юрт и др. В первые же годы существования в крае

советской власти в Северной Осетии было образовано около 10 новых аулов на тех же землях на площади в 30 тыс. десятин [Бегеулов 1932: 44].

Однако предпринятые центральной властью действия не удовлетворили власти местные, которые и после указанных земельных приобретений в пользу «своего» населения продолжали жаловаться на соответствующие проблемы. В частности, первый глава Карачаевской автономной области Умар Алиев позднее сетовал на то, что «не было принято своевременное разрешение земельного голода среди горских народов за счет выселения некоторых русских станиц и за счет расширения земельной площади вне пределов Горской Республики» [Алиев 1927а: 181] ¹¹.

Естественно, казаки были недовольны развитием ситуации. Центр пытался решить злободневную проблему.

В начале 1921 г. в Горскую Республику был направлен член ВЦИК В. И. Невский ¹², которому поручалось возглавить объединенную казачьегорскую комиссию по урегулированию земельного вопроса. Деятельность комиссии протекала сложно.

В ее работе приняли участие представители Осетии, Ингушетии и Чечни, а также казачества. От предложения казаков об уравнительном распределении земли между оставшимися станицами после выселения части их представители от указанных автономий отказывались, настаивая на полном выселении казачества. Они категорически возражали (и настояли на своем) против участия в работе комиссии представителей Кабарды, так как рассчитывали решить земельный вопрос не только за счет казачества, но еще и за счет Кабарды (через получение земель Малой Кабарды). В целом Чечня претендовала на получение без малого 152 тыс. десятин казачьей земли, Ингушетия — на 78 тыс. десятин (включая уже приобретенные за счет ранее выселенных станиц), Осетия — на 189 тыс. десятин казачьих земель и земли поселений Малой Кабарды. Аргументировались претензии историческими, экономическими и политическими доводами.

В отчетном докладе о работе комиссии Невский отмечал, что ни те ни другие не обоснованы в полной мере. Первые — потому, что, хотя отношения

¹¹ Ситуация значительно отличалась в Кубанской области, где проживали адыги и где предпринимались шаги к формированию адыгейско-черкесской автономии. Там урегулирование земельных отношений выразилось лишь в установлении точных административных границ между населенными пунктами черкесов и русских, а не в перекройке земель в пользу горцев [Хлынина 1997: 38]. Специфика положения с обеспеченностью земель в данной области Северо-Кавказского региона заключалась в том, что хуже обеспеченным ею было русское население [Советская деревня 2000: 58, 93].

¹² Невский Владимир Иванович (настоящая фамилия и имя — Кривобоков Феодосий Иванович) [2(14).5.1876—26.5.1937] — советский государственный и партийный деятель, историк. Член Коммунистической партии с 1897 г. Родился в Ростове-на-Дону в семье купца. В революционном движении с 1895 г. В 1897 г. — один из организаторов социал-демократического кружка в Ростове; затем учился на естественном факультете Московского университета. В 1899 г. исключен за революционную деятельность. После Октябрьской революции 1917 г. нарком путей сообщения. В 1919—1920 гг. член Президиума и заместитель председателя ВЦИК, одновременно заведующий отделом ЦК РКП(б) по работе в деревне. В 1921 г. ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. С 1922 г. заместитель заведующего Истпартом ЦК РКП(б). С 1924 г. директор библиотеки им. В. И. Ленина в Москве.

казаков и горцев действительно вызваны проблемой исторического прошлого, однако казаки выполняли волю «царизма» и последний повинен в сложившейся ситуации. Экономические расчеты, представленные горской стороной (включавшие данные о населении указанных территорий и количественные данные об обеспечении его земель), не вполне точны. Политические доводы сводились к заслугам горцев в борьбе с контрреволюцией и — наоборот — к участию казачества на стороне белой армии. Невский отвечал, что дело обстояло не совсем так, и приводил свои аргументы. В частности, указывал, что советская власть сама оттолкнула от себя значительную часть казачества. Уже к этому времени (1921) было «выброшено более 25 тыс. трудового населения, которое разбредлось теперь по разным местам и побирается под окнами с сумой или от отчаяния вынуждены уходить в разбойничьи шайки». В дополнение к этому он заметил, что на стороне белых воевали не только казаки, но и кабардинцы, и осетины [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—18].

В своем докладе В. И. Невский писал:

Спрашивается теперь, что же сделано местной властью для той горской бедноты, положение которой действительно ужасно и земля которой действительно нужна? Дана ли хоть та земля, которая отобрана у казаков? Нет, и еще долго не будет дана, ибо на казачьи земли претендует прежде всего богатая плоскостная часть чеченцев, ингушей и осетин.

Причина этого в том, что горцы занимаются скотоводством и им нужны горные пастбища, у них нет инвентаря для обработки земли, не на чем спуститься с гор и не на что обзаводиться хозяйством. К тому же, по его утверждению, они знают, что богатеи не дадут им землю. И повинно в этом руководство Чечни в лице Эльдарханова и Шерипова (по замечанию Невского, бывшие кадеты), ибо ни они, ни весь состав Чеченского исполкома авторитетом в округе не пользуются.

Аналогичная ситуация — отсутствие «советской политики» — наблюдается и в Ингушетии, и в Осетии. Это «видно хотя бы из того факта, что 30 тыс. осетинских беженцев... (из Южной Осетии. — *Авт.*) наполовину вымерли, наполовину погибли под тяжестью эксплуатации тех самых осетин, которые так теперь хотят выселить казаков и будто бы хотят отдать землю своей бедноте» [Там же. Л. 18—19].

Помимо этого, Невский отмечал невыгодность передачи казачьих земель горцам, так как рабочие Грозного (а также Владикавказа) окажутся голодными, ибо не надеются на поставки продуктов новыми возможными поселенцами окрестностей города и Сунженского отдела. Не было надежд, что горцы будут успешно выращивать пшеницу; опыт показал, что те из них, кто уже обосновался на плоскости, продолжают, как привыкли, заниматься кукурузоводством. Садоводство, бахчеводство, огородничество зачахнут [Там же. Л. 20].

Но может быть, соглашаясь с тем, что выселение казаков подрвет экономическую мощь Горской республики, многие скажут, да, это верно, но приходится на это пойти, ибо мирно жить с казаками нельзя. Оставление казаков это значит вечное брожение в горах и борьба с казаками.

Да, действительно, при нынешнем положении в станицах жить нельзя: каждый день казаки выполняют помимо советской еще другую разверстку, налагаемую на них ингушами, чеченцами и осетинами («...страдательным элементом являются и осетины...»). Но это разверстка не только скотом, а и людьми [Там же].

Одна из причин этого в том, что горцы вооружены, а казаки разоружены. Другая — попустительство властей национальных образований бандитам, что подтверждалось документами, прилагавшимися к докладу. При этом Невский не делал обобщений, упрекая народы в целом в пристрастии к бандитизму, подходя к данному вопросу с классовых позиций.

Выводы доклада сводились к следующему — земли в Горской Республике достаточно для удовлетворения бедноты и даже переселенцев из России. Для решения же основного и главного вопроса «текущего дня» необходимо: произвести уравнилельное землепользование; ликвидировать чересполосицу путем поселения горцев рядом со станицами; осуществить разоружение горцев (выделено особо); организовать смешанные отряды милиции; ввести круговую поруку; вести беспощадную борьбу с горской и казацкой буржуазией и др. [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 23—24].

Нетрудно догадаться, что итоги работы комиссии в горских округах были встречены негативно [Кислицын, Перехов 1989: 107—108; Хубулова 2003: 34, 36].

Уже после этого, в июне того же года, казачья делегация ставила вопрос «об объединении русского населения Горреспублики в одном округе» [ГАРФ. Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 135. Л. 4]. Однако судьба казачества еще не была решена, но во время своего пребывания на Северном Кавказе весной 1923 г. председатель ВЦИК М. И. Калинин обратил внимание на несовместимость классовой природы советского государства и требования огульного выселения казачества [Бугай 2000: 43—44].

В свою очередь, А. И. Микоян, руководитель Северо-Кавказской краевой организации, проникся сочувствием к казакам, которым было запрещено носить оружие и отказано в публичных джигитовках, на фоне чего они сами отказывались носить шапки-кубанки. Согласно воспоминаниям самого Микояна, он принял решение об отмене данных ограничений [Микоян 1999].

Негативное отношение руководства ГАССР к казачеству сохранялось, однако в 1924 г. в ее составе появился Сунженский казачий округ, просуществовавший до 1929 г., когда не стало уже самой республики.

В условиях такой неопределенности отношения между горцами и казаками оставались весьма напряженными.

* * *

В литературе последних лет о судьбах казачества со ссылками на архивные документы приводятся доводы о неоправданности с экономической точки зрения силовых подвижек населения. Получив в свое распоряжение новые земли, горцы якобы даже не позаботились убрать с полей созревшее зерно, а потом снова засеять поля. Да и сами освобожденные казачеством станицы не заселялись [Бугай 2000: 32, 38; Виноградов и др. 2012: 160—161; Кислицын, Перехов 1989: 106].

Однако это не в полной мере соответствует действительности. Реалии были сложнее.

Сошлемся на другие материалы, свидетельствующие о том, что горцы, в данном случае чеченцы, которым была предоставлена возможность переселяться в «освобожденные» селения, не чувствовали себя в безопасности и обращались за помощью в советские органы власти.

В одном из документов той поры отмечалось:

Выяснилось, что в освобожденных станицах совершенно нет никакой власти, чеченцы, напуганные провокационными слухами, что казаки намерены вернуться в станицы, не предпринимают никаких мер для организации своих хозяйств. По заявлению Зампредчечисполкома Д. Шерипова и Предгорсовета Дьяченко, организация твердой власти возможна тогда, когда с этих станиц будут выведены красноармейские части, которые своими поступками поддерживают казаков и пугают провокационными слухами чеченцев-переселенцев. Заседание (исполкома Чеченского округа. — *Авт.*) постановило просить ГорЦИК вывести из освобожденных станиц красноармейские части [ЦГА РСФСР. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 71. Л. 7].

Дома новопоселенцев и сами они во время полевых работ обстреливались выселенными казаками, что с очевидностью не способствовало переселенческому процессу и освоению горцами новых угодий [Хубулова 2003: 36].

Примем во внимание и другое обстоятельство. Автор официальной публикации замечал:

Несмотря на нежелание плоскостной части Чечни, казачьи станицы, освобожденные для чеченцев, все-таки заселяются горцами; хотя еще не целиком, но «саботаж» плоскостных элементов уже прорван, и всякие разговоры о том, что «казаки вернутся и горцев вновь загонят в горы», исходящие от зажиточной части плоскости, уже никакой силы не имеют [Бутаев 1923: 27]¹³.

Как видим, положение было далеко не однозначным.

Совершенно особое содержание казачий вопрос получил в Дагестане. Однако об этом в другом месте.

Кабардинский вопрос

Другой «областью», своим земельным «богатством» привлекавшей внимание руководства и большей части населения вновь образованной Горской Республики, была Кабарда. В Средневековье и в начале Нового времени она являлась одним из главных политических субъектов на Северном Кавказе. Соответственно, и ее земельные пределы были наиболее значительными. Кабарда — это степи и предгорья, без которых не могло существовать хозяйство жителей горных районов (не случайно Балкарию и Карачай в дореволюционной литературе часто называли пятью горными обществами Кабарды). Так сложилось истари, и от этого вряд ли можно было уйти на момент образования Горской Республики.

Когда в рамках республики территории национальных округов были объединены (т. е. в известном отношении стали общими), то возник вопрос о равных возможностях для всех. Учредительный съезд Советов ГАССР обязал ЦИК и Наркомат земледелия этого административно-государственного обра-

¹³ Данный пример не единственный. Сошлемся на факт, зафиксированный в дореволюционной Осетии. Там на одном из собраний крестьян во время событий 1905 г. при обсуждении вопросов о захвате помещичьих земель и последующем уравнительном землеустройстве возник вопрос о том, делиться ли вновь приобретенным с безземельными горцами, и на него был получен категорический отрицательный ответ [Цапликов 1906: 106—107].

зования «в спешном порядке урегулировать земельные отношения между окрестностями и народностями, входящими в состав ГАСССР, на уравнительных началах» [Съезды советов 1959: 718, 719]. Изъятие земли у казаков в полной мере данный вопрос не решало. Было намечено перераспределять и земли Кабарды.

1920 г. датирован документ «Степень развития хозяйственной жизни Кабарды и ряда других народностей Горреспублики» (архивное дело, в котором он содержится, имеет название: «Обзор развития хозяйственной жизни народностей Горской Республики»). То есть он был составлен сразу после провозглашения Горской Республики или в ходе ее юридического оформления¹⁴. В документе представлена развернутая характеристика экономики национальных северокавказских обществ и являвшегося следствием этого их социально-политического положения.

Выделение туземной части бывш. Терской обл. в Автономную Горреспублику заставит отдельные народности ее в неодинаковом культурном и хозяйственном развитии. Конечно, подобное положение не может создать благоприятной обстановки для нормального развития хозяйственной жизни каждой народности. Особенно это тяжело скажется на тех народностях, хозяйственная жизнь которых ушла вперед, в частности, это отразится на хозяйственной жизни Кабарды. Ее хозяйственная жизнь, как увидим ниже, далеко ушла вперед от ряда других народов Горреспублики, и потому для Кабарды неизбежно стоит вопрос или выделиться в АВТОНОМНУЮ ОБЛАСТЬ, или на несколько лет остановиться в своем культурном и хозяйственном развитии, а может быть и регрессировать.

Тип хозяйства Кабарды однообразен по всей ее территории, между тем как тип хозяйства остальных народностей не одинаков. Кабарда в главной своей массе имеет устойчивое зерновое хозяйство, Чечня, Осетия и Ингушетия — частью неустойчивое зерновое, частью зерновое и в большей части полукочевое зерноводческое, Балкария и Карачай полукочевое скотоводческое [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 109. Л. 1].

Далее излагались экономические выкладки по материалам переписи 1916 г. и публикациям конца XIX в. Их суммирование и анализ позволили автору документа делать следующие выводы:

...Кабарда, имея довольно развитое зерновое хозяйство и притом вполне обеспеченное живым инвентарем (скотом. — Ю. К.), сможет легко и безболезненно освободиться от хозяйственной разрухи и выйти на путь вполне интенсивного хозяйства. Однако это возможно только при том условии, когда хозяйственная жизнь Кабарды не будет тормозиться со стороны остальной части Горреспублики. Но подобное положение абсолютно невозможно, ибо остальное хозяйство остальных народностей неизбежно задержит естественное развитие кабардинского хозяйства... [Там же. Л. 9].

Кабарда не может рассчитывать на привилегированное положение, а будет удовлетворяться наравне с другими. Но это будет противоречить самому хозяйству Кабарды. Быстрый рост ее хозяйственной деятельности требует особого внимания и по возможности удовлетворения, по возможности его запросов прогрессирующего хозяйства [Там же. Л. 11].

¹⁴ В государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания хранится его копия, а оригинал, как указано в последней, находился в Партархиве Тбилисского филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) [Ф. 12. Д. 112. Л. 6—9]. В доступной копии документа автор не указан.

Итоговая часть документа гласила:

...Противоречие хозяйственных интересов (зерновое и пастушеское хозяйство), неодинаковый культурный уровень — все это не может не сказаться на общей хозяйственной и земельной политике Горреспублики. И Кабарда, стоящая значительно выше, должна будет выравниваться по линии, занимаемой остальными народностями. Между тем это не только противоречит жизненным интересам Кабарды, но и всего Государства в целом. Будет на десятки лет задержано развитие производительных сил такого богатого района, как Кабарда. Подобное положение недопустимо в данный момент, когда всякий тормоз в развитии, а тем более регресс, противоречит всей политике РСФСР. Вот почему, чтобы дать толчок быстрому развитию производительных сил Кабарды, необходимо выделить ее из Горреспублики в Автономную область. Это диктуется всей хозяйственной жизнью Кабарды [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 109. Л. 12].

Схожие обращения поступали в Центр из Кабарды не единожды.

Все соседи предъявили непомерные требования... Удовлетворение их требований вызовет неизбежное кровопролитие... Срочно примите меры, поставьте в известность ЦК РКП(б) и ВЦИК (цит. по: [Чеботарева 2008: 172]).

Кабарда все время имела и имеет тяготение к РСФСР, ибо с национальностями Горской Республики Кабарда в экономическом отношении совершенно не связана [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 63. Л. 30].

Было высказано опасение, что «дальнейшее искусственное экономическое прикрепление Кабарды к ГССР губительно отразится на восстановлении разрушенного крестьянского хозяйства трудящихся Кабарды... что, несмотря на превосходящий культурно-экономический уровень трудящихся Кабарды по сравнению с другими народами ГССР, существуют еще не вполне изжитые, чисто бытовые признаки туземца», на основании чего оглашалось твердое намерение выделиться из состава ГАССР и образовать самостоятельную автономную область в рамках РСФСР.

Впрочем, поднимался вопрос и о выделении Кабарды в статусе не автономной области, а республики.

На 4-м съезде Советов Кабарды, состоявшемся в июне 1921 г., Назир Катханов¹⁵, влиятельная политическая фигура того времени, говорил:

Советская Россия дала возможность и право всем народностям самоопределяться (так появилась Горская республика). Теперь мы, кабардинский народ с живущими в Кабарде русскими, нашли необходимым и возможным перед центром самоопределяться... Почему теперь, ссылаясь на те слова представителей трудящихся, почему мы не должны сказать громко, почему, выходя из Горской республики, почему нам не определиться в Кабардинскую республику. Неужели мы не можем нести знамя Республики, как татарский народ, как киргизский и как другие. Уверяю, что мы, кабардинцы, и при старом и при новом [порядке] были и будем кабардинцами. Мы не уступим ни одной Республике, если будем называться республикой. Я предложил бы ставить вопрос о выделении в рес-

¹⁵ Катханов Назир (Назыр) Адильгиреевич (1891—1928) — представитель кабардинской духовной интеллигенции. Во время гражданской войны являлся командиром советской шариатской колонны. В апреле 1920 г. стал начальником окружной милиции.

публику, а не в область. Я уверен, что центр пойдет нам навстречу. Если мы вообще выделяемся, то почему мы будем урезывать свои права. Каждый знает, что автономные областные права ниже республиканских прав. Мы должны требовать то, что требуют другие народности. Я думаю, что вы мое предложение примете. Мы хотим здесь осуществить государственный акт серьезный, и центр на это пойдет... [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 14—15].

Однако на другом заседании этого же съезда Н. Катханов вынужденно говорил уже иначе:

...После долгих советов и после беседы с тов. Сталиным, который советует и считает это (выделение в статусе республики. — Ю. К.), находя, что если вы докажете себя автономной областью, то затем можно будет перейти к республике, а пока считает это преждевременным. И вот, учитывая это положение, чтобы представители не думали, что у нас есть какие-либо разногласия, я считаю целесообразным свое предложение снять и предлагаю согласиться на предложенную резолюцию [Там же].

Съезд принял резолюцию о выделении Кабарды из состава Горской Республики в статусе автономной области. Несмотря на все протесты по данному поводу руководителей ГССР, находившийся в Кабарде наркомнац Сталин заключил: «Если этого хотят трудящиеся, то так и должно быть» [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 63. Л. 30]. 1 сентября 1921 г. Президиум Всероссийского ЦИК за подписью ее председателя М. И. Калинина узаконил принятое решение [Союз горцев 1994: 375—377].

Даже возглавлявший в первые годы советской власти Карачай У. Алиев (с очевидностью заинтересованный в расширении территории последнего, в том числе за счет перераспределения ее с Кабардой, о чем он писал в докладной записке в Центр (см.: [Докладная записка 2010]), позднее работавший в Москве, а потом в руководстве Северо-Кавказского края (что не могло не отразиться на публично высказывавшихся им в это время оценках), вынужден был признать в отношении проводившейся тогда политики по отношению к Кабарде: «Ибо это похоже было не на получение от революции, а потери того, что имели они раньше» [Алиев 1927а: 181].

Земельные претензии соседей к Кабарде имели затяжной характер.

Летом 1923 г. этот вопрос обсуждался на объединенном заседании областного комитета РКП(б) и президиума ЦИК Кабардино-Балкарии. Из выступлений его участников:

Горская Республика задалась мыслью как-нибудь разбогатеть землей за счет кого угодно... Что касается Кабарды, так Горская Республика желает получить следующие земли: почти всю закурпскую часть в районе Малой Кабарды между Курпом и Терекон, большое количество мелких участков в Нальчикском округе, находящихся в пользовании русских хуторян, в Урванском округе огромную площадь кабардинского лесничества, юртовые земли Лескена 1-го и Коголкина, часть станицы Котляревской и, наконец, даже под Кисловодском... [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 63—64].

Общая площадь земель, запрашиваемых ГССР у Кабардино-Балкарии, равнялась 100 000 десятин, однако значительная часть самих участков была крайне невелика — по 3—5—10 десятин, и далеко не все из них имели регистрационный номер. Основанием для претензий служила документация меже-

вого управления бывшей Терской области, сохранившаяся во Владикавказе (центре Горской Республики):

Покупки осетинами земли у кабардинцев они берут во внимание, а кто после этого землю перекупил и кто ею пользовался до революции, они принять во внимание не хотят, при этом они претендуют и на те земли, что осетины брали в аренду у кабардинцев одну, две или полдесятины, хотя бы аренда была и годичная [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 63—64].

Комиссии же, присылаемые для разбора данных споров, «разбираются в вопросе субъективно... ясно показывая свою симпатию одной стороне» [Там же. Л. 61, 62]¹⁶.

Политическую оценку положения Кабарды в таких условиях дал глава исполнительной власти КБАО Бетал Калмыков:

Этот вопрос поднимается неоднократно в продолжение нескольких лет... Старая Кабарда имела границу до Дона и в силу нажима царского правительства отступала и отступала до тех пор, пока не перешла Малку и не задержалась в том уголке, где она сейчас находится... Как только началась революция, князья были частью изгнаны, частью расстреляны, а земля распределена между всеми трудящимися Кабарды. Такие же частновладельческие земли были и у других национальных республик, но там изгнали русских крестьян, а у нас наделили землей всех, кто жил, не считаясь с национальностью, и за это про нас говорят, что мы много имеем земли. Но в тех местах, где действительно земли много, — Кубань-Дон, все население пошло за белыми, а здесь крестьяне грудью стояли за Советскую власть, и ни одна мелкая народность не имеет такой заслуги перед революцией, как Кабарда, которая кровью своей завоевала свой же клочок земли.

В прошлом году сюда приезжала комиссия и много кабардинской земли отрезала и для Карачая, и для Балкарии; Кабарда не могла протестовать, так как ее душил голод, и нужно было как-нибудь спастись самой от голода. Теперь горские (Горской Республики. — Ю. К.) работники надумали разбогатеть и решили, что от Кабарды можно будет отрезать сто тысяч десятин; но для них безразлично, если они получают и тысячу десятин, они и этому будут рады. И перед Советским правительством вопрос нужно поставить ребром: оставить Кабарду в тех границах, какие за ней были закреплены царским правительством, и в этом отказать Советское правительство не может. Если горские работники набрались нахальства требовать землю, принадлежавшую им несколько десятков лет тому назад, так Кабарда должна тоже требовать и Кубань, и Дон, и Ставропольскую губернию, и несколько сот тысяч десятин Астраханских степей, ведь эти земли она когда-то занимала; так мы о таких землях говорить не можем и не будем. Но

¹⁶ Кабардинская сторона неоднократно указывала на необъективное решение земельных вопросов комиссиями из Центра, ссылаясь на подкуп их заинтересованными соседями. «Т. Куйбышевым и комиссией при разрешении вопроса о передаче сенокосных участков и сена карачаевским кошевикам (организованным группам, осуществившим выпас скота. — Ю. К.) и кулакам, а также горцам руководила корыстная цель, ибо, по имеющимся материалам, т. Куйбышевым и членами комиссии получены от карачаевцев в подарок лошадь, седла, бурки, оружие и проч., каковое явление изобличает их не только в нарушении территориальных прав Кабарды, но и в незаконных действиях и преступлениях по должности» [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 5. Л. 34]. «Остатанавливаясь на работе комиссии по установлению границ между Кабардой и Балкарией, не видит особенно беспристрастных результатов решения земельных вопросов, так как председатель комиссии т. Николаев берет подарки от балкарцев в виде бурок и целых пудов сливочного масла» [Там же. Л. 160].

делать такую ломку, как отрезать от нас сто тысяч в тот момент, когда нами начаты колоссальные работы и по возрождению хозяйства, и землеустроительные, это недопустимо. Мы должны перед Москвой поставить вопрос твердо, определенно и решительно — оставить нас в границах, признанных царским правительством, и прирезать ст. Зольскую, Марьинскую и др., входившие ранее в состав Кабарды [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 63—64].

Перед краевой властью Калмыков поднимал и вопрос о переносе столицы автономии в г. Пятигорск [Микоян 1999].

В резолюции, принятой участниками этого совещания, отмечалось, что вопрос о передаче 100 000 десятин земли Горской Республике имеет огромную политическую важность, а его решение в пользу ГАССР может привести «к чрезвычайным стихийным осложнениям в народах Кабарды» [Там же. Л. 65].

«Чрезвычайных осложнений» ни в Кабарде, ни в других автономиях региона не произошло. Однако вопросы регулирования взаимоотношений между автономиями, в первую очередь по земельной теме, еще долгое время оставались актуальными и болезненными.

Судьба и опыт Горской Республики

В работах историков, проникнутых патетикой советского созидания, отмечается, что в условиях, когда «ни один из горских народов не мог в ближайшем будущем собственными силами решить задачи ликвидации политической, экономической и культурной отсталости», создание единой автономии нескольких народов должно было преодолеть эти невзгоды. «Таким образом, объединение в рамках единой государственности отвечало интересам горских народов. Вместе с тем новая национальная государственность не противоречила их национальным особенностям» [Даудов, Месхидзе 2009: 110] (см. также: [Нечипурнова 1968: 97]).

Звучит хорошо.

Однако если принять во внимание дату образования ГАССР (надлежащее постановление ВЦИК датировано 20 января 1920 г.) и время принятия правительством Кабардинского округа решения о выходе его из состава данной республики (решение Кабардинского окружного исполкома от 21 мая 1921 г. и резолюция IV съезда Кабардинского округа от 13 июня 1921 г.), вслед за этим аналогичных решений Балкарского и Карачаевского округов, а в конце ноября 1922 г. и решения советских структур Чечни о выходе ее из состава Горской Республики, то вся относительно полноценная история государственного образования, отвечавшего «интересам народов» и «не противоречившего (их) национальным особенностям», едва ли составит и два года (до 1924 г. ГАССР сохранялась в формате, объединявшем Осетинский, Ингушский и Сунженский казачьи округа). Здравое оценив произошедшее, трудно избавиться от вывода, что избранная модель автономной государственности была ущербной.

Одно дело выставлять опыт создания подобного государственного образования в качестве «примера новой жизни на Востоке» (С. М. Киров), другое дело надлежащим порядком организовать соответствующее бытие. Одно дело провозгласить, что «ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе

вашего быта, нравов и обычаев», другое дело неуклонно следовать линии ЦК партии и принципу партийного централизма, «который, — как говорил на XII съезде РКП(б) К. Махарадзе, — в конечном счете определяет это для всех республик, даже для всех малосеньких, все решительно...» (цит. по: [Национальная политика 1997: 270]), а также принять во внимание, что «горцы любят более всего свою национальность» [Глиноецкий 1862, т. 24: 74]. Любовь к своей национальности в конкретных условиях подразумевала, что не будет уступок в отношении национальности другой, соседней в рамках многонациональной республики. И это было в полной мере продемонстрировано в ходе распада ГАССР — никто, вопреки лозунгу об интернационализме, делиться своими землями, властью и т. д. не желал и по собственной воле этого не делал.

Народный комиссариат по делам национальностей в отчете о своей шестилетней деятельности применительно к Горской Республике отмечал:

Нужно признаться, что при необычайной национальной пестроте и спутанности экономических интересов каждой народности трудно было регулировать работу внутреннего строительства.

Далее указывалось на нехватку кадров для «систематической работы»:

Это привело к тому, что некоторые сравнительно крупные народности, в целях непосредственной их связи с центром Федерации и поднятия культурного и экономического их положения, возбуждали вопрос о выделении их в отдельные автономные области [Шесть лет 1924: 57].

Упоминание в данном случае необходимости поднятия «культурного положения» отдельных народностей звучит как формальный повод для соответствующего решения местных чиновников и вынужденного признания их интересов чиновниками из Центра. Это их дань торжественно распропагандированной национальной политике советского государства.

Еще в августе 1921 г. на Второй Горской областной партийной конференции отмечалось, что Горская Республика появилась не как исторически вполне обоснованная — хозяйственно и политически — единица, а как политический шаг, необходимый в условиях борьбы за советскую власть [Летифов 1972: 55—56].

В год десятилетнего юбилея революции к тому времени уже работник союзного масштаба У. Алиев писал:

Горская Республика, основанная из различных административно-территориальных и несходных по культурному уровню народов, не могла успешно работать. Экономические и земельные противоречия осложняли правильный курс политики, проводимый Горской СС Республикой.

И далее он высказывал претензии к руководству республики, явно подразумевавшие обиду на него его земляков.

Кроме этого, обслуживание Горской Республикой всех горских народов протекало неравномерно, близстоящим попадала львиная доля материального и финансового снабжения, а более отдаленные обрекались на положение пасынков [Алиев 1927а: 180].

Центр республики размещался во Владикавказе; из этого нужно делать определенные выводы — большая доля снабжения могла распределяться между Владикавказским (Осетинским) и Назрановским (Ингушским) округами.

Кабардинский округ чувствовал себя пасынком по другой, не менее, а то и более значимой причине и добился относительной независимости от коллективной автономии. Вслед за ним началась цепная реакция выхода других национальных округов из состава ГАССР.

Тот же У. Алиев отметил:

Естественно, что за выделением Кабарды стало необходимым выделение Карачая, так как, с одной стороны, Карачай оказался, с отходом Кабарды, отрезанным чреполюсией от Горской республики, с другой стороны, потому что Карачай всегда тяготел к Баталпашинску и Кисловодску больше, чем к Владикавказу [Алиев 1927а: 181].

В июне 1921 г. данный вопрос был согласован с И. Сталиным, к концу года выделение Карачая из ГАССР стало фактом, а в самом начале 1922 г. он был объединен с Черкесией в одну автономную область [Там же: 181—183]¹⁷.

Однако конфликты на почве дележа земли не прекращались и «не замедлили вылиться в самую уродливую форму — в межнациональную рознь, принявшую характер военных стычек между Карачаем и Кабардой» в январе 1922 г. [Там же: 183].

В январе 1922 г. со стороны Кабарды была предпринята военная экспедиция в количестве до 600 человек кавалерии, дабы выдворить карачаевцев с арендованных ими у кабардинцев мест с целью «очистки» национальной территории. За этим последовали ответные акции. Конфликт до его разрешения Центром временно был приостановлен вмешательством войск Красной Армии [Там же: 183—184].

В это время и позднее схожие конфликты происходили с участием и других субъектов «национального пространства» региона. Как писал член коллегии наркомнаца Ш. Н. Ибрагимов, «безжизненные горы при отсутствии точных границ между отдельными племенами продолжают вызывать многочисленные трения, иногда доходящие до вооруженных столкновений...» [ГАРФ. Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 22 об.].¹⁸

¹⁷ Соответствующим постановлением было узаконено причисление к Карачаю Малокарачаевского района «с включением в него земель, фактически занимаемых населением Карачая», но исключен г. Кисловодск с предоставлением «Карачаю права войти в добровольное соглашение с Терским губисполкомом относительно предоставления ему в Кисловодске помещения для учреждения Малокарачаевского округа» [ГАРФ. Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 об.].

¹⁸ В частности, в конфликтном состоянии находились отношения между Кабардой и Балкарией, объединенными в одну область, и не только относительно земель. Кабардинская сторона категорически не соглашалась на выделение Балкарии в отдельную автономную область, «так как ряд балкарских сел находится собственно в Балкарии, другие — на территории Кабарды, а сел. Хабас — слишком далеко от национальной границы и своим отходом создаст чересполосицу». Она же не соглашалась на превращение курортного местечка Долинское, расположенного в окрестностях Нальчика, в центр Балкарии, ссылаясь на «захватнические тенденции балкарцев», настаивала на более четких формулировках при определении территорий, нежели выражение «в составе территории, фактически занимаемой ныне населением...» В свою очередь, балкарская сторона помимо прочего оспаривала представительство в органах

Руководство Горской Республики настаивало на перераспределении земель между входившими в ее состав бедными в земельном отношении округами и более обеспеченными соседями. «Победная колесница диктатуры пролетариата, — говорилось в послании председателя СНК ГАССР С. Мамсурова в ЦИК РСФСР, — совершает уже шестой кругооборот, а пролетарское крестьянство Горреспублики вынуждено до сего времени пребывать в атмосфере острейшего земельного голода». После приведения цифр, указывавших на лучшую обеспеченность земель соседей-кабардинцев по сравнению с осетинами и ингушами (в горах в четыре раза и на плоскости в 25 раз), отмечалось:

Необходимо зафиксировать внимание на этих ярких цифрах и сделать из них соответствующие выводы. Пока в районе непосредственного соседства осетин и ингушей, с одной стороны, и кабардинцев — с другой, будет существовать такое вопиюще неравномерное распределение земельной площади, гражданскому миру и порядку не будет места, и поскольку вопрос немедленно не разрешится в организационных (точнее, организованных. — Ю. К.) формах, мы будем стоять перед фактом прогрессирующей гражданской войны, и было бы политически нецелесообразно допустить, чтобы население само взялось разрешать земельный вопрос силой оружия, как это было в прошлом.

Далее следовала ненавязчивая угроза правительственным органам Центра:

Горское население, чрезвычайно чутко относящееся к деятельности Высшего Законодательного органа РСФСР, в результате колеблющейся земельной политики последнего, естественно, может взять курс на политику ликвидации (выделено нами. — Авт.) заслуженного доверия [ЦГА РСО-А. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 77. Л. 29—31].

Центр стремился учесть нужды Горской Республики. В мае 1923 г. состоялось заседание Президиума Федерального комитета землеустройства при Наркомнаце, на котором было принято решение признать необходимость «разрешения земельного вопроса в Горреспублике как по экономическим, так и по политическим соображениям безотлагательно». В качестве частичной меры предлагалось вернуть населению республики участки на территории выделившейся Кабардинской области, которыми они пользовались до революции на праве купли или аренды. В целях же «коренного разрешения» вопроса — для увеличения сельскохозяйственных площадей — планировалось произвести работы по обводнению Алханчурской долины и «обследование Моздокского и других прилегающих к Горреспублике районов для переселения населения Горреспублики в эти районы» [Там же. Л. 6].

Однако политическое настроение населения региона оставалось далеким от желаемого.

Накаляла обстановку не только нерешенность земельного вопроса как такового, но и частичное решение его для одной части населения за счет другой. Так, в одной из сводок ГПУ отмечалось, что «враждебнее всего настроено в отношении к Советской власти население левобережной Осетии», и вызвано

власти АО иногородних (казаков, русских, осетин, немцев, евреев и проч.), «так как такого населения гораздо больше в области, чем балкарцев» [ГАРФ. Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 31 об., 84, 85].

это было «переселением горных осетин в плоскостные места и выделением им земли» [Совершенно секретно 2001, т. 1, ч. 2: 564, 793].

Подобные обстоятельства указывали на неспособность власти ГАССР разрешить проблему, что усугубляло негативное отношение к ней населения. В тех же сводках ГПУ конца 1922 г. значилось:

...В Горской республике необходимо констатировать совершенно ясно обозначившееся нарастание контрреволюционных явлений. В крохотной республике уже сейчас оперирует около 10 довольно крупных банд и продолжается дальнейший рост бандитизма. Нарастанию контрреволюции чрезвычайно способствует продолжающийся и усиливающийся развал местной власти, которая между прочим в столь острый момент самовольно повысила продналоговые ставки.

Наиболее резко эта ситуация проявлялась в Чечне [Совершенно секретно 2001, т. 1, ч. 1: 291].

В последней разрешить проблему доверия населения к советской власти надеялись предоставлением ей автономии, что и было осуществлено в конце ноября 1922 г. (одновременно из Горской Республики был выведен и г. Грозный, который не вошел тогда в состав Чеченской АО, однако часть от реализации нефтепродуктов, которая ранее поступала в доход ГАССР, отныне принадлежала Чечне). Это решение, принятое Центром, для руководства Горской Республики «упало как снег на голову... Никто не ждал. Оставшиеся национальные части ГССР растерялись, пошел разброд». В Ингушетии развилось настроение выделиться из ГАССР вслед за родственной Чечней [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 44. Л. 30—30 об.] и, возможно, объединиться с последней [Бугай, Мекулов 1994: 107]. Вновь прозвучал вопрос о создании Северо-Кавказской Федерации [Там же]. В свою очередь, в Осетии представители Дигорского округа (на тот момент самостоятельного) поставили вопрос об отделении от Ингушетии, так как «Осетия в культурном отношении стоит выше Ингушетии и в материальном богаче» [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 2. Д. 12а. Л. 90]. Обсуждалась и судьба Сунженского (казацкого) округа, причем партийный руководитель Северо-Кавказского края А. И. Микоян отмечал, что последнему в случае распада Горской Республики невыгодно объединяться с Ингушетией [Бугай, Мекулов 1994: 108].

На время автономистские настроения в национальных округах еще сохранявшейся в крайне усеченном виде Горской Республики удалось приглушить. Примечательно, однако, что в Чечне осуществленный волевой акт не привел к ожидаемым результатам, по крайней мере, на первых порах. В декабре 1922 г. ГПУ доносило:

Вопрос о выделении Чечни в самостоятельную область в настоящее время интересует исключительно кулаков, духовенство и сторонников организации в Чечне шариата. Повсеместно организуются шариатские отряды и суды под предлогом, что на местах отсутствует власть, необходимая для защиты населения от бандитов. Кулачеством и духовенством одновременно ведется агитация о неприемлемости Советской власти в Чечне вследствие слабости Советской власти и неспособности установить порядок [Совершенно секретно 2001, т. 1, ч. 2: 547].

Через месяц отмечалось, что «власть на местах фактически отсутствует. Во многие органы Советской власти проник бандитский элемент, который

своим преступным поведением окончательно подорвал ее авторитет в Чечне». На территории вновь созданной АО (за исключением отдаленных горных районов) авторитетом и силовым ресурсом пользовался Али Митаев (в памяти народа оставшийся как шейх), организовавший и возглавивший шариатские отряды и суды (для содержания которых население было обложено налогом в размере 2 пудов кукурузы). Слабо мощные советские органы пытались противопоставить им народные суды, но это им практически не удавалось [Совершенно секретно 2001, т. 1, ч. 2: 564].

Между еще сохранявшейся в сильно усеченном виде Горской Республикой и соседними с ней вновь образованными автономными областями периодически возникали споры о пограничных землях. Конфликтовавшие стороны призывали для разбора подобных ситуаций комиссии из Москвы, которые с трудом справлялись с поставленными перед ними задачами.

Председатель президиума ЦИК ГССР И. Зязиков писал по этому поводу в Москву летом 1923 г.:

...Как только комиссия ВЦИК по выяснению действительных земельных отношений между ГССР и Кабобластью приходит к заключению, что Кабардинская Автономная область должна поступиться некоторой частью своих земель в пользу граждан ГССР, арендовавших эти земли еще до Революции, Кабоблисполком начинает бить тревогу перед Центром в том, что Члены Комиссии предвзято подходят к Кабобласти или же что граждане Кабобласти готовятся к выступлению и столкновение между Горской Республикой и Кабобластью неизбежно [ЦГА РСО-А. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 77. Л. 155].

Выписка из протокола заседания Президиума ЦИК ГССР от 2 апреля 1923 г.:

Слушали: Доклад НКВД о самостоятельном распоряжении Кабардинского облисполкома о присоединении селений Первый Лескен и Ниж. Урух, состоящих в составе ГССР, совершенно не ставя об этом в известность органы ГССР.

Постановили: Опротестовать действия Кабардинского облисполкома, который, обходя органы ГССР, вторгается в его пределы и самостоятельно изменяет ее территорию [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 268. Л. 10].

В том же году в Дигорский окружной исполком начальник специально созданной земельной комиссии докладывал:

Сегодня в 7 часов утра 24 мая мы прибыли в Буан. Разведка балкарцев в количестве 4-х вооруженных всадников встретила нас на краю села. Проводив нас до села, балкарцы потребовали объяснения о целях прибытия нашего отряда. Балкарцы на наш вопрос, почему они перегнали свою скотину на нашу территорию и почему они строятся на нашей поляне «Саккун», заявили, что им со стороны окружных и областных властей К.Б.А.О. приказано строиться в «Саккуне» до приезда комиссии из Ростова, что им также заявлено, что спорная территория по постановлению Центра передана им и что они не будут подчиняться нашим требованиям до тех пор, пока им этого не прикажут.

Я разъяснил им подробно, как был разрешен вопрос о спорных границах в Центре, и предложил им в течение одних суток очистить нашу территорию от скота, а также прекратить постройку домов... [ЦГА РСО-А. Ф. р-45. Оп. 1. Д. 16. Л. 49].

Схожих примеров разногласий округов и «народов» в вопросах собственности на конкретные земельные участки в архивных материалах представлено немалое количество. Ограничимся приведенными.

В ходе «кабардино-карачаевской войны» (так назвал ее У. Алиев и сделал это не без оснований) в «экспедициях для „очистки“ национальных территорий» принимали участие многие сотни вооруженных людей с каждой стороны. Вторым Горский съезд Советов обратился к кабардинцам, карачаевцам и балкарцам с призывом прекратить «кровавый спор за землю»:

Вы, забыв свои добрососедские отношения, решили с оружием в руках, путем братоубийства разрешить вопрос, который злою подлою рукою царских слуг запутан у нас... История нестираемыми страницами обломков скал и гор определяет наш исторический путь, по которому мы должны пойти крепко спаянной семьей братских народов... Споры между трудящимися должны решаться не обнаженными кинжалами и под грохот выстрелов, а вдумчивыми, проникнутыми уважением друг к другу переговорами, залитыми лучами мира [Сюз горцев 1994: 378—380]¹⁹.

Однако «споры между трудящимися» не прекращались и в дальнейшем.

* * *

Опыт Горской Республики примечателен своими невыразительными итогами. Сосуществование «народов» со своими партикулярными интересами и политическими элитами оказалось довольно сложно осуществимым делом. И здесь правомерно отметить, что пример ГАССР не единственный. После выхода из ее состава Карачая и Черкесии была осуществлена попытка их объединения, вместе с казачьим Баталпашинским отделом, в одну административно-территориальную единицу — Карачаево-Черкесскую АО (подобно практически тогда же появившейся Кабардино-Балкарской АО).

Однако энергия руководителей многонационального образования (на территории области проживали черкесы, карачаевцы, казаки, абазины, ногайцы и др.) тратилась на «национальную политику... и тем самым хозяйственно-культурные вопросы отодвигались на второй план; паритетность, вложенная в основу конституции области, временами не соблюдалась и иногда принимала уродливые формы» [Алиев 1927а: 186].

¹⁹ Земельные споры на Северном Кавказе продолжались и позднее, после окончательного расформирования Горской Республики. В этой ситуации Центральная власть оказывалась в замешательстве, предлагая решать подобные вопросы на месте, используя своего рода компромиссы. Так, летом 1924 г. относительно установления границ между Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской автономными областями и Терской губернией за подписью М. И. Калинина была отправлена депеша, содержавшая следующее: «Предложить спорящим сторонам в течение двух лет путем правильного учета всех своих земельных угодий и скота доказать, кому из них более нужны означенные госземельные имущества, и предъявить на них свои требования в порядке с. 158 Земельного Кодекса» [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 2. Л. 121]. Это общее распоряжение уточнялось рядом конкретных рекомендаций схожего содержания [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 50. Л. 15]. На местах же создавались отряды милиции для отстаивания прав на пользование конкретными участками той или другой стороной [Там же. Л. 50, 53]. Центральная власть рекомендовала восстановить практику аренды земельных угодий сельскими обществами и отдельными лицами одних автономий на территории других [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 121. Д. 77. Л. 53].

Конкретизируют формулировку «уродливые формы» архивные данные. Секретарь оргбюро РКП(б) КЧАО Селиванов в конце лета 1923 г. писал по инстанции в Край:

...Положение в области намечается в следующем: черкесская часть деятельно готовится к выборам в Советы под лозунгом «Долой засилье Карачая». Черкесские работники будут требовать на съезде (Советов КЧАО. — *Авт.*), чтобы в новом составе Облисполкома руководящая роль принадлежала черкесам (председатель черкес) (в то время председателем облисполкома был карачаевец Курман Курджиев. — *Ю. К.*), причем указывают, что за время председательства т. Курджиева экономическое положение области не улучшилось... [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 61. Л. 31—31 об.].

В черкесской среде поговаривали о необходимости объединиться с Адыгейско-Черкесской областью. Недовольны обстановкой в области, в частности по причине личных качеств и стиля работы Курджиева, «очень тяжелой атмосферой, царящей в области», были и русские ответственные работники, «стремившиеся во что бы то ни стало покинуть пределы» области [Там же].

Другой информант партийного главы Северо-Кавказского края А. Микоян в это же время сообщал ему о пропагандистской деятельности, развернутой накануне упомянутого съезда Курджиевым и его ближайшими сподвижниками и проходившей под знаком начинающейся угрозы со стороны черкесов [Там же. Л. 39].

Подобные склоки продолжались и в дальнейшем, на что указывают неправявшиеся в Ростов в конце 1924 г. докладные записки [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 128].

Ситуация в области была столь напряженной, что в апреле 1926 г. постановлением ВЦИК КЧАО была разделена на Карачаевскую область, Черкесский округ и Баталпашинский район с казачьим населением, подчинявшийся Армавирскому окружному исполкому. На съезде Советов КЧАО, созванном в июне того же года по поводу ее реорганизации, теперь уже бывший глава исполнительной власти области в ее старом формате К.-А. Курджиев отметил, что объединение было резонным только в период установления советской власти, а ныне, «когда хозяйственное развитие страны вступает на путь усиленного строительства как в хозяйственном, так и в культурном отношении»:

Существование Объединенной Области не вызвано необходимостью, а наоборот, нужно предоставить полную самостоятельность каждой национальности в деле своего развития... Заканчивая свое существование как Объединенная Область, Областной съезд обращается с горячим призывом ко всему населению, населяющему Область и разделяющемуся по разным национальностям, принять все меры в своей дальнейшей работе к окончательному изжитию национальной розни, созданной царизмом, приложив все усилия к созданию тесного единения экономического сотрудничества [ГА КЧР. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 29. Л. 19].

После небольшого перерыва съезд «разделился на три части по национальному принципу: на Карачаевский Областной, Черкесский Окружной и Русский Районный». Выступивший на съезде Черкесии представитель исполнительной и партийной власти Северо-Кавказского края Кульманов отметил: «Решая жизненный для горца вопрос о разделении (выделено мной. — *Ю. К.*) Карачаево-Черкесской Автономной Области», обе ветви краевой власти «были уверены, что, открывая свободный путь Черкесии для развития

своего хозяйства и культуры, поднимут энергию народа, сознающего, что все, что он сделает, сделает для себя» [ГА КЧР. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 18. Л. 1]. Немного позднее в публикации, посвященной Карачаю, некогда его глава, а в то время уже работавший в Москве У. Алиев удовлетворенно констатировал: «Итак, трудности, встречаемые в 4-летнем существовании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области... отпали и тем самым... перед каждым из этих автономных образований открылась широкая инициатива для проявления своей творческой деятельности» [Алиев 1927а: 186].

В данном случае ответственный советский работник не столько искренне заблуждался или ошибался, сколько вынужден был, как партиец, надлежаще отреагировать на политические решения и планы партии и соответствующим образом вдохновлять массы. Об этом красноречиво свидетельствует его весьма критическая оценка произошедших в Карачае за годы новой власти изменений и реальных возможностей дальнейшего ее развития:

Революция уничтожила права аренды в прежней форме. В связи с этим значительно сократилась земельная площадь в фактическом пользовании карачаевцев (с этим трудно согласиться, так как к Карачаю были присоединены новые земли. — Ю. К.). Из боязни лишиться своих земель карачаевцам отказано в аренде даже таких земельных участков, которые фактически никем не эксплуатируются. Так, отошли пограничные кабардинские земли общей площадью до 70 000 десятин, находившиеся испокон веков в пользовании Карачая. По тем же соображениям... отказано в аренде земель в районе Кисловодска. Создается положение, при котором скотовод-горец не имеет ни малейшей уверенности в прочности своего хозяйства и материального благосостояния. «Все хозяйство основано на песке», читаем в трудах Абрамовской комиссии (имеется в виду комиссия, обследовавшая в начале XX в. экономическое положение в горных районах Кавказа. — *Авт.*). Эти слова принимают для КАО весьма актуальный характер, так как все данные указывают на дальнейшее обеднение и обнищание народа [Алиев 1927а: 196].

Критически оценивали результаты «новой» жизни и в Черкесии. Председатель исполкома Черкесского автономного округа Астежев писал в Северо-Кавказский крайисполком о его незавидной доле. Он отмечал, что в период существования Карачаево-Черкесской АО все значимые посты занимали карачаевцы, «отсюда, как следствие, разрешение всех вопросов под углом зрения интересов Карачая» (облисполкому, находившемуся в руках карачаевца К.-А. Курджиева, по оценке автора послания, подчинялось партийное оргбюро области). Результатом этого стало увеличение площади удобных земель в распоряжении карачаевцев на 138 % ²⁰, тогда как земли, используемые черкесами, сократились в результате передачи 5 тыс. дес. совхоза «Уруп» Армавирскому округу. Далее отмечалось, что хозяйство карачаевцев понесло меньшие по сравнению с Черкесией убытки в ходе мировой и гражданской войн, однако именно в Карачай шли основные средства для восстановления и развития хозяйства — сельского, промышленности, а также на развитие школ, здравоохранения и т. д.:

²⁰ «При этом необходимо отметить, что карачаевцы продолжают увеличивать свою территорию за счет русских населенных пунктов, входящих в их территорию, выселением последних за пределы своей области, как это они делали и ранее». Переселение покидавшего Карачай населения в основном происходило на территорию Черкесии [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 83, 84].

В довершение всего, при разделе Карачаево-Черкесской авт. области Карачай получил определенную организацию, предусмотренную Конституцией, образовав собой автономную область, Черкесия же до сих не знает ни своих прав, ни обязанностей, так как наименование национальным округом само по себе ничего не говорит... И все это, повторяю, до мельчайших подробностей известно черкесскому народу... Этим дискредитируется Советская власть вообще и подрывается авторитет местной власти, создавая невыносимо тяжелые условия работы [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 83—86].

Глава Черкесии просил краевые инстанции обстоятельно разобраться с положением дел в этом национальном округе, принять решения и предпринять действия к исправлению ситуации. В 1928 г. Черкесия обрела статус автономной области. Положение в определенном отношении выправилось.

Как считают некоторые исследователи, «такого рода преобразованиями (т. е. разделением «двойной» автономии. — *Авт.*) советская власть не столько удовлетворяла „автономистские“ устремления народов, сколько решала собственные проблемы по созданию управляемых и зависимых от нее автономий» [Хлынина 2007: 128]. Подобная оценка резонна, однако представляется, что действия власти такого рода преследовали двуединую цель, части которой по большому счету были равнозначными.

В отличие от Карачево-Черкесии Кабардино-Балкарская АО сохранилась, но отношения между двумя основными ее частями тоже отличались конфликтностью. Кабардинская сторона категорически не соглашалась на выделение Балкарии в отдельную автономную область, «так как ряд балкарских сел находится собственно в Балкарии, другие — на территории Кабарды, а сел. Хабас — слишком далеко от национальной границы и своим отходом создаст чересполосицу». Она же не соглашалась на превращение курортного местечка Долинское, расположенного в окрестностях Нальчика, в центр Балкарии, ссылаясь на «захватнические тенденции балкарцев», настаивала на более четких формулировках при определении территорий, нежели выражение «в составе территории, фактически занимаемой ныне населением...». В свою очередь, балкарская сторона, помимо прочего, оспаривала представительство в органах власти АО иногородних (казаков, русских, осетин, немцев, евреев и проч.), так как такого населения в области было гораздо больше, чем балкарцев [ГАРФ. Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 31 об.]. Против организации высших органов власти в КБАО на паритетных началах между кабардинцами и балкарцами возражал глава предисполкома Кабарды Б. Калмыков, ссылаясь на очевидные диспропорции ее народонаселения по национальному признаку и на Конституцию РСФСР, о чем он в июле 1922 г. телеграфировал в Москву [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 191]. Разграничение земель между Кабардой и Балкарией затягивалось (а этого требовало население), так что в середине десятилетия соответствующие споры вновь обострились [Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 219].

К логическому завершению своей истории пришла и Горская Республика.

На исходе ее бытия партийный глава Северо-Кавказского края А. И. Микоян, докладывая в Москву, характеризовал ситуацию в регионе следующим образом:

...Должны быть согласованы права автономных областей, предусмотренных конституцией, с положением районирования края. Вопрос же о двух рес-

публиках — Дагестанской и Горской, входящих в Юго-Восток, разрешен следующим образом: Дагестан может присоединиться к Закавказской федерации, отойдя от Юго-Востока, или же быть непосредственно подчиненным Москве (что принято дагестанской организацией)... (Ситуация, сложившаяся применительно к Дагестану, и вопрос о Юго-Восточном, позднее Северо-Кавказском крае, будут рассмотрены ниже. — *Авт.*). Вопрос же о Горреспублике остается открытым впредь до выяснения их мнения... Созданная в 1920 году Горреспублика за эти 3 года потеряла 2/3 своего первоначального состава путем выделения трех автономных областей... Нынешняя Горреспублика объединяет немножко больше 300 000 населения (почти равное количеству населения Чечни), в том числе осетины, ингуши и русские. При таких условиях либо Горреспублика должна быть разбита на две автономные области — ингушскую и осетинскую — и должна наравне с другими автономными областями войти в состав Юго-Восточного края, либо как республика войдет в состав края на особых условиях, предусматривающих автономию ее в ряде вопросов, если и это будет нецелесообразно, то Горреспублика, так же как и Дагестан, не будучи в составе края, не помешает районированию его [ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 171. Л. 6].

Судьба Горской Республики обсуждалась в достаточно острых дебатах сторонников ее сохранения или же ликвидации. Примечательно, что за сохранение республики выступали преимущественно «местные товарищи», тогда как представители Центра Микоян и Орджоникидзе говорили о преимуществах раздельного существования осетинской и ингушской автономий.

Из материалов совещания по национальному вопросу, состоявшегося в ноябре 1923 г.

Относительно общих установок:

...Проводя директивы, преподанные нам Москвой, мы наталкиваемся на очень серьезные препятствия: у нас есть целый ряд моментов, которые очень мешают нашей работе и углубляют ее. Вся наша беда заключается в том, что у нас есть чрезвычайно отсталые народности с низкой ступенью развития и до сих пор еще преисполненные разных адатов и обычаев, которые пора бы изжить... [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 81. Л. 40].

Относительно преимуществ и недостатков раздельного «национального» существования:

...Это значит, что будет осетинский язык, осетинская культура и т. д. в Осетии, где кооперация почти никакой роли не имеет и где рынок будет находиться в руках буржуазии, и это влияние, которое толкает массы к тому, чтобы выделиться в осетинскую автономную область, — это есть тот уклон в сторону развития своего собственного рынка... Я считаю, что уклон в сторону выделения горской народности в особую единицу неправилен и нужно не уклоняться от ГССР, а укрепить кооперативы и захватить рынок, особенно деревенский, в свои руки [Там же. Л. 66].

...У нас есть свои нравы и обычаи, а также и особенности, и нам нужно ввести для каждой национальности свой язык... Сейчас мы плохо живем под одним аппаратом, потому что у нас нет достаточного государственного воспитания, и только тогда мы сможем лучше существовать, когда мы лучше воспитаемся. Если мы будем работать — каждый среди своей национальности, разве от этого мы станем худшими коммунистами [Там же. Л. 74].

Здесь товарищи хотели объяснить количество русских чиновников тем, что... русский чиновник лучше осетина, потому что он влиять на массу не может. Тогда лучше китайца возьмите, они совсем не повлияют. Я считаю, что русские чиновники самые самодержавные, они здесь ненавидят ваш народ и вас не считают за людей, с ненавистью относятся, дела задерживают, если не задерживают сознательно, то плюют на них. А осетин, будучи худшим работником, он свой народ любит немного, любит больше, чем русский чиновник... он будет стараться своему народу служить, чтобы во главе народа стоял он, а не русский чиновник [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 121. Л. 37].

Обсуждение вопроса свелось к тому, что дотационная республика тратит большую часть получаемых из Центра финансовых средств на содержание аппарата (преимущественно состоящего из «русских чиновников») [Там же. Л. 5—6]²¹, вследствие этого она не отвечает задачам и целям национальной политики государства и должна быть реорганизована.

С. Орджоникидзе:

Мне кажется, что, поскольку в основном достигнуто взаимное понимание, разногласий нет... за исключением т. Мальсагова, заявление которого о желании якобы разделить Горреспублику в корне неправильно, надо считать, что проект возражений не встречает... В проекте сказано о том, чтобы национальные комиссариаты передать националам, город сделать столицей этих националов, республики не уничтожать, но вместо той республики, которая есть, создать республику двух автономий... Мы же тут думаем создать союз автономных областей... Эти попытки... могут послужить в будущем ядром федерации горских народов на Северном Кавказе. Лично я до сих пор в этом отношении являюсь неисправимым человеком — не представляю себе возможности управлять горцами Северного Кавказа без какого-либо объединяющего их органа. Пойдет ли по этой линии развитие или придется массу коррективов внести, это другой вопрос.

²¹ С «русскими товарищами», в основном из Владикавказской городской организации, у «туземных товарищей» разногласия были по принципиальным вопросам. В то время как на пленуме обкома большинство первых поддержали линию ЦК, озвученную на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.), вторые (и трое примкнувших к ним «русских товарищей, занимающихся подхалимством») поддержали резолюцию оппозиционной ЦК линии части делегатов съезда. Помимо этого русские товарищи жаловались на «тяжелую обстановку», которую создали в обкоме и в других республиканских органах «националисты». В дебатах, не прекратившихся и после пленума, «страсти горели», одни обвиняли других в национализме, говорили о том, что «влияние адатов, родовых связей, административного и партийного давления и даже куначества, проявляющееся в повседневной жизни, в вопросах дискуссии довершило политику Обкома просто и легко», «туземцы» же «назвали цекистскую половину актива (русских) колонизаторами и шовинистами неприкрытой марки» и доносили в ЦК Юго-Восточного бюро в частности о черносотенных настроениях командования расквартированных в республике частей Красной Армии [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 36. Л. 1, 8]. В низовых ячейках дискуссия по решению съезда партии по национальному вопросу выливалась «в плоскость национальных выгод» [Там же. Л. 10]. «Ажиотаж между русской частью партии и туземной в результате дискуссии углубился. Каждый русский член партии считает за счастье уехать из Владикавказа (за исключением подхалимов...)» [Там же. Л. 12].

При новой планировавшейся федерации намечалось создать союзный совет из представителей национальных автономных областей, что могло бы послужить привлекательным мотивом для вступления в нее Кабарды, Чечни и др. [Там же. Л. 14, 38, 39].

Из протокола заседания:

Проект реорганизации власти в Горреспублике, предложенный Комиссией ЦК, принимается при голосовании членов обкома, кандидатов и контрольной комиссии единогласно при одном против [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 121. Л. 40].

Несмотря на зафиксированную «единогласность» почти сразу же решение комиссии ЦК стало остро дебатироваться и по вопросу, нужны или нужны автономии, а также в связи с будущей судьбой Владикавказа.

Материалы секретного заседания состоявшегося в апреле 1924 г. пленума городского (Владикавказского) и областного партийного комитета дают представление о позициях «автономистов», «антиавтономистов» и «полуавтономистов» [ЦГАИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 62. Л. 17 об.]. Тогузов, составивший проект конституции реорганизуемой республики, выступил против автономизации и, в частности, сказал:

Быть может... вопросы культурной, национальной, хозяйственной, экономической политики можно решить, не осложняя и не создавая нелепейшего аппарата в виде Совета Национальностей... [Там же. Л. 9—9 об.].

Дзедзиев высказался за создание автономий и поднятие хозяйственно-экономической деятельности в них на такой уровень, чтобы они перестали быть дотационными, «есть предел этому сосанию, этому выматыванию средств от центра» [Там же. Л. 13].

Такоев:

Я откровенно скажу, что постановлением ЦК недоволен. Оно таково, что породит в будущем еще большие недоразумения. Постановление ЦК в будущем создаст то, что и осетины и ингуши все свое внимание сосредоточат на одном городе Владикавказе, а среди своих народностей не будут проводить ни работы, ни национальной политики. Поэтому мое глубокое убеждение, что этот город надо выделить в особый вольный город с непосредственным подчинением его центру. Осетинская автономная область должна существовать как таковая. Ингушская автономная область — то же самое. Что касается резиденции, то она должна быть в городе Владикавказе. Нужно сделать так, чтобы город Владикавказ был вольным городом, он не должен вклиниваться ни между Осетинской, ни между Ингушской областями... Осетинская и Ингушская области должны выделиться в самостоятельные области. Вы, товарищи, очевидно, хотите друг друга перехитрить. Бросьте вы это, товарищи, не деритесь из-за города... Если весь доход города Владикавказа вы будете делить между округами, то естественно, что самому Владикавказу едва ли останется хоть какая-нибудь частица... Мы боремся с шовинизмом русским, но должны также бороться и с шовинизмом местных национальностей [Там же. Л. 7 об.—8].

В конце концов 7 июля 1924 г. Всероссийский ЦИК издал декрет, в котором говорилось:

В согласии с волеизъявлением народностей, населяющих Автономную Горскую Социалистическую Советскую Республику, и в целях скорейшего раз-

вития классового самосознания национальностей, входящих в состав Автономной Горской Социалистической Советской Республики, а также в целях наиболее широкого вовлечения трудящихся масс этой Республики в дела советского государственного управления, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет... постановляет Автономную Горскую Социалистическую Республику упразднить, расчленив ее по национальному признаку на две автономные области — Северную Осетию и Ингушетию, на автономную административную единицу — Сунженский округ и выделив город Владикавказ в самостоятельную административную единицу [Союз горцев 1994: 381].

Формулировки обтекаемые, но в полной мере в духе официальных советско-партийных документов.

В постановлении о реорганизации Горской Республики, точнее, о ее роспуске отмечалось, что одной из первых целей данного акта является «создание максимально упрощенного аппарата в автономных областях... проведение национализации аппарата» [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 121. Л. 43].

И если в целом резонно говорить, что в свое время провозглашение этой республики имело «огромное эмоциональное значение на сознание масс, способствовало авторитету советской власти» [Бугай, Мекулов 1994: 89—90], то с наименьшим основанием следует признать, что и выход из этого административно-государственного многонационального образования в большинстве его частей был встречен населением также на эмоциональном подъеме.

К «самостоятельности» в больших и малых формах

Повторим, что рядом историков (большей частью советского периода) опыт Горской Республики оценивается положительно, так как он привил местным народам навыки государственного бытия с учетом их национальных особенностей.

В известном отношении это так. Но в чем выражались национальные особенности и что подразумевал их учет?

Вряд ли в данном случае имелись в виду особенности хозяйства жителей разных географических и природно-климатических зон, а также особенности их социального и политического устройства в недалеком прошлом. В данном случае могли подразумеваться как религиозная принадлежность горцев, так и имевшие распространение в их среде судебно-правовые практики. На первых порах они действительно принимались в расчет (о чем речь пойдет в другом месте), однако акцентировать на них внимание власти было выгодно только в пропагандистских целях, но не в видах реального и целенаправленного государственного строительства. Другие пояснения к данной формулировке трудно предложить.

Одновременно правомерно отметить, что помимо этнокультурных особенностей гораздо большее значение имело и большую роль играло стремление большинства этнических образований к социальной и сопряженно с ней к политической самостоятельности. Выразителями подобных чаяний являлась социально активная часть населения и формируемые из ее состава новые национальные политические элиты, но реально проявить себя они могли лишь настолько, насколько это позволяла им советская государственная машина.

Последняя же в первой половине 1920-х гг. прилагала немало усилий к мобилизации подобных социально активных групп. По распоряжению сверху и благодаря деятельности национальных активистов страна была «поделена» на множество национальных районов и национальных сельских советов (национальным в стране был каждый 10-й район и каждый 12-й сельский совет) [Вдовин 1994: 9].

Естественно, не остался в стороне от этого процесса и Северный Кавказ (Дагестан с его очевидным этническим своеобразием являлся в данном случае особой республикой). Исполком Северо-Кавказского края в феврале 1930 г. доносил в Президиум ЦИК РСФСР и в другие инстанции Центра о своей работе в этом направлении, затрудненной «распыленностью, которую нельзя не заметить, обратившись к этнографической карте Северного Кавказа. В составе Края нет ни одного округа, имеющего однородный состав населения. Каждый из округов в большей или меньшей степени населен рядом национальностей, причем в одних местах они собраны в компактные группы, в других разбросаны отдельными точками. Однако, несмотря на столь неблагоприятные условия, крайисполком, выполняя поставленные перед ним задачи по социалистической перестройке сельского хозяйства, подъему благосостояния и культурного уровня нацменьшинств, коренизации и самоопределению, имеет в этой области определенные достижения» [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 7. Л. 90—91]. Далее таковые перечислялись.

Армянские, греческие, немецкие и т. д. сельские советы и районы в небольшом количестве были представлены на территории Северного Кавказа²². Процесс их образования «зачастую вызывал недопонимание населения не только соседних, но и самих национальных районов» [Хлынина 2008: 195]. То же наблюдалось на уровне национальных сельских советов [Бутай 2011: 189]²³. Однако это не отрицает других примеров функционирования национальных

²² В городах осуществлять работу среди национальных меньшинств было на несколько порядков сложнее. «Что касается национальных меньшинств, которые разбросаны по всем городам, — говорил в 1924 г., выступая на партийной конференции Кубано-Черноморской области, краевой руководитель А. И. Микоян, — то нужно сказать, что связать их очень трудно. Задача местных органов и заключается в том, чтобы эти нацмены посещали школу, изучали свой родной язык, умели читать, писать и т. д. От советских органов требуется умелое, бережное к нацменам отношение» [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 356. Л. 30]. В этих целях в городах создавались национальные секции. Например, в Майкопе в первой половине 1920-х гг. существовали грузинская, еврейская, греческая, армянская секции [Справочник 1996: 121]. Велась работа и по партийной линии в целях проведения «политико-воспитательной работы на родном языке». Так, в Краснодаре при областном комитете РКП(б) в 1923 г. были созданы западнославянская и немецкая секции [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 2]. Впрочем, в работе подобных секций возникали трудности и своего рода перебои. Причинами тому были недостаток работников, спад инициативы, невключение в сферу их деятельности массы мелких народностей [Гаспари 1923].

²³ О политике в отношении национальных меньшинств в 1920—1930-е гг. см.: [Данилова 2012]. Приведем из этой работы выдержку со словами М. И. Калинина, произнесенными им в 1928 г. на Втором всероссийском совещании уполномоченных исполкомов по делам национальных меньшинств: «Для того чтобы создать атмосферу действительного развития национальных меньшинств, условия у них должны быть лучшими, чем у метрополии, чем у коренного населения, потому что масса коренного населения всегда будет пользоваться известным преимуществом» [Там же: 300].

районов, население которых активно ратовало за их создание с достаточным пониманием сути дела.

Сошлемся на историю Шапсугского района.

В сентябре 1922 г. состоялся 3-й съезд шапсугского народа (шапсуги — субэтническая группа адыгов/адыгейцев), о котором кандидат в члены Северо-Кавказского крайкома И. Клейнер обстоятельно докладывал следующее.

Настроение. Еще до открытия Съезда выяснилось, что единственный интересующий делегатов и гостей (а их было более 150 человек при 50 делегатах) вопрос — это об автономии или, как его шапсуги называли, о самоопределении. Это выявилось уже при обсуждении повестки дня, когда было внесено предложение заменить вопрос о самоопределении вопросом о районировании. Только после бурных прений Съезд согласился на это. Еще более бурные прения вызвало предложение поставить первым в порядке дня земельный вопрос. «Мы собрались для того, чтобы обсудить вопрос о нашем самоопределении, когда мы его разрешим, тогда мы сможем перейти к другим вопросам». Вот тон всех выступлений по этому предложению. Характерно отметить, что когда Съезд принял предложение поставить первым вопросом земельный, часть гостей разъехалась, так как они решили, что интересующий вопрос о самоопределении не будет разрешен.

Далее автор текста излагал причины этого «настроения».

Естественно, что на первом месте значилось «земельное положение». «Вряд ли есть еще какая-либо группа крестьянства на Юго-Востоке, — отмечал И. Клейнер, — с таким малоземельным (так в тексте. — *Ю. К.*) как шапсуги». Далее приводились соответствующие цифры по 8 населенным пунктам и отмечалось, что после революции ситуация не изменилась к лучшему, а в ауле Кичмай из-за последствий разлива горных рек даже ухудшилась. Вторая причина — «неправильная земельная колонизационная политика в районе шапсугских аулов», которая выражалась в том, что заброшенные угодья, расположенные по соседству с населенными пунктами шапсугов, были зачислены в фонд Госземимущества. Часть из них была передана в аренду «трекам иностранным подданным», большая часть пустует, и еще одна передана под организацию санаториев. Шапсугам из этих земель ничего не досталось.

Шапсугское кулачество успешно развивало на этом агитацию за автономию. Эта мысль была формулирована двумя стариками шапсугами таким образом: «Всеми этими землями раньше владели шапсуги. Царское Правительство загнало нас в горы, а лучшие земли отдало помещикам. Теперь Советское Правительство, изгнавшее помещиков, должно вернуть нам наши земли и дать нам самоуправление ими».

Обостряла соответствующие настроения «колонизационная политика наших Земорганов», предоставлявшая земельные участки больших размеров, при том что шапсугские хозяйства вынуждены были удовлетворять свои интересы таковыми мизерных размеров. «Стремление к особой советской единице, дабы стать хозяевами земли, на этом еще больше усиливалось».

Далее отмечалась «неисполнительность нашего советского аппарата». Она сводилась к тому, что, несмотря на необходимость землеустройства шапсугов, оное не решалось. И аргументировалось это тем, что возможные для решения данного вопроса земли расположены по береговой линии, а предоставление шапсугам выхода к морю политически опасно. «Нелепость этого со-

ображения очевидна», так как эти же прибрежные участки предоставлялись грекам, а «самое главное, что недовольство шапсугов в тылу побережья для нас более опасно и политически, и стратегически». Возросшее на данной почве недоверие к аппарату разных центральных инстанций также актуализировало вопрос о создании «своей особой Советской единицы».

Эти обстоятельства оказались благодатной почвой для антисоветской агитации, популяризации идеи создания автономии от Тамани до Абхазии с центром в Туапсе, с высылением из нее всех «пришельцев», и это, по оценке Клейнера, нужно было связывать с деятельностью подпольной организации или «зарубежной силы». К этому он добавлял вредное влияние «политического руководства», исходившее из Карачаево-Черкесской области, куда шапсуги «часто ездили за советами» — их «упорное автономистское настроение подогревалось оттуда».

Идеи автономии активно отстаивали неформальные вожди съезда — учитель Богус Адемир и бывший жандарм Хас-Булат Шалахов. И здесь же автор докладной записки отмечал просчет «наших организаций» в подборе руководителей съезда, а ранее — в привлечении их к активной работе в советских органах власти: Шалахов являлся членом Туапсинского райисполкома, а некоего Клечасова ввели в областной исполком. Оба они отличались «явными контрреволюционными» настроениями. Богус же и подобные ему, «бесспорно Советски настроенные», к такой деятельности не привлекались, а в ходе съезда скорее заблуждались.

Позиция представителей краевой инстанции на съезде сводилась к максимальному удовлетворению экономических и культурных запросов шапсугов, отмежеванию от политических вождей типа Шалахова и выявлению и утверждению просоветски настроенных сил. С этой целью представители Центра стремились сконцентрировать основное внимание участников съезда на земельном вопросе, и им это удалось. Решения Земельной комиссии удовлетворили представителей аулов и «выбили почву из-под ног политических автономистов».

Решения съезда заключались в просьбе организовать Шапсугский район Черноморского округа с вхождением в него всех шапсугских селений и двух промежуточных русских сел с центром в Туапсе не позднее ноября, в формировании ревкома района, главой которого был утвержден упоминавшийся А. Богус, в разрешении земельных просьб аулов, которые были удовлетворены почти без ущерба населению русских сел, одновременно было высказано четкое пожелание об ограничении землевладений курортов, о запрете колонизации района ввиду ограниченности земли и наконец о необходимости финансовой и материальной помощи району со стороны Края [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 19. Л. 22—23 об.].

Первым откликом на решения этого съезда было заседание оргбюро РКП(б) Адыгейской АО, состоявшееся в начале февраля 1923 г. Интересы шапсугов на нем представлял Джамбулет Нагуч, обратившийся с просьбой поддержать создание Шапсугской Республики. После бурного обсуждения данного вопроса принято отрицательное решение²⁴, ибо «такой шаг разделяет черкесскую нацию на несколько обособленных народов», но предложено соз-

²⁴ В конце мая 1923 г. ВЦИК при рассмотрении вопроса об оформлении Адыгейско-Черкесской АО коснулся и шапсугского вопроса и отказал в создании Шапсугской Республики [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 314. Л. 1].

дать из Туапсинского и Сочинского районов Шапсугский кантон с последующим подчинением его Адыгейскому облисполкому. Одновременно ставился вопрос об организации Единой Адыгейской (Черкесской) ССР, которая бы объединила помимо Шапсугского также Псекупский, Ширванский, Армавирский, Фарский и Баталпащинский кантоны [Ржавин 1999: 93—94].

Вопрос был передан на рассмотрение в Наркомнац. Однако такому его решению воспротивилось руководство Кубано-Черноморской области, которое, соглашаясь на необходимость оказания экономической помощи шапсугам, готово было пойти лишь на минимальные уступки в вопросе национально-территориального образования [Ржавин 1999: 94—95]. В свою очередь, и Северо-Кавказский крайком, отмечая, что за время после присоединения Северного Кавказа к России сложилась единая территориальная и экономическая общность шапсугов и Кубано-Черноморской области, также не посчитал выгодным для самих шапсугов разрывать эти связи. Кроме того, принимался во внимание и политический фактор, заключавшийся в том, что подобная политическая консолидация и выход к морю «чрезмерно» усилили бы национальное образование, а это грозило его излишней самостоятельностью и включением в орбиту влияния Турции [Хлынина 1997: 115].

В итоге был создан национальный Шапсугский район. Его центром определили г. Туапсе [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 7; Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 100. Л. 5], однако через два года функции центра передали аулу Красно-Александровскому, затем поселку Совет-Квадже, а в 1934 г. — с. Лазаревскому. Территория района также изменялась, то увеличиваясь, то сокращаясь (подробнее см.: [Ржавин 1999: 97—99]). Изменялся и этнический состав населения; сразу после образования района было осуществлено «поголовное выселение» за его пределы греков и армян, конец чему своим распоряжением положил Северо-Кавказский крайисполком в конце ноября 1925 г. [Хлынина 2008: 195].

Шапсугский национальный район был упразднен в мае 1945 г. (и переименован в Лазаревский р-н), пережив многие другие национальные районы. О его социально-политической и хозяйственной самодостаточности говорить не приходится. За время своего существования он неоднократно подвергался территориальным переделам, и это привело к тому, что из национального (первоначально объединявшего только аулы причерноморских шапсугов) он превратился в чисто административную единицу [Бугай 2012: 10]. Однако его наличие в известной мере удовлетворяло возросшему в те годы чувству этнического самосознания данной группы адыгов, получившей статус определенной автономии среди других многочисленных национальных образований. Можно полагать, что центральной власти, не желавшей усиления националистических настроений в регионе, в частности в виде обсуждавшейся в то время идеи воссоздания «Великой Черкесии», это было на руку, так как дробило этнокультурный адыгский массив. На территории района органами власти осуществлялись меры, направленные на сохранение и развитие атрибутов этничности — функционировали национальные школы и ансамбли. Шапсути были представлены в сфере управления [Там же]. К середине 1940-х гг. для центральной власти актуальность удовлетворения национальных «чувств» и требований автономий практически сошла на нет. На фоне происходивших в это время депортаций соседних народов шапсугам также было не к месту заострять внимание на сохранении своих прав.

Государство, руководимое партией большевиков, целенаправленно занималось нациестроительством. В тот период это был один из его политических коньков, использовавшихся в целях достижения полновесности собственной власти. «...На Северном Кавказе, — заявлял в 1926 г. А. И. Микоян, возглавлявший Северо-Кавказский край, — мы не получили никаких наций. Они только теперь начинают формироваться» [Стенографический отчет 1926: 170]. В другой редакции данный тезис звучал несколько иначе:

У нас племена, а не нации. Национального самосознания как такового у нас не было. Надо иметь в виду, что работа по культурному подъему масс горцев Северного Кавказа совпала с процессом оформления наций как таковых... **Надо сказать, что самое оригинальное — то, что советская власть, самая интернациональная власть, создает и организует новые нации** (выделено в оригинале. — Ю. К.). Она формирует нацию. Вот это обязательно иметь, это важная особенность [Микоян 1926: 9].

И «нации» формировались, росли, укреплялись — усилиями не только Центра, но и местных активистов и элит. В результате государственная машина сталкивалась с «болезнями роста», включавшими проблемы самосознания, а через них с проблемами землепользования, размежевания округов, дележа власти, а также недовольства масс, обусловленного вышеуказанными причинами и часто советизацией жизни в целом.

История Горской Республики с невыразительным ее завершением по-своему является иллюстрацией к словам И. Сталина, в начале рассматриваемого периода возглавлявшего наркомнат, а к его завершению — всю страну, относительно принципов осуществления государственного обустройства в национальных районах, которые трактовались им как «вынужденная демонстрация либерализма Москвы в национальном вопросе... уступок националам и национальным предрассудкам» (цит. по: [Бугай 2011: 138—139]). По мнению современного исследователя данных вопросов, со стороны наркомната имевшие место в Горской Республике процессы были пущены на самотек, хотя деятельность этой госструктуры должна была быть нацелена на сплочение народов, организацию их совместной жизни и др. И ответственность за это возлагается им на отличавшихся, по его оценке, либеральными взглядами сотрудников указанного наркомата Г. К. Клингера и Г. И. Бройдо, осуществлявших деятельность в условиях безынициативности в соответствующих делах Сталина [Там же: 153]. Впрочем, вряд ли тот же Клингер отличался избыточным либерализмом в указанных делах, так как в составленном им документе о размежевании территорий Северной Осетии и Ингушетии в ходе ликвидации ГАССР он сокрушенно восклицал: «В основе этих пограничных споров лежит стремление каждой автономной единицы выкроить для себя больше территории. Ни одна из сторон по этому вопросу не хотела идти на уступки...» (цит. по: [Бугай 2011: 215])

К 1924 г. судьба сохранявшейся в остаточном виде ГАССР была предрешена. Осуществлявшееся в это время новое административно-хозяйственное районирование региона подталкивало к такому решению, ибо Горская Республика «разрывала» территорию края, получившего название Северо-Кавказского. Наконец, надо иметь в виду, что в 1923 г. XII съезд РКП(б) принял решение о коренизации аппарата управления, делопроизводства и прессы на

местах²⁵. В федеративном национальном образовании, каковым являлась Горская АССР, осуществить подобное было труднее²⁶, нежели в однонациональных областях, и это также повлияло на решение об упразднении республики. Возможно, формулировки декрета о «развитии классового самосознания национальностей» и о «широком вовлечении трудящихся масс... в дела советского государственного управления» подразумевали именно это.

Тот же съезд партии поставил вопрос о необходимости развития промышленности в национальных областях и республиках, дабы создать «базу для промышленного пролетариата».

Центр стремился осуществлять развитие промышленности, коренизацию аппарата и культурное строительство в каждой отдельно взятой автономной области с соблюдением баланса между ними и, по возможности, между народами. В какой-то степени примечателен следующий эпизод. При разделе собственности между вновь появившимися субъектами упраздненной Горской Республики осетинская сторона желала добиться преимущественного права на собственность в г. Владикавказе, на ряд хозяйственных и советских учреждений и ведомств бывшей республики, претендовала на передачу Северной Осетии завода «Кавцинк» и др. Однако это было расценено как «стремление осетинских товарищей создать абсолютный перевес над Ингушетией», и на тот момент данные претензии были отвергнуты [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25, Л. 66—68 об.]. Центр желал установления добрососедских отношений, развития продуктивных диалогов между автономиями. В постановлении бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) значится:

В целях упрочения национального мира между народностями соседних Автономных Областей и соседних с ними округов считать желательным взаимное участие их на съездах и широких пленумах исполкомов путем делегирования своих представителей, в том числе и беспартийных, для приветствий и делового обсуждения вопросов, затрагивающих соседей [Там же. Л. 41].

В целом неудачный опыт согласования интересов большого числа субъектов вновь организованного политического пространства в рамках Горской Республики вызвал потребность координации их жизнедеятельности в других

²⁵ В резолюции съезда говорилось: «Ввиду громадной важности, какую имеет деятельность ответственных работников в автономных и независимых республиках и на окраинах вообще... съезд поручает ЦК озаботиться об особо тщательном подборе этих работников, с тем чтобы состав их полностью обеспечивал действительное проведение в жизнь решений партии по национальному вопросу» [КПСС в резолюциях 1983: 443].

В постановлении ВЦИК (апрель 1924 г.) по тому же поводу говорилось: «В целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех госорганов или отдельных их частей на соответствующие местные их языки». Для этого предлагалось организовать переподготовку и подготовку работников, принимать на работу людей, знающих надлежащие языки [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 2. Л. 30].

²⁶ Для примера укажем, что в Карачаево-Черкесской автономной области, где при отсутствии национальных кадров, способных войти в аппарат правительства и т. д., пестрый состав населения затруднял выполнение поставленной задачи, ибо она могла быть осуществима лишь при участии на «паритетных началах» в управлении республикой представителей разных народов [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 50. Л. 49].

формах. Наделение выделившихся из ГАССР национальных автономий статусом областей (а не округов, как ранее) большей частью формально конституировало их более высокое положение. Все они были дотационными и потому не могли в желаемой мере быть самостоятельными. Центральная власть не озадачивалась поиском каких-либо оригинальных вариантов их функционирования, переводя вновь образовывавшиеся области под попечение уже оформившегося Северо-Кавказского края (первоначально Юго-Восточной области).

Автономии под руководством края

В политике нового государства национальная составляющая занимала большое место, однако далеко не исчерпывала комплекса реально значимых проблем. Среди последних новые принципы администрирования и регулирования экономики станы занимали надлежащее место.

Предваряя характеристику отношений национальных автономий с Краем, кратко изложим предысторию событий.

В августе 1920 г., т. е. еще до провозглашения Горской и Дагестанской республик, СНК РСФСР издал декрет о Революционном Совете Трудовой Армии Юго-Востока России, которому предписывалось обеспечение «энергичной и согласованной хозяйственно-административной и военной работы в такой отдаленной от центра области, как Юго-Восток России». Последний охватывал Донскую, Кубано-Черноморскую и Терскую области, Ставропольскую губернию и Дагестан [Нечипурнова 1968: 21].

Решением XII съезда РКП(б) (1923) была поставлена задача проведения районирования страны в аспектах административно-хозяйственных, дабы, с одной стороны, приблизить власть к населению, одновременно уйдя от излишней ее централизации, а с другой — наладить экономическую работу в целях жизнеобеспечения страны [КПСС в резолюциях 1983: 444]²⁷. Северный Кавказ как часть Юга России оказался в списках на подобную реоргани-

²⁷ Выступая в октябре 1922 г. на Втором совещании губернских и областных предприятий Юго-Востока России и говоря о предстоящем обсуждении на сессии ВЦИК закона об областных (краевых) экономических советах (Экосо), заместитель председателя СНК А. И. Рыков говорил: «На основании полугодовой работы во главе Правительства я должен заявить, что управлять из Москвы семьюдесятью губерниями никакое правительство не может, не создавая бюрократизма. По моему глубокому убеждению, выход из этого положения может быть только в районировании России, этого величайшего в мире государства... В Москве можно давать общие директивы, всю же текущую местную работу надо передать на места, в областные (краевые) центры...» [Северный Кавказ 1925: XI]. Однако уже в январе 1925 г. Президиум ВЦИК принял решение «О приостановке районирования и производства внутриреспубликанских укрупнений». В нем говорилось, что «работа в области районирования должна ограничиться лишь теоретической, под руководством комиссии Всероссийского центрального исполнительного комитета по районированию» [Советская политика 1928: 28]. К этому времени уже было осуществлено районирование Юго-Востока (в Дагестане районирование осуществлялось позднее, о чем подробнее в другом месте). В 1929 г. «ввиду окончания районирования РСФСР Комиссия по районированию при Президиуме ВЦИК» была окончательно ликвидирована [РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 39. Л. 1].

зацию в числе первых, однако сразу же обозначились разногласия в принципах ее реализации.

Согласно плану главы комиссии по районированию при Госплане проф. И. Г. Александрова, Северный Кавказ предполагалось объединить с Закавказьем — в «Кавказ от Маныча до Черного моря и границ Персии и Турции».

В основу этой единицы районирования легло единое нефтяное богатство Баку—Грозный, единая электрификация от массы горных рек и единое лесное богатство... Сельское хозяйство района также однообразно: рис, хлопок, виноград, табак, кукуруза и пышные сады. Однако в исполнении этого районирования есть затруднение в том, что до сих пор Закавказье отделено от Северного Кавказа. Когда будет проведена перевальная дорога, этот массив сольется в единое целое [ЦГАРСО-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 44. Л. 200—201]²⁸.

Разработчик этого плана, очевидно, принимал в расчет обращение партийных и профсоюзных руководителей Азербайджана, Армении, Грузии, Абхазии, Горской и Дагестанской республик, озвученное в августе 1921 г. на совещании в Кавказском бюро ЦК РКП(б), где говорилось, что «преуспевание Кавказских республик тесно связано с экономической целостностью Советского Кавказа. Республики не могут быть отделены друг от друга экономическими границами, ибо Советский Кавказ идет к единому хозяйству. Вопрос о хозяйственном единстве республик практически стоит на очереди; состоявшееся уже железнодорожное и внешнеторговое объединение должно быть усилено и расширено. Поэтому ПАРТИЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ одобряет тезисы и резолюции Кавказского Экономического Совещания и полагает, что республики Кавказа не замедлят подписать соглашение о Кавказском Экономическом Союзе...» [ЦГАРД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 5].

Здесь надо принять во внимание и тот факт, что в период гражданской войны предпринимались частично реализованные попытки оформления самостоятельных от России либо на автономных началах с ней государственных образований народов и территорий Северного Кавказа в виде Союза объединенных горцев Северного Кавказа, независимой Демократической Республики горцев Северного Кавказа, Северо-Кавказского эмирата, с которыми провозгласившие независимость республики Закавказья, а именно Азербайджан и Грузия, поддерживали полноценные, насколько позволяли условия, связи²⁹. Поэтому и при смене политического режима, при большевистском правительстве, взаимное тяготение «кавказцев» давало о себе знать. Судя по всему, предложения «северокавказских товарищей» поддерживались их закавказскими коллегами. Однако во вновь создавшихся условиях культурное своеоб-

²⁸ Этот проект первоначально получил санкцию ВЦИК [Попов 1931: 5].

²⁹ Между Горской (буржуазной) Республикой и Азербайджанской Республикой был заключен договор о создании общего министерства вооруженных сил [Даудов, Месхидзе 2009: 46], азербайджанское правительство поднимало также вопрос о присоединении к своей республике Дагестана [Эмиров 1972: 83]. В начале лета 1920 г., в преддверии победы большевиков, со стороны определенных политических сил Дагестана ставился вопрос о включении Аварии в состав Грузинской Республики на автономных началах [Даудов, Месхидзе 2009: 94]. А уже после установления в Дагестане советской власти местные руководители жаловались на то, что со стороны Грузии предпринимаются попытки присоединения к ней горных летних пастбищ Андийского округа [ЦГАРД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 36].

разие данной части страны плохо согласовывалось с экономическими и общественными реалиями.

Практически одновременно с планом Александрова появился так называемый план Ростова, где в период гражданской войны размещалось Юго-Восточное бюро партии большевиков, руководившее деятельностью региональных партийных ячеек Юга России и Кавказа. Этот встречный план районирования подразумевал включение Северного Кавказа и Дагестана в Юго-Восточную область вместе с Донской, Терской, Кубано-Черноморской областями и Ставропольской губернией. Приоритетным направлением экономики этой области, как предполагалось, должно было стать сельское хозяйство.

Первоначальные возражения против данного проекта сводились к тому, что основу экономики Кавказа, в том числе его северной части, должна составлять промышленность — нефтяная и горнорудная, а не сельское хозяйство. Такие заявления тоже отличала умозрительность, но в них правомерно видеть нацеленность на формирование из местного населения рабочего класса как авангарда революционного процесса, который не снимался со счета. Так или иначе, но представители Северного Кавказа выступили против ростовского варианта, предпочтя ему проект проф. Александрова.

В реальной же ситуации, определявшейся отсутствием транспортных связей с Закавказьем, они заявили собственное довольно общее видение основных принципов намеченной реорганизации:

Экономический принцип как основа областного районирования должен быть выявлен в такой форме, чтобы он не мешал национально-культурному самоопределению и развитию народностей, населяющих РСФСР. Экономическое районирование должно послужить базой для наивысшего расцвета автономных национальных объединений в хозяйственном отношении [ЦГА РСФСР-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 153. Л. 11].

Конкретно их планы выразились в следующих предложениях: объединение всех национальных образований Северного Кавказа и вместе с ними Дагестана с центром в Грозном, либо создание Средне-Кавказского округа (района) с центром во Владикавказе при одновременном формировании Казачьего района с центром в Ростове, либо создание Северо-Кавказской области с центром в Армавире³⁰. Эти варианты исключали объединение национальных образований с русскими областями региона³¹.

³⁰ Экономическую жизнеспособность самостоятельных северокавказских административно-хозяйственных образований намечалось обеспечить включением в их состав целого ряда городов региона, таких как Баталпашинск, Святой Крест, Пятигорск, Кисловодск, Георгиевск, Кизляр, Железноводск, Моздок, а для обеспечения торговых связей на тех или иных основаниях («в смысле вовлечения в свой круговорот подсобных для производства современных торговых центров») также Ростова, Новороссийска, Туапсе — последних с их морскими портами, предоставлявшими выход во внешний мир [ЦГА РСФСР-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 44. Л. 204; Там же. Д. 153. Л. 12].

³¹ Правда, в октябре 1923 г. был заявлен проект, выдвинутый совместно Кубанью и Горской Республикой. Он отвергал вариант Ростова, ссылаясь на несходство природных и экономических интересов и возможностей Северного Кавказа и районов Нижнего Дона и Приазовья. Предложенный вариант подразумевал создание района, который бы объединил Горскую и Дагестанскую республики, автономные области (уже выделившиеся из состава Горской АССР. — Ю. К.), Свято-Крестовский уезд, район от Маныча до Черного моря» [Отчет 1923: 7].

Со стороны русских областей региона звучали собственные возражения против варианта Госплана об объединении всего Кавказа (Северного и Южного). Вынужденно подчеркивая свое «полное согласие с методом подхода к разрешению районирования», Кубано-Черноморское областное экономическое совещание считало необходимым отметить, что препятствиями к «немедленному районированию Кавказа, а тем более в виде опыта», с его точки зрения, являются следующие моменты:

— многочисленные народности региона получили от советской власти определенную автономию, однако их объединение на началах областного (объединенного) самоуправления «несомненно, не может ими быть принято безболезненно»;

— неизбежное при этом расчленение Кубанской области будет болезненным, к тому же колонизация Кавказа (славянским населением) еще не закончена;

— экономические возможности районов и их хозяйственный профиль во многих случаях еще не определены;

— отсутствие необходимого для предполагаемой объединенной Кавказской области культурно-экономического центра, ибо Владикавказ по многим причинам на эту роль в данный момент не годится.

Последнее обстоятельство рассматривалось как наиболее весомое.

Группой препятствий, мешавших организации на Кавказе естественного областного центра... следует признать различного рода центробежные силы, действие которых в отношении ряда социальных и экономических признаков местной жизни легко уловимо [Материалы к вопросу 1923: 5—7]³².

В итоге они предлагали разделить Кавказ на три области — Закавказскую (Абхазия, Грузия, Нахичеванская Республика и Азербайджан; Армения в этом списке по какой-то причине не упоминалась. — Ю. К.), Горскую (Дагестанская и Горская Республики, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия) и Северо-Кавказскую (Кубано-Черноморская область, Ставропольская и Терская губернии) [Там же: 10].

К месту заметить, схожие разногласия по поводу районирования с участием национальных образований фиксировались в это время и в других регионах страны. Относительно общего плана дискуссий М. И. Калинин сказал, что он определялся националистическими настроениями коммунистов автономий и великодержавностью русских товарищей [Нечипурнова 1968: 30—32]. В рассматриваемом случае частным, но принципиальным выражением разных подходов Центра и автономий являлось нежелание партийных (национальных) организаций Северного Кавказа подчиняться Юго-Восточному бюро РКП(б), они настаивали на непосредственном подчинении их ЦК партии. Отмечено, что в эти годы некоторые руководители Дагестана и других горских автономий «зачастую преувеличивали национальные особенности в ущерб общегосударственным интересам, проявляли местничество» [Летифов 1972: 119]. Центральная власть не поощряла «сепаратистских» настроений северокавказских товарищей, однако имела их в виду.

³² При этом авторы документа стремились всячески отвести возможные посягательства представителей Северного Кавказа на Краснодар, а точнее, Новоросийск (тяготевший к Краснодару) как «важный торговый перевальный пункт» [Отчет 1923: 7].

Впрочем, непродолжительное время перед руководством национальных автономий все же маячила возможность выбора, с кем быть — с Закавказьем или с Российской Федерацией. В выступлениях делегатов IV съезда Советов Горской АССР, проходившего в конце 1923 г. и в первых числах января следующего года, озвучивались пожелания, корректировавшиеся более или менее трезвой оценкой ситуации. «...Как база сельского хозяйства правилен ростовский проект, но по культуре, национальности мы ближе к Закавказью». Аргументы историко-культурного порядка перемежались с интересами практическими. «Горская Республика тяготеет к Закавказью и гораздо целесообразней присоединиться туда. Закавказская нефть имеет выход на европейский рынок. Персия и Турция близки». В резолюцию съезда был включен наказ ЦИК Горской Республики «обсудить детально вопрос о вхождении, куда будет выгоднее» [ЦГА РСФСР. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 44. Л. 206—208]³³.

Однако времени да и возможностей для проработки этого вопроса уже почти не оставалось. Горская Республика доживала последние дни.

И здесь необходимо отдать должное сформировавшемуся краевому аппарату; «насилия» над автономиями он не чинил (по крайней мере, открыто, но по собственной воле или по распоряжениям сверху — вопрос). Секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А. И. Микоян докладывал в это время в Политбюро партии:

Все автономные области дали согласие на свое участие в Юго-Восточном областном исполкоме. Причем нами предусматривается, что районирование не должно ни в коей мере нарушать существующие границы автономий, построенных на началах национального самоопределения. Также должны быть согласованы права автономных областей, предусмотренные конституцией, с положением районирования края. Вопрос же о двух республиках — Дагестанской и Горской, входящих в Юго-Восток, разрешен следующим образом: Дагестан может присоединиться к Закавказской федерации, отойдя от Юго-Востока, или же быть непосредственно подчиненным Москве (что принято дагестанской организацией) (подробнее речь о позиции и доводах дагестанской стороны по этому вопросу пойдет далее. — Ю. К.), или же, если на это будет согласие Дагестана, Дагестан войдет в состав Юго-Восточного края на особых условиях³⁴. Вопрос же о Горреспублике остается открытым впредь до выяснения их мнения и вопроса о Горреспублике. Нынешняя Горреспублика... либо должна быть разбита

³³ В протоколе Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) от 29 октября 1921 г. значится вопрос о Кабардинской Республике. В документе говорится следующее: «Учитывая ненормальность оставления Кабардинской Республики в составе Закавказья, ввиду ее тесной экономической и политической связи, ходатайствовать перед ЦК о включении Кабардинской Республики в район Югостокрая» [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 5. Л. 3]. Это единственный документ, отмечающий вхождение (или желание вхождения) Кабарды в состав Закавказья, если только это не техническая ошибка и здесь на самом деле имелась в виду Дагестанская Республика, в которой разговоры о присоединении к Закавказью действительно велись и она была республикой (тогда как Кабарда официально значилась округом, чуть позднее — областью).

³⁴ Примечательно, что на состоявшемся 29 октября 1921 г. заседании Югостокбюро ЦК, на котором представитель Дагестана появился впервые, он заявил, что «есть некоторые особенности, есть необходимость координации в таком большом Крае... Югостокбюро должно обратить внимание на специфические особенности Дагестана (отсутствие работников и пр.) и решить этот вопрос в первую очередь... Мы должны подкрепить свои силы от Югостокбюро, чтобы стать на ноги, иначе никакая работа немислима» [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 5. Л. 33].

на две автономные области — Ингушскую и Осетинскую и должна наравне с другими автономными областями войти в состав Юго-Восточного края, либо как республика войдет в состав края на особых условиях, предусматривающих автономию ее в ряде вопросов, если и это будет нецелесообразно, то Горреспублика, так, как и Дагестан, не будучи в составе края, не помешает районированию его [ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 171. Л. 6].

Не беремся оценить, по каким причинам Край был «настолько» лоялен к перспективным членам своего «сообщества». Возможно, это объясняется реальной оценкой обстановки в регионе либо принуждением Центра, наконец, не исключено, что его руководители не хотели взваливать на себя лишних проблем и потому загодя соглашались с разными вариантами. Однако не стоит исключать, что во многом и главным это была политическая игра, подобно той, которую вели его «конкуренты» в лице руководства автономий, в первую очередь наиболее сильных, например Дагестана.

Так либо иначе, введение новых принципов регулирования жизнедеятельности страны определяло настойчивость Центра в осуществлении нового административно-хозяйственного районирования. И первыми такой опыт должны были реализовать Юго-Восток вместе с Уралом.

Уяснив задачу, Край стал оговаривать собственные полномочия — уже потому, что, в отличие от Уральского региона, он был многонационален, и основные национальности были наделены правами автономий.

Первоначальный план Центра в отношении Юго-Восточного края (как одной из частных деталей общей структуры страны) предполагал, что он получит права регулярных губерний. Край с этим резонно не соглашался.

Или должны быть уничтожены краевой экономический совет и все существующие при нем уполномоченные, и тогда все губернии и области края числом 11 должны [будут] перейти в непосредственное подчинение Москвы без краевого центра, что находим невозможным не только мы, члены Юговостбюро ЦК, но и все наши губернии и области. Или должен быть разрешен в положительном смысле вопрос о районировании края и создании краевых выборных советских и партийных органов [ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 171. Л. 6 об.].

Эти слова были адресованы Центру партийным главой Края А. И. Микояном. А председатель крайисполкома Н. Б. Эйсмонт, отстаивая права Края и взвешенно оценивая соотношение реалий и директив, рисовал ситуацию в практических тонах. Он говорил:

Мы хотели подчеркнуть ту основную мысль, что край — это не губерния, и права края во всех отношениях, в том числе в административном, должны быть шире, чем права губерний...

И далее:

Рассчитывать на дотацию из центра в этом году не приходится... Поэтому пленуму Крайисполкома придется отнестись к бюджету со всей внимательностью и жестко урезать предъявленные требования... Наше положение еще ухудшается неурожаем...

Однако «относительно наших автономных областей мы имеем директиву Центра об утверждении их бюджетов в суммах, примерно на 10% больше истекшего бюджетного года» [Там же. Л. 4, 5 об.].

В 1924 г. Юго-Восточный регион был разделен на девять округов преимущественно с русским населением, и их руководящим органам были приданы права губернских исполкомов; отдельно выделялся г. Грозный. В этот же регион включались вышедшие к этому времени из состава Горской Республики Адыгейско-Черкесская, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская и Чеченская автономные области. Права, предусмотренные их конституциями, оставались в неприкосновенности. В сфере просвещения, судопроизводства, внутреннего управления, социального обеспечения и здравоохранения их права расширялись, будучи уравниены с правами автономных республик. «В целях успешного вовлечения в дело краевого строительства автономным национальным областям предоставлялось двойное представительство на Краевой съезд Советов». На краевой исполком «возлагалась забота о поднятии культурной и хозяйственной жизни» автономий. В сфере хозяйственной деятельности, налогов, труда, рабоче-крестьянской инспекции, статистики они были обязаны подчиняться директивам Центра и краевых органов власти. Расположенные на их территориях крупные промышленные предприятия находились в ведении краевых органов управления государственной промышленностью. В случае несогласия национальных областных инстанций с решениями краевой власти автономиям предоставлялось право обжалования таковых в Президиуме ВЦИК РСФСР.

Основные права национальных автономий в Крае оговаривались в развернутом докладе заместителя председателя Экономического совета и председателя Юго-Восточной плановой комиссии В. Хронина в связи с завершением разработки проекта районирования Юго-Востока [Хронин 1924: 11—28]³⁵. Здесь же оговорим, что руководители Горской и Дагестанской автономных республик отказались войти в состав Края. Об этом речь пойдет немного позднее, а сейчас — о предложениях автономных образований по территориальным вопросам, озвученным представителями оных в ходе разработки проекта.

В. Хронин отметил желание автономных областей «превратиться в более или менее экономически законченные единицы. Национальные области выделялись в прошлом, да и в настоящее время выделяются не по экономическому принципу, а главным образом по национальному подходу. Если сейчас говорят, что национальный подход совершенно отрезает выделенные области от экономического развития и что нужно подвести под них экономическую базу, то с этим нельзя не согласиться. Больше того, надо подчеркнуть, что такие автономные области, как Кабарда, Карачай, Чечня и Адыгея, имеющие полную автономию, наделенную широкими политическими правами, но не подкрепленную экономически, существовать долго не смогут. И тут нужна сугубая осторожность, чтобы, спасая одно, не погубить другое. Возьмем пример Кабардино-Балкарской области — передать им район Пятигорска, города Моздок и Георгиевск, станции Прохладную, Солдатскую и др., расположенные по линии железной дороги. Ведь эти города втягивают в себя экономически, с одной стороны, Кабардино-Балкарскую автономную область, а с другой стороны, всю остальную часть Терской губернии. Следовательно, не Кабарде надо передавать Терскую губернию, а наоборот, Кабарду надо передать Тер-

³⁵ Краевому исполкому также вменялось в обязанность гарантировать соблюдение разнообразных прав национальных меньшинств в автономиях [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 2. Л. 150].

ской губернии. А это значит раскассировать автономию Кабарды, что совершенно немыслимо политически. Но даже если просто присоединить этот район к Кабарде, то и тогда получится фактически раскассирование Кабарды, так как передаваемая часть населения превысит Кабардинскую область, и „борьба русских с кабардинцами“ может окончиться не в пользу кабардинцев. То же самое и о других автономиях...» [Хронин 1924: 26—27]

Это выдержки из статьи, подготовленной автором на основе своего выступления в 1923 г. на совещании Экономического совета Юго-Востока России. В стенограмме совещания высказанные им же оценки и предложения звучат несколько иначе:

Когда мы обсуждали вопрос о районировании Юго-Востока, то не приглашали на свои совещания представителей автономных областей и республик главным образом потому, что мы не имели в виду ни в какой мере ограничивать тех прав, которыми эти автономные области и республики пользовались. Поэтому нам и нечего было обсуждать с ними, а надо было согласовать вопрос с русскими губерниями, поскольку последние теряли свою первоначальную физиономию, поскольку часть их территорий отходила другим, и самое административное устройство претерпевало значительные изменения. Мы не брали на себя смелость провести эту работу без согласования с этими губерниями... Если же судить с точки зрения «эгоистических» интересов Краевого Исполкома, то автономные республики и области края не представляют никакого экономического интереса для исполкома. Однако, исходя из общегосударственных соображений (необходимости развивать экономическую мощь Автономий), мы считаем, что Краевое объединение должно быть целостным и включать в себя также и национальные автономии, развитие которых долго будет питаться за счет тех ресурсов, которые будут образовываться у Исполнительного Комитета в общем краевом масштабе. Поэтому, если выделить автономные республики и области края в качестве самостоятельных, то они не смогут образовать самостоятельные области. Это показал нам опыт Горской республики... Договор предусматривает стационарное, длительно действующее соглашение о порядке взаимоотношений по вопросам экономического строительства, создание Национального совета для разрешения текущих вопросов и, наконец, сохранение существующих привилегий, которые сейчас предоставлены по законам Автономиям. Так, например, Дагестану отчисляется от Дагрыбы, Чечне — отчисляется от нефтяных промыслов на организацию аппарата и борьбу с бандитизмом и т. п. ...Основной принцип, который преследовался нами при выработке договора, — это предоставить Автономным Национальным Областям и Республикам Края возможность максимального развития....

Создание краевого Национального совета аргументировалось тем, что его наличие и деятельность позволят избежать волокиты в решении текущих и неотложных дел, в случае которых автономии вынуждены были обращаться в Москву. «...Предлагаемый нами порядок преследует отнюдь не умаление Ваших прав, а исключительно интересы целесообразности». В Национальный Совет предлагалось включить представителей национальных областей и республик, число которых должно быть согласовано с числом основных национальностей оных (от Дагестана и от Горской Республики по 3 человека) [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 30. Л. 4 об.—8] ³⁶.

³⁶ В 1926 г. Национальный Совет был переименован в Национальную Комиссию, работавшую при краевом исполкоме и главным образом занимавшуюся разбором жа-

Выполняя решение XII съезда РКП(б) (1923) о развитии промышленности в национальных областях и республиках, Северо-Кавказский крайком в ноябре 1924 г. выделил дополнительные деньги на развитие местной промышленности в подведомственных Краю национальных областях. Рост общекраевого бюджета в 1926 г. составил 26 %, а национальных областей — от 40 до 83 %; в 1927 г. общекраевой бюджет вырос на 15 %, а нацобластей — от 17 до 39 % [Магомедов 1976: 97—98].

На основании этих данных следует сделать вывод, что интересы и права автономий в Крае учитывались в достаточной мере.

Однако Горская и Дагестанская республики (первая на последнем этапе своей жизнедеятельности объединявшая только три округа) сопротивлялись подчинению Ростову. Они мотивировали это тем, что краевые хозяйственные и советские инстанции оказались «скучнейшим для автономных республик и областей бюрократическим аппаратом, им совершенно чуждым», а партийные — не обладали «специальным подходом приспособления как самой идеологии, так и партпрактики к психологии горца» [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 94. Л. 75 об., 81]. Однако с размежеванием Горской Республики на составные национальные части и по согласованию с ними, скорее всего вынужденному, и они были присоединены к Краю. Впрочем, формулировка соответствующего решения Центра была вполне корректной:

Поручить президиуму ВЦИК разрешить вопрос о возможности включения в состав Юго-Восточного края г. Владикавказа, Сунженского округа и автономных областей Северной Осетии и Ингушетии по соглашению с ними [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 2. Л. 259].

Соответствующее решение по «согласованию» с автономными образованиями было принято. Однако порядок отношений автономий с Краем, а заодно и с федеральными наркоматами от этого мало изменился. По крайней мере, так виделось из национальных окраин-автономий.

На совещании работников национальных республик — членов ВЦИК и ЦИК СССР, проходившем осенью 1926 г., северокавказские товарищи заявляли об этом во весь голос.

Представитель Северной Осетии Дзампов говорил:

...И между прочим, наша национальная область сведена к уезду, а не к области. Ни по одному вопросу нашей области мы не можем, по мнению Края, и в особенности по мнению Наркоматов, войти в центр и поднимать тот или иной вопрос. Если вы возьмете НКФин, то там вы не найдете отражения Северной Осетии, и он не скажет, как идет по Северной Осетии построение налога и т. д., и по этому основному бюджетному вопросу в НКФине нельзя ничего узнать о финансовом состоянии Области. За последние два месяца бюджетного года мы не можем уплатить денег служащим, так как нам ничего не переводят, и, таким образом, создается впечатление у некоторых работников национальных областей, что к Северному Кавказу (краю? — *Авт.*) надо подлаживаться, потому что в противном случае не получишь денег и вся работа срывается, и получается, что мы свои насущные вопросы не можем выявить со всей обширностью [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 60].

лоб и взаимных претензий «отдельных национальностей и народов друг к другу» [Хлынина, Кринко 2014: 173].

Ему вторил представитель Ингушетии Котиев. Он отмечал, что автономные области в Северо-Кавказском крае «кроме вывески ничего в смысле автономии, прав не имеют» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 122]. В свою очередь, представитель Карачая Курджиев жаловался на нерешенность в автономиях горцев земельного вопроса, который, по его мнению, единственно мог быть решен за счет казаков [Там же. Л. 125—126].

Схожие замечания, правда, преимущественно в адрес Центра (конкретно, правительственных органов РСФСР) озвучивали представители и других национальных автономий. Поэтому в «Общих пожеланиях» участников данного совещания значилось:

Автономные республики не всегда имеют возможность защитить свои права внутри советских органов (не обращаясь за содействием в ЦК), ибо непосредственно в составе центральных аппаратов РСФСР они почти не имеют национального представительства, а на сессиях ВЦИК представляют всего лишь ничтожное меньшинство [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 7].

Одновременно ставился вопрос о преобразовании Отдела национальностей при ВЦИК, который, по словам участников совещания, имел «декоративный» или «чиновничий» характер, в Совет Национальностей либо отдельный наркомат [Там же. Л. 61].

К теме взаимоотношений краевого центра с автономиями мы обратимся и позднее (см.: ч. 3, гл. 3.1).

«...В отношении к национальным правам... самый сознательный и чуткий народ в СССР»

Упорным «отказником» в подчинении и даже согласовании конкретных вопросов с краевой властью осталась Дагестанская Республика. С 1921 г. Дагестан причислялся к Юго-Восточной области, но, по словам дагестанского руководства, такое объединение было номинальным, к тому же республика ничего хорошего от этого не видела. Отмечалось, что ростовские советские и партийные чиновники формально и в целом недоброжелательно подходили к решению экономических, социальных и других вопросов, возникавших в республике, «что они совершенно не понимают особенностей партийной и советской работы» в этой республике [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 334. Л. 22]. В 1924 г., когда отношения между национальными автономиями и преобразованной в Северо-Кавказский край Юго-Восточной областью стали выстраиваться на более четких и, отчасти, формализованных началах, республиканское руководство категорически отказалось им подчиняться.

Тогда же состоялся расширенный пленум Дагестанского комитета РКП(б), по материалам которого был составлен отправленный в Москву «Доклад»³⁷. В нем помимо прочего содержалась «политическая часть», представ-

³⁷ Практически тогда же, в июне 1924 г., Председатель ЦИК Дагестана Н. Самурский и председатель СНК ДАССР Д. Коркмасов направили в ЦК РКП(б) докладную записку, содержание которой напрямую перекликалось с докладом [ЦК РКП(б) 2005: 224—227]. Ряд положений, содержащихся в «Докладе», были освещены Коркмасовым на совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных

ляющая особый интерес, так как в ней был конкретизирован взгляд руководства Дагестанской Республики на свое место в недавно сформированном государстве и на порядок взаимоотношений с ним. Содержание данной части «Доклада» разбивалось на несколько блоков, которые в данном случае озаглавлены несколько произвольно.

Экономическая неудобоваримость проекта

В «Докладе» отмечалось, что проект районирования в первую очередь ориентирован на интенсивное развитие зернового хозяйства, благоприятные условия для чего имеются на Кубани, на Дону и Тереке, но никак не в национальных автономиях («как потребляющих», «бездоходных»).

...Сейчас замечается значительный подъем крестьянского хозяйства... и вместе с тем замечается рост мелкобуржуазных, ярко националистических настроений... С дальнейшим ростом крестьянского благополучия и увеличением запасов, что явится неизбежным последствием развития экспорта зерновых хлебов, который ЮВПлан кладет в основу экономики будущей ЮВОбласти, у русского населения явилась жажда новых земель, что неизбежно поведет к новому и новому усилению русского национализма... И тогда национальные объединения Сев. Кавказа будут загнаны в тот же безвыходный тупик, лишаящий их возможности всякого развития, в каком они находились при самодержавии [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 2 об.—3].

Политическая составляющая проблемы

...В настоящее время национальные интересы на окраинах зачастую имеют преобладающее значение над интересами экономическими и могут быть принесены в жертву последним только в том случае, если этого требуют интересы развития мировой революции.

А между тем интересы национальные очень сильно задеваются при проведении этого плана в жизнь.

Прежде всего, Кавказские национальные области и республики изымаются из управления СССР и РСФСР и передаются в областное управление Ростова. Этим самым их автономность аннулируется, ибо как бы ни было составлено «положение» об управлении Краем, представители национальных областей могут принять в нем лишь самое незначительное участие (уже в силу незначительного населения этих областей и отсутствия в них пролетариата). Представители русских областей в ЮВКрайисполкоме всегда окажутся в подавляющем большинстве, и националам придется подчиняться их решениям.

На это можно возразить, что таково же положение националов и в центральных руководящих учреждениях СССР и РСФСР, но здесь надо учесть, что к центральным органам, непосредственно руководимым ЦК или Партией в целом, у Национальных республик есть полное доверие, Ростов же таким доверием не пользуется.

И не потому нет доверия, что тот или иной Ростовский руководитель плох, а потому, во-первых, что областные органы в силу объективных причин никогда не могут подняться до широты кругозора и беспристрастности центральных, во-

вторых, потому что Ростов за три года своего управления уже выказал большое невнимание национальному вопросу и интересам национальных областей, и, в-третьих, потому что самый проект ЮВПлана исходит не из будущего развития Края (как то делает Госплановский проект), а из настоящего положения, что доказывает, что интересы национальных областей, как экономически слабых, не будут учитываться, ибо творцов нового ЮВКрая интересует не развитие его, а извлечение наибольших доходов при настоящем положении.

Дальше, если помощь быстрому развитию Кавказских национальных областей иногда бывала тягостна и непосильна СССР в целом, то, конечно, нет никакой надежды (здесь и ниже выделено в оригинале. — *Авт.*) рассчитывать на такую помощь со стороны Дона и Кубани, тем более что национальные области, как потребляющие, никогда не смогут принять участие в той основной хозяйственной базе, на которой ЮВПлан строит всю экономику ЮВКрая, — в развитии зернового хозяйства и в экспорте хлеба за границу [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 2 об.].

И далее, связанно с вопросами экономики, излагался взгляд на вопросы политические.

Сверх этого, не следует упускать из виду, что национализм господствующей нации при буржуазном строе ярче всего выявляется в центре, а при Советском наоборот: он в центре совершенно парализуется влиянием партии и пролетариата, а ярче всего выявляется на окраинах, где партия и пролетариат слабы и где русское население всегда было колонизационным элементом. В частности казачество, составляющее более половины населения Юго-Востока, пропитано самым ярким шовинизмом [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 2 об.].

...Вбить в сознание великорусским националистам, что национальные объединения, несмотря на их бедность и отсталость, не паразиты, не приживальщики, а могучие факторы распространения мировой революции на Востоке, — чрезвычайно трудно [Там же. Л. 7].

О политической ситуации в Дагестане и его роли в советском государстве

Дагестанское руководство настаивало на выделении республики из состава Юго-Восточной области, так как, по его словам, опасалось «потерять влияние и кредит у дагестанского крестьянства. Настроение последнего таково, что его можно квалифицировать не только как антиказачье, антиюговосточное, но даже как антирусское...

Причины такого настроения весьма понятны.

Дагестан — страна не русская, органически чуждая России по быту, по истории, по языку, религии и культуре. Дагестан завоеван Россией всего 60 лет тому назад... Победивший царизм загнал горцев в бесплодные горы...

Тов. Ленин отлично понимал это и **первый** (здесь и ниже выделено в тексте. — *Авт.*) вопрос, который он предложил при **первой** встрече с руководителем Дагестанской организации, был: „А что, дагестанцы очень сильно ненавидят русских?“³⁸

³⁸ Данная ситуация зафиксирована в мемуарах участников встречи. В частности, цитированный ранее Д. Коркмасов записал:

Тов. Ленин понимал, что Дагестанцы должны очень сильно ненавидеть русских и что первая задача Советской власти добиться того, чтобы они хоть не очень сильно ненавидели. А добиться этого было очень трудно, трудно потому, что дагестанское крестьянство получило от революции только одну голую свободу, только одну автономию. Экономически революция не дала дагестанскому крестьянству ничего. Земли не дала, потому что в горах помещичьего землевладения не существовало. На равнине небольшое количество помещичьих земель было захвачено равнинными жителями. Перераспределить их Советская власть не может по маленькой и прямо смешной причине: по отсутствию средств на съемку и землеустройство...» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 3 об.]

Упрек в том, что советская власть экономически еще ничего не дала Дагестану, в тексте доклада был повторен, однако в обоих случаях за ним следовало уточнение, в котором отмечалось, что кое-что власть все же успела экономически дать: был построен 70-верстный канал им. Октябрьской революции, позволивший ввести в хозяйственный оборот новые земли, был построен стекольный завод, восстановлены консервные и кожевенные заводы, ускоренными темпами шло восстановление винодельческого хозяйства, республике были переданы рыбные промыслы³⁹. Наконец, присоединены Хасав-Юртовский (1920), Кизлярский и Ачикулакский (1922—1923) округа, дававшие «возможность спасти от гибели и восстановить главную отрасль Дагестанского хозяйства — скотоводство... Но все-таки Советская власть держится без материальных средств и экономических предпосылок».

Присоединение же к Юго-Восточной области в глазах всего населения явится уничтожением автономии... и тогда население может почувствовать в этом обман большевиков, новое порабощение казаками и может заговорить о необходимости добиться полной независимости, чтобы не попасть во власть «казаков»... Автономное существование Дагестана с его непосредственным подчинением Москве является единственным условием, при котором Дагестанское крестьянство в настоящий переходный момент поддерживает Советскую власть и не требует полной независимости и не мечтает о соединении с Турцией [Там же. Л. 4—4 об.]

«— Скажите, — вдруг спросил Ильич, — дагестанцы все так же безмерно ненавидят русских?

Как своей неожиданностью, так и резкой прямой этот вопрос смутил нас немало. Хотелось ответить не только искренне, но и с большим приближением к действительным отношениям.

Ненависть, конечно, есть, но, конечно, — не всеобщая. Действительность последних лет дает немало фактов. Беднота и революционная демократия определенно все годы искала союза с русскими — красными» [В боях за власть 1957: 14—14].

На этой же встрече Ленин сожалел, что не бывал на Кавказе. По собственному его признанию, сделанному в другом месте, впечатления о третировании великорусами инородцев у него сложились по «поволжским воспоминаниям» детских и юношеских лет, когда ему приходилось слышать, как «великороссы» одного называли «полячишкой», другого — «князем» либо «хохлою», а выходца с Кавказа — «кавказским человеком» [Ленин 1965: 359].

³⁹ К этому добавим, что в 1921 г. в Дагестан «переехали» шерстоткацкая фабрика, консервный завод из Урюпинска, обувная фабрика из Москвы [Национальная политика 1997: 283].

Далее пояснялось значение Дагестана, где местные политики недвусмысленно шантажировали московскую власть:

Дагестан — это железные ворота из Европы в Азию... Волнение в Дагестане — это перерыв железнодорожного сообщения России с Закавказьем... А исторически обстоятельства сложились так, что Дагестан страна наиболее сильная и сплоченная, наиболее культурная среди горских народов, всегда играла руководящую роль на Северном Кавказе.

И далее уточнялось, что если в данный момент в Чечне, «где бандитизм доходит до степени организованной контрреволюции», не вспыхнуло полномасштабное восстание, то это единственно потому, что спокоен Дагестан; равно и у грузинских меньшевиков ничего не получилось с антисоветским восстанием исключительно из-за отсутствия поддержки из Дагестана. Но если Дагестан восстанет, то это новая Кавказская война [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 4 об.—5].

Об ожидаемой стратегии национальной политики Центра

...Дагестан является оплотом Советской власти на Кавказе и залогом укрепления ее, и вместе с тем решение горской проблемы состоит в быстрейшем экономическом развитии национальных объединений. Это задача вовсе не областного масштаба, но всесоюзного, и та материальная помощь, которая необходима для быстрого экономического развития Дагестана, иногда бывает тяжела даже и для Центра, тем более тяжела будет она для Юго-Восточной... [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 4].

Только Центр, с его мировым масштабом, может понять, что, оказывая помощь Дагестану за счет других районов, он платит издержки мировой революции по распространению ее на ближнем Востоке. Дон, Кубань и Терек с их крупнокрестьянским хозяйством, с их великорусско-националистическим, проникнутым великодержавным шовинизмом населением, не смогут подняться до такого сознания [Там же. Л. 7].

Резюме было следующим: только непосредственное подчинение Москве (Дагестан должен быть выделен из состава ЮВО), помощь оной в развитии автономной республики и отрицание любых посягательств со стороны Ростова на присоединенный к Дагестану Кизлярский округ и Ачикулакский район⁴⁰.

Москва после колебаний и получения аргументов цитированного «Доклада» («Письма 43-х») согласилась на требования дагестанского руководства (подробнее см.: [Летифов 1972: 111—115]).

⁴⁰ Возражение Юго-Восточной области (позднее — Северо-Кавказского края) относительно присоединения к Дагестану Кизлярской зоны помимо прочего заключалось в том, что этой территорией, в качестве пастбищ, пользовались «и Чечня, и Осетия, и Терек, и Ставрополь... Даже закавказский скот пасется там. Отдать кому-нибудь превалирующее влияние и право распоряжения этим районом, который для выпаса скота (основного хозяйства всех горских народов) играет громадную роль, — это значит экономически подчинить все эти отдельные народности Дагестану» [Хронин 1924: 28]. Тогда же Н. Ф. Гикало, знаменитый борец против деникинских войск в Ингушетии, а позднее ответственный советский и партийный работник региона, предложил придать Кизлярской зоне статус «вольных степей», которые на равных условиях эксплуатировались бы всеми горцами [Нечипурнова 1968: 45].

Краевые инстанции не решились оспаривать позицию Центра. Однако, вынужденно соглашаясь с «самостоятельностью» Дагестана в советском отношении, Ростов поставил вопрос о подчинении Дагестана в партийном отношении также Москве [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 21]. Центр сам через несколько лет предъявит претензии дагестанскому руководству. Но об этом речь ниже.

Актуация в «Докладе» угрозы для национальных образований великорусского национализма и шовинизма обязана своим происхождением дискуссиям X (1921) и XII съездов (1923) РКП(б) по национальному вопросу, заострившим внимание на этих моментах ⁴¹.

Об угрозе великодержавного шовинизма в тональности цитированного письма Н. Самурского «сенсационно» высказался на проходившем в ноябре 1926 г. «Частном совещании националов — членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин» (частным оно называлось с целью подчеркнуть неофициальный характер высказывавшихся на нем мнений и суждений). «Как приостановить, фигурально выражаясь, — заявил Самурский, — наступление „Ваньки“ и контр наступление, скажем, „Османа“?» Бурная реакция зала на это высказывание и на выражение «Ванька прет» потребовала разъяснений. Председатель Дагестанского ЦИК пояснил:

...«Ванька» культурнее, экономически мощнее, сумел быстрее восстановить свое хозяйство, чем «Магомет» или «Осман»... С улучшением экономического состояния русского крестьянства мелкобуржуазные влияния оказывают свое действие на советский аппарат, который, в свою очередь, начинает давить на автономные республики, возникают бюрократические извращения на почве национальной политики [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 66—67] (см. также: [Чеботарева 2008: 52, 54]).

На этом же совещании обсуждался вопрос о выходе автономных республик из состава РСФСР и о вхождении в СССР в таком же качестве, как Украина, Белоруссия, Закавказская Федерация при одновременном формировании Русской Республики. Примечательно, что Н. Самурский, отметив историю многолетней борьбы дагестанцев с русским царизмом, а также географическое положение, политический вес и демографическую ситуацию (абсолютное преобладание среди населения местных народов) в Дагестане, высказался относительно экономических выгод пребывания автономий в составе Российской Федерации, но без обременительной и невыгодной опеки со стороны Северо-Кавказского края. Резон автономного статуса, по его словам, заключался

⁴¹ В свою очередь, соответствующая дискуссия на съездах, особенно на XII, была во многом определена формулировками, представленными В. И. Лениным в одной из последних его работ, а именно «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» [Ленин 1964: 357]. Резолюции съездов по сравнению с ленинскими фразами содержали в целом умеренные формулировки, к тому же увязанные с «основной проблемой». Из резолюции X съезда: «Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия в первую очередь державных наций), полное националистических предрассудков, идет за буржуазией, и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т. е. если обеспечена диктатура пролетариата» [КПСС в резолюциях 1983: 249]. Однако в партийной прессе великодержавный шовинизм осуждался самым решительным образом (см., например: [Основные итоги 1924: 8]).

в том, что, пока автономии догоняют в экономическом отношении центральные губернии, русский рабочий класс «обязан оказывать соответствующую поддержку автономиям, т. е. до преодоления фактического неравенства. Если вы отделитесь, вы будете получать поддержку? Сумеете ли вы защитить политическую независимость? Нет... потому что вы окажетесь в ничтожном меньшинстве» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 69—70] (см. также: [Чеботарева 2008: 54—55])⁴².

Менее чем через десять лет положение Дагестанской Республики существенно изменится. К этому подведут обстоятельства, как будет официально заявлено, ее неудовлетворительного экономического и социального развития, а также упрочившиеся позиции центральной и краевой власти. Об этом в свое время.

Казачий вопрос в дагестанском формате

Здесь уместно обратиться к сюжету о казачьей теме в политике руководства Дагестанской Республики. Она активно фигурировала в письме «43-х».

Специфика же определялась тем, что на «коренной» территории этой республики казачьих станиц образовано не было⁴³. Реально дагестанцы столкнулись с казаками только в ходе гражданской войны, когда те появились на их территории вместе с армией Деникина. Кратковременное пребывание там казаков оставило о себе самое гнетущее впечатление. Одна из дагестанских газет писала осенью 1919 г.:

...Даже деникинский офицюз, будучи не в состоянии скрыть причины массового недовольства деникинцами, сообщал: «То, что позволяли себе казаки в горах, в особенности в сел. Доргели, не поддается описанию. Они снимали с женщин кольца, браслеты, серьги, ожерелья. Они оскорбляли жен в присутствии мужей, дочерей — при родителях, сестер — при братьях» (цит. по: [Кашкаев 1976: 201])⁴⁴.

Однако подобное нелюбезное «знакомство» дагестанцев с казаками все же было эпизодическим и, по большому счету, не тянуло на обобщения,

⁴² Н. Самурский отмечал невыгодность перехода республик из статуса автономных в союзные и то, что русское население оных будет стремиться объединиться с «ядром» «и раздирать государственно и территориально организм национальных республик». «Путь борьбы с великодержавным уклоном госаппарата состоит в участии представителей малых национальностей в управлении РСФСР, в закреплении за ними влияния как в законодательных, так и в управляющих органах». В свете этого он настаивал на организации Совета Национальностей вместо существовавшего в те годы Отдела национальностей, с которым в Центре никто не считается [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 67, 71]. «Мерой борьбы против местного национализма является усиление социалистического строительства, т. е. усиление темпа развития промышленности и кооперации в национальных республиках и областях» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 71].

⁴³ В конце XIX в. ходили разговоры об организации казачьих поселений в прибрежной зоне Каспия, по Самуру и Алазани, «чтобы они кольцом стянули Дагестан» [Кривенко 1896: 200, 201]. Однако до дела, к счастью, не дошло.

⁴⁴ Отметим, что генерал Деникин сам искренне сокрушался о «мрачной бездне морального падения» своей армии [Деникин 2003: 134].

которые содержались в упомянутом «Письме». К обобщениям склоняло и их допускало господствовавшее в то время в руководящих органах страны отношение к казачеству. На фоне «общего взгляда» можно было злоупотребить «частностями», спекулировать ими, до известной степени переиначивая действительность.

* * *

Сделаем небольшое отступление — выскажем предположение, что резко негативное отношение к казакам и недопущение самой мысли о попадании дагестанцев под их власть было обусловлено не только и не столько реакцией на негатив, связанный с пребыванием «настоящих» казаков в Дагестане в ходе гражданской войны, но более пространными обстоятельствами.

Для дагестанцев, носителей местных языков, в первую очередь аваро-андо-цезских, слово «казак» слышится, произносится и пишется практически так же, как и «пленный раб» — *хъазахъ* (в лакском языке это слово пишется как *къазахъ*, в табасаранском — *гъазагъ* в значениях ‘слуга, работник, батрак’). В аварском языке фонема *хъ* — «задняя мягконебная (увулярная) дорсальная глухая долгая хрипящая аффриката» [Саидов 1967: 711]. Впрочем, в аварском языке *хъазахъ* — это не только «пленный раб», но и «батрак», и собственно «казак» [Там же: 521]. Данная лексема попала к дагестанцам от тюрков, возможно, предков кумыков, она кыпчакского происхождения и первоначально имела значения ‘оруженосец феодала, военный слуга, дружинник’ и т. д. [Джидалаев 1990: 137]. Специалист в области филологии пишет: «Значение слова *хъазахъ* ‘пленный раб’ в аварском, видимо, связано с тем, что в хозяйстве аварцев „пленный“ („раб“) выполнял те же функции, что и любой другой слуга, и уже имевшийся в языке термин *хъазахъ* был использован для обозначения „пленного раба“» [Там же: 137—138].

Данная категория населения дагестанского общества пополнялась за счет пленников, захваченных в ходе регулярных военных набегов горцев, в основном в соседнюю Грузию. В итоге «грузинский след» в населении Дагестана в целом оказался весьма заметным (подробнее см.: [Карпов 2007: 290—294]).

В «старом» дагестанском обществе (время существования которого охватывает период до окончательного включения этого края в состав Российской империи) *хъазахъ* ‘и (точнее, потомки пленных, за которыми сохранялось соответствующее обозначение), как правило, формировали отдельные *тухум* ‘ы (семейно-родственные группы). Они пользовались основными правами членов *джамаат* ‘а (сельского общества, общины), тем не менее некоторая дискриминация в отношении них сохранялась — их не допускали на сходы основной части равноправных сельчан (*узденей*), *уздени* не заключали с ними брачных связей, хоронили *хъазахъ* ‘ов на отдельных участках сельских кладбищ и т. п. До настоящего времени в горных селениях в ходу кочующий сюжет о том, как потомок *хъазахъ* ‘а устроил для *джамаата* хорошее угощение, единственно попросив за это не называть его больше таким обидным словом. Гости с удовольствием отведали предложенное им, но, уходя, кто-то неумышленно посетовал на то, что *хъазахъ* недосолил одно из блюд, либо, наоборот, во всем похвалил *хъазахъ* ‘а. То есть оный остался в глазах окружающих тем же, кем и был [Там же: 523].

Нетрудно представить, что в Дагестане описываемой поры взгляд рядовых дагестанцев на порядок вещей, в том числе общественных и политиче-

ских, оставался в достаточной мере «традиционным». В свете него исходившее из Центра (которого они не знали да особенно и не желали знать, а за Ростовом однозначно закрепилось «клеймо» столицы пресловутого казачества) предложение населению (в основной своей массе являвшемуся лично свободными общинниками — *узденями*, чем они чрезвычайно гордились) подчиниться казакам — *хъазахъ*’ам, то бишь «пленникам», а в известном смысле и «крабам», выглядело абсолютно неудобоваримым. Местные политики, преследовавшие не только «республиканские», но и личные цели (направленные на демонстрацию населению собственной заинтересованной позиции в этом вопросе, дабы подтвердить легитимность полномочий и власти), могли небезуспешно использовать данные обстоятельства. Они писали в Москву:

Присоединение же к Юго-Восточной области в глазах всего населения явится уничтожением автономии, торжественно объявленной в 1921 г. тов. Сталиным, и тогда население может почувствовать в этом обман большевиков, **новое порабощение казаками** и может заговорить о **необходимости добиться полной независимости, чтобы не попасть во власть «казачков»** (здесь и ниже выделено нами. — *Авт.*). Ведь дело в том, что присоединение к Юго-Вост-области вызовет особое недовольство потому, что огромную часть населения этой области составляют казаки, а **казаки всегда были основными естественными врагами горцев**, и в течение 60-летней Кавказской войны, и в течение 4-летней гражданской войны, во время революции, когда казаками были разрушены десятки аулов и перебиты тысячи горцев (явные натяжки применительно к Дагестану. — *Ю. К.*). Терские, Кубанские и Донские казаки всегда были фигурами наиболее odioзными для горцев, носителями великодержавного насилия, несмотря на все усилия компартии, эта ненависть к казакам еще не могла быть искоренена, и **присоединение Дагестана к казачьим областям в глазах Дагестанцев явится подчинением ненавистным казакам и вызовет взрыв негодования и сильнейший рост острого национализма** [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 4—4 об.].

В противном случае дагестанцы готовы были перейти под власть Турции (хотя это для них и нежелательно).

Здесь «дагестанцы» — это крестьянская масса горцев, в преобладающем своем большинстве в глаза не видевшая настоящих казаков, зато вполне определенно воспринимавшая слово «казак» как несовместимое со свободолубием и собственной «гордостью», ибо оно отсылало к представлениям об отношениях с подчиненной категорией жителей горных селений. Даже люди просвещенные, воспринимая ситуацию вполне адекватно, не были способны избавиться от соответствующих смысловых нагрузок.

В пришедшей в Дагестан армии генерала Деникина казаки не составляли большинства, но были одиозным ее сегментом по причине содеянного в других частях державы и региона. Однако не только по этой причине их можно и было резонно упоминать в публичных обращениях. В конкретной, дагестанской (крестьянской), среде само их именование «казак» вызывало двойственные, но не лишённые конкретности ассоциации. Их было **выгодно** лишний раз вспомнить, ибо подчинение горцев-*узденей хъазахъ*’ам выглядело зримым попранием традиционных устоев жизни местного общества, а через это и **ислама** как знака борьбы за свободу «своей национальности». Председатель Совета обороны Дагестана Шейх-Уль-Ислам Али-Хаджи-Акушинский в 1919 г. в воззвании «к народам и войскам Дагестана» говорил о «казачьем деспотиз-

ме» [Власть и религия 2007: 23], что соответствовало контексту подобных представлений, но главным образом было обусловлено военной обстановкой.

В скором, но уже мирном времени в таком же ключе будут описывать ситуацию во вверенной их попечению республике советские руководители Дагестана.

Председатель Дагестанского ЦИК Нажмутдин Самурский (Эфендиев) в изданной в 1925 г. брошюре подчеркивал прочные позиции ислама в Дагестане, неприятие местным населением любых вариантов «иноземного, гяурского», а также «греховной, проклятой западной цивилизации» и даже отмечал «расширение в последнее время мюридизма».

Он же писал:

Прежде всего необходима наиболее полная национализация власти и ее аппарата. Больше, чем в какой бы то ни было стране, в Дагестане вся власть должна состоять из местных людей, чтобы не было никакой возможности говорить, что страной правят русские — гяуры (т. е. иноверцы, немусульмане).

Определенно звучала и его рекомендация отказаться в народном образовании от русского языка, так как к нему у горцев «ненависть» [Самурский 1925: 116, 118, 132]. А в 1924 г. в письме «43-х» в Москву значилось: «В своем отношении к национальным правам дагестанцы являются, может быть, самым сознательным и чутким народом в СССР» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 4].

Все становится на свои места. И свое место в этом ряду обретают слова того же Н. Самурского, который в книжке, изданной через 2—3 года после цитированных документов и посвященной 10-летию революции, писал, что «после революции благодаря падению размеров казачьего хозяйства батрачество — отхожие промысла сократились на 75%» [Самурский 1927: 18], имея в виду родной ему Дагестан.

Откуда взялись подобные цифры? Из пустоты. В «коренном» Дагестане казачьих поселений не было. Нет и прямых свидетельств тому, что дагестанцы до революции, занимаясь отходничеством, нанимались на работы к казакам вне Дагестана [Карпов, Капустина 2011: 51]⁴⁵.

В Дагестане казачьи поселения появились после присоединения к нему в 1922—1923 гг. Кизлярского округа (а также Ачикулакского района, в основном населенного ногайцами). Сделано это было с целью вызволить, по определению того же Самурского, горцев из «каменного мешка», в который загнал их царизм.

Процитированная фраза — дань политическому жупелу эпохи революции, казакам — «естественным» врагам трудящихся масс, в том числе гор-

⁴⁵ Однако данный тезис активно использовался представителями высшей власти. Г. Орджоникидзе, выступая на совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа (1921) и говоря о расширении земельных угодий горцев за счет экспроприации их у казачества, приводил и цифры по Дагестану: «В Дагестанской области (надо было бы сказать республике, так как таковая уже и формально была провозглашена, и неформально существовала. — Ю. К.) было 327.191 десятина; получено 48.000 и 30.000 будет еще получено в связи с выселением казачьих станиц!» [НА СООГСИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 18. Л. 93]. Тогда же указывалось на сравнительно небольшое количество помещичьих хозяйств в дореволюционном Дагестане [Современный Дагестан 1926: 16].

цев⁴⁶. Примечательно, что в 1926 г., когда вновь был поднят вопрос об отделении Кизлярского округа от Дагестана и о его переподчинении Северо-Кавказскому краю, Дагестанский обком направил в Москву очередное письмо с протестом, где отмечались, с одной стороны, незначительный процент казаков в населении этого округа, а с другой — полная лояльность нижнетерского казачества к дагестанской власти [ЦГА ДР. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 756. Л. 6—9, 57—72].

В ранее пространно цитированном отрывке из данного «Письма» нежелание Дагестана подчиняться Юго-Восточной области аргументировалось, в частности, тем, что «население может почувствовать **новое порабощение казаками** (Авт. — ?) и может заговорить о необходимости добиться полной независимости, чтобы не попасть во власть „казаков“...» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 3 об.].

Авторы «Письма» поясняли: антиказачьи и, шире, антирусские настроения среди крестьянства республики, а оно составляет подавляющую часть населения, вполне закономерны — крестьянство только сейчас начинает воспринимать социальную сущность и задачи революции, а недавно закончившаяся война была для них борьбой за национальную свободу. Но «такое настроение нельзя вменить в вину руководителям Соввласти в Дагестане, наоборот, им следует вменить в большую заслугу то, что это настроение не проявляется внешне» [Там же].

Подтвержу свое предположение — местное руководство фактически спекулировало на казачьей угрозе, используя соответствующие умонастроения в верхах, ссылаясь на слова «вождя мирового пролетариата», человека, никогда не бывавшего на Кавказе, однако «по роду деятельности» знавшего, «что почем». Доказать это трудно, а может быть и невозможно, однако именно это «ощущается» при чтении документа. Политики умело манипулируют ситуацией. И для них в настоящем случае было естественным одновременно отмечать угрозу со стороны казаков и говорить об их «симпатиях» к себе. Во второй половине 1920-х гг. это было еще допустимо, хотя и не очень осмотрительно, так как к данному времени Центр уже склонялся к политической реабилитации казачества.

Примечательно, что через десять с небольшим лет, когда Кизлярщина будет частью Дагестана, а местное население выразит свое недовольство житьем-бытьем, Центр уже будет смотреть на казачество как на органичную часть «советского общества», и один из главных авторов цитированного «Письма» при встрече с казаками поведет разговор в иной тональности.

В 1936 г. руководители Дагестанского обкома ВКП(б) встречались «с представителями советского казачества Шелковского и Кизлярского районов» после поступивших туда заявлений. На встрече разговор шел о развитии колхо-

⁴⁶ Весной 1918 г. ряд адыгейских аулов был разгромлен Красной Таманской армией. Помимо мародерства и насилий было убито (в том числе путем отрубания голов шашками) в ауле Кошехабль 366 человек, в Габукае 340 человек, в Джеджехабле более 200 чел. и т. д. Всего пострадало более четырех тысяч человек [Шебзухов 1992: 292—304]. В условиях вскоре утвердившейся советской власти этот факт (красного террора, не шедшего ни в какое сравнение с бесчинствами казаков в Дагестане) замалчивался, а самой истории Таманской армии был придан революционный романтизм, описанный в романе А. Серафимовича «Железный поток». О красном терроре в отношении горцев см. также: [Врангель 2002: 124].

зов, об укреплении политической бдительности и т. п. Секретарь обкома Н. Самурский высказался и относительно близости культур казаков и горцев:

...Вообще у терских казаков и горцев много общего в домашнем быту, костюме, танцах и т. п. Если вы войдете в дом казака и горца, то вы не различите их в обиходе их быта (так в оригинале. — *Авт.*). Этим я хочу сказать, что абсолютно недопустимым является игнорирование черкески, поясов, кинжала и т. д. Приятно вас видеть в черкесках, в вашей форме... [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3146. Л. 57].

Незатейливые сравнения должны были подчеркнуть органичность вхождения казачьих районов в состав Дагестана, но не подчинение горцев казакам (*хъазахъ'ам*) (не «порабощение» вторыми первыми, о чем говорилось в «Письме» и что якобы угрожало дагестанцам при ином политико-административном раскладе).

Однако, забегая вперед, отмечу, что в феврале 1938 г. Кизлярский и Ачикулакский районы «в целях успешного хозяйственного развития» были переданы от Дагестана Орджоникидзевскому (Ставропольскому) краю (правда, пастбищные угодья на этих территориях остались за хозяйствами горных районов Дагестана) [Известия. 1938. № 45].

На двадцать лет «казачий вопрос» для Дагестана перестанет существовать. Однако в 1957 г. он возникнет снова в связи с возвращением Кизлярщины и Ногайской степи республике. Но это уже будет новый виток союзно-республиканской политики, который вызовет новые проблемы (подробнее см.: [Карпов, Капустина 2011: 289 и след.]).

Общие замечания

К середине 1920-х гг. власть считала себя выполнившей основные взятые ею обязательства в области национальной политики.

Функционер по данной линии Г. И. Бройдо писал:

Основной лозунг нашей нац. политики — самоуправление вплоть до отделения, мы за пять лет работы в основном и главным разрешили... Новая, советская география перекроила до неузнаваемости карту России. Мы образовали целый ряд независимых и автономных республик, автономных областей, труд. коммун, на основах широкого предоставления трудящимся разных национальностей возможности самоопределиться, выявить свои творческие силы, создать кадры в области управления, хозяйства, просвещения, использовать и развить культурные ценности каждой нации, ее язык, литературу и т. п. [Бройдо 1923а: 6].

Впрочем, это расценивалось только как начало действительно больших преобразований. И хотя Москва не считала себя «богатой тетушкой», однако была готова вкладывать средства в «поднятие производительных сил окраин, их культурное состояние, ликвидацию исторических пережитков», ибо «планомерный охват всего хозяйства федерации, всех ее ресурсов в целом, т. е. методом, при котором во имя целого могут быть иногда принесены в жертву отдельные его частности», расценивался как подлинно большевистский подход к решению соответствующего вопроса в глобальном масштабе [Там же: 7, 8].

И в другом месте в связи с постановкой вопроса о реорганизации отношений между субъектами вновь организованной страны он писал:

Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу... Шагом назад было бы применение к отдельным частям РСФСР той формы связи, на почве коей сейчас организуется союз РСФСР с независимыми (? , т. е. союзными. — *Авт.*) республиками, а следовательно, и конструирование каких-либо союзных органов с вовлечением в них этих отдельных частей РСФСР. РСФСР — исторически уже сложившееся историческое тело. Это государственное тело сделало безусловный шаг вперед в своей внутренней организации (во взаимоотношениях отдельных частей) по пути к полному единству по сравнению с тем шагом, который сейчас делают Украинск[ая], Закавказск[ая], Белорусск[ая] и Российск[ая] Республики... Все предложения форм объединения, идущие хотя бы частично по линии нарушения единства РСФСР, являются в текущую эпоху шагом назад и притом проявлением уклона в сторону буржуазно-демократического туземного национализма [Бройдо 1923б: 4, 5].

Распад Горской Республики на национальные части, по оценке тех же советско-партийных функционеров, не свидетельствовал о сепаратизме или требованиях повышения «уровня» автономий. В это же время другой функционер аналогичного пошиба писал:

Уже самим фактом поднятия вопроса о выделении того иного племени обозначается факт накопления среди этого племени внутренних потенциальных сил. Автономия, в том числе и племенная, — это залог нарастания сознания среди трудовых масс и переходная ступень от племенной изолированности к полному единству трудящихся экономически цельного района на почве их общих экономических интересов... Пусть Горская Республика в силу целого ряда экономических причин сейчас «распадается»! Идея, заложенная в ней, как феникс из пепла, воскреснет под знаком общих усилий всех племен на пути нового хозяйственного строительства. Этот неизбежный в будущем процесс нового объединения ничто не в силах будет остановить, ибо, подчеркиваем, при разединении горских, например, племен, роль играла не «кабардинская культура» и не «балкарская и др. культуры», которые стремились «дифференцироваться» от других культур, а вопросы экономические, главным образом вопрос о земле [Трайнин 1923: 24—25].

Автор данной публикации, по большому счету, лицемерил, так как не удавшийся в немалой степени при попустительстве Народного комиссариата по делам национальности опыт создания многонациональной республики, который он (автор) представлял, оказался неудачным, и в этой ситуации ему не оставалось ничего другого, как говорить подобное, подразумевая поговорку: «Что ни делается — все к лучшему». Примечательно акцентирование им внимания на экономической составляющей взаимоотношений автономий с Центром и между собой. Из этого следовало, что выделившимся из ГАССР автономиям все равно некуда будет деваться, кроме как идти под опеку «большого» или «промежуточного» центра, тем более что последний уже оформлялся. Вопросы же «самобытной» культуры, обычаев и пр., по оценке технократа, немногого стоили. «Форма» (национальная) — формой, а содержание — социалистически-экономическое на главном плане.

Национальные автономии действительно были созданы. Патерналистская система, в определенном виде функционировавшая уже при «национальном гнете», в новых условиях расцвела. Центр «подкармливал» национальные окраины сколько мог. Большая часть бюджета автономий уходила на содержа-

ние аппарата и «культурные нужды»⁴⁷. Центр время от времени выказывал недовольство подобной ситуацией; но что ему было делать, коль скоро он сам являлся инициатором такой системы отношений⁴⁸. Он расплачивался за принятый на длительную перспективу политический курс. В одном ракурсе цели (обретение власти в стране при активном использовании национального вопроса) были достигнуты⁴⁹, в другом (мировая революция, в деле развития которой предпочтение отдавалось Востоку как застрельщику нового этапа соответствующего процесса, а через это и кавказским автономиям уделялось повышенное внимание либо их руководители напоминали о месте и роли оных в данном процессе)⁵⁰ — явно не ладились.

На этом фоне и после очередной дискуссии по национальному вопросу, теперь уже на XII съезде партии большевиков (где группировка Рыкова и Бу-

⁴⁷ В 1926 г. 45 % бюджета Черкесского автономного округа тратилось на содержание аппарата, и это при том, что только седьмая часть бюджета, составлявшая 350 тыс. руб., покрывалась собственными доходами [ГА КЧР. Ф. 19. Оп. 19. Л. 2 об.]. В 1922 г. дефицит бюджета Чеченского округа составлял 72 % [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 36. Л. 23 об.].

⁴⁸ При этом в новых условиях получила продолжение (или развитие) характерная черта социокультурной традиции местных народов, а именно конкуренция. Естественно, что «сейчас» она приобрела новую форму — добывания своего «места под солнцем», т. е. за определенные блага и предпочтительное внимание к себе со стороны Центра. В итоге (и публично) значилось, что кабардинцы не хотели терять того, что имели прежде, а их соседи заявляли, что «ни одна область СССР не оказалась в таком (тяжелом в земельном отношении. — Ю. К.) положении, как Северная Осетия» [ЦГА РСФСР. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 77. Л. 61—62]. Одни говорили, что «Дагестан страна наиболее сильная и сплоченная, наиболее культурная среди горских народов» и потому не только играет особую роль в регионе, но и требует к себе специального внимания. Другие аргументировали собственные права иначе: «Из всех народностей Северного Кавказа особое внимание обращает на себя Чеченская народность. Будучи из всех народностей Северного Кавказа наиболее культурно отсталой, по величине наиболее крупной, по компактности территориального расположения наиболее единой и цельной, Чеченская народность в среде прочих горских племен играла, играет и теперь роль первой скрипки в поворотных пунктах исторического порядка» [Ошаев 1928б: 3]. Третьи ссылались на революционные заслуги. «...Ингуши считают себя самыми яркими участниками в революционной борьбе за Советскую власть, почему с них будто бы не следует взимать налоги наравне с другими народностями...» [Совершенно секретно 2001, т. 1, ч. 2: 827]. Подобные претензии с различной аргументацией заявлялись практически каждым крупным народом. В новейших условиях «традиционную» составляющую конкуренции подкрепляла установка государства о «формировании наций», так что сам процесс национально-государственного строительства в этом случае предстал в категориях этнического национализма [Тишков 1996: 34].

⁴⁹ В качестве составной части завоевания власти по линии межнациональных отношений оценивалось достижение «правильных взаимоотношений» между пролетариатом центральных губерний и крестьянством национальных окраин — именно так на XII съезде РКП(б) Сталиным формулировалась «классовая сущность национального вопроса в России».

⁵⁰ От самого Наркомнаца еще летом 1919 г. исходила инициатива о его ликвидации. Однако высшей партийной инстанцией было принято решение о его укреплении и улучшении работы [Гимпельсон 1995: 210]. В последние же годы своей деятельности Наркомнац больше внимания уделял «внешним» вопросам в ущерб решению «местных» вопросов, на что обращали внимание заинтересованные советские граждане, работники.

харина повторила свои озвученные еще в 1917 г. «левацкие» тезисы по данному вопросу и где она, а также националисты из Поволжья, Закавказья и Средней Азии и великодержавные шовинисты после долгих дискуссий получили отпор ЦК), было решено ликвидировать Наркомнац.

В соответствующем постановлении ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. говорилось:

Принимая во внимание, что Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР закончил свою основную миссию по подготовке дела образования национальных республик и областей и объединения их в Союз республик, 2-я сессия Всероссийского Центрального исполнительного комитета считает своевременной ликвидацию Народного комиссариата по делам национальностей...

Отныне вопросы, связанные с деятельностью автономий, а также с положением нацменьшинств, передавались в ведение Всероссийского ЦИК, в системе которого появилась новая надлежащая структура [Советская политика 1928: 24].

Причины такой реорганизации, помимо указанного, правомерно связывать и с тем, что глава Наркомнаца тов. И. Сталин явно перерос рамки данной структуры. В 1923 г. он фактически встал во главе всей государственно-политической машины. В этих условиях разноплановую, но все-таки текущую работу (а не решение «принципиальной политической задачи»), связанную с реализацией национальной политики, могла выполнять по-своему ординарная инстанция, а именно один из отделов Президиума Центрального исполнительного комитета⁵¹. Акцентами в данной работе были осуществление индустриализации национальных окраин, поднятие культурного уровня населения и реализация политики так называемой коренизации (о последней подробнее в одной из следующих глав).

Отмеченными пертурбациями работа по совершенствованию реализации национальной политики не была приостановлена. Продолжала и развивала свою деятельность в качестве структуры Академии наук Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС)⁵². В ее работе живое уча-

⁵¹ Данная реорганизация вызвала цепочку более мелких преобразований, в частности переподчинение работавших под крылом Наркомнаца исследовательских и учебных заведений — Московского института востоковедения, Коммунистического института трудящихся Востока, Ленинградского института живых восточных языков и других организаций [ГАРФ. Ф. р-3316. Оп. 17. Д. 717]. Примечательно, что все эти заведения имели «восточную» направленность.

⁵² Данная комиссия была образована в феврале 1917 г. Ее первоочередной задачей являлось составление этнографической карты России (эта работа должна была быть осуществлена к планировавшемуся в 1917 г. Мирному конгрессу и созыву Учредительного собрания) [ПФА РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3. Л. 4—4 об], но корпус задач в целом был шире — «изучение населения России в различных отношениях» [Там же. Д. 1. Л. 6, 31]. Фактически КИПС стала первым академическим центром этнографического профиля исследований. В название комиссии периодически вносились изменения. По предложению Н. Я. Марра к названию было добавлено «и сопредельных стран», одно время «Россию» в названии заменил «СССР», еще позднее название было изменено более существенно, и бывшая Комиссия стала именоваться Институтом по изучению народов СССР. В 1933 г. был создан Институт антропологии, археологии и этнографии, вскоре преобразованный в Институт этнографии АН СССР. В начале 1920-х гг. КИПС сотрудничала с Комиссией по исследованию естественных произво-

стие принимали видные ученые того времени: академики С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, профессора Д. А. Золотарев, Л. Я. Штернберг и другие ученые⁵³. Комиссия приняла активное участие в работе по подготовке переписи населения 1926 г, что сопровождалось не только составлением надлежащих списков и карт, но и обсуждением теоретических аспектов того, что есть «национальность»⁵⁴.

В. П. Семенов-Тянь-Шанский отмечал:

Национальность есть коллективная индивидуальность, возникшая под совокупным влиянием причин антропологических, географических и исторических. Это, так сказать, их естественное, неизбежное «порождение»... В понятии «национальность», со строго научной точки зрения, должны различаться две вещи. С одной стороны, это понятие чисто антропологическое, указывающее на физическую породу данного человека. С другой стороны, это понятие чисто культурное, указывающее, в какой географической среде и этнологической среде проходила и проходит жизнь данного лица. Сочетание того и другого зачастую крайне запутано [ИФА РАФ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 11. Л. 115].

Его коллеги по Комиссии вносили уточнения и поправки в данную формулировку, обращая внимание на первостепенное значение языка при определении национальности [Там же. Д. 1. Л. 14; Д. 1. Л. 117 об, 128].

При подготовке этнографической карты первоначально была выделена 191 «племенная единица» [Там же. Д. 1. Л. 162], в «Список» же народов для переписи попало по одному варианту — 155 единиц, по другому — 183 [Там

дательных сил России (КЕПС), образованной также при Академии наук в 1915 г. В задачи ее, помимо прочего, входило и обоснование нового районирования страны, так что упоминавшаяся выше комиссия Госплана по районированию вновь сформированного государства только продолжила начатую в этом направлении работу КЕПС.

⁵³ Академик В. И. Вернадский практически одновременно с организацией КИПС подготовил доклад для прочтения его в Научном институте в Москве (он не был прочитан по «независящим причинам»). Он писал: «Задача сохранения единства Российского государства — уменьшение центробежных сил в ее организации — является одной из наиболее важных задач государственной политики... Мы видим... к какому усилению, а не смягчению центробежных сил вела насильственная политика национальных вопросов, насколько она опасна и неудачна. В значительной мере она поддерживалась недостаточным знанием и недостаточной осведомленностью русского общества и правительства о местной жизни составляющих Россию народностей. Именно здесь лучшим спаивающим средством и лучшим источником единения является возможно широкое и возможно полное знание и связанное с ним понимание. В целях государственного единства наши стремления должны идти по другому направлению, чем они идут сейчас. Мы должны смело и решительно стремиться к государственной организации взаимного ознакомления составляющих Россию народностей, к государственной организации их изучения, к государственному содействию их стремлениям в этом направлении. Должна оказываться широкая государственная помощь изучению истории, языка, этнографии и литературы населяющих Россию народностей, изучению родооведения отдельных областей нашей страны. Все эти стремления должны из области центробежных сил, какими они теперь являются, перейти тем самым в область сил, сливающих государственное единство» [Вернадский 1995: 9—10].

⁵⁴ Вера Тольц связывает повышение интереса ученых к мышлению в «национальных категориях» с влиянием романтической традиции, делившей мир «на четкие, определенные в культурном отношении нации» [Тольц 2013: 59].

же. Д. 23. Л. 49—55 об., 235—236]. За основу идентификации при переписи была взята «национальность... понятие культурно-историческое», так что «ответ (на вопрос счетчика. — *Авт.*) подразумевает свободное самоопределение отвечающего на данный вопрос о принадлежности его к той или иной исторически сложившейся группировке». Необходимой считалась и фиксация «племенной» принадлежности индивида («народности»), а также вероисповедания и языка. Уточняющими были вопросы относительно языка, религии родителей и некоторые другие [ПФА РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 11. Л. 113]⁵⁵.

Настойчивые рекомендации ученых о необходимости точной фиксации национальности и «племенной» принадлежности при производстве переписи вызвали негативную реакцию работников статистических служб. Тем не менее при подготовке и обработке материалов переписи 1926 г. отмечалось, что она «имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения» [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 8. Л. 101].

Менее чем за год до ликвидации Наркомнаца при нем было создано Этнографическое бюро, в задачи которого входило теоретическое обоснование национальной политики, а равно и практических действий в этом направлении. В октябре 1922 г. профессор Н. Ф. Яковлев (языковед и отчасти этнограф, занимавшийся изучением народов Кавказа) сделал на заседании этого Бюро доклад с «научным обоснованием национального строительства в РСФСР». В нем он подчеркивал: «Правильно построенное наиболее выгодное и сопряженное с наименьшей непроизводительной затратой сил для обеих сторон сожителство национальностей и обнимающего их государственного механизма должно быть построено так, чтобы интересы каждой народности и интересы государства были приведены в гармоническое равновесие». Он отмечал важность каждой народности, как бы мала она ни была по численности, не только для науки, но и для государства, ибо каждый народец вносит свою лепту в развитие экономики страны, да и увеличивает ее народонаселение, много потерявшее в ходе последних войн и голода. Он настаивал на учете («точном этнологическом знании») особенностей общественного устройства и быта многочисленных народов, населяющих страну, дабы «старую местную родовую или племенную вражду» в той либо иной этнической среде не выдавать за контрреволюционные действия (как это нередко случалось) и не бороться декретами и резолюциями, в частности, с кровомстительством и калымом. Он настаивал на том, что изучать местные языки должны специалисты. В итоге Яковлев ратовал за организацию при Наркомнаце специального Ученого совета и Этнографического бюро по вопросам этнологического обоснования национальной политики, которые тесно взаимодействовали бы с Академией наук (КИПС), Академией истории материальной культуры и другими профильными учреждениями [ПФА РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 222—226].

В связи с ликвидацией Наркомнаца данный проект остался нереализованным.

Это небольшое отступление от основной темы сделано нами для того, чтобы в дальнейшем, воспользовавшись ссылкой на него, подчеркнуть изме-

⁵⁵ Рецензенты составленного сотрудниками КИПС списка народностей проф. А. Н. Максимов и В. В. Богданов поставили под сомнение правомерность употребления термина «лезгины», так как он имел собирательное значение для большей части горцев Дагестана. КИПС настояла на своем [ПФА РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 110, 228].

нения, которые произойдут за десятилетие в отношении государства к национальной политике как таковой.

Возвращаясь же к основной теме, вновь отметим, что государство проводило целенаправленную политику формирования «наций». В эти годы ее озвучил партийный глава Северо-Кавказского края А. И. Микоян. К такому же выводу приходят современные исследователи, отмечающие, что часто именно центральные органы власти играли ведущую роль при формировании автономных областей и республик, и это далеко не всегда имело инициативную поддержку на местах [Хлынина 2001: 20].

Однако положение автономных областей (а на Северном Кавказе имела место такая форма административного устройства) было противоречивым. С одной стороны, у них имелись широкие права в области культурного строительства, организации управленческого процесса собственными силами. Половина бюджета национальных областей приходилась на работу культурно-социальных наркоматов [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 834. Л. 80]. С другой стороны, процесс распределения средств контролировался Краем. В частности, краевое руководство намеревалось не распылять выделяемые на развитие хозяйства финансы, а поочередно вкладывать их в сооружение промышленных объектов, школ одной, затем другой области, тем самым не растягивая ввод оных в эксплуатацию. Руководители областей соглашались с такой постановкой вопроса в отношении строительства заводов и т. п., но оспаривали ее применительно к социальной сфере. «Может быть, — говорил в 1928 г. на заседании Национальной комиссии Края представитель Ингушетии И. Б. Зязиков, — с точки зрения экономии, это было бы и лучше, но с точки зрения терпения массы, которую мы должны обслуживать и удовлетворять интересы, конечно, такая установка, а в особенности в области культурной работы, ни в коей мере нетерпима» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 834. Л. 5, 39—40].

В начале 1928 г. Малый Совнарком РСФСР намеревался внести изменения во взаимоотношения между автономными областями, входящими в состав краевых объединений, и органами краевой власти. Северокавказские автономии высказали свои замечания по этому поводу. Их руководители настаивали на том, что автономные области являются самостоятельными административно-хозяйственными единицами и «не должны быть ограничены при составлении своих хозяйственных планов контрольными цифрами по Краю... [а] только согласовывать их... с Краем для включения в Краевой план с особыми по каждой Области цифрами» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 61. Л. 53, 56].

Автономные области не только Северного Кавказа, но всей РСФСР настаивали на расширении своих прав. Положение, уравнивавшее их с губерниями, «считается ненормальным и требуется вложить в слово „автономная“ известное содержание. Необходимо соответствующим образом расширить права автономных областей и зафиксировать эти права в особых положениях». Столь же непонятным выглядело преобразование одних автономных областей в автономные республики, когда при равных условиях другие области оставались в прежнем статусе. Необходимо, отмечалось в сводке вопросов, которые ставили «националы» перед Центром, «установление точного критерия для преобразования автономной области в автономную республику». Они же настаивали на «твердом определении условий для включения автономных республик и автономных областей в краевые и областные объединения». Конкретно положение о Северо-Кавказском крае «считалось неудовлетворитель-

ным и нуждавшимся в существенных изменениях» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 189 об.].

Автономные области, точнее, их руководители не только на словах, адресованных Центру, но и действиями пытались отстаивать свои права.

Здесь мы приведем пример, не имеющий прямого отношения к Северному Кавказу, но полно характеризующий один из вариантов отношений Центра с подобными автономиями. Этот пример не вписывается в пресловутый образ командно-административной системы Советского государства. Он показывает, что в 1920-е гг. она еще не сложилась или, по крайней мере, ее порядки можно было игнорировать.

К середине этого десятилетия Центр стали раздражать претензии автономных областей, касавшиеся повышения их статуса, а равно несоблюдение установленного порядка соподчинения. Он начал и в дальнейшем стал все настойчивее контролировать организацию жизни на местах.

В конце осени 1925 г. ЦИК Союза ССР издал циркуляр за подписью его председателя М. Калинина и секретаря А. Енукидзе, адресованный центральным исполнительным комитетам Российской и Закавказской Федераций. В нем говорилось о несоответствии формы высшей исполнительной власти ряда автономных областей их статусу. Конкретно речь шла о том, что в Чеченской, Калмыцкой, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АО (РСФСР), в автономных областях Нагорный Карабах и Юго-Осетия (ЗСФСР) органами таковой являлись ЦИК, а не облисполкомы. В документе говорилось:

Такое различие в структуре высших органов власти автономных областей неизбежно вызывает и различие в компетенции самих автономных областей — Центральные Исполнительные Комитеты автономных областей фактически пользуются правами, присвоенными Центральным Исполнительным Комитетам Автономных Республик, т. е. автономные области приравняются к автономным республикам [ЦАНИРГ. Ф. 607. Оп. 2. Д. 23. Л. 2, 4].

Далее отмечалось, что подобная система не имеет оснований ни в конституциях союзных республик, ни в актах, зафиксировавших образование автономных областей, и одновременно создает неравноправное положение автономных областей в стране (тех из них, которые придерживаются установленного порядка, и тех, кто его нарушает). ЦИК упомянутых федераций было предписано обратить на это внимание и «предложить соответствующим автономным областям реорганизовать их центральные органы власти» [Там же].

Насколько можно проследить по источникам, в Российской Федерации данная задача была выполнена оперативно⁵⁶. В Закавказье реакция на циркуляр и ход событий была иной. Через две с небольшим недели ЦИК Закавказской Федерации доносил в Москву, что органы высшей власти Нагорного Карабаха и Юго-Осетии соответствуют законодательным актам ЦИК Азербайджана и Грузии и что, «имея в виду особые условия закавказской действительности... реорганизацию ЦИКов вышеуказанных областей [следует] признать нежелательной и несвоевременной» [Там же. Ф. 607. Оп. 1. Д. 754.

⁵⁶ Вообще показательно, что за исключением Калмыцкой АО все остальные автономии, нарушившие регламент организации у себя высшей власти, относились к Северному Кавказу. В определенном отношении это можно связывать с тем, что автономные области появились в результате роспуска Горской Республики, где высшим органом власти являлся ЦИК, и воспроизвели у себя его структуру.

Л. 12]. «Особые условия закавказской действительности» подразумевали, что на территориях Нагорного Карабаха и Юго-Осетии в 1918—1920 гг. происходили ожесточенные боевые действия, обусловившие критический характер межнациональных отношений.

ЦИК СССР в начале 1926 г. согласился на временное сохранение в указанных автономных областях существовавших высших органов власти, но предложил ЦИК ЗСФСР в ближайшее время перейти к их реорганизации [ЦАНИРГ. Ф. 607. Оп. 2. Д. 23. Л. 17].

Дальнейшая, затянувшаяся на несколько лет, история этого вопроса является образцом бюрократических проволочек на местах и неспособности Центра с ними справиться.

В феврале 1926 г. Законодательная комиссия ЗакЦИК подтвердила отсутствие несоответствий между Конституцией ЗСФСР и конституциями Азербайджана и Грузии относительно наличия ЦИК в автономных областях [ЦАНИРГ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 962. Л. 1]. В конце марта того же года Президиум ЗакЦИК предложил Президиумам Азербайджанской ССР и ССР Грузии разработать проекты соответствующих изменений в автономных областях и перейти к их осуществлению [ЦАНИРГ. Ф. 607. Оп. 2. Д. 3505. Л. 20].

Осенью 1926 г. Всегрузинский ЦИК отказался проводить реорганизацию власти в Юго-Осетии [Там же. Ф. 607. Оп. 1. Д. 754. Л. 28], однако весной следующего года этот же орган отписался в Закавказский ЦИК, что работа в указанном направлении началась — собираются необходимые сведения, которые будут обсуждаться по линии Рабоче-Крестьянской инспекции [Там же. Л. 47].

В конце августа 1927 г. ЦИК Грузии сообщал, что реорганизация «центральных соваппаратов» в Юго-Осетии произведена [Там же. Л. 62], однако реально аппарат был реорганизован лишь частично через упразднение народного комиссариата социального обеспечения, слияние ГПУ с НКВД и некоторые другие действия, что далеко не соответствовало задаче, поставленной союзной властью.

В архиве скопился не один десяток запросов центральной власти о надлежащих действиях республиканских и областных инстанций. Из Нагорного Карабаха сообщали, что там создана комиссия для реорганизации власти, однако она не может начать работу «ввиду отсутствия членов этой комиссии» [Там же. Ф. 607. Оп. 1. Д. 754. Л. 64]. Информация схожего характера поступила из Всегрузинского ЦИК [Там же. Л. 82]. Но в основном ЗакЦИК регулярно доносил в Москву, что сведений с мест в него не поступало [Там же. Л. 63].

Осенью 1927 г. Секретарь ЗакЦИК А. Шавердов сообщал в партийный орган Закавказья:

Сказать ЦИКу Союза, что его предложение осталось невыполненным потому лишь, что ЦИКи АССР и ССРГ не захотели выполнить предложение ЗакЦИКа о том же, даже не объяснив причин, считаю неприемлемым; вовсе не отвечать на запросы ЦИК Союза (поступавшие едва ли не еженедельно. — Ю. К.) считаю еще более неприемлемым. Остается одно, просить ЦИК Союза, чтобы ЗакЦИКу был продлен срок на проведение его предложения до будущих выборов в Советы [Там же. Ф. 607. Оп. 2. Д. 114. Л. 7 об.].

Ситуация принципиально не менялась и в последующие полтора года. Лишь в начале октября 1929 г. пришли сообщения о формировании в Нагор-

ном Карабахе еще в 1928 г. облисполкома и об избрании в Юго-Осетии вновь ЦИК [ЦАНИРГ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 754. Л. 94, 95].

Эта затянувшаяся история определенно свидетельствовала о неотлаженной работе вертикали власти в стране и едва ли не в первую очередь в отношениях между Центром и национальными образованиями. Вместе с тем в данной истории нельзя не учитывать сложную политическую обстановку в регионах. Таковая применительно к Юго-Осетии определялась не только грузино-южноосетинским конфликтом в послереволюционный период, но и тем, что в 1920-е гг. достаточно активно (на разных уровнях вплоть до высшего) обсуждались варианты объединения Северной и Южной Осетии (о чем речь пойдет в другом месте). В этих условиях власти Грузинской Республики, а вслед за ней и Закавказской Федерации не решались оспаривать в известном смысле особый статус Юго-Осетии. Уже в мае 1930 г. заведующий секретариатом Президиума ЗакЦИК, объясняя ситуацию, писал заведующему секретариатом Президиума Союза ССР следующее:

Дорогой товарищ! В ответ на запрос Ваш... сообщаю, что вопрос этот рассматривался в руководящем органе ЗСФСР (Закрайкоме ВКП(б)) и по политическим соображениям было признано необходимым согласиться на сохранение существующих органов в А.О. Юго-Осетии [ЦАНИРГ. Ф. 607. Оп. 2. Д. 527. Л. 6 об.].

«Политические соображения» до 1930-х гг. принимались во внимание. От этого не отказались и позднее, но «соображения» были уже иными.

Вновь возвращаясь к основной теме, считаем необходимым отметить следующее.

Реализация претензий национальных областей на максимально полную автономию сформировала бы без малого десятки полужакрытых обществ. Закрытых в том плане, что «этнические чистки» отразились бы (и проявлялись) не только на управленческом аппарате, но и на составе населения областей в целом. Подобные прецеденты фиксировались в округах Горской Республики, позднее в областях Северо-Кавказского края⁵⁷, равно как и по всей заново организованной стране [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 687]. При этом такая «национализация» фактически нигде не обеспечивалась местной экономикой, которую еще только намеревалась создать центральная власть. Нарком земледелия Смирнов докладывал в ЦК партии:

Фактически автономные республики взяли на себя роль сторожей пустыни, руководящихся принципом: лучше пусть земля пустует, чем она будет занята русскими переселенцами. Такая роль дорого обходится прежде всего самим автономным республикам, так как она лишает их крупных местных доходов от производительного использования земли, но она невыгодна и всей РСФСР; пус-

⁵⁷ Так, в Карачаево-Черкесской автономной области выселяли греков и русских крестьян, дабы их селения и земли предоставить карачаевцам [ГПРФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 687. Л. 170]. В этой же области карачаевские селения, арендовавшие земли у казачьих станиц, отказывались вносить плату за аренду. При этом заявляли, «что область, мол, КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ, а потому земля наша... причем все это заявление было сдобрено твердыми словцами» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 384. Л. 8]. В ряде национальных округов, в частности в Ингушском и Чеченском, наблюдался самозахват земель русского населения и изгнание его [Советская деревня 2000: 137, 161]. В Адыгее строились согласовавшиеся с Москвой планы о выселении русских крестьян из области [Анчабадзе 2012: 323].

тующие земли способны дать огромное количество рыночной продукции, а уменьшение местных доходов автономных республик ведет к увеличению дотаций этим республикам из общего государственного фонда.

В итоге широкая национальная автономия (или «закрытость») фактически была номинальной [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 687. Л. 36]⁵⁸. И это понимали здравомыслящие и на местах и в Центре. Вспомним слова руководителя Дагестана Н. Самурского на «Частном совещании», где он говорил о невыгодности для национальных автономий отделения от России.

Вопросы о статусе и правах автономий в те годы довольно живо обсуждались правоведами. Сошлемся на работы Т. П. Хлыниной, которая проанализировала их выводы относительно содержания понятия «автономия». Она, в частности, ссылается на Г. С. Гурвича, рассматривавшего автономию как «середину между одним лишь административным самоуправлением и федерализмом», а также мерой претворения в жизнь идеи советов. Этот же исследователь обращал внимание на различия в положении автономных областей и республик, подчеркивая, что последние «менее нуждаются в поддержке, помощи и руководстве центра» (цит. по: [Хлынина 2001: 31, 33; 2010: 270, 272]). Другие правоведы утверждали, что право самоорганизации автономным республикам не принадлежало, они создавались центральной властью, и суть дела не менялась от того, что соответствующим актам Центра предшествовало волеизъявление того либо иного народа [Хлынина 2001: 34; 2010: 272]. Автономные же области фактически ничем не отличались от обычных губерний страны. Правовед К. А. Архипов даже ввел понятие «национальная губерния» [Хлынина 2001: 32]. Однако в принятой в 1925 г. новой редакции Конституции РСФСР, где оговаривалось, что съезды Советов автономных областей принимали положение об области с последующим утверждением его ВЦИК, автономные области приобрели большую политическую значимость, нежели общерусские области. Представительство в Совете Национальностей также

⁵⁸ Представители автономий РСФСР ратовали за образование в федерации «по примеру Союзного ЦИК'а Совета Национальностей с постоянно действующим аппаратом и передачей ему функций Отдела Национальностей и всех других учреждений, ведающих национальными делами», либо за соответствующую реорганизацию Отдела национальностей [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 189].

Некоторые представители центральных инстанций были против создания двух палат — союзной и национальностей — в качестве высших законодательных органов страны. Некто Сапронова распространила среди членов ЦК письмо, в котором доказывала чреватость для РСФСР подобной структуры высшей законодательной власти. «Если в Союзной палате будут представители всех республик и даже автономных областей, то тем самым, как будто бы предпрещается вопрос о непосредственном вхождении этих республик и областей в Союз. Если это так, то тем самым дается основательная трещина в направлении расчленения РСФСР.

Учреждение Союзной палаты имело в виду охранение прав Украины, Закавказья, Белоруссии от засилья РСФСР в целом, непосредственное представительство Башрееспублики, Кирреспублики, области марийцев и др. В Союзной палате им дается право возбуждать вопросы, касающиеся данной республики или области, т. е. те вопросы, которые должны решаться органами РСФСР. Это вторая трещина, которая делает ненужным существование РСФСР.

Паритетное представительство дает громадный перевес крестьянству над пролетариатом, что явилось бы принципиальной уступкой в сторону отказа от гегемонии пролетариата...» [ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 171. Л. 3].

повышало их статус [Хлынина 2010: 271]. Впрочем, правоведы того времени использовали понятие «советская автономия», а не ставшее впоследствии популярным понятие «советская национальная государственность» [Там же: 273].

Крайне скептически относился к результатам национально-государственного строительства в СССР и живший в то время за границей кадет П. Н. Миллюков. «Местные власти, — писал он, — исключительно состоявшие из коммунистов, просто регистрировали и принимали к исполнению декреты центральных учреждений, подготовленные, в свою очередь, коммунистической партией» [Миллюков 1925: 186]. Народный комиссариат по делам национальностей он рассматривал не как орган реализации полноценной национальной политики в стране, а как «рассадник будущих всемирных коммунистических соединенных штатов советской республики», занимавшийся преимущественно пропагандой [Миллюков 1925: 187]. Ссылаясь на материалы XII съезда РКП(б), где ставились вопросы о великодержавном шовинизме и о местном национализме, Миллюков заявлял, что при советской власти национальные вопросы запутаны еще больше, чем прежде. Виной тому, по его оценке, была «полная централизация и порабощение власти партий и полное игнорирование результатов, достигнутых прежними национальными движениями» [Миллюков 1925: 188]. И там же ссылаясь на советского «государствоведа» Гурвича (очевидно, имеется в виду упоминавшийся выше Георгий Семенович Гурвич), писавшего, что советская автономия не тождественна автономии в буржуазном государстве, она призвана преодолеть центробежные тенденции и является средством упразднения национального вопроса, для которого не должно быть места «в демократическо-централизованном государстве» [Там же: 190].

Критически подходит к оценке достигнутых в 1920-е гг. результатов национально-государственного строительства и ряд современных отечественных исследователей.

Так, Т. П. Хлынина убежденно заявляет, что «активизация государственного самосознания у народов бывшей Российской империи после октябрьских событий 1917 г. носила в большей степени искусственный характер. Именно идея национальной государственности стала той прочной нитью, которой предстояло соединить в единое территориальное целое части распадавшейся империи. Временно признав за национальной государственностью право на самостоятельное существование, правящая партия в дальнейшем видела в ней лишь „удобного проводника основных принципов советского строительства“» [Хлынина 1997: 123].

В свою очередь, К. Ф. Дзамихов отмечает, что несформированность в адыгской среде «национального общества с полной социальной структурой» и одновременно стремление к «политическому оформлению своей этнонациональной идентичности» обусловило борьбу за автономии, однако в итоге сложилась «иерархия соподчиненных государственных образований» с «неравноправными отношениями между народами». При этом были окончательно ликвидированы остатки местного самоуправления, от ранее принятых в местной среде функций оказались отстранены представители «традиционной элиты» [Дзамихов 2000: 152, 248].

Обратимся к материалам, характеризующим соответствующие перестроенные процессы в местных обществах.

Глава 2

МЕСТНЫЕ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Предварительные замечания

Перед тем как дать описание процессов переустройства общественного уклада населения Северо-Кавказского региона в условиях вновь укоренявшихся советских порядков, еще раз предложим краткую характеристику основных особенностей оных в их «традиционном» формате. В значительной мере сюжеты, к которым мы в дальнейшем обратимся, будут касаться сферы политической антропологии. Выбранный ракурс предлагаемых ниже кратких описаний обусловлен тем, что устанавливавшиеся новые порядки главным образом затрагивали политическую жизнь на разных ее уровнях и в разных формах, а вновь складывавшаяся политическая культура была «густо замешана на традиционном субстрате» [Бочаров 1998: 141], т. е. традиционной политической культуре, которая значимо дает о себе знать даже в современных индустриальных и постиндустриальных обществах (на эту тему см.: [Бочаров 2001; Тишков 20016]).

В резолюции Пленума национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) по итогам перевыборов в советы в нацобластях в 1927 г. отмечалось:

Сила бытовых традиций проявлялась главным образом в консервативном отношении к женщине, почтении к духовенству, старикам и в боязни открытых выступлений против отдельных нежелательных кандидатур. Сословная борьба все еще имела место в некоторых аулах Карачая и Черкесии. Причем эта сословная борьба поддерживалась отдельными ответственными работниками, сохранялась также межнациональная борьба, выражавшаяся в большей части в форме недовольства своим положением населения аулов нацменьшинств [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 479. Л. 12].

В других документах, появлявшихся в советских и партийных инстанциях этого времени, отмечалась значимость в жизни местных народов также фамильной («родовой») солидарности¹.

¹ Подобные замечания были далеко не случайными, как не случайны они и для характеристики современной действительности. В качестве иллюстрации, поясняющей значение фамильной, «родовой» (тайповой и т. п.) солидарности среди большинства населения Северо-Кавказского региона, приведем цитату из работы автора второй половины XIX в., достаточно хорошо знавшего местную среду. «Вне фамилии чеченец чувствует себя жалким и беспомощным; внутри нее — он в крепости, имеющей

Северный Кавказ действительно отличался значительным своеобразием. И не только в бытовой, но и в социально-политической сфере. Со времени Семена Броневского — автора первого (начало XIX в.) обстоятельного описания Кавказа, племена или общества этого региона стало принято делить на аристократические и демократические (республики) [Броневский 2004: 40, 43, 44]. Последние, составлявшие значительную часть горной территории региона, отличали черты народовластия, выражавшегося в большой роли в организации их жизнедеятельности народных собраний (собиравших всех взрослых общинников мужского пола), избиравших главу исполнительной власти (по терминологии российской администрации *старшину*)... отчитывавшегося перед собранием о своей деятельности². Народовластие горских обществ в тех либо иных объеме и форме являлось одним из их характерных свойств, и оно же послужило одним из главных оснований для выделения в ряду формационно-исторических понятий так называемого кавказского горского феодализма (см.: [Гутнов 2008; Карпов 2010в: 131—147]).

Одновременно к типичным социальным практикам «традиционных» горских обществ нужно отнести свидетельства о практике экспроприации лиц, излишне разбогатевших и тем самым заедавших общинный микромир, а также физической ликвидации персон, злоупотреблявших своей силой, славой или властью (подробнее см.: [Карпов 2010в: 148—159])³. Это свидетельствует об особой роли в системе функционирования местных обществ общины, которая в ряде случаев, притом весьма немалочисленных, приобретала

сотни часовых... Это было прежде, существует и теперь, несмотря на то что в настоящее время каждая фамилия разбита между сотнями аулов и десятком обществ... Общественный организм, с которым чеченец должен сообразовать поступки свои, но и побуждения — это фамилия, род, которым он принадлежит» [Семенов 1881]. «Это» было явья и тогда, когда установилась новая власть. «Родовой быт — вот, в сущности, пока вся общественность Чечни. Если глава рода, руководитель записался в партию, — весь род считает своим долгом его защищать и следовать ему. Наоборот, если он контрреволюционер, также весь род, вся фамилия его защищает» [Бутаев 1923: 27].

² Наблюдатели первой половины XIX века считали возможным говорить о народовластии даже применительно к некоторым ханствам, в частности Аварскому ханству в Дагестане: «Без народных собраний и совещаний на оных ничего хан сам собою не может предпринять, все зависит от народа — мир, война, союз! Из сего следует, что правление Аварии народное, хану же как бы из милости и по обычаям дают малую долю своих посевов и стад для прокормления» [Розен 1958: 291] (справедливости ради надо заметить, что это ханство в описываемое время переживало далеко не лучшие времена).

³ Впрочем, это не назовешь все же правилом, и поэтому в нем было немалое количество отступлений. Встречались лица, узурпировавшие права членов локальных сельских обществ или терроризировавшие их, и с ними общинники были не в состоянии справиться и потому с соответствующими просьбами обращались к властям предержащим. С подобными просьбами одни «терпевшие зло» в свое время в Чечне обратились к Шамилю [Руновский 1904: 1513—1515], другие в Кабарде — к начальнику Нальчикского округа в начале XX в. [ЦГА КБР. Ф. и-27. Оп. 1. Д. 10. Л. 2—3]. Автор брошюры о Дагестане, изданной в конце 1920-х гг., рассказывал о подобных фигурах: «В отдельных аулах сохранилось право сильного „учан тару“, т. е. человека, которому все дозволено, которому все должны беспрекословно подчиняться. Это бывает обычно самый ловкий, самый бесстрашный джигит поселка; послушаться его может только тот, кто пожелает опосредовать его первенство, выйдя состязаться с ним на аульную площадь» [Зорич 1929: 43].

самодовлеющее значение (см.: [Агларов 1988; Битова 1997; Карпов 2007: 105—117; 214—226] и др.)⁴. Однако из отмеченного не следует, что горские общества отличала эгалитарность. Даже в самых «демократичных» из них (в частности, в Нагорном Дагестане, в Чечне и Ингушетии) происходили по-своему динамичные социальные процессы. Иначе откуда было бы в них взяться богатым и прославившимся, от которых, впрочем, нередко избавлялись. Поэтому резоннее данные общества соотносить со сложными и ранжированными социальными структурами.

При этом также в немалом числе северокавказских обществ при функциональной полнотности общин имелись бии, ханы, князья, местного варианта дворяне, пользовавшиеся определенными привилегиями. Так было в Балкарии, Карачае, в ряде обществ Осетии. В Кабарде существовали общины-вотчины. В большинстве случаев отношение крестьян к лицам знатных сословий было терпимым, так как изначально оные получали социальные преимущества через исполнение общественно значимых функций — военной защиты, суда и управления [Джанаев 1948: 12—13; Хатуев 2012: 29]. Если же князья и дворяне у адыгов оказывались неспособными исполнять подобные функции, это превращало их в глазах основного населения в паразитический класс, а исполнение крестьянами тех или иных обязанностей по отношению к ним воспринималось как насилие [Кажаров В. 1994: 62, 2007: 347—369]. Связанно с этим в местных обществах закрепилось мнение, что мудрый правитель должен был быть в каждом уважающем себя ауле и что общественное моление могло быть успешным только при участии в обряде князя [Хатуев 2012: 41, 48].

Впрочем, отмеченное не дает оснований идеализировать отношения между представителями разных социальных групп. Противоречия между ними были вполне очевидными, при этом в каждой этносоциальной среде со своими нюансами.

Так, в самом конце XVIII в. у западных адыгов имело место глубокое противостояние и вооруженный конфликт между общинниками и дворянами, результатом чего явилось значительное сокращение прав и привилегий «благородных».

Данный пример в определенной мере послужил поводом к преувеличению советскими историками 1970—1980-х гг. «классовой сознательности» и мобилизованности народных масс едва ли не всего горнокавказского субрегиона, якобы еще с эпохи позднего Средневековья ведших упорную и небезрезультатную «антифеодальную борьбу» с князьями, ханами и т. п.⁵ (подробнее критику см.: [Карпов 2010в: 129 и след.]).

⁴ Примечательно, что именно в таких выражениях — «Каждое село (аул) выступает как самодовлеющая единица» — характеризовал общественный строй и один из руководителей Дагестана 1920-х гг. — председатель СНК ДАССР Джалал-эд-Дин Коркмасов [Тайны политики 1992: 186].

⁵ Например, можно было прочитать такое: «Феодализм в Чечне был в значительной мере сметен (!? — Ю. К.) еще на протяжении XVI—XVII вв. широкими антифеодальными движениями, выросшими из конфликта между интенсивно развивающимися производительными силами и сдерживающими их развитие феодально-родовыми отношениями [Ахмадов 1974: 68]. Данный уклон был характерен для региональной исторической науки тогда, когда тема классовой борьбы являлась приоритетной, подобно тому как в последние годы в согласии со схожими популистско-конъюнктур-

Примем во внимание еще одно обстоятельство.

В условиях вхождения и пребывания горских обществ в составе Российской империи происходила трансформация данных аспектов местной социальной культуры. Так, в период Кавказской войны военные предводители черкесов, пользовавшиеся уважением и авторитетом среди соплеменников благодаря своей храбрости и отваге в стычках с российскими войсками, при примирении с имперской властью теряли всяческое влияние в народе. Служба представителей местной аристократии государству на гражданском или военном поприще деформировала традиционную политическую культуру местного населения, доводя ее до состояния кризиса [Губжиков 1999: 69—70].

Эти общего характера и в целом отрывочные замечания относительно общественного строя горцев сделаны с целью уточнить социокультурную фактуру, с которой (в целом не очень изменившейся по сравнению со «старыми» временами) имела дело новая власть.

Далее столь же общо о вожаках, политических лидерах и «начальниках» рассматриваемой среды, об использовавшихся ими средствах и методах достижения и удержания власти.

Относительно первых Е. Марков, имевший опыт познания Кавказа, записал:

... Не величайте его никак, не облачайте его ни в какой сан и чин, отправьте его просто в поход, в опасное и трудное предприятие с толпой этих удалцов — и он само собою очутится их вождем... Он говорит мало, но видит все, наперед обдумал все, что может встретиться, чего нужно ожидать... И эта молчаливая, сосредоточенная в себе уверенность обаятельно действует на толпу [Марков 1904: 426—427, 467].

И даже когда он становится начальником (в частности наибо́м), то «держит себя с народом необыкновенно просто и доступно».

Ледяная стена чиновничьего формализма и механической чиновничьей дисциплины, не имеющей ничего общего с плодотворною внутреннею дисциплиною духа, еще не успела стать здесь между управляющим и управляемым, не успела расколоть на два чуждых друг другу и друг друга не понимающих слоя — чиновника и обывателя... [Там же].

Впрочем, в случае надобности начальник бывает суров и «жестокосечет... за неисполнение работы, за лень и небрежность; это вполне в нравах лезгин (дагестанцев. — *Авт.*), и они не видят в этом „законном взыскании начальства“ покушения на свою свободу» [Там же].

Конечно же, особый интерес представляет фигура Шамиля — человека, оказавшегося способным заложить основы государственности на территории Дагестана и Чечни и достаточно успешно руководившего на протяжении четверти века жизнью местного населения.

Пристав при плененном имаме Аполлон Руновский записал:

Соображая высказанные Шамилем мысли, нельзя не прийти к заключению, что в основании их лежит идея равенства, которую он так долго и так усердно

ными моментами истории нередко переоценивают общественный строй местных народов в прошлом, перекраивая его с демократического на монархический лад (см., например: [Чирг 2002: 75]).

проповедовал... Именно этим средством Шамиль приобрел ту громадную популярность, которая способствовала ему в противодействии нашим долгим усилиям. Значит, действия Шамиля удовлетворяли потребности страны и были во вкусе большинства населения [Руновский 1904: 1500, 1503].

Сам Шамиль трактовал свою миссию, как направленную во благо народа:

Я не соглашусь позволить одному обижать другого; равно кто отнимет у кого что-либо, то пока у меня сила, до тех пор не отстану, пока не возьму у него взамен и не удовлетворю обиженной стороны [Акты 1881, т. 6: 602].

Утверждая свою власть, Шамиль воспользовался той «чертой народного характера, которая, по его убеждению, представляет для предводителя племен Восточного Кавказа всегдашнее средство к успешному достижению своих намерений. Черта эта заключается в полной готовности населения подчиниться новым законам и новым учреждениям победителя в первое время распространения его власти» [Руновский 1904: 1512].

Заслуживают внимания и рекомендации, предложенные бывшим имамом российской администрации в целях ликвидации возможных народных волнений. Он советовал жестоко наказывать зачинщиков, «страх смертной казни и вид казненных преступников составляли тайну его могущества и причину безграничного влияния его на горцев», тогда как снисходительное отношение к виновному вызывает в последнем лишь пренебрежение [Там же: 1446, 1525].

Впрочем, карательные меры и общая строгость являлись лишь одной стороной внутренней политики имама. Другую сторону формировали поступки Шамиля, обусловленные его представлениями о честности и порядочности. Он убежденно говорил об огромном значении присущего горцам чувства собственного достоинства, сопряженного с представлениями о свободе [Там же: 1465], о необходимости соблюдения «величайшей осторожности» и такта в общении с народом и руководстве им, дабы не оскорбить в людях самолюбия. Со слов бывшего имама А. Руновский записал:

Всякое подобие несправедливости, всякое ничтожное, но неправильное действие — из глубины души возмущает горца, который с качествами хищного зверя питает в себе глубокое чувство правдивости. Это чувство или дает ему возможность умирать без ропота и боли, или же подвигает его на самые кровавые эпизоды [Руновский 1904: 1525; 1989: 112, 115].

Все это сам имам, по его утверждению, учитывал при управлении народом и упрочении шариата в обществе, где «обычай, освященные временем и вьевшиеся в население вследствие привычки и замкнутости жизни, имеют для горцев особенную прелесть и несравненно сильнее религиозных верований. „Скорее горец отступит от ислама... нежели от своего обычая“» [Руновский 1904: 1465].

Указанных принципов Шамиль рекомендовал придерживаться и русской власти. По его утверждению, при соблюдении строгих, но справедливых принципов управления Краем, даже при известных издержках и трудностях, которые вынужден будет переносить народ, ропота недовольства среди него не будет [Там же: 1524, 1525]. При возникновении же сложных ситуаций го-

раздо действительнее войск окажется начальник, отличающийся умом и честностью [Руновский 1904: 1525].

При относительной внешней простоте социальной структуры горско-кавказских обществ, при декларировавшейся идее о личной свободе абсолютного большинства горского населения — *узденей* реальность была сложнее. В сельских обществах горного Дагестана значительный процент жителей составляли *хъазахъ*'и (упоминавшиеся в предыдущей главе). В других частях региона социально ущемленными и, как правило, в материальном отношении плохо обеспеченными являлись рабы (домашние) *лагъ*'и и крепостные — *кул*'ы.

Однако не всегда их положение было неизменным. В частности, интересной и малоисследованной стороной социальной истории Нагорного Дагестана являлось резкое изменение (!) положения *лагъ*'ского сословия в местной общине в XVIII и особенно в XIX в. [Агларов 1988: 143] В свое время активными сторонниками имама Шамиля оказались бывшие *лагъ*'и. Именно они обрели в это время власть, лишив оной представителей престижных *тукхум*'ов. «Революционные эпохи» полны таких примеров.

В истории Кавказа дороссийского и досоветского периодов имели место «революции». Однако живая «традиционная» культура скрепляла основы бытия местного общества, не позволяя ему кардинально перестраиваться, тем более разрушаться. Скрепками, в частности, служило полноценно функционировавшее половозрастное деление общества, в котором каждой группе населения были отведены собственные роли. Молодые люди, проходя школу социализации в том числе в рамках традиции мужских союзов, к зрелому возрасту достигали известного положения, а к старости — авторитета в обществе (подробнее см.: [Карпов 1996]). Тем самым снимались возможности конфликта между поколениями (уважаемыми стариками и юнцами), исключалась опасность распада связей и преемственности в той же культуре как социальной системе, которая не была застывшей, а эволюционировала по собственным правилам [Карпов 2007: 185—187]. Шамиль подчеркивал, что обычай для горцев важнее шариата, но шариат полноценно прижился в местной среде. Российская (дореволюционная) государственная машина также вносила существенные изменения в функционирование местного общества, но в известных пределах, делая ставку на поддержание «обычая» («традиционной» культуры в ущерб мусульманской), который она кардинально не разрушала.

Изменения «традиционной» системы управления, власти, политической культуры как таковой начались среди коренного населения Северного Кавказа задолго до установления в регионе советской власти. В ходе Кавказской войны, сопровождавшейся, с одной стороны, организацией теократической формы полугосударственного устройства (имамата Шамиля в Дагестане и Чечне), с другой — вовлечением «мирных горцев» в орбиту российской законодательной и исполнительной власти, в значительной степени были поколеблены устои прежней организации жизни местных обществ. В обоих случаях было изменено, а то и ликвидировано привилегированное положение аристократии. Причем изменение ее позиций обуславливалось не только прямым волеизъявлением имперской власти, но и отношением ближайшего окружения. Значительным трансформациям было подвергнуто общинное самоуправление. С замирением края, с введением в действие российских законоположений в судебной-правовой области, в сфере местного самоуправления и др. трансформации подобного рода углублялись.

Все вышеизложенное приведено с целью оттенить некоторые, на наш взгляд, значимые явления общественной жизни северокавказцев, с которыми вынуждена была иметь дело новая власть и определенным образом на них реагировать, что допускало возможность использовать те либо иные из них в собственных целях или же, наоборот, бороться с ними. Далеко не случайно Нажмутдин Самурский, описывая и анализируя развитие революционных событий в Дагестане, счел уместным сослаться на одну из своего рода норм местной политической культуры. «Как известно, — писал он, — горцам Северного Кавказа очень импонирует сила, и даже кажущееся отсутствие ее производит самое отрицательное впечатление» [Самурский 1925а: 81] (эту фразу он выделил в тексте). Поэтому и сам он, равно как и его соратники, осуществляя глобальные реформы в крае, часто прибегали к такому известному и проверенному средству.

Мы разделяем точку зрения историка А. Я. Гуревича, настойчиво предлагающего «признать банальность», а именно то, что поведение людей не предопределено экономической и политической ситуацией, но обусловлено «картиной мира», т. е. религиозными, национальными, культурными традициями общественной среды, к которой они принадлежат, стереотипами поведения, а также иррациональными мотивами, проистекающими из «символического мышления» [Гуревич 1991: 25]. Схожего мнения придерживаются и другие ученые, отмечающие, что поступок определенного лица в немалой степени зависит от определенных поведенческих предрасположенностей, приобретенных им в процессе обучения [Гемпель 1977: 92], которое надлежит понимать в широком плане.

Поэтому, анализируя имевшие место в период советского строительства явления и происходившие тогда процессы, необходимо учитывать разнообразные аспекты «картины мира», свойственные местным жителям⁶.

В ходе гражданской войны и к началу мирной жизни большевики не имели отчетливого представления о конкретных структурах организации власти и управления на местах и их возможной реорганизации (если не считать весьма аморфного опыта советов революции 1905—1907 гг.). По этой причине до начала массовой коллективизации община продолжала играть немаловажную роль в жизни местных обществ (см.: [Хубулова 2003: 30 и след.]). Соответственно, сохраняли свою значимость и присущие ей институты (см., например: [Анчабадзе 2012; 2013; Зельницкая 2013]), хотя некоторые из них власть стремилась искоренить уже на начальном этапе своего функционирования (о чем речь пойдет ниже). Одновременно в 1920—1930-е гг. были приведены в движение новые механизмы социальной активности и совокупно с ними задействованы условно новые общественные силы. Последние были «условно новыми», ибо являлись той частью местного общества, которой предоставлялась возможность заявлять о себе в переходные, революционные моменты. Корректировка порядка жизнедеятельности местной среды после 1917 г. была следствием не только «внешних» событий, но, до некоторой степени, и ее «внутренней» эволюции, потому что данная среда в своем большинстве не была ориентирована на жесткое сословное структурирование. Кроме того, на-

⁶ Они дают о себе знать по настоящее время. Один из примеров этого см.: [Карпов 2003. С. 117—127].

пример, в адыгской среде уже с пореформенного времени фиксировалась тенденция к размыванию политического веса и авторитета дворянско-княжеской элиты [Анчабадзе 2012: 63]. Отмеченное давало представителям местного социального низа возможности подниматься наверх.

Советский период с его обещанием дать возможность тем, «кто был ничем, стать всем», безусловно, оказался благоприятным для соответствующих изменений и в горском обществе. «Благородных» на резком повороте истории обходили в социальной и политической практике «неблагородные». Обходили не в первый раз, но в новых условиях — под контролем солидной внешней силы, стимулировавшей данный процесс, и потому обходили достаточно успешно.

Этот процесс был сложным, масштабным, болезненным, что объединяет историческую судьбу рассматриваемого региона с судьбой других регионов вновь образованного государства рабочих и крестьян. Хотя новая политическая доктрина пропагандировала идеологию власти народа, однако бытовавшие ранее среди населения Северного Кавказа (как, впрочем, и других регионов страны) формы таковой — сельские; т. е. общинные сходы она не намерена была воспроизводить в надлежащем виде. В директиве Кавказского комитета РКП(б), датируемой 1920 г., говорилось: «Добиться ясного понимания взаимоотношения ячеек и Ревкомов. Разрушить понятие „Джамиата“ (общества, схода)» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 119]. Джамиат в данном случае подразумевал не столько религиозную общину, сколько сельское общество с присущим ему институтом общинных собраний (сходов).

Ревкомы — порождение военного времени, а с утверждением мирной жизни им на смену приходила вновь узаконенная форма народовластия — советы (сельские, окружные и т. д.). Неприятие старых форм (джамиата, джамаата) объяснялось, в частности, тем, что собрания (сходы) населения Северо-Кавказского региона, по установившейся традиции, происходили по пятницам, после посещения мужчинами соборных мечетей (см., например: [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 11. Л. 50 об.])⁷. На этих собраниях, как правило, заправляли состоятельные, знатные, образованные люди, а также духовенство. К первым отношение новой власти было нетерпимым, со вторыми поначалу вынужденно мирились, ибо они не только пользовались большим уважением рядового населения, но и сами до поры поддерживали коммунистов.

Даже спустя ряд лет после установления новой власти комиссия, обследовавшая в 1928 г. Ингушскую автономную область, делала следующие выводы.

Анализируя основные специфические условия, которые мешали и продолжают мешать советизации Ингушской деревни, комиссия пришла к заключению, что... здесь действуют и объективные причины в виде прочно укоренившихся фамильно-родовых отношений и бытовых традиций. В силу этих причин классовые интересы бедноты сплошь и рядом отступают у нее на второй план перед соображениями родового характера, перед страхом нарушить родовую связь, оторваться от сильного и зажиточного родового ядра. Проблема расслоения рода продолжает оставаться, таким образом, центральной проблемой советского, хозяйственного и культурного строительства... [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 121. Д. 89. Л. 3].

⁷ Правда, через несколько лет сходы вынужденно будут узаконены новой властью, но как подконтрольные советам. Об этом речь пойдет в другом месте.

Пояснялась общая ситуация так:

До сих пор еще центром сельской общественной жизни является территория мечети. Здесь по пятницам после молитвы проводятся сходы, на которых решаются все текущие вопросы местной жизни, причем в обсуждении и решении этих вопросов участвуют и нетрудовые элементы, и служители культа. Сельская власть в лице Председателя и Секретаря с/совета является на эти собрания, участвует в них, информирует население о тех или иных мероприятиях и нуждах, требует санкций, фактически получает директивы в виде подработанных предложений и оформляет их по своей линии... Само собой разумеется, что инициатива всегда в руках зажиточных и клерикальных элементов, беднота же пассивна и оттеснена на задний план [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 121. Д. 89. Л. 5].

В 1920-х гг. публицист из Центра нарисовал довольно своеобразный портрет общественника новой формации:

Есть глухие места (в Дагестане. — Ю. К.), где секретарями партиячек выбирали, устраивая состязания, наиболее ловких джигитов, танцоров... Это логически вытекало, впрочем, из довольно распространенного в горах, очень наивно-го, почти детского бесхитростного представления о коммунисте вообще: в сознании горцев коммунист очень часто рисуется как неустрашимый и гордый, с ног до головы обвешанный оружием воин, вставший на защиту бедноты и одного за другим в совершенно фантастическом числе нанизывающий на свой чудесный кинжал царских генералов и «меньшавиков» [Зорич 1929: 60—61].

Публицист упрощал ситуацию. Однако в определенной степени описанное им соответствовало реалиям, так как при инспекторских проверках окружных и сельских парткомитетов регулярно отмечалась неподготовленность кадров.

Многие товарищи коммунисты, работающие на местах, политикой куначества (куначества. — Ю. К.) перед народной массой подрывали авторитет деловой воли коммуниста [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 30]⁸.

В новых условиях переиначивалось пространство, по-другому структурировалось время.

Первое изменялось уже в связи с тем, что происходила «национализация» территорий через закрепление их за определенными народами через автономные округа, области и даже отдельные сельские населенные пункты. Если при прежних условиях землепользования было возможно взаимопроникновение одних «народов» в пределы других, в частности посредством аренды угодий, то отныне это становилось невозможным либо регулировалось государственными инстанциями.

Пространство переделывалось, перераспределялось в свете реализации кампании по переселению горцев на равнину. Кампанейский характер данного «мероприятия» виден уже в том, что эти акции часто совершались помимо воли вовлекавшихся в них лиц. Горцы-дагестанцы изначально были против

⁸ В данном отношении положение в горных провинциях Северного Кавказа мало чем отличалось от общей ситуации в стране. Сошлемся здесь на исследование О. М. Морозовой, которая отмечает, что «советский аппарат на местах формировался не из идейных большевиков — их просто не было, а из людей, имевших подходящий опыт и наклонности» [Морозова 2012: 240].

оставления своих горных обитателей, заявляя, что «лучше жить в лохмотьях в горах, чем в богатстве на равнине» [Бенкендорф 2000: 378]. Когда же советская власть начала активно агитировать их к переселению на плоскость, то в ответ слышала отказы следующего содержания: «Если даже цепями потащите, не пойдем на плоскость!», «Мы как гвозди вколочены в эти скалы. Никто не имеет права вытаскивать нас из наших гнезд» и т. д. и т. п. [Гамзатов 1989: 261—262]. Однако переселение осуществлялось — и чем дальше, тем в большем масштабе⁹.

Пространство переименовывалось и в том плане, что в городах переименовывались улицы, новые названия получали аулы. В Кабарде большое количество населенных пунктов, прежде называвшихся по именам князей, дворян, очень скоро были переименованы [Документы 1983: 457—458, 525—527; Приговоры сходов 2009]. Переименовывались города: в 1934 г. Баталпашинск стал Сулимовым (по фамилии советского работника), в 1937 г. — Ежово-Черкесском, а после устранения с политической арены «борца с контрреволюционными элементами и врагами народа» тов. Ежова (1939) — просто Черкесском. Появлялись новые города, как, например, столица Карачая Микоян-Шахар (ныне Карачаевск). Из привычных мест могли переноситься столицы республик. Так было в Дагестане.

Для начала бывший центр Дагестанской области город Темир-Хан-Шура был переименован в Буйнакск (в честь революционера Уллубия Буйнакского), а город Петровск (он же Порт-Петровск) в Махачкалу (в честь другого революционера Махача Дахадаева, название города переводилось как крепость Махача). В страшно голодном 1922 г. было принято решение о переезде республиканского правительства из первого города во второй. Одним из главных доводов для принятия подобного решения значилось наличие в портовом городе и железнодорожном узле (т. е. в Махачкале) какого-никакого рабочего класса. Данное решение, принятое далеко не демократическим голосованием, вызвало неприятие среди части руководящего состава республики (перенос центра называли «безумным мероприятием», породившим склоки среди сотрудников наркоматов), а рядовое население по этому поводу охватило недоумение и паника. В возражениях против данного решения отмечалось, что размещение центра Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре объяснялось сравнительной близостью этого города к горным районам, обеспечивавшей связь с ними и контроль над ними, чего невозможно сразу же достигнуть из Махачкалы. В результате желанная связь с крестьянством неизбежно окажется разорванной. Один из руководителей республики Али-Бек Тахо-Годи отмечал:

Мой ум не может понять этот уход от масс, от действительных масс — бедноты, которая строит у нас и революцию, и контрреволюцию и которую нужно воспитывать бережно и с любовью, куда-то в Махач-Калу, где все погрязнет в махачкалинские интересы, в вопросы удовлетворения махач(калинских) рабочих и проч. [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 322. Л. 14].

Недоброжелатели же новой власти данное решение объясняли стремлением представителей оной перебраться поближе к морю и в итоге удрать

⁹ Мы не будем останавливаться на данной теме, так как она довольно обстоятельно изложена в работе одного из авторов (см.: [Карпов, Капустина 2011: 63—97]).

«с чемоданами» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 322. Л. 14, 17, 37—38]. Несмотря на все «против» перевод центра горной крестьянской республики в приморский город состоялся. Политическое пространство Дагестана оказалось существенно измененным.

Подобно пространству переделывалось и время. Его структурировали новые праздничные даты, хотя до поры допускалось и наличие старых.

На 1929 г. Кабардино-Балкарский обком ВКП(б) установил следующие нерабочие дни: 1 января — Новый год, 22 января — День 9 января 1905 г. и день памяти смерти Ленина, 12 марта — День низвержения самодержавия, 18 марта — День Парижской коммуны, 1—2 мая — День Интернационала, 7—8 ноября — XII годовщина Октябрьской революции. Дополнительными днями отдыха были определены: 13 марта — Рамазан-байрам (ураза), 6 мая — 2-й день Пасхи, 20 мая — Курбан-байрам, 24 июня — Духов день, 6 августа — Преображение, 25 декабря — Рождество. В Международный день работниц — 8 Марта рабочий день для женщин сокращался на 2 часа, за исключением занятых на «общественно необходимых предприятиях». Накануне праздничных дней длительность рабочего дня не должна была превышать 6 часов [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 113].

Этот праздничный календарь отличала явная эклектичность, хотя шел уже 12-й год послереволюционной жизни и 4—5-й год активной антирелигиозной деятельности на государственном уровне. Власть хотела выглядеть корректной. В постановлениях, исходивших из главного Центра — Москвы и из промежуточного — Ростова, о желательных воскресниках (т. е. работе на общественное благо в узаконенные выходные дни) оговаривалось, что для христиан они должны организовываться в воскресенье, а для мусульман — в пятницу.

Наряду с реорганизацией пространства и времени принципиальным изменениям подвергались общественные роли представителей разных общественных групп — мужчин и женщин, стариков и молодых. Механика, обеспечивавшая подобные цели, включала в себя целый ряд политических кампаний.

Применительно к женщинам одной из таковых была кампания «Пальто горянке», подразумевавшая наделение женщины, якобы угнетенной в условиях патриархального Востока и горского социума, равными правами с мужчиной¹⁰. Помимо бытового аспекта она была нацелена на вовлечение женщин в общественную жизнь, в кооперативное движение. В подготовленном в декабре 1930 г. во Всероссийском ЦИК документе, озаглавленном «О массовой работе советов среди тружениц Востока», говорилось:

Эта работа была развернута, потому что характерной особенностью горянок является то обстоятельство, что по обычаю они не имеют права носить верхнюю (теплую. — Ю. К.) одежду, а перевыборы советов проходят как раз зимой, в период сильных морозов [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 7. Л. 14].

Этим якобы и объяснялась плохая активность женщин. На соответствующие цели Северо-Кавказским краем было выделено национальным автономиям 100 тыс. рублей, из которых 80 тыс. были потрачены на приобретение

¹⁰ Только лицам со стороны и плохо осведомленным в реалиях «кавказской жизни» социальная позиция в ней женщин могла казаться ущербной.

пальто взрослому населению и 20 тыс. на одежду для детей [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 7. Л. 106—107].

В Черкесии организовывались кружки рукоделия как «испытанная форма вовлечения женщин в ликпункты... Учительницы по ликвидации неграмотности будут совмещать рукоделье» [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 22. Л. 27]. Там же создавались показательные женские хозяйства с целью «привить коллективизацию труда и возможность в дальнейшем реорганизовать показательные сельские хозяйства в женские артели» [Там же. Л. 34; ГА КЧР. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 88. Л. 131]. Постепенно и далеко не просто власть добивалась желаемых результатов.

В середине—второй половине 1920-х гг. отмечалось плохое посещение девочками школ [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. р-307. Оп. 1. Д. 20. Л. 302] и запрещение «„сознательными мужьями“... своим женам и сестрам посещать общественные собрания, считавшими это за какое-то грехопадение» [Там же. Д. 22. Л. 60]¹¹. Поэтому работа среди женщин (особенно девушек) проводилась специфическими методами. «Созыв собраний, — отмечалось в документах Карачаево-Черкесского обкома — приходится производить путем устройства увеселительных вечеров с танцами, играми и т. д. Организован кружок РКСМ» [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 676] (такие вечера предназначались молодежи, и они вполне соответствовали традиции)¹².

На рубеже 1920-х и 1930-х гг. ситуация начала выглядеть иначе — женщины появились в аулсоветах, а их активность при перевыборах сельских администраций обрела зримые формы. В итоге на собственных (женских) собраниях они резко критиковали местную власть за невыполнение наказов и «невежливое отношение с гражданами» [Там же. Д. 69. Л. 5—7]¹³. Впрочем, активистки из числа бедноты испытывали жесткое давление со стороны «местных работников (мужчин. — Ю. К.) и кулацких элементов» [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 4. Л. 132]. Результатом этого являлись нередкие случаи ухода женщин с работы в сельсоветах «по семейным обстоятельствам»¹⁴. В упомянутой же выше «сводке» о работе среди женщин Востока отмечалось, что «сельсоветы и (партийные. — Авт.) ячейки объясняют эти случаи слабостью работы женщин председателей, но (сами указанные ячейки. — Авт.) не принимали никаких мер к оказанию помощи избранным женщинам» [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 7. Л. 16].

¹¹ Примечательный факт: в 1924 г. налоговая комиссия Адыгее-Черкесской автономной области приняла решение о причислении женщин-черкешенок независимо от возраста к числу нетрудоспособных, так как они занимаются исключительно домашним хозяйством «по мусульманскому обычаю». По данному поводу краевые инстанции не решились самостоятельно вынести какой-либо вердикт и отправили соответствующие материалы во ВЦИК [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 192. Л. 2.].

¹² К месту заметить, схожей практики придерживались и в соседней казачьей среде: «Привлечь девушек в избу-читальню, — говорилось в постановлении 3-й партийной конференции Сунженского автономного округа, проходившего в ноябре 1925 г., — через драмкружок и красные посиделки» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1023. Л. 32].

¹³ В новых условиях «раскрепощенные» кабардинки оказались готовыми и способными выступать против фривольных высказываний в импровизированных сочинениях народных «певцов» *джегеуако* (в данном случае следовавших традиции) [Налоев 2011: 358—359].

¹⁴ Иных снимали из-за их дворянского происхождения.

В схожем русле проводилась кампания по активизации позиции молодежи в противовес «традиционному» превосходству в ней стариков¹⁵. На местах надлежало «взять курс на омоложение аулсоветов» [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 30. Л. 432], на расширение и укрепление комсомольских организаций на местах, что удавалось не без трудностей. В народе говорили: «Конец веревки как ослабишь, комсомол рассыплется...» [Налоев 2011: 355]. Однако советская пропаганда оказывала воздействие на умы молодежи, которая в новых условиях могла себя вести и вызывающе. В Черкесии были зафиксированы отдельные безобразные случаи со стороны молодежи — «стрельба в мечеть из винтовок, демонстративная еда во время уразы на улице перед стариками, что является прямым извращением директив крайкома и обкома ВКП(б), антирелигиозной пропаганды» [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 36. Л. 88].

Впрочем, ставка на молодежь не предполагала (точнее, по известным причинам не могла себе позволить) изоляцию и старшего поколения от новой жизни.

В итоге получалась своеобразная картина, в которой (как говорилось в одном из обращений высших советских и партийных инстанций Черкесской АО) ее активными действующими лицами были «члены и кандидаты партии, колхозники и колхозницы, рабочие и работницы совхозов, старики и старухи, комсомольцы, пионеры и колхозные ребята» [Там же. Д. 58. Л. 63]. Третью конференцию Черкесской областной партийной организации со знаменем в руках приветствовала группа стариков черкесов [Там же. Д. 20. Л. 2]¹⁶, а 16-ю партийную конференцию Кабардино-Балкарии приветствовали сорок пять «Ворошиловских всадников», в числе которых было 25 девушек [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 3].

Смешение жанров, вкусов, идеологических пристрастий, представленных в публичных действиях этого времени, рисует крайне эклектичную картину¹⁷.

¹⁵ «Члены совета преимущественно старики, которые не способны воспринять политику советской власти и которые строго следуют старым традициям»; «Сократить количество стариков в советах, не допуская в них бывш[их] почетных, но пассивных людей... Необходимо пробить брешь предрассудков, когда комсомолец или молодой крестьянин горец молчит в присутствии старших его братьев» [ФГА КЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 30. Л. 420, 421]. Здесь вновь надлежит отметить довольно поверхностное знание инициаторами подобных кампаний местных реалий. В силу определенных социальных традиций, одной из важных слагаемых которых являлось бытование так называемых мужских союзов, горская молодежь обладала достаточно автономной позицией в обществе.

¹⁶ Там же в Черкесии проводились и «слеты стариков» [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 53а. Л. 136].

¹⁷ При этом им была свойственна особая патетико-оптимистическая атмосфера. Из протокола заседания 2-го съезда трудящихся горцев Зеленчукских аулов Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области (8—9 мая 1921 г.): «т. Пономаренко от имени Баталпашинской Отдельской Власти и партии РКП(б) и Бериев от Красной Армии выступили перед съездом с приветственной речью, артистически обрисовали героические подвиги Красной Армии и успехи на фронте труда, о ближайших задачах и целях Соввласти. Речи ораторов покрывались шумными аплодисментами, наблюдалось общее радушие. Представителей Революционной Власти от имени населения приветствовал Гутекулов. После этого съезд переходит к деловой работе» [ГАКК. Ф. р-102. Оп. 1. Д. 342. Л. 36].

Первый съезд Советов Чеченской автономной области, происходивший в конце июля—начале августа 1924 г., был открыт исполнением оркестром Интернационала и Молитвы Шамиля¹⁸. Затем делегаты съезда почтили память Ильича вставанием под похоронный марш, исполненный тем же оркестром [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1024. Л. 56].

Новое время и новые социальные и политические реалии смешивали, ломали установленные нормы:

Прибывший сбрасывает папаху. Собрание ахает. Женщина!.. Женщина-ингушка осмелилась надеть мужской бешмет, черкеску, папаху! Сесть верхом на коня и скакать! Это — активистка-общественница сел. Плиево — Плиева Залейха прискакала сюда в Яндырки, чтобы повидать завоблженотделом и лично доложить о ходе отчетно-перевыборной кампании у себя в селении. Залейха — дочь известного организатора и руководителя мусульманской секты — Батам-хаджи [Дочь Батам-хаджи 1929: 79].

Новая власть действительно имела достижения, хотя само ее становление на местах, повторим, было весьма непростым.

Советизация на местах

Поначалу политические установки на реорганизацию жизни коренного населения звучали вполне корректно. В резолюции, принятой на совещании коммунистических организаций Кавказа и Дона, состоявшемся в конце октября 1920 г. во Владикавказе, говорилось:

Принимая во внимание отсталость горских масс и непонимания ими идей коммунизма, Совещание указывает на необходимость сугубой осторожности при проведении среди горского населения нашей программы и тактики, ставя своей иной задачей в ближайшее время культурно-просветительную работу и организацию горских масс вокруг советов. Опыт существования Советской власти в горских округах Северного Кавказа и Дагестана совершенно определенно показал, что утверждение всех принципов Советского строительства среди Горцев станет возможным только при том неуклонном условии, когда широкие горские массы вполне сроднятся с Советскими нормами общежития, когда массы горского населения станут активными в Советском строительстве. Достигнуть этого можно путем более непосредственного вовлечения горского населения в общее Советское русло [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 70—71].

На этом же совещании было принято решение о проведении «Месячника горской бедноты», а также был разработан его план. В последнем настоятельно рекомендовалось тем, кто должен был его осуществлять (а это были партийцы-горожане), через собеседования и разговоры «войти полностью в жизнь аула, дать ответы на все вопросы... Не уезжать из селения, пока все

¹⁸ Популярная мелодия, авторство которой приписывают Магомеду Магомаеву (старшему брату Абдул-Муслима Магомаева — деда известного советского певца Муслима Магомаева). Известный чеченский писатель и общественный деятель Х. Ошаев указывал, что сочинена она Магомедом в чеченском ауле Шатой под сильным впечатлением от рассказов стариков об имаме Шамиле.

организации не будут технически налажены (канцелярские и связь) и пока не будут продемонстрированы все необходимые обыденные мероприятия партработы... Во время работы стараться наметить товарищей, которых возможно будет провести в местный совет» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 117—118].

Репорты о проведении месячника были оптимистичными.

Окрута, которые молчали шесть месяцев, от которых не было никаких вестей, теперь заговорили, начали требовать, жаловаться, они ожили, они обрели то, чего были лишены все время... Все на работу в горы [Там же. Л. 125—126].

Действительность звучала иначе.

Трудно дать сводную характеристику того, что и как происходило на местах. Этому препятствует этнокультурное и социально-политическое разнообразие Северного Кавказа, подведенного новой властью к «новой жизни». К тому же неравноценны материалы, которыми мы располагаем, для составления такой характеристики. Дабы избежать неоправданных обобщений и упрощений, изложим материалы по основным (при этом не всем) частям региона. Получится палитра. Однако ее «краски», частично смешиваясь и поразному фокусируя отражаемую действительность, более полно передадут многообразие проблем, которые переживали местные общества в ходе советской перестройки.

Дагестан

Для начала приведем пространную цитату из доклада представителя рабоче-крестьянской инспекции, составленного летом 1921 г. и освещающего положение дел в отдаленном Андийском округе Дагестанской Республики. Следует учитывать, что это был первый (да и то неполный) относительно мирный год на данной территории, и потому каких-либо значительных подвижек к «новой жизни» в быту и нравах населения трудно было ожидать. Наблюдения автора доклада (судя по тексту, достаточно образованного, возможно, русского человека; фамилию свою он не указал) тому подтверждение:

Уезжая из Буйнакса в Андийский округ, я думал посетить хоть по семь аулов в каждом участке. Но обстоятельства сложились иначе, и мне пришлось ограничиться посещением лишь трех аулов, где имеются ставки участковых Ревкомов. Андийский округ, как самый отдаленный от центра, всегда являлся самым отсталым от других округов в смысле культуры и просвещения. В округе до переворота существовала только одна сельская школа, а теперь же и она закрыта. Такое плачевное состояние этого округа в смысле культурного развития его объясняется тем, что туда, как в аулы захолустные, никто из более толковых и способных работников не желает ехать... Темнота народа этого округа резко бросается в глаза против других округов. Результатом же всего этого являются такие печальные явления, как, например, постоянные восстания и оперирование разных шаек всевозможных грабителей... Жизнь жителей этого округа в смысле спокойного свободного строительства на новых революционных началах не то что не улучшилась, не подвинулась вперед, но, напротив, ухудшилась и отошла намного назад. Это столь печальное явление объясняется несоответствием своему назначению разных заправил округа и явным преступным отношением к

делу некоторых из них и разных сотрудников и агентов. Правление этого округа совершенно не похоже по внешнему виду на революционное правление, а скорее напоминает правление средневекового царского диктатора. Председатель окрревкома человек совершенно неграмотный и без всякой инициативы, и такого народного правителя и назначили на этот столь важный и ответственный пост как бы за воздаяние за оказанные им при подавлении восстания в округе услуги. Он ослеплен своим величием, совершенно не ориентируется в декретах и делах и сидит просто как средневековый царский диктатор. Всем же округом, как говорится, ворочает его секретарь, хитрый и увертливый полицейский чиновник, прошедший всю свою службу по полиции и в последней своей должности бывший Т. Х. (Темир-Хан. — Ю. К.). Шуринским полицмейстером, нажившим здесь своим «честным трудом» громадный дом в Шуре... Его окружают все его единомышленники — сельские кулаки и всевозможные спекулянты, и предучрежкомов и сельревкомов, которые большей частью состоят из сельских кулаков и спекулянтов. Они через него проводят свои дела. А предревкома, как царский губернатор, решает дела по докладам и советам этого воротилы, то покрикивая, то браня и сажая людей в тюрьму.

Его правление напоминает народу времена правления известного деспота царского губернатора Чавчавадзе — времена свободного безответственного произвола. Так, например, у предревкома округа безотлучно дежурят два почетных часовых из милиционеров, а когда же он выезжает куда-нибудь, то его сопровождает свита почти в десять человек, состоящая из милиционеров, разных доброжелателей, кулаков и т. п.; предучрежкомов встречает его на границе своего района со всеми милиционерами своими и другими служащими, а общество устраивается по требованию властей на краю селения и устраивает ему торжественные встречи. Когда же он выходит куда-нибудь, хотя (бы) во время покоя, то за ним идет целая свита. Предуч. и сельревкомов (председатели участковых и сельских ревкомов. — *Авт.*) всячески стараются угодить ему, чтобы этим приобрести возможность быть свободными в своих действиях. Так, когда недавно умер отец окрпредревкома, то некоторые предуч. и сельревкомы преподнесли предокрревкомову в бешкеш (в дар. — Ю. Ю.) по случаю постигшего его несчастья по старым традициям, за счет общества, кто быка, кто баранов, кто и зерна, обложив за это жителей данного общества известным налогом зерна или денег. Вообще у заправил округа такой взгляд: не они для народа, а народ для них, а народ благодаря такому взгляду их и отношению чувствует не свободу а как будто они подпали под новое рабство... Самым же грозным страшилищем для народа является политбюро, которое, совершенно не разбирая степень виновности, сажает жителей в подвалы по разным клязным ложным жалобам и доносам, зачастую заточенные из-за личных счетов. Да и не может политбюро ориентироваться при обысках и арестах, как состоящее не из местных жителей, ибо только местные жители могут хорошо знать, кто контрреволюционер и кто сторонник советской власти. Приезжающих в округ из центра сильно поражает такое положение в округе. К великому сожалению, некоторые из них быстро принимают тон местных ответственных работников и также притесняют жителей, требуя от них то лошадей, то продукты, то арестовывая их; были даже такие случаи, когда разные агенты арестовывали даже сельревкомов... Между ответственными работниками в округе нет никакой солидарности, каждый старается взять власть в свои руки, каждый печется о своем величии, и благодаря этому народ остается за бортом, и ему же, несчастному, приходится расплачиваться за все их грехи. При назначении на разные должности резко бросается в глаза качество и родство, так, например, предучрежкомы все родственники предревкома и все люди совершенно неграмотные, темные, и также совершенно не ответствующие своему назначению. Хотя в районе каждого учревкома имеются

гораздо (более) способные и более ответственные люди, но они остаются не у дел по изложенным выше причинам... [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 164. Л. 49—49 об.]

Недоверие, проявлявшееся местным населением к новой власти и ее представителям, было обусловлено произволом, который позволяли себе отряды Красной Армии и чекисты при установлении данной власти в крае, а также, как отмечал Н. Самурский, «рядом ошибок, допущенных руководителями некоторых Советских учреждений в центре Дагестана и отдельными Советскими работниками на местах, незнакомыми с бытовыми условиями и характером горцев» [Самурский 1925б: 14—16]¹⁹. К новой власти присоединялись и «случайные» местные люди, далеко не лучшим образом проявлявшие себя в деле (см., например: [Столяров 1928: 17—18]): Специфика конкретных условий выдвигала дополнительные требования к работе органов власти. По этой причине в Дагестанском комитете РКП(б) ставился вопрос о необходимости «разработать приемлемые для дагестанских условий планы и методы работы нашей партии в аулах и разослать их окрестностям. Шаблонные российские методы не всегда пригодны и приемлемы» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 522. Л. 1].

В следующие годы положение власти в дагестанской глубинке стало медленно налаживаться. Отчеты проверяющих начали звучать вполне оптимистично, хотя желаемое они нередко выдавали за действительное. Так, лицом, инспектировавшим Андийский, Аварский и Гунибский округа летом 1922 г., отмечалось изменение общего настроения среди местных жителей в лучшую сторону по сравнению с недавним прошлым, а также то, что «Коммунистическая Партия в лице Соввласти сумела внушить населению доверие и уверенность в прочности и искренности своей. Горцы теперь не боятся, что у них будут отбирать последнюю корову и последний пуд хлеба, а также совершенно спокойны относительно свободы совести. Наоборот, просят срочно организовать Народные суды, ибо Шарсуды их не удовлетворяют» [Там же. Д. 322. Л. 49].

Наметилось и частичное улучшение экономики горских хозяйств, хотя необходимой для нормального существования дополнительной земли горцы пока не получили. Из Аварского округа сообщалось:

Политическое положение в 99 % своей плоскости зависит от материально-го быта... Голодное, большей частью полуголодное население свои нужды считает последствием войн... налогов берут много... Население непрекословно испол-

¹⁹ Продналог был настолько велик, что население было «до того босо и наго, что в некоторых аулах мужчины до 12 часов не имеют права выходить на улицу, чтобы дать возможность полунагим женщинам выполнить необходимые утренние хозяйственные работы... Такой приказ был издан, например, ревкомом Аварского округа» [НА ИИАЭ ДНЦ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 842. Л. 26]. Действия ЧК вызывали неприятие представителей местной власти, так что «некоторые испытаннейшие горские коммунисты и... боевые товарищи... сложат свои полномочия и удалятся из Дагестана» [Там же. Л. 33]. Впрочем, практически тогда же командованием частей Красной Армии, действовавших в Дагестане и Чечне, издавались пространные инструкции и обращения к военным и красноармейцам, излагавшие историю взаимоотношений их населения с Российским государством, «бытовые условия и психологию народных» [НА ИИАЭ ДНЦ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 159. Л. 14—36].

няет требования власти, но крайнее недовольство слышится, когда нет поблизости «начальников». В общем, чувствуется какое-то всестороннее недовольство — апатия ко всему, — не относящееся лично к каждому в отдельности. Нужно считать, что это переломное время общего состояния, и оно может быть ликвидировано некоторым усилием — агитацией (так? — Ю. К.), некоторым усилием экономического органа, выявлением работы Земельного отдела [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 522. Л. 77—77 об.].

Проявляло себя и другое.

Родовой быт дает возможность влиятельным личностям, экономически обеспеченным, мечтать о развитии своей деятельности против Соввласти... Меры борьбы, предпринимаемые партией, в изолировании указанных группировок путем усиления культурного воспитания населения, развитием советских школ и пр. мероприятий... [Там же. Д. 525. Л. 16].

В 1924 г. (и, судя по архивным материалам, выборочно в 1926 г.) производилась проверка состояния советско-партийной работы в округах Дагестанской Республики, и этим временем датируется значительное число докладных записок с мест. Возможно, положение дел несколько скрашивалось их авторами — партийцами, однако по содержащейся в них информации можно составить такую картину общего положения дел.

Наиболее сложная обстановка в тот период была в Андийском округе, все еще с трудом успокаивавшемся после восстания Нажмутдина Гоцинского. Соответствовала моменту и характеристика ситуации:

Отношение к Советской власти благодаря темноте (жителей. — Ю. К.), благодаря влиянию духовенства, благодаря соседству Чечни (где обстановка была еще не более спокойной. — Авт.), а главное совершенному неимению представления о Советской власти и ее идеях — нужно считать не вполне дружеским. Дагестанцы очень плохо относятся к новшествам, а тут новое явление, совершенно им не разъясненное, совершенно им неизвестное, вдобавок не одобряемое их стариками, муллами и т. д., и против которого их соседи (сколько их они знают) с ним борются — безусловно, не может быть им приятно. Дополнением этого отношения служит то, что мероприятия местных органов власти ни разу не были ярко характерными в смысле улучшения быта бедноты — по земельному ли вопросу, по вопросам ли налогов, по (нрзб) правам они это(го) не видят [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 522. Л. 81 об.].

В других документах отмечалось, что горные районы охватил шквал урегулирования земельных вопросов. Из Гунибского округа сообщалось:

Самым большим и до сего времени неразрешенным вопросом является земельный: споры из-за межевых границ, как между отдельными лицами, а также между целыми обществами одного или двух округов, а также споры из-за оросительных каналов, доходящие чуть не до кровопролитных столкновений [Там же. Л. 18 об.].

В том же округе «204 аула и все находятся во вражде друг с другом» [Там же. Д. 492. Л. 7]. В итоге ставился вопрос о необходимости ускорения создания сельских словесных судов.

Вопросы укрепления партийных кадров занимали должное место:

Если раньше в организации имели место склоки и родовые группы, если раньше многие коммунисты мест склоничали и (? — Ю. К.) самовыдвижение, то после 1½ лет работы Окркома все эти явления изжиты путем политико-воспитательной работы и путем разных мер воздействия, перемещения работников с одного места на другое. Однако и в настоящее время имеются единичные случаи болезненных явлений, а именно: несвоевременная уплата членских взносов, традиция к старому, как-то: пьянство отдельных лиц, но это единичные случаи, которые пресекаются Окркомом через ячейки и контрольную комиссию. Имеются случаи многоженства... [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 747. Л. 8].

Дисциплина в рядах всей организации слабая. Большинство членов и кандидатов религиозны. Скверно относятся к партийным заданиям, проводя их не полностью или делая свои изменения [Там же. Д. 522. Л. 21 об.].

Особо актуальным вопросом текущего момента являлось создание и деятельность кресткомов (комитетов крестьянской общественной взаимопомощи), которые наделялись немалыми полномочиями на местах.

Из Кюринского округа в 1924 г. по поводу них сообщалось:

В округе очень энергично организуются кресткомы, они уже имеются почти в 70 % аулов. Организация кресткомов больше носит принудительный характер, чем добровольный. Среди части населения имеется здоровое сознание в необходимости организации кресткомов и полезности их, но неподготовленность самого населения, с одной стороны, и недостаточная определенность функций самих кресткомов — с другой, создают обстоятельства, опорочивающие эту новую организацию. Очень много жалоб на неправильные претензии кресткомов на наследство при наличии законных наследников, на злоупотребления членов кресткомов и масса других. Необходимо создать особую комиссию с введением знатоков шариата для разработки общего положения о кресткомах в Дагестане и инструкций окружным исполкомам, которыми они должны будут руководствоваться при организации новых кресткомов и проверке деятельности старых [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 522. Л. 12].

Однако через два года по тому же поводу и из того же округа сообщалось, что «кресткомы непопулярны и бедны... Были случаи, когда проводили собрания бедноты, последние высказывались о том, что делиться на кулаков и середняков не хотим. У нас нет бедняков. Мы все бедняки и середняки. Последнее имело место в трех селениях, где еще руководит мюридизм...» [Там же. Д. 747. Л. 6].

О селениях Голотль и Обода Аварского округа сообщалось, что кресткомы в них работают плохо, так как их члены не заинтересованы в своей деятельности. «Взгляд населения к передаче закаатского и вакуфного фонда в распоряжение к(омите)та враждебное» [Там же. Д. 522. Л. 21, 25].

Лицом, инспектировавшим Андийский округ в 1924 г., отмечалось:

Необходимо усилить инспектирование, инструктирование органов на местах, так как от их действий зависит взгляд на власть [Там же. Л. 82 об.].

Положение советской власти в республике действительно было непростым. Немногим ранее секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) Н. Ф. Гикало сообщал в Центр о волнениях в Дагестане, причин чему, по его оценке,

было несколько. Это большое количество налогов, взяточничество и злоупотребления власти на местах, общая слабость советских и партийных органов, запутанность земельных вопросов, наличие тысяч партизан, боровшихся за установление новой власти и ожидавших от нее «прямых и лично (благодаря большому непониманию) благ и разочарованных» тем, что не получили оных, наконец, как следствие тяжелого экономического положения и агитации, рост религиозных настроений [ЦК РКП(б) 2005: 140].

Чечня

Ситуация в Чечне в эти годы была еще более сложной. И не только по конкретным социальным и политическим причинам текущего момента, но и по причинам общего порядка. Напомним слова общественного деятеля и литератора Халида Ошаева, в 1921—1922 гг. являвшегося членом Чеченского ревкома, о том, что чеченцы при наибольшей численности и компактности проживания «играли, играют и теперь роль первой скрипки в поворотных пунктах исторического порядка». Не беремся судить о том, была ли действительно роль чеченцев столь велика в регионе в тот момент (хотя бы уже потому, что с аналогичными заявлениями, но аргументами иного порядка в первой половине 1920-х гг. в Москву обращались и руководители Дагестана), но то, что положение в Чечне требовало особого внимания Центра, бесспорно (как увидим ниже, это формулировалось представителями центральной власти совершенно отчетливо).

В январе 1923 г. командующий войсками Северо-Кавказского округа К. Е. Ворошилов, присутствовавший при объявлении автономии Чеченской области²⁰, доносил И. В. Сталину:

Поздравляю тебя еще с одной «автономной»... Впечатление: чеченцы как и все другие горцы: не хуже и не лучше. Мулл, шейхов, святых и пр[очей] чертовщины, пожалуй, больше, чем у других... Владычество мулл и шейхов неограниченное... Фанатизм, темнота и невежество отменные... Убедился воочию, что наши велеречивые и многомудрые коммунисты, до сих пор работавшие в Горской республике, мало чему научились сами и научили других. Пресловутые «расслоить», «опереться на бедноту», «вырвать массу из-под влияния кулачества и святых» и прочие красиво звучащие слова оставались на бумаге и висли в воздухе, а жизнь текла своим порядком... Можно утверждать, что до тех пор, пока мы не создадим в Чечне кадра дельных и преданных делу и партии работников, нам не на кого будет опереться и придется тем или иным путем использовать мулл и прочих господ. Возможно ли? Вполне. Они сами этого ждут. В их коране и сейчас имеется не одно место в тексте в нашу пользу (цитировалось на совещании и съезде), и только нужно соответственно изменить тактику... Один из умнейших мулл, Било-Хаджи, заявил, что он от всего чеченского народа приветствует Советскую власть и выражает ей народную благодарность за дарование права и свободы. Далее он начал излагать свои пожелания (претензии).

²⁰ Присутствовавший на церемонии объявления автономии Чеченской области А. И. Микоян произнес в своей речи такие слова: «Братья чеченцы! Орлы недоступных гор Кавказа! Сегодня мы с вами торжествуем великий день, день, когда вы, чеченцы, призваны к труду и самостоятельной жизни... Мы проходим мимо могил ваших братьев, и эти могилы кровью связывают чеченский народ с Советской властью» [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 293. Л. 34].

1. Вновь организуемая власть должна быть честной и не обворовывать народ.
2. Нужно создать сильную, честную милицию.
3. Разрешить существование шариатского суда, который не враг, а друг Советской власти и ему верит народ.
4. Надлежит железной рукой уничтожить бандитизм, грабежи и разбои.
5. Немедленно назначить комиссию для расследования безобразий, творимых при взимании продналога, где бедняк обкладывается в 5—7 раз больше кулака.

Как видишь, требования, кроме шариатских судов, не Бог весть как велики...

Муллы заверяли, что бандитизм они вместе с нами поборют. Виделись и много говорили с Али-Митаевым²¹. Мужик дьявольски умный и хитрый. Заискивал у нас и умолял назначить самое срочное следствие по его делу для полной его реабилитации (приказали назначить), утверждая и клянясь всеми пророками, что его оклеветали пред Соввластью. Хочет служить и быть полезным.

Последнее. Эльдарханов, да и весь ревком, весьма слабые. Особенно Эльдарханов²². Сравнивая его со всей той братией, которую пришлось лицедрезать, приходится серьезно задуматься над судьбой и ревкома, и дальнейшего Чечни. Эльдарханов бесхарактерен, безволен, глупый и чванливый старикашка. Другого, взамен ему, пока нет.

...Рядом мер думаем укрепить наше влияние. Через мулл и прочих алиимтаевых доберемся до подлинных тружеников Чечни [ЦК РКП(б) 2005: 94—95].

Однако поступавшие из Чечни в последующем сводки не содержали обнадеживающей информации.

Секретарь оргбюро РКП(б) Чеченской области Азнарашвили писал в ЦК о расширении партийных рядов в области преимущественно за счет беспрепятственного принятия в нее родственников Т. Эльдарханова.

Сейчас деятельностью Эльдарханова, идущего по пути укрепления личных позиций, беднота от власти отмежевана совершенно... Ставка на так называемую общественно-авторитетную группировку, поскольку в чеченской действительности целиком нельзя опираться на бедноту, привела к тому, что сегодня вся советская сеть заполнена представителями кулачества.

²¹ Митаев Али (Али Бамат Гирей Хаджи) (1890—1925) — родился в с. Автуры Веденского округа Чечни, сын известного шейха Бамат-Гирей-Хаджи Митаева, одного из ближайших сподвижников шейха Кунта-Хаджи Кишиева. После смерти отца Али был провозглашен шейхом и возглавил братство Кунта-хаджи. Широко занимался организацией шариатских судов. Людьми, знавшими его по совместной работе в Чечне в описываемое время, он характеризовался следующим образом: «Это тип-непоседа, который должен вечно что-то делать, чем-то распоряжаться, на кого-то влиять, где бы и в каком лагере ни был, каковое бы положение ни занимал. Все более или менее важные предприятия им проводятся очень осторожно, через своих мюридов, которые далеко, во все недосягаемые углы разносят задуманные им дела. Сам он очень аккуратен и безупречен, обязательства перед государством им выполняются первым в Чечне» [ЦК РКП(б) 2005: 162].

²² Эльдарханов Таштемир Эльжуркаевич (1870—1934) — уроженец с. Гехи. Просветитель, литератор, член 1-й и 2-й Государственной думы (1906—1907). После окончания гражданской войны был избран председателем ревкома Чечни, позднее являлся председателем Чеченского областного исполкома. В последние годы жизни работал на ответственном посту в «Грознефти».

Безверие местной бедноты в местный ревком полное. «Видели наши предки, — говорили автору послания жители одного из округов, — власть имама Шамиля, видели власть русских генералов, мы видели царскую власть, видели власть Узун-Хаджи, видели Советскую власть, но такой бессильной власти, как эта (т. е. ревком) мы еще не видели» [ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 171. Л. 1 об.]. Говорилось в этом письме и о большом влиянии в местном обществе Али Митаева. А в другом письме тот же Азнаршвили отмечал, что именно по его инициативе и при согласии Эльдарханова Али Митаев был введен в состав областного ревкома и что такой политический альянс по-своему выгоден каждому из членов тандема [ЦК РКП(б) 2005: 162—163].

Али Митаеву была вверена охрана железной дороги, с чем он успешно справился через отряды своих мюридов; в результате бандитизм оказался сведенным к минимуму. Однако в целом ситуация в Чечне не стала проще.

В апреле 1923 г. по инстанции один сотрудник ГПУ другому доносил:

Состояние Чечни на сегодняшний день можно характеризовать следующим: анархия, неудержимый рост шариатских тенденций, подготовка к началу активных действий и отсутствие советских аппаратов на местах... Причины, усугубляющие настоящий процесс и создавшие благоприятную почву, главным образом относятся к неразрешенности и полнейшей безавторитетности главы чеченского ревкома Эльдарханова. Против него борются не только шариатские элементы, но и в самом ревкоме и на местах имеются группы, ведущие борьбу с Эльдархановым [ЦК РКП(б) 2005: 111—112].

Выход из ситуации виделся в немедленном снятии Эльдарханова и решении земельного вопроса. Необходимо было срочно формировать советский аппарат, тем более что в Чечне, в отличие от других областей Северного Кавказа, отсутствовали партийное ядро и исходная советская база:

Выход, с нашей точки зрения, заключается в следующем: образование немедленно партийного ядра из той маленькой группы национальных коммунистов, которые разбросаны по СССР... сделав ставку на национальную интеллигенцию, стоящую на советской платформе... и затем, разрешение земельного вопроса... Умиротворение Чечни и частичная советизация возможны лишь при ослаблении шариатского процесса... Лояльная нам национальная интеллигенция, став у власти, бесспорно, будет блокироваться первое время с шариатскими верхами, и те, в свою очередь, будут ее поддерживать, так что на первое время возникнет немедленное успокоение; затем начнется взаимное ослабление в силу разности интересов советских и националистически настроенной интеллигенции и шариатистов. Во избежание шариатского уклона надзор будет иметь партийное ядро. Когда процесс взаимного ослабления дойдет до предельной точки, то тогда разрешить земельный вопрос в отношении нагорной Чечни, но не через ревком, а через партийное ядро, авторитет которого значительно поднимется в беднейшей нагорной Чечне... С этого момента у нас будет экономическая и идеологическая база по дальнейшей медленной советизации Чечни [Там же: 111—112].

В свою очередь, Т. Эльдарханов, выступая на совещании в ЦК РКП(б) в июне 1923 г., по-своему объяснял причины обострения ситуации в Чечне и уверял в том, что порядок наведен:

Я должен коснуться ряда ненормальностей со стороны наших товарищей, допущенных ими при управлении Чечней. Слащавые речи по адресу трудящихся, улыбки по их адресу, хватание за бороды мулл, выколачивание продналаго

штыком, чтобы в конечном итоге получить 5—6 % задания, излишний военный нажим, от которого страдало мирное население, бандиты же убегали в горы, — в конечном итоге создали фронт против Советской власти... В Чечне не было никакой власти, не было милиции — не было абсолютно ничего, напоминающего Советскую власть. Страна представляла собой одно разрушение... Нужно было создать крепкую власть и противопоставить ее бандитизму. Теперь я могу определенно заявить, что в Чечне, о которой привыкли говорить, что это вольная страна, не признающая ничего, где никакой власти нет и не может быть создано, — я заявляю, как лицо, возглавляющее автономную Чечню, что теперь здесь имеется твердая власть [Тайны политики 1992: 197].

Однако информация, поступавшая из Чечни и датируемая июлем того же года, не содержала ничего оптимистичного:

Массовые моления достигают грандиозных размеров... Советскую власть... отождествляют с шариадом... Советская власть дала им не только шарият, она дала им советы мулл, она посадила членом областного ревкома Чечни самого влиятельного... святого, шейха Али Митаева, являющегося, по сведениям ПО ГПУ Юго-Востока, членом панисламистского комитета... С внешней стороны как будто бы все благополучно... но во внутренней жизни Чечни происходит глубокий процесс накопления религиозной энергии и наполнения советских форм враждебным политическим содержанием.

Далее предлагалось сохранить во главе ревкома Т. Эльдарханова с условием, что он будет окружен «нашими сильными работниками» и освобожден от влияния Али Митаева:

Надо помочь Чеченской автономной области сдвинуть с мертвой точки советскую культуру как в области хозяйственной жизни, так и в области идеологии — только эти последние два условия дадут возможность областному ревкому опереться на чеченский трудовой народ, не прибегая к помощи политических шарлатанов (Али Митаев) [Тайны политики 1992: 133—135].

В апреле 1924 г. Али Митаев был арестован не без участия Т. Эльдарханова²³. Митаев был доставлен сначала в Ростов, а затем в Москву. Ему инкриминировали связь с панисламистскими и туркофильскими организациями, Нажмутдином Гоцинским, в то время воевавшим против советской власти в Чечне и Дагестане, использование своих мюридов в антисоветских акциях, двойственность поведения на посту члена ревкома, сказывавшаяся в том, что «аппараты власти не могли укрепляться на местах и использовались исключительно с личной корыстной целью», что на протяжении лет делало «совершенно бесцельными все советские начинания в Чечне». Полномочный представитель ОГПУ на Юго-Востоке России Е. Г. Евдокимов делал вывод, что отстранение Али Митаева от дел ничего не изменило бы и, напротив, направило бы контрреволюционные силы против власти, так как Митаев «единственная фигура с большими организаторскими способностями». Общий вывод того же официального лица гласил:

Чечня предопределяет политическую обстановку на Северном Кавказе, Али Митаев предопределяет политическую обстановку Чечни, отсюда разре-

²³ Т. Эльдарханов в письме по этому поводу И. Сталину отмечал, что арест был произведен неправильно и даже необоснованно, так как Митаев принес пользу власти. Сам же Эльдарханов «как чеченец, выдавший чеченца же», опасался мести кровников [ЦК РКП(б) 2005: 203—204].

ние вопроса об Али Митаеве разрешает вопрос о спокойствии на Северном Кавказе и создании благоприятной почвы для нашего внедрения в горские массы [Тайны политики 1992: 197—199].

Однако после ареста Али Митаева тот же Евдокимов сообщал, что «шариатисты и революционный элемент как бы поменялись местами... В горах произошло буквально ликование бедноты» [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 294. Л. 32]. Насколько последнее соответствовало действительности, вопрос спорный²⁴.

В январе следующего года постановлением коллегии ОГПУ Али Митаев был приговорен к 10-летнему тюремному заключению. Позднее в связи с поступившими в ОГПУ новыми данными о его антисоветской деятельности дело было пересмотрено и в октябре 1925 г. его приговорили к расстрелу.

В это же время, а именно во второй половине августа—начале сентября 1925 г., в Чечне войсковыми соединениями была проведена операция разоружения населения²⁵. Она вызвала достаточно бурную реакцию в обществе. Пленум Чеченского областного исполкома оценил осуществление данной операции как результат «отсутствия твердого и умелого руководства Соваппаратом», что вменил в вину Таштемиру Эльдарханову. Последний покинул пост председателя Чеченского облисполкома, был отозван в Ростов, в распоряжение Северо-Кавказского краевого исполкома, где занял должность председателя национального совета. Еще раньше, в декабре 1923 г., по решению Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) он был снят с должности первого руководителя чеченской партийной организации; этот пост перешел к балкарцу М. Энееву. Из состава Чеченского облисполкома вместе с Т. Эльдархановым были выведены и его помощники — А. Гайсумов и З. Шерипов. Новым председателем Чеченского облисполкома стал Д. Арсанукаев, его заместителем — Г. Ионисиани.

Данные изменения не внесли кардинальных перемен в общественную жизнь Чечни. В информационном отчете местного обкома о работе в конце 1924 г. значилось:

В общем и целом советизацию в Чечне законченной признать нельзя, советский аппарат на местах слишком слаб, и во многих аулах его влияние почти не чувствуется. Население за разрешением своих нужд обращается непосредственно в областные отделы, обходя местную власть. Авторитетом сельская власть у населения не пользуется, есть случаи незаконных действий и произвола

²⁴ По крайней мере, на I-м съезде Советов Чеченской автономной области, проходившем летом 1924 г., делегаты с мест в качестве особо значимого поднимали вопрос об освобождении Али и Омара Митаевых и избрали уполномоченных для ходатайства перед краевыми и центральными органами об их освобождении [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1024. Л. 57—57 об., 61 об.].

²⁵ Согласно мемуарам А. И. Микояна, поводом для организации данной акции послужили высказанные ему Ф. Э. Дзержинским опасения, что в условиях вероятной войны с Польшей, поддерживаемой странами Антанты, «противники» советской власти могут прервать железнодорожное сообщение с районом Баку — основным поставщиком нефтепродуктов. В Чечне же много оружия, и желательно было бы при таких обстоятельствах произвести разоружение населения последней. Подобная постановка вопроса была поддержана Микояном и вскоре согласована со Сталиным и Политбюро ЦК [Микоян 1999].

со стороны сельских властей. Объясняется это главным образом полным незнанием своих задач и наличием во многих сельских советах кулацкого элемента. Отдельные аулы советизацией почти не затронуты и влияние Чечоблщик'а на таковые слишком слабо [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1024. Л. 48].

На 1 января 1926 г. в Чечне были назначены перевыборы в Советы. Предшествовавшие этому описанные события не могли не повлиять решительным образом на настроения масс.

В сводках ГПУ, представленных «наверх», по данному поводу сообщалось:

В связи с предстоящими перевыборами в Чечне отмечалось оформление многочисленных группировок, развивавших агитацию в пользу выдвигаемых ими кандидатур. Особенное оживление наблюдается среди родов и племен, наиболее пострадавших от операции по разоружению. Со стороны слагающихся внутри них группировок отмечается усиленная агитация за возвращение смещенных в связи с операцией работников. Так, в Урус-Мартановском округе группа местных торговцев и лесопромышленников, опираясь на родственные племена бекоевцев, нашекоевцев, чимахоевцев, нахолоевцев, агитирует за возвращение Эльдерханова. В Шатоевском округе аналогичная группировка ведет агитацию за возвращение обоих братьев Шериповых. Аналогичная картина наблюдается в Ново-Чеченском и Надтеречном округах [Совершенно секретно 2001, т. 3, ч. 2: 721].

В Урус-Мартановском округе активно ратовали и за оставление в должности председателя округа Баканаева, «мотивируя это необходимостью иметь во главе власти образованного человека, а не „мужика“... и находя большой угрозой религии и шариату присутствие в органах власти коммунистов, лишивших избирательных прав мулл, почтенных стариков и людей состоятельных» [Совершенно секретно 2001, т. 3, ч. 2: 767]. В родовом селении Эльдерхановых Гехи был составлен собственный список кандидатов, в котором не оказалось места представителям других фамилий. Возражения по этому поводу представителей избиркома вызвали бурную реакцию «толпы», так что комиссия не сочла возможным свое дальнейшее пребывание в Гехи [Совершенно секретно 2001, т. 4, ч. 1: 155]. Примечательная ситуация возникла в с. Курчалой Гудермесского округа, где «ненормальность в перевыборы внесли комсомольцы». Все они оказались из одного «ялхоевского рода» и, естественно, выдвигали в совет своих родственников, и вообще, как говорилось в соответствующей информации, «придали своей деятельности тенденциозный характер, чем, естественно, возбудили недовольство остального населения». В итоге в селении разгорелись ожесточенные споры; одни «стояли за комсомольцев» (очевидно, являясь представителями одного с ними «рода»), другие высказывались против всякого участия в общественных делах «молокососов» [Совершенно секретно 2001, т. 4, ч. 1: 221].

Последний пример резонно соотносить с теми явлениями общественной жизни горцев, которые допускали известную автономию мужских молодежных корпоративных объединений (соотносимых с традицией мужских союзов), о чем упоминалось выше. И этот же пример, равно как все остальные, иллюстрирует по-своему огромное значение «родовых» связей в жизни местного общества. В этой связи позволим себе достаточно полно процитировать документ от мая 1922 г., составленный заместителем секретаря Горского

обкома Носова²⁶. Его содержание лишь на первый взгляд косвенно относится к теме советизации, на самом деле оно достаточно полно характеризует не только процессы, имевшие место в это время во все еще «родовом» быту местного общества, но и условия, в которых осуществлялись попытки его советизации.

...Родовые отношения определяются экономически сильными родовыми верхушками. Это с особенной резкостью наблюдалось в среде мусульманских народностей — в Чечне и Ингушетии, где сильны религиозно-идеологические (культ личности, возводимый по линии религиозной иерархии до имамства) и правовые тенденции, построенные на Коране.

Родовые группы, недовольные хозяйственно-торговыми ограничениями (хлебной монополией и т. д.), замкнулись и заняли выжидательную позицию в отношении Советской власти, реакционные же верхушки начали заниматься контрреволюционной агитацией...

Приведенная картина типична для Чечни, и в особенности для Нагорной ее части, где внутриродовые взаимоотношения усиливались остротой земельного вопроса и наличием большого количества безземельных. В Ингушетии политика твердых цен сказалась в ином виде. Переселение 5/6 населения Нагорной полосы разрядило остроту земельного кризиса и нарушило стойкость родовых взаимоотношений. В итоге в Ингушетии избыточное количество бумажных денег и обесценивание их, приведшее к тому, что патриархально-родовые отношения все больше и больше строились на началах натурального хозяйства и тем самым усилившие богатые верхушки родовых групп, — привело к распадению родов на составные части: в конце 1920 г. начал наблюдаться процесс выделения отдельных семей из патриархально-родовых групп, таким образом, начала наблюдаться некоторая дифференциация внутри родовых групп. Это повлияло и на религиозно-идеологические, и на правовые отношения. Авторитет мулл (духовенства) в Ингушетии начал падать, шариат со своими падкими на подкуп судьями («кади») не удовлетворял, несмотря на то, что муллы направляли много энергии на поднятие своего авторитета путем усиления шариата. Ингушетия потянулась к Советскому суду».

(Однако практика выплаты калыма стесняла развитие данного процесса; падение стоимости денежных знаков повысило его стоимость, а при отсутствии твердых источников дохода это привело к росту бандитизма, в первую очередь среди молодежи). Давала себя знать и неправильная политика советской власти:

Она сводилась к опоре на отдельные личности, выдвинувшиеся иногда случайно из среды горских народностей... к опоре на сильные родовые группы. Политика опоры на отдельные личности в условиях родовых отношений — это основной признак политики в национальном вопросе без элементов классового расслоения (отслоения). Она чревата кровавыми осложнениями.

В условиях НЭПа «родовые верхушки, успевшие скопить натуральные ценности», втянулись в процесс товарного обращения:

²⁶ К. Е. Ворошилов в цитированном выше письме И. В. Сталину весьма критически оценивал деятельность «многомудрых» коммунистических руководителей Горской Республики. Однако, как представляется, данный документ, исходивший от представителя именно этой когорты, заслуживает внимания, так как содержит обстоятельный анализ соответствующих процессов.

Внутриродовые и межродовые торговые отношения оживились... Начался медленный, но последовательный процесс «раскрытия» родов, и он с особенной типичностью протекал в Чечне... Родовые цепи по характеру своему и исторически — защита от внеродового врага (великорусского пришельца), ослабели, и что раньше всего начало давать знать о себе — так это игра земельных отношений...

У коммунистической организации Горской Республики нет хозяйственного рычага, чтобы, вооружившись им, подчинить себе внутриродовую игру земельных отношений, создать сильные социальные кадры в горской деревне, сплотив их вокруг хозяйственных потребительских и производственных ячеек, организовать авторитетную власть и поставить во весь рост разрешение земельного вопроса. Критическое создавшееся положение в Чечне можно выровнять, только имея в руках этот мощный хозяйственный рычаг.

В этом вопросе идти по пути национальной автономии народности с патриархально-родовым укладом жизни — это значит замкнуть народность в национальную скорлупу и усилить влияние реакционных слоев горской деревни, создав поле для стихийного авантюризма религиозного (имамство) и социального рангов (шейхи), т. е. прибавить к внутри удушающей большинство безземельных и малоземельных горцев земельной реакции реакцию общенациональную [К очередным задачам 2007: 294—301].

Далее Носов замечал, что решение земельного вопроса «в полной мере возможно только в условиях межнационального единства горских народностей» и в качестве положительных примеров этому называл Балкарию и Карачай [К очередным задачам 2007: 294—301].

Как мы знаем, в отношении Чечни были приняты другие политические решения — она была выделена из состава ГАССР, обретя автономию («самостоятельность»). Автор цитированного документа достаточно прозорливо оценил реалии в этой части региона — «общенациональная реакция», получившая развитие на фоне неразрешенного земельного вопроса²⁷, совсем скоро обрела место в Чечне, с чем и столкнулась центральная власть, вынужденная «обезвреживать» ее с применением военной силы.

Однако и это не привело к тому результату, на который в конечном счете рассчитывала власть. И позднее, в 1928 г., «развращение кулаками наших сельских советов» применительно к Чечне (а также, по оценке «ответственного товарища», применительно к Карачаю и Ингушетии. — Ю. К.) имело массовый характер» [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 831. Л. 26]. На заседания сельских советов бедняков приглашали только в тех случаях, «когда обсуждаются мелкие вопросы», а к решению сколь-либо значимых дел их не допускали [Там же. Л. 24]. Если до разоружения об организации советской власти в Чечне «вообще не приходилось говорить», то и после осуществления одного дела пошли не лучше. В 1928 г. на 1-м пленуме Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома некто Токаев говорил:

²⁷ Примечательно, что автор одного из цитированных выше донесений о положении в Чечне несколькими годами позже, говоря о перспективах разрешения там политического кризиса, допускал возможность использования «реальных твердых, хотя и чрезвычайно сложных мер — использование экономического антагонизма между горной и плоскостной Чечней на земельной почве», чем мог быть достигнут поворот «от внешних интересов», влиявших на «на голову» центральной власти, к внутренним — чеченским [ЦК РКП(б) 2005: 164].

До этого мы строили свою политику в Чеченской области, используя некоторые элементы и прослойки, чуждые советской власти, но это были объективные условия Чечни, без этого нельзя было. После разоружения мы вплотную подошли к этому вопросу, но охватить достигнутое положение разоружением, укрепить за собою это положение мы не сумели. Может быть, здесь вина и краевых организаций, которые не сумели в должной степени поддержать нас, чтобы мы могли укрепить те достижения, которые мы имели после разоружения Чечни, т. е. не сумели добить окончательно ущемление духовенства, кулачества и др. разоружением, которое было в первый период растеряно. Мы не сумели их своевременно подавить так, чтобы они больше не могли бы оформиться и сорганизоваться; и после года мы видим, что все эти антисоветские элементы, как духовенство, так и др., ожили и опять более утонченными методами начали организовываться, тем мешая нам в работе охвата своим влиянием бедноты и середняка, и, таким образом, мы это достижение не могли закрепить за собою... Нам придется говорить о создании сельсоветов на местах как таковых. Хотя они у нас и имеются, но очень плохие: имеется только секретарь русский, который умеет писать протокол, и есть председатель чеченец, но его председателем не называют, а называют «юрта-да — хозяин аула». Они между собою как-нибудь знаками условливаются, за непониманием друг друга, и пишут протокол, а что касается коллективного решения, (то оно) отсутствует. Возьмем религиозный вопрос. ...Шариатские суды мы ликвидировали окончательно только в конце 1926 года. Только в последнее время женщины по разводным делам не ходят к мулле (может быть, тайно туда некоторые ходят). Надо иметь антирелигиозных работников в этой области для того, чтобы вплотную подойти разрешить этот вопрос. Основной вопрос у нас это относительно того, имеем ли мы базу и возможность создания коллективных хозяйств... Сейчас этой возможности нет, если не будет проведено сплошное землеустройство... Мы объявили всему населению, что будет бесплатное землеустройство, наш представитель поехал в Москву, целых три месяца там жил и ничего не удалось; в этом вопросе мы провалились... [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 831. Л. 57—58, 60—61, 63].

Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия

В отличие от Чечни (а рядом с ней и Ингушетии), где тайповые (тейповые, «родовые») связи являлись особо значимым фактором общественной жизни, оказывавшим ошутимое влияние на процесс «перестройки», в этих областях региона на первый план выходили другие обстоятельства. Там сословные отношения определяли взаимоотношения в социуме, между отдельными людьми и их группами. Власть вынуждена была считаться с этим и надлежащим образом корректировать тактику собственной работы.

Постараемся передать взгляд советских и партийных работников описываемого времени на соответствующую проблему. Предварим его общей характеристикой социальной структуры местных обществ в изложении ответственных работников той же категории. Исходя из подобных характеристик, партийно-советский аппарат Края и национальных областей выстраивал свою политику и деятельность в этих частях региона²⁸.

²⁸ Мы рассматриваем соответствующие характеристики Кабарды, Черкесии, Карачая и Балкарии вместе на том основании, что, при имевших место различиях между ними в плане социальной структуры, на общерегиональном фоне эти «структуры» имели много общего, а для советско-партийных чиновников представлялись однопорядковыми.

В закрытом письме Черкесского обкома партии ко всем ячейкам и кандидатским группам ВКП(б) области, датируемом 1927 г., содержалась «короткая историческая справка о сословиях». В ней говорилось:

Черкесия в прошлом имела своих князей... помещиков... почетных дворян, именуемых «тлекотлеши»... дворян второй степени, представлявших собой почти не отличавшиеся массы от крестьянства как по экономическому (положению), так и по их роли в органах царской власти, именуемые «уорк»... Основная масса горского крестьянства составляла 85—90 % населения. Из всех указанных сословий бывшие помещики и князья, за исключением единиц, доказавших свою преданность советской власти в период революции, являются чуждым классом советской власти... С начала революции до 1926 г. часть их осела в разных советских, кооперативных и проч. учреждениях.

В отношении них перед нами стоит задача, во-первых, решительной и четкой борьбы с ними как чуждым нам классом, во-вторых, отстранения от советской, хозяйственной, кооперативной и общественной работы и выдвижения на их место активных батраков, бедняков и середняков, преданных советской власти и ВКП(б). Совершенно иначе следует подходить к так называемому дворянству, узденству, потерявшему свои экономические привилегии 60-х годов, т. е. со времени освобождения крестьянства. Здесь мы имеем две категории, и поэтому смешивать их целиком всех с чуждым нам классом нельзя.

1. Дворянство, составляющее привилегированную, паразитическую часть, связанную в прошлом с помещиками и князьями, составляющими часть угнетателей народа своей национальности в виде чиновников царского режима, переводчиков, старшин и т. д., являясь наиболее культурной частью той или иной национальности, они пролезали и в советские учреждения в первый период советского строительства в нац. областях. К этой категории дворянства наше отношение должно быть отрицательным.

2. Другая часть дворянства, ведущая еще задолго до революции свое сельское хозяйство наравне с крестьянством, не связанная с княжеско-помещичьими элементами в прошлом, далекое от власти паразитизма, сросшееся в экономике и быту с крестьянством. К этой части дворянства, вернее, к ее батрацко-бедняцким, середняцким слоям надо относиться как к части нашей опоры в ауле и развернуть решительную борьбу с теми, кто пытается создать к ним враждебное отношение на сословной почве.

И наконец, наше горское крестьянство, составляющее огромное большинство населения, особенностью которого является неизжитый национализм, слабость классового сознания бедноты и середняков, благодаря чему кулачество не получало и не получает до сих пор достаточно полного отпора, кулачество наше еще не разбито и в отдельных звеньях бедняцко-середняцких слоев имеет влияние, оно тесно связано с духовенством, бывшими помещиками, князьями и угнетательской верхушкой дворянства, но, однако, для затемнения классового сознания оно стремится разжигать сословную борьбу [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 30. Л. 443—444].

Далее в «Письме» говорилось, что партия никогда не вставала на путь словной борьбы, наоборот, противостояла ей, переводя острие «борьбы» в плоскость классовых противоречий, которые в местной среде имели очевидную специфику²⁹. К этому партийный актив призывал и рядовых своих членов.

²⁹ «В отличие от других Нацобластей, Кабардино-Балкарская Область, как и родственные ей Адыгея и Черкесия, прошла полосу развитых феодальных отношений, в то время как в других Нацобластях либо этого не было (Чечня и Ингушетия), либо

Вы все помните период острой сословной борьбы, начатой в 1925 году темными антисоветскими элементами и поддержанной отдельными коммунистами. Вы помните также, что эта сословная борьба привела к разложению советского аппарата, разложению значительной части партийцев, шедшими рука об руку с темными беспартийными (силами) против партийной линии, и именно в это время мы имели рост в руководящих органах бывш[их] помещиков, князей и кулаков и крестьян (? — *Авт.*), тогда шло быстрым темпом засорение аппаратов чуждыми элементами. Классовая борьба была подменена сословной борьбой... Только полное уничтожение борьбы может обеспечить успех и исход всей перевыборной кампании, помните, что антисоветские элементы пытаются и будут пытаться использовать сословный момент, извращать линию партии для сохранения и упрочения своего положения в области, округах и аулах при перевыборах советов. Этим антисоветским попыткам должна быть противопоставлена четкая партийная линия, которая заключается в безоговорочном признании антипартийного и контрреволюционного характера сословной борьбы [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 30. Л. 445].

Действительность, сложившаяся в местной среде ко второй половине 1920-х гг. (а фактически еще до этого), характеризовалась тем, что «отдельные княжеские и узденские семьи обеднели настолько, что даже нанимаются батраками. Отрицательным в сословном вопросе является, во-первых, то, что некоторые местные работники хорошо видят бывших князей и узденей, но не замечают кулаков из карахалка («черного народа». — *Ю. К.*)... и во-вторых, то, что еще ничего не сделано для постепенной советизации наиболее опролетаризированных и бедных элементов из узденско-княжеских фамилий, а необходимость в этом назрела» [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 17. Л. 45]³⁰.

Все это отмечалось в 1928 г., т. е. по прошествии ряда лет советских организаций общественного быта населения. Фиксируемое документом положение незначительно отличалось от исходного. Схожим пестрят и другие документы того времени.

Классовая борьба совсем застыла, ни в чем не выражается, кроме как на бумаге (некоторые партийцы спокойно живут с зажиточными)... Кооперация также не авторитетна благодаря частой растрате... [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 30. Л. 465].

Необходимо отметить, что при перевыборах Советов граждане больше интересовались тем, кто же будет председателем Совета, а не в целом Советом. Здесь надо отметить, что работа Советов идет не совсем нормально, в большин-

они были только в зачаточном состоянии... Характером революционного процесса в Кабарде обусловлено активное первоначальное участие на стороне революции ряда попутчиков из социально чуждой среды, часть которых до самого последнего времени предпочитала отстаивать свои социально-классовые интересы внутри советского строительства и даже внутри партийной организации» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 498. Л. 36].

³⁰ Пролетаризация представителей княжеско-дворянских слоев населения имела место и в Карачае. Приведем фрагмент из решения Карачаево-Черкесского оргбюро РКП(б) о приеме в кандидаты и члены партии (1925 г.): «Крымшамхалов Таусултан Биясланович, рожд. 1899 г., социал. положение: крестьянин из князей, нац. карачаевец, происхождение из князей, Поручители <...>». Поясним: Крымшамхаловы наиболее влиятельная княжеская фамилия в Карачае. И далее: «Предложить переменить фамилию Крымшамхалов, после чего поставить на вторичное рассмотрение» [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 17. Л. 26].

стве своем все дела решает единолично председатель, в лучшем случае докладывая общему собранию (сходу граждан), или перед проведением того или иного мероприятия опрашивает общий сход, здесь (он) уже совсем не играет той роли, которую должен играть. На эту сторону работы Совета надо обратить серьезное внимание и выправить неправильную линию в их работе [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 22. Л. 112—113].

... Результаты прошлых ошибок не вполне изжиты. Узденский бедняк от нас оттолкнут, необходима правильная систематическая работа по приближению его снова к нам, и изъять его из-под влияния чуждых. Но вместе с тем, надо сказать, верхушка узденей Черкесии гораздо дальше от нас, чем в Карачае, и здесь необходима правильная политика под уклоном выявления и приближения лучших и отстранения худших... [Там же. Л. 81].

...Учитывая громаднейшую тенденцию со стороны княжеской и дворянской группы на местах быть в руководящих советских и общественных организациях, используя некоторые отрицательные явления, признать необходимым иметь сугубо осторожный подход к выдвижению их на общественную работу [Там же. Л. 23].

...В массе еще до сего времени значительно сохранились старинные обычаи и, в частности, привычка к подчинению бывшему привилегированному сословию... В силу такой обстановки большинство крестьян боится открыто выступать против дворянства и тем более давать свидетельские показания на суде в силу уверенности, что вслед за этим последует жестокая кровавая расправа [Там же. Л. 18].

* * *

На протяжении всего первого десятилетия функционирования новой власти отношение к советам на местах было далеко не однозначным.

Ситуацию начального этапа утверждения советов как формы самоуправления сельских обществ характеризует то, как проходили в 1921 г. выборы в местный совет в ауле Бол. Псеушко Туапсинского отдела Кубано-Черноморской области. Сельчане заслушали доклад о текущем моменте представителя из Туапсе, приняли приветствия «Совправительству, Красной Армии и РКП — руководительнице пролетарского движения», а затем перешли собственно к выборам. В протоколе значится:

После упорной подготовительной агитации и разъяснения о перевыборах (речь в действительности идет о выборах. — *Авт.*) и о значении советов, а также о необходимости таких перевыборов, после долгих прений и препирательства населения, было достигнуто согласие на перевыборы [ГАКК. Ф. р-102. Оп. 1. Д. 342. Л. 35].

Во второй половине 1920-х гг. положение с работой советов также не выглядело оптимистичным. Новые проблемы сводились к проникновению и засилью в советах нежелательных элементов — кулаков, духовенства, бывших служащих, белых офицеров и т. п. Ставка на формирование советов из представителей бедноты и батраков в целом не оправдалась. На краевом пленуме Национальной комиссии отмечалось:

В момент перевыборов советов в 27 году, как известно, мы сумели организовать бедноту, мы сумели обеднчить наши аульские советы. В этом отношении мы проделали большую работу. Но как только мы окончили перевыборы советов, так внимание к работе сельсоветов отпало... Кулак начинает подми-

нать под себя все наши аульские советы, кулак начинает быть хозяином в советах... [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 831. Л. 22—23].

Часто оказывалось, что по своему образовательному уровню, да и по моральным качествам бедняки-выдвиженцы не соответствовали руководящим должностям.

...У нас есть одна основная болезнь: мы всегда стараемся выдвинуть батраков, бедняков из среды партийцев на руководящие работы, но не обращаем внимания на их подготовленность, и в результате получается, что наши уважаемые коммунисты продаются суду (так в оригинале, вероятно, должно быть «подвергаются» или «предаются суду». — Ю. К.) и выкидываются из партии. Мы способны выдвигать, но не способны следить за их работой, помогать им, учить их, и в итоге мы бьем сами себя [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 9. Л. 20]³¹.

В то же время «за бедность» могли исключать и из партии (это по решению сельских ячеек, тогда как обком уверял, что «партия... должна бедных обратить в богатых» [Микоян 1975: 253].

В выборные кампании давали себя знать групповые пристрастия и интересы.

Столкновения отдельных социальных групп выразились в том, что более зажиточные и отчасти женщины и крепкие середняки говорили, что не могут руководить и управлять народом те, которые не могут руководить своим хозяйством... Наряду с социальными столкновениями были родственные, квартальные столкновения, каждый квартал желал провести больше из своего квартала, родственников... [ГА КЧР. Ф. р-307. Оп. 1. Д. 29. Л. 27 об.].

В Чечне имели место прецеденты отвода кандидатур в сельский совет на том основании, что они не имели «тейпа», а значит и авторитета [Барман 1931: 51].

Не в последнюю очередь проблемы с советами обуславливались и тем, что данный орган власти, на который центральная власть делала ставку в целях переустройства общественной, а отчасти и политической (вместе с партийными ячейками) жизни на местах, оказался не воспринятым населением. Работу советов как коллективного органа «нового» образца подменяли либо их главы, единолично выполнявшие весь комплекс обязанностей оных, либо общие собрания граждан (сельчан).

...В Сельсовете работает зачастую один Председатель. Это не голословно, тому имеется ряд примеров. Конечно, с работой он справиться не может. Нужно задания распределять между членами Сельсовета, чтобы в работе участвовали

³¹ Порой для работы в совете избирали людей помимо их собственной воли. Из «Рапорта» имярек в окружной Учкуланский исполком Карачаево-Черкесской АО, датированного 1923 г.: «При проведении советизации по Учокругу советом а. Учкуланского я был избран в предсоветы. Моя кандидатура была выставлена в мое отсутствие, и без моего желания и согласия я был поставлен на этот пост. Считаю своим долгом заявить, что как человек одинокий и кроме того как переселенец в новый аул Учкекен заявляю, принять эту должность не могу и категорически отказываюсь бесповоротно, прошу на мое место выбрать нового и считать меня уволенным, о чем одновременно даю и заявление совету а. Учкулан» [ГА КЧР. Ф. р-317. Оп. 1. Д. 1. Л. 4—4 об.].

все. Тогда только будет толк. У нас в Сельсоветах в качестве технического работника в большинстве сидит старый писарь. Каковы же результаты его работы? Результаты отрицательные. Мы знаем и достаточно оценили психологию старого волостного писаря. Каждый старый писарь работает в интересах зажиточного класса. И наконец... «хвостизм». Что это значит? Это значит, что Председатель Сельсовета и весь Сельсовет в целом идут в хвосте, население ведет их за собой, а не они ведут население. Мы еще низко снимаем шапки перед почтенными стариками — Председатель Сельсовета и члены Совета не возражают [ГА КЧР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 88. Л. 12—13].

Далее приводился пример, как в одном из селений Черкесии старики решили сдать несколько участков земли, а вырученные от сделки деньги направили на строительство мечети и дома для эфендия. Члены сельсовета не возражали, хотя в ауле не было зданий для школы и сельсовета.

Порой главы сельсоветов злоупотребляли своим положением. В одном из селений Балкарии председатель совета на казенные деньги построил себе дом, а при перегоне скота на пастбища через перевал брал мзду [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 45].

Сельские советы оказывались безынициативными.

Товарищи, какой у нас был взгляд на наши советы? Они были до сих пор в загоне, на них смотрели как на придаточный аппарат, который должен исполнять то, что ему скажут сверху, например, если ему пришлют повестки или дадут какое-нибудь задание, то действительно делать ему нечего, проявлять инициативы не полагается. И действительно, они до сих не являются хозяевами аула, они не руководят всей жизнью аула, не чувствуют себя ответственными за всю политическую и общественную жизнь аула... [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 8. Л. 60 об.].

«Советы на местах, — говорилось на Карачаевской областной партийной конференции, — до сих пор еще твердо не сложились как органы Советской власти и не осознали себя как коллективный высший орган власти...» [Там же. Д. 6. Л. 19].

Сводная картина по Северо-Кавказскому краю в 1924—1925 гг. выглядела следующим образом:

Руководители сельских советов в большинстве случаев не знали прав и обязанностей самого сельского совета, не могли разграничить их с правами и обязанностями сходов. Замена сельских советов сходами обычная вещь для этого периода. На разрешение сходов выносятся многие хозяйственные вопросы, подлежащие разрешению сельсоветов.

В одном из аулов Адыгее-Черкесской области общие собрания граждан созываются еженедельно и на них решаются все вопросы, которые выдвигаются участниками сходов. О предварительной проработке вопросов президиумами сельских советов не приходится и говорить. Она совершенно не практиковалась сельскими советами.

Работа президиумов сельских советов также чрезвычайно слаба. Объясняется это тем, что не везде члены президиумов уяснили себе цели и задачи, поставленные перед президиумами. Коллективность в работе советов совершенно отсутствовала, и там, где сельский совет не шел на поводу у сходов, работа проходила под единоличным управлением председателя, что в лучшем случае, а иногда и очень нередко вся работа сельского совета проводилась секретарем сельского совета (если председатель неграмотный, а секретарь мог и не быть

преданным советской власти, в секретари попадали грамотные — чуждые советской власти и могли делать что хотели).

Незнание законов обуславливало появление неправомочных распоряжений. Так, Ардонский сельсовет Северной Осетии решил штрафовать на 3 рубля женщин, посещавших кладбище с целью поминовения усопших [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 68—70]³².

Неудовлетворительная работа сельских советов при одновременном активном использовании крестьянами старых испытанных общественных институтов наблюдалась по всей стране. Некто А. Белобородов, дававший экспертные оценки в высшие инстанции по разным социально-политическим и экономическим вопросам, в самом начале сентября 1926 г. представил в ЦК ВКП(б) (копии Сталину, Молотову, Косиору и Швернику) пространную докладную записку о положении в этой области советского строительства. Она была написана на основе анализа итогов незадолго до этого прошедшей избирательной кампании в центральных губерниях страны. В записке отмечалось, что «соотношение политических сил, действующих в рамках нашего государственного устройства в деревне, не исчерпывается советской организацией, что это соотношение, при наличии установленных нашим Земельным Кодексом правил, относящихся к „Земельному обществу“ и при наличии действующих в силу обычного права сельских сходов, сказывается также и в этих организациях... В этих организациях, формально и по существу демократических, кроется в неизмеримо большей степени, чем в советах (при всех уклонах и извращениях, которые допускаются или могут допускаться при организации советов, т. е. при перевыборах), опасность завладения руководящей ролью кулацкими и антисоветскими элементами деревни». Происходило это потому, что в земельное общество, решающее важнейшие вопросы крестьянского хозяйства, входят представители всех слоев деревенского населения — кулаки, середняки и бедняки, и у кулаков возможность занять в нем руководящие позиции формально ничем не ограничена. То же наблюдалось и в институте сельского схода (сельского общества), в большинстве случаев территориально совпадающего с земельным обществом. А. Белобородов отмечал:

Весьма характерна одна подробность, устанавливающая взаимоотношения демократического земельного общества с недемократическим (я понимаю здесь демократию как формальный принцип) сельским советом: если границы земельного общества совпадают с границами сельсовета, то последний становится исполнительным органом первого [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 123. Л. 17—18].

А прямая взаимосвязь земельного общества и сельского схода предопределяет то, что сельские сходы создают свои исполнительные органы, выбира-

³² В свою очередь, общей для региона (как, вероятно, и для страны в целом) характерной чертой общественно-политической жизни на селе являлось отсутствие четких представлений о функциях партийной ячейки. На заседания совета в помещениях ячейки, как отмечалось в отчете Юго-Восточного комитета РКП(б) в 1924 г., собирались его члены, члены комячейки, комсомола, общественных организаций выносили решения и постановления от имени совета. «Содержанием партработы в аульских ячейках является обсуждение хозяйственных вопросов: ремонт дорог, школ, землеустройство, народное образование». Параллельно фиксировалась большая активность комсомольских ячеек по сравнению с партийными и советскими структурами на селе [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 354а. Л. 40, 45].

ют «уполномоченных», «старших по деревне» и т. п., во многом дублирующих действия представителей советских органов, но пользующихся большим авторитетом среди населения, ибо они осуществляют «непосредственную защиту крестьянских интересов» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 123. Л. 17—18].

Правительство довольно быстро отреагировало на высказанные автором этого документа (а вероятно, и другими лицами) замечания и предложения по указанной теме (тем более что недостатки в работе советов были очевидными). Правда, появившийся 14 марта 1927 г. законодательный акт ВЦИК и СНК РСФСР имел другую формулировку и цель — он легализовал общие собрания граждан сельских местностей.

В «Положении об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях» говорилось: «В целях наиболее полного вовлечения трудящихся масс деревни в работу по советскому строительству, а также в целях упорядочения этой работы в сельских поселениях и придания ей планомерности и организованности...» Далее значилось, что на таких сходах не могли ставиться вопросы, подлежащие рассмотрению общих собраний членов земельного общества, действующих на основании раздела IV части I Земельного Кодекса РСФСР, и наоборот. Далее оговаривался регламент созыва и проведения сходов — в порядке вещей было то, что сход созывал сельсовет, но правом инициативы созыва обладала и пятая часть жителей села, не лишенных избирательных прав [Собрание узаконений 1927: 598—600].

На местном уровне на данное «Положение» прореагировали надлежащим образом.

Признать Положение... вполне отвечающим местным условиям и не лишаящим инициативы сельских граждан в выдвижении вопросов на обсуждение общих собраний и в то же время сохраняющим за сельсоветами право приостановления незаконных или нецелесообразных постановлений общих собраний [ЦГА КБР. Ф. р-16. Оп. 1. Д. 100. Т. 1. Л. 230 об.].

Принятие указанного документа с очевидностью свидетельствовало, что советская система организации власти на местах, утверждавшаяся практически на протяжении десяти лет, буксовала. Появление данного постановления делало отсылку к общинным порядкам. Вместе с тем сельский сход, не имевший права решать вопросы землепользования, плохо вписывался в систему функционирования общины и ее институтов. То есть это явилось поверхностной уступкой былому общинному «мироустройству» крестьянства, отдельным элементам присущего ему гражданского общества, для центральной власти означавшей лишь вынужденное примирение с прежней «картиной мира» все еще преобладавшей в населении страны непростолетарской его части.

Узаконение сходов, как бы данный акт ни расценивался, привнесло новые формальности в отчетность сельских советов. Теперь, помимо прочего, им надлежало отчитываться перед вышестоящими инстанциями о количестве проведенных общих собраний и активности на них граждан [ГА КЧР. Ф. р-307. Оп. 1. Д. 38. Л. 3]. А вышеприведенные цитаты из документов более позднего времени, т. е. времени после принятия соответствующего «Положения», свидетельствуют о том, что оно принципиальных изменений в общественную жизнь, в работу советов не привнесло (практически одновременно с появлением данного «Постановления» центральной властью было принято поста-

новление об административно-хозяйственных правах сельских, станичных, аульных советов).

Однако проблемы с советами низового звена — сельскими, аульными — были далеко не единственными в плане организации жизни национальных обществ по новым правилам. Проблемы возникали и с функционированием там верхних этажей власти.

Власть верхнего звена

Не будем говорить о том, что руководство автономий в своем большинстве состояло из преданных делу партии и народа товарищей, действовавших во имя «светлых» идеалов и в интересах одной и другого (как они это понимали лично и в рамках установок сверху). Об этом много говорилось и писалось в советское время. Однако подобная однозначная интерпретация затушевывала другие стороны соответствующих личностей и иные характерные черты ситуаций в высших эшелонах власти на местах. (Впрочем, облики личностей и сами ситуации, по большому счету, в значительной мере являлись слепокми с того, что наблюдалось в Центре). Фигуры руководителей автономий в их человеческом и политическом измерении были далеко не однозначными, а ситуации вокруг власти часто отличались склоками, доносами, подсиживанием и т. п., что можно расценивать как борьбу «позиций» и «оппозиций» не только по политическим причинам, но и под влиянием национального, социального и т. д. факторов. Их можно опустить и до бытового уровня. Бытового в том плане, что одна личность другой или группе лиц либо одна группа другой и т. д. могла не нравиться по весьма заурядным причинам, а главное по тем, что мешали им самим войти во власть, дабы распоряжаться судьбами людей и «народов», может быть, во имя достижения идеалов (как они их понимали), а может быть, всего лишь ради личных интересов.

Дискуссии по таким поводам и вопросам на пленумах партийных и советских инстанций окружного, областного и т. д. уровня обретали жесткие и нелюбезные формы (благо обвинения в контрреволюционности, оппортунизме, шовинизме, национализме и т. д. и т. п. были в ходу по всей стране, начиная с верха). В результате кто-то оказывался победителем на короткий или длительный срок, ощущая и выдавая себя за лидера, вожда национального и т. д. масштаба. Проигравших же удаляли от власти или они сами удалялись (бежали) подальше во имя собственного спасения.

По большому счету, в подобных историях мало оригинального. Борьбу за власть всегда и всюду сопровождают некие универсальные формы и явления. Но коль скоро в данном случае мы рассматриваем «историю» народов Северного Кавказа, то и представим соответствующие материалы в том виде, как они зафиксированы в архивных документах, а также в мемуарной литературе, т. е. без натяжек и тенденциозности. Излагаемое ниже не претендует на полноту характеристик героев и ситуаций, однако дает более объемное представление о том, что «там» было и как развивались события, вписанные в историю национально-государственного строительства в одной или другой части региона, и кто, какие личности стояли за происходившим.

Старые большевики и герои гражданской войны этой автономии писали в вышестоящие инстанции в десятый год победы революции о неблагоприятном положении в местной парторганизации:

Вот уже ряд лет наша Осетинская организация разъедается склоками, дрязгами, клеветой против старых партработников и т. д. Многие «товарищи» здесь, которые, казалось бы, по своему прошлому простого доверия партии не заслуживают, являлись и являются активными деятелями и руководителями этой травли и склоки. И такие «работники» теперь добрались до положения ответственных руководителей — членов бюро нашей Областной организации. Они вели политику в интересах политического уничтожения части наиболее старых признанных стойких большевиков-революционеров [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 526. Л. 2].

В данной национальной области в эти же годы также наблюдалась групповая борьба. Но в отличие от Черкесии, Карачая, Кабарды она строилась не на сословных или межнациональных противоречиях, а на разногласиях между представителями двух основных субэтнических групп осетин — иронцами и дигорцами. Пространная характеристика данных разногласий будет представлена в другом месте. А здесь мы только отметим те их аспекты, которые проявились в работе верхнего эшелона областного руководства, в частности во время окружных и областных партконференций.

В документе, составленном для Северо-Кавказского крайкома, читаем:

В 1927—28 гг. проявлениями этой борьбы были: 1) борьба трех групп (Буракаевская, Хутинаевская, Такоевская) за руководство во время 3-й Областной партконференции, закончившаяся победой первых двух групп над третьей; 2) известное заявление в Ц.К.К. от 19-ти коммунистов между 3-й и 4-й област[ными] партконференциями, обвиняющее теперешнее руководство в ущемлении Дигории и дигорских работников, указывающее на засоренность партактива и требующее проверки этого актива со стороны Ц.К.К.; 3) неудавшаяся попытка такоевцев свалить теперешнее руководство во время 4-й облпартконференции; 4) обострение группировочной борьбы после снятия председателя Дигорского Окрисполкома Арсагова за упущения во время хлебозаготовок, выразившееся в попытках поднять партачейки, пленумы сельсоветов и сельские сходы на протест против снятия и в некоторых местах удавшихся; в открытой и скрытой агитации отдельных активных группировщиков, во взаимных оскорблениях, обвинениях и т. д. и т. п.

Исследование и анализ причин устойчивости групповой борьбы показывает, что в корне ее лежала и лежит борьба за власть и руководящие места в партийном и советском аппарате, к которой в равной мере причастны все бывшие до сих пор и имеющиеся группы. От первоначальной иронно-дигорской борьбы, вытекавшей из противоречия между большой революционной ролью Дигории и ее небольшим количественным весом в области (около 1/3 населения) и ошибок прежних лидеров организации (Мансуров, Такоев), внутри парторганизации остались только традиции, поддерживаемые единицами особенно ретивых группировщиков, различными категориями обиженных и отчасти находящимися не у дел бывшими красными партизанами-дигорцами. Утверждение об ущемлении Дигории в хозяйственных и социально-культурных мероприятиях надуманное. В составе работников, состоящих на номенклатурном учете Облкома, из 111 имеется 66 иронцев, 30 дигорцев. Противопоставление Дигории Иронетии и наоборот встречает решительный отпор в партийных массах, не исключая и ди-

горской организации. Преобладание дигорцев в Такоевской группе и иронцев в Борукаевской объясняется главным образом местничеством, фамильными связями, совместной работой в прошлом, кумовством, сложившимися в прошлом обоюдными групповыми интересами и т. д. Партийная масса — середняк и подавляющая часть актива окружных парторганизаций и часть областного партактива стремятся к самой решительной ликвидации этой борьбы, поддержали бы и поддержат все мероприятия в этом направлении.

Однако Бюро Облкома эти здоровые стремления не использовало, а наоборот, само допускало ошибки, усугублявшие группировочную борьбу.

К ошибкам были отнесены неоправданные назначения на различного рода посты и необоснованные снятия с должностей лиц, так либо иначе связанных с упомянутыми группировками. Отмечалась и засоренность партийной организации и советского аппарата офицерами царской и белой армий, чиновниками дореволюционного времени, лицами духовного звания, так называемыми зажиточными коммунистами и т. д. Как следствие этого отмечались факты вынесения судебных решений (при содействии партийных и советских руководителей низового звена) в пользу представителей бывших «благородных» сословий и в ущерб сельским обществам [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 670. Л. 26—27].

Вывод крайкома гласил: «Сплочение актива парторганизации на основе немедленной и окончательной ликвидации группировочной борьбы в активе». В качестве средств достижения этого значились и карательные меры: партзыскания вплоть до исключения из партии [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 670. Л. 11].

Карачаево-Черкесия

Пожалуй, наиболее сложное положение в середине 1920-х гг. наблюдалось в Карачаево-Черкесской автономной области (о чем уже говорилось в предыдущей главе).

Концом 1924 г. датируются малые и большие по объему докладные записки и справки, которые представляли в инстанции Северо-Кавказского края члены группы ответственных работников, направленных в КЧАО для изучения ситуации и исправления положения в ней. В одной из депеш они писали:

Мы русские ответственные товарищи (это были лица, назначенные на должности прокурора, военного комиссара, зав. отделом пропаганды, заместителя секретаря оргбюро области и др. — Ю. К.), присланные Северо-Кавказским комитетом партии для усиления и налаживания работ в области. Приезд некоторых из них совпал с моментом, когда здесь уже шла склока между черкесами и карачаевцами, а также и внутри черкесов по сословному вопросу. С момента нашего приезда каждая из этих групп старалась позондировать среди нас почву в сочувствии. Положение для нас, русских, создалось действительно тяжелое, когда все группы просят у нас моральной поддержки в отдельности и объясняя нам всю историю и начало этой склоки, и каждая, конечно, как полагается, считает себя правой.

Далее они писали, что не хотят ввязываться в тамошние междоусобные разборки и просили прислать в область специальную комиссию. Заканчивалась их краткая депеша такими словами:

Так как наше выступление на открытом общем собрании отв. работников без получения предварительно Вашей директивы, безусловно, вызовет антагонизм по отношению к нам, а может быть и возбудит страсти со стороны нац. работников, просим нас выслушать в отдельности до общего собрания отв. работников [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 128].

В архиве не удалось обнаружить материалов встречи, о которой просили эти ответственные работники, а также их пояснения по наблюдавшейся ситуации. Однако в нем представлены пространные документы, характеризующие сословные противоречия, которые обозначились в черкесском обществе в советских условиях.

В частности, имеется объяснительная записка лиц, занимавших различные ответственные должности в административных органах Черкесии:

На заседании в ночь под «...» декабря с. г. (1924. — Ю. К.), где присутствовали Вы — представители Крайкома РКП(б), горцы национал-работники тов. <...>, именующие себя представителями крестьянской горской массы, происходя из крестьянского сословия, не останавливаясь ни перед чем, обливая грязью, старались обрисовать нас перед Вами в таких темных красках, что, наверное, иному покажется, что мы являемся ярыми врагами горской крестьянской бедноты, что мы являемся главным тормозом в пробуждении крестьянства и что наша работа направлена исключительно во вред интересам бедноты и высоким идеалам Советской Власти и Российской Коммунистической партии (большеви-ков). Обвинения их были крайне огульны и ни на чем не основаны, ибо они являются следствием личных счетов с отдельными личностями из нас.

Желая Вам представить всю картину в истинном своем свете, мы осмеливаемся перечислить упомянутые в тот вечер обвинения, кои они возводили на нас, и дать по каждому пункту обвинения исчерпывающие ответы с вполне обоснованными доводами, дабы Вы могли уяснить себе истину, которая Вам необходима будет в конечном итоге при вынесении своего заключения по поводу тех разногласий, кои имеются у нас в Карчеравтобласти между совработниками черкесами.

Далее они перечисляли несколько пунктов инкриминируемых им обвинений. Основным значилось засилье в советском аппарате бывших дворян и князей. Следующие обвинения логически вытекали из него. Это якобы имевшие место расстрелы крестьян («а дворян не расстреливают»), сознательное закрытие уголовных преступлений, в которых замешаны представители дворянства, препятствование заселению крестьянами бывших частныхладельческих участков дворян, препятствование зачислению выходцев из крестьян в учебные заведения, прием беженцев из Кабардино-Балкарии, наконец, «очень плохое политическое прошлое» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 129—129 об.].

«Ответчики» подробно отводили от себя все обвинения. При этом они подчеркивали, что прошлое и их обвинителей далеко не безупречное, что некоторые из них сами имеют дворянские корни, а другие были связаны с белым движением. «...Главной причиной склоки, — писали они в своем объяснении, — являются ПОРТФЕЛИ, за которые вышеупомянутые пять совработников-черкесов поднимают бучу, стараясь показать, что причиной этих склок является наше засилье и пренебрежение к интересам крестьянской массы, чего, конечно, на самом деле нет...» [Там же. Л. 132].

Судя по всему, подобные объяснения не устроили членов краевой комиссии РКП(б), которая в заключении о своей работе сочла необходимым отметить якобы действительно имевшее место засилье в органах власти представителей дворян и князей. И так практически по всем пунктам озвученного «истцами» заявления. В составленном комиссией документе говорилось:

До последних перевыборов было в 22 населенных пунктах председателями Сельсоветов — в 8 пунктах князья, в 11 пунктах — видные дворяне, в одном — эфенди, и только в 3-х крестьяне... В массах говорят: «Князья правили, правят и будут править». В совпартшколу тоже попало несколько детей кулаков...

Далее речь шла о просчетах или, что более серьезно, о неверной политической линии конкретных лиц, в частности главы черкесской части областной администрации Даута Гутекулова:

Т. Гетекулов, оправдывая линию, проводимую Оргбюро, объяснил, что брать князей и дворян заставляет недостаток работников, но само Оргбюро дало указание на последних перевыборах дворян не проводить [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 136 об.].

Члены краевой комиссии посетили несколько черкесских аулов, где поинтересовались, почему в органы власти там избирали князей и дворян. В ряде случаев им объясняли это тем, что и в округе, и в области были дворяне, так что естественным выглядело избрание дворян на ответственные должности и в аулах. Старики же аула Хохондуковского заявили членам комиссии, что «князья ничего плохого не сделали, и почему не выбрать князей, а наши заявления, что князья и дворяне отодвинуты на последние места не только в русских, но и во многих горских областях, были приняты частью собравшихся с видимым недоумением и даже недоверием» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 139—139 об.].

Подобная реакция — отражение тех местных социальных традиций, в свете которых представители разных социальных групп, а по марксистской терминологии — классов исполняли в общественной системе различные функции. Можно даже сказать, в рамках подобной системы им, в том числе князьям и дворянам, было предписано их исполнять, «управлять». Так что и в изменившихся политических условиях сохранение надлежащих ролевых позиций воспринималось естественным, и наоборот, отказ от них воспринимался как явление не вполне нормальное.

Однако практика учитывать подобные особенности местной социальной среды плохо вязалась с общим курсом ее советизации и в итоге от нее, естественно, отказались. В «Предложениях» краевой партийной комиссии по стабилизации ситуации в Карачаево-Черкесской области значилось:

По отношению к черкесскому населению: решительный поворот курса на крестьянство при подборе руководящих работников в областном центре и на местах, снятие с ответственных постов наиболее ярких представителей дворянства [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 146].

Рекомендации той же комиссии в отношении других основных групп населения области не включали в себя подобных «классовых» рекомендаций, так как не столько структура местных обществ принципиально отличалась от

таковой у черкесов, сколько различался порядок жизнедеятельности этих обществ. В «Предложениях» говорилось:

По отношению к карачаевскому населению: принятие мер к более правильному обложению крупных скотоводов и недопущение их использовать в своих исключительных интересах земель (накосов), предоставляемых карачаевскому населению. Преимущественное выдвижение представителей крестьян и трудового населения на руководящую Советскую работу в центре и на местах.

По отношению к ногайскому населению: специальное обследование для выяснения тех экономических и культурных мер, которые необходимо срочно принять, чтобы вывести ногайцев из того упадочного состояния, в котором они сейчас находятся (особенно меры медицинской помощи против возможного вырождения) [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 146].

Очевидная разноплановость предложений комиссии объяснялась тривиальными причинами — конкретикой жизненных обстоятельств соседствующих национальных обществ. Перед одними стояли проблемы выживания. В других, более благополучных в материальном отношении, на первое место выходили вопросы упорядочения общежития в новых условиях, в результате чего борьба за «портфели» сопровождалась внутренними склоками. Благообщая политическая обстановка этому способствовала.

Однако склоки перерастали в преступления. В той же Черкессии, с 1926 г. уже представлявшей собой самостоятельный автономный округ, разгорелись нешуточные страсти. Как отмечалось в документе, составленном в местной партийной организации, население округа разделилось на две части, и у каждой был свой лидер, в некотором роде знаковая фигура. Это были начальник земельного управления, потом заместитель главы исполнительной власти области Асланбек Калмыков и первый секретарь обкома Даут Гутекулов. Первый был из крестьян и сформировал рядом с собой группу работников из того же сословия, «подбирая их под непосредственной поддержкой своих действий и даже из наиболее влиятельного среди горских масс зажиточного элемента и горской интеллигенции»:

Гутекулов в то же время сгруппировал вокруг себя обиженных политикой Калмыкова работников узденской группы. Тот и другой в своей борьбе привлекали на общественную работу даже лиц из уголовного элемента.

Так у власти в области и на местах находилась крестьянская группа Калмыкова, относившая бывш[их] узденей, князей и лиц, недовольных политикой Калмыкова, к врагам Советской власти, и в то же время [группа] сторонников Гутекулова, вслеськи старавшихся дискредитировать в глазах населения и высших органов власти весь состав группы Калмыкова, выставляя таковую как сборище исключительно уголовного элемента, подкрепляя это собиранием различными путями материалов. При таком положении у бандитов, преследуемых Калмыковым, сложилось убеждение, что защитой их от преследования власти является группа Гутекулова, которая может прийти к власти в области устранением Калмыкова, отсюда возникла идея убить Калмыкова, что и было приведено в исполнение 12 марта с/г.

Эта идея бандитов через их посредников и укрывателей была широко известна горским массам, с момента же убийства была подхвачена и углублена рядом лиц из группы сторонников убитого в целях окончательно скомпрометировать и добить узденскую группу во главе с Гутекуловым.

Ввиду того, что собрать материал, которым можно было доказать в судебном порядке причастность Гутекулова к убийству не удалось, несмотря на вы-

ставление ложных свидетелей, была использована кровная месть и убит Гутекулов.

Принятыми репрессиями в отношении наиболее активных участников разжигания сословной борьбы таковая внешне значительно успокоилась, но продолжалась в открытых (скрытых? — *Авт.*) формах, все более усиливаясь и подыскивая новые формы для вспышки [ФГА КЧР ЦДНИ. Ф. п.-1. Оп. 1. Д. 22. Л. 67—68].

Далее, с указанием целей — предотвращение нового обострения межсословной борьбы и нейтрализация соперничающих групп, — следовала адресованная крайкому просьба обратиться в ЦК для утверждения судебных приговоров по указанным преступлениям [Там же]. Среди же населения предписывалось проводить широкую разъяснительную работу о вреде бандитизма, об отношении советской власти к кровной мести, а также «усилить надзор за незаконным действием местных органов власти» [Там же. Л. 68].

Сложное на собственный лад положение лиц, облеченных властью, складывалось и в соседнем с Черкесией Карачае.

Первым руководителем Карачаевского округа, жившего еще в рамках Горской Республики, был неоднократно упоминавшийся ранее Умар Джашуевич Алиев. В литературе советского периода он однозначно характеризовался как пламенный революционер, партизек, общественный деятель [Борцы за власть 1967: 29—50]. Его карьера, на первый взгляд вполне успешная (после Карачая он работал в краевых и союзных организациях), на самом деле противоречива, особенно в той ее части, которая относится к его деятельности на родине.

В 1922 г. в Юго-Восточное бюро РКП(б) почти одновременно было направлено два заявления (доклада): одно от в то время председателя Карачаево-Черкесского областного ревкома Курман-Али Курджиева (параллельно оно было отослано в Наркомнац), второе от Умара Алиева, работавшего тогда уже вне пределов Карачаево-Черкесии. Оба документа касались ситуации в Карачае и — шире — Карачаево-Черкесии. При этом Курджиев большую часть своего доклада посвятил развенчанию образа и деятельности У. Алиева, последний же дал характеристики новым претендентам на власть в области и заодно достаточно подробно изложил факты своей деятельности в 1920—1921 гг. в должности председателя Карачаевского окружного ревкома и секретаря Карачаевского оргбюро РКП(б).

Напомним об активном отстаивании Алиевым в этот период интересов Карачая через перераспределение земель (на уравнильных началах) с Кабардой³³, позднее же через выделение Карачая из состава Горской Республики. Он был достаточно искусным политиком и для достижения целей умел лавировать. Впрочем, это не всегда ему удавалось. В частности, ответственность за неудовлетворительное решение земельного вопроса в Карачае, за эскалацию военного конфликта с Кабардой и ввод войск для урегулирования последнего другими руководителями округа возлагалась персонально на него. А инициированный им же вопрос о выходе Карачая из состава ГАССР вызвал беспокойство в Центре, в связи с чем осенью 1921 г. для изучения ситуации на месте и решения вопроса о «товарище Алиеве» была создана комиссия под

³³ В декабре 1921 г. Алиев направил в Народный комиссариат по делам национальностей докладную записку под названием «История национальной розни между Карачаем и Кабардой и земельный вопрос» [Докладная записка 2010].

председательством Ш. Ибрагимова, на заседаниях которой отмечались «не тактичность и диктаторские замашки», «царские замашки» тов. Алиева, плохое знание им местных условий, так как до этого он не жил в Карачае. Однако, принимая во внимание определенные его заслуги и учитывая недостаток опытных работников, было принято решение оставить У. Алиева в Карачае [Кажаров А. 2010: 84—85]. Правда, работал он там недолго. В феврале следующего года его отозвали в распоряжение Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и направили в Дагестан; затем в течение двух лет он работал в Большой коллегии Наркомнаца, а с начала 1925 г. — в Северо-Кавказском крае.

Кабардинский историк А. Г. Кажаров критически оценивает взгляды и деятельность Умара Алиева, в первую очередь обвиняя его в тенденциозной подаче Центру истории кабардино-карачаевских и — шире — кабардино-северокавказских отношений. Имея в виду Алиева, Кажаров пишет:

Зарождавшаяся советская элита горских народов искала любые средства и механизмы легитимации нового статуса для реализации своих политических амбиций. Однако У. Д. Алиев, действуя авторитарными методами, оттолкнул от себя советский и партийный аппарат Карачаевского округа... Плохо скрываемые националистические настроения, не вписывавшиеся в идеологические схемы большевистской власти, также не способствовали укреплению его авторитета и в глазах представителей центральной власти [Кажаров А. 2010: 89].

Обличавший Умара Алиева в упомянутом заявлении в Наркомнац и в Юго-Восточное бюро РКП(б) Курман Курджиев писал, что первый, «набрав Карачаевских работников, старался разрешить все вопросы единолично... при этом сумел внушить Карачаевским работникам, что он имел крупные связи с Центром... всесилен, и только лишь некоторые из окружных работников, из коих в большинстве русские товарищи, вступили с ним в борьбу». Однако они (военком Оксман, зав. политбюро Тумвинский) потерпели неудачу и были сняты с должностей. Для укрепления своих позиций Алиев якобы искал «твердую почву для себя в самом Карачаевском народе, а так как влияние в массе имели только зажиточные и уголовно-бандитские элементы, Алиев сговорился с ними». Как следствие этого — рост бандитизма и решение земельного вопроса в пользу «скотоводческого кулачества». «Местная власть игрушка в руках бандитов и кулачества. А Алиев докладывал Горскому облпарткому, что бандитизма нет, и говорил о своей популярности в народе». И после снятия его с должностей в округе Алиев якобы продолжал плести интриги в борьбе за личную власть. Поэтому, заключал К. Курджиев, «необходимо создать условия, совершенно изолирующие влияние Алиева» [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 61. Л. 13—15].

Сам же У. Алиев, защищаясь от предъявленных ему претензий, в упомянутом письме в Юго-Восточное бюро РКП(б) от 5 марта 1922 г. приводил сведения о том, что активно работал в Карачае только один год, председателем же исполкома и ревкома состоял только четыре месяца, а после выделения Карачая из Горской Республики «не играл... роли руководящей во всех делах, даже не был включен членом Оргбюро Карачая». Поэтому, заключал он, «сваливать все недостатки... на меня» нет оснований.

Посему я просил бы рассмотреть настоящее мое заявление не как исходящее из-за каких-нибудь интересов, а как исходящее из уст первого революционера и коммуниста из среды пастушеского народа Карачая, идейно и честно

служившего революции с первых же дней ее, а что касается вопроса о связи моей с бандитами, это еще вопрос... Из-за одного какого-нибудь неосторожного шага, не принесшего никакого вреда делу революции, сделанного по своеобразным соображениям в интересах дел, не следует сразу рассматривать по поверхности как преступление и относиться с недоверием, ибо такие неосторожности могут убить полезные силы в деле революции [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 63. Л. 1—1 об.].

Параллельно он дал характеристики Батчаеву и Герюгову, которых прочили в Карачаевский ревком:

В связи с этим считаю своим долгом чести перед партией сообщить Вам некоторые документальные сведения об этих двух кандидатах:

1). Герюгов Алисултан — техник по образованию, кулак... по социальному положению. Бывший член Краевой Рады. При Деникине активно выступал в Раде и печати... против большевиков в 1918—19 гг. Когда я начал в Карачае организовывать власть в конце 1920 года, он примазался ко мне якобы как член РКП с 1918 года... Когда мы навели справку у Батапашинской организации РКП, последняя официально дала ответ, что Герюгов у них не состоял, и на основании этого он был исключен из партии Комиссией по очистке.

2). Батчаев Магомет — студент, единственный сын кулацкой семьи, которая имеет свои дачи в курорте Теберда. Отец его... дворянин в социальном отношении.

Записался он в партию членом комячейки, секретарем которой состоял его зять... Во время Хвостиковского восстания (восстания под руководством ген. Хвостикова. — *Авт.*) летом 1920 года... участвовал в нем лично в контрреволюционном отряде Крымшамхалова, принимал участие в изрублении целой роты красноармейцев... В политическом отношении тоже безнадёжный. При очистке партии был исключен из рядов кандидатов РКП и отстранен от ответственной должности.

Вся эта компания после окончательной победы Красной Армии... примазалась к советской власти из корыстных целей и организовала в Теберде комячейку после Хвостиковской авантюры с целью прикрытия, и начали вести бой сразу со старыми своими родовыми врагами...

Пусть скоропеременность политики, революционность вчерашних приверженцев Хвостикова и Деникина, сколько бы они ни хитрили как красноречивые интеллигенты, не обманывает наших товарищей. X съезд партии и 2-й конгресс Коминтерна (Алиев участвовал в их работе. — *Ю. К.*) по национальному и колониальному вопросу особо подчеркивают необходимость с особой осторожностью подходить к таким скороходным лжекоммунистам — интеллигентам среди отсталых восточных народностей [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 63. Л. 1].

В качестве приписки к письму значилось:

По полученным недавно мною сведениям, говорят, что Курман Курджиев в 1918—19 гг. в Ставропольской губернии стоял во главе кулацкого вооруженного движения среди туркмен (где он к моменту революции жил) и вел борьбу против советской власти, а после поражения скрывался и бежал в Карачай. Просьба, если можно, допросить Ставропольскую организацию из тех партработников, которые в 1918 г. руководили революционным движением в данном (туркменском) районе об «УСАТОМ УЧИТЕЛЕ СРЕДИ ТУРКМЕН». Говорят, что он так там назывался «усатым» за его необыкновенно большие усы [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 63. Л. 1 об.].

Вслед за письмами Курджиева и Алиева в Юго-Восточное бюро ЦК поступило письмо от ответственного работника аппарата Горреспублики Николая Гикало:

Карачаевские коммунисты все с националистическим уклоном (это я выяснил, устроив собрание всех), полные восточного лицемерия и интриганства. Самый крупный по своему интеллектуальному развитию и образованию, безусловно, Алиев, это не отрицают и его противники...³⁴ Алиева можно было бы использовать раньше достаточно хорошо, до экспедиции (военной. — Ю. К.) в Карачай, теперь в Карачай пускать его нельзя... Сейчас создалось, по моим наблюдениям, такое положение: а) новый Ревком недостаточно авторитетен; б) слаб в организационном и идейном отношении; в) как члены Ревкома, так и отдельные товарищи между собою не связаны интересами работы (прежняя склока, если можно так выразиться — еще витает над ними)... друг другу не доверяют. Настроение в массах в связи с обезоруживанием глухо недовольное, с обострением национальной вражды и обиды... Ревком не из кого составить, и последний Карревком в составе: Курджиева, Соснина, Хубиева, Батчаева, Байкулова, единственный, который можно составить из наличия имеющихся работников... Выводы: 1) необходимо срочным порядком перебросить серьезного, выдержанного Секретаря Оргбюро и еще двух или трех областного масштаба работников для работы в важнейших аппаратах Ревкома... [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 61. Л. 1—1 об.].

Весной 1922 г. вскоре после образования Карачаево-Черкесской автономной области председателем ее исполкома был назначен Курман-Али Курджиев, и пробыл он в этой должности до 1926 г., фактически до разделения КЧАО. Председателем исполкома вновь образованной Карачаевской АО он не стал (эту должность до конца января 1927 г. занимал М. И. Батчаев). Причиной тому послужили заявления главы партийной организации (оргбюро) Карачаевской области А. П. Киселева, в которых содержались претензии к стилю работы и отчасти к решениям и действиям Курджиева на высоком посту³⁵.

³⁴ Представители командования частей, осуществлявших военную операцию в Карачае, также давали оценки местным «важнейшим» персонам и их деятельности. Так, один из них сообщал по инстанции: «Возвращение Алиева безусловно придало прочности Соввласти... Власть (на местах) осколок центральной власти, реорганизация соваппарата необходима. Начать сверху. Персонально (в) Карревком выдвигаем Куатова, Герюгова, Урусова, Курджиева» [РГАСПИ, Ф. 65. Оп. 1. Д. 61. Л. 9]. Другой давал иные оценки:

«... Необходимо отметить как характерный факт — в горских Ревкомх сидели на ответственных должностях лица из кулацкого элемента, это лишь потому, что в окружении Ревкома то же самое — сидели ответственные работники, так называемые коммунисты, которые являются чуждыми коммунистической партии и Соввласти, как то член ВЦИК, Предкарревкома Алиев и его заместитель Хасанов, и проводили свою гнусную антикоммунистическую политику, примером как факт приведу следующее: Зампредкарревкома Хасановым был собран довольно веский материал (о) неправильном ведении коммунистической линии и разжигании национальных чувств своего народа, наталкивая последний в бой против кабардинцев...» [Там же. Л. 3 об.].

³⁵ В материалах, собранных А. И. Микояном и отражавших его работу на Северном Кавказе, есть неопределенно датированная 1922—1924 гг. запись, в которой содержится следующая информация: «В течение 2-х лет идет борьба части русских и черкесских работников за снятие предисполкома Курджиева. Неожиданно Карачаево-Черкесское оргбюро исключило из партии и сняло с поста председателя исполкома

Весной 1927 г. встал вопрос об избрании нового руководителя исполнительной власти области, и вокруг этого разгорелись нешуточные страсти.

Курджиев, пользовавшийся в народе большой популярностью и являвшийся реальной кандидатурой для повторного избрания на должность председателя исполкома области, отказывался работать вместе с секретарем областного оргбюро Киселевым. Впрочем, и последний настаивал на том, что Курджиев по разным причинам не заслуживает упомянутого поста. Для нас материалы этого личного конфликта интересны тем, что они позволяют оценить социальную и политическую обстановку в области, связанную с особенностями ее резко трансформировавшейся при новой власти системы общественных связей. После выведения за рамки политической активности местных князей основными фигурантами общественной жизни там оставались *уздени* (в документах они именуются *узденинами*) — представители социального слоя, который совмещал права свободных крестьян и благородного сословия и *кулов* — зависимого крестьянского сословия. В материалах нашли отражение и сюжеты, связанные с межнациональными отношениями.

Посредником в данной конфликтной истории выступал Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б), и ему адресовались обращения и докладные записки непосредственных участников конфликта и лиц, так либо иначе причастных к нему.

Некто А. Письменный, посланный краевой инстанцией в область для изучения ситуации, в ответах (март 1927 г.) на поставленные крайкомом вопросы однозначно разделил позицию Курджиева:

Популярность К. очень велика в Карачае; подавляющее большинство съезда (который должен был избрать нового predisполкома. — *Авт.*) за него, как кула, так и узденина; Курджиев, будучи в течение 8—10 месяцев отстраненным от руководящей работы, не предпринимал никаких мер, чтобы создать среди карачаевцев мнение в свою пользу к перевыборам... Карачай за Курджиева — и кулы, и узденины, и это потому, что:

- 1) при Курджиеве сословной розни почти не было — это заявление всех тех, с кем я беседовал, за исключением т. Киселева, утверждающего противное;
- 2) Курджиев много сделал для Карачая...

Я особенно хочу Бюро обратить внимание на то, что большинство — подавляющее — хочет «иметь председателем своего человека» — так мне заявляли все делегаты, и таким человеком они считают Курджиева. Нужно считаться с этим, потому что карачаевец 27-го года уже не тот, каким мы его знали два—три года тому назад. Конечно, авторитет Крайкома здесь очень велик, и если Бюро прикажет, можно провести и чёрта в Председатели, но очень большой осадок горечи у населения останется.

Вот почему я убежден в том, что Курджиев единственный пока кандидат в Председатели Облисполкома. И его нужно, необходимо провести... (здесь и ниже подчеркнуто в оригинале. — *Ю. К.*)

Т. Киселев, который, не имея еще директивы Крайкома, популяризировал Герюгова и подбирал обл. аппарат, — и подобрал и неудачно и методами нажима самого худшего свойства (на эту ошибку его я указал т. Киселеву) смог выдвинуть против Курджиева обвинения:

1. Курджиев груб, нетактичен, но зла не помнит (это последнее признает и сам т. Киселев).

Курджиева, не имея на то ни формального права, ни по существу. Правильно, что Бюро Крайкома отменило это решение» [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 296. Л. 77].

2. Курджиев не сможет объединить вокруг себя советский актив.
3. Курджиев не сработается с оргбюро.
4. При Курджиеве еще больше обострится сословная рознь и что узденины только с провокационной целью теперь поддерживают т. Курджиева, чтобы затем, дискредитировав его, окончательно свалить его.

...Меня очень неприятно поразил тот соус, которым были одобрены эти аргументы. Этот соус заключался в следующем: «Я очень хорошо узнал и знаю Карачаевскую область и карачаевцев; и я знаю, что сословная борьба всегда была очень резка в Карачае и при Курджиеве, но только в крае ее не замечали» (срок работы Киселева в Карачае на тот момент исчислялся полутора годами. — *Авт.*).

Курджиев сработается с Бюро и его секретарем, если секретарь будет подходить к К. без предвзятой мысли, без перекоса грубых по форме — я бы сказал резких выступлений Курджиева в плоскость личных отношений. Я убежден, что т. Киселев и не пытался еще поговорить с К. по душам; об этом я ему сегодня сказал, и он с этим согласился, однако повторил, что он с К. не сработается.

Я думаю также, что мнение т. Киселева о том, что узденины, поддерживая Курджиева сейчас, ведут провокационную политику, неверное мнение.

Я думаю также, что большая популярность Курджиева, несмотря на то, что т. Киселев старался обработать мнение против него, стала для него неожиданным фактом, который лишний раз доказывает, как «хорошо» знает и узнал Карачай т. Киселев.

Я изложил существенное. Т. Киселев также отправляет письмо. Настаиваю, чтобы Бюро мне ответило... согласно ли оно с моими предложениями или нет...

Я бы просил Бюро только об одном: если Бюро не согласится с моими предложениями, освободить меня дальше от присутствия на Съезде и на Пленуме: очень тяжело проводить то, что считаешь нецелесообразным.

Р.С. Сегодня т. Герюгов сам снял свою кандидатуру в Пред<седатели обл-исполкома>, считая, что К. — единственный кандидат. Должен заверить Бюро, что согласно указаниям т. Чудова, я в эти дни не проводил никакой подготовительной работы в пользу того и др. кандидата [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 504. Л. 60—66].

Тов. Киселев, как и указывал цитированный автор, тоже направил послание в Ростов с изложением собственных доводов. В нем говорилось:

Мое глубочайшее убеждение — путь оздоровления организации — ликвидация сословной розни и обеспечение условий сработанности ответработников обоих сословий лежит вне Курджиева и Батчаева (Батчаев сменил Курджиева на посту во время отставки последнего. — *Ю. К.*). Возврат к Курджиеву есть возврат к батьковщине, атаманщине, подавление одного сословия другим, короче говоря, обострение сословной борьбы неизбежно... Неправда, когда говорят, что при Курджиеве не было сословной борьбы; она была, но затушевывалась межнациональными спорами при борьбе карачаевцев с черкесами и русским районом в бытность единой Карачаево-Черкесской Автономной Области; с разделением КЧАО и переходом Курджиева в оппозицию до последних дней борьба обострялась. Сейчас самой одиозной фигурой является Курджиев. Об этом я предупреждал Письменного, он категорически отрицал; мои доводы оправдались на следующий же день, когда узнали делегаты, что выдвигают Курджиева, съезд разделился на две части по сословному признаку, и с этого момента до самых выборов узденей фактически подчинялись директиве Края.

Второй ошибкой Письменного считаю поддержку общей линии Курджиева на оттирание и выталкивание лучших работников из узденей; следует ли напомнить вам, что мой курс был непоколебим в смысле политической и персо-

нальной ориентации на кулов с привлечением к работе лучших узденских работников, но это совсем не то. Мне пришлось последнюю неделю употреблять на борьбу с Курджиевым и Письменным все усилия, чтобы не создалось впечатления разгрома и оттирания узденских работников, что грозило и еще может грозить фактом разжигания сословной розни.

Далее следовали примеры противодействий Курджиева назначению на ответственные посты конкретных представителей из сословия узденей. Киселев отмечал невозможность совместной работы с Курджиевым. Край же требовал недопущения сословных уклонов, однако при поощрении Курджиева таковые якобы только усиливались.

Киселев был сторонником выдвижения на должность предисполкома Герюгова:

Кулы категорически выдвигали Герюгова за его тактичность, выдержанность, обеспечение партруководства, и наиболее приемлемого из кулов для узденских работников. Их мотивы были верны... За Герюгова стояли или считали наиболее правильным партийным выбором в связи с головной задачей — ликвидацией сословной розни... [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 504. Л. 67—71]³⁶.

По этому делу в краевую инстанцию писали многие. Поводом, помимо общей обстановки и выборов, служили действия, которые в несогласованном порядке осуществлялись партийным оргбюро (Киселев и иже с ним) и исполкомом (Курджиев и иже с ним): арест нескольких карачаевцев-арендаторов домов в Кисловодске (узденей) как контрреволюционных элементов, назначение на те либо иные должности русских или карачаевцев и др. В конце лета 1927 г., уже после повторного избрания Курджиева председателем облисполкома, Киселев писал в Ростов снова. Он опять возмущался «логикой атаманщины» («безраздельного властвования председателя»), которой якобы руководствуется Курджиев, тогда как сам он противопоставляет оной «поднятие активности руководящего национального состава», выступает против самочинных назначений Курджиевым и снятий им же с должностей ответственных работников, наконец, Киселев не был согласен со снисходительностью последнего по отношению к кулакам. Отмечал Киселев и «травлю» Курджиевым «русских работников», распространяя этот вывод и на себя (отмечая невозможность их совместной работы) и указывая на частую смену при Курджиеве партийных секретарей (почти всех русских по национальности). Про осуществленный под его личным руководством арест в Кисловодске «кулаков-нэпманов» по национальности карачаевцев Киселев отмечал, что таковой был осуществлен с «исключительным демократизмом, только потому, что опасались единого национального фронта, а это не исключалось при той политике на дискредитацию русских работников, какую занимал и занимает Курджиев» [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 504. Л. 73—81].

³⁶ По поводу Герюгова Письменный в своем письме в крайком отмечал, что тот «производит впечатление хорошего парня; он тактичен, сумеет ладить с ответственными работниками. Но т. Герюгов не пользуется большой популярностью... Такт т. Герюгова имеет и оборотную сторону: стремление всем угодить, со всеми быть хорошим, стремление во что бы то ни стало этого достигнуть большею частью ничего, кроме вреда, не приносит; я думаю, что такт т. Герюгова именно такого свойства... И, наконец, по отзывам некоторых, т. Г. иногда, как выразились эти т., „помнит зло“. Если это правда, то это очень скверно» [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 504. Л. 61].

Подобное отмечали в своих посланиях в крайком и другие лица, наделенные властью в области, а также посланные туда для инспекторских проверок:

Нет сомнения, что под флагом борьбы с «диктатурой Киселева» открывается очередная борьба против партийного руководства. В процессе этой борьбы распространяются Курджиевым слухи, что якобы он договорился с тов. Чудовым (членом крайкома. — Ю. К.) о скором снятии Киселева и замене его националом и т. д. [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 504. Л. 82—83].

...Мы вынуждены констатировать попытки заострить искусственно группировочную борьбу в оргбюро с секретарем, по национальности русским, мотивами националистическо-шовинистического порядка... Совершенно недопустимо и подлежит осуждению заострение беспринципной борьбы с секретарем русским по национальности под лозунгом: «За нового секретаря национала-карачаевца» [Там же. Л. 94].

Или партруководство, или атаман его благородие, и не иначе. Вот так и только так и нужно ставить вопрос перед Ростовом [Там же. Л. 84].

При этих весьма непростых обстоятельствах крайком ВКП(б) вынес соломоново решение, в котором были отмечены недостатки и просчеты в работе как Курджиева, так и Киселева. Им предписывалось скорректировать свою деятельность, манеры общения и наладить «товарищеские взаимоотношения» [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 504. Л. 99].

Не беремся судить, насколько полно изложенные материалы передают суть и широту конфликта в Карачаевской автономной области в начале второй половины 1920-х гг. Однако они достаточно четко фиксируют три основные линии оного. Это проблемы, обусловленные межсословными взаимоотношениями, противоречия между партийным руководством и исполнительной властью соответствующего масштаба, конфликтность в отношениях между русскими и националами, едва ли не напрямую связанную с каждой из этих ветвей власти³⁷. Можно полагать, что позиция К.-А. А. Курджиева в сословном вопросе была одновременно взвешенной и субъективной. Он, бесспорно, хорошо знал местную среду, и это вынуждало его учитывать многие частности, которые не принимали в расчет ответственные работники, руководствовавшиеся общими принципами советско-партийного строительства и в целом недостаточно или плохо знавшие конкретику данной кавказской области. На почве таких и многих других разночтений рождались противоречия во взглядах и действиях представителей двух ветвей власти, каждая из которых по уже сложившейся традиции имела свое национальное лицо: русские во главе партийных инстанций, националы — в исполнительной власти.

Цитированная переписка с вышестоящими инстанциями происходила на протяжении большей части 1927 г. Она не изменила выбор главы исполнительной власти Карачаевской области, возглавляемой К.-А. Курджиевым. Партийную организацию этой республики с февраля по ноябрь указанного года возглавлял А. П. Киселев (с февраля 1927 по октябрь 1929 г. он был первым секретарем Черкесской АО), а после него и до марта 1929 г. П. И. Макаров.

³⁷ С апреля 1926 по август 1934 г. в Карачаевской автономной области сменилось 9 секретарей областного оргбюро ВКП(б); срок их работы варьировал от полугода до полутора лет; за исключением неких Ишан-Ходжаева и Генриха Маурера, все они были русскими по национальности [Путеводитель 2009: 173].

В самом конце 1928 г. на 3-й областной партконференции вопрос о Курджиеве всплыл вновь, и предъявленные ему претензии в основном повторяли озвученные ранее. Основной вывод — надежды на изменение политических взглядов и стиля работы К.-А. Курджиева не оправдались. В зачитанном на конференции документе, отправленном местным товарищем в краевые инстанции, говорилось:

В нем сохранились кулацкий уклон, национализм, антипартийность, приведшие нас к разногласиям в следующих вопросах: мы говорим, что интерес революции для партии гораздо важнее национальных тенденций отдельных работников, даже и организации, иначе говоря, большевизация небольшой национальной организации важнее удовлетворения ее национальной тенденции...

Автор послания ратовал за то, чтобы местную партийную организацию возглавлял преданный идеям большевизма человек, скорее всего со стороны, и он же руководил бы жизнью национальной области:

...Мы против травли к товарищам из центральных организаций. Мы против лозунга: «ДОЛОЙ ИНОЗЕМЦЕВ — ДОЛОЙ РУССКИХ»³⁸. Мы считаем этот лозунг антипартийным. Мы за партийное руководство... Кто бы ни руководил — националы или товарищи центральных организаций — нам безразлично. Нам важно, чтобы руководство было правильное партийное. Нам важна суть самого руководства, а не национальное происхождение руководителя.

И далее:

А т. Курджиев против всего этого в буквальном смысле этого слова. Он обожает местные бытовые условия. Он старательно преувеличивает их. Он претендует на большие знания этих условий, претендует на руководство Советской и партийной жизнью Карачая, однако в душе презирая партию как организацию, мешающую ему в работе. Он против партийного руководства, чего он добивается путем обезличивания партийных руководителей и актива.

Далее речь шла об имущественном и фактически классовом расслоении карачаевского общества как очевидном факте. И вслед за этим говорилось:

А т. Курджиев вместе со своей группой, объединившейся... на идеологической почве, несмотря на наличные натянутые, враждебные отношения между ними, пытаются доказать отсутствие классовой дифференциации в ауле. Они говорят, что карачаевцы независимо от наличия богатых и бедных — все за одного, а один за всех. И поэтому всякое классовое мероприятие неизбежно вызовет сопротивление всей массы в целом. А поэтому крайне репрессивные меры не дадут никакого результата. Надо быть очень осторожным насчет классовой политики, насчет арестов и т. п.

Говорилось и о нежелании К.-А. Курджиева делить власть с областным секретарем ВКП(б), не в последнюю очередь ввиду его национальности, что никак не вязалось с партийным подходом к делу. Автор послания в краевые

³⁸ Об «антирусских» настроениях К. А. Курджиева можно судить и по документу, который он составил в защиту интересов туркмен Ставрополя, где говорилось о продолжавшейся в 1920-е гг. колонизации (экономической) русскими территорий и угодий туркмен-скотоводов (подробнее см.: [Карпов 2011: 13—16]).

инстанции член Карачаевской парторганизации некто Халкечев настаивал на нежелательности смены партийного руководителя области («снятие его в данной конкретной обстановке создаст непреодолимое условие для нового секретаря, как бы он ни был силен; фактически партийного комитета не будет»), одновременно осуждая Курджиева за правый уклон в осуществляемой им политической линии [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 15в. Л. 49об.—50].

На тот момент секретарь Карачаевского оргбюро ВКП(б) П. И. Макаров разделил точку зрения автора письма, отметив, что аналогичного взгляда на происходящие в области процессы придерживаются многие коммунисты. В итоге Курджиев подал в отставку³⁹.

Он вновь займет этот — председателя облисполкома — пост через несколько лет, в июне 1934 г., и будет возглавлять исполнительную власть Карачаевской области до сентября 1936 г. В своем письме И. Сталину в 1937 г., он, оправдываясь перед лицом очевидной расправы, говорил, что всю свою энергию и волю направлял на «правильную реализацию ленинской национальной политики», подтверждением чему являются очевидные достижения в Карачае [Борцы за власть 1976: 108].

Кабардино-Балкария

В целом похожие проблемы имели место и в этой автономной области. И в ней отношения между советской и партийной ветвями власти, между «русскими товарищами» и националами были отмечены трениями.

В январе 1923 г. состоялось внеочередное заседание областного комитета РКП(б), где обсуждались подобные вопросы — какая из ветвей «перегибает палку» в свою сторону. Основными лицами на нем были председатель облисполкома Бетал Эдыкович Калмыков и глава партийной организации области Болеслав Павлович.

Б. Калмыков:

Здесь отдельные лица присваивают права учреждений и создают группировку. Нечего здесь заниматься... доносами и спекулировать пленумом парткома, когда таковой и не состоялся... Было ли когда-нибудь, чтобы постановление парткома отменялось исполкомом, а здесь Павлович забирает права исполкома... Зная Кабарду на 2 %, Вы (имелся в виду Б. Павлович. — Ю. К.) подбираете вопросы, выносите их на комитет и решаете. Есть 2 партийных комитета: один, который еженедельно собирается, а другой — это тот, который отдельных товарищей и исполком считает контрреволюционными... Павлович здесь специально вербовал себе русских товарищей и выступал, что мы должны здесь быть русским буфером. Я думаю, что это вредно, что мы должны на своих ошибках учиться, и я уверен, что Болеславу внушают, что если он секретарь, то он и партийный комитет и руководитель. Если мы поставили своего представителя, то это не значит, что мы дали ему право кричать, что он руководитель. Если ты руководитель, иди и вноси хорошие здоровые предложения, мы их примем, а Болеслав не имеет таких подходов, я это утверждаю. Этой группировке и

³⁹ В 1929—1931 гг. К.-А. Курджиев был представителем Карачаевской АО при ВЦИК, в следующие два года учился на курсах марксизма-ленинизма в Москве, после чего около года работал заместителем управляющего Всесоюзной конторы «Заготскот».

фракционности надо положить конец и надо перестать нас водить как телят [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 4, 5, 6].

В ответном слове Б. Павлович отводил все озвученные в его адрес претензии.

Если бы у Павловича не было подхода, то от всей этой полумещанской организации остался бы лишь один «пшик» (как выражается тов. Калмыков), говоря об устранении ненормальностей это возможно, может быть, у нас существует антагонизм, я стою за то, чтобы работа осуществлялась планомерно.

Пояснил он и позицию парткома в межнациональных отношениях:

...Кабардинцы и балкарцы для коммунистов одинаковы, и недоразумение, возникшее между ними, мы, русские товарищи, должны регулировать, а в данном случае одна и другая сторона могут использовать русскую группу, чем создадут антагонизм.

О себе:

Стремления к власти у меня нет и не было, и в частных разговорах с товарищами я неоднократно заявлял, чтобы меня сняли с секретарства и дали какую-либо другую работу [Там же. Л. 6, 7, 8].

Соратники этих двух руководителей в выступлениях поддерживали соответствующие стороны.

По-своему интересно выступление заместителя Б. Калмыкова М. Эннеева, балкарца по национальности:

Советское дело — одно, в области партийной — другое, там мы делаем уклоны в зависимости от момента, в области партийной никаких уклонов не должно быть. Пролетариат, рабочий кровью связан с партией, а для работников окраины, вышедших из крестьян, лично они от партии ничего не получают, и здесь мы должны найти в партии моральную поддержку... Если русские товарищи хотят прийти нам на помощь, мы будем им очень рады и национализма в парткоме придерживаться не будем, но если среди коммунистов проявляется великодержавность, необходимо их одернуть. От своего личного самолюбия для партии мы должны отказаться и подчиняться сознательной дисциплине [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 12, 13].

Постановляющая часть этого заседания включала в себя обращенную к Юго-Восточному бюро РКП(б) просьбу в полном составе прибыть в область для разрешения ситуации либо для той же цели прислать комиссию.

Через пять дней состоялось новое заседание того же комитета, на котором Б. Калмыков заявил:

Ввиду создавшегося положения я считаю дальнейшее политическое сотрудничество с некоторыми работниками партийного комитета невозможным, а потому до приезда Югостбюро ЦК РКП не созывать никаких заседаний [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 23].

Далее он высказал недоверие председателю областного суда и прокурору. Вскоре на очередном заседании он же заявлял, что «кругом оцеплен, за мной ходят пять чекистов, есть большие директивы, чтобы за Калмыковым следи-

ли, ходят легенды, что меня арестовали и связали, но это же чепуха, я плюю на это, а мы свое сделаем и разрешим так, как следует» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 27].

Накал страстей впечатлял, ситуация выглядела драматичной. Но она решилась. Произошла замена руководителей партийного комитета, прокуратуры, суда. Бетал Калмыков и его сторонники одержали победу.

* * *

Бетал Эдыкович Калмыков — личность значительная на политическом небосклоне Северного Кавказа 1920–1930-х гг. С большой похвалой, а то и восторженно о нем отзывались такие знаковые фигуры того времени, как С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, писатель И. Бабель и другие. Ему благоволил сам И. Сталин. Кабардино-Балкарскую автономную область в это время ставили в пример остальным национальным образованиям Северо-Кавказского края, и достижения в оной в первую очередь приписывали деятельности Калмыкова, сначала на посту главы исполнительного комитета области, а с 1930 по 1938 г. — секретаря областной, а потом и республиканской партийной организации. В центре столицы Кабардино-Балкарии Нальчике ему стоит памятник, о нем издано изрядное количество мемуарной литературы, опубликован сборник его выступлений и статей [Калмыков 1961], дважды издавалась (первый раз в 1921, затем в 1958 г.) его брошюра о революционном движении в Кабарде и Балкарии [Калмыков 1958]. А в последнее время получил огласку тот факт, что в 1930-е гг. он являлся членом «чрезвычайной тройки», на совести которой три тысячи репрессированных жителей Кабардино-Балкарии, и в народе ныне о нем нередко говорят как о палаче народа [Кажаров В. 1990; Налоев 2007: 20]. Примечательная фигура. И противоречива она настолько, насколько не совпадают факты жизни, излагаемые в «официальной» биографии этого человека [Гугов 2005] и в документах 1930-х гг., оставленных его бывшими товарищами и соратниками.

В первой рассказывается, что Бетал Калмыков был сыном батрака и сам в детстве и юности батрачил, однако закончил сельскую школу, где его особо любила находившаяся «под гласным надзором» русская учительница Надежда Николаевна. Дочь революционно настроенного рабочего-железнодорожника и сама отличавшаяся теми же взглядами, она рекомендовала Беталу отправиться в Екатеринодар и поступить в железнодорожное училище. Юноша оказался в большом городе, но устроился рабочим в железнодорожное депо, где за три проведенных там года услышал о большевиках и о Ленине. Затем он вернулся в Кабарду, стал душой подпольной революционной организации «Карахалк» («Беднота») и в 1913 г. фактически возглавил Зольское восстание крестьян [Гугов 2005: 204—209].

В последующем, как писали о Калмыкове его официальные биографы и как писал о себе он сам, он с товарищами, организовав беднейшее население и мелкое крестьянство, руководил подпольной организацией, а чтобы иметь возможность чаще ездить в разные районы Кабарды и Балкарии, в 1914 г. поступил на работу в имение крупного помещика Ржевского. На большевистские позиции Калмыков встал не сразу, но под влиянием С. М. Кирова это свершилось (в партию вступил в феврале 1918 г.), а по оценке С. Орджоникидзе он являлся активнейшим бойцом революции с первых ее дней [Гугов

2005: 210—213]. Пламенным революционером он оставался и все годы гражданской войны.

Люди, которые лично знали Бетала Калмыкова в 1910—1920-е гг., рассказывали его биографию иначе. Как писал в письме, адресованном в 1924 г. Северо-Кавказскому крайкому РКП(б), Дул Шекихачев:

Тов. Калмыков до 1917 года жил у богача Ржевского в ст. Марининской и в последний год сделался его компаньоном. В 1917 г. он был поставщиком лошадей в г. Георгиевске военному ведомству. В том же году он был старшиной сел. Атажукино-3, где агитировал за Временное правительство, пугая население приходом «босьяков» (т. е. большевиков), которые разграбят имущество населения. В 1918 г. на пятигорском съезде кабардинская делегация ни за что не хотела проводить его в Совет за поддержку казачьих верхов и кулаков контрреволюционеров, но я лично настоял на его выборе, ибо другого не было. Когда в 1918 г. во Владикавказе мы организовывали Северо-Кавказскую горскую организацию РКП, куда я вступил, Калмыков назвал меня головотяпом и не допустил моего выбора в Терский областной народный совет. Он тогда состоял в бюро горских фракций областного совета, которым руководил Ахмет Цаликов — меньшевик и «мусульманский социалист», ныне с белыми в эмиграции. Калмыков был тогда соединен с Цаликовым и другими горскими националистами. В отношении горских коммунистов он старался во что бы то ни стало провалить их (4-й съезд народов Терской области во Владикавказе в 1918 году). В 1919 г. во время белых он отступил также с Цаликовым в Грузию. Что делал он там — я не знаю, но знаю, что он вернулся в Кабарду в 1920 г., когда вся Кабарда была очищена от белых отрядами красных повстанцев под руководством моим и т. Катханова (цит. по: [Котляровы 2013: 456]).

В основном эти данные повторяются в докладной записке Заракуша Мидова, также адресованной в крайком [Котляровы 2013: 476—477].

Документы, опубликованные в сборниках, посвященных установлению советской власти в Кабарде, характеризуют деятельность Б. Калмыкова в это время иными красками. В них он определенно предстает как пламенный революционер, фактически стоящий на большевистских позициях (в 1918 г. он являлся чрезвычайным комиссаром Терской области) (см.: [Документы 1983]). Свое пребывание в Грузии Калмыков в мемуарах объяснял тем, что там он с соратниками добывал оружие и боеприпасы для отрядов красных, которые в это время были активными в Ингушетии (Цаликов в них не упоминается) [Калмыков 1958: 36—37]. Оставление же им Кабарды и Северного Кавказа объяснимо тем, что начальник Нальчикского округа в период занятия его войсками белых Чижигов объявил вне закона «главарей большевиков из кабардинцев и горцев», в списке которых (согласно опубликованному документу) Калмыков значился первым [Документы 1983: 338].

Таким образом, история участия Бетала Калмыкова в революционном движении не то чтобы противоречива, но содержит пятна, способные посеять сомнения в его изначальной и однозначной приверженности линии большевиков. Впрочем, история революций, и российской октябрьской в том числе, являет столь значительное количество примеров «поиска себя» участниками надлежащих событий, что судьба Калмыкова, которую в целом можно вычертить применительно к этому периоду, не покажется особо нестандартной.

Калмыков являлся лицом, которое активно, и с некоторого момента отдавшись «творению нового», делало свою биографию. Путь к «новому» не был прямолинейным, судя по всему, немалую роль в этом сыграл тривиаль-

ный расчет — быть на стороне победителей. Участники гражданской войны на Северном Кавказе в своих воспоминаниях отмечали, что Калмыкову в то время давались разноречивые характеристики, а его роль в качестве командира победивших в итоге отрядов красных также не выглядела сколь-либо решающей [Русаков 2011: 20—21, 26]. Его действиям сопутствовала напористость, присущая характеру его личности. Напористость, соединенная с резкостью и подчас грубостью, перерастала в авторитаризм с худшими чертами. Отсюда многочисленные жалобы на решения и поступки Калмыкова, на линию поведения политика и практика в большой должности.

Соответствующие претензии к нему начали поступать в различные инстанции практически сразу после занятия им значимых должностей.

Так, по установлении советской власти в Нальчике был организован субботник по благоустройству. Жители еврейской колонии, ссылаясь на религиозные предписания, просили освободить их от работы в этот день, однако Калмыков назвал их саботажниками и силком пытался выгнать на работу, а в ответ на попытки урезонить его грозил физической расправой [Русаков 2011: 27].

В 1921—1922 гг. в ЧК Юго-Востока России поступила серия документов, характеризовавших положение в Кабарде как неблагополучное в политическом отношении, в первую очередь по вине предоблисполкома Б. Калмыкова. Инспекторы С. Колобов и Н. Михайлов доносили со слов ответственных работников Горской Республики:

В Кабобласти Советской Власти как таковой нет, а есть Преоблисполкома т. Калмыков, который по своим действиям в Кабарде является не кем иным, как всемогущим «князем КАБАРДЫ», которым нарушаются все принципы Советского строительства и этики в целях личного благополучия [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 21].

Здесь, очевидно, надо принять во внимание резко отрицательное отношение руководителей Горреспублики (информаторов указанных инспекторов) к Б. Калмыкову за его несговорчивость в вопросах перераспределения земель, конкретно — в том, что касается передачи части территории Кабарды соседним национальным округам. Отсюда и категоричность оценок. Однако схожего мнения придерживались и лица, работавшие непосредственно в Кабарде и представлявшие ЧК. Зампредчека Кабарды Мзоков писал в докладной записке о почти полной недееспособности этой структуры ввиду отношения к ней со стороны ревкома (предшественника исполкома) и лично Б. Калмыкова, который якобы заявлял, что «„Чека в себе содержит к.р. (контрреволюционеров. — Ю. К.) и бандитов“. В общем, гонение на Чека и чекистов неимоверное (этому приводились конкретные примеры. — Ю. К.)... Товарищ Калмыков заявлял, что в связи с новой экономической политикой Чека совсем не должно быть, особенно в Кабарде» [Там же. Л. 23 об.]. Автор другой докладной записки отмечал о сведении с ним счетов Калмыковым «за выступление мое против него при очистке партии» [Там же. Л. 24]. Рядовой сотрудник ЧК П. Кошкинцев составил обстоятельный доклад, где отмечал происхождение Калмыкова якобы из контрреволюционной семьи, назначение им своих людей при выборах в областной Совет и в другие властные структуры (тем, кто против этого возражал, Калмыков якобы сказал: «Вы в Архангельской

губ. не были, то будете, тогда узнаете, кого нужно избирать»; в другой раз и по другому поводу он якобы заявил, что его лошадь дороже всей Кабарды).

Имея свои земли покосные и пастбищные, которые охраняются войсками милиции, что является недопустимым, эксплуатировать войска, охраняя свою собственность... не принимая совершенно никаких действий по отношению к бандитам и истреблению их... [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 29—29 об.].

Тот же Кошкинцев рассказывал, что из числа милиционеров получили обмундирование только кабардинцы, которые и записались в милицию ради одной этой цели, после чего все ушли в горы, «а по отношению к русским и чекистам ничем не были снабжены, когда в это время было выписано на всех». Указывал он и на составление ложных обвинений и вымогательство взяток для освобождения из-под ареста, а также на неприменение ареста в отношении земляков, родственников и т. д. и т. п. В итоге, «находясь среди контрреволюционеров и творящих беззакония», он решил покинуть Кабарду [Там же].

Через два с небольшим года практически то же самое о стиле работы Б. Калмыкова писал Д. Шекихачев.

При выборах в советы и исполкомы никогда ячейки на местах не выбирают и даже не обсуждают. Калмыков назначает своих людей и приказывает провести в них тех, кто ему нужен. Обком партии в его руках марионетка. Все ответственные товарищи — его лакеи. Если они ему не потакают, он их арестовывает и высылает из Кабарды в 24 часа [Котляровы 2013: 456—457].

Именно так сложилась судьба секретаря обкома Б. Павловича, его однофамильца председателя ревтрибунала А. Павловича и прокурора Панка, снятых с должностей по настоянию Калмыкова ⁴⁰.

О подобном сообщал в Ростов и З. Мидов.

... Перечисленные товарищи, не переваривающие, как старые большевики, чинимые Калмыковым диктаторство, бюрократизм, беззаконие и полный произвол, вынуждены были покинуть КБАО, обвиненные Калмыковым в непонимании национальной политики.

И далее:

На одну минуту допустим, что Калмыков был прав, обвиняя этих товарищей в непонимании национальной политики. Но что же тогда понудило ответственных националов, кабардинцев и балкарцев, а именно Энеева, Шекихачева, Мидова, Хуранова, Абукова и других, покинуть КБАО? Тоже непонимание национальной политики или к этому были и есть более глубокие причины?.. Перечисленные работники националы как вожаки первых дней революции, пользующиеся известным авторитетом и доверием среди трудящихся масс области, также как вышеперечисленные русские работники, не давали Калмыкову

⁴⁰ Снятие с должностей председателя областного исполкома и прокурора области член Контрольной комиссии Кабардино-Балкарского обкома РКП(б), затем заместитель председателя областного суда К. Блицу приписывал исключительно «„специфическим условиям“ единоличного диктаторства „кабардинского“ национального шовинизма» председателем Калмыкова [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 383. Л. 3]. Эта информация через третьи руки была направлена Сталину [Там же. Л. 1].

возможности принимать единоличные решения, призывали его к коллективной мысли, коллективному творчеству, чего он по своей натуре никак не мог переварить [Котляровы 2013: 476].

Авторы этих писем — в свое время очень известные в Кабардино-Балкарии люди. Дул Шекихачев — первый по времени вступления в партию большевик из кабардинцев, с установления советской власти и до 1924 г. работавший по партийной линии, а затем в кооперации. Заракуш Мидов, в 1905 г. исключенный из Нальчикской горской школы за связь «с бунтовщиками», работавший на Грозненских нефтяных промыслах и получивший высшее образование, в годы гражданской войны был членом Нальчикской организации РКП(б) и Кабардино-Балкарского ревкома, затем в КБАО являлся начальником организационно-агитационного отдела Нальчикского окружного комитета РКП(б), заведующим земельным отделом, членом президиума Кабардино-Балкарского облисполкома. Однако к 1924 г. его официально и публично называли не иначе, как «приводным ремнем княжеско-дворянского, кулацкого блока». Обстановка вокруг него стала настолько напряженной, что Мидов переехал в Ростов, где работал заместителем заведующего Северо-Кавказским краевым земельным управлением, потом заведующим ростовским отделением Дагселькредитсоюза [Там же: 471].

В середине 1920-х гг. они в числе прочих были признаны членами группировки, проводившей политическую линию против действующих советских и партийных инстанций автономной области. Из Резолюции по отчетному докладу КБ обкома ВКП(б) и содокладу обкома ВЛКСМ на областной партконференции, состоявшейся в январе 1927 г.:

...Не имея возможности изменить основную твердо проводимую классовую линию работы обкома в повседневной работе, члены партии, вышедшие из нашей области: Мидов Заракуш, Шекихачев Дуля (Ростов), заблокировавшись с отъявленными белогвардейцами нашей области: Хуранов (Ростов), Урусбиев, Тамбиев, Паштов, Абаев (Дагестан), Наурзоков (Нальчик), Мамышев (Кисловодск), поддерживаемые руководителями реакционного духовенства и кулачества в лице Катханова (Москва), Шогенцукова, Абукова и Искендерова (Нальчик), продолжают, оставаясь одни вне пределов области, другие — внутри нее, вести антисоветскую, антипартийную работу в области при дружном содействии членов партии нашей организации: Энеева, Кокожева, Максидова (Москва) [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 62].

В июле этого же года представители краевой инстанции, обследовавшие положение дел в партийной организации Кабардино-Балкарской АО, констатировали в числе «наиболее серьезных болезненных явлений» в оной следующее:

1. В основном здоровый процесс отсоединения некоторых коммунистов — выходцев из социально чуждой среды благодаря борьбе их против Облкома и прикрытия истинных своих целей личными и национальными мотивами, болезненно отражается на развитии и работе парт. организации (Мидов, Шекихачев).

Переоценка национальных особенностей, отклонения от классовой политики партии и яхшания с социально чуждыми элементами части ответработников, находящихся вне области (Энеев, Максидов, Кокожев) и среди части сельских и окружных работников внутри Области... [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 498. Л. 40].

Одновременно они отмечали и другое:

Особо нужно остановиться на относительно распространенных нездоровых настроениях в части актива парт. организации и партийцев, особенно в городе, о так называемом диктаторстве т. Калмыкова и зажиме партийной мысли со стороны исполняющего его волю партийного аппарата; в частности на разногласиях между Облкомом и прокуратурой.

Причин, рождающих и питающих такие настроения, много, но основные, это: а) национально-бытовые особенности Области, непонимание и недооценка их со стороны подверженных таким настроениям русских работников; и б) несоответствие между склонными к администрированию, авторитарно мыслящими и обычно неисполнительными националами, с одной стороны, и, с другой, большой работоспособностью, требовательностью и часто грубой откровенностью (вопреки адатам) т. Калмыкова. Из других, более мелких причин, можно указать: наличие случаев переадминистрирования со стороны Исполкома, неосторожное «осаживание» некоторых т. со стороны работников Облкома и т. п.

Разногласия же с прокуратурой объясняются в основном тем, что с ее стороны имели место отклонения в сторону формального применения основ ревзаконности, а со стороны советского аппарата нарушения этой законности. Возникшие на этой почве разногласия своевременно Облкомом разрешены не были и поэтому своевременно не ликвидированы [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 498. Л. 41].

Судьбы упоминавшихся в этом документе людей сложились по-разному.

Заракуш Мидов и Дул Шекихачев были в 1928 г. расстреляны. За год с небольшим до этого Д. Шекихачев обратился с письмом к Сталину, где указывал на деспотические приемы Б. Калмыкова в его руководстве областью, на сведения им счетов со своими «кровными врагами» — З. Мидовым и Назыром Катхановым (тоже фактически земляком и сверстником Б. Калмыкова)⁴¹. Упоминавшийся ранее Константин Чхеидзе имел в виду Назыра Катханова, когда говорил о поддержке мусульманским духовенством «большевистского октября», о вере в то, что при новой власти произойдет «обновление слов пророка Магомета и возрождение народной души». Н. Катханов ратовал за организацию шариатских судов, в силу чего прослыл отъявленным шариатистом и потому врагом советской власти. К «катхановской группировке» причислялись указанные и другие подвергшиеся репрессиям лица, преданные смертной казни.

Такая же судьба постигла Магомет-Гирея Тамбиева, который немного ранее в письме З. Мидову изложил свое видение ситуации в Кабарде (сам он был родом из Адыгеи), о месте и роли в ней Калмыкова:

Мне как-то непонятно: человек он очень неглупый, очень энергичный и, казалось, должен был окружить себя людьми, которые отдали бы максимум своей энергии и любви народу, а вместе с тем без ошибки можно сказать, окружил себя исключительно людьми или чуждыми Кабарде, или же преследующими исключительно свои эгоистические корыстные цели... Окружающие создали такую непроницаемую стену между ним и народом, что ему кажется в Кабарде чуть ли не рай земной, пора бы наконец ему самому разрушить эту стену,

⁴¹ З. Мидов и Н. Катханов оба получили прекрасное образование, тогда как Б. Калмыков закончил всего лишь два класса сельской школы.

ибо если народ и партия снесут эту стену, то будет поздно и, пожалуй, не будет пощады [Котляровы 2013: 492, 494].

Бетал же Калмыков в те годы только укрепил свои властные позиции. Он, безусловно, являлся неординарной личностью⁴², умевшей в нужный момент правильно представить себя, что, впрочем, не исключает и другого — во многих словах и действиях он был искренним. Иначе, в противовес высказыванию Тамбиева о непроницаемой стене между Калмыковым и народом, не прозвучали бы из уст выше и ниже его стоящих лиц другие оценки главы области (пусть не всегда и не в полной мере объективные, но все же, надо полагать, рождавшиеся не на пустом месте).

А. И. Микоян писал:

Бетал Калмыков пользовался во всей Кабардино-Балкарии большим авторитетом настоящего вожака... Говорил неторопливо, как будто слова и фразы рубил топором, чеканя каждое слово, совсем не жестикулируя. Казалось, в нем не было обычной кавказской горячности. Причем говорил он с такой уверенностью и убедительностью, что чувствовалось — не отступит ни на шаг от того, что сказал (цит. по: [Гутов 2005: 243]).

С. М. Буденный о нем же:

...Что мне особенно понравилось — это безграничная любовь Калмыкова к своему народу, к простым людям, его страстное желание посвятить всего себя без остатка благородному делу борьбы за счастье трудящихся Кабарды [Там же: 233].

Б. Калмыков проявлял незаурядную находчивость и предприимчивость в отношениях с земляками и людьми из Центра. Когда жители КБАО страдали от плохого урожая, а сама область — от бездорожья, предоблисполкома договорился с Краем о том, что помощь крестьянам кукурузой будет оказана в счет строительства ими дорог, а не просто как благотворительность [Там же: 247]. Напомним, как Калмыков отстаивал права Кабарды на земельные угодья, когда на них претендовали соседние национальные округа. Современные исследователи оценивают деятельность Калмыкова как положившую начало изменению политики советской власти в области национально-государственного развития региона, ибо он инициировал выход Кабарды из Горской Республики [Кажаров А. 2006: 291]. Калмыков ратовал за включение Пятигорска и железнодорожного узла ст. Прохладная в состав Кабарды. Он руководил мелиоративными работами и строительством промышленных объектов. На фоне соседних национальных областей Кабардино-Балкария производила впечатление цветущего края. Достижения были очевидными. Однако как это достигалось? Не только трудом крестьян и рабочих.

⁴² Есть довольно подробное описание его внешности: «Бетал Калмыков был высокого роста, довольно плотный и широкоплечий, с раскосыми карими глазами и круглым, скуластым лицом. Одевался он в серый костюм из простой ткани, которая называлась тогда „чертовой кожей“. Брюки-галифе и рубашка с глухим воротником, подпоясанная узким ремешком. На ногах сапоги из тонкого шевро, а на голове кубанка из коричневого каракуля с кожаным верхом. Он почти никогда, даже за столом, не снимал своей кубанки, и только однажды я увидела его без шапки и узнала, что он лыс. Очевидно, своей лысины он стеснялся» [Пирожкова 1989: 246].

В 1929 г. ростовская газета «Большевистская смена» направила в Нальчик своего корреспондента Зинаиду Лернт, и та разразилась серией статей, публиковавшихся под рубрикой «В Кабардино-Балкарии неблагополучно»:

Партийный комитет все время используется как калмыковская канцелярия — для ходатайства о деньгах. Пишут постановления, затем Калмыков идет в край или центр и выкачивает деньги. Умение выкачивать монету считается основным свойством хорошего работника. О том, чтобы попытаться найти средства на месте, не может быть и разговору. Разбазариваются ценнейшие многотысячные племхозы (племенные хозяйства конезаводов. — Ю. К.), племматериал раздается крестьянам задаром, не только беднякам, но и всем, чтобы купить авторитет: вот, мол, милость Калмыкова.

Фонд на обсеменение (при кооперации) с разрешения Калмыкова съели. А чем сеять? Край даст. И край дает. И центр тоже. Чертова уйма денег идет в Кабарду. Ни одна национальная область столько не получает.

Бюджет области в 1927—28 гг. составлял 2 миллиона 863 тыс. руб. Из них: свои доходы — 1 381 000 руб., дотация — 1 482 000 руб. Больше ста процентов дотации — слуханная ли это цифра?!

3. Лернт писала о присущем Б. Калмыкову вождизме, о превращении областного партийного комитета в придаток исполкомовской канцелярии, о замене в течение одного года трех секретарей обкома ВКП(б), о невозможности в этих условиях какой-либо критики [Котляровы 2013: 501—502]. У автора этих публикаций, очевидно, были информаторы определенной категории, хотя основные упоминавшиеся выше «оппоненты» Калмыкова уже сошли с политической сцены.

Критика порядка, установленного в Кабардино-Балкарии, и ее главы Бетала Калмыкова, изложенная в статьях Лернт, так же как и ранее появившиеся обращения местных «товарищей» в центральные органы и к главной персоне государства, ни к чему не привела. Авторитет «вождя» Кабардино-Балкарии давал о себе знать. Очевидно, Центр при наличии вождя народов всей страны допускал тогда наличие вождя и отдельно взятой национальной области. К тому же этот вождь явно был наделен обаянием.

К портрету вождя новой формации

В конце 1933 г. в течение двух месяцев в Нальчике, в загородном доме Б. Калмыкова в Долинске, жил известный писатель Исаак Бабель. Он стал автором нескольких новелл о главе Кабардино-Балкарии, оригиналы которых не сохранились. Зато есть воспоминания о Бабеле А. Н. Пирожковой, бывшей вместе с ним в Кабардино-Балкарии и передавшей впечатления писателя о Калмыкове. В частности такое:

Этот человек во всех отношениях первый в Кабардино-Балкарии, — говорил мне Бабель. — Он первый охотник, нет ему равного. Он — самый лучший сборщик кукурузы, никто с ним не может потягаться в сноровке, и он — лучший в стране наездник... Бетал всегда окружен товарищами: бывшими партизанами, вместе с которыми в давние времена он дрался с белыми... [Пирожкова 1989: 248].

В глазах писателя Калмыков выглядел подлинным радетелем автономной области, искренне заботящимся о благополучии, здоровье, знаниях, культуре ее жителей.

Из письма Бабеля, отправленного матери:

Завтра... открывается второй областной съезд стариков и старух. Они теперь главные двигатели колхозного строительства, за всем надзирают, указывают молодым, ходят с бляхами, на которых написано «Инспектор по качеству», и вообще находятся в чести. Такие съезды созываются теперь по всей России, гремит музыка, и старикам аплодируют. Придумал это Калмыков, секретарь здешнего обкома партии (у которого я гошу), кабардинец по происхождению, а по существу своему великий, невиданный новый человек. Слава о нем идет уже полтора десятилетия, но все слухи далеко превзойдены действительностью. С железным упорством и дальновидностью он превращает маленькую горную полудикую страну в истинную жемчужину [Пирожкова 1989: 253].

Примечательных историй, рассказанных о Калмыкове Бабелем, в воспоминаниях А. Н. Пирожковой немало.

Глава Кабардино-Балкарии умел производить впечатление. Он стремился если не всюду поспеть, то, по крайней мере, вовремя оказаться в нужных местах — на значительных, приметных стройках, в передовых или, наоборот, отстающих колхозах.

Каждые несколько дней он внезапно — днем, ночью — уезжает в область. Он едет один или с кем-нибудь из товарищей и неожиданно появляется в горах, в ущельях, на равнинах, у кабардинцев, балкарцев, немцев, у русских, у поляков. Он спрашивает, почему исхудали жеребята, почему плоха подстилка под маткой, почему плохо вымыт ребенок, почему у лошади утомленный вид, и легко добирался до причины — потому что она плохо запряжена и ей натирает бок. И он показывает, как надо запрячь лошадь, чтоб ее ничто не мучило... (цит. по: [Гугов 2005: 261]).

Это писал корреспондент всесоюзного журнала «Огонек» Е. Зозуля в 1933 г. Его ранг, по сравнению с ростовской журналисткой З. Лернт, был выше, и его публикация появилась после обличений «вождя» области-народа в газете краевого центра. Зинаида Лернт говорила, что племенные хозяйства местных конезаводов разбазариваются. Глава области лично опровергал подобные оговоры, заявляя:

Мы крепко боремся за коня, за создание такого кабардинского коня, чтобы Климент Ефремович Ворошилов пересел со своего донского на кабардинского... (цит. по: [Гугов 2005: 251]).

Находясь среди людей, Б. Калмыков выступал в роли наставника, помощника нуждающихся. В одной из поездок по области он, побывав в доме некой колхозницы, обратил внимание хозяев на прохудившиеся крышу дома и сапетку (плетеная конструкция для хранения зерна), и практически сразу ремонт оных был произведен. Там же он поинтересовался, чистят ли дети хоззайки зубы, что они едят и насколько сыты [Там же: 260—261]⁴³.

⁴³ Возможно, эту же историю И. Бабель рассказывал по-другому. Однажды Калмыкову пожаловалась некая женщина на тяжелую жизнь в колхозе, на мизерную плату продукцией за трудодни, на которую (при больном муже) невозможно прокормить

Живя в социокультурной среде (и принадлежа к ней) с разработанными нормами этикета, Бетал Калмыков с целью быть надлежащим образом принятым окружающими должен был следовать оным либо, как борец за все новое и, по-своему, образец для подражания генерации новых — советских людей, наоборот, обязан был манерой поведения противопоставлять себя «пережиткам» прошлого. Представляется, что как опытный политик он умело маневрировал между этими полюсами, в «нужных» ситуациях используя элементы «старой» и «новой» культуры.

В оценке вероятности использования им элементов «традиционной» культуры вспомним А. Я. Гуревича, отмечавшего, что поведение людей в первую очередь обусловлено «картиной мира», т. е. национальными, культурными, религиозными традициями общественной среды, к которой они принадлежат.

В «старой» культуре адыгов «право на известность» мужчине обеспечивали храбрость, гостеприимство и красноречие, сопряженное со «способностью к рассуждению, с тем чтобы они могли иметь влияние на собраниях» [Адыги 1974: 301, 516]. Б. Калмыков вполне этому соответствовал.

Его мужество впечатляло (рассказы о случайных ранениях, полученных на охоте) [Пирожкова 1989: 247—248], отвага внушала подлинное уважение (рассказ о том, как безоружный Калмыков пленил известного вооруженного бандита) [Шортанов 1983: 246—247].

Он являлся организатором и руководителем восхождения на Эльбрус в 1935 г. большой группы альпинистов из числа колхозников автономной области. И хотя сам вершины этой знаменитой горы не достиг, но принял в восхождении деятельное участие [Гугов 2005: 326—327]⁴⁴.

О радушном гостеприимстве Калмыкова писала спутница И. Бабеля по поездке в Кабардино-Балкарию А. Н. Пирожкова. О его умении выступать перед людьми свидетельствовали А. Микоян и журналисты («Веришь ему... когда он говорит...») [Там же: 262]. О яркости выступлений Калмыкова говорили его соратники. Из выступления одного из них на съезде Советов Кабарды в 1921 г.:

... В отчетном докладе тов. Калмыков разрисовал картину своей отчетности очень ясно и отчетливо. Вряд ли кто сумеет разрисовать так, как это сделал т. Калмыков; конечно, что дано одному, то невозможно для другого... [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 32].

семью. Глава области посетил эту семью. «В комнате было прибрано, — рассказывал Бабель, — но почти пусто. На столе — мешок с семечками... Бетал все осмотрел... Затем, обернувшись к секретарю райкома, сказал: „Послезавтра я назначаю во дворе этого дома заседание обкома. Чтобы к этому времени здесь был построен новый дом, чтобы у этих людей была еда и им было выплачено все, что полагается на трудодни“. Затем, выйдя во двор, добавил: „Чтобы был скошен весь бурьян и там, показав на дальний угол двора, — была построена уборная“. Затем сел в машину, и мы уехали». Его распоряжение было выполнено [Пирожкова 1989: 252]. В литературной обработке данный сюжет пересказан А. Шортановым в рассказе «Субботник Бетала» в его цикле повествований о Калмыкове [Шортанов 1983: 261—271].

⁴⁴ Со слов И. Бабеля А. Н. Пирожкова описала это событие так: «Беталу надоело читать, как альпинисты совершают подвиги восхождения на вершину Эльбруса и как об этом пишут в газетах, и он решил покончить с легендой о невероятных трудностях этого подъема раз и навсегда. Собрал пятьсот рядовых колхозников и без всякого особого снаряжения поднялся с ними на самую вершину Эльбруса. Теперь, когда его об этом спрашивают, он только посмеивается» [Пирожкова 1989: 250].

Примечательны детали его речи. Микоян заметил, что речь Калмыкова отличалась неторопливостью, он чеканил слова, совсем не жестикулируя, и это, по оценке уроженца Кавказа, не соответствовало «обычной кавказской горячности»⁴⁵. Умышленно или нет, Микоян опускал манеру говорить другого кавказца — Иосифа Сталина, в которой тоже не было горячности, правда, не было и чеканности. Насколько Калмыков был оригинальным в стиле ведения бесед и произнесения речей (т. е. подражал ли он кому-либо или нет), вопрос открытый. И еще. Если, согласно нормам традиционной культуры адыгов, из речи людей благородного происхождения исключались бранные слова [Бгажноков 2011: 82], то в публичных выступлениях герой новой эпохи таких не избегал (пример чему представлен в одной из вышеприведенных цитат; он единственный в стенограммах, но это печатные документы, а таковые могли и должны были корректироваться).

По традиции большим уважением у адыгов пользовались красноречивые ораторы, память о которых сохранялась надолго [Анчабадзе 2012: 53, 64]. В близкой адыгской культуре осетин выделяют три «рода» ораторского искусства. Скорее всего, Б. Калмыков принадлежал к когорте тех ораторов, чью речь отличает «величаво важная мысль... стиль резкий, суровый, даже с грубоватым оттенком, но не заверченный, не закругленный» [Сохов 2004: 36].

Прислушаемся к словам Бетала Калмыкова, зафиксированным стенографическими отчетами публичных мероприятий:

Вопрос не стоит, что Калмыков и Катханов дерутся, не так вопрос стоит. Вопрос стоит о принципе нового государственного строительства. Мы говорим — старого не надо, новое надо, а наполовину новое, наполовину старое — этого нельзя. Это есть основное расхождение. Здесь сталкиваются два момента — старый мир и новый мир. Победа должна быть на стороне новой общест-венности и государственности, вот о чем речь идет. Если Съезд считает, что этот вопрос в 100 % разрешен, я не возражаю, ни одного слова не говорю; если Съезд скажет — мы стали на новый путь — вопрос ясен. Большевики, Совет-ская платформа, коммунистическое руководство, если это скажут, скажут, что мы большевики, мы за коммунистическую партию, мы за новую культуру, го-ворить надо, что нет вопроса спорного, тормозящего, — но если есть хвостик, то об этом хвостике надо говорить. Я считаю, что мы его оторвали постановкой школьного дела, тем, что лучшие силы объединили. Кто может новую жизнь остано-вить? Никто не может. Если отдельных моментов мы не учитывали, горян-ки отмечали роль женщины, как женщины — будут ли в религиозной паутине находиться? Женщины говорили об этих моментах... Мы вчера поставили во-прос о роли старых медресе, которые путают головы нового общества, тормозят развитие новой культуры. Лидеры старого арабского просвещения указывали на недочеты, которые имеются за процентом духовенства. Мы указывали людям, глубоко заблудившихся в адатах и обычаях, некоторых стариков, которые под-дакивают реакционным муллам. Мы указывали значение агитации, указывали,

⁴⁵ Впрочем, документальные свидетельства вряд ли подтверждают этот тезис. Дискутируя с оппонентами, Калмыков так парировал их претензии к собственной ма-нере поведения: «„Калмыков грубо выражался, темперамент“ («цитировал» он своих визави.— *Авт.*), я не знаю вашей особой хладнокровности, больше того, что есть — нельзя присваивать, если бы мы были горячие, мы давно бы голову сложили, а то мы работаем, еще и дальше будем работать, „я агитирую“, если бы я реально мог бы ра-ботать (не работать? — *Авт.*), я считал бы себя инвалидом...» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 15].

как надо бороться, как усилить новую культуру... Ломаем старое, создаем новое, не, понятно, русским языком? Ни кусочка старого мы не хотим оставить, над старым поставили крест. Крепкий фундамент в новом мы заложили. Мы учитываем культурный уровень нашего населения, мы, медленно укрепляя свой фундамент, на этом фундаменте мы строим советское здание, где может жить коммунист и беспартийный, честный крестьянин. Захотим ли мы сейчас хоть один старый кирпич заложить в этот фундамент, благодаря которому должно разрушиться здание? Нет, старого кирпича мы не положим. Мы только из новых кирпичей сложим здание, в нем будут жить на основе сотрудничества между крестьянами и рабочими... [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 87—87 об.].

Величаво, резко, незакругленно.

Новое, естественно, надлежало строить через молодежь.

Все наше внимание, вся наша сила должны быть брошены на молодежь, молодежь в духе советской власти, общественность надо воспитывать [Там же. Л. 70 об.].

И мероприятием, как рассчитывали, с большим социально-политическим резонансом стала организация в Нальчике Ленинского учебного городка.

В области курсанты должны закаляться в духе большевизма. Все знают, как многие курсанты не хотели учиться, когда мы их собирали, когда на воротах и калитках ставили часовых, многие отсюда бежали, то мне приходилось сюда по 3—4 раза в день приходить поодиночке и сообщая ежедневно уговаривать. Есть курсанты, которых приходилось 10—15 раз уговаривать часами... Потребуется ли это в дальнейшем? Нет. Так как сейчас у нас помощников много, мы командный состав в лице курсантов и курсанток приготовили, мы имеем 400—500 человек грамотных, сознательных, преданных, можно сюда привлечь еще 500—1000 человек, и этот состав может быть командиром этого отряда, и этот городок станет штабом Кабарды и Балкарии.... Какие жалкие непонимающие люди могут этот порыв остановить? Никто не может это остановить. Не могут у нас на восьмом году революции; в 24 г. нетвердой политики в области воспитания нового поколения не может быть... Я ставлю вопрос резко, так как не хочу, чтобы наша молодежь воспитывалась в духе мягкотелости; они ближайшие наши помощники, и вместе с ними мы эти оковы железной стальной рукой, большевистской рукой разобьем [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 87].

Что надо было «разбивать», от чего решительно отказываться? Естественно от религиозного дурмана, от влияния духовенства (в первую очередь реакционного; Калмыков делил мулл на крестьянских и дворянских, с первыми он готов был до поры мириться). Но надо было отказываться и от старых обычаев, традиций. Кровную месть и калым следовало решительно изживать. Однако и другие традиции вызывали в вожде неоднозначное отношение: одни можно было временно использовать в целях упрочения нового, другие вызывали в нем изрядный скепсис, но были и такие, за нарушение чистоты которых он строго взыскивал.

Традицию молодежных вечеринок он настоятельно рекомендовал перенести в сельские школы.

Мы должны добиться того, чтобы молодежь объединялась вокруг школ. Всякие танцы надо отменить, разрешив проводить их только в школе и то толь-

ко раз в неделю... Таким путем нам удастся сгруппировать молодежь вокруг школ [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 6].

Он весьма скептически относился к изделиям некоторых народных промыслов, к использованию в костюме женщин (в первую очередь невест) украшений. Отвечая однажды на вопрос о народных промыслах, он категорично заявил:

Это дурацкий обычай, всем этим кустарям кабардинским надо запретить заниматься их выделкой. Ведь всякий дурак занимается дурацкими украшениями, а людей надо судить не по украшениям, а по уму... Самым коренным образом надо бороться с этим злом [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 342. Л. 605].

Зато Калмыков с вниманием относился к народным «певцам» — *джегуако*, чье творчество среди кабардинцев было популярным и любимым. Он старался привлечь на «свою» («советскую») сторону наиболее известных из них. Одни из джегуако поддавались такому влиянию, их творчество приобретало новое социально-политическое содержание, другие, как ни старался руководитель высокого ранга, сохраняли творческую и личную независимость [Налоев 2011: 357, 369—370].

Бетал Калмыков трепетно ратовал за «чистоту» национальных танцев. А. Н. Пирожкова вспоминала:

Вечером нас пригласили на праздничный концерт. Когда один танцор в национальном горском костюме и в мягких, как чулки, сапогах вышел плясать лезгинку и стал как-то виртуозно припадать на колено, Бетал, сидевший в первом ряду, вдруг возмутился, встал и отчитал его за выдумку, нарушающую дедовский танец. Таких движений, какие придумал танцор, оказывается, в народном танце не было [Пирожкова 1989: 251].

Другой мемуарист описал эту сцену яркими красками и весьма помпезно:

Бетал Эдыкович встал. «Плохо! Очень плохо! — отрубил он сразу. — Видать, вы все плохо знаете нравы кабардинцев. То, что вы показали, — это танец дикарей... Это раньше, в царские времена, о нас писали, что мы дикое племя... Так танцевать нельзя. А потом, скажите, пожалуйста, где это вы видели, чтобы кабардинец на коленях выплясывал? В чем прелесть и сила (тут он слово «сила» произнес дважды) наших танцев? В благородстве, в грациозности, в изяществе. А у вас сплошные выкрутасы, дикие вопли... Вот посмотрите... И он стал танцевать. Его статная фигура неслась плавно, с подкупающей грациозностью и обаянием. В каждом движении выражалось большое человеческое достоинство, гордость, но не надменная; сила, но сдержанная, и исключительный такт к своей партнерше. Мы с удовольствием смотрели на него и думали: «Вот как надо танцевать» (цит. по: [Гутов 2005: 307]).

Резюмировал свое отношение к традициям и обычаям Калмыков так:

Я считаю, что необходимо коренным образом переделать кабардинский и балкарский быт, обычай, традиции. Все, что есть красивого в кабардинской и балкарской жизни, что современно и красиво, — все это надо оставить, а все то, что тормозит культуру, мешает осуществлению равноправия женщины, надо отбросить... Пора нам решительно отказаться от всего, что мешает нашим женщинам чувствовать себя полноправными членами общества (цит. по: [Там же: 279—280]).

Женскому вопросу в публичных выступлениях Бетал Калмыков нередко уделял особое внимание. И мог освещать его нестандартно. На IV Областном съезде Советов в 1924 г. он говорил:

Самое последнее, на чем я хотел остановиться, это момент женщин. Делегатки выступали и говорили о своих недостатках, но у них не хватает храбрости, они подходят ко мне по закрытии заседания и говорят, что им хотелось бы выступить и поспорить с мужчинами по вопросу о двоеженстве и т. д. Улбашев первый начал мне аплодировать, но сам он хочет второй раз жениться. В Кабарде и Балкарии по исторически сложившимся обычаям все имеют по 2 или 3 жены. Мы имеем декрет, в котором запрещается иметь две жены, что женщинам нельзя похищать, нельзя калым брать. Можно ли этим декретом положить всему этому конец? Будем бороться, но конца не положим. Должны ли мужчины иметь две жены? Не должны, так же как жена не может иметь двух мужей. Но будет ли это еще временно? Будет еще. Я считаю в этом один из моментов, доказывающих некультурность кабардинцев и балкарцев, — именно то, что сейчас они имеют по 2 жены. Если это будет, а будет в самых ужасных видах, будет, если у нас во всех учебных заведениях будет учиться мужской пол, а женский останется в том виде, в каком был. Мужчина, молодой человек, возьмет, женится на девушке, он поживет с ней несколько лет, лицо у нее изменится — хлоп, и он берет другую. Глупый человек был бы он, если бы жил все время с одной. Кабардинец и балкарец, мужчина, он живет в городе, ездит по железным дорогам, учится, делается культурным, его потребности расширяются, он понимает жизнь; кабардинка и балкарка живет дома, не знает города, ни клуба, ничего не знает, лепит свои чуреки и дальше ничего не знает. Цвет лица хороший имеет, пока замуж не выйдет. Замуж вышла, появляются дети, болезни, теряется цвет лица, делается болезненным человеком. Если жена боится врача, не знает медицинской помощи, не знает, как нянчить детей, как белье стирать, как быть хозяйкой и т. д. Он терпит месяц, два, полгода. Вечная перебранка, крик, но наконец говорит, к черту, может быть молодая жена будет, хоть недели 2—3 отдохну. Получается из картины с женой такая картина. Спросите, хочет ли мужчина менять жену, хочет ли он с новым человеком связываться, мучиться; но вы сами, женщины, своим невежеством толкаете мужчин на это. Не нужно ругать мужчин. Нужно сказать, что в этой части вина на вас есть. Будьте вы настоящими женщинами, друзьями мужчины, умейте быть культурными людьми, умейте убирать комнату, готовить пищу, в чистоте держать, сохраняйте цвет лица, поставьте так, что ваш муж грязнее вас, поставьте такие условия, чтобы на вас внимание обратили. Когда вы это сделаете, ни один муж не заменит вас ни одной из ходящих (так в документе. — Ю. К.) на улице женщин. Вы будете до конца другом вашего мужа. Никуда вы не годитесь. Вот курсанты, которые научились ногти подрезать, руки в чистоте держать, иметь чистые постели, стали культурными людьми, вряд ли для этого выпуска найдутся сознательные друзья, которые могут быть их женами, когда они за поисками друзей уйдут из нашей области, то это минус для культурного роста Кабарды и Балкарии; но если они сюда привезут русскую, немку, даже американку, культура наша поднимется, так как русская женщина гораздо культурнее, она начнет культивировать дом, в который входит. Они начнут стирать, огороды сажать, как с молоком обращаться, как ребенка нянчить и т. д. и этого падения не будет, а подъем будет. Но таких храбрецов, которые вернутся в Кабарду, найдется немного, а в силу сложившихся обычаев, лучше поедут туда, где жена, боюсь, как бы они не покинули Кабарду. И вместо 100 человек у нас не оказалось бы не более 10. В этой части женщина должна нам помочь, тем, что она должна стать единым фронтом, сказать, что, во что бы то ни стало, должен быть опережен мужчина. Вместо двух курсантов — три курсантки должны быть, их должно быть не

меньше 500, таким образом (культурный уровень) повышен будет. Если мы Кабарде в ближайшие 3 года дадим вполне культурных 3000 женщин, то культурный уровень Кабарды и Балкарии поднимется и никакой опасности в том, что культура пойдет на понижение; и впредь двоеженства не будет [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 79 об.—80 об.].

Он еще долго говорил на эту тему. Обратился к ситуации по данному вопросу на примерах округов и селений, где положение якобы было особенно удручающим. Муж — партиец или советский работник имеет жену, которая никак не может быть ему другом и советчиком в делах. Их жены не ходят на собрания:

Они считают унижением для себя пойти на собрание, так как есть среди них большевистские дворянки, которые смотрят сверху вниз. Идти на собрание, значит быть большевиком, надо быть простым человеком, значит, приличный человек на улице встретит и не поклонится. Вот какая пропасть получается в семье наших ответственных работников [Там же].

В запале он сказал, что «одной рукой» развел бы своих товарищей, оказавшихся в таком положении. Но тут же призвал женщин посещать собрания и учебный городок, а на работе по повышению культурного уровня женщин обещал в 1925 г. сосредоточить особое внимание областных структур. Одновременно он призвал мужчин в новых условиях отказаться от двоеженства и заверял, что отныне за подобный проступок партиец будет исключен из партии, советский служащий снят с работы, простой гражданин наказан судом. «Никаких калымов, никаких похищений женщин. Меньше пяти лет тому, кто украл женщину, меньше пяти лет не дадим»; и т. д. [Там же]⁴⁶ (частичную публикацию текста данного выступления см.: [Культурное строительство 1980: 296—298]).

Если на примере цитированных ранее публичных выступлений Калмыкова можно было сказать, что его речь отличалась величавостью, резкостью и незакругленностью, то настоящий пример свидетельствует об эмоциональности и горячности оратора, не лишённого образности мышления и слова.

Справка, возможно, поясняющая ту эмоциональную запальчивость, с которой Бетал Калмыков обсуждал женский вопрос.

Он был женат дважды. Первая его жена была из известной дворянской семьи (это, по официальной версии, — у выходца из семьи батраков, едва ли не с отроческих лет впитавшего идеи революции). Рассказывают разное, то ли ее жизнь трагически оборвалась, то ли супруги просто расстались со скандалом. Не опыт ли личной семейной жизни имел в виду Калмыков, говоря о

⁴⁶ А. Пирожкова вспоминала один из рассказов Бабея: «Бетал созвал девушек Кабардино-Балкарии и сказал им: „Лошадь или корову купить можно, а девушку — нельзя. Не позволяйте своим родителям брать за вас выкуп, продавать вас. Выходите замуж по любви“. Тогда вышла одна девушка и сказала: „Мы не согласны. Как это так, чтобы нас можно было взять даром? Мы должны приносить доход своим родителям. Нет, мы не согласны“. Бетал рассердился, созвал юношей и сказал им: „Поезжайте на Украину и выбирайте себе невест там, украинские девушки гораздо лучше наших, они полногрудые и хорошие хозяйки“. И послал юношей в ближайшие станицы, чтобы они оттуда привезли жен. Тогда делегация девушек пришла к Беталу и объявила: „Мы согласны“» [Пирожкова 1989: 252].

«пропасти» между супругами и о «большевистских дворянках»? ⁴⁷ А. Пирожкова вспоминала о второй жене Бетала:

Антонина Александровна, была русская, крупная и красивая женщина. Она работала, кажется, по линии детских учреждений и народного образования. У них было двое детей: сын Володя примерно двенадцати лет и дочь Светлана (Лана) трех или четырех лет. Мальчик был очень красив и имел русские черты лица, а девочка похожа на Бетала, со скуластым личиком и черными, слегка раскосыми, лукавыми глазами. Лана была любимицей отца» [Пирожкова 1989: 246—247].

Как знать, не перипетии ли личной судьбы определили озвученный Калмыковым набор претензий к местным женщинам?

К месту заметить, что образная и яркая речь Калмыкова на этом собрании произвела на присутствующих большое впечатление. Там же на съезде, при его закрытии, женщины-делегатки выделили из своей среды всех девушек. Их было 12, и всех их «как подарок» «передали съезду», отправив в Учебный городок. Сразу после съезда курсантки Учебного городка отвели оных в общежитие женской группы, а остальные делегатки разъехались по своим селениям, «разнося весть о подарке кабардинской и балкарской женщины». В информационном отчете областного комитета партии отмечалось:

Здесь нужно сказать, что этот подарок не был заранее подготовлен, а возник сам собой вследствие общего настроения съезда. А если вспомним, как проходили первые наборы курсанток в женскую группу «Учгородка», когда девушку привозили и против ее воли и воли родных и когда привезенная курсантка председателем исполкома селения лишь в силу приказа объявляла голодовку, случалось до недели, то при этом ценность сделанного подарка горской женщиной можно вполне понять. Съезд дал свои результаты. Перед ЦИКом вопрос о расширении женской группы «Учгородка» ввиду громаднейшего наплыва заявлений со стороны кабардинских и балкарских женщин о принятии в городок. И в плане советского строительства стоит увеличение женской группы со 100 чел. в предстоящий весенний набор до 400 чел. Все это наиболее характеризует происшедший сдвиг в психологии женщины-горянки [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1019. Л. 35].

Однако женская тема была лишь небольшим фрагментом в кипучей общественно-политической жизни местного вождя.

После того как он разобрался с собственной оппозицией в области, другие — глобальные темы занимали его в полной мере. Среди них — отстаивание прав Кабарды на «свою» территорию, о чем (с цитированием его выступлений) говорилось в предыдущей главе. К 1924 г., после некоторых изменений в территориях, спорные вопросы с соседями сошли почти на нет (за исключением споров с Терским округом) ⁴⁸.

⁴⁷ В 1924 г. газета «Красная Кабарда» явно не без санкции главы области осуждала получившие распространение браки крестьян с представительницами дворянских и княжеских фамилий. «Браки трудовой молодежи с женщинами из этих классов сейчас дали чуждое потомство, а новые хозяйки внесли в крестьянский дом мало хорошего, физический труд им неведом» (цит. по: [Анчабадзе 2012: 194]).

⁴⁸ Территориальный вопрос между КБАО и Терским округом, в частности, был обусловлен тем, что административные центры Нагорного округа Кабардино-Балкарии находились в Пятигорске, а Прималкинского округа — в станице Прохладной Те-

Эти народности, как ингуши, осетины, карачаевцы, имеют достаточно земельных наделов, чтобы этого вопроса не поднимать. Я заявляю, что каждая народность имеет достаточно земли. Чтобы в течение 20 лет не потребовалось увеличения земельной площади. Поживем 20 лет и посмотрим тогда — хозяйство разовьется, часть населения уйдет на заводы, оставшиеся закрепятся на сельском хозяйстве... Самоопределился тому или иному народу не значит, что все вопросы разрешить и не подвести экономического фундамента, тогда это пустой звук — самоопределение [ЦДНИ КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 67].

Это также была тема единства Кабардино-Балкарии при наличии устремлений балкарских работников к выделению Балкарии в отдельную область.

Я хотел бы несколько слов сказать о Балкарии. Неоднократно возникал вопрос о том, что Балкария не прочь была самоопределиться и т. д. и т. д. Я лично, персонально, мнения других я не знаю, не возражаю против самоопределения Балкарии. Но для Балкарии будет это невыгодно, и Кабарде тоже, ибо они настолько экономически перепутаны, что если бы мы захотели это сделать, то месяца через 2—3 мы должны были (бы) вновь объединиться. Желает ли Балкария быть совершенно самостоятельной, желает ли быть автономной, это дело балкарского народа, балкарских работников [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 122. Л. 187].

И далее, поясняя, что при установлении границ между Кабардой и Балкарией, разделении милиции и других ведомств, «90 % нашей работы будет уходить на споры, возникающие на местах», и в итоге «крестьянство посмотрит месяц, посмотрит следующий месяц, а потом скажет: „Идите к шутам, мы как раньше жили, так и дальше вместе жить хотим“». Далее он говорил о необходимости достижения экономического равновесия между Балкарией и Кабардой, что должно было снять «аграрную» (т. е. земельную) проблему в их взаимоотношениях.

Продолжением обсуждения земельной проблемы стала тема реорганизации принципов ведения хозяйства в области.

Вопрос в части определения настоящего хозяйства очень серьезный вопрос, и он стоит перед нами как никогда... Вопрос о скотоводстве и полеводстве должен быть коренным образом разрешен в течение двух месяцев. В Кабарде скотовод должен быть переселен на Кичмалку, полеводы должны засесть на равнине. Может быть, некоторым кажется, как это можно скотовода убрать, а полевода оставить? Я утверждаю, что если в таком положении скотоводство

рокрута. Как отмечалось в циркуляре административного отдела Терского окрисполкома, это обстоятельство и «экономическое тяготение населения данных округов к указанным центрам заставляет таковое часто посещать их как по государственным, так и по своим личным делам, что приводит их по их национальным обычаям и правам к столкновениям с нашими административными органами, на почве чего и происходят всякого рода недоразумения и инциденты» [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 156. Л. 101]. В различные инстанции КБАО постоянно поступали жалобы граждан оной, торговавших на базарах Пятигорска и Прохладной и по разным причинам задерживавшихся, арестовывавшихся милицией Терокруга [Там же. Л. 93—95, 100, 162—165 об.]. Разрешить этот вопрос должна была комиссия, созданная краевой властью с участием представителей всех заинтересованных сторон [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 156. Л. 141—143]. Но здесь же отметим, что территориальные споры с соседней Осетией возникали и через несколько лет после заявления Калмыкова, сделанного в 1924 г. [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 3. Л. 218, 220—225, 247—255, 292—316].

оставить, то через два-три года будет полное падение скотоводства. Если бедняка полевода не освободить из-под лапы, он, в силу того что организм его подорван, вековечным рабом останется у кулака [ЦДНИ КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 71 об.].

Он, безусловно, был (со временем стал) искусным политиком. В отношениях с Центром он вел себя осмотрительно и в меру осторожно. Когда многие регионы страны, в том числе и Кабардино-Балкарию поразил неурожай и население страдало от голода, Калмыков, ставя вопрос о помощи Центра, увещал делегатов областного съезда, что «не учитывать состояния нашего Союза тоже нельзя. Мы знаем, что наш Союз сводит концы с концами». Помощь области необходима, однако «было бы ошибкой с нашей стороны, если бы мы некультурную свою массу воспитывали бы в духе, что они должны жить за счет Москвы или кого другого» [ЦДНИ КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 119. Т. 1. Л. 68].

Он ставил вопрос о передаче Кабардино-Балкарии торговых и экономических центров от Терского округа. Конкретно речь шла о Пятигорске и железнодорожном узле ст. Прохладная. «Если эти центры не будут возвращены, то самоопределение народа не закончено». Он обещал, что добьется этого в 1925 г. [Там же. Л. 67]. Пятигорск так и не вошел в состав КБАО, но железнодорожный узел с 1932 г. оказался в ее составе, чему Калмыков был чрезвычайно рад.

Осуществлять намеченное лично и обещанное людям оказывалось непросто. Будучи искусным политиком, Калмыков лавировал, представляя себя и руководимую им область как самые покладистые в плане исполнения распоряжений Центра и Края. В то время как руководство некоторых автономных областей Северного Кавказа вступало в перепалки с краевой властью, пеня на то, что она мешает им осуществлять собственные планы развития⁴⁹, Калмыков вел себя по отношению к ней корректно и хитро. «Край нам помогает. Этой помощью пользоваться надо, и надо сказать, что Москва так не может знать все наши нужды, как знает Ростов» [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 342. Т. 2. Л. 580]. Когда из Центра через Ростов было спущено распоряжение предоставить автономии всем национальным меньшинствам, вплоть до жителей отдельных населенных пунктов, в КБАО оперативно приступили к его выполнению⁵⁰. Делалось это не без расчета.

⁴⁹ Так, представитель Северной Осетии на совещании «националов» в 1926 г. говорил, что автономную область по объему прав, которые предоставляет ей Край, надо сравнивать не с губернией, а с уездом, так как она лишена какой-либо инициативы и обязана почти беспрекословно подчиняться решениям краевой власти [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 60—61].

⁵⁰ На 3-м пленуме ЦИК КБАО Калмыков говорил: «На повестке дня стоит исторический вопрос о самоопределении национальных меньшинств... Товарищи, наша область именуется Кабардино-Балкарской областью. В нее входит еще ряд национальностей, но они в меньшинстве. Экономические условия и политический момент ставят нас в такие условия, что расширение, самоопределение национальных меньшинств в нашей Области достаточно к поднятию нашей Области, политически и экономически укрепит ее. Как Область, мы именуемся двумя именами, Кабардой и Балкарией. Мы хотим каждую национальность расширить, предоставить известную Автономию. Округа Кабардинский, Урванский, Нальчикский, Баксанский, Нагорный, Прималкинский, Русский мы думаем оставить Округами. Казачий Район выделить в самостоятельный округ с центром, столицей Котляревской. Дальше, Еврейской Коло-

Если такое деление (на автономные районы. — Ю. К.) мы произведем, то что должно быть во главе? Должны ли мы остаться с наименованием Автономной Области или должно быть что-нибудь другое? Должны ли мы остаться Областью или быть переименованы в Республику?

Автономная республика обладала более широкими правами по сравнению с автономной областью. Задавая этот вопрос, Калмыков тут же давал на него продуманный ответ:

Этот вопрос имеет терпение. Пока мы должны остаться Автономной Областью, но совершенно безболезненно можно поставить перед Ростовом и Москвой (вопрос) о переименовании в Республику. Переименовывая (себя) в Республику, надо будет указать, что, исходя из количества населения нашей Области и размера ее, надобности в двухпалатности... нет, что переименовывая, можно остаться с наличием того штата, которым мы сейчас располагаем. При этих условиях легче в Центральном Правительстве пройдет переименование в Республику... Я считаю, что такое ходатайство перед Краем и Москвой будет вполне мыслимо и правильно [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 122. Л. 179].

Тонкий политик

Эта очевидность плохо вяжется с представленным Зинаидой Лернт образом нахрапистого и наглого удельного князя, выбивающего из Центра все, что захочет. Примечательны пояснения И. Бабеля об отношениях Калмыкова с Центром, наверняка являющиеся пересказом услышанного от самого героя:

Отношения с Москвой у него (Б. Калмыкова. — *Авт.*) очень сложные. Когда к нему из Москвы приезжают уполномоченные из ЦК, они обычно останавливаются в специальном вагоне и приглашают туда Бетала. Он входит и садится у дверей на самый краешек стула. Все это нарочито. Его спрашивают: «Правда ли, товарищ Калмыков, что у вас нашли золото в песке реки Нальчик?» Он отвечает: «Помолчим пока об этом». Он прибедняется и даже унижается перед ними, а ведь он — гордый человек и мне кажется, что не очень их уважает. Москва платит ему тем же. Ему дают очень мало денег, очень мало товаров. А он втайне от Москвы покрыл свою маленькую страну сетью великолепных асфальтированных дорог. Я спросил его однажды — на какие деньги? Оказалось, заставил население собирать плоды дичков (груш и яблонь), которых в лесах очень много, и построил вареньеварочные заводы. Делают там джем и варенье, продают и на эти деньги строят дороги [Пирожкова 1989: 253].

ни предоставить расширенные автономные права, дело в названии, какое мы дадим, автономной, или колонии, или района — это будет видно дальше. В Малой Кабарде есть селение Бекович, состоящее исключительно из кумыков, их права надо тоже расширить, в равной мере, как и Еврейской колонии. Кроме того, в кабардинских округах мы имеем ряд русских населенных пунктов. Чтобы русские себя среди кабардинцев не чувствовали меньшинством, некоторые права надо им дать. Какого характера права? В первую очередь необходимо меньшинствам дать бюджет, дать большие права, чем сельсоветам, в размере приблизительно районных прав... Некоторые остерегаются, не получится ли от этого разложения в Области. Я, товарищи, считаю, никакого разложения не будет, будет укрепление. Лучше самоопределить каждую национальность, но на добровольных началах, на добровольном союзе установить это дело» [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 122. Л. 178—179]. Соответствующие решения вскоре были приняты на пленуме ЦИК КБАО [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 251. Т. 1. Л. 38—38 об.].

Будучи политиком, Калмыков обязан был уметь и, судя по всему, умел сочетать в себе разные качества — исполнительного наместника, заискивающего или сдержанного просителя либо вышибалы (и здесь надо отчасти согласиться с оценками З. Лернт), но при этом непременно спорого делового руководителя, хозяйственника в своем «уделе», в светлое будущее которого (как и страны в целом) он верил.

Многогранная личность

В. Канторович, также слышавший рассказы Бабеля о Калмыкове, но оценивавший личность «героя» более взвешенно, отмечал:

Не может быть, чтобы Бабель, зная своего друга долгие годы, готов был втиснуть всю его человеческую сущность в одну из простейших, одночленных формул. Не мог он не видеть, что Беталу, этому стойкому мечтателю и неутомимому борцу за будущее, не чужды ни противоречия, ни пережитки, что у него властная натура и что страсти кипят в его душе [Канторович 1989: 171].

Получается, что мог⁵¹.

Калмыков служил власти и сам был властью, не столько копируя первую, сколько творя собственный вариант тоталитарной социалистической модели с вождем во главе. Его личная вера в новое, советское, «коммунистическое», которую он стремился привить народу, была с поправкой на «картину мира» местной среды и ее героев, лидеров, вождей. Эта «картина» в немалой степени определяла его поведение на людях, отношение к ним — заботливо-участливое к слабым и обездоленным, злое и жестокое к равным соперникам, проявление геройства и мужества в сложных, опасных и авантюрных ситуациях и предприятиях, картинность в поступках, которую вряд ли (опираясь на имеющиеся сведения) правомерно соотносить всего лишь с рисовкой. Вождь как начальник держал себя с народом просто и внешне доступно, но был требователен к исполнению должного и строго наказывал за невыполненное. Такой образ вожака и начальника у горцев описан в дореволюционной публицистической литературе [Марков 1904: 426—427, 467].

Беталу Калмыкову не было чуждо и «символическое мышление» (по А. Гуревичу). Он рассказывал:

За мной гнались белые, я убежал в горы по знакомым тропинкам. Погоня длилась трое суток, меня уже было настигали, но я уходил. За мной охотились. Меня решили загнать, как загоняют зверя. Гнались по моим следам, я не мог остановиться. Сил оставалось все меньше, я ничего не ел, не спал. Наконец на третьи сутки погоня прекратилась. Я так устал, что упал, а когда поднялся, то увидел перед собой большого тура. Он был совсем близко, смотрел на меня, весь дрожал, а из глаз его текли слезы. Тур плакал. Он тяжело дышал и так же, как и я, не мог бы сделать больше ни шага. Белые гнались за мной, а я, сам того не зная, гнался за туром. И вот мы оба изнемогли и теперь стояли друг против друга и смотрели друг другу в глаза. Я первый раз в жизни видел, как плачет тур [Пирожкова 1989: 247].

⁵¹ В. Канторович приписывал это еще свойственному в то время творчеству И. Бабеля «злоупотреблению образами», что наделяло героя и нового произведения «романтическим обличем» [Канторович 1989: 171].

В данном рассказе тур предстает не столько напарником героя, сколько его собратом и в известном смысле дублером. Символичность этого рассказа близка таковой, например, одного из фольклорных текстов чеченцев, где в схожем качестве (но одновременно и более широко, а именно в роли тотема) и в схожей с описанной ситуацией фигурирует волк (ср.: [Сказки 1983: 325]).

Впрочем, символическое мышление Калмыкова и ему подобных современников не только из традиции, но и от новой реальности. Само определение их поведения как вождизма практически напрямую отсылает к стереотипу восприятия и интерпретации вождей новой эпохи. Это было время, когда города получали названия по именам «вождей» среднего и высшего звена — Сулимов, Ежов (оба ныне Черкесск), Микоян (ныне Карачаевск), Орджоникидзе (Владикавказ) и т. д. Примечательно, что в Кабарде, насколько нам известно, населенные пункты в честь Калмыкова не переименовывались.

Хотя это не имеет принципиального значения.

Калмыков боролся за власть и делал это вполне успешно благодаря тому, что одни его соперники (областная партийная организация)⁵² были слабыми, сопротивление же других (более сильных) он сумел подавить, снять их с должностей (в итоге вынудив часть из них покинуть область), предать суду и физической расправе.

О его политике писали И. Сталину, отмечая, что он «плюет на все с высоты птичьего полета» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 383] и многое другое (см. выше). Однако подобные заявления не имели ожидаемых последствий. Калмыков устраивал высший порядок в своей вотчине, к его мнению прислушивались наверху, его работой в основном были довольны. Когда встал вопрос о выделении Кабарды из состава Горской Республики, Б. Калмыкову удалось получить аудиенцию у И. Сталина (чего не смог добиться глава Карачая Умар Алиев) и убедить того в необходимости подобного шага. Кабарду ставили в пример другим автономным областям Юго-Восточной области по сбору продовольственного налога с крестьянства [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 293. Л. 18 об.], по многим результатам деятельности трудящихся области и их руководителя.

Конфликт между представителями разных звеньев власти, имевший место в Кабарде, не был неординарным для Северо-Кавказского региона, да и страны в целом. А. И. Микоян в закрытом письме Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в вышестоящую инстанцию о положении в Крае за период с ноября 1922 по февраль 1923 г. сообщал:

В Кабарде получились трения, во многом основанные на личных моментах, но имеющие своей основой... противопоставление советских работников партийному органу, что привело к фактическому параличу Обкома на некоторое время [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 293. Л. 42 об.].

⁵² «Кабардино-Балкарская (партийная. — *Авт.*) организация, — отмечали в 1922 г. представители Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), — по количественному и качественному своему составу является одной из наиболее слабых парторганизаций Юго-Восточного края» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 165. Л. 3; Ф. 65. Оп. 1. Д. 70. Л. 27]. Зато в 1926 г., когда Калмыков уже устранил и победил основных своих соперников, С. Орджоникидзе, переведенный из Закавказья в Ростов на должность секретаря Северо-Кавказской краевой партийной организации, знакомясь с обстановкой и делами на местах, записал в своем блокноте: «В Кабарде самый сильный аппарат» [РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 26. Д. 3. Л. 5].

Перед этим он излагал сведения о положении в Ставрополе (на которые ссылался при описании ситуации в Кабарде).

...Кроме того, было недовольство советских ответственных работников, не представленных в руководящих партийных органах, тем, что, что, как один из них выражался, «мы отвечаем за работу, но не мы решаем, а за нас решают». Эту тенденцию руководителей советских учреждений уплыть от руководства партии и ее органов, с перенесением ответственности за руководство от партии на руководителей советских учреждений, нужно считать нездоровой и антипартийной» [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 293. Л. 42 об.].

Подобное наблюдалось также в Армавирском округе, а по сведениям другого источника, борьба за должности и произвол творились в Кубанском округе [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 521. Л. 30]. Только в последних «нездоровые» явления имели место в однородной (или почти однородной) национальной среде, тогда как в Кабарде, а равно и в Карачае — в довольно пестрой в этническом отношении, и это придавало конфликтам особую остроту.

В упомянутом закрытом письме, а также в докладе на Первой краевой партконференции Микоян обращал внимание на приобретшие в Карачае особую остроту трения между черкесами и карачаевцами и на далеко не лучшую позицию в подобной ситуации прибывших из России товарищей, которые «свой план работы не соизмерили с теми возможностями, которые имеются у данного народа» [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 293. Л. 59]. По поводу подобных конфликтов создавались комиссии, отправлявшиеся для изучения обстоятельств дела в Ставрополь и в Армавир, в Карачай выезжали член краевого бюро и инструктор, а из Кабарды в Ростов «была вызвана группа работников для объяснений» [Там же. Л. 58]. На Бетале Калмыкове последнее мероприятие 1923 г. существенно не отразилось. Он остался на своем посту, и вряд ли его положение было значительно поколеблено⁵³.

В силу этого он позволял себе браваду относительно собственного пребывания во власти. В 1926 г. на Пятом Областном съезде Советов он заявлял:

Человек, который хочет сразу стать большим человеком, — не наш, он, значит, и маленького дела не сделает. Почему обязательно, если Калмыков с начала революции был председателем, то он вечный должен быть (председатель облисполкома. — Ю. К.). Нисколько. Как только более подходящий кандидат появится, Калмыкова надо будет немедленно заменить этим лучшим кандидатом... Кто имеет монопольное право закрепить за человеком ту или иную должность? [ЦГА КБР. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 342. Т. 2. Л. 591].

На деле же он ощущал себя полновесным хозяином в области и сообразно этому действовал. В 1930 г. он стал 1-м секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б). Исаак Бабель описывал его в этом статусе и, как мы знаем, сделал это в восторженных тонах.

Однако в ноябре 1938 г. Калмыков был арестован. В записях А. Пирожковой со слов И. Бабеля значится:

⁵³ Исключение в это же время К. Курджиева из партии и снятие его с должности председателя Карачаево-Черкесского облисполкома, Бюро крайкома отменило, как «не имеющие на то ни формального права, ни по существу» [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 296. Л. 77].

Его вызвали в Москву, в ЦК, и когда он вошел в одну из комнат, на него набросилось четыре или пять человек. При его физической силе не рисковали арестовать его обычным способом; его связали, обезоружили. И это Бетала, который мог перенести любую боль, но только не насилие над собой! После его ареста в Нальчике был созван партийный актив Кабардино-Балкарии. Поезд, с которым приехали представители ЦК, был заполнен военными — охраной НКВД. От вокзала до здания обкома, где собрался актив, был образован проход между двумя рядами вооруженных людей. На партактиве было объявлено о том, что Бетал Калмыков — враг народа и что он арестован, а после окончания заседания весь партактив по проходу, образованному вооруженными людьми, был выведен к поезду, посажен в вагоны и увезен в московские тюрьмы... [Пирожкова 1989: 254].

Ощущая предельную критичность ситуации, Бетал Калмыков написал письмо главным вершителям судеб страны и ее людей:

Секретарю ЦК ВКП (б) И. В. Сталину.

Наркому НКВД РСФСР Л. П. Берия.

У меня нет сил и возможности сколько-либо связанно и подробно написать Вам о своем деле.

25 февраля я послал вам заявление, я его целиком и полностью подтверждаю. Я ни в чем не виновен перед партией Ленина-Сталина и перед вами, тов. Сталин.

Вокруг меня искусственно плетется чудовищная провокация, меня оклеветали и оговаривают, а я на очных ставках не имею возможности задать вопроса людям, дающим против меня показания, между тем следствие сразу увидело бы, что показания против меня от начала до конца выдуманы и лживы, что в них нет ни одного слова правды.

Умоляю Вас, спасите меня от чудовищного оговора и клеветы.

Я был и останусь до конца своей жизни верен партии Ленина-Сталина и вам, Великий Сталин.

Спасите меня (*дважды перечеркнуто*). На протяжении двух десятилетий Вы неоднократно спасали меня от вражеской клеветы и нападок. Вы сделали меня человеком. Ваше отношение ко мне всегда воодушевляло и (нрзб.) меня на дело борьбы за коммунизм.

Сейчас я переживаю страшную трагедию и молю Вас, тов. Сталин, — спасите меня от чудовищной клеветы и оговора.

Бетал Калмыков. 21 марта 1939 года [Котляровы 2013: 524].

Приговор — высшая мера наказания, был приведен в исполнение в отношении Калмыкова 27 февраля 1940 г.

Дагестан

В феврале 1923 г. на Первой Юго-Восточной краевой конференции РКП(б) А. И. Микоян, освещая вопрос о разногласиях и группировочной борьбе в Крае, заметил:

Там, где больше сговоренности между работниками, как в Дагестане, там... нет этих трений [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 293. Л. 59].

Однако и в Дагестане положение в высшем эшелоне власти было далеко не простым.

Саид Габиев, в начале 1921 г. назначенный председателем Дагестанского ревкома, писал В. И. Ленину о положении в руководящих органах этой недавно провозглашенной республики:

...Отсутствие настоящей Советской работы, отчасти за отсутствием опытных советработников, отчасти по халатности вообще работников... Самое главное — раздвоенность работников и политики в области... Тогда как местные старые и молодые партийные работники отчасти ударялись как бы вправо, как бы перегибая палку в одну сторону, подчас слишком считаясь с местными условиями, т. е. как прозвано было это, строили ультра «Восточную политику», так называемые, с позволения сказать «центровики» на самом деле просто или никчемные люди, ничего не смыслящие ни в политике, ни в работе, или люди отрицательного типа — интриганы, создающие болото гнусной борьбы личностей и, безусловно, преступного отношения к своему партийному долгу и служебным обязанностям революционера. В итоге получалось печальное положение по Крыловской басне «Лебедь, Щука и Рак». А воз, как бы и ныне там. Если бы это было так, то было бы еще полбеды. Но благодаря многим обстоятельствам центровики в кавычках перегнули палку слишком сильно, и палка сломалась. Вместо того необычайно яркого отношения к доблестной Красной Армии и глубокой веры в Советвласть и в коммунистическую партию, у дагестанской бедноты и у дагестанского народа в целом создалось такое настроение, как будто единственной властью, враждебной Дагестану, является Советвласть и наша партия. И народ, который, не будучи квалифицированным рабочим, все же, как безземельная нищета, являвшийся по всем условиям своего быта пролетариатом в 85—90 %, (и который. — Ю. К.) и расслаивать не пришлось бы, как будто идет против пролетарской власти. Какая злая ирония судьбы [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 2. Л. 2 об.]⁵⁴.

Вопреки мнению А. Микояна об отсутствии трений в верхах Дагестанской Республики, таковые имели место и во время, когда данная оценка прозвучала, и позднее. В свете изложенного выше естественным выглядит то, что

⁵⁴ Практически одновременно в ЦК РКП(б) поступила записка, подписанная бывшими «центровиками» — представителями Центра, направленными на работу в Дагестан, но снятыми со своих должностей; первой была подпись бывшего председателя ЧК Дагестана Э. Квинринга. В записке говорилось: «...Председатель Габиев абсолютно не имеет никакого представления о советском строительстве и всю работу ревкома, а вместе с ним и отделов, сводит к распределению продовольствия, поддержке кулаков, мулл и кадиев и интригам по отношению ко всем советским работникам, командированным из центра. Своими преступными распоряжениями он дискредитирует и провоцирует органы советской власти, в особенности там, где во главе стоят русские товарищи. Желая добиться славы, дает советским органам нелепейшие распоряжения, заранее зная, что они невыполнимы, и этим достигает того, что в глазах населения получается представление, якобы ревком, во главе с правоверным мусульманином, очень хорош, а эти приезжие большевики грабят „наш несчастный дагестанский народ“. В области партийной работы дело обстоит еще хуже... В коммунистичности Габиева, Мамедбекова, Ахундова и других мы очень сильно сомневаемся... Надо раз и навсегда отказаться от той мысли, что русские товарищи-коммунисты не могут пользоваться доверием дагестанской бедноты, что якобы беднота доверяет авантюристам Габиевым. Мы настаиваем и находим, что единственный выход из положения — немедленно создать ревком и партком из опытных советских и партийных работников-центровиков. Все интриганы, авантюристы вроде Габиева, Ахундова и других, должны быть немедленно убраны из Дагестана. Это не исключает возможность и необходимость иметь в ревкоме и парткоме местных коммунистов» [ЦК РКП(б) 2005: 43—44].

и в Дагестане проблемы означенного рода в основном концентрировались вокруг главы исполнительной власти республики, а с марта 1934 г. — ее партийного руководителя Нажмутдина Самурского (настоящая фамилия Эфендиев)⁵⁵.

Фигура Н. Самурского, его деятельность как политика и практика большого масштаба отличается от таковых Курджиева и Калмыкова⁵⁶. Однако и роднит их значимое, что обусловлено принадлежностью к единой когорте. В последние годы появились публикации, в которых оспариваются заслуги Н. Самурского и ответ на них, подтверждающий высокие деловые и моральные качества Н. Самурского [Ханбабаев 2004]. Имеются и монографические описания жизни и деятельности «выдающегося человека» [Агаев 1990]. Так либо иначе, Нажмутдин Самурский являлся натурой целеустремленной, благодаря этому ярко вошедшей в новейшую историю Дагестана. Он был талантливым политиком, тонко чувствовавшим специфику переживаемого момента, общественные настроения на местах и движения в Центре и умело выставившим себя где и как надо.

Напомним слова Самурского о необходимости «наиболее полной национализации власти и ее аппарата» в Дагестане (изложенные в публикации 1925 г.), хотя нет известных примеров его открытого противодействия русским и прочим недагестанцам в республике. В свое время получило широкий резонанс его публичное высказывание: «Ванька прет». Однако его политика была далеко не прямолинейной, так что вслед за этой несколько шокировавшей делегатов «частного совещания» фразой Самурский говорил о выгоды сохранения национальными образованияами автономных начал в Российской Федерации (об этом подробно см. в предыдущей главе).

В конце 1921 г. на Буйнакской районной комиссии по пересмотру, проверке и чистке партии рассматривалось заявление ряда товарищей на Самурского, содержащее обвинение его в том, что он «разъезжал по округам ради популяризации себя и только... Допускал на съездах всевозможные обещания и распоряжения, не входившие в его компетенцию... При поездках брал с собой свиты сотрудников... С посетителями крайне груб» и т. д. (Самурский аргументированно отгел подобные обвинения) [Ханбабаев 2004: 166—167]. Во второй половине 1920-х гг. резко обозначился конфликт Самурского — главы

⁵⁵ Нажмутдин Самурский (Эфендиев). — Родился в 1891 г. в селении аул Куруш Самурского округа. Сын овцевода-кочевника. Образование получил в 2-классной средней школе. Воспитывался своим дядей — кадием. В 1908 г., не захотев поступать на работу писарем, бежал из семьи в Иркутск. Работал рабочим, затем приказчиком. В 1913 г. закончил Иркутское горнотехническое училище. В 1915 г. вернулся в Дагестан, работал на нефтепромыслах в Азербайджане. В 1917—1919 гг. активно участвовал в революционном движении в Азербайджане и на Северном Кавказе. В 1919 г. председатель бюро азербайджанской большевистской партии «Гуммет». С 1919 г. уполномоченный Наркомата иностранных дел по делам Кавказа и одновременно начальник политотдела 11-й армии. В 1920 г. председатель горского отдела Кавказского ревкома, член Дагестанского ревкома. С 1921 г. нарком внутренних дел и зам. председателя ревкома Дагестанской АССР. С конца 1921 г. и по 1928 г. председатель ЦИК ДАССР [http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/samurskin.php; <http://ru.wikipedia.org/wiki/>].

⁵⁶ В частности то, что Н. Самурский был автором едва ли не первого в науке обстоятельного монографического описания Дагестана [Самурский 1925а] и кандидатом исторических наук.

исполнительной власти ДАССР с секретарем обкома М. Л. Грановским, первый упрекал обком в том, что тот «слишком вмешивается в советскую работу», даже «по мелочам». В целях прекращения группировочной борьбы они оба были отозваны в распоряжение ЦК ВКП(б) [Ханбабаев 2004: 177].

В 1920-х—начале 1930-х гг. групповая борьба за лидерство в республике ощущалась довольно остро. Конкурировали между собой Саид Габиев⁵⁷, Джалал Коркмасов⁵⁸ и Нажмутдин Самурский, с одной стороны, и опять же Самурский, Керим Мамедбеков⁵⁹ и Магомед Далгат⁶⁰ — с другой. К середине 1930-х гг. противоречия такого рода усилились [Какагасанов 2010: 106].

Весной 1937 г. на собрании областного и махачкалинского городского партийного актива в начале марта 1937 г. тогдашний председатель СНК республики К. Мамедбеков в своем выступлении заявил:

Надо положить конец вождизму в Дагестане, ибо вождизм ведет к тому, что нет коллективного руководства... Элементы вождизма приводили к ряду фактов, которые были не в интересах нашего строительства, не в интересах нашей партийной организации (цит. по: [Какагасанов 2010: 71]).

Некоторые исследователи полагают, что в данном случае подразумевался Нажмутдин Самурский [Там же: 71]. Впрочем, следует принять во внимание

⁵⁷ Саид Ибрагимович Габиев (1882—1963). — В 1903 г. окончил гимназию в Ставрополе, а затем поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет. Принимал активное участие в революции 1905 г. В 1912—1913 гг. редактировал и издавал в Санкт-Петербурге газету «Заря Дагестана». В мае 1917 г. принимал участие в 1-м Горском съезде во Владикавказе, где выступил с докладом о народном образовании. Был избран кандидатом в члены ЦК Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. В начале 1920-х гг. исполнял обязанности председателя ревкома ДССР. Вскоре возглавил Наркомпрос, затем Наркомфин Совнаркома ДССР. Чл. Даг. ЦИК. С 1927 г. работал на административных должностях в Закавказье. Широко известен своей литературной деятельностью.

⁵⁸ Джелал-эд-Дин Асельдерович Коркмасов (варианты написания имени: Джелал, Джалал и др.) (1837—1937). — Учился на классическом отделении Ставропольской гимназии. В 1897 г. поступил на естественный факультет Московского университета. После первого года обучения выехал во Францию, где продолжил образование на естественном факультете Сорбоннского университета, а также в Высшей Парижской школе социологии и антропологии. Юрист по образованию. С августа 1917 г. — председатель Временного областного исполкома (глава правительства Дагестанской области). После октябрьского переворота поддержал большевиков, главным образом в связи с их Обращением к мусульманам России и программой по национальной политике. С декабря 1920 г. являлся членом правительства РСФСР — член ВЦИК, а с 1922 г. — член ЦИК СССР. В 1921—1931 гг. являлся председателем СНК и Экономического совета Дагестанской ССР.

⁵⁹ Керим Гусейнович Мамедбеков (1899—1938) — председатель Дагестанской областной ЧК (1921—1922), народный комиссар внутренних дел Дагестанской АССР (1921—1923), начальник Дагестанского областного отдела ГПУ (1922—1925 и 1928—1931), народный комиссар финансов Дагестанской АССР (1925—1928) и председатель СНК Дагестанской АССР (1931—1937).

⁶⁰ Магомед Алибекович Далгат (1893—1942) — окончил Темир-Хан-Шуринское реальное училище; учился в Томском университете и в Московском коммерческом институте. В 1918 г. — председатель юридической комиссии Дагревкома; в 1921—1922 гг. — заместитель председателя Дагобкома РКП(б); в 1922—1923 гг. и 1928—1937 гг. — председатель ДагЦИК.

время, когда были произнесены эти слова, а именно период массовых обличительных заявлений и разоблачений врагов народа.

Г. И. Какагасанов отмечает, что авторы (А. Агаев, К. Ханбабаев), обращающиеся к биографии Нажмутдина Самурского, необоснованно преуменьшают его роль в осуществлении репрессий в республике. Он приводит выступление Самурского на XIV областной партконференции (май—июнь 1937 г.), в котором тот подчеркивал активную роль Дагестанского обкома партии и лично свою в разоблачении врагов народа [Там же: 73]. За подписью Самурского в Политбюро ЦК ВКП(б) в 1937 г. дважды посылались на утверждение заявки на лимиты по применению репрессивных мер; второй лимит был количественно перевыполнен [Там же: 10—11]. Какагасанов не склонен представлять Самурского злодеем, отмечая, что трагедией для него явилось влияние 2-го секретаря обкома М. Сорокина и начальника управления НКВД по ДАССР В. Ломоносова [Какагасанов 2010: 73].

Сложное время, сложная обстановка, непростые судьбы... Однако нельзя не принимать во внимание оценку Нажмутдина Самурского как опытного и тонкого политика, благодаря чему он долгие годы оставался лидером республики. Впрочем, со временем его не миновала участь неугодной Центру фигуры. В конце сентября 1937 г. его исключили из рядов ВКП(б); 1 августа следующего года он был приговорен к расстрелу. Его конкурентов в борьбе за власть постигла та же участь.

* * *

Признаем факт — везде отношения во властных структурах не были простыми, даже если власть была «народной», а ее представители действовали «во имя и благо народа».

Революция вывела на арену больших свершений плеяду новых фигурантов. Значительная их часть была «разночинцами» горско-кавказских вариантов, некоторые — с хорошим и даже с блестящим образованием, полученным в университетах Европы и стран Востока. Одни приходили в нее почти сразу и осознанно (в том числе через мысли и идеи, сформировавшиеся в ходе и после Февральской революции), другие — в результате относительно длительных внутренних тревожений и поисков. Это, особенно последний вариант, не исключало наличия авантюрного момента в их судьбоносных решениях и поступках. Во многом отсюда разночтения в биографиях «больших» людей того времени. Вхождение (попадание) в когорту власть имущих в любых условиях и при различных обстоятельствах весьма соблазнительно. Столь же огорчительно выпадение из этого «гнезда». Поэтому борьба за власть обретала жесткие, а подчас и нелицеприятные формы.

Впрочем, в приведенных примерах следует отметить некоторые закономерности.

Конфликты возникали не только и даже не столько в среде местных политиков (причиной их, помимо личных счетов и «расчетов», нередко являлась принадлежность оных к разным этническим, субэтническим и конфессиональным группам), сколько между представителями двух ветвей власти — партийной и советской. В 1920-е гг. первая являлась принадлежностью «русских товарищей» (которые руководствовались общими принципами нового государственного порядка), вторая — националов, практически работавших

и в целом отвечавших за происходящее на местах. Насколько корректным было «высокое» партийное руководство, судить не беремся, но то, что оно вызывало недовольство реальных руководителей на местах, очевидно. И, судя по всему, не только по причине личных амбиций последних. Это была общая ситуация в многонациональной стране.

Подобное наблюдалось в Карачаево-Черкесии [Аджиева 2008: 15]. В свою очередь, дагестанские товарищи были крайне недовольны установившейся практикой перевода местных аппаратчиков в Северо-Кавказский край и присылкой на их место русских выдвигенцев. Это, по оценке дагестанцев, не могло быть возмещено «и десятком центровиков, которые покрутятся среди 33 языков и племен, спишут с партийного справочника несколько циркуляров, да и уедут обратно, оставив недоумевающих горцев... Для всякой работы необходима ударная группа спевшихся, одинаково понимающих задачи строительства работников как в центре, так и на местах. У нас также существует такая основная группа одинаково понимающих задачи партии в Дагестане, возглавляемая Джелалом (Коркмасовым. — *Авт.*). Если ЦК партии решил эту группу ликвидировать по тем или другим соображениям, то желательно было бы узнать действительные причины этой ликвидации» [Репрессии 1997: 270]⁶¹.

Разрешением подобной полукризисной ситуации (хотя вряд ли полным) стало изменение общей конфигурации власти, в результате которого в конце 1920-х и массово в начале 1930-х гг. партийное руководство на местах (на уровне автономных республик и областей) было предоставлено националам. Теперь они в той мере, в какой позволяла союзная власть, верховодили предоставленными им в удел государственными (точнее, полугосударственными) образованиями. Правда, удел был условным, так как в любой момент его начальник мог быть смещен с должности, а то и жестко наказан, ибо партийная дисциплина в свете известного централизма контролировалась в надлежащей мере.

Подобная корректировка была не столько уступкой претензиям местных руководителей, сколько мерой, определенной общим изменением структуры власти в стране, когда партийное руководство вышло на первые роли по сравнению с руководством советским. Соответствующие изменения происходили в те годы, когда в стране завершался разгром тех либо иных партийных оппозиций и «групп вредителей», что позволило Центру проявлять большее «доверие» под собственным неусыпным контролем в том числе национальным кадрам.

К этому следует добавить и другой немаловажный факт — данные изменения происходили в русле активно развернутой сверху еще в середине 1920-х гг. кампании по коренизации аппаратов власти на местах. О ней речь пойдет в следующей главе.

А сейчас о другом.

Власть и мусульмане

В настоящем случае эта обширная тема будет затронута только в одном аспекте, а именно связанном с практикой реализации национальной политики.

⁶¹ Распри между партийными работниками и служащими советских организаций в Дагестане прослеживались и на низовом уровне, в округах [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 322. Л. 51 об.].

Вопрос об отношениях с мусульманами имел для новой власти принципиальное значение. Они являлись второй по численности конфессиональной группой населения страны, к тому же с весьма своеобразными культурно-бытовыми традициями (не совпадавшими в разных историко-культурных и природно-географических областях их проживания). А в начале XX в., в частности в Дагестане, вообще отмечался подъем религиозности масс [Пантюхов 1901, № 233].

Мусульманское же духовенство, почти без преувеличения можно сказать, играло огромную роль в жизни местных обществ. Да и в первые послереволюционные годы духовенство сохраняло свои высокие социальные позиции. Председатель Дагестанского ЦИК Нажмутдин Самурский говорил о глубоком проникновении религии в повседневную жизнь горцев и об открытой позиции мусульманского духовенства в местном обществе, так как оно не знает «тайны священства», живет жизнью «мирян» и не отличается от них даже внешне.

Мулла одет так же, как и все другие, он так же вооружен кинжалом и винтовкой, и в бою он является обыкновенно руководителем и начальником, сражаясь в первых рядах. Все это создает спайку между духовенством и населением гораздо большую, нежели в христианской религии, все это усиливает влияние духовенства. Духовенство, выходящее постоянно из народа (ранее автор отмечал: «для того чтобы сделаться духовным лицом, достаточно получить известное духовное образование». — Ю. К.), тесно связанное с ним, живущее общей с ним жизнью, принимающее активное участие во всех событиях в качестве непосредственного руководителя, конечно, обладает большим весом.

Обобщая, он отмечал:

Духовное лицо — это не только священник, но и судья, народный учитель, военный вождь, борец за свободу и независимость, носитель образованности, владелец общественных средств и председатель комитета взаимопомощи. Идеология, культура, быт и экономика — все находится в руках духовенства, или, иначе говоря, в его руках находится вся организация общественной жизни.

Он говорил о высоком интеллектуальном уровне местного духовенства (шейхов, мулл, кадиев, муталимов, алимов и т. д.) и отмечал его многочисленность — 4 % от общего числа населения (тогда как в России, по его оценке, духовенство не составляло и десятой части процента) [Самурский 1925а: 127—132].

Практически то же фиксировал автор записки (1924) о положении в Андийском округе:

...Влияние духовенства на жизнь сельчан самое неограниченное. В духовенстве население видит своих руководителей, вождей бытового порядка. Все вопросы аульского общественного порядка решаются кадиями, муллами. В затруднительных случаях г[ражд]а не обращаются с советом к духовным пастырям. Просветительным органом аула является мечеть — беседы и советы мулл. Домашние вопросы — внутреннего характера рассматриваются муллами. Короче говоря, духовная жизнь г[ражд]анина находится под влиянием мулл и их учения [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 522. Л. 81].

Привлечение большевиками на свою сторону мусульманского населения в глазах политиков имело и другое важное, а именно международное значение в плане развития мирового революционного процесса на Востоке. По этим

причинам 20 ноября (3 декабря) 1917 г. появилось обращение «К трудящимся мусульманам России и Востока». В нем говорилось:

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов... Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное Правительство! [Декреты 1957: 114].

Со своей стороны, и мусульмане в той либо иной мере были заинтересованы в установлении диалога с новой властью, в свете чего 1 декабря 1917 г. состоялась встреча председателя Икомуса Ахмеда Цаликова с комиссаром по национальным делам И. В. Сталиным. Цаликов указал, что отношение «революционной демократии мусульманских народностей к большевистскому правительству» было изложено в составленном им «открытом письме» в адрес Совета народных комиссаров, где отмечалось, что «односторонняя власть не может быть признана мусульманской демократией, как и демократией остальных народов». Поскольку большевики предоставляют мусульманам возможность самостоятельного обустройства жизни, «демократия мусульманских народов» может сохранить по отношению к ним «известную лояльность». Сталин заявил, что это является единственным пожеланием и новой власти. И далее обрисовал три возможные комбинации организации отношений между властью и мусульманами: создание комиссариата по мусульманским делам с представителями от всех крупных мусульманских народов; назначение по представлению мусульманских организаций в лице Икомуса на пост помощника комиссара по делам мусульман мусульманина-социалиста; при неприемлемости таких вариантов «сохранение только деловых сношений спорадических для безболезненного урегулирования разных мусульманских вопросов». А. Цаликов обещал обсудить в соответствующем кругу данные предложения, при этом потребовав немедленно решить вопрос о возвращении мусульманам реликвии — Корана Османа (Усмана), хранившегося в Публичной библиотеке в Петрограде. Сталин ответил согласием [ЦГА РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 36. Л. 22—23]. В том же месяце по указанию председателя СНК В. И. Ленина Коран Усмана был возвращен мусульманской общине⁶².

Из пересказа данного разговора видна заинтересованность большевистского правительства в обеспечении политической лояльности населения иноверческих окраин империи и фактически прямая соотнесенность конфессионального фактора с национальным.

Специфика отношений с населением Северного Кавказа обуславливалась и тем, что оно являлось действенным звеном в развитии событий на Юге России, к тому же с яркими боевыми традициями, в частности проявленными в ходе многодесятилетней Кавказской войны XIX в. Поэтому в ходе гражданской войны большевики рассчитывали не только на лояльность, но больше — на поддержку мусульманского населения. В телеграмме, посланной В. И. Ле-

⁶² Дальнейшая его история схожа с судьбами других реликвий разных конфессий — Коран попал в музейное собрание. Вновь древний список был передан из Музея истории Узбекской ССР мусульманской общине в 1990 г. [Резван 2006: 212, 230, 255].

ниным члену Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе в апреле 1920 г., говорилось:

...Еще раз прошу действовать осторожно и проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее (цит. по: [Власть и религия 2007: 26]).

В 1918 г., когда ситуация в регионе для Красной Армии оказалась сложной, находившийся там С. М. Киров говорил, что, изучая работников в Кабарде и Балкарии, нужно подбирать эфендия или муллу, с которым можно было бы объединить на советской платформе бедноту. Выбор пал на Назира Катханова, который уже через несколько дней собрал отряд численностью не менее сотни человек, преимущественно состоявший из мулл, и двинулся с ним по Малой Кабарде к Нальчику [Жанситов 2009: 37]⁶³.

Насколько случайным был подобный союз сторонников разных идеологических взглядов?

Константин Чхеидзе, участник революции, впоследствии живший в эмиграции, заметил о «совершенно неожиданном увлечении идеями Октябрьской революции: группа религиозно-национально настроенных учеников мусульманской духовной школы во главе с Назыром (Катхановым. — Ю. К.) верила, что именно большевистский октябрь принесет Кабарде обновление слова пророка Магомета и возрождение народной души». И далее отмечал от своего имени: «Каким образом можно было прийти к такой странной мысли?» [Чхеидзе 2004: 190]⁶⁴.

Однако «странные мысли» в обществе, появление новых активно действующих в нем лиц в период революций явление заурядное⁶⁵.

⁶³ Участие духовных лиц, организованных в отряды, в военных действиях тех лет не покажется странным с учетом того, что и в XIX в., в ходе Кавказской войны, они нередко выступали в такой же роли. Один из бытописателей того времени относительно духовенства у адыгов отмечал следующее: «Они были вооружены и одеты не хуже всякого наездника, ездили верхом, участвовали в военных предприятиях не в качестве только подателей духовной помощи раненым и умирающим, но и как настоящие воины, а очень часто и как предводители» [Каламбий 1988: 224]. Здесь же можно заметить, что такая практика восходила к весьма архаичным социальным институтам, хотя и в трансформированном виде, но сохранявшимся в общественной жизни населения Северо-Кавказского региона (см.: [Карпов 1996: 264—275]).

⁶⁴ В другом месте он же писал: «...Антибольшевики в массе боролись за сохранение нормального мирного положения; они не возражали против реформ, но не знали, какие реформы нужны; на их знамени было написано: предание и обычай. Большевики требовали крайних реформ, шли к ним кровавым путем; по крайней мере, их вожди... знали, чего они хотят, и одновременно они требовали установления шариата. Столкновения адата и шариата как столкновения потока жизненных явлений и неподвижной догмы неизбежны. Они бывали всюду в мусульманском мире. В Кабарде (отчасти и в Чечне) большевизм осложнялся шариатом, антибольшевизм — адатом. С философской точки зрения допустимо такое объяснение союза пролетарской революции и шариата: программа коммунистов так же реалистична по своей природе, как шариатизм. Т. о. в моментах аксиологических всегда улавливается созвучие. И пусть правоторные простят эти строки: „Я стремлюсь к истине, не к обиде!..“» [Чхеидзе 2009: 27].

⁶⁵ Примем во внимание, что идея богостроительства (в том числе при социализме) была достаточно популярной в среде демократически настроенной российской ин-

В Дагестане большевикам удалось привлечь на свою сторону одного из главных духовных авторитетов — шейха Али-Хаджи Акушинского. Точнее, он оказался подвержен коммунистическим идеям, так что называл большевиков сторонниками свободы (хурията) и защитниками бедноты и считал, что в условиях гражданской войны выход из кризиса могут найти только сторонники социалистического выбора. Принявшие его сторону горцы явились действенным противовесом формированиям, воевавшим против красных под руководством муфтия (имамы) Нажмутдина Гоцинского и шейха Узун-Хаджи Салтинского, и значительной силой в борьбе с армией генерала А. И. Деникина.

Впрочем, отношение властей предержащих к такому союзнику было весьма циничным. На заседании ответственных работников совместно с обкомом РКП(б) и ревкомом Дагестана, состоявшимся в конце сентября 1920 г., выступил председатель ЧК Дагестана Э. Квиринг и критически высказался относительно союза местной власти с Али-Хаджи Акушинским:

...Акушинцы (здесь сторонники Али-Хаджи. — *Авт.*) — приверженцы шариата и религиозной фанатичности являются нашими спутчиками, которых мы можем использовать, но не за счет коммунизма и Советской власти, а также не путем большого восхваления, наблюдаемого в местной прессе и хвалебными песнями, поющими на заседаниях ревкома в честь Али-Гаджи предревкома Габиевым. Все это углубляет и развивает в тесной массе религиозное чувство, превращая временных наших попутчиков в народных героев, и недалек тот момент, когда предревкома или зампредревкома будет Али-Гаджи [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 29].

По поводу этих замечаний член ревкома Дагестана Н. Самурский выразился так:

...Да я на него (Али-Хаджи. — *Ю. К.*) чихал, почему ему не сказать несколько красивых слов и не дать ему сахару и кишмишу — пусть пьет сладкий чай, а мы его используем. Есть даже постановление обкома об использовании Али-Гаджи. Шариат мы допускаем, но, конечно, не в такой широкой форме, как выставил в тезисах своих тов. Квиринг [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 31].

А председатель Дагестанского ревкома Саид Габиев к этому добавил:

Относительно героя Али-Гаджи могу сказать, что мы его, никому не знакомого, выкопали во время борьбы из Акушей и создали противовес Нажмудину тогда, когда нажмудиновцы гуляли по всему Дагестану. Создавая Али-Гаджи, мы создавали себе попутчика. Он хорошо об этом сам знает. В беседе своей со мной и тов. Кормасовым он говорил «при захвате власти не забудьте меня, старика». Если же вокруг него появились гады, разводящие нечисть, — нужно бороться с ними [Там же. Л. 32].

Циничность подобных заявлений выглядит еще более откровенной с учетом следующих фактов. Спустя две недели после этого заседания тот же Самурский обратился к Али-Хаджи Акушинскому с письмом. В нем он, ссылаясь на собственную и других активных большевиков Дагестана принадлеж-

телигенции после революции 1905—1907 гг. (см.: [Бердяев 1907; Горький 1909]). Разделял ее и будущий нарком просвещения А. В. Луначарский (см.: [Луначарский 1908; 1998]).

ность к лону магометанства, одновременно отмечал, что ведущий борьбу с Красной Армией и красными партизанами якобы в защиту ислама Н. Гоцинский уже несколько раз «продавал и нацию и шариат», и он призывал шейха действительно поддержать военные силы красных [Власть и религия 2007: 30—31]. А в конце 1921 г., отстаивая правоту собственной деятельности перед комиссией, разбиравшей его персональное дело, Н. Самурский с гордостью говорил, что во время объездов округов Дагестана ему удалось «подорвать в глазах преданного шариату мусульманского населения авторитет шариатских судов и показать весь (их) вред прежде всего для самого населения» (цит. по: [Ханбабаев 2004: 169—170]).

На начальном этапе мирной жизни, когда новой власти требовалось добиваться расположения населения, религию и религиозные чувства мусульман допускалось использовать. Впрочем, с оговорками.

Из речи С. М. Кирова о шариате на учредительном съезде Советов Горской АССР:

...С первого дня мы заявили, как мы относимся к религии. Во что каждый верует, этого мы ни с какой стороны не касаемся. Можно молиться, верить и надеяться на что хочешь; это первое положение установлено нами давно.

Не было, по его словам, возражений новой власти и против шариата. Однако последний касается не только вопросов веры, но распространяется и на «область общего управления». А «новые формы вашей внутренней жизни, которые намечаются здесь, должны отвечать двум требованиям: чтобы власть трудящихся, бедноты была глубоко понятна народным массам — это раз, с другой стороны — чтобы все ваше устройство и какие угодно учреждения и новые суды служили на пользу и для укрепления рабоче-крестьянской власти. Вот два требования, которым должна отвечать Советская власть, где бы она ни была...»

На замечание одного из участников съезда о том, что предпринимаемые советской властью якобы с учетом интересов мусульман шаги являются всего лишь дипломатией большевиков, Киров категорически возразил, указав, впрочем, на необходимость соблюдения упомянутых двух требований:

Вся дипломатия сводится к тому, что независимо от племени, языка и верования нужно создать прочные советские основы жизни. Там, где не могут создать нужных государственных аппаратов и где под сенью шариата или чего другого разовьют агитацию, враждебную Советской власти, — верно, с этим мы будем бороться, антисоветские группы разгоним, будем и впредь всегда разгонять. Это наша задача... Берите нас, какие мы есть. Я думаю, что всякий, на какой бы точке зрения он ни стоял, нас поймет в конце концов [Документы 1983: 646—648].

Оценивая положение с религией в Северо-Кавказском регионе в это время, необходимо учитывать неодинаковый уровень религиозности населения разных его частей. Наиболее высоким он был в Дагестане и Чечне. На это указывали их представители, и это должна была принимать во внимание центральная власть.

Председатель Дагестанского ревкома Саид Габиев по данному поводу в 1922 г. писал Ленину:

Отношение к религии. Относительно религии необходимо проявить максимум осторожности, ибо Дагестанцы очень фанатичны в огромном большинстве своем и крепки в вере в Бога. У них имеется много своеобразных религиозных тонкостей, которыми соткана почти вся жизнь мусульманина с колыбели до могилы. Альфа и Омега жизни мусульманина — КОРАН и ШАРИАТ. Если мы станем на точку зрения тех дагестанских, с позволения сказать, «центровиков», то душу дагестанцев мы скоро не покорим. Мы сможем горцев побить, завоевать, подчинить своей власти, но это будет призрачная власть, ибо горец Дагестана все же будет считать нас новыми завоевателями-поработителями и будет косо смотреть на нас до поры до времени, дожидаясь удобного момента снова выступить с оружием в руках. ШАРИАТ — институт, уже совершенно не отвечающий современному мирозерцанию большинства Дагестанцев, и он сам себя изживет в течение 1—2 лет, если мы не будем закреплять его своею борьбою против него. Его надо игнорировать, не замечать, не давать даже ни одного слабоценного работника в Шариятский отдел, и он захиреет сам и умрет естественной смертью. Определенные признаки этого уже имеются. Пока еще сильно духовенство, которое с каждым часом теряет авторитет, здесь придется построить «Восточную политику» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 2. Л. 6].

«Восточная политика» подразумевала имевшуюся в виду «оппонентом» Кирова на упомянутом съезде двойственную линию поведения власти, говорившей о «дипломатии» большевиков. Коль скоро такая «дипломатия» оказывалась вполне очевидной для рядовых граждан, то от властей предержащих до поры требовалось особое искусство проводить собственную политическую линию, не вызывая открытых нареканий массы верующих, для чего она шла на определенные уступки последней.

Власти удалось склонить часть духовенства на свою сторону. В конце 1923 г. в дагестанском селении Кахиб состоялся съезд духовенства, абсолютным большинством голосов принявший резолюцию о содействии Советской власти. В ней говорилось:

Съезд призывает всех мусульман Дагестана и тех местностей, где слышат наш призыв, всей душой искренно подчиняться существующей сейчас Советской власти и рука об руку с нею бороться против общих врагов свободных Советских Республик и всего мусульманского мира [Власть и религия 2007: 43].

В 1925 г. Н. Самурский, ранее, как можно было увидеть из процитированных документов, цинично высказывавшийся по адресу Али-Хаджи Акушинского и ставивший себе в заслугу борьбу с шариатом, в новых условиях, будучи уже главой Дагестана и, соответственно, иначе, нежели в прежних ситуациях, оценивая реалии, счел необходимым написать, что в Дагестане, где не было политических партий, духовенство (тесно связанное с народом и представлявшее собой «слой интеллигенции, руководящей всеми проявлениями жизни народа») являлось единственной силой, с которой приходилось сталкиваться советской власти, и потому политические работники последней должны быть предельно корректными с представителями этой силы, тем более воздерживаться от антирелигиозной пропаганды. В свою очередь, духовенство якобы априори не отвергало идей коммунизма, «наоборот, мюридизм, — писал Н. Самурский, — в последнее время заметно расширяющийся в Дагестане (! — Ю. К.), охотно подделывается под коммунизм. Современные мюриды называют себя коммунистами не без основания. В их проповеди, безусловно, есть черты коммунизма, но коммунизма религиозного, аскетиче-

ского, первобытного...» Что было неприемлемым для духовенства в советской власти, так это ее атеистическая идеология, напрямую воспринимавшаяся «иноземной, гяурской... носительницей „греховной, проклятой“ западной цивилизации» [Самурский 1925а: 127—131]⁶⁶.

Показателен и пример из жизни соседнего с Северным Кавказом Закавказья.

В ноябре 1924 г. в ЦИК ССР Грузии с ходатайством о строительстве в Тифлисе мусульманской школы обратился Мусульманский комитет, функционировавший при Комитете народного образования Тифисполкома. Груз-ЦИК переадресовал эту просьбу в ЦИК Закавказской Федерации. Последний вынес следующее решение:

Поддерживая ходатайство ГрузЦИКа о необходимости постройки в Тифлисе Мусульманской школы и принимая во внимание отсутствие средств как у ЦИК ССРГ (Социалистической Советской Республики Грузия. — *Авт.*), так и у ЗакЦИКа, возбудить соответствующее ходатайство перед ЦИК СССР об отпуске необходимых средств по смете Мусульманского Комитета на постройку Мусульманской школы в Тифлисе, переслав означенную смету в ЦИК Союза С.С.Р. [ЦАНИ РГ. Ф. 607. Оп. 2. Д. 3483. Л. 46 об.]⁶⁷.

Обратим внимание на ряд моментов. Соответствующее решение датируется концом 1924 г., т. е. временем, когда начался отход партийно-советского руководства страны от курса лояльной политики в отношении религиозных институтов. Тем не менее советский орган — ЗакЦИК счел возможным не только поддержать данную просьбу, но и переадресовать ее в Москву в расчете на положительное решение оной, т. е. финансирование упомянутого проекта. Возможно, к тому моменту до Закавказья еще не докатилась волна корректировки политики в отношении религии (что уже наблюдалось на Северном Кавказе; об этом ниже), но сам факт возможности направления подобной просьбы в советские инстанции различного уровня, до самого верха, показателен. Он свидетельствует о ранее существовавшей практике более чем терпимого отношения государства к некоторым религиозным институтам.

Когда утверждавшаяся в регионе власть, преследовавшая собственные цели и учитывавшая обстоятельства текущего момента и специфику местной

⁶⁶ Представленная Самурским в этой печатной работе оценка роли и места мусульманского духовенства в жизни населения Дагестана дополнительно характеризует его как искусного политика. Примечательно, что сам он, по собственным его словам, был далек от религии. В автобиографии он писал, что с 8 лет родной дед, с которым он жил в селении Куруш, вменял мальчику в обязанность изучение Корана и других арабских религиозных книг. «Я был крайне неподатлив к восприятию всех премудростей религиозного учения, и, конечно, меня за это крепко наказывали, т. е. попросту били. Так продолжалось до 12 лет, до смерти моего деда. К этому времени один из моих дядей был назначен окружным кадием в селение Ахты (центр Самурского округа). По его требованию я перешел на его попечение, которое оказалось для меня еще более тяжелым. В новой обстановке я вскоре увидел всю неприглядность существовавшего порядка и ложь религии. Увидел все ханжество, лесть, угодливость и лицемерие лиц, желавших быть близкими к дяде-кадию, а с его стороны те взятки, те вымогательства, кои стали обыкновением в обиходе этого „уважаемого“ арабиста, носителя шариатского религиозного права...» [Самурский. Автобиография].

⁶⁷ В Кабарде еще в 1918 г. решался вопрос о выделении для «мусульманской духовной семинарии» помещения в Нальчике [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 5].

этнокультурной среды, заявила о признании шариата как судебной практики местного населения (но не как базы его общественно-политического устройства), шариатские суды стали обычным явлением в жизни северокавказских обществ⁶⁸. Их число множилось, они функционировали во всех мусульманских районах края, хотя конкретные цифры время от времени менялись.

В Кабардино-Балкарии в 1922 г. сельские шариатские суды были «упразднены и вновь введены окружные с Советом и особой Сессией. Состав судей, — сообщалось в отчете облисполкома, — весь с высшим образованием». Данное решение вызвало просьбы крестьян о восстановлении сельских судов, так как из-за больших расстояний от центра округа им было трудно обращаться с жалобами в окружной суд [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 125, 142].

Шариатские суды, став частью узаконенной судебно-правовой системы, рассчитывали на обещанную им материальную и финансовую поддержку государства. В марте 1922 г. из Назрани в ЦИК Горской Республики поступило от представителей местного шариатского суда указание «сделать буде возможности, распоряжения об увеличении жалованья служащим суда, о выдаче трудпайков, о снабжении суда канцелярскими принадлежностями, об отпуске служащим шарсотни фуража, довольствия, обмундирования и проч. наравне с милиционерами Главмилиции». От имени председателя ГорЦИК И. Б. Зязикова депеша с просьбой удовлетворить данную просьбу была отправлена в Москву в Народный комиссариат юстиции [ЦГА РСФСР. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 22. Л. 47, 48—49].

Однако чаще подобные просьбы по тем или иным причинам не удовлетворялись.

Заведующий Дагестанским областным шариатским отделом О. Османов летом 1922 г. писал по данному поводу в Дагком⁶⁹. Он ссылался на то, что подбирал в шариатские суды «самых революционно настроенных» знатоков соответствующих судебно-правовых норм и практик, «дабы показать воочию... самому народу, насколько советские власти благожелательно настроены к шариату и что никто не намерен покушаться на идеал народа „шариат“». Однако денег члены шарсуда не получали [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 373. Л. 22—23]. Создавшимся положением был обеспокоен и Али-Хаджи Акушинский, предложивший наладить материальное обеспечение областного и окружного судов «личными средствами самого населения, если только названные шариатские учреждения будут изъяты из государственного снабже-

⁶⁸ Особое положение наблюдалось в Чеченской области до вывода из орбиты ее политической жизни Али Митаева, который явно был нацелен на придание шариату гораздо более широких возможностей и прав (о чем говорилось ранее). В закрытом письме в ЦК РКП(б) сообщалось: «Интенсивную деятельность начали развивать шариатские суды, но не в смысле своих судебных дел, а в смысле развития сети их. Так, они по какому-то неведомому движению стали создаваться на местах в каждом ауле, охватывая свою сетью все углы Чечни. В то же время имеется тенденция с их стороны к подчинению административной власти на местах, т. е. создать с другого конца шариатское управление, правда, авторитета среди населения, особенно бедняцкого, они не имеют» [ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 171. Л. 2].

⁶⁹ Этот документ он подписал как член РКП(б), тогда как в комментариях сборника документов об отношениях власти и религии в Дагестане указано, что членом партии он являлся с 1927 г. [Власть и религия 2007: 226]. Очевидно, разночтение следует объяснить тем, что О. Османов мог быть исключен из партии в ходе одной из чисток оной.

ния» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 373. Л. 20—20 об.]. Сами же «сотрудники Дагестанского областного Шариатского суда» рассчитывали на поддержку государства. В своем письме в Дагком они жаловались на невыплату им обещанного жалования в течение полугода. Характеризуя себя и свою деятельность, они отмечали, что, будучи вызваны в областной центр из сельских местностей и не являясь людьми состоятельными, зарабатывать «кусок хлеба своими физическими, нравственными и умственными трудами» и «безропотно несли свои обязанности».

При этом считаем долгом доложить, что мы, сотрудники, являемся профессионалами своего ремесла, совершенно или мало заинтересованы в оставлении или упразднении Шариатских учреждений, но важно главное, удовлетворение нас обещанным Предсовнаркомом заработком нашим за прошлые месяцы. До сих пор мы, неся службу, полагали и были убеждены, что делаем это не для Шариата, а лишь Советскому правительству. Будь мы служащими, поставленными в других Советских учреждениях, уверены, исполняли бы службу не хуже, если не лучше других нам подобных служащих, а по сему не наша вина, что служили Шариатскому учреждению [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 373. Л. 19—19 об.].

Государственные структуры республики отказали духовенству в материальном обеспечении из-за ограниченных финансовых возможностей бюджета. В результате десятки кадиев (судей) в Дагестане отказались от выполнения своих обязанностей [Сулаев 2009: 42].

Отличавшиеся хорошим образованием, навыками работы с людьми, а равно, как отмечал один из функционеров того времени, красноречием представители духовенства достаточно легко и в большом количестве оказывались включенными в систему государственных институтов низового уровня. В свою очередь, некоторые представители власти предлагали привлекать молодых грамотных арабистов в советское строительство и даже использовать их в комсомольской и партийной работе [Сулаев 2009: 47]. В первую очередь это касалось тех, кого относили, по формулировке рассматриваемых лет, к «новому духовенству» или «прогрессистам», т. е. к тем, кто был готов приспособиться к новым общественно-политическим реалиям.

В Дагестане, как фиксируется документами, широкое распространение получила практика совмещения духовными лицами своей основной деятельности с работой в советских органах власти — секретарями сельских советов, кресткомов — и в школах [Сулаев 2009: 52—53]. Благодаря своему авторитету общественно-политическую ситуацию в селении Акуша и в близлежащих к нему аулах через своих мюридов полностью контролировал шейх А.-Х. Акушинский [Там же: 49].

Не приходится сомневаться, что схожее наблюдалось и в других национальных автономиях. Такое положение вещей приветствовалось и рядовым населением, ибо соответствовало традиционным общественным практикам, при которых авторитетные в селе люди занимали разнообразные «ответственные посты».

Впрочем, в целом официальная власть настороженно, а чаще негативно относилась к весомому участию представителей духовенства в деятельности общественных и государственных структур, тем более что большая часть вовлеченных, по своим взглядам, относилась к категории «старого» («реакционного») духовенства. Так, органы ГПУ сообщали из Адыгее-Черкесской облас-

ти, что школьные советы в аулах состоят из «религиозных фанатиков-черкесов» [Советская деревня 2000: 96]. Ненормальным выглядело и то, что, в частности, в Кабардино-Балкарии «80 % комячеек (низовых групп коммунистов. — Ю. К.) имеют в своем числе мулл». В частности, в Чегемской ячейке состояло 4 муллы при общем количестве оных 8 в данном селении [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 2].

Скептически (а подчас и с иронией) относилась власть и к деятельности шариатских судов. В конце 1923 г. по линии ГПУ прошла следующая докладная записка, характеризовавшая положение с шариатскими судами по региону:

В Дагестане популярность шариатских судов можно определить из следующего. В середине сентября с/г. в Андийский окружной шар. суд., во главе которого стоит кадий Омар-Дебир, жителями Дидоевского, Андийского и Гумбетовского участков было подано заявление, где указывалось на разврат местных вдов и девиц, вследствие чего якобы данные участки пострадали от града, побившего урожай. На это последовал приказ шариатского суда учисполкомом немедленно арестовать всех вдов и девиц и насильственным порядком выдать их замуж⁷⁰. Приказание Исполкома (? — Ю. К.) было выполнено, но постановлением Окркома и Окрисполкома было отменено и арестованные были освобождены. Однако в некоторых округах, как в Гунибском, шарсудов совершенно нет. В Аварском же и Лакском округах шариатские суды существуют, но особым влиянием на массы не пользуются.

В Кабарде влияние шариатских судов значительно понизилось, что дало возможность к их окончательной ликвидации. В августе Кабциком постановлено упразднить шариатские суды, заменив их по округам учреждением административных судов. Ликвидация института шариатских судов по области прошла безболезненным образом, вызвав только один эксцесс в селе Шариатское Балкарского округа, где общество было против Коллегии, так как в нее не был введен мулла. Но все же в некоторых местах существуют нелегально шариатские суды. Областной же кассационный суд ликвидации временно не подвергся.

Беднота деятельностью Окружных и сельских шариатских судов была недовольна, так как большинство разрешенных им дел не в их пользу. Однако популярность их, судя по цифровым данным, в глазах населения все же существует. За 13 месяцев работы кассационным судом было разобрано 1184 дела, поступивших с мест.

Карачай. Шариатские суды изживают сами себя, и деятельность их за текущий период выразилась лишь в двух случаях разбора мелких дел — неподчинение младших старшим.

Адыге. Официально шариатские суды не существуют, однако имеют место случаи их нелегального существования. В феврале 1923 г. в Фарском округе суд присудил несколько молодых людей за неподчинение и неисполнение ими родовых обычаев к исключению обвиняемых из общества. Авторитетом шариатские суды среди бедноты не пользуются. Замечены случаи их самоликвидации...

Чечня. В начале 23 года постановлением съезда Советов шар. суды (поскольку их неофициальная деятельность не прекращалась) были легализованы и одновременно была сделана попытка насаждения нар. судов, последние, как и нужно было ожидать, в силу известных Чечне причин, оказались мертвыми.

Шар. суды состоят преимущественно из зажиточных старейшин и мулл, вследствие чего беднота почти всегда остается их решением глухо недовольна.

⁷⁰ Практика выдачи замуж вдов и девиц по решению сельского общества или духовных лиц имела место и в период функционирования имамата Шамиля.

Однако популярность их в глазах темных масс очень сильна. Исполнительность наказаний подсудимых шар. суды проводят через местную милицию и Исполкомы...

Горреспублика. Шар. суды с момента их ликвидации в 1921 г. не существовало. Функции их в некоторых случаях выполнял мулла, разбирая дела мелких споров и краж и приговаривая виновников: пройти пешком 70—80 верст, вырыть яму в 1½, 2, 3 аршина глубины, просидеть в комнате несколько дней или недель и т. д. Крупных дел мулла разбирать не мог, опасаясь неисполнения виновниками своих решений и больше этого — кровной мести. В апреле с/г съездом мулл в Ингушетии было постановлено создать окружной шариатский суд, и здесь же был избран его состав. Однако в функции свои последний до сих пор не приступил, так как со стороны населения тяготения и стремления к организации его не наблюдается.

Осетия. Здесь существуют Адатско-медиаторские суды, возникшие со времени завоевания Кавказа русскими и принятия осетинами православия. Суды эти пришли на смену шариатским и резкого отличия от шар. Судов не имеют, за исключением того положения, что таковые не являются постоянными учреждениями, а созываются по мере их надобности. Состав этого суда также не постоянный, а носит случайный, временный характер, как и самый суд, является временным, так как на каждый процесс избираются от враждующих сторон наиболее авторитетные старейшины общества, которые более стремятся договориться о примирении враждующих сторон, нежели наказании виновных. Приговоры в большинстве заключаются в выговаривании пиршеств, внесении или оплате потерпевшему приблизительной стоимости убытков и т. д. Суды эти скорее являются примирительными каморами, и поскольку они состоят из богатеев, несмотря на то что за спинами их стоят общества, авторитетом среди бедняцких масс также не пользуются. В судах этих отмечаются случаи затягивания разбора дел по году и больше...

Заключение. Из вышеизложенного достаточно ясно, что говорить о введении или упразднении института шариатских судов на Северном Кавказе как таковом не приходится, а необходимо разбить его по степени культурности народности по отдельным областям, а в некоторых случаях даже по округам. Однако ввиду недостаточных по сему вопросу сведений и материалов с мест взять на себя ответственность разбивки территории Северного Кавказа на этот предмет сейчас считаю рискованным.

Уполномоченный I Отд. ВО ГПУ Гилев [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 189. Л. 169—170].

О деятельности шариатских, народных, медиаторских судов на Северном Кавказе и в Дагестане подробнее см.: [Бабич 1999; Бобровников 2002а].

В апреле того же 1923 г. в Наркомюсте РСФСР состоялось заседание, посвященное политике в отношении шариатских судов. Высказывавшиеся там ответственные лица были весьма осторожны в оценках.

Микоян: «Полное упразднение шариатских судов в настоящее время невозможно по бытовым и политическим условиям».

Карклин: «Образцом для союзных ССР нужно взять Положение о Дагестанских шарсудах».

Петерс: «При осуществлении судеустройства необходимо учитывать местные особенности».

Коркмасов «...борьба с шарсудами тяжела, и ее мы должны будем вести продолжительное время, поставив сначала на высоту главные и окружные шарсуды» [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 189. Л. 191].

Однако по мере укрепления общих позиций и системы функционирования институтов советской власти отношение к представителям религии становилось все более нетерпимым. Усиливалась и антирелигиозная пропаганда.

В итоге в 1924 г. власть решила взять шариатские суды под свой жесткий контроль. Это выглядело тем актуальней, ибо в качестве альтернативы шар-судам власть предлагала собственное детище — так называемые народные суды⁷¹.

В указанном году Всесоюзный ЦИК представил проект постановления о шариатских и адатских судах, главная мысль которого сводилась к замене оных системой народных судов. В нем говорилось:

Признать необходимым в местностях, имеющих большинство мусульманского населения, планомерно провести организацию сети учреждений единого народного суда, достаточного для удовлетворения потребностей всего населения, с делопроизводством на местных языках и приспособленных к учету в ходе своей работы особенностей местного быта и обычного права... Поручить народным комиссариатам юстиции указанных выше (с мусульманским населением. — *Авт.*) республик (областей), в которых до сих действуют шариатские, адатские и др. подобные имеющие судебный характер местные бытовые организации, издать инструкции о действиях таковых. В основу этих инструкций положить следующее:

а) бытовые учреждения, носящие судебный характер, организуются территориально и не имеют второй инстанции. Судьи избираются всеми желающими совершеннолетними гражданами из числа местного населения...

б) означенные учреждения не получают денежных и материальных средств от государства;

в) все эти учреждения принимают к рассмотрению дела только с согласия всех заинтересованных сторон. При желании какой-либо стороны обратиться в народный суд дело не подлежит рассмотрению бытовых судебных учреждений;

г) исполнение решений этих учреждений основывается на авторитете этих учреждений...

Далее речь шла о порядке регистрации постановлений данных судебных учреждений, о порядке исполнения вынесенных ими решений, о возможности и порядке передачи дел в народный суд и о запрете рассмотрения шариатскими и адатскими судами дел, связанных с земельной собственностью и землепользованием [ЦАНИ РГ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 133. Л. 2—3].

С целью обсуждения и внесения корректив данный проект был разослан в республики и области с мусульманским населением. Как отмечал один из чиновников с мест, откликнувшийся на поставленную задачу, «проект постановления, проявляя самое терпимое отношение к мусульманским судам, ставит их под контроль Советской власти и намечает исходные пункты, дальше которых Советская власть не должна уже допускать влияния шариата» [Там же. Л. 13].

Принятие соответствующего Постановления затянулось и произошло только в конце лета 1927 г. Его формулировки носили более категоричный характер, нежели те, что были в проекте. В самом начале Постановления отмечалась нецелесообразность издания его в качестве общесоюзного закона

⁷¹ Ввиду особой ситуации в Чеченской области крайком принял решение в течение 1925 г. не вносить коренных изменений в права и функции шарсудов в этой автономии [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 5].

и оговаривалось право его публикации за правительствами союзных республик. Указывалось также, что шариатские и адатские суды не должны учреждаться там, где их раньше не было, что на их содержание не могут отпускаться средства из общегосударственного и местного бюджетов, что к компетенции данных судов не могут относиться дела уголовные, а также земельные и трудовые, что решения этих судов исполняются только в добровольном порядке, а советские учреждения не могут направлять в них дела на рассмотрение, сами же решения указанных судов не могут быть принимаемы государственными органами в качестве официальных документов и т. д. [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 189. Л. 6, 8—9; ЦАНИ РГ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 133. Л. 24].

Означенные условия, лишая шариатские суды и суды по адату значительной части функциональности, недвусмысленно, хотя и без репрессивных мер, уводили их на периферию общественной жизни.

Взаимосвязанно с изменением отношения власти к религиозным институтам менялось и положение духовенства. Накануне перевыборной кампании середины 1920-х гг., когда стало известно, что по новой инструкции ВЦИК духовенство лишается избирательных прав, в Кабардино-Балкарии «все муллы бросили службу в мечети». Представитель области в Крае в связи с этим отметил, что данное обстоятельство с учетом большой роли мулл в жизненных практиках местного населения «внесло поражение в умы» [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 6]. Реагируя на подобные обращения, крайком «на свой страх и риск» дал на места указание не препятствовать выдвижению и выборам в сельсоветы мулл, участвовавших в борьбе с белогвардейцами [Микоян 1975: 242].

Аналогичные явления наблюдались в Карачае и Черкесии.

Были такие случаи, когда эфенди, лишённые избирательных прав, подали заявления, что они отказываются от служения в мечети, но просили в последний раз дать возможность собрать деньги за исполнение треб во время уразы [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 22. Л. 108].

Столь острое переживание представителями духовенства отношения власти к ним, а также к другим социально активным группам — так называемым кулакам и др., объяснялось фактическим исключением их из жизни своего микросоциума, по определению С. А. Красильникова, они становились маргиналами [Красильников 1998], а это своего рода изгойство, что, в соответствии с традиционным мировоззрением, традиционной политической культурой, выглядело недопустимым.

Автор одного из документов той поры писал:

Заявление. С 1924 г. 9 мая по 1927 год 28 сентября я состоял в должности эфендия В(ерх.). Учкуланской мечети. На службу по линии религии меня я вынужден (так в оригинале. — *Авт.*) был нести в силу материальных нужд. В процессе несения религиозной службы я убедился, что в своих личных интересах приношу вред населению, отуманивая его головы религиозным дурманом, а следовательно, вредил и рабоче-крестьянскому государству... [ГА КЧР. Ф. р-307. Оп. 1. Д. 13. Л. 171].

Одновременно в местной газете от его имени была опубликована заметка под названием: «Снимает с себя сан муллы — хочет быть полезным народу».

Ее автор просил трудящихся Карачая принять его «обратно в трудовую семью» [ГА КЧР. Ф. р-307. Оп. 1. Д. 13. Л. 173].

Однако отказ от сана значительного количества мулл и эфенди, мотивировавших это помимо указанного «необеспеченностью, невыгодностью службы, большими налогами», кардинально не изменил состояния религиозности масс. Население сочувствовало им. В Черкесии жители ряда сел обращались в инспекторские комиссии с просьбой освободить эфенди от налогов, так как последним «ничего не платят», и разрешить им преподавание Корана [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 139]⁷². В Карачае на смену снявшим с себя сан пришел новый «актив» в лице «стариков-религиозников», отстаивавших «материальные интересы» духовенства, агитировавших за поднятие религиозности масс, «против обучения девушек в школе, что имело большие даже результаты». Хотя и незначительно, но возросло число мечетей [Там же. Л. 6, 7].

Партийные и советские организации проводили активную деятельность по борьбе с религией. Она давала определенные результаты, хотя не в том объеме, на который рассчитывали.

По статистическим данным, собранным краевыми инстанциями в 1926 г., в Северо-Кавказском крае (т. е. без учета Дагестана) насчитывалось 1644 мечети и медресе, 2189 мулл, 20 шейхов, 70 200 мюридов. По отдельным областям цифры составляли: в Чечне население — 400 000 чел., мюриды — до 60 000 чел., мусульманство — 726 чел., шейхи — 19 чел.; в Ингушетии население — 71 000 чел., мюриды — до 10 000, мусульманство — 5 чел., шейхов не было; в Кабардино-Балкарии население — 200 000 чел., мюриды — 200 чел., мусульманство — до 1000 чел., шейхи отсутствовали; в Адыго-Черкесии население — 100 000 чел., мусульманство — 165 чел., мюриды и шейхи отсутствовали; в Карачаево-Черкесии население — 130 000 чел., духовенство — 150 чел., один шейх, мюриды отсутствовали; в Северной Осетии население — 160 000 чел., представителей духовенства — 12, шейхов и мюридов не было [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 389. Л. 2, 11].

В резолюции пленума Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), состоявшегося в 1928 г., говорилось:

...Несмотря на ущемление духовенства, как-то: лишение последних избирательных прав, уничтожение шарсулов, лишение духовенства главной экономической базы, как «закяты», «биттиры»⁷³, ущемление оперативным путем (предание суду, высылка в Соловки и проч.), последнее продолжает оставаться достаточно сильным, пользуясь некультурностью крестьянских масс... Мусульманство Кабардино-Балкарии в сравнении с мусульманством Дагестана, Чечни и других национальных областей организованной силы из себя не представляет, арабски мало грамотно, зачастую плохо разбирается в коране. Организованной силе советской общественности в Кабарде и Балкарии под руководством партийно-советского аппарата легче, чем в других нац. областях, бороться с мусульманством, разбивать и вскрывать классовую сущность их идеологии и привлекать за собой крестьянские массы.

⁷² И надо заметить, что подобные просьбы до поры удовлетворялись. Комиссия крайкома, в 1924 г. обследовавшая Карачаево-Черкесскую АО, предлагала отменить «все административные меры, имеющие целью недопущение преподавания Корана муллам и эфенди» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 146].

⁷³ **З а к я т** (закат, закияат) — предписываемый шариадом налог на имущество и доходы; **б и т т и р** (битир) — подаяние и приношение служителям культа по поводу окончания поста.

Однако и при таких «достижениях» соответствующая работа требовала продолжения, что и фиксировала резолюция:

...Учесть все поборы и доходы духовенства, установив определенную норму взимания за похороны, крестины (? — *Авт.*), свадьбы и проч. требы, штрафуя и привлекая к ответственности за нарушение установленной нормы... В целях создания условий, не допускающих строительство новых мечетей, в ближайшее время в порядке постепенности, после подготовки к этому общественного мнения, необходимо по советской линии: а) оформить национализацию зданий мечетей... Отмечая стремление мусульманства быть посредниками между органами власти и партии, с одной стороны, и населением — с другой... принять срочные и решительные меры к полному изживанию этого явления... [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 42, 45, 47].

В свою очередь, ответственные работники краевых инстанций, обследовавшие за год этого положение дел в Кабардино-Балкарии, констатировали «религиозно-бытовой уклон части коммунистов из-за так называемой боязни потерять авторитет, как следствие огромного давления общественного мнения среды, формируемого активной агитацией духовенства, князей и кулаков...» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 498. Л. 41].

Отмеченное наблюдалось во вполне благополучной Кабардино-Балкарской АО, жизнью которой «успешно» руководил Бетал Калмыков. Область и в борьбе с религией была передовой. Там, в частности, по-новому организовали использование собираемого муллами (эфенди) закята, передавая оный в фонд Комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ или КОВ). Это стало возможным в силу того, что теоретически закят идет на нужды общины и распределяется среди бедных и неимущих. Соответствующая деятельность в Кабардино-Балкарии была поставлена широко, давала определенные результаты, так что крайком партии в 1926 г. принял постановление о распространении данного опыта в других национальных областях Северного Кавказа. Собираемые таким образом средства должны были использоваться «на производственные цели бедняцкого и маломощного крестьянского хозяйства, на объединение их в артели, машинные товарищества и другие общественные нужды». Комитетам крестьянской общественной взаимопомощи советовали давать «названия по национальным условиям (примерно, „взаимопомощь“)». Духовенство же рекомендовалось активно использовать в подобной работе («принципиально считать возможным привлекать духовенство к делу популяризации закята и успешному сбору его (! — *Авт.*), направляя работу духовенства в советское русло») [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 242. Л. 12].

Распространение данного опыта далеко не везде встречало одобрение. Так, в Адыгее к подобной инициативе отнеслись скептически. На 1-м пленуме Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), состоявшемся в марте 1928 г., партийный руководитель Адыгее-Черкесской АО И. М. Черноглаз говорил, что в этой области «закят уменьшается с каждым годом... Мы имеем целые аулы, где не собирают закят». Уменьшение сбора закята он связывал с победой в отдельных местностях «прогрессистов» и недоумевал по поводу того, что коль скоро десятую часть доходов должны вносить все мусульмане, то эта обязанность должна будет быть распространена и на коммунистов.

Как это сделать и стоит ли это делать? Можем ли мы это делать? Ведь надо учесть, что если опыт проделан с успехом в Кабардинской области, а нам рассказывали, что эта работа была проделана несколько лет назад, взяли кади — крупного эфенди, посадили руководителем ККОВа и этим изъяти шариатские ценности и передали в ККОВ, а через некоторое время выгнали этого попа, и население привыкло вносить в ККОВ. Мы чрезвычайно внимательно подходили к этому вопросу, несколько раз изучали... Я считаю, что сейчас провести в наших условиях опыт Кабардино-Балкарской Области было бы нецелесообразно и политически вредно [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 831. Л. 54, 55—56].

Впрочем, «прогрессистам» власть не очень-то и доверяла. На IV областной партконференции Адыгеи (1928) ее делегаты заявляли, что, подобно кулакам, духовенство стремится приспособиться к советским условиям:

Прогрессивное духовенство везде и всюду кричит о своей дружбе с советской властью, заявляет, что магометанство и коммунизм одно и то же, эфенди на революционных праздниках идут в первых рядах демонстрантов под красным флагом [Новое в тактике 1930: 52].

В то же время с мест отделы ОГПУ регулярно докладывали об антисоветской пропаганде мулл, эфенди и т. д. Нападкам последних подвергались коммунисты как таковые и проводимая ими по распоряжениям Центра политика. Комсомольцев уещали отказаться от выбранного ими пути, ибо в ходе скорой войны (а о ней, конкретно о войне СССР с Польшей, но чаще — с Англией или Японией, упорно распространялись слухи) их будут расстреливать вслед за коммунистами. Активной была агитация против советских школ. И основная часть населения внимала их голосу. (Соответствующие многочисленные данные за разные годы см.: [Совершенно секретно 2001—2008]). Авторитет у духовенства был высокий. «Горцы Самурского округа, — значилось в сводке по Дагестану, — желая вступить в Компартию, не осуществляют свои намерения без благословения и совета мусульманского духовенства» [Власть и религия 2007: 65].

Духовенству претила большая часть осуществлявшихся властью преобразований. Так было по всей стране. В свою очередь, и власть с середины 1920-х гг. начала открытое наступление на религиозных деятелей и религию как таковую. Скидок на национально-культурные особенности тех или иных регионов, о которых говорили представители Центра несколько лет назад, уже не делалось. Политическая линия партии по вопросу отношения к религии и духовенству претерпела очевидные корректировки.

В аналитической записке Восточного отдела ОГПУ «О мерах по борьбе с мусульманством» (1926) значилось:

... Духовенство повело упорную работу по линии отвоевания политических прав и влияния на низовые советские организации, по линии агитации против комсомола, женотделов, кресткомов, загсов и т. д. ... Мы имеем дело с развернутым наступлением мусульманства... Этому наступлению должен быть противопоставлен развернутый фронт работ со стороны наших партийных и советских организаций.

Далее следовал перечень необходимых мероприятий.

Вся наша работа должна идти на раздвигание щели между прогрессистами и консерваторами, с одной стороны, и по линии применения массовых репрес-

сивных мер против реакции — с другой. Последнее особо важно в условиях Северного Кавказа (Дагестан) (цит. по: [Тахнаева 2012: 387]).

Соответствующая деятельность была развернута оперативно и в полном масштабе.

Весной 1927 г. председатель ДагЦИК Н. Самурский, за два года до этого писавший об особой роли духовенства в жизни вверенной его попечению республики, заявил на VI Вседагестанском съезде Советов следующее:

Мы не можем допустить, чтобы в дальнейшем культурном развитии нашего хозяйства нам мешало духовенство. Нам нужно вырвать у духовенства последние зубы, чтобы оно не могло произнести ни звука [Тахнаева 2012: 55].

За три месяца до этого правительство ДАССР приняло постановление «О национализации вакуфного имущества», через год — постановление «Об антирелигиозной пропаганде», которым помимо прочего предписывалось собирать народные песни, частушки, пословицы и рассказы антирелигиозного характера [Там же: 59]. Массово закрывались мечети и мусульманские школы. Вскоре перешли к репрессивным действиям в отношении так называемых кулацко-мулльских контрреволюционных групп и отдельных выдающихся представителей духовенства.

Схожие постановления и практически аналогичные действия принимались и осуществлялись в других автономиях региона. Материалы об этом в последние годы получили достаточно полное отражение в литературе, поэтому ограничимся изложенным.

Ужесточение политики в отношении духовенства и борьбы с религией совпало с началом коллективизации. Власть вполне понимала, что авторитеты «старого порядка» окажутся ее ярыми противниками. На деле так и произошло. И это еще более обострило социальную обстановку в автономиях.

Коллективизация

На Северном Кавказе, в этом весьма специфическом в разных отношениях регионе, и кооперирование сельского хозяйства имело особенности.

Начать с того, что земельные вопросы традиционно разбирались там по мусульманскому праву. Неприкосновенность прав на владение земельным наделом (мульк), если хозяйские права на него определялись наследством либо оформленным актом купли-продажи, гарантировалась шариатом. Поэтому посягательства на земельный участок кого-либо со стороны воспринимались, в том числе, как морально-правовое оскорбление.

Коллективизация явилась ломкой привычных устоев хозяйственной, а через это и общественной жизни. Дополнив собой последствия советизации и борьбы с религией, она воспринималась населением едва ли не как окончательная катастрофа. Ведь на местах нередко обобществлялось абсолютно все — «мертвый и живой инвентарь, подразумевая твердо под мертвым инвентарем всю домашнюю утварь». «Были случаи, — информировали дагестанские республиканские инстанции члены инспекторской проверки, — когда заходили в мечеть (Анди, Гагатль) и учитывались книги, находящиеся в мечети, а имущество описывалось, даже у бедняков...» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1328. Л. 12].

Мягкая реакция на происходящее выражалась в словесной форме:

Колхозные коровы [только] с двумя сосцами,
Двух мисок молока не дают,
На заправку хатламовой похлебки не хватает, о горе, боже!
Хатламовая похлебка уже сварилась,
Наши желудки радуются
И, радуясь, засохли, о горе, боже.

Этот Татаров Хамид нам участки раздает,
Наши души бедные мы отдать уже [готовы] — до того дошли...

[Налоев 2011: 356]

Но практически по всему региону прокатилась волна жесткого отпора методам и формам проведения коллективизации.

В начале лета 1928 г. в Кабардино-Балкарии произошло так называемое Баксанское восстание. Его инициаторами и основной движущей силой стали жители селения Кызбурун 2-й. В ходе восстания, помимо ряда насильственных акций, крестьянами были выдвинуты требования социально-политического характера — о роспуске партакеек, колхозов, детских яслей, о недопущении посягательств на служителей культа и «шариат-религию», о приостановке хлебозаготовок и др. [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 43]. Восстание было подавлено. Партийно-советские работники высказались, что оно было не случайным, а «длительно подготовленным руками остатка контрреволюционной своры (выступлением), под руководством дворян, мулл, кулачества, спекулянтов под руководством контрреволюции в Кабарде и Балкарии в лице...» Далее перечислялись люди, с которыми Б. Калмыков состоял во враждебных отношениях и с которыми ему после этого было проще расправиться [Там же. Л. 6]. По завершении основных событий «провинившиеся» крестьяне направляли покаянные письма в партийно-советские инстанции: «Мы, собравшиеся на сходе в количестве 800 человек, приносим извинения перед обкомом партии, облисполкомом, а стало быть, и перед пролетарской революцией...» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 8].

В той же Кабардино-Балкарии в следующие два года произошло еще несколько восстаний — Верхне-Курпское, в Чегемском и Баксанском ущельях и др. В Чечне в 1929—1930 гг. были отмечены выступления крестьян в селениях Гойты, Беной, Галан-Чож. Причинами всех их историки называют игнорирование степени готовности крестьян к вступлению в колхозы, отсутствие реального учета национальной и социально-экономической специфики на местах, запрет на право свободного выбора крестьянами формы кооперирования, искусственное подхлестывание темпов коллективизации, насильственные методы и грубые нарушения законности, массированная антирелигиозная кампания и др. [Айшаев 2011: 15—16].

Указанные события, происходящие в Кабарде, находили своеобразный отклик в соседних автономиях. Так, в Карачае среди женщин распространялись слухи о том, что главе этой области Курджиеву и Калмыкову — главе Кабардино-Балкарии было дано указание ЦК собрать детей и отправить их в коммуну в Москву. Курджиев якобы медлил с исполнением такого задания, а Калмыков приступил к его исполнению с применением отрядов красноармейцев. В итоге между последними и возмущенными жителями селений произошло столкновение [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 22. Л. 9]. Весьма

характерная для народной среды интерпретация разнообразных политических событий. Но в том Карачае имели место и реальные выступления против создания колхозов и общей линии советизации, в частности в селении Джазлык [ГА КЧР. Ф. р-307. Оп. 1. Д. 54. Л. 19].

Пожалуй, еще более сложной оказалась ситуация в Дагестане. Из обращения Дагобкома ВКП(б) ДагЦИК (1930):

Ко всем батракам, беднякам, середнякам Хуштыльского, Метфраинского и Верх. и Ниж. Ханшинского сельсоветов.

Уважаемые граждане!

На ваши запросы через уполномоченного вами гр-на селения Ниж. Ханши Магомед Кази Магомедова: 1. О якобы предполагаемых арестах граждан вашего общества органами ГПУ; 2. О закрытии мечети, о запрете вызова на молитвы со стороны мулл и кадий, запрете сбора осахи и закята; 3. О том, что беднота переживает трудности за отсутствием на месте зерна и 4. А также о том, что крестком выдает свои капиталы беднякам на кабальных условиях, — Дагестанский комитет партии и Дагестанский Центральный исполнительный комитет советов сообщают вам...

Далее шло опровержение «слухов», «домыслов», распространяемых кулачеством и духовенством, и подтверждалась готовность власти наладить работу кресткомов, а самим гражданам сельских обществ выбирать в оные достойных людей из бедняков и середняков [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1310. Л. 112—113].

Однако в ряде районов горного края вспыхнули восстания. Первое — ранней весной 1930 г. в Дидоевском участке Цумадинского района.

Из воззвания:

Ко всем горцам — батракам, беднякам и середнякам Нагорного Дагестана.

Уважаемые граждане!

Под влиянием темных и враждебных трудящимся сил в Дидоевском участке совершилось контрреволюционное выступление. Вместо того, чтобы с участием широких трудящихся масс добиваться хозяйственных и культурных улучшений, некоторые элементы, спровоцированные кулачеством, решили действовать оружием. Этому способствует темнота масс и другие моменты, которые кулачество использовало для своих шкурных целей. Как повод к восстанию использовались отдельные недочеты, ошибки и даже безобразные явления, допущенные отдельными советскими работниками в практической работе данного района... Спровоцированные кулачеством дидоевцы безобразные действия отдельных работников административных и кооперативных органов расценили как плохое отношение к ним со стороны советской власти, что является, безусловно, неверным... Такие вопросы, как улучшение дорожного строительства, работа кооператива, желание присоединиться к Грузии или же (к) Тляротинскому району и т. д., безусловно, могли быть разрешены безболезненно в интересах трудящегося населения, с чем Советское Правительство Дагестана неоднократно обращалось к населению Дидоевского района во избежание применения вооруженной силы... [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1310. Л. 108—111].

Из строго секретного обращения секретаря Дагобкома А. И. Муравьева к секретарям райкомов ВКП(б) Дагпарторганизации:

В течение марта—апреля месяцев текущего года на территории Дагестана развернулись чрезвычайной политической важности события. В марте в Дидоевском участке Цумадинского района и в конце апреля в Касум-Кентском, Ку-

рахском и Табасаранском районах Южного Дагестана вспыхнули вооруженные восстания. Будучи отличительными по форме, эти выступления, по существу, по содержанию являются сугубо контрреволюционными и направленными к свержению Советской власти, убийству коммунистов и общественных работников (особенно колхозников и учителей).

События разворачивались следующим образом:

1. В Дидо под влиянием духовно-кулацкой верхушки были разогнаны сельсоветы и в самом центре участка (Шаури) был организован Шариатский Совет и военное руководство. Основными лозунгами в самом начале дидоевского выступления были: устранение цумадинских властей и привлечение к работе в районных учреждениях представителей дидоевского племени⁷⁴; организация кооперации; проведение дороги в участок и целый ряд других, по существу, вполне советских требований. Но наряду с этим повстанцы также требовали не арестовывать духовных и «ученых» лиц, не отбирать вакуфного и мечетского имущества, сохранить старые адаты и т. д. Впоследствии, по мере разворачивания событий, когда вооруженный характер выступлений против Советской власти с очевидностью выявился, повстанцы выдвинули дополнительное требование о присоединении Дидоевского участка к Грузии.

2. С внешней стороны совершенно отличительную черту носит выступление в Южном Дагестане как по технике организации, так и по выдвинутым лозунгам.

Началось с того, что 26-го апреля повстанцами в числе 2—3-х десятков человек во главе с шейхом Штульским и бандитами братьями Алаверды были захвачены центр Касум-Кентского района, убиты секретарь Райкома тов. Гирейханов и несколько других работников коммунистов. Стихийно разрастаясь и вербуя на свою сторону недовольные элементы аула... движение быстро перекатилось на Курахский и Табасаранский районы... Здесь уже повстанческое выступление выдвинуло чисто контрреволюционные лозунги: борьба с Советской властью, убийство коммунистов-безбожников и общественных работников и т. д. Характерно, что повстанцы Южного Дагестана на первых порах своего выступления не имели стройной организации и руководство сосредотачивалось в руках 2—3 лиц, в то время как совершенно иное положение имелось в Дидо... Характерным для южнодагестанского является то, что его главы с первых же шагов движения пустили слух о том, что Советская власть в России давно пала и сохранилась лишь в отдельных районах Дагестана и что Азербайджан, Закавказье и Дербент захвачены Турками. Эти обстоятельства и определили стихийность и быстроту развившихся в Южном Дагестане событий.

Далее говорилось о возникшей очевидной опасности расширения волнений на соседние районы Южного и Центрального Дагестана и о предпринятых властями мерах к недопущению этого и ликвидации восстаний в основных очагах.

Среди причин восстаний помимо указания на обострение классовой борьбы отмечались имевшие место «перегибы и искривления» при проведе-

⁷⁴ В информации ОГПУ значилось: «Дидоевский участок относится к Цумадинскому району (центр — с. Цумада). Выступившие дидоевцы указывают, что в районе нет их представителей (дидоевцев), и жалобы дидоевцев в основном сводятся именно на цумадинскую власть, которую и требовали привлечь к ответственности». Далее отмечалось: «Бюро Дагкома ВКП(б) в своем решении от 28 марта с. г. фиксировало: 1) Немедленно выслать особую следственную комиссию для расследования всех допущенных извращений, перегибов и преступлений отдельных работников Цумадинского района и привлечения к ответственности, проводя суд на месте с участием бедноты» [Совершенно секретно 2008, т. 8, ч. 2: 1350—1351].

нии хлебозаготовок, «насиленная коллективизация, особенно в Южном Дагестане, неумелое проведение антирелигиозной работы... случаи административного произвола», которые, как говорилось в обращении, явились всего лишь «наиболее понятным поводом для прикрытия контрреволюционной сущности движения» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1310. Л. 114—117].

Выделение особой роли среди причин волнений «наиболее понятных поводов» закономерно. Они «срабатывают» в любой социокультурной среде, равно как были действенными для горско-кавказской и, в частности, горско-дагестанской среды⁷⁵. Вспомним слова Шамиля о болезненном чувстве справедливости, присущем местным горцам, и крайне болезненном восприятии любой несправедливости. Уничтожение и закрытие святынь веры, изгнание и ликвидация хранителей оной, наконец отобрание возделывавшихся многими поколениями участков земли и скота путем их обобществления не могли не вызвать бурной реакции в местном обществе⁷⁶.

По поводу восстания в Дидоевском участке помимо цитированных документов имеются и другие, в которых конкретизированы причины и ход развития данных событий.

«Все население, — было отмечено в протоколе секретного заседания бюро Цумадинского РК ВКП(б), — как мужчины, так и женщины, категорически отказывается от проведения мероприятий по коллективизации, не хочет подчиняться советской власти, мотивируя это тем, что советская власть им не нужна. Каждые вечера тайно собираются группы кулаков обсуждать разные вопросы против советской власти. Население усиленно готовится к вооруженному выступлению, меняя коров на ружья и припасы» (цит. по: [Раджабов 2003: 141]).

Примечательно, что восстание в Дидо возглавил человек, назначенный исполнять обязанности начальника участка, — Даглаев Вали, который, в частности, пытался корректировать свою деятельность на этом посту в согласии с местным адатом и отказался служить власти, потребовавшей, чтобы он предоставил списки духовенства и кулаков, к которым должны были быть применены репрессивные меры, а также сдал личный скот «кирискому» (кредскому) [Там же: 139—140]⁷⁷.

«Бандитское лицо» восстания в Южном Дагестане, представленное в цитированном документе, тоже не соответствовало реалиям.

⁷⁵ Общественное настроение там формировалась, а отчасти формируется и поныне на сельских площадях, где коротало свободное время все мужское, взрослого возраста, население аула, где обсуждались новости, выносились решения, побуждавшие к действиям. Здесь правомерно отметить роль сохранявшейся до периода активной коллективизации—советизации традиции мужских домов и мужских союзов, которые также являлись местом и институтом, благоприятными для выработки общественного мнения. Благодаря этим особенностям социальной культуры горцев сценарии возникновения общественных волнений в их среде имели характерные особенности (подробнее см.: [Карпов 2007: 422—430]).

⁷⁶ Восставшие требовали отменить коллективизацию, вернуть вакуфные земли, прекратить преследование духовенства [Совершенно секретно 2008, т. 8, ч. 2: 1350—1351].

⁷⁷ В информации ОГПУ значилось: «Во главе выступления стоит бывший командир красных партизан Вали Дойгаев... На предложение распустить банду Вали Дойгаев отвечал: „Взял руководство намеренно, так как обозначенные, темные и глупые дидоевцы могут натворить много неприятностей“» [Там же].

Результатом этих событий стали распоряжения республиканского руководства о прекращении кампании закрытия мечетей и насильственного насаждения колхозов [Власть и религия 2007: 86 и след.; Коллективизация 2007: 147] — местное начальство следовало решениям и указаниям высшей государственной власти. Властям удалось усмирить и запугать жителей Дагестана, так что смерть одного из главных религиозных авторитетов — Али-Хаджи Акушинского (на тот момент его уже расценивали как «наиболее влиятельного контрреволюционно настроенного шейха») в апреле 1930 г. не привела к каким-либо эксцессам [Власть и религия 2007: 91—92].

Население восставшего Дидоевского участка требовало удаления из аулов всех коммунистов и совработников, говоря: «Дайте нам жить, как жили при Николае» [Коллективизация 2007: 146]. В Дидо вместо советов был сформирован Шариатский совет. Восставшие рассчитывали на помощь со стороны Грузии и даже выражали желание присоединить свою территорию к этой республике, так как в народе ходили упорные слухи о том, что в Грузии колхозов уже нет, они распущены. В Тифлис отправилась делегация. Представителям дагестанской власти письмом сообщали:

В Грузии разберутся в нашем споре и удовлетворят нашу нужду, и если нас присоединят к Грузии, тогда мы сдадим оружие и выдадим всех бандитов [Там же: 155].

Но почти сразу данное устремление оказалось несостоятельным ввиду того, что из Грузии пришли сообщения об активном проведении коллективизации и «прочих социалистических преобразований» и там [Раджабов 2003: 146—147].

Однако и республиканская власть пребывала в сложном положении. Взвешенно оценив ситуацию, при которой население восставшего района невозможно отдать Грузии, а само оно не приемлет подчинения «своему» дагестанскому (Цумадинскому) району (с иноэтничным составом населения), власть приняла решение образовать для него собственный район. Что и было сделано. В сентябре 1930 г. в составе ДАССР был создан Цунтинский (или Шауринский) район (моноэтничный, за крайне небольшим исключением, по составу населения; Цунта — местное название территории расселения дидойцев/цезов). Шауринским он был назван потому, что его центр располагался в селении Шаури (а до 1935 г. в селении Кидеро).

После очевидных промахов власть стала осторожнее подходить к проведению на местах реорганизаций, связанных с коллективизацией. Даг-обком в марте 1930 г. запретил форсированное закрытие мечетей [Коллективизация 2007: 147]. Тогда же и Северо-Кавказский крайком указал на недопустимость закрытия мечетей во время проведения сплошной коллективизации и весенней посевной кампании [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 36. Л. 14]⁷⁸. Через год те же ростовские советско-партийные органы указали на недопустимость

⁷⁸ Если данное распоряжение было обусловлено критичностью общественно-политической ситуации в стране, то справедливости ради надо отметить, что и в предшествующие годы власть не решалась на массовое закрытие религиозных заведений. Так, в 1925 г. Северо-Кавказский крайком рекомендовал Осетинской организации воздержаться от «опасного увлечения» массовым закрытием сельских церквей и превращением их в клубы [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 100. Л. 6].

форсирования коллективизации и перевода товариществ по совместной обработке земли в артели.

Таковы лишь некоторые эпизоды, большей частью трагические, связанные с историей коллективизации на Северном Кавказе. Но следует заметить, что еще до начала коллективизации советской властью было проведено мероприятие, которое в одном из документов было названо второй революцией, пережитой горцами. Это было...

Введение воинской обязанности

Как известно, кавказские горцы (как мусульмане) в дореволюционной России были освобождены от воинской обязанности, за что они облагались особым налогом. Формировались на добровольных началах лишь большей частью иррегулярные полки, в целом зарекомендовавшие себя в боевых действиях войн, которые вела империя, с положительной стороны. Подобное наблюдалось и в первой половине 1920-х гг.

В документе, датированном летом 1921 г. и поступившем на имя тогдашнего наркома внутренних дел Н. Самурского, говорилось:

Вербовка добровольцев согласно приказа Дагревкома прошла в Андийском округе с трудом. Причиной неуспеха служит успешная агитация стариков и кулаков, которая, безусловно, подрывает нашу агитацию. В отношении сказанного будут, конечно, приняты меры. Сейчас, хотя это может быть не ново, хочется кратко высказать свои соображения по вопросу организации частей нарождающейся Дагестанской Красной Армии. Нам, безусловно, ближе знакома обстановка, в которой мы находимся. Думаем, что наши небольшие соображения будут приняты к сведению при организации Дагестанской Армии. Дагестанская Армия должна сражаться своеобразно: свободно, безыскусственно, смело. Работа по организации не должна вестись узко, в рамках Николаевской дисциплины (хорошие стороны) или даже дисциплины, существующей в Красной Армии Российской Республики. Горцы великолепные стрелки и лучшие вожаки.

Решительно все внимание при организации необходимо обратить на политическое воспитание добровольцев. Слишком важен вопрос о назначении в Дагестанскую Армию командного состава. Здесь необходимы люди, не зараженные прошлым, может быть малоопытные, но идейные до глубины души. Дагестанская Армия по своей организации должна отвечать быту горцев к окружающей их природе. Надо помнить, что мы не создаем армию для того, чтобы непременно воевать; мы хотим воспитать членов нового Коммунистического общества, а ясно, каков должен быть Коммунист. Командному составу — ни одной капли привилегий; ущерба не будет.

Командный состав должен (быть) здоровым и естественным путем заслужить свой авторитет. Остальное вытекает из сказанного. Может быть, это будет на первый взгляд и наивно, но тут надо помнить, что мы именно должны строить наше здание социализма открытым, светлым и чистым. Подпись члена Андийского Окревкома и секретаря Андийского Окркома РКП (б) [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 164. Л. 45—45 об.].

В 1925 г. на Северном Кавказе существовал один кавалерийский полк и ставился вопрос о «создании для горцев кавалерийской территориальной дивизии» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 95. Л. 22]. Центр, а вслед за ним и Край поставили перед Северо-Кавказским военным округом задачу разработать

план расширения национальных формирований [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 104. Л. 2], в том числе по той причине, что «малой своей емкостью национальные части не удовлетворяют большой тяги горской молодежи к военной службе» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 50]. Так, в Карачаево-Черкесии в 1925 г. было принято решение о формировании только двух взводов из карачаевцев и черкесов [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 98].

Для характеристики воинских формирований, дислоцировавшихся в это время на Северном Кавказе, приведем информацию, направленную из Дагестана (в основном ее содержание касается национального состава воинских частей; это объясняется тем, что данная справка была составлена для пакета отчетных документов о ходе проведения коренизации в этой республике):

На территории ДССР расположены воинские части с абсолютным русским составом, с небольшой прослойкой казанских татар, за исключением Отдельного Дагестанского Кавалерийского дивизиона, комплектуемого исключительно аборигенами Дагестана, исключение составляют обслуживающий технический персонал и специалисты. В нацдивизион вливается ежегодно молодежь горских национальностей в период общего призыва в РККА с соблюдением возрастов и требований, предъявляемых к красноармейцу, но по принципу добровольчества, поскольку закон об обязательной военной службе на дагестанцев пока не распространяется.

И в заключение:

Культпросветработа в нацчастях проводится на родных языках силами комсостава и политработников, окончивших национальное объединение военно-политической школы. Основными языками в учебе и жизни красноармейцев и частей в целом являются — русский, аварский, тюркский, на последних 3-х языках имеется бедная литература; уставы, наставления и команды исключительно на русском языке, необходимо приступить к переводу уставов и наставлений на упомянутые языки. Работа в клубе проводится на тюркском языке, так как в последнем имеется литература Азербайджанского издательства [ЦГА РД. Ф. п-37. Оп. 23. Д. 20. Л. 2—2 об.]⁷⁹.

Скоро ситуация изменилась. В 1926 г. был принят закон об обязательной военной службе, который распространялся и на мусульман, соответственно, и на горцев Кавказа. В новых условиях сохранение сколь-либо значительного местечкового своеобразия в такой важной сфере государственной машины, как армия, было признано неуместным, тем более что все народы (а не делимое по принципу вероисповедания население) официально были уравнены в правах и обязанностях. Северокавказские краевые инстанции, а вслед за ними инстанции национальных автономий должны были принять меры к обеспечению его исполнения. И они приступили к работе, тем более что, как было признано краевым партийным центром, укрепление экономического положения автономных областей, политический и культурный рост населения создавали для этого благоприятные условия [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 440. Л. 11].

⁷⁹ Вопрос о подготовке армейских кадров сохранялся и в следующие годы. Так, 1931 г. датировано обращение в Дагестанский обком ВКП(б) помполита Северо-Кавказской горских национальностей кавалерийской школы в связи с обучением в ней тюрков и дагестанцев и с настоятельной просьбой прислать в школу преподавателя тюркского языка [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1440. Л. 4].

Был составлен график распространения данного закона по областям: для большинства из них — с осени 1927 г., а в Дагестане и Чечне — с осени следующего года. На этом же уровне было принято решение, что военное строительство должно идти по пути «национальных формирований и частичного внедрения целыми подразделениями горских народностей в некоторые общевойсковые части РККА, комплектующиеся преимущественно русскими (национальные роты, эскадроны, батальоны)». Была отмечена необходимость учета «особенностей бытового порядка» горских народов, что предполагало оценку «качества и численности людских и конских ресурсов», так что военное строительство предполагалось осуществлять «по смешанной системе кадровых и территориальных частей, а по родам войск в основном: кавалерийские и стрелковые». До осени 1927 г. предписывалось подготовить общественное мнение и создать военно-учетные аппараты. Особое внимание уделялось учету всего национального командного, административного, медицинского, ветеринарного и политического состава, служившего в Красной Армии, а также бывших офицеров и чиновников, служивших в «старой армии и в белых армиях — последних по снятии с особого учета». Особо оговаривалось, что «во избежание антагонизма между отдельными национальными областями, введение учета начальствующего состава и военнообязанных... произвести одновременно во всех нацобластях, без какого бы то ни было ограничения для отдельных народностей» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 440. Л. 50—53]. На последнем настаивало и командование Северо-Кавказского военного округа. Это объяснялось уже тем, что в ходе операций по разоружению горцев, осуществлявшихся в 1925—1926 гг., население одних национальных областей зорко отслеживало проведение таких операций в соседних областях, так как в условиях непрекращавшихся межнациональных стычек, главным образом из-за земельных споров, безоружность одних при наличии оружия у других воспринималась крайне болезненно⁸⁰. Краевые инстанции, исходившие из мнения представителей национальных областей, ставили вопрос об обеспечении личного состава национальных формирований «национальным обмундированием» и «национальной пищей» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 440. Л. 13]⁸¹.

Командование военного округа на это не соглашалось и отмечало, что «в соответствии с требованиями предстоящего территориального строительства (? — Ю. К.), для упрощения и удешевления всей системы намечаемых военных работ, введение учета и общеобязательной военной повинности мыслится не по народностям, а ТОЛЬКО ПО НАЦОБЛАСТЯМ в их административных границах. Однородный состав народностей преобладающего большинства областей (не считая Дагестана) облегчает такое решение» [Там же. Л. 60].

В соответствии с указанием вышестоящих инстанций о необходимости подготовки общественного мнения на местах развернулась соответствующая

⁸⁰ В ходе операций по разоружению командующий СКВО И. П. Уборевич предлагал оставить оружие комсомольцам, но встретил по этому вопросу решительный отпор со стороны представителей краевой власти, которые отмечали, что в этом случае в комсомол пойдут те, кто желает иметь право на ношение оружия [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 63—65].

⁸¹ Следуя курсу реализации провозглашенных принципов национальной политики, ЦИК Союза ССР в 1925 г. ставил вопрос о создании «единой военной тюркской терминологии» [ЦАНИ РГ. Ф. 607. Оп. 2. Д. 3505. Л. 5 об.].

работа. Была издана брошюра «Почему горцы Северного Кавказа призываются на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. (Материалы для докладчиков на общих собраниях граждан в ауле)». В одних областях (Адыгее-Черкесской) особых трудностей не возникало [ЦДНИ РО. Ф. р-7. Оп. 1. Д. 828. Л. 72], в других (Черкесии, Кабарде, Чечне) трудности были, например, председатель сельсовета в список допризывников мог вносить «бедняков, определяя их возраст „на глаз“, зажиточных старался освободить, подставляя лета...» [Там же. Л. 90]. Обычными аргументами против службы в армии, высказывавшимися жителями тех или иных местностей, было то, что «мы», т. е. горцы, никогда не служили или что предстоит война (не то с Англией, не то с Японией) и горскую молодежь слабая советская власть и коммунисты забирают на нее [ЦДНИ РО. Ф. р-7. Оп. 1. Д. 828. Л. 85, 93; ЦГА КЧР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 88. Л. 91—93].

Характерные накладки и сложности в подготовительной работе массово фиксировались в Дагестане. В информациях по данному вопросу отмечалось, что в состав учетных комиссий нередко попадали люди, резко отрицательно относившиеся к введению обязательной воинской повинности, имело место сопротивление проведению призыва и со стороны представителей местных советских органов. В одном из населенных пунктов председатель сельского совета, видя, что население пассивно реагирует на его призыв собраться по соответствующему поводу, увещал их следующими словами: «Дело идет о жизни и смерти молодежи, она будет угнана в армию, быть может, последний сын у родителей, а Вы к этому относитесь, как будто Вас это не касается». Присутствовавший на сходе партизнец не смог доказать народу истинные цели призыва в армию и «крестьяне вопросы разбирали с упадочным настроением». В создавшихся условиях имели место случаи обращения горцев за советом, как поступить, к авторитетным духовным лицам, в частности к Али Хаджи Акушинскому, которому приписали следующие слова: «Никогда дагестанцы в армии не служили и надо послать делегацию в ДагЦИК и предложить взамен людей оказание помощи Правительству в виде хлеба, скота, денег и т. д.». Такую делегацию от конкретного селения (и от дагестанцев в целом) возглавил сам шейх Али Хаджи (отмечалось, что он вообще является «центром всего антисоветского»). Решения сельских сходов звучали и следующим образом: «Если другие аулы не откажутся от призыва, то и мы согласны и возражать не будем» или: «Нам призыва не нужно, а когда будет нужно, мы все пойдем на войну» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 992. Л. 72, 73, 75, 85]⁸².

В информациях отмечались и успехи контрагитации со стороны «жулацкого элемента и духовенства». Их представителям приписывались такие заявления:

Если бы с большевиками не было войны, то Советская власть не призывала бы горцев в Красную Армию, так как в старое время от нас в солдаты не брали;

⁸² Были и другие трудности с осуществлением призыва. «Явку националов следует признать низкой. Это объясняется тем обстоятельством, что значительная часть горского населения к моменту призыва откочевала за пределы Дагестана и многие из них... призваны в других районах Союза, в Азербайджане и Грузии, это с одной стороны, с другой — это является отражением слабости работы сельсоветов и почти полной неработоспособности военных делопроизводств при РИК'ах» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1204. Л. 3].

большевики говорили — «зурму-насилию», а теперь мы видим на фактах зурму, как призыв горцев (в армию), дорожное строительство и т. д.

Духовенство говорит: «Вот если возьмут нашу молодежь в Красную Армию, она там совсем собьется с пути, запретят там молиться и пр., таким образом, молодежь превратится в безбожников».

Проклятая Соввласть уже мобилизует наших молодых ребят. Это для нас позор, нам нужно отказаться от мобилизации, дабы не защищать русских. Тот, кто будет защищать их, является гяуром» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 992. Л. 86; ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1034. Л. 8].

Примечательна следующая ремарка, содержащаяся в одной из докладных записок того времени:

...Призыв горцев в Красную Армию, эта часть работы в истории Аварского округа, как бы сказать, являлась второй революцией для населения, и чувствовались колоссальные трудности в деле перелома закоренившегося с давних пор у населения быта [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1034. Л. 7].

Следствием сопротивления населения и очевидных недоработок советских и партийных органов на местах, по секретной информации Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа, в нацчасти попал значительный процент лиц, абсолютно непригодных по своим моральным и правовым качествам к службе в Красной Армии, и они оказывали разлагающее влияние на остальной состав нацчастей. Во избежание проникновения «чуждых настроений и деморализующего влияния», командование округа демобилизовало в 1927 г. «не только старослужащих, но и молодых красноармейцев, которые показали себя как совершенно чуждый элемент для Красной Армии». Оно же обращалось к руководству автономных областей и Дагреспублики с призывом оказывать большие участие и помощь командованию нацчастей в отборе личного состава [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 114—115].

Благодаря произведенной работе и проявленным представителями власти усилиям «перелом» в итоге был достигнут и в конце сентября 1928 г. из Дагестана докладывали в Политическое управление Северо-Кавказского военного округа:

К данному времени население совершенно готово к призыву, молодежь с нетерпением ждет начала призыва... Антисоветские элементы совершенно прекратили свои выступления и даже относятся весьма сочувственно к предстоящему призыву [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 14, 15].

Оценка итоговой ситуации в докладе приукрашена, хотя фактом является то, что и в данном случае власти удалось сломить сопротивление значительной части населения.

Общие замечания

Трудно сравнивать глубину воздействия на порядок жизнеустройства, которое испытали жители Северного Кавказа в одном случае — при включении их в состав Российской империи и подчинении законам и правилам ее функционирования, в другом — в ходе советской перекройки абсолютного боль-

шинства правил общежития. Оба раза потрясения социального, бытового порядка оказались изрядными. Но человек свыкается с обстоятельствами. И уже нечто привнесенное, но устоявшееся и по-своему укоренившееся ему нежелательно терять, и при новом переделе сущего прежнее выглядит практически своим, родным. Поэтому жители разных районов Северного Кавказа при проведении в жизнь «глобальных» советских социально-политических и хозяйственно-экономических преобразований говорили, что они хотят вернуться к порядкам, существовавшим при Николае.

По мнению И. Б. Дидиговой, попытавшейся проанализировать соответствующие изменения на материалах Чечено-Ингушетии, трудности советизации были вызваны там непривычными для местного населения новыми формами управления, разрушением существовавших представлений о собственности и власти (цит. по: [Кринко, Хлынина 2009: 93])⁸³. Однако местная среда по возможности сопротивлялась нововведениям, да поначалу и Центр не настаивал на введении новшеств.

Возглавлявший эту автономию в первые годы ее существования Т. Эльдарханов на 1-м съезде Советов Чечни отметил, что запал к «бевременной ломке устоев жизни культурно отсталой» области, исходивший от получавшей образование в Москве чеченской молодежи, «противоречит директивам Центра по национальной политике» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1024. Л. 59].

Взгляды же старшего поколения совработников отличали характерные черты консерватизма. В информационном отчете Чеченского обкома партии за октябрь—декабрь 1924 г. сообщалось:

Настроение интеллигентской части советских служащих в большинстве обывательское мещанское с психологией чиновника, и по отношению (к) Соввласти и партии безразличное, за исключением наиболее ответственных партийных советских работников-чеченцев (из) известных в Чечне фамилий; со стороны этих т., имеющих значительный авторитет и сторонников в Чечне, наблюдается желание осуществить невмешательство партии в Советскую работу и стремление избавиться от руководства партии и самим вершить судьбы чеченского народа, выразившееся в письме на имя тов. Микояна с жалобами на направленные действие Орг-Бюро и в особенности секретаря его. Объединенным заседанием партактива и ответственных Совработников, длившимся три дня в присутствии тов. Мамсурова, внешне конфликт урегулирован и спайка будто бы достигнута, но несомненно, что у группы оппозиции осталось затаенное недо-

⁸³ Хотя надо заметить, что во многом «непривычными» для местного общества в свое время явились и порядки, введенные Шамилем, а затем и установления российской власти. Здесь же отметим, что в начале 1930-х гг. тогда просоветски настроенный А. Авторханов предупреждал о неправомерности преувеличения либо занижения роли тайповых отношений в общественной жизни чеченцев. Он писал: «...Нужно категорически подчеркнуть, что всякое проявление родовой борьбы в сегодняшней чеченской деревне подчиняется классовой борьбе. Характерным и доминирующим видом борьбы в чеченской деревне является борьба не родовая, а классовая, и что родовая борьба сплошь и рядом имела и имеет под собой классовую подоплеку» [Авторханов 1931: 29]. Натяжки в подобных формулировках очевидны, хотя и рациональное зерно в них имеется. Тот же автор Дидигова отмечает, что районирование в Ингушетии в 1920-х гг. осуществлялось «без правильного сочетания национального фактора с экономическими условиями той или иной местности, без учета их особенностей, конкретной исторической ситуации» [Дидигова 2005: 505]. Правда, аргументированных пояснений данному тезису она не дала.

вольство, которое в будущем может отрицательным образом отразиться на работе [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1024. Л. 41].

Опять пример противостояния двух ветвей власти.

Похожая ситуация наблюдалась в Адыгейской АО, где в 1923 г. в конфликт вошли секретарь оргбюро К. И. Голодович и работавшие в облисполкоме представители национальной интеллигенции. Голодович обвинял местных товарищей в том, что они оказались «элементом неработоспособным, не могущим приспособиться по своей психологии к запросам Советского дня и, наоборот, выявили весьма много политических интриг, мелкобуржуазных уклонов, используя свое звание члена облисполкома в личных интересах» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 168]. Последние, в свою очередь, утверждали, что Голодович, «с самого начала своего прибытия в Адыгейскую область вздумал стать фактически ее управителем. Своими инсинуанскими и демагогическими приемами привел наш исполком в моральное разложение и лишил его фактического значения». Они отказывались работать с ним вместе [Там же. Л. 6—7].

Советские преобразования можно оценивать по-разному, но вряд ли стоит оспаривать то, что в целом они были направлены на модернизацию социальных и хозяйственно-экономических основ жизнедеятельности государства и его составляющих в свете преобладавших в то время и в западном мире схожих тенденций. Правда, такие преобразования осуществлялись при жестком диктате новой политической системы. В данном случае модернизация преследовала цель создания индустриального общества в его социалистическом варианте, что привносило в соответствующий процесс дополнительные и немаловажные особенности.

Процессы модернизации всегда болезненны. Такими они и оказались, и не только для жителей Северного Кавказа, но практически для населения всех регионов страны. Данные в свое время большевиками горцам обещания, что тем будет предоставлено право жить как захотят, при соблюдении лишь некоторых принципиальных условий политического характера, объяснялись неуверенностью новой власти на начальном этапе ее функционирования и отсутствием реальных планов и даже представлений о том, как она, власть, будет обустривать оказавшуюся в ее подчинении многоликую страну. По мере укрепления своих позиций, обретения самоуверенности центральная власть масштабно и динамично стала вмешиваться в порядок жизни местных обществ, не столько предлагая, сколько навязывая новые модели общежития в разных формах и сферах его проявления. Безусловно, это вносило существенные коррективы в порядок жизнедеятельности северокавказских обществ, но не разрушало характерной для каждого из них «картины мира».

С позиции современного анализа истории начала и дальнейшего функционирования колхозной системы в Северо-Кавказском регионе можно отметить некоторые примечательные закономерности.

Так, в Дагестане создававшиеся по приказу сверху колхозы (пожалуй, только красные партизаны создавали их по собственной инициативе) и соответствующий новый порядок по возможности адаптировались местными жителями к привычным для них устоям жизни. В селении Кванада рассказывают, что при формировании колхоза хозяйственный инвентарь частных лиц, скот, домашняя птица были занесены в регистрационные книги и учтены как обобществленное имущество, то же произошло с земельными наделами; од-

нако на деле сельское общество (джамаат) и его жители долгие годы продолжали жить почти по-прежнему, а когда в 1990-е гг. колхозы было приказано распустить, то эти книги оказались востребованными, и собственность на землю восстанавливалась с учетом давних записей. В маленьком селении Сагада фамильные участки сохранялись на протяжении едва ли не всего советского периода истории; появлявшимся проверяющим регулярно обещали исправить положение дел, но по их отбытии жизнь продолжала идти своим чередом. Подобные примеры не назовешь в полной мере характерными, однако почти обычным делом было толкование горцами основных положений Устава сельскохозяйственной артели в согласии с поземельными и хозяйственными нормами местного адата.

Первые коллективные хозяйства часто создавались на общинных пастбищах, в ряде мест мульки (частные наделы) сохраняли своих прежних хозяев, их тайно продавали, дарили, передавали по наследству и при этом следили, чтобы земельный участок не попал в руки человека, не являющегося членом джамаата (сельского общества). Под угрозой высоких штрафов запрещалось самовольное изменение использования любых категорий земель в пределах владений колхоза, выступавшего в роли традиционного сельского общества. Сами колхозы функционировали в территориальных границах угодий джамаатов [Карпов 2007: 521]. Крупные же селения, с числом жителей в несколько тысяч, делились на несколько колхозов, по кварталам. Так, в ауле Кака-Шура в 1930-е гг. функционировало 4 колхоза, в селении Куруш — 3 колхоза [Карпов, Капустина 2011: 100]. Нужно заметить, что в определенных кварталах обычно размещались дома семейств, так либо иначе связанных родством. «Надо категорически, — писал в это время публицист, — отказаться от поисков базы для организации колхоза в родовом строении, а следует искать и находить эту базу в социальных группах, организуя бедняка и середняка в колхоз, независимо от их родовой принадлежности, не допуская туда кулака. Мы категорически против родовых колхозов» [Цей 1931: 61]⁸⁴.

Корреспондент из Северной Осетии сообщал о «пережитках родового строя как форме классовой борьбы».

Кулачество в Северной Осетии искусно прикрывает свою классовую борьбу под флагом национальных особенностей и пережитков родового быта... Культивируется лжесвидетельство, мешающее проведению в жизнь важнейших советских законов... Бывают случаи, когда отдельные бригады и табельщики проводят целую политику, соответствующую их родовым и личным интересам... Кулак использует исторические и бытовые формы абречества и ското-

⁸⁴ Корреспондент издававшегося в те годы в Дагестане журнала писал: «Во всем ауле имеется 40 человек лишенцев, и когда проверили их родовую связь в ауле, то оказалась половина аула — 120—130 хозяйств, помимо самих их, связаны близкими родственными узами. Местные кулаки, благодаря такой связи, в прошлом году добились возврата им всех ссуд в количестве 40 га. Как же они добились? Очень просто: никто из колхозников и неколхозников не пошел обрабатывать эти сады благодаря большому тухуму родственных связей, через которые кулаки проводили свою работу... Аульские кулаки благодаря такому положению просто-напросто через своих людей объявили итальянскую забастовку (не выходили на работу), благодаря чему добились развала колхоза. Оставшемуся же в незначительном количестве колхозу отвели землю, опять-таки, с благословения кулацких подпевал, самую дальнюю» [Хуршилов 1931: 47—48].

конокрадства в целях подрыва и развала колхоза... Бывает и так, что отдельные должностные лица, сводя родовые счета с тем или иным родом, добиваются того, что наиболее активные представители «враждебного» для них рода внеслись в список кулацких хозяйств, в то время как эти хозяйства ни в коем случае не подлежали раскулачиванию [Кулов 1933: 55—60].

Одновременно корреспонденты региональных и союзных периодических изданий призывали учитывать местную специфику в организации колхозов, как, например, в отношении Карачая и применительно к тамошним кошевым объединениям (объединениям пастухов и членов сенокосных бригад), «как основной производственной единицы колхозов в горах» [Дицман 1931: 23].

В этом же плане примечательны слова докладчика (Текеева), выступившего в декабре 1928 г. на 3-й партконференции Карачаевской области:

Последний вопрос, на котором я хочу остановиться это относительно родовых колхозов. По что у нас, насколько мне известно, родовые колхозы не организованы, но в наших условиях такие стремления возможны. Родовые отношения у нас еще оказывают влияние на общественную жизнь аула. Поэтому родовые отношения будут, пожалуй, еще иметь некоторое влияние на колхозное строительство и на производственное кооперирование вообще. Будем ли мы допускать такие коллективы; они могут возникнуть из членов одного рода, например, Байчоровского, Семеновского и т. д., хотя бы члены колхоза по своему социальному положению вполне соответствовали нашим требованиям. Категорическое запрещение таких объединений, по-моему, будет не в наших интересах, этим мы можем задержать ход коллективизации [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 15а. Л. 12].

И другая любопытная деталь — в колхозы с охотой записывались кулаки с целью получения кредитов, тогда как бедняки не понимали соответствующих выгод и не спешили становиться членами кооперативов (либо полученные ссуды и кредиты они просто проедали) [Там же. Л. 21].

Отмеченные факты демонстрируют, как в созданных советской властью коллективных хозяйствах (кооперативных структурах модернизируемой общественной среды) сохранялся опыт традиционных общественных практик, связанных с функционированием сельской общины, фамильно-родственных групп и др. Северо-Кавказский материал в данном отношении не уникален. В истории колхозов, например, русских областей страны исследователи также отмечают роль общинных традиций, хотя не однозначно прямолинейно (см.: [Данилов 1970; 1972; Миронов 2003, т. 2: 332—333]). Однако в советской действительности общинные традиции получили такое преломление, что бывшая община утратила свои основополагающие принципы функционирования⁸⁵, и на протяжении 1930-х гг., в частности на Северном Кавказе, в народе не переставали циркулировать слухи о скорой ликвидации колхозов, что отражало отношение населения к данной форме общественного хозяйства и общежития.

В Аргудане (Кабардино-Балкарская АО. — *Авт.*) идут такие разговоры, что, согласно Конституции, все колхозы должны быть распущены, якобы

⁸⁵ Хотя В. И. Ленин и его ближайшие идеологические сподвижники, еще не строившие планов кооперирования сельского хозяйства, в самом начале своего политического пути отмечали, что «общину как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз мы, безусловно, будем защищать от всякого посягательства бюрократов» [Ленин 1959: 344].

т. Сталин сказал, что колхозы надо распустить, но партийные организации области и района не говорят об этом, замалчивают этот вопрос, имея в виду, что если они скажут, то может случиться, что хлебоуборка, хлебопоставка сорвутся. Что тов. Калмыков, являясь самым крепким человеком в области, не разрешает этого делать, а тов. Сталин уже распустил колхозы в Грузии [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 171. Л. 113]⁸⁶.

Власть стремилась разрушить «традиционные» социальные связи, в одних случаях пролегавшие через сословные отношения, в других — через фамильные (тайповые и т. п.), а также взаимоотношения между «стариками» и «молодежью». Однако особо в этом не преуспела. Таковые оставались действенным каналом регулирования общественной жизни на местах.

Из Черкесии и Карачая сообщали:

В ряде районов между отдельными родовыми группами идет борьба за захват местного соваппарата, главным образом низового. В связи с этим группировщиками велась кампания по дискредитированию представителей местных органов власти в глазах населения. Особенную активность проявляют бывшие дворянские фамилии, нередко пользующиеся покровительством и родством в области (Карачай). Перевыборы Советов еще больше усилили борьбу между дворянской и крестьянской группой, представители которых всеми мерами старались провести в Советы своих сторонников (Черкесия). На почве недовольства окружной властью, защищающей нередко интересы одних семей в ущерб другим, в Чечне отмечается тенденция к выделению из одного округа в другой... Сел. Ногай-Мирза-Юрт, Али-Юрт, Бено-Юрт, Мундар-Юрт и В. Наур вынесли постановление ходатайствовать перед краем о выделении из Надтеречного округа и присоединении к Асланбековскому или Моздокскому округу. Причина — недовольство окружной властью, состоящей целиком из представителей с. Нижний Наур и защищающей интересы последнего селения в ущерб вышеуказанным селениям [Совершенно секретно 2001, т. 4: 931, 1015].

Поступавшая из той же Чечни в период предвыборной кампании 1927 г. информация была полна сведений о межфамильных баталиях.

Шатоевский округ. Выявились три претендента на председательство в окРИК: нынешний председатель окРИКа Истамулов, опирающийся на сочувствие и поддержку молодежи и хаккоевский род, нарсудья Мюридов, опирающийся на сильное племя цыгуноевцев, Течуев, зав. окрФО, опирающийся на зажиточные слои населения. Все три ведут интриги и компрометируют друг друга на различных собраниях [Совершенно секретно 2003, т. 5: 214].

⁸⁶ Тем не менее рефлекторное восприятие жителями региона колхозов как общественных коллективов, воспринявших определенные и немаловажные функции общины, отразилось, например, в том, что в 1990-е гг. дагестанцы вопреки указаниям из Москвы распустить колхозы и совхозы высказывались за их сохранение [Бобровников 1997: 134; 2002б: 91; Кисриев 1994: 19]. Дагестанцы выказали консервативность и в предписанной свыше (из федерального центра) реорганизации органов власти. Они медлили с отменой местных советских институтов оной, только в 1994 г. советы были заменены местными администрациями, и практически сразу же на республиканском уровне стали обсуждаться законы «О сельской общине», «О местном самоуправлении», в самой постановке которых отразился социальный заказ «снизу» — найти форму «коллективной» самоорганизации [Карпов 2007: 581].

Из Надтеречного округа сообщали, что группа, представляющая интересы одного из кандидатов во власть, «поддерживается секретарем окрком ВЛКСМ» и «распространяет влияние главным образом на комсомольцев».

При выборе избиркома в ауле Старые Атаги между двумя сильнейшими родами аула беноевцами и гендергеноевцами, желающими провести в избирком только своих представителей, произошел крупный спор, едва не перешедший в драку. Инцидент был ликвидирован предоставлением каждому роду представительства в Совете... В с. Урус-Мартан, где перевыборы Советов проводились по 18 кубам, наблюдалась борьба между двумя тейпами (родами) Тендергеной и Нихалой. В VI и VII кубах выступали тендергеноевцы против кандидатур бедняков, партийцев и комсомольцев, требуя выбора одних стариков. На этом же собрании один из кулаков обнажил кинжал на секретаря комсомольской ячейки, требуя изгнания его со схода [Совершенно секретно 2003, т. 5: 295, 296].

К «традиционным» практикам можно отнести и то, что активисты недовольных проводимой властью политикой группировок (в частности, духовенство) использовали для публичных выступлений женщин. Из одного из селений Чечни сообщали:

...Состоялось нелегальное собрание кулачества с участием трех женщин, на котором был разработан план организованного выступления женщин. В результате всех этих действий кулачества в течение 7 дней небольшие толпы женщин демонстрировали по аулу с требованием отмены землеустройства. Видя, что это не достигает цели, кулачество прибегло к провокации об отобрании медресе и мечети, а женские организаторы одновременно выставили требование об обеспечении населения хлебом... Выступления женщин прекратились лишь по приезде представителей области, предпринявших меры [как] к разъяснению цели и задачи перераспределения земель, так и к исправлению допущенных недочетов при землеустройстве [Совершенно секретно 2004, т. 7: 212—213].

Активность женщин, как представляется, объяснялась не только тем, что женщины исполняли собственный, как могли они его понимать, гражданский долг, но и тем, что они замещали мужчин, вынужденно сдержанных, чтобы не допустить критического обострения ситуации и негативных последствий [Карпов 2007: 166, 168]. Ультиматумы женщин против тех или иных мероприятий соввласти обычно выражались в заявлениях об отказе отдавать детей во вновь организуемые ясли и детские сады.

Новая социально-политическая обстановка имела побочные явления. Проводившееся с санкции административных инстанций разного уровня землеустройство вызвало огромное количество земельных споров между общинами одного этнического массива, между соседями разных этнических массивов, «между народами» (подробнее см.: [Бобровников 2002а: 218 и след.]). Одновременно наблюдалось нарушение традиционных родственных и территориальных связей, что привело к увеличению числа конфликтов между односельчанами [Бабич 1999: 149].

В одних случаях власть шла на уступки старым заведенным обыкновениям местного населения. Карачаево-Черкесскому облисполкому было предоставлено право освободить женщин-горянок от обязанностей сельских исполнителей, не возлагая на них денежных сборов, как это предполагалось декретом ВЦИК о сельских исполнителях [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 2. Л. 352]. В других случаях в Крае не отваживались утверждать принятые на местах

решения и апеллировали к Центру, например в связи с постановлением налоговой комиссии Адыгее-Черкесской АО о признании женщин-черкешенок нетрудоспособными по мусульманскому обычаю [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 192. Л. 2]. В третьих, еще критичнее оценивались местные инициативы, как это имело место относительно просьбы Дагестана о введении института сельских милиционеров (чаушей), которые должны были избираться сельскими сходами сроком на один год⁸⁷.

Конфигурация традиционной «картины мира» изменялась, но в целом не кардинально. В восприятии народа на коммуниста как такового могли переноситься качества, характеризовавшие его как доблестного и бесстрашного джигита (см. соответствующий пример в начале данной главы). Советская действительность описываемого периода являла многочисленные примеры политических мифов как следствия переоформления истории в идеологию (что на других примерах было обстоятельно описано и проанализировано Р. Бартом) (см.: [Барт 1989: 46—130]). Реальные коммунисты и лидеры своими поступками сами стремились вписать себя в эпический контекст народного бытия и мировосприятия. И наиболее талантливым из них это в значительной степени удавалось.

Из гыбзы (плачевной речи) об Андемыркане кабардинцев:

Страх-боязни не знает Андемыркан.
Меч его, — говорят, — остро отточен.
Точно птица он, когда на коне.
Как густой туман, когда на земле.
Сила его больше силы быка.
Пши Асланбека он заставляет дрожать
Кана Эльмурзы объявляет врагом.

⁸⁷ В Положении о них говорилось:

«1). В целях предоставления сельсовету возможности фактического выполнения лежащих на нем обязанностей, — в помощь ему, а также для облегчения населения по непосредственному выполнению общественной натуральной повинности, во всех сельских местностях ДССР вводятся сельские милиционеры (чауш) на выборных началах.

2). Сельскими милиционерами (чауш) могут быть только постоянно проживающие в данном ауле (селении) граждане мужского пола в возрасте от 18-ти до 50-ти лет, не лишенные избирательных прав...

4). Сельские милиционеры (чауш) выбираются общими сходами населения данного аула... сроком на один год в следующем количестве...

10). Сельские милиционеры (чауш) содержатся за счет сельского (аульского) общества, причем оплата производится на договорных началах между сельскими милиционерами (чау) и аульским (сельским) обществом.

11). Сельские милиционеры (чауш) освобождаются от всех других видов общественной натуральной повинности.

Примечание: Помимо этого, по усмотрению сельского общества, сельским милиционерам предоставляются покосные или пахотные участки или еще какие-либо льготы общественного значения, равно как в страдную пору производится общественная обработка участков, принадлежащих сельским милиционерам, и т. д.» [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 161. Л. 1—12]

Введение института чаушей долго согласовывалось с Центром, просуществовал он недолго и в 1928 г. был упразднен с заменой институтом сельских исполнителей [ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 120. Д. 107].

Богатствами он овладевает без труда;
Дарит их, щедростью затмевая нартов.
[Кабардинский фольклор 2000: 323—324]

Из песни о Бетале Калмыкове:

...Затхлый дух развеял ты,
Не щадил драконных нор.
Грозен пушек зоркий строй.
В лес укрылся враг, — шалишь!
Шипшева ты сам поймал.
Стало краше, лучше жить,
И лучится, блещет край.
Вся страна глядит на нас.
Зреет радость на ветвях.
И Беталу в Кабарде
Рады все — и стар, и млад.

[Кабардинский фольклор 2000: 564—565]

При известной конъюнктурности данного сочинения оно вписывалось в словесное выражение традиционной «картины мира», ибо герой обязан был быть таковым по законам жанра, кем бы он ни являлся, коль скоро был принят средой, возможно, даже в результате навязанного предложения со стороны.

Сравните:

...Ленин летел, полыхал бусуном (бусун — гриф),
Чаном скитался в диких лесах (чан — зверь).
Счастье он нес старикам и юным,
Тем, кто в работе тяжелой зачах.
Ночи не спал он, о бедных заботясь,
И жемчуг, из моря добытый, им дал.

[Дагестанская антология 1934: 38]

В немалой степени вопреки требованиям Центра вожди новой эпохи следовали канонам традиционного восприятия образа народных лидеров. В свое время Шамиль, перечисляя необходимые качества вождя, называл строгость и справедливость. Эти фактически универсальные качества-требования не делились кавказской средой оригинальным содержанием. Но эта среда делилась на множество национальных (этнических) сообществ, каждое из которых требовало индивидуального учета своих интересов. В пору революции и следовавшие за ней годы подобные требования выражались в отстаивании прав по земельному вопросу, в предоставлении большей самостоятельности в решении общественных, а отчасти и политических вопросов. Вожди новой формации выступали радетелями прав на самобытность своих народов в рамках унифицированного классового подхода к решению социально-политических задач глобального (в рамках страны, занимавшей шестую часть суши) масштаба. Поэтому в глазах Центра и его отдельных представителей они выглядели националистами. Это были Нажмутдин Самурский, говоривший о необходимости полной «национализации» власти в Дагестане, руководитель Карачая Курман Курджиев, «обожавший» и преувеличивавший «местные бытовые условия», а также отрицавший наличие «классовой дифференциации в ауле» и настаивавший на единстве всех карачаевцев партийный глава Ингу-

шетии 1920-х гг. Идрис Зязиков, который на вопрос о том, сколько врагов народа он разоблачил, ответил: «Ни одного, ибо в Ингушетии живут только одни ингуши» [Чахкиев 1991: 29].

Кое-кому из руководителей национального масштаба удавалось добиваться желаемого, другие терпели фиаско. В немалой степени это зависело от характера личных связей данных руководителей с властью имущими фигурами Центра. По мнению американского исследователя Дж. М. Истер, «отношения между центром и регионами структурировались на личной основе, в то время как организационные роли оставались слабо очерченными и меняющимися... Переплетение формальных и неформальных структур позволяло слабому послереволюционному государству развить потенциал территориального управления» [Истер 2010: 49, 85]. Возможно, в подобной оценке есть преувеличение. Однако пример Б. Калмыкова, который имел достаточно тесные связи с влиятельными лицами из Москвы и которому удавалось добиваться немало — дополнительных субсидий и расширения территории подвластной ему области, хотя не в желаемых размерах, тому подтверждение.

Новая элита на местах, пребывая в системе советской государственности, обладала все же самосознанием, формировавшимся определенными нормами традиционного общества.

Личный авторитет не обеспечивается официально заявленным и институализированно гарантированным делегированным свыше, а может только постоянно поддерживаться поступками, которые практически подтверждают его своим соответствием признанным группой ценностям; «великие» менее кого-либо другого могут позволить себе вольно обращаться с официальными нормами и должны оплачивать свою повышенную ценность повышенным соответствием ценностям группы [Бурдые 2001: 255].

Вождь, лидер во всем должен быть первым, защитником обездоленных, образцом для подражания. И подобно тому, как в прежние времена «мудрый правитель должен был быть в каждом уважающем себя ауле, и что общественное моление могло быть успешным только при участии в обряде князя», так и облеченный властью новой политической системы руководитель должен был присутствовать на всех ответственных (с разных точек зрения) мероприятиях (и не только по долгу службы). Это вполне удавалось Беталу Калмыкову, можно сказать, и другим руководителям автономий. Одновременно в реалиях Северного Кавказа человек мог обрести власть и сохранять ее, имея поддержку многочисленной, сильной и желательно родовой фамилии. Примеры лидеров Чечни — светских и духовных, примеры выборов в местные советы в регионе в целом наглядно демонстрируют это. Советская власть боролась с подобным, но далеко не всегда успешно.

Впрочем, сохраняли свои позиции в рядах новой элиты до поры до времени, как правило, те, кто принимал условия новой политической действительности, той новой «социальной машины», которая обрела уже «в себе самой способность к самоувековечиванию» [Бурдые 2001: 255].

Тот же Калмыков, будучи не винтиком, но большим винтом в машине советского государства, дабы выжить, был вынужден подчиняться общему ходу работы такой машины, стать в результате членом тройки, вершившей судьбы сотен и тысяч граждан вверенной его попечению национальной автономии. В аналогичной ситуации оказались Н. Самурский и другие руководители об-

ластей и республик. И в этом качестве и роли они с очевидностью выпадали из традиционной «картины мира» уже потому, что проявляемая ими жестокость (назовем это так) не имела оправданий.

Разрушение «картины мира» происходило в свете попраения старых и провозглашения новых ценностей и приоритетов.

Собственность!

Да будет повержена храмов твоих высота,
Страшную жертву приносят твои ядовитые всходы.
Ты омрачаешь рассвета цвета,
Ты отравляешь и душишь народы.
...В трупные носилки положат имя твое Советы,
Похоронят тебя и твой яд,
Жизнь бедняка сделают душистым шербетом
И тебе не дадут вернуться назад.

[Дагестанская антология 1934: 111—112]

Выбросим дряхлый коран,
Пусть догрызет его плесень!
Книжную сумку к ремню
Мы, как оружие, привесим...
...Радостные голоса
Мудрость науки прославят.
Дружной сойдемся толпой
Праздновать новый алфавит

[Там же: 192, 193]

Здесь мы позволим себе привести слова, высказанные в 1924 г. заведующим этнографическим отделом Главного среднеазиатского музея М. О. Андреевым относительно наблюдавшихся в то время изменений «картины мира» в местной среде. Сделав надлежащую поправку на специфику данного региона, считаем возможным перенести общую оценку и на северокавказскую почву.

Мы находимся в настоящее время в исключительном моменте в истории Средней Азии. Та жизнь, которая текла здесь более или менее в одних и тех же рамках, в почти одинаковых условиях в течение многих столетий, в настоящее время подвергается самой коренной ломке, самому существенному в своих сферах (русская колонизация мало что изменила). Но вот, вслед за этим, последовало продвижение паровоза, раскинулась телеграфная сеть, и вместе с легкостью широко открытого сообщения, вместе с новыми экономическими условиями жизни и нивелирующим влиянием однообразного административного механизма широкой волной устремился в местные мозги поток новых идей. Произошел сдвиг мышления, мировоззрения. Постепенно, но вместе с тем чрезвычайно быстро многое из того, чем жили и дышали народные массы, стало казаться лишним, ненужным и даже смешным. Последнее действовало, кажется, хуже всего. Страх быть смешным, казаться глупым, несовременным действовал во многих случаях сильнее — например, в отношении многих древних языческих обычаев, — чем религиозное преследование до этого в течение столетий. Некоторые древние обычаи, с которыми не могла справиться проповедь мулл, быстро и незаметно исчезли на этой почве сами собой именно в наши дни. То же самое можно отметить и относительно материальной культуры. Одновременно с переворотом в народных воззрениях при последовавших существенных изменениях в экономическом укладе жизни резко изменились и внешние формы быта [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 11. Л. 31 об.].

И все же, вопреки провозглашенной глобальности, советские преобразования не сломали полностью «картину мира», формировавшуюся веками в конкретной исторической, этнокультурной обстановке и среде. Подтверждение тому быстрый возврат к «традиционным» ориентирам и ценностям, произошедший в Северо-Кавказском регионе, как и в других частях бывшего СССР, в 1990—2000-е гг.

Более того, возможно, даже вопреки воле идеологов и практиков вновь созданного государства оно само отчасти воспроизводило «картину мира» «традиционного» российского социума. Это происходило через приоритет государства над обществом, приоритет коллектива над личностью, ограничение свободы личности, централизацию, планирование, эксплуатацию народного энтузиазма. В «кратком виде формула советской модернизации сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов» [Миронов 2003, т. 2: 333]. Северокавказский материал в достаточной мере подтверждает данный тезис, в котором хотя и в сильно трансформированном виде продолжала функционировать община, а лидеры конкретных обществ все же стремились действовать, ориентируясь на образы героев предшествующих времен.

Однако этот же материал рельефно обозначает еще одну важную составляющую политики государства на ранних этапах своей жизнедеятельности, актуальную в силу этнокультурной пестроты населения и ранее задействованных партий, взявшей на себя ответственность за построение «нового общества», политических лозунгов. Имеется в виду политика национального строительства.

Глава 3

НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ И В РАЗНЫХ ФОРМАХ

Материалы, которые будут рассмотрены в данной главе, в значительной мере пересекаются между собой, а отчасти и с изложенными ранее. Национально-государственная политика, осуществлявшаяся советским государством и возглавлявшей его партией, была сложным явлением, так что пытаться жестко структурировать имеющиеся данные, характеризующие ее по отдельным направлениям или автономным образованиям, не только сложно, но в значительной степени и бессмысленно.

Вопросы жизнеобеспечения «своих наций» и механика их решения

До сих пор мы говорили преимущественно о нациях с позиций партий и государства, для которых проблематика, связанная с национальной политикой, являлась тактическим политическим ресурсом. В то же время постоянно приходилось наблюдать, что и на местах «нации» являлись на всех рассматриваемых исторических этапах вполне очевидными реалиями, обладавшими собственными интересами, во имя которых действовали те либо иные силы и персоны. Конечно, к Кавказу первой трети XX в. неприменимо понятие «нация» в сравнении с европейским образцом оной. Тем не менее и для кавказской среды понятие «нация» с очевидностью не было пустым звуком. Имплицитно оно было представлено в сознании населения (а местные политики его активно использовали).

Великий дагестанец Расул Гамзатов записал:

Аварское слово «миллат» имеет значения 'нация' и 'забота'. «Кто не заботится о нации, тот не может заботиться и обо всем мире», — говорил мой отец... «У кур, у гусей, у крыс, кажется, не бывает нации, но у людей она должна быть», — так говорила моя мама [Гамзатов 1989: 317].

Слово *миллат* арабское. Имея значение 'нация', 'национальность', в большей степени оно подразумевает гражданскую составляющую данных понятий, хотя часто и религиозную. Но в аварском языке есть и слово *милат* со значением 'забота'. В обыденном сознании наблюдается совмещение значений этих слов.

Коль скоро это так, то и вопросы жизнеобеспечения «наций» становились первоочередными. А условиями для оного являются политическая (внешне-политическая) стабильность и база для материального воспроизводства этни-

ческого сообщества. Поэтому вопрос о земле и территории для северокавказских обществ с их аграрным и скотоводческим профилем самообеспечения был чрезвычайно актуальным. Споры (иногда доходившие до военных действий) между соседями в период революций, гражданской войны и в первые мирные годы о земельных наделах и т. п. иллюстрируют это в полной мере. Проблемы жизнеобеспечения не утрачивали важности и в дальнейшем. Примеров тому масса.

На территории современного Ставропольского края проживают скотоводы туркмены, в начале XX в. ведущие кочевой образ жизни и медленно переходившие к оседлости. Зоны их кочевий (летних и зимних) в это время оказались территорией активной колонизации русским населением, осваивавшим их как перспективный сельскохозяйственный район. Для туркмен данная ситуация выглядела катастрофой. И они обращались с жалобами и прошениями исправить положение в Москву. Центром была организована комиссия под руководством часто упоминавшегося в предыдущей главе Курмана Курджиева, согласно выводам которой, положение туркмен действительно было незавидным и они нуждались в поддержке. В 1927 г. в Москву ездили и уполномоченные ряда туркменских аулов с надеждой на встречу с главой Всесоюзного ЦИК М. И. Калининым. Неизвестно, добились ли они приема у последнего, но сохранился текст их прошения, по-своему весьма примечательный. В нем говорилось:

На протяжении долгого времени мы являемся свидетелями того, что история нашей жизни, занимаемых нами степей является историей борьбы плуга и овцы, историей прочно оседающего, обеспеченного инвентарем зажиточного русского земледельца с туркменом скотоводом, ведущим и до сего времени полукочевую полuosедлую жизнь.

И в результате мы являемся очевидцами также того, что победителями в этой борьбе оказываются крепкие хозяйственники, зажиточные земледельцы, тогда как мы, кочевники туркмены, не будучи в состоянии, не успевая закончить переход к сельскохозяйственному хозяйству, все более и более вытесняемся из лучших плодородных своих земель на земли определенно худшего качества вопреки даже тому, что за нами туркменами земли закрепляются формально в порядке землеустройства. В общем, современное положение наших туркмен является крайне и невероятно тяжелым [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 879. Л. 60].

В прошении помимо жалоб на незавидное житье-бытье и объяснений одного причинами едва ли не общен исторического порядка содержалось и вполне конкретное предложение, как выйти из данной ситуации. Отмечая, что территория их зимних кочевий отличается лучшими условиями для ведения хозяйства и в целом жизни, они просили «сделать распоряжение кому и куда следует освободить все эти места прежнего нашего жительства от самовольных захватчиков, зажиточного переселенческого элемента, в значительной своей части принимающего участие в нашем общем разорении и теперь под шумок осевшего и богатеющего на спине туземной безответной бедноты в отдаленных и глухих степях нашего края; в свою очередь, они могли бы быть выселены на освобождаемые нами в связи с переселением места, вполне пригодные для сельскохозяйственного освоения обеспеченными живым и мертвым инвентарем захватчиками в резкое отличие от нас, туркмен, кочующих скотоводов». Они требовали оказать материальную поддержку семьям, желавшим переселиться, а также осуществить необходимое техническое и социальное обустройство осваиваемых ими поселений, «ибо только при этих условиях

может быть приостановлено непрекращающееся и до сего времени физическое вымирание целого народа на десятом году Советской власти...» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 879. Л. 63—64].

Однако Малым Совнаркомом было принято решение «о концентрации туркменского населения» вокруг летней ставки путем переселения туда жителей трех аулов с территорий зимних кочевий [Курбанов 1995: 65, 68]. Это решение противоречило тому, на что рассчитывали туркмены. Факт по-своему примечательный. Правомерно допустить, что такое решение Центра было обусловлено «государственными» интересами развития в этих районах зерноводческого хозяйства (подробнее см.: [Карпов 2011]).

С прошениями в Центр обращались и представители Ингушетии. В 1926 г. представитель этой автономии при Президиуме ВЦИК обратился в Госплан с просьбой произвести всестороннее обследование области. Основными причинами такого ходатайства были следующие:

1. Ингушетия является одним из наиболее пострадавших от гражданской войны районов... 2. Три года пребывания в составе б. Горской АССР не дали ощутимых результатов для культурно-экономического роста Ингушетии, и только с конца 24 года (по образованию Автономной Области) начинается сравнительно нормальное строительство. 3. Все обращения к Центральной Власти руководящих органов Ингушетии вплоть до Съездов Советов не находят достаточного отклика в силу того, что Центральные органы не имеют реальной картины состояния области. 4. Восстановление и рост культурно-экономических сил Ингушетии невозможны без реальной помощи из Центра, что может быть выяснено только авторитетным обследованием Центральными органами.

Далее говорилось, что Госплан обещал провести обследование Ингушетии наряду с другими национальными областями Северного Кавказа, но по причине финансовых затруднений отменил «экспедицию» [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 121. Д. 88. Л. 1].

В архивах нами не выявлены документы, которые бы указывали на работу комиссии Госплана в Ингушской АО. Это не означает, что помощь автономии не оказывали. Зато в документах представлены выводы комиссии ЦКК (Центральной контрольной комиссии) и ВЦИК, констатирующих неудовлетворительное состояние советской работы в Назрановском округе этой автономной области, слабую общественную активность бедняцких слоев населения, задавленных кулаками, духовенством и т. п. [Там же. Д. 89]. Другой, уже прокурорской, проверкой были выявлены грубые нарушения законности в этой автономной области [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 166. Л. 17—19].

Как видим, Центр далеко не всегда удовлетворял просьбы автономий и нацменьшинств либо удовлетворял их не в полном объеме. Его облеченные властью представители руководствовались в своих решениях соображениями государственной выгоды, как они ее понимали. Сочетание и одновременно спор интересов сторон — Центра и автономий — реалии той поры (как, впрочем, бывает всегда).

Ниже мы более обстоятельно рассмотрим материалы по данной теме на примерах Северной Осетии и Дагестана.

Северная Осетия

Общее положение в Северной Осетии в земельном вопросе было типичным для региона. Правда, обеспеченность землей в ней, по данным, исходив-

шим от руководства Владикавказского округа, затем — Осетинской области, была ниже, чем в соседних областях.

В Северо-Осетинской области (по данным ее руководства) обеспечение земель на душу населения составляло на плоскости 1,38 десятин (1,30 удобной земли и 0,08 неудобной), в горах — 8,04 дес. (4,83 удобной и 3,21 неудобной), тогда как в Ингушской области аналогичные показатели на плоскости составляли 2,04 дес. (1,98 и 0,06, соответственно) и в горах 15,6 (10,35 и 5,51, соответственно), а в Сунженском округе (исключительно равнинная зона) данный показатель составлял 3,23 дес. (3,16 удобной земли и 0,07 неудобной) [ЦГА РСО-А. Ф. 50. Оп. 1. Д. 69. Л. 1 об.]. В целом душевой надел удобной земли в Кабардино-Балкарии превышал таковой в Северной Осетии в 5 раз, а в Ингушетии в 2 раза [ЦГА РСО-А. Ф. р-45. Оп. 1. Д. 15. Л. 11 об.].

Уже по этой причине в Северной Осетии вопросы жизнеобеспечения населения и автономного образования стояли весьма и весьма остро, а особо злободневным становился вопрос о границах с соседними округами, в дальнейшем областями, о сохранении практики аренды земли осетинскими крестьянами в Кабарде [Там же. Л. 22—22 об.], а равно об урегулировании землепользования в пределах собственной территории, в том числе путем перераспределения земель казачьих станиц, частично жителей плоскости — осетин и «иногородних» [Там же. Л. 22 об.].

Данный вопрос оставался главным в политике окружного, затем областного руководства Северной Осетии на всем протяжении 1920-х гг.

В протоколе заседания чрезвычайной комиссии по распределению земель в Дигорском округе в августе 1922 г. было зафиксировано:

Ввиду того, что земельная анархия в Дигории все больше и больше развивается, более мощные хозяева во время осенней и весенней посевной кампании захватывают самые лучшие земельные участки, пользуясь неопределенным и неустойчивым положением юртовых (населенных пунктов. — Ю. К.) границ, а за отсутствием последних малоземельные горцы перекочевывают с места на место и тем самым вносят хаос в общий слой землеустроительных работ Диг. округа.

Было принято решение установить временные границы, запретить беспорядочные переселения, а самозахваты считать преступлением и предавать ответственности дела виновных суду. Многоземельным горцам, обеспечивавшим себя собственным хлебом круглый год, запрещалось выделять наделы на плоскости, такие могли им предоставляться только при условии, если они передадут свои земельные участки в горах остающимся там жить соседям. Социализация земли в горах была признана невозможной ввиду того, что «горная земля без ухода за ней превратится в пустыню» (данный фактор при последовавшей через несколько лет коллективизации в расчет не принимался), а также из-за отсутствия технических работников, способных «правильно распределить... мизерные клочки горной земли, разбросанные по склонам гор, среди которых огромные груды камней» [ЦГА РСО-А. Ф. 50. Оп. 1. Д. 69. Л. 8—8 об.].

Возникали трудности и другого порядка. Жители станицы Змейской летом 1923 г., узнав, что от их юртового надела намерены отрезать часть с целью создания земельного фонда для горцев-переселенцев, решили выйти из состава малоземельной Горской Республики (в которой они находились в

пределах Дигорского округа) и переподчиниться «многоземельной» Кабарде, где с ними не должны были совершить такое [ЦГА РСО-А. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 77. Л. 146—146 об.].

Тогда же Горской Республике решением ВЦИК РСФСР были переданы из Кабардинской области земельные участки на р. Курп и в так называемом Лескенском районе общей площадью порядка 35 тыс. десятин. Владикавказский (Осетинский) окружной земельный отдел в конце 1923 г. планировал переселить на них 2 тыс. хозяйств из горных районов и малоземельных крестьян ее плоскостной части. Однако незавершенность процесса разграничения территорий между административными субъектами мешала осуществлению намеченного. Кроме того, представители упомянутого отдела отмечали очень слабую материальную подготовленность горцев и малоземельных крестьян равнинной зоны к переселению.

Наблюдающееся замедленное переселение и обоснование горцев во вновь образованных на бывших казачьих землях (участках. — Ю. К.), их тяга обратно в горы объясняется тем фактом, что в силу своей хозяйственной слабости они не могут здесь на плодородных землях обстроиться хоть сколько-нибудь сносно и живут в самых ужасных условиях... В этих поселениях свирепствуют разные болезни и на кладбищах все множатся могильные курганчики. Конечно, Окрземотдел больше, чем кто бы то ни было, далек от мысли, что переселение горцев на плоскость есть роковая ошибка. Окрземотдел утверждает, что единственное спасение горцев от духовного и физического вымирания заключается в выселении из гор... [ЦГА РСО-А. Ф. р-97. Оп. 1. Д. 7. Л. 37—38].

Но для успешного осуществления переселения необходима помощь переселенцам — предоставление минимально необходимого на душу населения надела удобной пахотной земли, освобождение на три года от налога, обеспечение строительным материалом и др. [Там же]. Материальная и финансовая помощь переселенцам оказывалась [ЦГА РСО-А. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 45. Л. 107].

Особую проблему создавало большое количество беженцев осетин из Грузии, массово оставлявших последнюю в ходе и по окончании кровопролитных столкновений, которые произошли в период гражданской войны между осетинами, желавшими объединиться с Северной Осетией, где уже победила советская власть, и войсками Грузинской Демократической Республики. В обращении Горского областного комитета РКП(б) в Наркомзем Горской Республики осенью 1921 г. отмечалось:

...Горблпартком просит принять к сведению и неуклонному исполнению мнения Секретариата, что беженцы Южной Осетии, согласно постановления ЦК РКП(б), подлежат удовлетворению землей в ударном порядке, что противоречит механическому подходу к вопросу определения групп населения при разрешении вопросов землеустройства в Горреспублике... [ЦГА РСО-А. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 60. Л. 1].

Однако вопреки «развертывавшимся» перед «южноосетинскими революционными массами... самым широким перспективам», вопрос их землеустройства решался трудно, хотя им и была выделена для поселения территория в окрестностях Владикавказа [Там же. Л. 2].

Процесс неорганизованного переселения южных осетин в Северную Осетию продолжался и позднее.

Северо-Осетинский облисполком в 1927 г. обращался в Северо-Кавказские краевые инстанции с настоятельной просьбой решить данный вопрос.

Неимоверно тяжелые условия физического существования горцев Южной Осетии, разгромленных грузинскими меньшевиками, а также и других осетин, расселенных царской политикой по глухим уголкам Закавказья, с одной стороны, с другой — совершенно понятное тяготение искусственно отторгнутых частей народа к природной национальной территории создали в последнее время своего рода паломничество осетин из Закавказья на территорию Северо-Осетинской Автономной Области.

Сотни семей неорганизованным порядком ликвидируют свое хозяйство и со всем скарбом переезжают и вселяются в Северную Осетию.

Облисполком неоднократно просил власти Южной Осетии препятствовать переселению земледельческого населения в Северо-Осетинскую область, но, несмотря на это, переселенцы, обходя власть, продолжают прибывать, переваливая через горные хребты и испытывая неимоверные лишения.

Имеются данные, что намечается стихийный процесс массового переселения наиболее обездоленных групп осетинского населения из Закавказья в пределы Северо-Осетинской Автономной Области.

Успехи, достигаемые С.-О. областью на экономическом и культурно-национальном фронте, становятся очевидными.

Для оторванных от родины, забитых и одичавших осетин, заброшенных в чуждые условия, Северо-Осетинская Область становится своего рода «обетованной землей», на которую тянутся все, кому материальная и культурная отсталость представляется нестерпимой при Советской власти¹.

Областной исполком обращался в инстанции Северо-Кавказского края с просьбой создать комиссию для обследования наличных земельных фондов в области, однако ввиду малоземелья в последней предполагал «обеспечение просителей земель вблизи Северо-Осетинской области» [ЦГА РСО-А. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 45. Л. 159—159 об.]. Власти Северной и Южной Осетии ставили перед Москвой вопрос о предоставлении обеим автономным областям земельных фондов в пределах Терского округа и Пятигорского отдела [Там же. Л. 180].

В свою очередь, и ЦИК Грузинской ССР обращался в ЦИК Союза ССР с ходатайством о решении данного вопроса. В нем было отмечено, что ввиду малоземелья Грузии правительство закавказской республики оказалось способным обеспечить земель только 700 хозяйств южных осетин, однако удовлетворить аналогичные нужды еще не менее 4,5 тысяч их хозяйств оно не в состоянии и потому просило союзные инстанции решить данный вопрос на территории Северного Кавказа [Там же. Л. 263].

В то время этот вопрос остался нерешенным².

¹ Ходоки от крестьян Южной Осетии в своем заявлении в северо-осетинские инстанции отмечали, что «в настоящий великий исторический момент объявления самоопределения малых народностей и у нас является естественно желание быть ближе к родине, к основной осетинской массе, чтобы быть участником тех культурных благ, которые даются Соввластью всем народностям» [ЦГА РСО-А. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 45. Л. 178].

² Массовое переселение южных осетин на Северный Кавказ произошло после депортации в 1944 г. ингушей и чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан и присоединения к Северной Осетии ряда районов (до этого заселенных ингушами) ликвидированной тогда Чечено-Ингушской АССР.

Земельный вопрос был основным в жизнедеятельности автономной области, и ее руководство пыталось так или иначе его решить. Еще до ликвидации Горской Республики Осетинский окружной исполком обращался в Наркомзем РСФСР с настоятельной просьбой обратить особое внимание на соответствующие свои нужды. Ссылаясь на передачу Дагестанской Республике Хасав-Юртовского округа, руководство Горской Республики в 1923 г. выказывало претензии на Моздокский отдел либо переселение в него части своего населения. В любом случае вопрос звучал как «расширение земфонда Горской Республики за счет Терской губернии» [ЦГА РСФСР-А. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 77. Л. 28].

В последующие годы, уже пребывая в статусе автономной области, Северная Осетия в лице ее руководства вновь и вновь ставила перед Центром данный вопрос, предлагая разные варианты его решения.

Летом 1925 г. во ВЦИК РСФСР через облисполком Северной Осетии поступило письмо от крестьянина Чермена Цалагова о бедственном положении населения области. Отдел национальностей ВЦИК предложил Северо-Кавказскому краевому исполкому подготовить материалы по вопросу для доклада Президиуму ВЦИК [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 90. Л. 75]. Каких-либо решений тогда принято не было, и начиная с весны следующего года (1926) в Москву регулярно стали поступать новые обращения от представителей Северной Осетии, а обсуждение ее «земельного вопроса» растянулось на годы.

Весной 1926 г. в Отдел национальностей ВЦИК за подписью члена ЦИК СССР Калоева и Представителя СО АО при ВЦИК РСФСР Дзампова поступило письмо о тяжелом положении осетинского крестьянства (которое составляло 95 % населения области), значительно ухудшившемся после революции, империалистической и гражданской войн. Авторы обращения приводили сравнительные данные. Если «до войны» на душу населения приходилось 1,2 дес. пахотой земли, то ныне всего 0,77 дес.; осетинское крестьянство лишилось 60 тыс. дес. земли, ранее арендовавшейся им в Кабарде, у казачества и в районе Моздока (неясно, только ли это обстоятельство явилось причиной отмеченного выше значительного сокращения пахотных наделов, но о беженцах и переселенцах из Южной Осетии авторы письма не упоминали); местное крестьянство утеряло возможность переселяться в другие, «смежные с Осетией» области (дабы не порывать связи с оной), так как в новых условиях переселение может быть только плановым и длительным процессом; осетины утратили также возможность эмиграции в дальние края ради добывания побочных заработков («в виде извозных промыслов») и батрачества; наконец, уменьшение доли скотоводства в крестьянском хозяйстве дополнительно увеличило число безработных среди крестьян, достигшее 33 %, «крестьянство в поисках работы мечется по разным областям», а молодежь «из-за безземелья широко устремилась в школы». «Ни одна область СССР, — отмечали авторы обращения, — не оказалась в таком положении, как Северная Осетия. Нет области, которая бы не увеличила своих земельных наделов, так или иначе не развивалась бы промышленность». Выход из положения им виделся в реализации следующих мероприятий: «предоставление свободных земель в Моздокском районе для переселения безземельных осетин»³, «устройство дорог в

³ Примечательно, что в феврале 1922 г. Малый Президиум ЦИК Горской Республики по представлению Наркомзема рассматривал вопрос о переселении осетин Моз-

горах, дабы дать горцам возможность развивать свое хозяйство», проведение мелиоративных работ в Дигорском и Правобережном округах, «дооборудование быв. Гулиевского крахмального завода для переработки кукурузы и тем самым повышение ее сбыта и цены», строительство Гизельдонской электростанции, проведение землеустроительных работ, «передача всех лесных доходов в местный бюджет для развития лесного хозяйства и подкрепления местного бюджета». Без реализации этого в ближайшие два года, по оценке Калоева и Дзампова, в Северной Осетии нужно ожидать «разорения крестьянства, обнищания и развития нежелательных явлений, как бандитизм, баптизм и т. д.» [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 90. Л. 61—62].

Данное обращение запустило маховик обсуждения вопроса о положении осетинского крестьянства в различных высоких инстанциях. Наркомзем РСФСР запросил Комиссию по районированию при ВЦИК, «в каком положении находится дело о наделении земель населения нагорной полосы Северо-Осетинской области за счет (возможного. — Ю. К.) присоединения к последней Моздокского района Терского Округа». Тот же вопрос задавал Отдел национальностей ВЦИК Северо-Кавказскому крайисполкому. Последний сначала (в феврале 1927 г.) ответил, что оный им рассматривается, а позднее (в мае того же года) уточнил, что вопрос идет не «о присоединении Моздокского района Терокруга к Северо-Осетинской Автобласти», а «о возможности выделения Осетинского населения Моздокского и Прохладненского районов Терокруга в самостоятельный округ с прямым подчинением его краевому центру» [Там же. Л. 45, 46, 47, 50].

То есть за очень короткий срок первоначальная постановка вопроса оказалась значительно скорректированной; речь уже шла не о наделении земель малоимущих горцев путем переселения их на новую, желательную присоединяемую к СО АО территорию, а об обеспечении национальных прав уже проживавшего на данной территории осетинского населения. (Отметим, что в районе Моздока и Прохладного осетины поселялись еще со второй половины—конца XVIII в. [Калоев 1980: 62—67].) В новой редакции вопрос звучал не как «ходатайство осетинского населения» об отделении указанных районов от Терского округа и присоединении к СО АО, а «всего лишь» об их прямом подчинении Северо-Кавказскому краю. Однако и на такой вариант реорганизации Край не соглашался, и в этом его поддержала Административная комиссия ВЦИК. Засим последовало новое обращение «уполномоченного Осетинского населения» в Президиум ВЦИК с требованием разъяснить решения упомянутой комиссии.

Таковые были представлены в виде пространной справки, основанной на данных и аргументах Северо-Кавказского крайисполкома.

В справке сообщалось, что в Моздокском и Прохладненском районах Терского округа осетины проживают на четырех разобщенных территориях (разделенных зонами компактного проживания других народов), общая их численность составляет 8,7 тыс. чел. или 10,6 % от общего количества населения оных; что выделение экономически маломощной, незначительной по количеству населения и разобщенной территории в самостоятельную национальную административно-хозяйственную единицу противоречит основным

докского округа на территорию Владикавказского округа [ЦГА РСФСР-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 22. Л. 16].

принципам районирования; что создание такой единицы «оторвет» Наурский район от Терского округа и «неминуемо выдвинет вопрос о передаче этого района в смежную с ним Дагреспублику, что, в свою очередь, вызовет справедливые нарекания заинтересованного населения других национальностей Терокруга»; что обслуживание хозяйственно-культурных нужд осетинского населения нормальное и не уступает таковому всех нацменьшинств края, к тому же решается вопрос присоединения осетинского населения Прохладненского района к Моздокскому району, т. е. административно-хозяйственно-го переподчинения населенных пунктов с осетинским населением.

В этой же справке были приведены контраргументы осетинской стороны доводам оппонентов.

Главным среди них являлась ссылка на прецедент образования в составе Северо-Осетинской автономной области Притеречного округа с казачьим населением, тоже не очень многочисленным (16 тыс. чел.) и проживавшим территориально разобщенными группами. Данный округ, согласно принятому ВЦИК положению, был наделен определенными автономными правами — имел собственный райисполком и проводил собственные съезды Советов, делегаты от округа на правах нацменьшинства отправлялись на Краевой съезд Советов самостоятельно, а не в составе делегации Северной Осетии, округ напрямую сносился с крайисполкомом, управлениями и ведомствами последнего и принимал совместно с ними решения, касавшиеся собственной жизнедеятельности, а в Северо-Осетинский облисполком отправлял лишь информацию о своих сношениях с Краем, в случае же несогласия облисполкома с решениями округа в роли третейского судьи выступал крайисполком. Данные права Притеречного округа в составе СО АО в общем и целом соответствовали правам автономных национальных областей в составе Северо-Кавказского края.

Другим контраргументом, содержавшимся в ходатайстве «осетинского населения», было указание на необоснованность решения судьбы Наурского района в случае выделения Моздокского района в особый округ. В ходатайстве отмечалось, что положение Наурского района и так будет изменено, ибо в это время рассматривался вопрос об укрупнении Моздокского района через присоединение к нему Наурского района. А в новом укрупненном Моздокском районе, где русское население увеличится более чем наполовину, осетинскому населению еще проблематичнее будет получить «удовлетворение своих национальных и культурно-экономических нужд», и потому данный момент является весьма благоприятным для выделения осетинского населения в самостоятельную административную единицу [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 90. Л. 31—32 об.].

Справка-разъяснение Административной комиссии ВЦИК, адресованная в Президиум последнего, не внесла ясности в ситуацию, и решение вопроса затянулось на два года. Северо-Кавказский крайисполком в начале марта 1930 г. направил в Административную комиссию и в Отдел национальностей ВЦИК свой вердикт по нему:

Президиум Краевого Исполнительного Комитета образование в Терском округе в настоящее время осетинского нац. района считает пока не вызывающим особыми обстоятельствами по следующим соображениям:

1. Трудовое осетинское население непосредственно этого вопроса само никогда не выдвигало и не выдвигает, а формировали его лица, не внушающие доверия и не имеющие на это никаких полномочий от трудового населения.

2. Культурно-хозяйственный центр, вокруг которого возможно было бы объединение малочисленного осетинского населения (6.000 душ), разобщенного крупными русскими поселениями, отсутствует.

3. Экономическая маломощность Моздокского района, являющегося, по существу, интернациональным районом, вообще при отсутствии каких-либо перспектив на возможность хозяйственной самостоятельности осетинских населений (так в оригинале. — Ю. К.) благодаря созданию второго районного аппарата неизбежно ослабит и без того дефицитный бюджет Моздокского района.

4. Осетинское население в культурном отношении стоит не только выше отдельных национальностей, проживающих в Крае, но также и по сравнению с национальным населением, живущим с ним в соседстве, в том же Моздокском районе (армян, кабардинцев и др.) и имеющем не меньше прав на его самостоятельное административно-территориальное устройство.

5. Осетинское население полностью (там, где было хотя бы немного к этому возможным) выделено в самостоятельные национальные с/советы и согласно принятому Терскими организациями постановлению в недалеком будущем коренизируется.

На основе приведенных соображений Президиума КИК считает, что осетинское население административно-территориально устроено и безболезненно обслуживается работниками националами в своих же нацсоветах.

Прекрайисполкома Пивоваров.

Ответственный секретарь Седов [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 90. Л. 5—5 об.].

Административная комиссия ВЦИК согласилась с мнением Северо-Кавказского КИК [Там же. Л. 2]. Дело производством было прекращено.

Описанное было не единственной попыткой и вариантом представителей Осетии решить проблемы своей автономии и ее населения (или же единоплеменников, проживавших за пределами оной). Одновременно с обсуждением «моздокского вопроса» в изложенном ракурсе моздокские степи и сопредельные районы фигурировали и в другой просьбе осетинских властных структур к московскому и ростовскому начальству. Отличие от первого варианта заключалась в том, что в качестве аргумента фигурировали не присоединение территории, переселение горцев или создание маленькой автономии для осетин, проживавших за пределами национальной области, а необходимость развития скотоводства на базе использования этих, в определенном отношении спорных, земель⁴. Оговаривая права и территорию своей автономной области в ходе роспуска Горской Республики, осетинская сторона настаивала на выделении именно ей расположенных в Сунженском округе земель Алханчурской долины, которые в годы существования упомянутой республики составляли

⁴ «Скотоводство нагорной полосы... всецело находится в зависимости от наличия кормовой площади на плоскости: располагает население этой площадью, скотоводство поднимается, нет — скотоводство стремительно падает вниз» [ЦГА РСФСР. Ф. р-45. Оп. 1. Д. 15. Л. 13 об.]. В документе о продовольственных нуждах населения нагорной полосы руководители СО области поясняли ситуацию с местным животноводством так: «...Ввиду отдаленности городского рынка и почти полного отсутствия проезжих дорог, продукты животноводства совершенно обесцениваются и почти полностью потребляются на месте. Только широкая коллективизация сельского хозяйства, создание кооперативных маслоделных и сыроваренных заводов может повести население гор от нищеты к более обеспеченному и сытому существованию» [Там же. Л. 85].

общий запасной фонд оной. По их словам, данная территория может активно эксплуатироваться в качестве зимних пастбищ осетинскими овцеводами; развитие же овцеводства является надежным путем выхода Северной Осетии из глубокого экономического кризиса, в котором она пребывает. «Таким образом, по соображениям хозяйственно-экономическим, а также и по юридическому праву безземельной Осетии, Особласть настаивает на предоставлении ей свободных неиспользуемых земель Алханчурской долины Сунженского округа» [ЦГА РСО-А. Ф. р-50, оп. 1, д. 63, л. 5–10]. Подчеркивая важность и перспективность развития овцеводческого хозяйства в горных районах, осетинское руководство напрямую связывало его с выделением области зимних пастбищ вне пределов собственной территории, «ибо в пределах последней не имеется возможности заготовить зимний корм для мелкого скота». Постановка вопроса в целом тривиальна — сложившаяся на протяжении веков система горного отгонного животноводства во всей соответствующей зоне Кавказского региона была построена на сезонной смене мест выпаса мелкого рогатого скота, и зимние (равнинные) пастбища практически всегда располагались на «чужой» территории.

В целом такой план развития сельского хозяйства области был поддержан в краевом исполкоме в Ростове, а также в Москве. Наиболее подходящими районами организации зимних пастбищ осетинская сторона считала расположенные недалеко от Северной Осетии Моздокский и Наурский районы Терского округа, землями которых местные барановоды издавна пользовались на правах аренды, а также Кизлярский округ Дагестана, чьи земли ими эксплуатировались в аналогичных целях и на такой же основе. Однако подобный выбор был крайне негативно воспринят руководством Терского округа, в чьем подчинении находились первые два из упомянутых районов, и руководством Республики Дагестан, а через них и земельным управлением края, предлагавшим Осетии использовать в указанных целях другие, более отдаленные от нее территории. «Зав. КрайЗУ (земельного управления. — Ю. К.) т. Одинцов откровенно заявил, что Северная Осетия должна раз и навсегда забыть о Моздокском и Наурском районах» [ЦГА РСО-А. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 45. Л. 284—288].

Ситуация выглядела вроде бы так: «Куда ни сунься — всюду шиш». Каждая сторона преследовала собственные интересы. Однако в итоге Осетия получила в свое распоряжение желаемые пастбища, а через более длительный срок и саму территорию Моздокского района (при кардинальной реорганизации Северо-Кавказского региона в 1944 г. после депортации из него ряда народов и ликвидации некоторых автономий).

* * *

Изложенное касалось исключительно организации жизненного пространства одного национального округа в составе Горской Республики, затем выделившегося из нее в качестве автономной области. Жизненное пространство — это территория, природные и людские ресурсы, которые при надлежащем использовании способны превратить пространство в жизне- и дееспособную среду за счет самоорганизации и преимущественно за счет собственных источников и сил.

В настоящем случае, как и в других, подобных ему, о самоорганизации общественной среды говорить не приходится, ибо советская власть жестко, и чем дальше, тем больше, контролировала порядок жизнедеятельности местных сообществ. Условный компромисс был возможен лишь в том, что, как отмечалось в декрете об упразднении ГАССР, выделение отдельных автономий будет способствовать «наиболее широкому вовлечению трудящихся масс... в дела советского государственного управления», т. е. национальная среда должна была принять условия советского строя.

О самообеспечении национальных автономий также не приходится говорить, ибо все они являлись дотационными. Зерновое хозяйство в них не могло развиваться в желаемой мере из-за ограниченности необходимых земельных фондов. С развитием животноводства, наиболее перспективного с учетом местных природно-географических, исторических и культурных факторов, также по известным причинам возникали проблемы. Наконец, доходная горнодобывающая промышленность (в той же Северной Осетии) требовала значительных затрат и имела стратегическое значение для государства, так что оставалась в ведомстве последнего.

В итоге бюджет Северо-Осетинской автономной области на 1928 г. планировался так: доходы — 701 990 руб.; расходы — 1 894 304 руб.; дефицит — 1 192 314 руб. Дефицит должен был покрываться в сумме 89 266 руб. за счет одной трети надбавки к промналогу, отошедшей в краевой бюджет, и 20 % отчислений от промналога, а остальная сумма в размере 1 103 048 руб. — за счет дотации из краевого фонда регулирования [ЦГА РСО-А. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 45. Л. 196]⁵.

Финансовый фонд регулирования Северо-Кавказского края в основном складывался из доходов зерноводческого хозяйства Донской, Кубанской, Терской губерний и, отчасти, расположенных на их же территории промышленных объектов. В этих условиях национальные автономии являлись потребляющими субъектами, и уже поэтому краевая власть считала себя вправе навязывать им свою волю. Проиллюстрируем характер этих взаимоотношений на одном примере.

В 1927 г. в исполком Северо-Осетинской АО для обсуждения из Центрального исполнительного комитета РСФСР поступил проект постановления о взаимоотношениях между автономными областями, входящими в состав краевых объединений и органами краевой власти. Данный проект был составлен комиссией, возглавляемой Раевичем. В отношении него краевыми инстанциями были высказаны замечания и предложения, и они тоже были пересланы в Северо-Осетинский исполком. Реакция последнего в отношении проекта и высказанных ростовской властью предложений к нему была двойственной. Проект был одобрен с единственным замечанием, в котором содержалась настоятельная просьба согласовывать назначение руководителей промышленных и крупных торговых предприятий и организаций на местах с исполкомами автономных областей.

⁵ Аналогичная ситуация была и в других автономных областях края. Так, в 1924—1925 гг. доходная часть бюджета Карачаевской области составила 244 465 руб., а расходная — 846 465 руб. [Алиев 1927: 234] Содержание аппаратов власти автономных областей обеспечивалось Краем и Центром [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 104. Л. 3, 4, 5—5 об., 9].

В документе, составленном в Северной Осетии, отмечалось:

Отчетливо, без допущения каких-либо кривотолкований, проект подчеркивает декларированную законодательством (Ст. 71 пол. о С. Кав. крае от 25/1-26 г.) независимость автономных областей от краевых органов управления в области организационной и административной, народного образования и архивного дела, социального обеспечения, юстиции, местного хозяйства, местного бюджета, земельного управления и, конечно, народного здравоохранения, ошибочно упущенного проектом в перечне тех отраслей управления, по отношению к которым автономные области признаны независимыми (см. ст. 2 проекта).

Главное значение проекта заключается, во-первых, в том, что он область ведения краевых объединений в отношении автономных областей ограничивает лишь оценкой соответствия действий последних законодательству, во-вторых, в том, что он реально обеспечивает принцип автономности областей, признавая за ними право, в случае несогласия их с постановлениями и распоряжениями Краевого Исполнительного Комитета или его Президиума, приостанавливать (подчеркнуто в документе. — Ю. К.) действие распоряжения Край КИК'а (исполнительного комитета. — Ю. К.) с одновременным обжалованием такового в Президиуме ВЦИК'а.

Обращаясь теперь к изменениям и дополнениям, которые вносят в проект краевые отделы и управления, Северо-Осетинский Облисполком находит, что все эти изменения и дополнения являются прямым или косвенным отрицанием проекта и по существу проникнуты тенденцией низвести автономные области на положение административных округов Края [ЦГА РСО-А. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 6. Л. 6—6 об.].

Наиболее наглядно это, по мнению авторов документа, было изложено в поправках ростовских инстанций в отношении бюджетов автономных областей, которые должны были не только «соответствовать законодательству», но и быть увязанными с общекраевым планом и бюджетом и «соответствовать их имеющимся ресурсам, без признания, вопреки проекту, за автономными областями права опротестовывать общекраевой бюджет и общекраевой план в ЭКОСО или СНК РСФСР».

Краевая плановая инстанция аналогичное требование предъявляла только к тем автономным областям, «которые составляют свои планы с расчетом на помощь со стороны Края или Центра, т. е. фактически на бюджет и планы всех автономных областей, ибо из последних не имеется ни одной, которая могла бы обойтись без помощи Края или Центра» [Там же. Л. 7].

Общая оценка изменений и дополнений, которые вносили краевые отделы и управления в обсуждавшийся проект, со стороны автономной области была отрицательной, так как, по мнению руководителей СО АО, они «нарушают принцип автономности областей не только в сфере местного хозяйства и мест. бюджета, но и в тех отраслях управления, по отношению к которым национальные области признаны независимыми от краевых органов. Нарушение это происходит в вопросе о порядке сношения нац. областей с центральными органами РСФСР. Вместо безоговорочного признания проектом права нац. областей сноситься непосредственно с Президиумом ВЦИК СНК РСФСР и ЭКОСО РСФСР, — права, вытекающего из принципа автономности, — краевые отд. и управления это право сношений ограничивают вопросами текущего управления, обязывая автономные области сноситься с центр. органами по вопросам, имеющим принципиальное значение, через соответствующие управления Краевого Исполкома», тогда как часто разделить вопросы теку-

шие и принципиальные не представляется возможным [ЦГА РСО-А. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 6. Л. 6—7 об.].

Не без труда, но база жизнеобеспечения наций во вновь созданном формате создавалась. Опираясь на нее, автономии подошли к вопросам о более широкой, в первую очередь политического характера, реализации собственных прав на национальное развитие и, сколь возможно, процветание. К этому вопросу мы обратимся позднее. А сейчас рассмотрим ситуацию в национально-территориальном аспекте в Дагестанской Республике, где национальные сюжеты имели чрезвычайно сложную конфигурацию.

Дагестан

Для Дагестана земельный вопрос был не менее острым, чем в Северной Осетии. На первых порах предлагалось отдавать под распашку общественные пастбищные угодья в горах [Османов Г. 1970: 39]. Использовался опыт так называемых казмаларов. Овцеводы со скотом спускались на равнину, там они отстраивались, производили запашку и «таким образом постепенно экономически связывались с равниной, а затем и вовсе обосновывались на освоенных землях» [Османов Г. 1970: 101].

В первые послереволюционные годы горцами главным образом осваивались Кюринский и Махачкалинский округа, где они и до этого арендовали земли [Баглиев 1975: 21]. Сложности возникали по разным причинам. Президиум республиканского ЦИК в 1924 г. информировали:

...Без землеустройства не будет и переселения, хотя оно крайне необходимо, ибо в горах земли нет и средний двор имеет там не более одной десятой части десятины. В 1920 г. беднота гор потребовала от нас земли. Мы убеждали, уговаривали, что на плоскость нельзя переселяться, предварительно не обеспечив себя водой. Но беднота настаивала и мы вынуждены были дать ей мандат. Около 10 селений захватили лучшие земли, но затем 60 % из них вымерло от малярии и других болезней, другие разбежались, не выдержав слишком тяжелых условий жизни. Всего теперь имеется 18 новых сел, но они тоже страдают от малярии, не имеют ни рабочего скота, ни питьевой воды. Эти несчастные просят у нас помощи, но мы никакой помощи оказать им не могли: из отпущенных на переселение 156 тысяч рублей мы еще ни копейки не получили... [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 492. Л. 39].

Кроме того, на практике оказалось, что, при отсутствии у порядка 80 % местных горцев овец, большая часть населения, особо нуждавшаяся в дополнительных земельных наделах, оказалась лишенной возможности пользоваться ими.

Объективно реформа приводила к усилению крупных овцеводов, которые пользовались предоставленными обществу (сельскому обществу. — Ю. К.) пастбищами бесплатно. Принятая впоследствии поправка, в соответствии с которой наделы стали предоставляться только беднякам и маломощным середнякам, почти не изменила положение, поскольку у последних не было овец...

И в последующем подобный план не выглядел удачным, так как не учитывал кооперирования частных хозяйств и сельскохозяйственного развития собственно горных районов [Даниялов 1975: 85, 86].

Для создания более реальных возможностей для организации переселения в состав Дагестанской Республики в 1920 г. был включен Хасав-Юртовский округ, а в 1922—1923 гг. — Кизлярский округ и Ачикулакский район, что существенно увеличило ее земельный фонд. В официальном издании дагестанской республиканской власти говорилось:

Хлопоты ДЦИК'а увенчались успехом, центральная власть Союза отнеслась к нуждам дагестанского крестьянства отзывчиво, вследствие чего в течение 3-х лет площадь удобных земель Республики увеличилась вдвое [Современный Дагестан 1926: 16].

Впрочем, включение указанных территорий в состав ДАССР на тот момент в большей степени отвечало политическим, нежели хозяйственным интересам населения республики и являлось зримым поступком новой верховной власти, незадолго до этого огласившей свои цели.

Нажмутдин Самурский писал:

Развернуть горизонт развития сельского хозяйства в условиях земельного голода было возможно только при увеличении земельных пространств. Центральное федеральное правительство признало это и постановило возвратить дагестанскому населению некогда бывшие в его пользовании и потом отнятые самодержавием земли — Хасав-Юртовского и Кизлярского округов Терской области и Ачикулакский район Ставропольской губернии. Эти районы с колоссальным пространством в 2 500 000 гектаров, почти равным всей остальной территории Дагестанской республики, чрезвычайно редко населенные и имеющие огромное количество неиспользуемых земель (подчеркнуто в оригинале. — Ю. К.), явились для Дагестана тем необходимым земельным ресурсом, без которого невозможны были никакие разговоры о развитии сельского хозяйства. Присоединение этих районов дало дагестанским горцам выход из того каменного мешка, в котором они задыхались с начала кавказских войн и все время состояния под властью самодержавия [Самурский 1927: 18—19].

Цель и целесообразность подобного мероприятия для руководителя республики-«страны» были очевидными, ее хозяйственная составляющая, хотя она как раз и должна была значиться на первом месте, не играла ведущей роли.

Вопросы хозяйственной эксплуатации вновь присоединенных территорий требовали урегулирования. В 1923 г. нарком земледелия ДАССР М.-Б. Ахундов пояснял:

Кизлярский округ, с его зимними пастбищами, говоря о дагестанском барановодстве, во внимание пока не принимается, так как дагестанская баранта в Кизокруг не кочевала на зимовку, а означенный округ вмещал на зиму в себя баранту Теробласти (Терской области. — Ю. К.) и Грузии. Запрет кочевки названной баранты в Кизокруг ради использования его под дагестанскую баранту вряд ли разрешим, так как и та баранта без зимовки остаться не может [Аграрный вопрос 2006, т. 1: 39].

Впрочем, председатель Совнаркома ДАССР Н. Самурский не терпел возражений по принятым решениям, подчеркивая, что присоединение к Дагестану Кизлярского округа явилось мерой «чрезвычайно полезной», ибо там находятся «зимние пастбища, без коих не может существовать скотоводство в Северном нагорном Дагестане» [Самурский 1925: 91].

Однако споры по данному поводу продолжались и в дальнейшем. Перевод Кизлярского округа в состав ДАССР на протяжении ряда лет оспаривался руководством Северо-Кавказского края, а также населением и руководящими органами самого этого округа, которые ссылались на его национальный состав и тесные экономические связи с Терской областью [Кульчик 1995: 26—27].

В 1925—1926 гг. он вновь оказался в центре отношений между ДАССР и руководством Северо-Кавказского края. Инициировал его снова Край, отправив докладную записку в Москву во ВЦИК. В ней доказывалась ошибочность принятого в 1922 г. решения о передаче Кизлярского округа и Ачикулакского района Дагестану, так как первый, по оценке представителей краевой власти, всецело связан с Краем. Аргументы звучали так:

1. «Связь по национальному признаку» — 65 % населения округа «русский элемент» со значительной долей казачества в нем, 20 % — ногайцы и караногайцы, не имеющие «никакой племенной связи с населением Дагестана»;
2. Природные условия Кизлярского округа, практически идентичные природе Терского округа;
3. «По ходу предстоящего хозяйственного развития»: тогда как в Дагестане оное будет происходить по линии развития горной промышленности и горного скотоводства, в указанном округе и в соседних с ним округах края хозяйственное развитие имеет специализацию на степном скотоводстве и выращивании «интенсивных культур»;
4. «Торговое тяготение» округа к Ростову, Новороссийску и Поволжью;
5. «Колонизационные возможности» округа предоставляют «широкие перспективы... общегосударственного значения», тогда как для решения соответствующих проблем Дагестана они не подходят по климатическим условиям;
6. Вопрос о пастбищах: пастбища данного округа представляют «единственный фонд не только для Ставрополя, Осетии и Терской губернии, но даже и для Грузии», тогда как для Дагестана они имеют «чисто случайный характер, при наличии таковых в Закавказье»;
7. «В отношении водного хозяйства» дельты Терека, всецело связанного с водным хозяйством всего бассейна реки Терек;
8. «В отношении рыбного хозяйства».

Далее в документе отмечалось:

Все это вместе взятое при отсутствии условий, когда Кизлярский округ мог бы служить хлебной базой или базой для приложения труда населения Дагестана, так как в отношении хлеба округ относится к потребляющим, а не производственным, [край] ставит вопрос в определенную плоскость в смысле необходимости пересмотра выделения Кизлярского округа из Дагестанской республики и включения его в Сев. Кавк. Край [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 756. Л. 91—93].

В заключение они ссылались на мнение представителей кизлярского казачества, отмечавшего, что разделение «одной семьи» казачества «вносит раздор» среди местного населения [Там же].

Дагестанский обком ВКП(б) адресовал в Москву по этому вопросу не один документ.

В одном из них говорилось:

21 февраля сего (1927. — Ю. К.) года Президиум ВЦИК по вопросу о ходатайстве С.-К. Крайисполкома об отмене постановлений Президиума ВЦИК от 1 ноября 1921 года и 14 января 1924 года о присоединении Кизлярского округа к Дагестанской республике вынес постановление:

«Считая пересмотр постановлений Президиума ВЦК в данное время нецелесообразным, вопрос с обсуждения снять».

Такое постановление Президиума ВЦИК, считая пересмотр только в ДАННОЕ ВРЕМЯ нецелесообразным, предполагает, что в ДРУГОЕ ВРЕМЯ пересмотр может сделаться целесообразным, и таким образом не ставит окончательного решения по вопросу и оставляет Кизлярский округ в положении неустойчивого равновесия, которое (в) каждый момент может быть потеряно. Между тем Кизлярско-Ачикулакский округ представляет почти 30 % территории Дагестанской республики и является единственным районом, пригодным для переселения горцев и ликвидации земельного голода в горном Дагестане... Оставлять вопрос в таком неопределенном положении — это значит поставить Дагестанскую республику в невозможность твердо строить какие бы то ни было перспективные планы хозяйственного развития и держать широкие массы населения, кровно заинтересованные в этом вопросе, в состоянии беспокойства и возбуждения... При таком значении Кизлярского округа для Дагестанской республики — вешать в воздухе вопрос о его принадлежности и ставить над Дагестанской республикой угрозу, что в ЛЮБОЙ МОМЕНТ пересмотр вопроса может быть признан целесообразным, как то вытекает из последнего постановления Президиума ВЦИК, является совершенно недопустимым... [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 71. Л. 6—6 об.]⁶.

Москва на столь категоричную и эмоциональную депешу ответила уклончиво:

...Независимо от формулировки постановлений Президиума ВЦИК, заинтересованные стороны вправе ходатайствовать о пересмотре постановлений Президиума ВЦИК. Что же касается слов «в данное время», то такая формулировка отнюдь не предполагает (решения) вопроса в пользу той или другой стороны при всяком новом рассмотрении вопроса о Кизлярском округе [Там же. Л. 3].

В Москву из Дагестана ушел и обстоятельный доклад по данному вопросу. В нем говорилось:

Северо-Кавказский Краевой Исполком докладной запиской в Административную комиссию ВЦИК и Госплан РСФСР вновь возбудил вопрос об отделении Кизлярского округа и Ачикулакского района от Дагестанской республики и о присоединении их к Терскому округу. Северо-Кавказский исполком вновь поднимает своим выступлением старый спор, уже дважды решенный Верховными учреждениями РСФСР и руководящим органом партии в пользу Дагестанской республики. Первый раз постановлением ВЦИК от 16 ноября 1922 года (даты с первым документом не сходятся. — Ю. К.), присоединившим Кизлярский округ к Дагестанской республике, а второй раз при районировании ЮВобласти, когда ЮВ-Крайисполком настаивал на отделении Кизлярского округа от Дагестанской республики, но постановлением Политбюро Дагестанская республика была выделена из Края вместе с Кизляром и Ачикулаком. Таким образом, вопрос, казалось, должен был быть решенным окончательно, но СевКрайИсполком возбуждает его вновь.

Документ содержал общий взгляд руководства Дагестана на решение национального вопроса применительно к своей республике. Отчасти он повторял озвученное ранее, но вносил и некоторые дополнения.

⁶ В обосновании включения Ачикулака и Кизлярщины в состав ДАССР «с точки зрения истории и национального вопроса» живое участие принял директор Дагестанского НИИ Д. М. Павлов [НА ИИАЭ ДНЦ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 107].

Нормально ли долгими годами держать целую страну — автономную республику — без твердого определения состава ее территории (выделено нами. — Ю. К.). Ведь Кизляр-Ачикулакский вопрос не является только ничтожным пограничным вопросом. Присутствие или отсутствие Кизляр-Ачикулакского района в Дагреспублике меняет не только современные формы хозяйства, но и все планы его, все направления его развития.

Дагестанская республика с Кизляром и Ачикулаком (здесь и ниже выделено в оригинале. — Ю. К.) (иначе говоря, с Прикаспийской низменностью) — это горно-степная страна, строящая одну форму хозяйства.

Дагреспублика — без этих районов — это исключительно горная страна, принужденная строить совсем другую форму хозяйства...

Это соображения экономические.

А с политической стороны — допустимо ли сегодня присоединять Кизляр, завтра отбирать его.

Всему населению Дагреспублики были понятны мотивы присоединения Кизляр-Ачикулакского района. Этим присоединением открывался выход Дагестанским горцам на равнину из того каменного мешка бесплодных гор, в какой загнало их самодержавие. Этим присоединением исправлялась историческая несправедливость, уничтожались следы насилия, учиненного бывшей великодержавной нацией над слабыми тюркскими племенами⁷, практически утверждались в жизнь принципы национальной политики ВКП. Присоединение Кизляра было лишь частичным приведением в исполнение решения основного столетнего земельного спора между горцами и русскими — решения, которое было предопределено направлением национальной политики ВКП [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 756. Л. 3, 4].

Теперь если вместо исполнения данных обещаний Советская власть начнет отбирать назад то, что она уже дала, то такие шаги породят среди горцев большое разочарование и усилят антирусские настроения [Там же. Л. 17].

Далее обстоятельно излагались контраргументы по всем обозначенным ростовской стороной пунктам.

К докладу прилагались датированные 1924 г. заявления руководителей автономных областей Северного Кавказа, в которых отмечалось, что присоединение Кизляр-Ачикулакского района к Дагестану не ущемляет их интересов (это не вполне соответствовало действительности, ибо Северная Осетия претендовала на активное использование кизлярских пастбищ), заключения станичных сходов и исполкомов Кизлярского округа относительно их желания быть присоединенными к Дагестану и др. [Там же. Л. 43—87]⁸.

Кизлярский округ остался в составе ДАССР. Его уголья использовались в качестве отгонных зимних пастбищ для скота хозяйств высокогорных районов Дагестанской Республики, но главное — его нахождение в составе Дагестана было зримым подтверждением внимания «большой» власти к жителям национальной окраины. Переселения в него горцев в тот период в массовом порядке не осуществлялось. Одновременно в районах компактного проживания русского, армянского и другого населения ведущими отраслями хозяйств-

⁷ Непонятно, почему все народы Дагестана названы в документе тюркскими племенами.

⁸ Датировка этих протоколов практически совпадала с появлением в Москве ходов от казаков, просивших вернуть их станицы в состав Терского округа [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 71. Л. 24, 35—38, 40—41].

ва были виноградарство и виноделие, зерновое и овощное хозяйство. Среди ногайцев преобладало скотоводство.

Через пару лет данный вопрос был возбужден вновь, что диктовалось необходимостью решения проблемы отгонного скотоводства в региональном масштабе. В связи с этим 16 июня 1927 г. ЦИК ДАССР сообщал в Наркомзем РСФСР:

В связи с непрекращающимися попытками Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета неправильно и односторонне освещать положение с пастбищами в ДССР, в частности вопроса об использовании пастбищ в Ачикулакском районе и Кизлярском округе, — ЦИК ДССР сообщает: на 1 октября 1927 года в ведении органов НКЗ ДССР состояло следующее число зимних пастбищ... итого: 1193,0 тыс. га.

Местная республиканская власть также настаивала на положительном решении вопроса о сезонных перекочевках скота дагестанских горцев в равнинные районы Азербайджана и Грузии, без чего, по ее мнению, вообще не могла обсуждаться тема допуска скота из соседних административных образований на территорию Дагестана, а отмечавшаяся «слабая загрузка пастбищ в Кизлярском округе и отчасти в Ачикулакском районе» объяснялась набором стандартных причин. Однако заканчивалось послание оптимистически:

Освоение дагестанцами пастбищ Кизлярского и Ачикулакского округов уже закончено и в текущем году эти пастбища сданы в долгосрочную аренду [ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 21. Д. 22. Л. 10 об., 12 об., 17].

В течение последующих десяти лет судьба Кизлярщины специально не обсуждалась. Однако это не означало, что Северо-Кавказская краевая, а вместе с ней и центральная власть отказалась от своих интересов и планов в отношении нее. Уже через пять лет ситуация в этом регионе оказалась под контролем соответствующих надреспубликанских инстанций.

Примечательно, что в эти же годы дагестанское правительство не только доказывало права на присоединенные к республике упомянутые округа, но претендовало на дальнейшее «расширение территории Дагестанской АССР за счет земель из госфонда соседних административных образований»⁹, одновременно настаивая на закрытии «границы ДАССР для переселения недагестанцев из других республик» (цит. по: [Даниялов 1975: 86].

В целях обеспечения хозяйственной деятельности горцев южной части Дагестана дагестанское правительство предусматривало урегулирование вопроса об использовании зимних пастбищ в Азербайджане (в Кубинском и Нухинском уездах):

⁹ Речь шла о «присоединении части или всего Моздокского округа к будущему Северному экономическому округу ДССР», хотя республиканские товарищи ясно сознавали, что Центр «едва ли на это согласится, сочтут за посягательство на плоскость» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 492. Л. 9]. Здесь же отметим, что в 1921 г. правительство Горской Советской Республики претендовало на город Хасав-Юрт (с отторжением его от ДАССР, ссылаясь при этом на тесные связи населения с ГАССР, имея в виду чеченцев-ауховцев [Даудов, Месхидзе 2009: 116].

...Рациональным его решением была бы передача Дагестану тех пастбищ, которыми «испокон веков» пользовались исключительно дагестанцы [Самурский 1925: 92].

О переселении горцев в Кизлярский округ и земледельческом его освоении Наркомзем ДАССР вопрос не ставил; доходными угодьями там в тот период являлись только виноградники [Современный Дагестан 1926: 120], работать на которых горцы не были готовы. Зато председатель Совнаркома республики Н. Самурский категорично обозначал другой аспект вопроса. В докладной записке, адресованной в Наркомзем РСФСР, он писал:

Вопрос о переселении горцев на равнину в Дагестанской Республике не является вопросом только хозяйственным, вопросом рационального использования земельных пространств и рационального распределения населения по всей территории ДССР. Нет, вопрос этого переселения является в Дагестане коренным политическим вопросом. Вопрос о переселении горцев — есть вопрос о завоевании Дагестана Советской властью. Дагестанские горцы, обитающие в своих неприступных горных гнездах, до сих пор не были никем завоеваны... Пробрить... замкнутость, ввести горцев в круговорот жизни РСФСР, фактически подчинить Советской власти и заставить уважать и любить ее можно только или проникновением промышленности в горы, или отводом земли горцам на равнине. Первый путь сложный и очень дорогостоящий, второй много быстрее и дешевле, потому сейчас надо идти по второму пути [Аграрный вопрос 2006, т. 1: 27—28]¹⁰.

В 1923 г. был принят план переселения горцев с расчетом вовлечь в него до 10 тыс. чел. и организовать 20 переселенческих поселков, на что выделялись средства [Самурский 1925: 101—102]. Реализация этого плана встречала разного рода трудности. Некоторые из них уже упоминались, подробнее же этот вопрос освещен в других работах одного из авторов, к которым и отсылаем [Карпов 2010а; Карпов, Капустина 2011: 70—73]. Здесь отметим только, что горцы-переселенцы не хотели жить в поселках с многонациональным составом населения, а именно такой вариант организации новых поселений предусматривался планом [Османов и др. 1994: 12].

* * *

В одном из цитированных в предыдущей главе документов было отмечено, что восставшие в 1930 г. дидойцы требовали административного переподчинения территории своего проживания Грузии либо Тляратинскому району Дагестана, дабы не остаться в составе Цумадинского района той же республи-

¹⁰ Надо отметить, что вопрос о переселении, т. е. отводе новых или дополнительных земельных угодий значился как особо актуальный не только в Дагестане, но во всех субъектах Северо-Кавказского края. Так, в статье, посвященной хозяйственному и социально-культурному строительству в Карачае, говорилось: «Вопросы переселения стоят все время в центре внимания уже несколько лет при всяком подступе к разрешению проблем подъема народного хозяйства нацобластей. Переселение неизменно фигурирует как необходимое мероприятие в самой реконструкции хозяйства, обуславливающее темпы освоения природных богатств, повышение материального и культурного уровня горца, эффективность всей суммы реконструктивных мероприятий» [Сысоев 1931: 21].

ки, населенного другими малыми народами андо-дидойской группы. Напомним, что руководство ДАССР в этой ситуации сочло возможным и необходимым организовать для дидойцев собственный район — Шауринский. Этот частный пример показывает, насколько злободневным для Дагестана был вопрос районирования.

В дореволюционный период Дагестанская область делилась на округа, а те на участки (или наибства) и общества (см.: [Памятная книжка 1895]). Границы этих участков в основном соответствовали наибствам имамата Шамиля, а общества горной части Края — издавна существовавшим «вольным» обществам (союзам сельских обществ) либо схожим общинным объединениям, входившим в состав ханств, и т. п.

В условиях новой власти встал вопрос об ином районировании Дагестанской Республики. Он был поднят в 1924 г. на сессии Дагестанского ЦИК, обсуждавшего в первую очередь вопрос о выходе республики из состава Северо-Кавказской области (края). Выступавший с основным докладом К. Г. Мамедбеков (в то время председатель ДагЧК и по совместительству нарком внутренних дел республики) отметил основные принципы нового административного деления СССР, в основу которого была положена экономическая специализация крупных (областей) и более мелких (округов и районов) единиц. Как было отмечено ранее, несовпадение основной хозяйственной направленности упомянутой области/края (производство зерна на экспорт) с кавказскими республиками явилось одним из главных аргументов дагестанского правительства, позволяющим ему настаивать на необоснованности привязки (подчинения) своей республики к этой области/краю. Особенности Дагестана внесли коррективы и в порядок его внутренней административной организации. Мамедбеков говорил:

Рассматривая Дагестан как отдельный экономический округ, мы видим, что по территориальному принципу он должен был бы иметь 50 районов, т. е. хозяйственных единиц второго порядка, связанных с единым окружным центром. Этих районов никак не может быть меньше 50, ибо уменьшить их не позволяет рельеф местности [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 492. Л. 1—15].

Принимая в расчет другой принцип нового районирования страны — количество населения в той либо иной административной единице («в целях максимального приближения власти к трудящимся»), представитель дагестанского правительства делал вывод, что Дагестан должен делиться на 8 округов по размерам территории и на 3 округа по количеству жителей. И здесь же отмечал, что существующее деление по округам не обеспечивается их экономической специализацией (отчасти, за исключением центральной — горной части республики). А затем предлагал следующую схему нового районирования: Дербентский или Южно-Дагестанский округ, принимающий в себя существующие Самурский, Кюринский, Кайтаго-Табасаранский округа и Дербентский район, и делящийся на районы Кизлярский округ с присоединением к нему северной части существующего Хасав-Юртовского округа, но без Караногая. Центральная (горная) часть республики пока не подлежала новому районированию. Прения по докладу состоялись, но окончательных решений вынесено не было (представители Хасав-Юртовского округа, возражавшие против такой постановки вопроса, были урезонены тем, что «так нельзя под-

ходить к государственному вопросу»), и было предложено избрать комиссию для обстоятельного изучения данного вопроса [Там же].

Через три года этот вопрос был поднят вновь, и на этот раз к его решению подошли более обстоятельно. «Вопрос районирования, — заявил на заседании комиссии Госплана по районированию председательствовавший там Н. Самурский, — это вопрос приближения Советской власти к массам в целях обеспечения наиболее правильного руководства». Руководство предполагало обеспечить «нужное» направление жизни населения и установить контроль над ней. С докладом выступил представитель Госплана Тарасов, сразу оговорив, что излагаемый вариант предварительный, ориентированный не столько на экономическую целесообразность, сколько на «реконструкцию территории в целях рационализации управления» населением. Далее он пояснил, что в основу проекта районирования были положены географический принцип и «этнографические признаки», а также необходимость «охвата районов управлением» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 874. Л. 2—3].

Проект был критически воспринят собранием. Опуская экономические аспекты критики, приведем пример оной, сфокусированный на невнимании разработчиков к национально-культурным (этническим) особенностям республики.

Некто Хан-Магомедов ¹¹ изрек:

В Дагестане имеется много племен, и многие из них в силу своей экономической и культурной изолированности вырождаются и вымирают, и в то время, когда у нас при проведении районирования имеется возможность устранить недостатки, допущенные историей и царизмом в отношении этих племен, дать возможность этим племенам посредством районирования улучшить свое положение, — этим проектом они ставятся в еще более тяжелое положение, этим проектом они ставятся в еще более тяжелые условия, чем были поставлены прежним административным районированием Дагестана.

В данном случае обойденным является район К(айтаго)-Табасаранский. Я останавливаюсь на этом районе, потому что он населен племенем, которое, несомненно, вырождается в силу своих экономических и культурных условий. Табасаранцев 44 тыс. душ, и плотность населения определяется 32 чел. на кв. в(ерсту). Благодаря тому, что весь район представляет из себя гористое пространство, он отличается крайним малоземельем, и население занимается сельскими работами на плоскости, являясь батраками крупных хозяйств Дербентского района, и только незначительная часть занимается скотоводством. В этом районе были пастбищные земли, которыми население пользовалось веками, и теперь этот участок пастбищных земель передается Дербентскому району, которому он не нужен...

Второе, на что я хотел обратить внимание Госплана, это то, что целый ряд селений К.-Табасаранского округа присоединили к Табасаранскому району, в то время как эти аулы ближе к даргинцам. Таких неправильностей много, очевидно, и по другим районам. Если бы меня спросили: за что я — за организацию этого района или же за организацию сплошного района — я высказался бы за сплошной район. Население от этого выиграло бы и кабальная зависимость от Дербентского района устранилась. Нужно изучить особенности отдельных рай-

¹¹ В протоколе не указано ни его имя (инициалы), ни должность. Возможно, это был Ханмагомед Хан-Магомедов (Ханмагомедов) — в то время председатель правления «Дагрыбтреста», позднее занявший пост заместителя председателя Госплана ДАССР.

На это выступление председатель собрания Н. Самурскийотреагировал репликой, что выступающим необходимо проявлять больше хладнокровия, но отметил необходимость внесения изменений в проект [Там же. Л. 13].

1929 годом датируется ряд документов, также посвященных административно-хозяйственной реорганизации территории ДАССР. Это докладная записка ЦИК республики в административную комиссию ВЦИК, документ Госплана РСФСР и тезисы к докладу некоего ответственного лица.

Обсуждавшийся в то время вариант районирования отличался от упомянутого ранее, по крайней мере, уже тем, что одной из главных административных единиц предстоящего нововведения назывался кантон. Предполагалось создать 26 кантонов и два временных подкантона, последние в связи с неясностью судьбы гидроэлектростанции на р. Сулак и разработок на Кхиутском серном месторождении. В документах республиканского ЦИК и Госплана РСФСР обсуждались детали районирования, призванного обеспечить «административные и хозяйственные удобства, а также экономию средств» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1162а. Л. 1, 2].

Автор доклада (судя по всему, представитель дагестанской стороны) обратил внимание и на другое. Отмечая «главенствующий принцип» нового районирования — «экономическую однородность и тяготение (?)», «устранение разрыва между экономикой и управлением», он вместе с тем уделил внимание национальной составляющей очередного проекта.

Следующей немаловажной задачей районирования ставилось создание кантонов с одной народностью или одноязычных. Разрешение этой задачи для Дагестана, насчитывающего в составе одних горцев Дагестана 24-х мелких народностей (и столько же языков), в числе коих только более крупные народности (аварцы, даргинцы, лезгины и лаки) имеют свою письменность, при наличии еще таких многочисленных негорских народностей, как кумыки, русские, ногайцы, тюрки, имеющих свою письменность, бесспорно весьма трудным, сложным делом. Однако, несмотря на эти трудности, при новом районировании устраивается политическая судьба не 21,8 % (7 народностей) всех народностей Дагестана, а уже 40,9 % (13 народностей), получающих свой национальный кантон.

В отношении языка (в смысле одноязычия делопроизводства в кантоне) мы имеем 71,4 % (20 кантонов) одноязычных вместо 55,5 % (10 адм. единиц) до районирования.

Новым районированием устраняется существовавшее при царской власти искусственное территориальное разъединение некоторых горских племен (табасаранцы в Кюринском и К.-Табасаранском округах) и для таких малых народностей, как табасаранцы, рутульцы с цахурами, агулы, кайтаки и ногайцы, создаются свои кантоны, чем и разрешается вопрос поднятия национальной культуры и экономического благосостояния их, в своем роде нацменьшинств.

Вместе с тем создание таких кантонных образований помимо облегчения вопросов языка (письмоводство) облегчает значительно разрешение вопросов коренизации и выдвижения.

Далее автор доклада обращал внимание на приближение «серединного звена совпаппарата» к населению [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1162а. Л. 4—7] (см. также: [Казанбиев 1960: 131—136]).

Сошлемся и на документ 1931 г., появившийся вскоре после реализации упомянутого плана. Из «Выводов по обследованию Коргмас-Калинской партийной организации по состоянию на 1 мая 1931 г.»:

После последнего районирования 1929 г. район стал однотипным в национальном отношении (кумыкским. — Ю. К.), что дало возможность лучшего обслуживания населения по линии хозяйственно-культурного строительства и приблизило сельсоветы к районному центру, ускорило и улучшило связь между... районными организациями и сельскими [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1477. Л. 18].

Адекватно ли были восприняты подобные преобразования населением? Если да, то решило ли это, хотя бы в известной мере, национальный вопрос (если таковой существовал априори в сознании населения)? Несомненно да, коль скоро жители Дидоевского участка (после восстания 1930 г.) «удовлетворились» созданием на их «этнической территории» самостоятельного района, а проведение коллективизации по решению республиканского центра там было отсрочено на несколько лет.

Языковое строительство и политика коренизации

Официальная картина вновь устроенного Дагестана выглядела следующим образом. Издание 1930 г. «Районированный Дагестан (административно-хозяйственное деление ДССР по новому районированию 1929 г.)» информировало:

Каждая народность, населяющая ДССР, имеет свой родной язык, почему в сельских местностях Дагестана насчитывается 32 языка. Однако языки малочисленных племен, с одной стороны, распространяются исключительно внутри своего племени, с другой стороны, они очень родственны языку той сравнительно крупной народности, которая объединяет их в одну подгруппу народностей.

Языки всех 12 племен андо-дидоевской группы можно считать близкородственными аварскому языку, имеющему среди них большое распространение и фактически являющемуся для них языком межплеменных сношений. Впрочем, этот язык играет роль межплеменного языка и в отношении других народностей нагорного Дагестана — лаков, даргин...

В Южном Дагестане, в районах, населенных народностями лезгинской подгруппы, в качестве межплеменного языка распространение имеет лезгинский язык, которому родственны языки табасаранский, агулский, рутульский, цахурский. В этих районах имеет распространение для межплеменных сношений и тюркский язык.

Однако не все народности имеют родную письменность. Так, из 24 горских племен только авары, даргины, лезгины и лаки имеют письменность на родном языке. Имеют ее также кумыки, тюрки и горские евреи. У всех у них теперь алфавит унифицированный на латинской основе (новый дагестанский алфавит).

Не имея родной письменности, мелкие народности группируются при пользовании существующей письменностью. Аварская письменность распространена среди авар и племен андо-дидоевской группы; даргинская — среди даргин, кайтаков и кубачин; лакская — среди лаков; лезгинская — среди лезгин и наполовину среди табасаран, агул, цахур, рутулов, арчин; кумыкская — среди кумыков, а также среди чечен до укрепления родной грамоты среди них на но-

вом алфавите. Ногаи и туркмены, за неимением своей письменности, также пользуются кумыкской письменностью...

Таким образом, при многоплеменном составе населения делопроизводство в сельских советах ДССР ведется на 7 разных языках в зависимости от того, какая народность преобладает в сельсовете [Районированный Дагестан 1930: 13].

Подобная констатация этноязыковой ситуации в республике явилась результатом одной из составляющих реализации национально-государственной политики власти за первое десятилетие ее правления — признания прав изрядного количества народов Дагестанской Республики при неодинаковом их обеспечении. Делопроизводство и школьное обучение в среде малых народов и этнических групп велось на языках их крупных по численности народов-соседей. Впрочем, «этнические» аспекты не являлись главными, а тем более единственными в данной политике. На первом плане «в области национальной политики» были вопросы экономики, политической стабильности и «приближения деятельности государственных, кооперативных и проч. аппаратов к коренному населению» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 525. Л. 17]¹².

Пленум Дагобкома в июле 1930 г. предложил с начала 1931/32 учебного года перевести школы I ступени на родные языки (аварский, лезгинский, кумыкский, лакский, татский и др.) [Османов А. 2007: 389].

Республиканской конституцией 1937 г. было установлено, что законы и постановления, издаваемые высшими государственными органами ДАССР, публикуются на девяти основных местных языках и на русском языке; на этих же языках осуществляется судопроизводство в местных и республиканских учреждениях надлежащего профиля [Магомедов 1976: 87].

В общем и целом подобные результаты можно оценить как позитивные.

А начиналась подобная деятельность так.

В цитированной книге «Дагестан» (1925) Н. Самурский, рассматривая вопросы народного образования в республике, отмечал, что ставку необходимо делать на тюркский, т. е. азербайджанский язык (широко распространенный среди жителей Южного Дагестана) и близкий ему кумыкский, также широко представленный в северных и отчасти южных районах республики. Делалось это с оговоркой, что у местных языков не было перспектив, а русский язык сочли непригодным в качестве основного, ибо к нему дагестанцы якобы испытывали ненависть [Самурский 1925а: 116, 118]¹³. Через два года данный тезис в смягченном варианте был им повторен в брошюре, посвященной итогам и перспективам советской власти в Дагестане и подготовленной к 10-й годовщине революции [Самурский 1927].

На эту книжку членом пропагандистской группы ЦК ВКП(б) С. Мосиным была написана рецензия (первоначально она поступила к Самурскому без указания автора), которую отличал критический настрой. Н. Самурский дважды

¹² Можно отметить, что в «Материалах к докладу правительства» Дагестана, представленных в 1931 г. по случаю десятилетия республики, отмечалось, что коренными народами там является 31 народ (при общем количестве представителей всех национальностей, согласно переписи 1926 г., — 81 народ), «причем удельный вес самой крупной из них (авары) достигает всего лишь 17,61 % общей численности населения республики» [НА ИИАЭ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 173. Л. 18].

¹³ Подобное отношение к русскому языку и кириллическому шрифту в это время наблюдалось в Средней Азии [Алпатов 2000: 66—67].

на нее отвечал, считая необходимым разъяснить свою позицию по ряду вопросов.

Относительно языковой политики Мосин обвинил дагестанского руководителя в «своеобразном пантюркизме»:

Прежде всего тов. Самурский расправляется с местными языками, предлагая держать курс на «замену всех языков двумя — тюркским и русским» (с. 32). Что же касается русского языка, то тов. Самурский считает, что «он играет и еще долго будет играть большую роль». Если подчеркивается «еще долго», то, очевидно, автор хотел сказать, что роль русского языка все-таки временная и в свое время он упадет. В таком случае остается один тюркский язык. Конечно, это не имеет ничего общего с решением этого вопроса в тезисах Дагкома, считающих, что мы не можем «ни противопоставлять один язык другому, ни отдавать преимущество одному языку над другим» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 977. Л. 3—4].

Н. Самурский отвергал предъявляемые ему обвинения в пантюркизме и высказывания относительно отмирания местных языков:

Никакого «пантюркизма», конечно, здесь нет и следа, я выставляю тюркский и русский языки (а не один русский или какой-либо еще язык), потому что тюркский язык играет очень большую роль в Дагестане... (здесь он лукавил, потому что в книжке «Дагестан», изданной в 1925 г., он ставил вопрос иначе; см. выше. — Ю. К.). Мой «усердный критик», поставивший себе целью во чтобы то ни стало откопать в моей брошюре идеологические промахи, не имеет возможности прямо указать, что я выдвигаю тюркский язык вперед русского, но, желая во чтобы то ни стало воздвигнуть против меня «ужасное» обвинение в пантюркизме, начинает говорить не о том, что я сказал, а о том, что, по его мнению, я «хотел сказать». Он говорит: «САМУРСКИЙ пишет: русский язык играет и еще долго будет играть большую роль, очевидно, он ХОТЕЛ СКАЗАТЬ, что русский язык отпадает».

Когда критик начинает прибегать к таким приемам, то он переходит все границы добросовестности и тут из-за коммунистической личины у него высовываются длинные уши — чистопородного великорусского шовинизма, обидевшегося за то, что я не сказал, что русский язык ВЕЧНО останется господствующим языком... [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 977. Л. 24—26].

В таком же ключе Н. Самурский отметал и прочие нарекания в свой адрес. Рецензент инкриминировал Самурскому неверное толкование идеологических постулатов партии относительно национального вопроса, глава правительства Дагестана стремился их решительно опровергнуть. Например, такой: «Октябрьская Революция — это конец деления человечества по нациям». Еще один рецензент брошюры более сдержанно по сравнению с Мосиным, но тоже критически высказывался относительно взглядов Самурского (очевидно, брошюра вызвала значительную реакцию): «В целом, нужно сказать, что статья т. Самурского не облегчает учет и понимание происходящих в ауле социально-экономических процессов, а затрудняет». Самурский так прокомментировал этот пассаж: «Ясно, конечно, что Октябрь не только не преследовал цель положить конец делению человечества по нациям, а наоборот, дал возможность самоопределения нациям внутри СССР и к тому же признает все народы мира» [ЦГА РД. Ф. п-1, оп.1, д. 1077, л. 1]. В свою очередь, дагестанский руководитель разъяснял высказанную им фразу так:

...Где позволите, я говорю в брошюре такую нелепость, что «Октябрь упразднил нации»? И как это можно «упразднить нации»? Я говорю, что Октябрьская революция кладет конец делению по нациям (а она кладет, потому что в будущей войне часть пролетариата империалистических государств, безусловно, будет на стороне СССР против своих наций), это вовсе не значит, что Октябрь «упразднил нации». Приписывать мне такую нелепость... это уже недобросовестно [Там же. Л. 36].

И вновь Самурский обращался к вопросу о языковой политике в Дагестане, поясняя, что предпочтение тюркского и русского языков не означает отказа от «первоначального обучения на материнском языке», но со временем «племенной» язык (и вся их масса) будет «отброшен» как препятствующий «известной народности приобщиться к свету, к знанию, к социалистической культуре» [Там же]¹⁴.

В феврале 1928 г. состоялся пленум Дагестанского обкома ВКП(б), решавший вопрос о языке и алфавите — «один из основных вопросов нашего строительства».

В национальном строительстве, осуществлявшемся тогда в СССР, это были не общие слова, а одна из основополагающих составляющих национальной политики. В указанном аспекте она напрямую отражалась в вопросе о государственном языке и о месте и роли национальных языков в жизни вновь формируемого многонационального советского государства.

В. И. Ленин еще в 1913—1914 гг. писал:

Что означает обязательный государственный язык? Это означает практически, что язык великороссов, составляющих *меньшинство* населения России, навязывается всему остальному населению России... Русские марксисты говорят, что необходимо: отсутствие обязательного государственного языка при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках.

Впрочем, он здесь же уточнял, что марксисты приветствуют изучение всеми жителями России «великого русского языка», однако без «*принудительности*» [Ленин 1961б: 293, 295]. Потребности же экономики сами определяют выбор в пользу языка, удобного и выгодного для торговых сношений, что в реалиях страны с очевидностью отдаёт предпочтение русскому языку [Ленин 1961а: 424].

Намеченную Лениным стратегию в национально-языковом строительстве разрабатывал председатель Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР И. Сталин. В процессе подготовки конституции РСФСР он в 1918 г. говорил:

Никакого обязательного «государственного» языка — ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинств во всех общественных и политических установлениях [Сталин 1947б: 70].

¹⁴ Особое место в рецензиях и в ответах на них Самурского занимали вопросы о дагестанском крестьянстве и в первую очередь о кулачестве, но это особые темы, и их мы не будем касаться. Здесь можно отметить, что реакция на данную публикацию Н. Самурского могла быть вызвана и тем, что в это же время ему было предъявлено обвинение в «тактических ошибках и групповой борьбе» в рамках Дагестанской организации ВКП(б) (см.: [Ханбабаев 2004: 177—178]).

Ставя вопрос о равноправии народов и даже о фактическом «уравнении национальностей»¹⁵, он, понимая определенную утопичность такой посылки, считал необходимым уточнить, что речь не идет о фактическом равенстве, «ибо установление фактического равенства между народами, ушедшими вперед, и нациями отсталыми — дело очень сложное, очень тяжелое, требующее ряда лет. Я говорю тут о равенстве правовом» [Сталин 1947г: 242]¹⁶.

* * *

Как предписывалось Центром, в деятельности по обеспечению равноправия в республиках и автономных областях не должны были быть забыты и национальные меньшинства. Дагестанские структуры власти вынуждены были реагировать на эти установки.

В 1927 г. было принято решение избрать из числа членов президиума ДагЦИК уполномоченного по работе с национальными меньшинствами, при Наркомпросе образовать совет по работе с нацменьшинствами и развивать для нацменов сеть школ первой ступени. Сами нацменьшинства были распределены по группам: «с более развитым культурным и экономическим состоянием по отношению к коренным племенам» — русские, немцы, армяне, грузины «и им подобные» и «с более слабым или равным культурным и экономическим развитием по отношению к коренным племенам» — горские евреи, чеченцы, туркмены, ногайцы и караногайцы [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 885. Л. 28]. Однако это решение не было утверждено, так же как не был решен «вопрос о том, какие народности Дагестанского АССР относятся к коренным националам и какие к национальным меньшинствам» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 12].

В 1930 г. в Президиуме Дагестанского ЦИК был составлен новый список коренных народов, в котором оказались фактически все народы и национальные группы населения республики, общим количеством 31. На основании «незначительности нацменьшинств» и относительно лучшего их культурно-хозяйственного положения по сравнению со многими коренными горскими национальностями (кто оказался в числе нацменьшинств, не указывалось) было принято решение отказаться от составления особого пятилетнего плана культурно-хозяйственного развития нацменьшинств, включив необходимые мероприятия по их «культурно-хозяйственному обслуживанию» в общий пятилетний план по республике.

¹⁵ Реально вопрос ставился о «фактическом (а не только правовом) выравнивании наций (помощи, содействии отсталым нациям подняться до культурного и хозяйственного уровня опередивших их наций), как одним из условий установления братского сотрудничества между трудящимися массами разных наций» [Сталин 1947в: 57].

¹⁶ Данный тезис в дальнейшем озвучивали и другие высокопоставленные советские работники. Так, глава Всесоюзного ЦИК М. И. Калинин, выступая в 1928 г. на совещании уполномоченных по работе среди национальных меньшинств, говорил: «По вопросу о полном равенстве национальностей. В этом, конечно, нет никакого спора, но когда под этим политические работники понимают математическое равноправие, то они ошибаются. При математическом равноправии целый ряд национальных меньшинств, по существу говоря, потеряет это равноправие. У нас есть полное равноправие между мужчинами и женщинами вот уже одиннадцать лет существования Советской Власти, но это совсем не значит, что в нашей практике, в нашем общении женщина равна мужчине» [Совещание уполномоченных 1928: 2].

Однако и от этого варианта решения вопроса о национальных меньшинствах, который оставался в силе в течение двух лет, республиканское руководство вынуждено было отказаться, так как из Москвы поступило распоряжение создать при Дагестанском ЦИК специальный Отдел национальных меньшинств. Руководством этого отдела была предпринята работа по выяснению, какие народы из проживающих в республике могут быть отнесены к данной категории. Со ссылками на авторитетных московских работников и Малую советскую энциклопедию было принято решение выделить из общего списка народностей Дагестана и отнести к национальным меньшинствам: а) чеченцев (ауховцев), тюрков (азербайджанцев) и туркмен «как живущих вне своих национальных республик»; б) горских евреев и ногайцев «как вообще не имеющих своих национальных образований в пределах СССР» и в) русских (со ссылкой на «тезисы» заместителя секретаря ВЦИК РСФСР т. Досова) как в культурном и хозяйственном отношении стоящих выше коренных национальностей, «которые раньше назывались господствующей национальностью и которые в свое время являлись невольным орудием колонизаторской политики царского правительства», на почве чего возникали межнациональные обострения и национальный антагонизм, «поэтому ближайшей задачей Советской власти здесь является создание таких условий, которые обеспечили бы изжитие старого наследия и воспитание трудящихся масс всех национальностей в духе братского сожительства» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1678. Л. 12—16].

В начале 1930-х гг. отношение к русскому населению в автономных (и союзных) республиках еще находилось под влиянием воспоминаний о колонизаторской политике старой России, а также о великорусском шовинизме. Этому отчасти способствовали имевшие место реалии, но также и установки партийных руководителей верхнего эшелона.

Первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) А. И. Муравьев, выступая в марте 1931 г. на IV пленуме обкома, говорил:

В последнее время Махачкалинская городская организация в практике проведения национальной политики показала, что наибольшие трудности в нашей организации продолжают концентрироваться на стыках национальных отношений. Мы имеем такое положение вещей, что бюро областного комитета, считая, что национальные великодержавные русские тенденции проявляются в такой мере, которые могут угрожать целности и единству партийной организации, мы должны констатировать, что отдельные рецидивы бывают именно только из-за этого. Прав тов. Ленин, когда говорил, что под всяким сугубым интернационализмом прикрываются интересы великодержавного шовинизма... Наряду с этим мы знаем, что с другой стороны уклоны в наших мероприятиях дают о себе знать и местный национальный шовинизм, а также часть русского великодержавного шовинизма, стараются воздействовать на отдельных коммунистов, и вследствие того, что русские националисты не дают отпора этим проявлениям, мы должны сказать, что у нас еще большие возможности в смысле ослабления идеологического влияния чуждых, и мы это наблюдаем в партийной организации. Здесь трудности еще большие, так как они идут за счет особенности национальной культуры, национальных особенностей, идущих на пользу революции (? — Ю. К.)... Тов. Сталин на XVI-м партийном съезде дал четкую, характерную и ясную картину причин, вызывающих великодержавный шовинизм и местный национализм. Нам нужно добиться... чтобы все наши партийные организации знали, что сказал вождь нашей партии и что сказал XVI партийный съезд [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1406. Л. 328—329].

При сбивчивости формулировок республиканского партийного руководителя изложенные им основные посылы — идеологические и политические — понятны. Борьба с шовинизмом и местным национализмом была провозглашена одной из главных политических задач партии и государства в русле осуществления национальной политики. Она не сходила с повестки дня все 1920-е и 1930-е гг., на последнем этапе приобретая новые характерные очертания, о чем речь ниже. Борьбе с одним и другим злом была призвана служить кампания коренизации, сопровождаемая практикой языкового строительства.

* * *

Провозглашение в стране правового равноправия народов осуществлялось, в частности, через коренизацию аппарата управления на местах, ведение делопроизводства, издание прессы на местных языках, для чего необходимо было подготовить соответствующую базу. В разных частях страны подобная деятельность, развернутая уже в первой половине 1920-х гг., в соответствии с решением XII съезда РКП(б) (1923), осуществлялась неодинаковыми темпами, так как возможности для ее реализации на местах существенно различались.

Партийный руководитель Северо-Кавказского края А. И. Микоян в выступлении на съезде горских народов говорил:

Почему нужна национальная культура и письменность... Потому что не может быть никакой подлинной советской власти без того, чтобы власть на местах не говорила на том языке, на котором говорит народ... Значение родного языка — «домашнее», внутринародное... Мы должны родной язык для каждого из северо-кавказских народов развить с тем, однако, чтобы более развитые слои населения пользовались русским языком одновременно. Родной язык избавляет от арабской культуры [Микоян 1926: 10, 11, 12].

Проблема языкового строительства в немалой степени упиралась в то, что в национальных образованиях с мусульманским населением письменность на родных языках основывалась на арабской графике, и это напрямую связывали с влиянием на массы духовенства. Поэтому был поставлен вопрос о переводе письменности этих языков на другую графическую основу, конкретно — латинскую. Данная тема живо обсуждалась в правительственных кругах. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский писал:

Почти повсюду приходится сталкиваться с такими явлениями: школа национального языка является в то же время школой религиозной, глубоко консервативной. Сам шрифт во многих случаях кладет глубокую борозду между этими национальностями и общечеловеческой передовой культурой... Необходимо принимать меры, чтобы обезвреживать влияние духовенства на школу всеми мерами [Луначарский 1924: 32].

А. И. Микоян заявлял: «Арабскую графику муллы отождествляют с религией и переход от арабской графики к латинской толкуют как отречение от мусульманской религии» [Микоян 1926: 14]¹⁷. Приводили в пример Турцию

¹⁷ Активизация кампании по переводу письменности ряда мусульманских народов на латинскую графику совпала с активизацией борьбы с мусульманским духовенством. Учитывая особое положение в Чечне и Ингушетии, там было разрешено в каче-

и Азербайджан, где уже был осуществлен перевод письменности на латиницу. Латинизация соответствовала преобладавшей тогда в стране идеологии интернационализма, а латинская графика, будучи «наиболее нейтральной по отношению к национальному чувству», снимала проблему отношений с народами, у которых не была «изжита культурно-религиозная отчужденность к языку господствующей нации», т. е. к русскому языку [Яковлев 1926: 242]. В целом перевод письменности народов Востока на латинскую графику расценивали в качестве революционизирующего воздействия на сознание масс [Агамали-оглы 1928: 9].

К месту заметить, что вполне серьезно обсуждался и вопрос о переводе на латиницу русского языка. Тогдашний народный комиссар просвещения А. В. Луначарский писал:

Огромный толчок идея латинизации русского алфавита (конечно, и Украины и Белоруссии) получила именно от успехов латинизации письма у народов, употреблявших арабский шрифт. Отныне наш русский алфавит отдалил нас не только от Запада, но и от Востока, в значительной степени нами же пробужденного [Луначарский 1930: 23]¹⁸.

В 1929 г. в Главнауке была создана комиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита. Возглавил ее упоминавшийся ранее филолог Н. Ф. Яковлев. Расширяя и конкретизируя тезис, высказанный Луначарским, он писал:

Территория, занятая русским алфавитом в пределах Союза, остается пережитком русификаторской деятельности царских миссионеров — распространителей православия. Естественно, что алфавит на русской основе в дальнейшем будет служить и здесь объектом все более развивающейся борьбы национальной общественности за его замену тем же единым международным алфавитом, который уже распространился по советскому Востоку. Территория русского алфавита представляет собою в настоящее время род клина, забитого между странами, где принят латинский алфавит Октябрьской революции (НТА), и странами Западной Европы... Таким образом, на этапе строительства социализма существование в СССР русского алфавита представляет собою безусловный анахронизм, — род графического барьера, разобщающий наиболее (много)численную группу Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада [Яковлев 1930а: 35].

Однако вернемся к основной теме.

Н. Ф. Яковлев, отстаивая идею унификации алфавитов близкородственных языков, отмечал, что она «дает возможность в первую очередь националам-работникам по культурному строительству использовать литературу, написанную на близкородственном языке» [Яковлев 1930в: 48].

У плана унификации алфавитов на основе латиницы были оппоненты, указывавшие, что она «может иметь серьезное значение лишь тогда, когда

стве временной меры реорганизовать «арабские школы» в советские «с привлечением части учителей-арабистов к преподаванию только родного языка на основе латграфики» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 18].

¹⁸ Ратая за перевод русского языка на латиницу, А. В. Луначарский ссылался при этом на Ленина; однако другими источниками подобные высказывания Ленина не подтверждаются [Алпатов 2000: 71, 72].

унифицирован язык...¹⁹ Унификация языка, идущая в полном соответствии с развитием производительных сил, с установлением более тесных связей между народами — вот линия, по которой развивается „единое культурное русло“. Алфавит следует за культурой, в частности за унификацией языка, а не определяет культурную унификацию» [Бройдо 1924б: 34]²⁰.

Подобные доводы публично оспаривали (см.: [Навширанов 1924; Тюркулов 1924]), и в итоге вопрос латинизации алфавитов получил политическое одобрение. В первой половине 1920-х гг. латинизация алфавитов в автономиях происходила добровольно, но к концу этого десятилетия и в начале следующего она уже осуществлялась фактически принудительно. Уполномоченный по просвещению горских народов Кавказа доносил в Центр, что «революционно настроенные элементы этих народов» оценили данную реформу положительно, хотя более целесообразным он считал перевод письменности всех горских нетюркских народов на русскую письменность [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1а. Л. 49]. Иногда фиксировалась и резко негативная реакция населения. Так, в Дагестане в 1927 г. отмечались открытые выступления против латинизации и звучали требования создания национальных письменностей на кириллической основе [Тамазишвили 1993: 296].

Однако соответствующий маховик был запущен. Уже в 1926 г. Азербайджанский комитет нового тюркского алфавита (начало деятельности которого относилось к 1922 г.) был преобразован во Всесоюзный комитет с аналогичным названием (его центральный орган располагался в Баку, там же прошел тюркологический съезд, на котором обсуждались соответствующие формальные и неформальные преобразования) [ЦАНИ РГ. Ф. 607. Оп. 2. Д. 3505. Л. 21]. В мае 1927 г. юридически был оформлен Северо-Кавказский краевой комитет Нового тюркского алфавита (НТА). Председателем его президиума стал ранее неоднократно упоминавшийся Умар Алиев. Крайисполкому было предписано обязать национальные автономии Северного Кавказа перейти на «латинскую основу», что в 1928 г. и было осуществлено в Кабардино-Бал-

¹⁹ «Под унификацией алфавитов, — писал один из идеологов и практиков осуществления данной реформы языковед Н. Ф. Яковлев, — следует разуметь выработку такой системы букв для нескольких языков, в которой им тождественные или сходные по типу звуки выражались бы одними и теми же буквами» [Яковлев 1930б: 21]. В пояснении к введению нового алфавита, пронизанном идеологической составляющей, говорилось, что он «представляет собой высшую, по сравнению с национально-буржуазными разновидностями латинского алфавита в Западной Европе, ступень развития графической техники, впервые в истории графики проведенной в жизнь волей победившего пролетариата Советского Востока» [Хаджиев 1930: 9]. По оценке современных филологов, Н. Ф. Яковлев осуществлял подобную деятельность на научной, продуманной основе, ища «компромисс между господствовавшим в общественном сознании представлением о необходимости дать всем народам образование на родном языке и трезвым пониманием того, что это не всегда возможно и необходимо», и это отличало его в лучшую сторону от тех ученых, обратившихся к языковому строителству, которых отличал более низкий по сравнению с Яковлевым профессиональный уровень [Алпатов 1993: 118].

²⁰ Впрочем, не исключено, что такую постановку вопроса сотруднику Наркомнаца Г. И. Бройдо было предложено озвучить в прессе (в других публикациях он практически всегда придерживался общепартийной линии). Эту его статью сопровождало замечание редакции журнала «Жизнь национальностей», что она публикуется в качестве дискуссионной.

карии, Северной Осетии, Чечне, Ингушетии, частично в Адыгее и Карачае [ГАРО. Ф. р.-63. Оп. 1. Д. 8. Л. 61]. Одновременно краевой комитет НТА проводил научную работу, в ходе которой решались «вопросы совершенствования нового алфавита в применении к местным языковым особенностям каждого горского народа в отдельности, с одной стороны, и с другой — в выработке возможных модусов по объединению (унификации) отдельных горских новых алфавитов». В плане реализации этих задач в 1928 г. были проведены две конференции по унификации письменности горских народов, одна во Владикавказе по группе ингушского и чеченского языков, другая в Нальчике по группе черкесских (адыгских) языков. Намечалось провести подобные конференции также по осетинскому (делящемуся на диалекты) и тюркским языкам [Там же. Д. 11. Л. 5].

Соответствующая работа проводилась и на местах. Комиссией по ликвидации безграмотности было признано возможным соединение букварей для взрослых на карачаевском и балкарском языках. Первоначально намечалось, что в этом букваре один лист будет напечатан латинским шрифтом, а другой — арабским. Однако по политическим соображениям бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) посчитало такой вариант букваря нежелательным и обратилось в ЦК с ходатайством о разрешении печатания букваря только латинским шрифтом [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49. Л. 23]. В Адагее-Черкесской АО, «чтобы помочь изучению латинского алфавита» (знание его среди грамотного черкесского населения к 1930 г. не превышало 30—40 %, а процент освоения одного среди областного и районного актива был еще меньшим), газета «Адыгейская жизнь» в каждом номере помещала «сравнительный алфавит» [ГАРО. Ф. р.-63. Оп. 1. Д. 9. Л. 20].

В свете указанных программных установок во второй половине 1920-х гг. начало действовать и руководство Дагестана.

На упомянутом пленуме Дагестанского обкома ВКП(б) 1928 г. с докладом выступил Председатель СНК ДАССР Д. А. КORKмасов. Начав с того, что в 1923 г. республиканской властью было принято неверное решение — введение одного государственного — тюркского языка (в том числе в качестве языка школьного обучения) и это ущемило права и возможности развития местных языков, он, ссылаясь на результаты долговременной проработки языкового вопроса в различных инстанциях республики, отмечал:

Надо так подойти к вопросу, чтобы у нас, где совет(ский) строй дает все средства для мирного решения, наше начало разрешения вопроса не сделалось бы началом борьбы... В нашем самом демократическом государстве, делающем ставку на широкое участие трудящихся масс в государственном и хозяйственном строительстве, в такой многонациональной стране, как Дагестан, идея единого государственного языка неизбежно должна стать тормозом во всем строительстве. Как же мы могли допустить такую ошибку?... Мы допустили ее, потому что тогда мы только что освободились из-под гнета самой злостной русификации и не успели еще выпрямиться и осмотреться. Мы допустили ее поневоле еще и потому, что над нами висел старый молот арабизма. Выдвигая тюркский язык на эту, ему в нынешних условиях несвойственную, роль, мы имели в виду направить его против арабского языка, а не против русского, как это получается сейчас у сторонников «единого государственного языка». Поэтому сегодня, характеризуя тюркский язык межплеменных сношений, мы должны себе точно уяснить и определить, что это в наших условиях означает ²¹.

²¹ По тому же поводу Анатолий Скачко, в середине 1920-х гг. сотрудник представительства ДАССР при Президиуме ВЦИК, писал: «Не было, конечно, в постановле-

Далее он говорил о значительном влиянии тюркских языков (азербайджанского и кумыкского) на языки народов Дагестана (что является установленным научным фактом), об их роли в межнациональном общении (он называл цифры: грамотой на тюркских языках из числа населения нетюркских народов Дагестана владеет 1 %, владеют этим языком/языками 20 тыс. чел. нетюркского населения республики, а пользуются при межнациональном общении 75 тыс. чел.; здесь же отметим, что Самурский в упомянутой брошюре, приводя доводы для государственного использования тюркского языка, называл цифру 250 тыс. чел., владеющих оным). Возрастание значения тюркского языка в ближайшие годы Коркмасов связывал с реализацией плана переселения горцев на равнинные земли. «Все эти горцы будут вынуждены и с местным населением, и между собой сноситься на тюркском языке». Впрочем, оснований для поднятия тюркского языка до роли «господствующего языка», по его оценке, было недостаточно, так как он не способен помочь нетюркским народам в решении «проблем культурной революции и задач массового социалистического строительства». Последние же, по его оценке, напрямую соотносятся с надлежащими изменениями жизни на селе, в них втягиваются «все более широкие массы... и потому все строительство этого сектора идет и может идти только на родном языке масс». Поэтому в массовой работе текущего момента ставку необходимо делать на развитие «родных» (местных) языков.

Относительно русского языка. Он «сейчас потерял роль языка завоевателя. Он стал ведущим языком в соцстроительстве нашего Союза. С ростом увязки нашего строительства с союзным у нас произошел перелом в отношении к нему».

Подводя итоги дискуссии о языке (об алфавите речь в докладе не шла, но данный вопрос был решен центральными инстанциями страны в пользу латинского алфавита), Коркмасов, ссылаясь на Ленина и резолюции высших партийных органов, резко возражал против постановки вопроса о едином государственном языке, будь то тюркский или русский. «Единого обязательного государственного языка в Дагестане нет в природе, и (его) хотят создать у нас искусственно... а это реакционная, антисоветская, антиленинская постановка вопроса»; массы «могут быть приобщены к нашему строительству» только на тех языках, на которых они говорят сейчас, а не на тех, на которых это кому-либо хотелось бы [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 997. Л. 1—8] (см. также: [О пересмотре решений 1930: 83—87]).

Языком обучения в школах первой ступени должны были быть местные языки (но не наречия и диалекты) с преподаванием тюркского языка как предмета, а с третьего года обучение должно было вестись на тюркском языке и частично на русском. Нарком просвещения ДАССР в 1922—1929 гг. Алибек

нии 1923 г. и идейного пантюркизма. Было стремление со стороны кумыков и тюрков сделать свой язык господствующим, но не больше. Основными же причинами курса на тюркский язык было то, что никто из дагестанских и русских коммунистов тогда в Дагестане не принимал местные языки всерьез, как фактор строительства национальной культуры. Слишком много было этих языков, слишком мало народа говорило на каждом». В этой связи очевидными были проблемы подготовки учительских кадров. «В силу этих условий местные языки представлялись фактором, не содействующим приобщению дагестанских народов к социалистическому строительству, а наоборот, мешающим, и как такой сбрасывались со счетов...» [Скачко 1931: 1341—135].

Тахо-Годи говорил о полутора десятках национальных языков, на которых могло строиться образование в республике, но оговаривал, что «не страшна даже монополия 5—6 наиболее распространенных языков за счет менее распространенных» [Тахо-Годи 1930: 73, 75].

* * *

Параллельно с политикой языкового строительства в стране осуществлялась кампания по коренизации кадров советских и хозяйственных организаций в национальных автономиях ²².

Еще в 1920 г. Сталин говорил о готовности центральной власти доверить в республике все органы управления местным «честным и преданным» работникам. В 1923 г. на XII съезде РКП(б) в свете решения национального вопроса в СССР он же одним из ключевых назвал коренизацию аппарата на местах. Согласно этой установке, в апреле 1924 г. Президиум ВЦИК принял следующее решение:

В целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех госорганов или отдельных их частей на соответствующие местные языки. В этих целях утвердить следующие основные директивы: а) подготовка и переподготовка работников, в) при приеме на работу преимущество у знающих языки [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 2. Л. 30].

Основные уточняющие моменты, определявшие понятие «коренизация», формулировались следующим образом:

Во-первых, вовлечение коренного населения в аппарат управления через избирательную систему; во-вторых, выдвижение коренного населения на руководящие должности в аппарате советов и исполкомов; в-третьих, укомплектование технического аппарата советов, обслуживающих национальные меньшинства, работниками, знающими языки и быт коренного населения; в-четвертых, высшая форма коренизации — перевод делопроизводства на национальные языки [Совещание уполномоченных 1928: 48].

И надлежащая работа закипела, намеченное было запланировано осуществить к 1926 г. С мест собиралась информация о том, на каких языках работают судебные, агрономические и медицинские участки и каков национальный состав их работников.

Из Дагестана сообщали, что в центральных аппаратах по всем ведомствам делопроизводство ведется на русском языке, но в осуществление поставленных задач, начиная с 1923 г., вовлекались местные работники, свободно владевшие местными языками; если делопроизводство велось на русском языке, то «судоговорение» — на местных языках (аварском, кумыкском, тюркском/азербайджанском, лакском, даргинском) по округам.

²² Понятие «коренизация», чье смысловое содержание вполне прозрачно, утвердилось в советской политике не сразу, впервые официально прозвучав в 1925 г. на 3-м Всероссийском съезде Советов. Заслуживающей внимания деталью является то, что И. В. Сталин его не использовал, предпочитая термин «национализация» [Хлынина, Кринко 2014: 122—124].

В Кабардино-Балкарии перевод делопроизводства в 1926 г. на местные языки не был осуществлен, так как официально письменность кабардинцев была утверждена только в 1925 г., а письменность балкарцев находилась «еще в стадии разрешения».

В Ингушской АО из-за слабой грамотности членов сельских советов и вообще населения соответствующий план не могли реализовать как на русском, так и на национальном языке.

В Северной Осетии привлечение местных работников в госаппарат осуществлялось «по мере возможности». В судебных учреждениях, когда тяжущимися сторонами являлись осетины, дела велись на осетинском, в остальных случаях на русском языке. В агрономических учреждениях области большую часть сотрудников составляли осетины (12 чел. против 9 русских), делопроизводство велось на русском языке, однако на местах осетинские сотрудники данных учреждений вели разъяснительную работу среди населения на родном языке; кроме того, в осетинской газете помещались статьи и заметки по сельскохозяйственным вопросам. Схожая картина фиксировалась и в медицинских учреждениях автономной области [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 102. Л. 1—21].

Из Карачаево-Черкесии доносили:

К реализации местного языка не приступлено ввиду отсутствия подготовленных наработчиков. Аппараты укомплектованы техработниками, почти исключительно русскими. Выборные должности на паритетных началах между 3-мя основными национальностями. В Облисполкоме карачаевцы, черкесы и казаки, в округах в зависимости от национального состава [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 50. Л. 49].

С 1923 г. по 1930 г. на Северном Кавказе на мероприятия по коренизации было истрчено около миллиона рублей, были организованы курсы по изучению местных языков, соответствующей письменности, по надлежащей реорганизации делопроизводства. Однако, как отмечал инструктор Президиума ВЦИК Логинов, секретари сельских советов, прошедшие курсы переподготовки, не смогли вести дела на своем языке [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 125. Д. 24. Л. 9].

Результаты коренизации и перевода делопроизводства на местные языки имели и другие очевидные издержки и недостатки.

По всей стране, в том числе на Северном Кавказе, отмечались факты, когда документы, отправляемые из одних автономий в другие национальные образования, составлялись на местных языках без перевода на русский язык. ВЦИК предписал сопровождать документацию соответствующими переводами [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 121. Д. 161. Л. 117, 133]. Ведомственные центральные наркоматы, обращаясь во ВЦИК, просили заменить в инструкциях по проведению коренизации некоторые формулировки, в частности, Наркомпрос просил заменить «перечень должностей» на «перечень должностей, требующих знания языка» [Там же. Л. 104]. Член комиссии по урегулированию положения русского меньшинства в автономных республиках и областях Р. Сабиров отмечал, что при выдвижении на должности в советских учреждениях фиксировались случаи, когда предпочтение отдавалось туземцам, «несмотря на меньшую их деловитость, или что в технический аппарат госорганов вовлекаются туземцы взамен русских, таким образом, национализируется госаппарат» [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 687. Л. 159].

Наглядный пример этому являла собой на последнем этапе своей истории Горская Республика, в аппарате и в обслуживающих структурах которой преобладали негорцы. Коренизацию структурировали, выделив в ней «ответработников, спецов, технический персонал». С ответственными работниками проблем не возникало — их следовало в первую очередь, быстро и едва ли не поголовно, поменять на «националов». Со специалистами было хуже, ибо таковых — бухгалтеров, врачей, инженеров — среди националов почти не находилось и потому с ними рекомендовалось обращаться осторожно, даже если они были беспартийными.

От национализации технического персонала, — отмечено в протоколе заседания по вопросу коренизации, — пока совершенно отказаться, дабы, с одной стороны, не портить взаимоотношений между горскими и негорскими элементами, а с другой стороны — не провоцировать (точнее, не дискредитировать. — Ю. К.) партийные органы, так как в массе говорят, что все это делается по распоряжению Обкома.

И далее:

Нужно принять во внимание, что ставка технического работника ни в коей мере не удовлетворяет горца. Следует по мере того, как увольняются на законных основаниях негорцы, давать льготы в поступлении на эти места горцам без нарушения законов о труде [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 42. Л. 81]²³.

В постановляющей части значилось:

Всем возглавляющим Совучреждения и предприятия дать директиву о неприятии на службу негорцев, и принимать таковых лишь в крайнем случае — отсутствии данной квалификации среди горцев [Там же. Л. 78].

На местах усердно старались выполнить директивы ЦК. Достигнуть требуемых результатов было сложно, о чем регулярно сообщала печать (см.: [Бриль, Софу 1934: 79; Кристин 1932: 123 и др.]). Поэтому прибегали к особым методам и средствам. В Северной Осетии были созданы «чрезвычайные тройки по вопросам осетинизации» с обязательной отчетностью раз в две недели [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 666. Л. 4]. (Такой напористости в постановке работы способствовали и очевидные националистические — в мягком значении слова — соображения местных руководителей.) И если кто-то отказывался принять на должность присланного «на нее» «по национальному признаку», но не имевшего навыков в этой работе, так что его необходимо

²³ Насколько вопрос «зарплаты» чиновникам, спецам и т. д. не был искусственно введенным в данное обсуждение, свидетельствует и фрагмент дискуссии, состоявшейся на заседании комиссии ЦК РКП(б) по поводу судьбы Горской Республики. С. Орджоникидзе: «... Товарищ приводит тот мотив, что русский чиновник может жить на такое низкое жалованье, а осетин нет. Разве у осетина большие культурные потребности? Это не довод. Держите меньше людей, платите дороже, но держите осетин, а не русских» [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 121. Л. 37]. На недостаточную заработную плату национальных работников сетовали и в Карачае [ГА КЧР. Ф. 307. Оп. 1. Д. 220. Л. 7; ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 43. Л. 6 об.]. Своего рода компромиссом явилось и решение ВЦИК о 10 % надбавке к заработной плате за знание совработниками националами и ненационалами двух языков, горячо поддержанное на местах [ГА КЧР. Ф. п-307. Оп. 1. Д. 12. Л. 42].

было обучать азам профессии, то отказавшему начальнику первого могли инкриминировать принадлежность к классовым врагам [Аюпов 1936: 41—43].

В 1929 г. во исполнение постановлений ВЦИК и Северо-Кавказского крайисполкома «о проведении коренизации: советского, судебного, административного и пр. аппаратов в нацобластях, а также переводе работы политпросветучреждений и преподавания в школах на национальные языки — президиум нацсовета» постановил:

1). Установить для завершения полной коренизации аппаратов нацобластей и перевода аулсоветов, районных, областных исполкомов и других органов на родной язык следующие сроки, не подлежащие изменению: Северная Осетия и Адыгея — к 1 января 1932 г., Черкесия, Карачай, Ингушетия — к 1 июня 1932 г., Кабардино-Балкария, Чечня — к 1 января 1933 г. ...

<...>

3). В целях пополнения кадров областных, районных и аульских учреждений и организаций немедленно развернуть практическую работу по выдвижению из коренного населения рабочих, колхозников и красных партизан на руководящую работу, доведя удельный вес националов в составе ответработников до пределов, обеспечивающих проведение коренизации в установленные сроки...

<...>

5). Предложить облисполкомам в месячный срок развернуть сеть кружков и обеспечить в течение 3 месяцев изучение всеми ответработниками-националами национальной письменности, а также вовлечь в эти кружки рядовых работников аппаратов, желающих изучать национальный язык...

При проведении коренизации также иметь в виду коренизацию нацменсельсоветов (немецких, украинских, еврейских и т. д.) [Сломить сопротивление 1931: 68].

Выполнить это решение было далеко не просто, так как с квалификацией горцев дело обстояло плохо. Из Карачая сообщали, что руководящих работников в этой нацобласти 93 человека, из них карачаевцев — 32 чел. или 34,4 %; специалистов среди карачаевцев нет вовсе, и в целом из всех работников карачаевцы составляли только 21,5 % [Баранов 1931: 86].

Проблемы с коренизацией возникали и по той причине, что на работу в соворганы преимущественно набирали лиц из неграмотных или малограмотных батрацко-бедняцких слоев населения. Постановления местных (в данном случае карачаевской областной) парторганизаций отличала характерная решительность.

Составить план работы по выдвижению на областную, районную руководящую работу националов батраков, бедняков и середняков, проявивших себя на общественно-политической работе, в порядке коренизации. Наряду с этим организовать систематическую плановую воспитательную работу и работу по повышению квалификации выдвиженцев [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 33. Л. 58].

Для последних создавались образовательные курсы, которые далеко не всегда приносили ожидаемые результаты [ГА КЧР. Ф. р-307. Оп. 1. Д. 12. Л. 5].

Выполнение упомянутого решения оценивалось как неудовлетворительное и по той причине, что появилось много «лжевыдвиженцев». В решении Карачаевского бюро обкома ВКП(б) в октябре 1931 г. отмечалось:

Ввиду наличия большого числа лжевыдвиженцев, поручить сектору кадров в течение 5-ти дней объявить в газете список действительных выдвиженцев — кем, когда они выдвинуты и на какой работе работают. Отделу Кадров ОБКОМА и всем секторам кадров завести специальные списки выдвиженцев. Категорически запретить без санкции Отдела Кадров ОБКОМА снимать или назначать на другие виды работы выдвиженцев [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 38. Л. 45].

Успехи коренизации оказывались, по крайней мере в Карачаевской АО, малоудовлетворительными. На 5-й областной партконференции, проходившей в 1932 г., один из выступавших говорил:

Для того чтобы охарактеризовать, как идет коренизация, я беру один пример: г. Микоян-Шахар (вновь отстроенная столица Карачаевской АО. — Ю. К.) — город социалистический, где должно было (бы быть) в подавляющем большинстве коренное население — карачаевцы, мы имеем 90 % русских, еще таких русских, которые вычищены из аппаратов других районов и областей [Там же. Д. 39. Л. 8].

Дагестан, подобно большинству нацобластей Северного Кавказа, при выполнении установок по коренизации несколько запаздывал, что определялось известными трудностями претворения в жизнь данных решений в местных своеобразных условиях многоязычия (хотя первые решения на данный счет были приняты еще в 1920 г.). Впрочем, предписания Центра в достаточной степени согласовывались с взглядами местных руководителей. Напомним слова Н. Самурского применительно к Дагестану, высказанные им в 1925 г.: «Прежде всего необходима наиболее полная национализация власти и ее аппарата».

Дагестан не попал в цитированный выше список постановления по той причине, что к моменту его выхода он еще не был в составе Северо-Кавказского края. Однако «кипучая деятельность» в этом направлении началась в Дагестане еще в 1927 г.

Республиканским комитетом ВКП(б) в московские инстанции тогда был отправлен доклад на соответствующую тему. В нем говорилось о трудностях, возникших при реализации поставленных задач.

Трудности были связаны с переводом делопроизводства на местные языки — отсутствовали канцелярские книги, типографские шрифты, пишущие машинки с особенностями национальных алфавитов, не было руководств по отчетности на национальных языках.

Не менее, а то и более значимыми оказались трудности другого порядка. В докладе говорилось:

Все рай- и окрисполкомы должны выявить списки граждан, могущих быть вовлеченными на советскую работу, и эти списки должны быть представлены в комиссию при ДагЦИК. Срок исполнения всех этих заданий для Соворганов был дан месячный... Циркуляр комиссии внес панику в среду центральных Соворганов, ответы их полны безнадежности и неверия в возможность национализации своих аппаратов и переход к делопроизводству на местных языках. Одни из них ответили, что вопрос этот весьма сложный, требующий подробной разработки... да к тому же срок слишком маленький. Другие ответили, что национализация создаст только хаос, который впоследствии нельзя будет изжить... Третьи ответили, что изучают вопрос национализации и результаты будут со-

общены, но мы так-таки не дождались результатов, видимо, изучение продолжается...

Что же касается Райокрисполкомов, то нужно сказать, что кое от кого мы сумели добиться ответов. Так, например, Председатель Даргинского ОИК'а сообщил, что у них нет литературного языка и литературы своей, поэтому в аулах делопроизводство ведется на арабском языке, а в участках частью на арабском, а большей частью на русском. Меры к национализации Соваппаратов принимаются, но в чем же выражаются эти меры, не сообщил.

В Кайтаго-Табасаранском ОИК'е была создана Комиссия по национализации, но результат деятельности они нам не прислали.

Буйнакский ОИК раньше всех принял ряд решительных мер: завел для всех Сельсоветов книги и журнал на кумыкском языке, провел через курсы секретарей Сельсоветов ряд работников, выявил в аулах умеющих вести делопроизводство на местном языке, привлек их к работе, и таким образом в аулах он быстро справился с поставленной перед ним задачей, обходясь при этом своими средствами. То же самое можно сказать и о ряде других окрисполкомов. Хуже обстоит у них с постановкой дела в самих ОИК'ах; здесь можно сказать работа по приданию аппарату местного национального учреждения ни на йоту не подвинулась вперед, если только не считать персональную замену одних лиц другими.

Далее речь шла о проценте националов в республиканских структурах:

Процент местных работников в ДагЦИК'е составляет 45 и по сравнению с 1 мая 26 г. национальный состав вырос на 5 %. Нужно сказать, что подавляющая часть националов падает на низовых сотрудников ДагЦИК'а, как то: милиционеры, швейцары, комендатура, кучера и т. д. Попыток изучать местные языки в этом органе никем не делается, переводы на местные языки делаются на материалы местного характера, как то: важнейшие декреты и постановления, отчетные материалы съезда, сессий, всякие положения и т. д. ...

По НКВД в центральном аппарате НКВД процент местных работников к настоящему моменту составляет приблизительно 15 процентов... В округах аппарат НКВД укомплектован почти все из местных работников, за исключением районов, населенных негорским населением (Кизлярский округ)...

Ненационалы попыток к изучению местных языков не делают, и видимо этот вопрос не является мало-мальски важным обстоятельством в работе каждого сотрудника [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 885. Л. 1 об.—3].

В принятом тогда же представителями советских, партийных и профсоюзных инстанций постановлении отмечалось, что «выдвижение новых работников из рабочих от станка и крестьян от сохи происходит чрезвычайно медленно, особенно в аппаратах Республиканского масштаба. Отсутствует в центральном аппарате достаточное представительство от коренных племен Дагестана, что отрицательно отражается на выявлении нужд местного населения» [Там же. Л. 24].

Однако под нажимом сверху работа в данном направлении велась старательно. В марте 1936 г. ДагЦИК утвердил план существенного увеличения к концу года процента работников из коренных народностей [Магомедов 1976: 87]. А уже и перед этим посылаемые отчеты выглядели вполне пристойными.

Вот телеграмма, отправленная в конце 1935 г. из ДагЦИК в Северо-Кавказский крайисполком:

Сельские советы Дагестана коренизированы полностью ТЧК Районные аппараты обслуживаются преимущественно коренными националами ЗПТ исклю-

чение составляют квалифицированные кадры ТИРЕ агрономы врачи бухгалтера плановики ТЧК Делопроизводство [в] сельсоветах [а] также [в] райисполкомах при сношении [с] сельсоветами ведется [на] национальных языках ТЧК Выявляем уровень коренизации центрального аппарата ТЧК Мероприятия [по] дальнейшей коренизации центрального аппарата [и] выдвижению националов [в] центральные аппараты Дагестана [и] краевые учреждения будут разработаны [и] согласованы [с] Дагобкомом [и] представлены дополнительно [ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 23. Д. 20. Л. 23].

Если же ориентироваться на данные 1930 г., которые были широко представлены в печати (это, видимо, объясняется тем, что данный год в свое время определили как отчетный), то ситуация выглядела не столь радужно.

По сельским советам картина представляла собой следующее.

В Черкесии из 30 секретарей сельсоветов 26 были русскими, четверо — других национальностей и ни одного черкеса; в двух окрисполкомах два секретаря и два делопроизводителя — русские; в Кабардино-Балкарии 70 секретарей сельсоветов (88,6 %) — русские, прочих национальностей — 8 (10,1 %), кабардинцев — 1; в Карачае 36 секретарей (69,4 %) были русскими, секретари-карачаевцы составляли 16,7 %; в Адыгее из 48 секретарей русскими были 45 чел.

Зато в Ингушетии 64 % секретарей сельсоветов являлись лицами коренной национальности, а в Северной Осетии эта цифра составляла аж 89,9 % [Мостовая 1930: 53]. (Несколько отличающиеся цифровые данные были представлены в публикации другого автора [Петров 1930: 27].)

Высокие цифры по Ингушетии объяснялись тем, что в этой небольшой автономной области были ликвидированы окружные (районные) аппараты и кадры работников оных перешли на работу в сельские советы. По оценке председателя национальных автономных областей, нацменрайонов и других районов Северо-Кавказского края, где проживали нацменьшинства, заместителя председателя крайисполкома Г. Кабоева, за счет этого «область связалась непосредственно с сельсоветами» [Кабоев 1931: 8]. Однако автор другой публикации отмечал, что реорганизация в Ингушетии была проведена поспешно, по-казенному, в кабинетах началась и там же закончилась [Ф. С.-О. 1931: 66—67].

Примечательно высказывание того же Г. Кабоева относительно «некоторых достижений» Северной Осетии и отношения к ним местного населения, когда люди якобы спрашивали: «„Нельзя ли отделаться от коренизации“». Настроение двойственное. В Осетии надо закрепить достижения» [Кабоев 1931: 7].

Установка Центра на коренизацию сохраняла силу на протяжении всех 1930-х годов. Однако успехи в этом деле были далеко не очевидными. В Кабардино-Балкарской Республике в 1939 г. имелось только 3 инженера-кабардинца с высшим образованием [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 141].

* * *

Составной частью программы коренизации, помимо комплектации национальными кадрами аппарата советских, хозяйственных и других структур, являлось формирование местного рабочего класса. Для этого необходимо было осуществление индустриализации в национальных окраинах страны. «Создать промышленные очаги в советских республиках Востока, — говорил Сталин, выступая в 1925 г. перед слушателями Коммунистического университета

трудящихся Востока, — как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса» [Сталин 1947].

Промышленные предприятия начали возводиться и в национальных областях Северного Кавказа, и в Дагестане. В последнем флагманом индустриализации стал стекольный завод «Дагестанские огни» — первое механизированное предприятие данного профиля в СССР. В строй действующих он вступил в самом начале 1926 г. До этого стройку посетил Всесоюзный староста М. И. Калинин. В рапорте правительству о пуске стеклозавода ДагЦИК отмечал, что дагестанская беднота с помощью Центра обещает «создать из Дагестана цивилизованную республику, которая будет служить примером народам Востока». Естественно, что в ходе кампании по коренизации в Центр отправлялись отчеты о национальном составе рабочих и служащих этого предприятия. Основной процент персонала там составляли турки (азербайджанцы), следующими по численности шли лезгины, потом горцы, русские и т. д. [ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 23. Д. 20. Л. 34]. К середине 1930-х гг. процент рабочих из коренных национальностей на «Дагогнях» перевалил за 50 %. Однако такие показатели считались неудовлетворительными, так как в этот период наблюдалось понижение соответствующего процента, и это связывали с укреплением колхозов и улучшением положения колхозников [Дзагуров 1935: 45]. Зато в юбилейных изданиях отмечался значительный рост числа горцев Дагестана, вовлеченных в промышленность в качестве постоянных и сезонных рабочих, — в 1932 г. (к 15-й годовщине Октября) до 71 % — и объясняли это опять-таки «развитием обобществленного сельского хозяйства», его механизацией, малоземельем в горах [Дагестан 1932: 43].

Очевидные перспективы для формирования контингента промышленных рабочих имелись в Чеченской АО с расположенными на ее территории и в свое время переданными ей в собственность Грозненскими нефтяными промыслами и перерабатывающими предприятиями. Примечательно, что в свете осуществления кампании по коренизации вышестоящие инстанции требовали перевода соответствующей технической документации на чеченский язык [Летифов 1972: 209]. Однако и там положение соответствующих дел оставляло желать лучшего. С одной стороны, можно говорить, что особого стремления местных крестьян превратиться в рабочих промышленных предприятий не наблюдалось. С другой стороны, и тому в целом незначительному проценту крестьян, выражавших желание приобщиться к новому для себя роду деятельности, строились препоны. Как говорил от имени чеченских рабочих один из выступавших на Первом Областном съезде Советов Чеченской АО (июль 1924 г.), рабочие промыслов «Ревкомом оставляемы без должного внимания и забот. Доступ чеченцев на промысла ограничен и стеснен за неисчезновением мнения о поголовном бандитском поведении чеченцев» [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 118. Д. 5. Л. 27 об.] (см. также: [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 831. Л. 60]). Как результат, в промышленности в Чечено-Ингушетии (вновь образованной в начале 1930-х гг. национальной административно-территориальной единицы) на 1 августа 1934 г. национальные кадры составляли чуть больше 9 процентов [Рогов 1935: 48].

В других автономиях региона, не имевших сколь-либо значительных промышленных предприятий (за исключением Северной Осетии с находившимися на ее территории и в собственности горнообогатительными и металлургическими фабриками и заводами), ситуация в плане формирования национального рабочего класса была еще менее впечатляющей. В Карачаевской

АО в 1938 г. из 887 работников промышленности, потребсоюза, предприятий по заготовке леса, хлебокомбината и др. только 192 человека были карачаевцами, большинство же составляли русские, из которых лишь двое владели местным языком (в связи с этим обкому предлагалось взять под свой контроль организацию курсов по изучению работниками карачаевского языка) [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 81. Л. 122].

Культурная революция

Неоспорима значимость достижений в области культурного строительства, осуществленных в 1920—1930-е гг. Это касается создания письменности для целого ряда бесписьменных языков, ликвидации неграмотности, появления национальной литературы, профессионального искусства.

С самого начала установления советской власти вопросы ликвидации неграмотности, создания письменности, подготовки национальных кадров были в поле зрения представителей этой власти на местах и в Центре. В Москве функционировал Центральный научно-исследовательский Институт языка и письменности народов СССР при Совете Национальностей ЦИК СССР. В середине 1920-х гг. в Ростове появился Национальный совет по вопросу культуры и просвещения горских народов Кавказа, в нем работали представители всех основных (включая шапсугов, туркмен, калмыков, азербайджанцев) народов региона [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 323. Л. 21, 22]. Речь велась о том, чтобы «составлять планы по отдельным национальностям, потому что мы, в силу нашей национальной политики, хотим строить школы на родном языке... с учетом всех национальных особенностей, всех национальных отклонений» [Гасилов 1928: 179, 180].

Из воззвания 1921 г. Карачаевского окружного исполкома:

Все на курсы, ибо в знании есть та сила, которая перетрет все невзгоды карачаевцев и даст нам столь желанное благополучие и процветание родного края и народа... За все время пребывания на курсах курсанты пользуются полным иждивением, столом, общежитием [ЦГА КЧР. Ф. р-346. Оп. 1. Д. 2. Л. 17].

Организуемые курсы должны были «дать возможность научиться самим управлять своей страной, самим строить жизнь страны» [Там же]. Исполкомы советов обсуждали, вносили уточнения и утверждали принимаемые алфавиты [Там же. Д. 37. Л. 226—227]. Местная пресса, действовавшая по указанию власти, ставила перед читателями конкретные задачи. Из публикации «Нужно создать карачаевский язык и карачаевскую литературу» в газете «Таулу джашау» (Горская жизнь):

... 1) Призвать к более энергичной работе терминологическую комиссию при ОблОНО и сосредоточить там разработку языка вообще и терминологии в частности. 2) Поспешить с составлением и выпуском грамматики на карачаевском языке. 3) Во время чтения книг и газет на карачаевском языке взять на заметку те несуразные термины, обороты речи и другие дефекты языка и со своими предложениями прислать в терминологическую комиссию... 4) Взять за правило на каждую выходящую новую книгу на карачаевском языке дать отзыв, обращая внимание на язык... [ЦГА КЧР. Ф. р-307. Оп. 1. Д. 29. Л. 180].

Правда, нельзя сказать, что работа по ликвидации неграмотности была планомерной и в надлежащей форме выверенной.

Председатель Совета национальных меньшинств В. Я. Розен на заседании коллегии Наркомпроса РСФСР в июле 1923 г. сообщал:

В деле народного образования среди нацмен одна крайность сменяется другой. Прежнее невнимательное отношение к национальной культурной работе, имевшее место до последнего времени и губительно отозвавшееся на состоянии этой работы особенно на местах, сменяется после решения XII съезда партии <...> по существу столь же невдумчивым и вредным «развязыванием» национальной стихии, преимущественно у местных национальных большинств нерусского языка в национальных областях и республиках по темпу отсутствия достаточных сил и средств. Этот «уклон» выражается в стремлении украинизации, татаризации, чувашизации и т. п., в областном сепаратизме по части издательства, что уже отразилось на деятельности Восточного издательства при Наркомнаце и т. д. [Культурное строительство 1989: 151].

Работу по ликвидации неграмотности действительно активно стремились наладить, однако это удавалось с изрядными трудностями. Согласно статистическим данным 1926 г., грамотными среди народов региона были: осетины — 35,0 % мужчины, 12,27 % женщины; черкесы — 21,61 % мужчины, 5,06 % женщины; карачаевцы — 14,06 % мужчины, 3,05 % женщины; ингуши — 14,22 % мужчины, 1,35 % женщины; кабардинцы — 35 % мужчины, 1,53 % женщины; балкарцы — 6,87 % мужчины, 2,5 % женщины; чеченцы — 4,65 % мужчины, 0,15 % женщины. При этом отмечались регрессивные тенденции в движении женской грамотности у черкесов и кабардинцев. В целом рост грамотности в национальных областях отставал от такового в Северо-Кавказском крае [Жак 1928: 191, 192]. Особая сложность имела место в работе по ликвидации неграмотности среди женщин, так как они, следуя обычаям, не посещали общие ликпункты, а специальных женских ликпунктов практически не было, их только начинали тогда организовывать, не было и «кадров ликвидаторов-националок», которых только начинали готовить. В официальном документе констатировалось, что при таких обстоятельствах, особенно в отсутствие «национального учительства», «введение всеобщего обучения среди нацмен к 1932/33 г. — почти неразрешимая проблема» [Культурное строительство в РСФСР 1985: 64, 68].

Однако к 1932 г. в Чечне были обучены грамоте 69 333 человека взрослого населения, в том числе 2120 женщин. В 1931 г. там же открылся национальный театр [Чеченцы 2012: 86]. В 1923 г. в Ингушетии начала выходить газета «Сердало» («Свет») на ингушском языке. Публицист восторженно писал: «Тысячи книг брошено в аулы и ущелья Ингушетии. Взрываются социалистическими тракторами вековые устои невежества и предрассудков» [Перебийнос 1933: 64]. К 1939 г. доля грамотных ингушей достигла среди мужчин 63,1 %, среди женщин — 15,7 % [Ингуши 2013: 80].

Аналогичная работа проводилась и схожие результаты достигались во всех автономиях региона. Возникавшие проблемы и сложности с трудом, но в целом разрешались. В начале 1930-х гг. Черкесский обком ВКП(б) обсуждал вопрос о создании письменности для абазин, составлявших 40 % коренного населения области, но не имевших своей письменности, и потому школы в занимаемых ими населенных пунктах не были коренизированы [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 308].

На национальных языках издавалось довольно большое количество разнообразной литературы (в частности, на чеченском языке появилась брошюра «Как работница и крестьянка управляет советским государством») [Алиев 1928: 243].

В 1928 г. Дагестанский обком партии принял постановление о создании Института дагестанской культуры путем расширения уже существовавшего с 1924 г. научно-исследовательского института. В 1931 г. был открыт Дагестанский педагогический институт, функционировало несколько педтехникумов [Османов А. 2007: 390, 396, 405]. Во второй половине 1920-х гг. в регионе уже существовала сеть «общегорских» техникумов: кооперативного, медицинского (для женщин), индустриального [Алиев 19276; 1927: 17]. В 1925 г. в Чечне была создана краеведческая комиссия, через три года преобразованная в научное общество, а в 1930 г. — в научно-исследовательский институт. Тогда же НИИ появились в Северной Осетии и Ингушетии. В 1932 г. был организован Карачаевский научно-исследовательский институт. Все эти учреждения достаточно активно проводили соответствующие исследования и выпускали печатную продукцию.

В Крае появилась сеть краеведческих музеев: в 1921 г. — в Нальчике, в 1923 г. — в Махачкале, в 1924 г. — в Грозном и т. д. В последнем под краеведческий музей, цель которого была отразить историю и культуру чеченцев, было передано здание Грозненского городского музея, в котором значительную часть до этого составляли материалы, связанные с казачеством. Кардинальные преобразования пережил Естественно-исторический музей, в 1893 г. созданный во Владикавказе при Терском областном статистическом комитете. В 1926 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) принял решение о слиянии его с Донским музеем и перебазировании в г. Ростов-на-Дону «с тем, чтобы преобладала в работе музея линия по изучению культуры горских народов, переименовав в музей Северо-Кавказских народов, сохраняя и развивая работу музеев национальных областей». Фонды Донского музея были переданы вновь сформированному музею (в постановлении оговаривалось, что культура Донской области хорошо отражена в Новочеркасском и Таганрогском музеях, так что коллекциями ростовского музея можно поступиться) [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 323. Л. 5, 68].

В качестве отделения «Восток-кино» было создано объединение «Горское кино». Первым на нем был отснят фильм «В горах Кавказа». Предполагалось создать ряд «горских культурно-этнографических фильмов» (и некоторые появились), а в качестве первой художественной ленты — кинокартину «Зелимхан», посвященную знаменитому абреку. Данный фильм также был отснят. Однако, как отмечалось в рецензии, ожидание зрителей не было вознаграждено [Зелимхан 1929: 76]. Не были удовлетворены и высокопоставленные чиновники — уроженцы Кавказа, ссылавшиеся на мнение народа. «Отдельные попытки нашего кинопроизводства, — писал неоднократно упоминавшийся ранее Умар Алиев, — создать восточные фильмы еще не увенчались успехом. Так, например, по свидетельству националов, „горцы стыдятся навязанного им конфетного абрека“... „Нашего подлинного сурового Востока еще не было на экране“». Он же отмечал, что хроники значительно больше и лучше удовлетворяют население национальных областей, и предлагал делать ставку именно на них [Алиев 1926: 54, 55]. В свете указанного появилась кинокартина «Открытие города Микоян-Шахар». Кадры видеоряда сопровождал текст:

День 10-й годовщины Октябрьской революции ознаменовался для трудящихся Карачая великим торжеством... При слиянии рек Кубани и Теберды состоялось открытие города, будущей столицы Карачая — Микоян-Шахар... И толпы ликующих карачаевцев, гордые своим достижением, двинулись в город. С затаенным дыханием ловя каждое слово о Ленине, об Октябре, о достижениях советского правительства... Карачаевцы веселятся. От грязного быта, от темноты и некультурности — к новой светлой жизни при социализме [ГАРО. Ф. р-63. Оп. 1. Д. 9. Л. 77].

В это время в плане культурного строительства было сделано многое. В свете реализации популярного в это время лозунга о формировании нового человека, «человека новой эпохи» (см.: [Плаггенборг 2000: 39, 56]), например, в Нальчике был создан Ленинский учебный городок, повсюду обращалось внимание на работу комсомола и на работу среди женщин²⁴.

Впрочем, созидательная работа была крайне политизирована.

Выступая перед студентами Коммунистического университета трудящихся Востока, Сталин в 1925 г. говорил:

Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. [Сталин 1947д: 138].

Тезис о социалистической по содержанию и национальной по форме культуре стал чрезвычайно популярным идеологическим штампом. Его активно использовали в СССР до второй половины 1980-х гг.

Однако учет особенностей быта, подразумевавший традиции конкретного народа, почти в абсолютном измерении был формальным.

«Величественному росту коллективных хозяйств, — говорилось в протоколе заседания Главполитпросвета РСФСР, состоявшегося в ноябре 1928 г., — не соответствует рост культурности населения колхозов» [Культурное строительство 1986: 14]. Центру вторили на местах. В партийном документе, появившемся в Дагестане в 1930 г., говорилось:

Широкое колхозное движение, усиленное наступление на кулацкие элементы аула со стороны рабоче-батрацких масс явились базой мощной тяги трудящихся к знанию, культуре. Громадный наплыв в школы... наплыв в ликпунк-

²⁴ Усилия по формированию «человека новой эпохи» имели результаты. Из газетной публикации первой половины 1920-х гг.: «Горская молодежь, застывшая на первобытных ступенях культуры и не принимавшая почти участия в укреплении Советской власти в Адыгее в силу бытовых особенностей и уклада жизни теперь быстрыми шагами идет вперед, пополняя ряды РКП и ставши на работу в Советы и Исполкомы, сменяет весь тот элемент, который не был пригоден для проведения великих предначертаний Октября» [Мишуриев 1923]. Другой пример — заявление комсомольца из горного дагестанского селения, датируемое первой половиной 1930-х гг. «Приветствуя постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР как важного документа, обеспечивающего создание возможности для зажиточной радостной жизни трудящихся нашей великой социалистической страны у меня возникает большое желание переселиться из малоземельного р-она горного Дагестана в многоземельные р-ны Казакстана или Поволжья и другие места. И много честных тружеников также требует скорого разрешения этого вопроса» [ЦГА РД. Ф. р-411. Оп. 1. Д. 10. Л. 28].

ты... тяга на курсы в техникумы и в прочие культурно-просветительные учреждения. Таковы результаты начала культурной революции в Дагестане [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1362. Л. 26].

Достаточно трезвый и уходящий от использования идеологических клише взгляд на осуществление культурных преобразований, которого придерживались, судя по всему, немногие из тех, кому предоставлялось право голоса, формулировался так:

Для Ингушетии и Чечни и вообще для любой из наших горских областей имеет важность не только то, что в ней появляются фабрики, заводы, возникает сеть школ и культурных учреждений, вырастут крупные городские и промышленные центры, что завтрашний день принесет им уголки Америки и Англии, что в них появляются новые люди, которые заведут новый уклад жизни. Для них более важно получить не вообще фабрику, школу, больницу, промышленность и культуру, не вообще видеть у себя уголок Америки, говорящий о материальном росте, а создать все эти культурные блага своими собственными силами, национализировать, так сказать, культуру, превратить ее в плоть и кровь народных масс. Сделать ее достоянием всенародным. Но разумеется, что все это возможно лишь на основе процессов, идущих изнутри.

И в связи с этим особую актуальность обретал вопрос о качестве национальных культурных сил, об их масштабности и дееспособности «в вертикальных и горизонтальных разрезах», о размерах ее «квалификации... в смысле источников получения ее» [Самарский 1928: 205].

Однако на деле работа практически всех структур, связанных с образованием, культурой, наукой, была подчинена демонстрации воплощения в жизнь сталинского тезиса о культуре в новых условиях.

Краеведение было расценено как один из «самых основных путей строительства национальной по форме и социалистической по содержанию культуры» и как мощный рычаг «по втягиванию масс в социально-экономическую и культурную революцию» [Лихницкий 1930: 265]. При этом новое содержание краеведения принципиально отличалось от старого. Осенью 1930 г. ЦК ВКП(б) разослал во все автономии страны циркуляр, в котором говорилось:

На современном этапе социалистической реконструкции с особой остротой выдвигается необходимость изучения и учета производительных сил страны и условий развития культуры. Работа эта не может быть выполнена одними государственными научными учреждениями, если к научно-исследовательской работе не будут привлечены массы рабочих, крестьян и советской интеллигенции. Эту научную работу в настоящее время следует тесно связать с краеведческим движением — колхоза, предприятия... Особое значение краеведение приобретает в национальных районах. Вся краеведческая работа может действительно широко развернуться, если будет связана с массами и будет составной частью работы по ликбезу, всеобучу, клубной работы... [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1352. Л. 1].

В национальных автономиях помимо исследования производственных возможностей территорий краеведческая работа включала изучение местной истории, языка коренного населения [ЦГА КЧР. Ф. р-307. Оп. 1. Д. 73. Л. 73].

Вместе с тем при всем внимании к изучению разных аспектов собственно национальной культуры акцент в культурном строительстве все-таки ставился на развитии экономики национальных окраин. «Мы не можем, — говорила

Н. К. Крупская на 1-й сессии Центросовнацмена, действовавшего при Народном комиссариате просвещения, — рассматривать вопрос о национальной и интернациональной культуре вне зависимости от вопроса экономического развития. Мы не смотрим на этот вопрос, как на нечто такое, что оторвано от экономического развития...» [Крупская 1928: 7, 8].

В согласии с подобной установкой лозунг «борьбы за пшеницу» подавался как «борьба за культуру». Публицист писал:

В горах Северного Кавказа пшеница, засеваемая на местах старого кукурузного клина, является пионеркой культуры, бунтаркой, разрушающей замшелый быт. Здесь, в горных аулах, она проповедует советскую культуру не хуже любой электростанции или школы. Ибо вместе с собою она несет новые навыки и современные культурные способы питания горской семье [Мугуев 1931: 59].

Руководители Карачая с самого начала установления советской власти призывали расширять посевы озимых ржи и пшеницы [ЦГА КЧР. Ф. р-307. Оп. 1. Д. 2. Л. 23]. Позднее они же заявляли:

Карачаевцы, которые испокон ведут скотоводческое хозяйство, фактически не умеют его вести, не умеют получать от своего хозяйства пользу, которую можно было бы получить при правильной организации, поэтому оказанию агрономической помощи нужно уделить больше внимания, чем до сих пор было, без этого никакой разницы между колхозами и крестьянскими хозяйствами не будет [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 15а. Л. 11].

Одновременно ставился вопрос о невозможности создания колхозов со скотоводческим профилем хозяйства (таковые якобы были возможны лишь при ориентации их на земледельческий труд) [Там же. Л. 15].

В первой половине 1920-х гг. во Владикавказе работал Северо-Кавказский институт краеведения. В 1926 г. он был переведен в Ростов и переименован в Горский краевой научно-исследовательский институт краеведения. Работа нового учреждения была нацелена на «более определенные и практические задачи». По автономиям была разслана информация, в которой говорилось:

Объектом (нового учреждения) являются исключительно горские национальные образования С. Кавказа в своем целом, и характер... работы научно-исследовательский: всестороннее изучение всех материалов, касающихся автономий в их прошлом и настоящем, обследование различных сторон их народного хозяйства, экономики и вообще культуры... [ГА КЧР. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 25. Л. 338—338 об.].

Как отмечалось в том же документе, новый институт «притянул к себе научные силы как в краевом центре, так и на местах, установил тесный контакт в своей работе с выдающимися учеными нашего Союза, работающими в области краеведения и в частности в области познания горских стран и народностей» [Там же].

В Москве был создан Музей народов СССР. Его этнографические коллекции основывались на собрании функционировавшего до революции Румянцевского музея (подробнее о МН СССР см.: [Ипполитова 2001]). Однако экспозиция вновь созданного музея была идеологически выстроенной, выве-

ренной²⁵ и потому имела экспозицию, посвященную гражданской войне на Северном Кавказе. По плану последняя должна была включать диораму «Августовские события во Владикавказе в 1918 г. Бой под руководством т. Орджоникидзе», масштабные живописные полотна «Учредительный съезд Советов Горской Республики. Речь т. Кирова», «Выступление т. Сталина на Первом Вседагестанском съезде Советов. Провозглашение автономии» и т. д. и т. п. По поводу создания экспозиции, включая картины, администрацией вновь созданного музея велись переговоры с руководителями автономий. Специалисты с мест вносили поправки в план экспозиции. В частности, из Дагобкома ВКП(б) было направлено письмо, в котором говорилось, что включенная в экспозиционный план картина «Восстание в Ахтах в 1905 г.» должна быть заменена чем-либо другим (прилагался список предложений, состоявший из 12 пунктов), ибо такого восстания не было [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3492. Л. 9—10, 13]. Идеологизированные история и современность заменяли старые представления о краеведении. Центральный музей Республики Дагестан организовал отдел строительства социализма, где были наглядно представлены соответствующие достижения [Культурное строительство 1986: 99].

Историки, занимающиеся исследованием культурного строительства в СССР в 1920—1930-е гг., подчеркивают необходимость разделять соответствующую деятельность на три этапа — начало 1920-х гг., переход от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике и этап, наступивший в ходе начала коллективизации сельского хозяйства и форсированной индустриализации, который аргументированно можно соотносить с понятием «сталинизм» [Плаггенборг 2000: 13 и след]. Архивные материалы рельефно иллюстрируют подобные заключения, особенно касающиеся последнего этапа.

В 1930-е гг. по-новому стала оцениваться работа филологов по корректировке терминологии и по установлению грамматических правил во вновь создававшейся письменности национальных языков. Так, группа лингвистов, занимавшихся созданием абазинской письменности и отдавших предпочтение одному из двух диалектов этого языка (вопреки мнению членов бюро Черкесского обкома ВКП(б)), была обвинена в сознательном срыве введения письменности, издания букваря, «тем самым отрицая возможность строительства абазинской национальной по форме, социалистической по содержанию культуры» [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 60. Л. 21]. Критике подвергалось использование в периодике и художественной литературе арабских и тюркских терминов вместо «интернациональных» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3597. Л. 33—44]. Естественно, что наиболее острым стал вопрос о переводе на национальные языки текстов выступлений Сталина, статей Ленина, а возможные ошибки и неточности в оных расценивались как явное вредительство антисоветски настроенных буржуазно-националистических групп и отдельных лиц [ФГАКЧР ЦДНИ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 60. Л. 116; ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3597. Л. 22].

²⁵ Нарком просвещения А. С. Бубнов в приветствии Первому съезду музейных работников (1930) отмечал: «Приходится констатировать, что музейная сеть и музейная работа в большей степени, чем какая-либо иная отрасль советского строительства, сохранила в себе значительные пережитки отсталости, отрыва от актуальных задач борьбы и строительства сегодняшнего дня...» [Культурное строительство 1986: 55].

Национальная литература также развивалась под воздействием советской идеологии. Многие из маститых авторов откликались на происходящие изменения в жизни надлежащим образом. Названия появившихся в это время стихотворений дагестанского поэта Сулеймана Стальского, названного Максимом Горьким «Гомером XX века», были весьма красноречивыми — «Наша власть», «Выдача девушки за старика», «Против поста». Утверждается, что подобные вопросы искренне волновали поэта, были созвучны интересам широких масс [Османов А. 2007: 397], хотя можно говорить и об известной конъюнктурности новой творческой тематики талантливого литератора. В это же время в каждой автономии появились плеяды молодых писателей и поэтов. Для новой власти было важно их социальное происхождение и социальное положение, в первом случае желательно из бедняков, во втором — важна принадлежность к колхозникам, допустима — к кустарям, учащимся (списки писателей, поэтов, ашугов Дагестана см.: [ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4128. Л. 14—16]).

Инструктор культпросветотдела Дагестанского обкома ВКП(б) С. Якубов докладывал в 1938 г. первому секретарю обкома М. Ф. Сорокину:

Марксистско-ленинская критика литературных произведений не организована, литературной и политической учебы писателей нет, творческие секции не работают, не было ни одного собрания в связи с разоблачением авербаховцев — троцкистских агентов в литературе, все эти моменты говорят о том, что ничего не сделано для повышения идейно-политического уровня писателей... (и это) привело к созданию слабых ошибочных произведений в Дагестане [ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4128. Л. 1].

Конкретные писатели и поэты обвинялись другими литераторами и филологами в воспевании единоличника и кулака и, соответственно, по меньшей мере в политической незрелости [ЦГА РД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3597. Л. 21—23]. Доносительство вошло в практику не только общественной жизни как таковой, но и литературного процесса, научных исследований и т. д. Коренному изменению подверглась традиционная «картина мира» народа, в которой должное отдавалось рачительному хозяину, четко структурировались половозрастные функции. Утверждение идеологов нового политического порядка, что были учтены особенности быта едва ли не всех народов многонациональной страны, оказалась лишь красивой фразой.

Трудно не согласиться с исследователями истории Кабардино-Балкарии, которые пишут, что «советской власти нужно было разорвать связь времен, преемственность культур и поколений, чтобы на образовавшейся „чистой доске“ (tabula rasa) написать письма новой идеологии» [Боров и др. 1999: 56]. Вспомним приведенные выше примеры отношения главы Кабардино-Балкарии Б. Калмыкова к народным традициям. Дополним их формулировкой, определявшей задачи олимпиады искусств, организованной в этой автономной области в 1931 г. при том же руководителе:

Сдвинуть с места, дать определенную политическую установку в самодетельном искусстве, просмотреть лучшие образцы и направить на правильный путь — одно из важнейших условий олимпиады. В Задачи олимпиады входит организация политического и методического руководства самостоятельными единицами и художественными кружками... направление их творчества на выполнение задач строительства социализма в нашей стране, выявление самород-

ков, талантов и создание условий для их совершенствования [Культурное строительство 1985: 87].

Хотя, надо признать, в сопровождающем изложенную выше оценку современных исследователей уточнении краски излишне сгущены:

Конструктивные начала в сфере образования не идут ни в какое сравнение с деструктивными, катастрофическими результатами «культурной политики» национальной автономии [Боров и др. 1999: 56—57].

Трудно предположить, что в условиях активной и широкомасштабной индустриализации страны и других не менее масштабных социальных и социально-экономических преобразований могло происходить «ослабление... этнического воспроизводства» [Там же: 57].

Идеологи и практики советского государственного строительства смотрели на национальную культуру под углом зрения собственных политических задач, манипулируя этим понятием и его содержанием в зависимости от обстоятельств конкретного момента, а на публике — в зависимости от аудитории. И следует признать, что большей частью они оперировали словесными штампами. М. Калинин говорил:

Первая ступень действительного культурного развития — это есть обретение собственной национальности, это есть первый шаг культурного развития и первый шаг политического самоопределения. Поэтому, я говорю, мы и стремимся оберегать национальности, создать прообраз государства, будущего коммунистического государства [Совещание уполномоченных 1928: 3].

Однако словесные штампы не мешали, а практические действия центральной власти, включая и область культурного строительства, позволяли политическому активу на местах, в национальных автономиях, осуществлять работу, имевшую цель национального строительства.

О национальном самосознании и нациестроительстве

Ход развития социальных процессов в национальных регионах страны, в большой степени направляемый Центром, так что его представители говорили об обретении «собственной национальности» как «первом шаге культурного развития», а также политические события в регионах поднимали на новый уровень национальное самосознание.

В этом отношении примечательно обращение руководства Чеченской автономной области через своего представителя при Президиуме ВЦИК в ЦК ВКП(б) и ВЦИК в 1930 г. по вопросу переименования г. Грозного в город Нохчи (Чеченский). Аргументировалась просьба следующим образом:

Название Грозный происходит от быв[шей] крепости Грозная (грозная для покоряемых и уничтожаемых чеченцев), которая явилась базой царизма на пути к окончательному покорению Чечни. Гор. Грозный был центром постоянного гнета и издевательств царской администрации над чеченской беднотой... Переименование Грозного вопрос глубоко политический и, помимо вышеизложенного, непосредственно явился следствием политического состояния, сложившегося в Чеченской области за период октябрь 1929 г.—март 1930 г.

Далее в обращении отмечалось, что на почве «перегибов и извращения политики партии в деревне и агитации кулачества и антисоветского элемента в Чечне имели место открытые вооруженные выступления населения против мероприятий советской власти». Жители ряда селений поголовно присягнули в том, что до последней капли крови будут бороться с советской властью. Во избежание развития политического конфликта руководством Чеченской АО был принят ряд мер, в том числе в сельскую местность были завезены зерно и дефицитные товары, были проведены разъяснительная кампания, а также окружные и областные бедняцко-середняцкие и рабочие беспартийные конференции. На последней «в торжественной обстановке» и было принято решение о переименовании г. Грозного в город Нохчи.

Теперь эта весть уже разнесена по всей Чечне и не утверждение этого решения конференции Президиумом ВЦИК'а не будет понято населением и несомненно даст весьма отрицательные результаты в сознании чеченца-крестьянина и даст лишний повод к антисоветской агитации враждебных элементов, пользующихся малейшей к тому возможностью [РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—1 об.].

Фракция ВКП(б) Президиума ВЦИК и Президиум ВЦИК как таковой отклонили это ходатайство [Там же. Л. 4, 5].

Настоящий пример вряд ли правомерно напрямую соотносить с ростом и кристаллизацией этнического самосознания чеченцев, так как соответствующая инициатива появилась в условиях политического кризиса. Однако и сбрасывать со счетов последствия национального строительства через выделение в свое время Чечни в самостоятельную автономную область, затем передачу ей города Грозного, через политику коренизации управленческих структур и осуществление разных элементов культурного строительства также не следует. Рост национального (этнического) самосознания наблюдался повсюду в Северо-Кавказском регионе.

В 1928 г. на самом высоком уровне был поставлен вопрос о передаче г. Владикавказа (в это время являвшегося центром двух автономий — Северо-Осетинской и Ингушской АО) Осетии. На фоне обсуждения данного вопроса был поставлен вопрос о переименовании этого города в город Ирон (иронцы — одна из двух основных и наиболее многочисленная субэтническая группа осетин) [Совершенно секретно 2002, т. 6: 535].

Вообще процесс нациестроительства в Северной Осетии был наиболее впечатляющим. При этом его особенностью являлось то, что в значительной мере он развивался через целенаправленную деятельность по консолидации народа как этнической формы.

Целенаправленная деятельность отмечалась и при решении судьбы ингушей и чеченцев.

Поэтому уделим им особое внимание, в частности приняв во внимание изложенные выше материалы по осуществлявшимся осетинской стороной действиям по жизнеобеспечению нации.

Северная Осетия

Для Северной Осетии урегулирование отношений между дигорцами и иронцами было достаточно сложным и одновременно актуальным вопро-

сом, обусловленным жизненной необходимостью консолидации собственного общества. Разногласия этнокультурного и социального плана²⁶ давали о себе знать в том, что Дигория претендовала на определенную степень автономии, и таковая при установлении советской власти была оформлена через выделение ее в особый Дигорский округ (остальная и большая часть Северной Осетии составляла Владикавказский округ). Разногласия выражались через дистанцирование двух частей Северной Осетии, в своего рода соперничестве между их населением.

Из выступлений на совещании по национальному вопросу, проходившем в Горской Республике в ноябре 1923 г.:

... Нормально ли, когда идет, например, группа товарищей и кричит: «Мы еще с вами поспорим, посмотрим, кто сильнее» ... И это явление ненормальное, оно определенно болезненно. Обезжая Владокруг, я посетил и селение Христиановское, где меня встречают товарищи, которые претендуют на руководство местной партийной организацией, а следовательно, и политической жизнью ее, и спрашивают меня: «Вы откуда приехали, из Иронетии?» На это я им ответил, что я не из Иронетии, а из Осетии приехал. Конечно, может быть, в этой фразе не было ничего особенно предосудительного, но как коммунист я здесь услышал определенную фальшивую нотку, которая больно ударила по моему интернационалистическому уху [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 81. Л. 13].

Проблемы взаимоотношений между дигорцами и иронцами довольно отчетливо проявились и в ходе гражданской войны. Дигорцы в основной своей массе поддерживали красных, тогда как среди иронцев было немало сторонников белого движения²⁷. По крайней мере, об этом — о «революционном прошлом» Дигории — много говорилось в первой половине 1920-х гг.

Из выступлений делегатов пленума городского и областного партийного комитетов ГАССР, состоявшегося в апреле 1924 г.: «...Нельзя нам не считаться с революционным прошлым Дигории» и «...О том, что Дигория считает всю остальную часть Осетии контрреволюционной — отрицать нельзя» [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 62. Л. 8, 19]. И те же делегаты, настаивая на необходимости расследовать вопрос о взаимоотношениях между дигорцами и иронцами, давали, хотя и не исчерпывающие, ответы на него. Отмечалось, что дигорцы, в чьем распоряжении находится больше земли, нежели в других

²⁶ Население Дигории говорило на собственном дигорском диалекте, весьма отличном от иронского диалекта, языка большей части населения, и в значительной своей части исповедовало ислам, а не православие, как остальные осетины (по крайней мере, официально; вопрос можно ставить так, ибо в местной среде мировые религии неплохо уживались с язычеством).

²⁷ Хотя подобные обобщения грешат произвольностью и условностями. Так, начальник почетной горской милиции Дигории в начале 1918 г., говоря об анархии, установившейся в стране по воле большевиков, которые «изошряются над разрушением сравнительно сохраняющегося еще у нас порядка», призывал «всех осетин, любящих свою родину и засижие дома (так в оригинале. — Ю. К.), в ряды почетной милиции родной Дигории» [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 65. Л. 2]. Со схожим обращением к осетинскому народу тогда же выступили командир, офицеры и всадники Второго осетинского конного полка, в чьем воззвании говорилось: «Мы не видим взаимного понимания друг друга, мы не видим единения, мы не чувствуем в осетинах здорового патриотизма — вот истинное проклятие нашего положения...» [Там же].

частях Северной Осетии²⁸, не желают пускать к себе переселенцев из горных районов — «Дигория „наша“, в нее, мол, не надо никого пускать». Не хотели якобы дигорцы пускать к себе в села также советских и партийных работников со стороны [Там же. Л. 16, 19 об.]. А это приходилось делать, ибо незадолго до указанного пленума Дигорский округ был упразднен и присоединен к Владикавказскому (Осетинскому) округу на том основании, что, по оценке представителей советских и партийных инстанций, соответствующая работа в нем велась из рук вон плохо [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 1. Д. 25. Л. 58—59; Оп. 2. Д. 6. Л. 8 об.].

В итоге ситуация рассматривалась как «вражда», «резкий антагонизм» между двумя частями одного народа, переходившие на межличностный уровень.

...Дело дошло до того, что резкие выпады товарищей по отношению друг к другу выходят за пределы возможного... Дело начинает принимать острый и сложный оборот, так как сталкиваются две силы, две отрасли, хотя одной и той же национальности [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 62. Л. 12].

Дигорцы же активно выступали против сохранения Горской Республики, указывая на невыгодность совместной жизни с бедной Ингушетией.

Ситуация выглядела сложной, и она обсуждалась на достаточно высоком уровне, при участии члена Политбюро ЦК партии С. Орджоникидзе и партийного главы Северо-Кавказского края А. Микояна, т. е. представителей Центра.

Из выступления А. Микояна на заседании комиссии ЦК РКП(б) совместно с членами и кандидатами в члены партии Горского обкома от 17 февраля 1924 г.:

Движение в Дигории. Это движение имеет ряд оснований и серьезных, от которых мы уйти никак не можем и против которых мы никаких доводов нигде не слышали... Мы исходим, что движение не новое, и вряд ли, если остановиться на прежнем положении власти в Горреспублике, оно будет изжито, и вряд ли будут правильные взаимоотношения горской организации с дигорской частью, без чего мы не находим возможности нормальной здесь работы [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 121. Л. 4].

В другом месте он же объяснял данную борьбу приходом в политику молодежи, которая стремится занять место во властных структурах, и когда это произойдет, то снимется и острота конфликта [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 20—21].

Так либо иначе, но напряжение во взаимоотношениях между населением и лидерами двух частей Северной Осетии постепенно разряжалось, и в этом допустимо видеть плоды целенаправленной работы руководства ставшей

²⁸ Из информационной сводки политотдела Горской Республики от июня 1922 г.: «Дигорский округ преимущественно населен осетинами, из коих 70 % можно отнести к кулакам-середнякам, 30 % беднота, находится всецело в злостной эксплуатации этих кулаков. Быт горцев так и остался до сего времени фанатичным, т. е. бедный безукоризненно должен покоряться во всех отношениях богатому, молодой — старому, и вот под этим фанатизмом, отчасти новой экономической политикой кулачество подняло голову и опять стало чуть ли не дореволюционное время» [ЦГА РСО-А. Ф. р-41. Оп. 2. Д. 6. Л. 8].

в 1924 г. самостоятельной Северо-Осетинской автономной области, в том числе работы по консолидации «нации» за счет подчеркнутого внимания к культурному достоянию осетинского народа. В конце 1924 г. бюро обкома РКП(б) приняло решение о ежегодном проведении праздника «Джиоргуба» и предложило орготделу и агитпропу проработать вопрос «об установлении национальных праздников» [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 1 об.]. В конце зимы следующего года то же бюро постановило создать Северо-Осетинский центральный научно-исследовательский институт (вместо Осетинского историко-филологического общества и Северо-Кавказского института краеведения), «который будет занят изучением Осетии во всех отношениях, как это предусматривается и в инструкции Главнауки; кроме института должен быть создан музей истории материальной и духовной культур осетинского народа» [Там же. Д. 81. Л. 6]. А через два месяца было вынесено решение «считать жизненно необходимым открытие в Осетии „Дома осетина“, для чего открыть добровольный сбор пожертвований» [Там же. Д. 107. Л. 1 об.]²⁹.

И если в 1925 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома А. И. Микоян, выступая на Второй краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов, заявил, что «на Северном Кавказе мы не получили никаких наций. Они только теперь начинают формироваться» [Стенографический отчет 1926: 170], то деятельность североосетинских руководителей в полной мере отвечала поставленным задачам.

В начале же и в середине 1930-х гг., когда политическая обстановка и идеологическая атмосфера в стране уже достаточно изменились, дигорский, равно как и южноосетинский вопросы единственно значились в планах культурного и языкового строительства.

Из постановления Осетинского обкома ВКП(б) от 8 июля 1934 г.:

1) Утвердить решения объединенной конференции Северной и Южной Осетии по вопросам языкового строительства. 2) В соответствии с решением конференции считать вполне своевременным и необходимым переход на единый литературный язык как в Северной, так и в Южной Осетии. 3) В основу литературного осетинского языка положить иронский диалект с цокающим произношением с максимальным использованием лексических богатств всех других диалектов осетинского языка. 4) Дигорская райгазета «Сурх-Дигора» должна печататься на дигорском диалекте до усвоения основной читательской массой литературного языка. С этой целью «Сурх-Дигора» должна периодически популяризировать на своих страницах литературный язык.

Обучение в школах Дигории в свете данного решения следовало перестраивать постепенно, молодым дигорским писателям пока разрешалось печататься на родном диалекте, но их призывали скорее овладевать литературным

²⁹ Известные нам источники не проясняют вопроса о том, что собой представлял или должен был представлять «Дом осетина». По аналогии с открытым в это же время в Сунженском округе «Домом казака», основные цели которого в первую очередь сводились к агрономическому просвещению местных жителей, а уже потом к культурно-просветительной и справочной деятельности среди них [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1023. Л. 17—18], а в Краснодаре «Домом крестьянина» [ГАКК. Ф. р-686. Оп. 1. Д. 3. Л. 117 об.], можно предположить, что и функции «Дома осетина» ограничивались ими же. Однако отмеченная в постановлении «жизненная необходимость» создания последнего и сбор средств на него допускает предположение о перестановке акцентов в задачах по его организации.

языком. По всем вопросам языкового строительства и издательской работы предписывалось осуществлять широкие контакты с Южной Осетией [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1. Оп. 2. Д. 457. Л. 8—9].

Отголоски дигорского «сепаратизма» в эти годы еще могли давать о себе знать. Но они были редкими и к тому же весьма «безобидными».

Так, в 1936 г. один из осетинских деятелей культуры, в целом восхваляя достижения советской власти, осмелился «разделить» осетинский народ на три «племени» — иронцев («составляющих ядро осетинского народа»), тигульцев (правильно «тигуальцев» или «двалов». — *Ю. К.*) и дигорцев, всех «говорящих на разных языках». При этом он отдавал «должное», судя по всему, одноплеменникам:

Кряжистые, суровые дигорцы — из осетин самые культурные, настойчивые и упорные в труде... В нашей стране широко известна героическая борьба дигорских партизан — «керженистов» — с бандами денкинских генералов... [Мугуев 1936: 47—51].

Естественно, что он был причислен к буржуазным националистам³⁰, а с ними в то время по всей стране велась открытая борьба. Редакция журнала, опубликовавшего статью Х. М. Мугуева, вскоре высказала сожаление об этом (очевидно, ей было предложено это сделать) и опубликовала заметку другого автора, который развенчивал «гнилую нить обмана» и нацеленность «врага» «повернуть колесо истории назад... чтобы как-нибудь да вбить клин в мощно развивающуюся осетинскую культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию» [Бадоев 1937: 81—83].

* * *

Для Осетии национальный вопрос был значимым и потому, что помимо Северной существовала Южная Осетия³¹.

В ходе революционных пертурбаций вопрос об объединении двух Осетий поднимался в той или иной форме.

В середине июня 1917 г. во Владикавказе состоялся съезд делегатов Южной и Северной Осетии³². От южных осетин прозвучали призывы к объединению народа, «ибо в единении сила и залог расцвета нашего края». Однако, обсудив этот вопрос, съезд вынес решение, что политическое и администра-

³⁰ Еще до этого в периодической печати появлялись нарекания в адрес представителей «осетинской националистической интеллигенции, которые социалистическое перевоспитание колхозника и борьбу с пережитками родового быта рассматривают как простое культурничество» [Кулов 1933: 60].

³¹ Вопреки утверждениям современных грузинских историков и политиков об изобретении Юго-Осетии советской властью, сошлемся на обстоятельно изучившего и описавшего Грузинское царство исследователя второй половины XVIII в. И.-А. Гильденштедта, который выделял на территории одного осетинские округа, объединяя их в «Ю[жную] Осетию». Информацию он собирал непосредственно на месте и дополнял ее сведениями, полученными от грузинских чиновников [Гильденштедт 2002: 181—183].

³² В архивном деле разночтения. Хотя само оно называется «Съезд делегатов Северной и Южной Осетии в 1917 г. в г. Владикавказе в связи с Октябрьской революцией», в нем содержатся материалы съезда, состоявшегося 15 июня того же года [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 36].

тивное объединение двух Осетий зависит «от решения общего политического устройства всего Российского государства... В этом отношении съезд признает желательным учреждение Всероссийской Демократической Республики... Если... Кавказские народы получают территориально-национальные автономии, то осетинам Северной и Южной Осетии предоставляется право на самоопределение». На текущий же момент правомерно говорить об объединении «только в области культурно-просветительных заданий». Это предполагало координацию школьного обучения в обеих Осетиях «в деле управления и программы», а также объединение всех приходов и образование из них самостоятельной Осетинской епархии «для улучшения религиозно-нравственной жизни осетин», что не ставило под сомнение ее «лояльность и неразрывность с православною всероссийскою церковью», был поставлен также вопрос об отделении церкви от государства» [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 36. Л. 2—7].

В дальнейшем на повестку дня был поставлен вопрос о полномосном объединении Северной и Южной Осетии. Инициатива исходила от южноосетинской стороны.

В самой Южной Осетии события развивались в согласии с планами местных политических лидеров той поры. Начальник Цхинвальского отряда военного министерства Республики Грузия ген.-майор Кафалов доносил по инстанции в мае 1919 г.:

...Особенно неблагополучен... Южно-Осетинский район, где местный национальный совет, присвоив себе власть законодательно-административную, тайно направляет свою преступную деятельность к полному политическитерриториальному отчуждению Южно-Осетии от Грузинской Республики и слиянию ея с Северной Осетией. Поэтому я полагал бы теперь же в корне разрушить эту противоправительственную организацию и с этой целью пройти с войсками республики весь Южно-Осетинский район и надежно занять государственную границу с Терской областью, дабы предотвратить слияние Южной Осетии с Северной и оградить Республику Грузия от вторжения контрреволюции с Северного Кавказа [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 41. Л. 1].

После осуществления данного плана (вызвавшего большое количество жертв и беженцев из Южной Осетии) (подробнее см.: [Тогошвили 2012: 405—418]) вопрос об объединении двух Осетий не сходил с повестки дня. В 1921 г. в правительстве Горской Республики обсуждался вопрос о ее границах в связи с вероятным присоединением к этой «федерации» Южной Осетии [ЦГА РСО-А. Ф. р-82. Оп. 1. Д. 1. Л. 12]. В дальнейшем эта тема получила совершенно другой оборот.

Весной 1925 г. в Северной Осетии была создана комиссия, в задачу которой входило решение вопроса об административном устройстве «будущей объединенной Осетии» [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 118. Л. 2]. С этим вопросом они стали активно выходить на первых лиц государства.

23 мая 1925 г. Сталин отправил шифротелеграмму Микояну, в которой говорилось следующее:

Был у меня Токоев (С. А. Токоев, в то время ответственный секретарь обкома РКП(б) во Владикавказе. — Ю. К.) и другие осетины (руководящие партийные и советские работники Северной и Южной Осетии. — Ю. К.). Внимательное ознакомление с делом убедило меня в том, что можно было бы согласиться на объединение Северной и Южной Осетии в Автономную Республику в

составе Грузии. Есть основание думать, что ингуши будут возражать, так как план объединения двух частей Осетии может облегчить дело перехода Владикавказа в руки Осетии. Поэтому надо обмозговать этот вопрос со всех сторон... Осетинский план присоединения к Осетии Моздокского района фантастический и совершенно неприемлем, о чем я и сказал осетинам. Думаю, что излишек осетинского населения можно было бы переселить на фондовую землю, с тем чтобы потом составить из осетинских сел национальный район с исполкомом, подчиненным Ростову. Обо всем этом я пишу от себя лично. Сообщите мнение крайкома [ЦК РКП(б) 2005: 283].

Через два дня, т. е. 25 мая, Президиум ВЦИК на своем заседании обсуждал вопрос «Об объединении Юго-Осетинской области с Северной Осетией и о преобразовании двух областей в Автономную Республику». Постановили «поручить секретарю ВЦИК тов. Киселеву согласовать с Северо-Кавказским крайисполкомом и Грузинским ЦИК вопрос о возможности объединения» [ЦК РКП(б) 2005: 283].

На состоявшемся в начале июля VII пленуме Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) А. И. Микоян по означенному вопросу говорил следующее:

В плоскости разрешения стоит вопрос об Осетии. Имеется два осетинских объединения, одно объединение североосетинское, входящее в СССР (так в оригинале. — *Ю. К.*), другое — это южное. Их отделяет хребет, но промежуточно других народностей между ними нет, и их разделяет только хребет. Товарищи осетины, как южные, так и северные, высказывались на своих съездах за объединение. Бюро крайкома, обсуждая этот вопрос, считает, с точки зрения самоопределения национальностей, что это предложение осетинской нации приемлемо. Но бюро крайкома не закрывало глаза на ряд препятствий и трудностей на этом пути, которые могут отразиться некоторым нарушением равновесия, взаимоотношения национальных сил, которые находятся у нас на Северном Кавказе. Мы, как политики, должны предотвратить угрозы и опасности. Отдельные экономические и другие затруднения устранимы, и они в меньшей мере имеют значение, чем политические. Возможно разрешение этого вопроса политически, считаясь с тем, что это объединение вызывает необходимость перехода в состав Грузии. Возможны две вещи: или объединение Северной и Южной Осетии в составе РСФСР, или в составе Грузии. Может быть, с точки зрения экономической и политической, им было бы лучше быть в РСФСР, но с точки зрения общей политики придется быть в составе Грузии. Эти вопросы обсуждаются во ВЦИК'е РСФСР, в Закавказском и Осетинском ЦИК'е, будут решены ВЦИКом и в последующем будут утверждены ВЦИК СССР и Грузии в Закавказье [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 95. Л. 21—22].

А за месяц до этого он написал Сталину.

...Включение объединенной Осетии в состав Грузии и переход в Закавказье ставит под угрозу установившиеся межнациональные взаимоотношения среди национальностей Северного Кавказа и может явиться брешью в недавно организованном Севкавказе...

Это, по его оценке, могло явиться прецедентом для претензий Чечни, Кабарды и других областей Края на преобразование их в республики, что, в свою очередь, привело бы «к полному обособлению горских народов от казачьей и вообще русской части Севкавказья» через передачу их в состав Закав-

казья либо образование федерации северокавказских горских народов, что вывело бы их из состава РСФСР [ЦК РКП(б) 2005: 286].

Практически тогда же 1-й секретарь Закавказского крайкома партии Г. К. Орджоникидзе телеграфировал Сталину о встрече с Такоевым и другими товарищами из Осетии и об их беседе по соответствующему вопросу.

Они уверяли, что ты дал согласие на такое объединение. Сегодня получен официальный запрос ЦИК СССР. Прошу дать директиву.

Сталин ответил Орджоникидзе:

Лично я не возражал против плана осетин, но ввиду поступивших возражений Юговоста я очень колеблюсь и не решаюсь дать никаких советов. Очень бы просил тебя отложить ответом до нашей совместной встречи с Микояном [Там же: 283].

Июлем—августом того же 1925 г. датируется письмо, направленное Сталиным в Политбюро. Оно интересно не только его личным взглядом на данный вопрос (и изменением оного в связи с уточнением обстоятельств дела), но и тем, что передает некоторые общие принципы национально-государственного строительства на новом этапе жизнедеятельности страны. В этом письме Сталин писал:

До сего времени ЦК держался в национальном вопросе той линии, чтобы не препятствовать превращению национальных областей в национальные республики. Предполагалось, что СССР ничего не проиграет от такого превращения, а политический эффект от этого будет положительный. На этом именно основании я высказался недавно за объединение Южной и Северной Осетии... в одну область, с тем что объединенную область превратить потом в Осетинскую Республику. Возможно, что это обстоятельство послужило одной из причин предварительного решения президиума Северо-Кавказского исполкома в пользу объединения двух осетинских областей с вхождением их в Грузинскую Республику в виде объединенной республиканской единицы.

Но теперь живя (в отпуске. — Ю. К.) на Северном Кавказе и присматриваясь ближе к действительности, я вижу, что политика эта, будучи доведена до крайности, обязательно должна породить ряд серьезных минусов, способных затруднить наше политическое положение и в русских, и в нерусских районах. Печальнее всего, что вслед за осетинами вопрос о превращении в республику и выходе из РСФСР с превращением в республику ставят чеченцы. Во-вторых, Дагестан подготавливает вопрос о выходе из РСФСР и вхождении в Закавказскую Республику. Несомненно, что за ними потянутся ингуши и другие. В-третьих, видя все это, казаки (терские и кубанские пока что, а затем заговорят и донские казаки) уже поговаривают об автономии и создании казачьих республик, заявляя, что они «не хуже осетин и дагестанцев», что у них «тоже имеются свои особые интересы», что «незачем обижать русских, отказывая им в том, что уже предоставлено нерусским». Это есть ростки русского национализма, т. е. самого опасного вида национализма.

Далее он писал, что по цепочке подобные политические настроения возобладают и в других регионах РСФСР с требованиями вхождения в качестве республик в СССР, «придется пойти на создание... федерации из Татарской Республики, Башкирской Республики, Киргизской Республики (в то время Киргизией и киргизами называли Казахстан и казахов. — Ю. К.) и пр., прими-

рившись с распадом РСФСР», кроме того, «придется дать удовлетворение нарождающимся „национальным“ стремлениям казаков».

Другая политическая линия предполагала отказ от политики превращения национальных областей в республики, «твердо сказав, прежде всего осетинам, чеченцам, дагестанцам и другим, что они останутся в составе РСФСР». Из этого следовал план конкретных действий: не удовлетворять требования о превращении областей в республики, не санкционировать предварительные решения северокавказской краевой власти об объединении Осетии в составе Грузии, «держат курс на укрепление РСФСР и сплочение вокруг нее ее национальных областей и республик», для чего укрепить бюджет РСФСР с учетом интересов национальных образований и «выдвинуть одним из замов предсовнаркома РСФСР национала» [ЦК РКП(б) 2005: 297—298]. К этой политической линии и склонялся Сталин.

Опасения Сталина и других представителей высшего руководства страны и РСФСР по поводу распада последней определялись тем, что претензии входивших в состав Российской Федерации автономий на повышение своего статуса, которые через год с небольшим (осенью 1926 г.) будут озвучены представителями автономий на «частном совещании» с трибун в Москве (о чем говорилось ранее), уже тогда были вполне осязаемыми.

Упомянутое в письме предварительное решение Северо-Кавказского крайисполкома об объединении Осетии было вынесено 12 июля 1925 г. на заседании Большого Президиума СК КИК. Председательствовал на нем зампред крайисполкома В. Н. Пивоваров, а состав участников включал членов Президиума крайисполкома, кандидатов в оный и членов крайисполкома, одновременно представлявших и национальные автономии края, — Эльдарханова и Хамзатова от Чечни, Мальсагова и Зязикова от Ингушетии, Курджиева от Карачая, Такоева от Северной Осетии, Хакурате от Адыгеи и др. Доклад «Об объединении Северо-Осетинской и Южно-Осетинской областей» делал ответственный секретарь обкома РКП(б) во Владикавказе С. А. Такоев. Постановляющая часть этого заседания содержала следующие пункты:

1. Не возражать против объединения Северо-Осетинской и Южно-Осетинской автономных областей с вхождением нового административного образования в состав С.С.Р.Г.

2. Не возражать против нахождения административного центра объединенной Осетинской области в г. Владикавказе на ныне существующих условиях [ЦАНИГР. Ф. 607. Оп. 2. Д. 3500. Л. 190].

Показательно, что за это решение высказались представители национальных автономий края, очевидно, действительно также строившие планы перебраться из РСФСР в Закавказскую Федерацию³³. Заслуживает внимания и то,

³³ Стремление северокавказских автономий в Закавказскую Федерацию А. И. Минкоян объяснял с точки зрения «общей политики», очевидно, подразумевая культурно-историческую общность Кавказа как такового и всех населяющих его народов. Вспомним, что подобные планы строились и раньше, при осуществлении районирования Северного Кавказа или Юго-Востока России. Возможно, что нацеленность северокавказских автономий на переход в ЗСФСР объяснялась более мягкими на тот момент взаимоотношениями между центральными властями этой федерации и входившими в нее республиками. Хотя уже тогда Абхазская автономия не обладала в Закавказской Федерации особыми правами, но вспомним, что грузинская республи-

что представителей Ингушетии, по-видимому, не смутил вопрос о размещении столицы новой Осетии во Владикавказе, формулировка «на ныне существующих условиях», скорее всего, предполагала сохранение Ингушской АО прав на размещение своих административных структур в этом городе.

Единственно, кто категорически выступил против данного решения, было казачье население Северной Осетии. Где-то через месяц после указанного заседания большого Президиума Северо-Кавказского крайисполкома состоялось новое заседание, на котором председательствовал глава исполнительной власти Края Н. Б. Эйсмонт. В повестке дня значился вопрос «О казачьем съезде в Осетии». Докладчиком по нему был Толмачев. Постановляющая часть обсуждения данного вопроса гласила:

1. Вопрос об административном устройстве казачьего населения в Северо-Осетинской области передать на проработку Орготделу Крайисполкома.

2. Во изменение постановления Президиума от 12/VII с. г. ... считать невозможным передачу Северной Осетии в Закавказскую Федерацию.

Против объединения Северной и Южной Осетии не возражать, но признать целесообразным таковое объединение лишь в случае перехода Южной Осетии из Закавказской Федерации в Р.С.Ф.С.Р. [ЦАНИГР. Ф. 607. Оп. 2. Д. 3500. Л. 185].

Как выразился Сталин, «нарождающиеся „национальные“ стремления казачков» дали о себе знать. Они с очевидностью повлияли на вынесение высшей властью страны окончательного решения, хотя движения в означенном направлении продолжались и позднее.

В начале августа 1925 г. Президиум Закавказского ЦИК слушал вопрос об объединении двух Осетий и вынес постановление — не возражать против соответствующего положительного решения Всегрузинского ЦИК. Особое мнение высказал только член Президиума ЗакЦИК А. Назаретян:

Ввиду того, что в ближайшие пять-десять лет экономическое объединение невозможно за отсутствием путей сообщения (перевал, соединяющий Сев. Осетию с Южной, закрывается на 9 месяцев), разрешение вопроса об Объединении автономных Областей Северной и Южной Осетии считаю преждевременным [ЦАНИГР. Ф. 607. Оп. 1. Д. 332. Л. 4].

Через месяц секретарь Закавказского крайкома РКП(б) Г. К. Орджоникидзе сообщал Сталину, что к нему вновь приезжал Такоев, жаловался на Северо-Кавказский крайком, изменивший свое решение, — теперь ростовская власть однозначно говорила о возможности объединения Осетии только в составе РСФСР. «Решение крайкома (Такоев. — Ю. К.) считает прямо издава-

канская власть не решалась посягать на полномочия центральной исполнительной власти в Автономной области Юго-Осетии. Следует иметь в виду и то, что в эти годы принципы сосуществования республик в той же ЗСФСР были расписаны общо. Примечательно, что в 1924 г. намечалось внести в Конституцию ССР Грузии следующую поправку: «Социалистическая Советская Республика Грузии, объединившись с Азербайджанской Социалистической Советской Республикой и Социалистической Советской Республикой Армения [на началах], изложенных в Конституции Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, входит через нее в Союз Социалистических Советских Республик и заявляет о своей твердой готовности войти в состав единой Международной Социалистической Советской Республики, как только создадутся условия для ее возникновения» [ЦАНИГР. Ф. 607. Оп. 1. Д. 129. Л. 11].

тельством. Я ему посоветовал съездить к тебе»³⁴. От себя Орджоникидзе добавлял: «Более никчемного и неосуществимого решения (северокавказской краевой власти. — Ю. К.) трудно придумать, а здесь дается пища для всякой болтовни о том, что Россия хочет отнять у Грузии Цхинвал» [ЦК РКП(б) 2005: 310].

В итоге вопрос об объединении Северной и Южной Осетии официально был снят с повестки дня. Однако в последующие годы североосетинская сторона настойчиво добивалась предоставления определенных автономных прав осетинскому населению Моздокского района (см. первый параграф настоящей главы). Обсуждение данных вопросов в среде североосетинской интеллигенции происходило в формах «культивирования антагонизма к краевому центру как к представителю „казацкого большинства“, стесняющего якобы национальное развитие осетин», продолжения обсуждения планов объединений с Южной и Моздокской Осетией с созданием центра во Владикавказе и после этого выхода из состава Северо-Кавказского края и вхождения в Закавказскую Федерацию [Там же: 548]. Но это все было желательно или возможно в перспективе. А на текущий момент активно лоббировался вопрос о Владикавказе как столице Северо-Осетинской АО в ее реальных границах. И подобная деятельность возымела результат.

В 1928 г. соответствующее решение было принято краевой властью. 13 октября указанного года бюро Северо-Кавказского крайкома партии по докладу его секретаря А. А. Андреева решило передать Владикавказ Северо-Осетинской автономной области. В постановлении указывалось:

Учитывая тот факт, что за период с момента образования национальных областей имеются значительные успехи советского строительства и укрепления советской власти во всех национальных областях и что перед ними стоят задачи дальнейшего культурно-политического и хозяйственного развития, считать необходимым присоединение города Владикавказа в Северо-Осетинской национальной области, превратив этот город в административный центр Северо-Осетинской автономной области (цит. по: [Национально-государственное строительство 1995: 125]).

Данное решение вызвало эмоциональный подъем среди осетин. В сводке ОГПУ сообщалось:

Весть о передаче г. Владикавказа Осетии вызвала необычайное оживление среди нацинтеллигенции, особенно шовинистической части ее. Передача города была отпразднована нацинтеллигенцией организацией у себя по домам особых вечеров — обедов и банкетов в честь «великого для Осетии события». Встречавшиеся в учреждениях и на улицах представители осетинской интеллигенции приносили поздравления друг другу, высказывая по адресу работников областного руководства «восхищение» и «благодарность» за успехи в политике продвижения национальных интересов. Одновременно нацинтеллигенция значительно оживленнее обсуждает и предпринимает перспективы и дальнейшие шаги национального развития, проводя откровенную пропаганду идеи «Великой Осе-

³⁴ Примечательно, что отчаянное стремление объединенной Осетии войти в состав Грузии происходило всего через несколько лет после подавления грузинскими войсками сепаратистских настроений в Южной Осетии, имевших следствием большое количество человеческих жертв и беженцев, — события, которые в начале 1990-х гг., при новом обострении грузино-южноосетинских отношений, назывались в осетинских СМИ геноцидом осетинского народа.

тии» путем присоединения к Северной Осетии Южной Осетии (Закавказье) и Моздока.

Широко обсуждается вопрос о необходимости возбуждения ходатайства о переименовании Владикавказа в г. Ирон... Группа осетинских профессоров Владикавказских вузов начала пропагандировать уже план реорганизации вузов, проводя мысль об образовании «университета Осетии». Много говорят вообще о необходимости осетинизации города...

Основная масса осетинского крестьянства вопрос о передаче г. Владикавказа Осетии встретила с чувством удовлетворения («все же мы, осетины, победили ингушей»). Одновременно бедняки и середняки выражают боязнь перед неизбежным обострением антагонизма между осетинами и ингушами и усилением бандитизма со стороны ингушей... Передача г. Владикавказа усилила среди служащих осетин враждебность по отношению к ингушам и русофобские настроения, а также требования не медлить с осетинизацией города и «не считаться с ингушами» [Совершенно секретно, 2002, т. 6: 535—536].

Интересы и права Ингушской АО, чьи административные структуры, учебные заведения и переданные при ликвидации Горской Республики промышленные объекты до тех пор располагались во Владикавказе, в соответствующем постановлении не оговаривались. Для проведения организационной работы по передаче Владикавказа Северной Осетии была создана комиссия, которой было поручено подготовить мотивированный доклад по этому вопросу для бюро Северо-Кавказского крайкома.

Постановление Северо-Кавказского крайкома вызвало резкие возражения со стороны секретаря Ингушского обкома ВКП(б) И. Зязикова и председателя облисполкома А. И. Горчханова. Они безуспешно пытались получить объяснение данного решения от А. А. Андреева на внеочередном пленуме Ингушского обкома, однако краевой секретариат ВКП(б) отменил пленум. Тогда бюро Ингушского обкома решило обратиться с данным вопросом в Москву. Центр, судя по всему лицемеря, ответил, что он не в курсе решения краевой власти, и соответствующее известие принял с «неудовольствием» [Совершенно секретно, 2002, т. 6: 126—127].

Сложившееся в регионе положение отслеживало ГПУ. В информации, подготовленной им для Центра по данному вопросу и применительно к Ингушетии, значилось следующее.

Нацруководство. Национальное руководство области, считая решение края «ущемляющим жизненные национальные интересы Ингушетии», «оскорблением революционных чувств ингушского народа» и особенно упирая на то, что решение края о Владикавказе было вынесено без всякого участия и предварительного согласования с ингушской советской и партийной организацией, заняло резко отрицательную позицию, встав во главе движения протеста, охватившего все слои ингушского населения и апеллируя к центру за отмену решения крайкома ВКП.

Нацинтеллигенция. Вся бывшая крупная торговая буржуазия в городе, служившая интеллигенция, кадры бывших ответработников, отведенных от руководства, и другие представители нацинтеллигенции известие о передаче г. Владикавказа Осетии встретили крайне враждебно... Наряду с этим нацинтеллигенция, одобряя энергию областного руководства в борьбе за отмену решения края, настаивает на принятии решительной позиции, рекомендуя не останавливаться перед крайними мерами в этом случае и требовать у Москвы немедленного выделения Ингушетии из краевого объединения...

Крестьянство. Слухи о передаче Владикавказа Осетии вызвали массовый протест среди всех слоев ингушского аула. Во многих аулах состоялись стихийные сходы, выбиравшие ходоков в окружные центры за информацией и выносившие резкие протесты против решения края. В ряде случаев собирались деньги для посылки ходоков непосредственно в Москву. Передача Владикавказа называется «кровной обидой ингушам». В связи с этим отмечается рост антагонизма к осетинам. «Надо собирать оружие и идти бить осетин» — частые возгласы в частных беседах и на сходах... [Совершенно секретно 2002, т. 6: 536—537].

Большей частью негативно известие о передаче Владикавказа Северной Осетии восприняли и русские служащие, проживавшие в этом городе. Они опасались «осетинизации управленческого аппарата» [Там же: 537].

Общее политическое настроение населения Ингушетии и немалые усилия, предпринятые руководством этой автономной области, привели к тому, что 13 декабря того же года оргбюро ЦК ВКП(б) постановило снять с повестки дня вопрос о передаче Владикавказа Северо-Осетинской АО ввиду трудности его практического разрешения. Было и еще одно важное обстоятельство, которое не позволило насकोком преобразовать политическую карту региона. Это нерешенность вопроса «о возможности объединения ингушей и чеченцев». Но об этом чуть позже.

А сейчас сделаем небольшое отступление, дабы пояснить, в каком политическом контексте появлялись подобные решения краевых и центральных инстанций. Центр в это время взял курс на унификацию национально-государственных образований, на ликвидацию своеобразных анклавов на их территориях в виде русских по составу населения городских поселений и сельских районов.

В начале ноября 1928 г., т. е. менее чем через месяц после принятия решения по Владикавказу, Президиум ВЦИК РСФСР постановил упразднить самостоятельный Грозненский округ и включить его в состав Чеченской автономной области. Грозный как самостоятельная административная единица тоже ликвидировался и передавался Чеченской АО. Северо-Кавказский крайисполком подтвердил подобные решения. Немного позднее был ликвидирован и автономный Сунженский казачий округ с передачей большей части его населенных пунктов той же Чеченской АО.

Так что вопрос о судьбе Владикавказа «органично» вписывался в начало перекройки Северо-Кавказского региона и получил свое завершение через несколько лет. Окончательно судьба города была решена в 1933 г., когда, согласно постановлению ЦК ВКП(б) начиная с 1 июля, город Орджоникидзе официально стал столицей Северо-Осетинской автономной области [ЦК РКП(б) 2005: 716]³⁵. Но перед принятием такого решения должны были произойти другие значительные события и знаменательные изменения.

Ингушетия и Чечня

Ингуши и чеченцы — родственные народы, что не подвергает сомнению их самостоятельность. К месту заметить, российская власть в XVIII и XIX вв.,

³⁵ Для справки. В 1944 г. г. Орджоникидзе был переименован в г. Дзауджикау. В том же году Моздокский район был передан из Ставропольского края в состав Северо-Осетинской АССР.

решая военно-политические вопросы, конкретно — вопросы умиротворения Северного Кавказа, противопоставляла одних другим и, в частности, использовала ингушей в качестве действенной военной силы против чеченцев, активно боровшихся с российскими войсками. Известный историк-кавказовед П. Г. Бутков в свое время писал:

В то время наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы кавказского края ссорить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас разными образами чеченские народы с Ингушами и в июне 1783 г. сразились, имев каждая сторона до 1 т. человек... [Бутков 1869, ч. 2: 111].

По большому счету, самостоятельность ингушей и чеченцев никогда не ставилась под сомнение. Однако другой видный кавказовед-этнограф, Б. Далгат, в своей книге, озаглавленной «Первобытная религия чеченцев» [Далгат 1893]³⁶, преимущественно использовал материалы по ингушам, не оговаривая различий в религиозных практиках между этими народами (а таковые были вполне очевидными, так как ингуши приняли ислам позднее чеченцев) и между народами как таковыми. Видный кавказовед П. К. Услар, составитель первой грамматики чеченского языка, считал ингушский язык диалектом первого [Услар 1888: 2]. Автор первого развернутого историко-этнографического очерка об ингушах языковед Н. Ф. Яковлев, ссылаясь в публикации 1925 г. на своих информаторов-ингушей, с которыми он общался во время работы в Ингушетии в 1919 и в 1920—1921 гг. и которые ему говорили: «Различие между нами такое же, как у вас между украинцами и русскими... Но от чеченцев мы совсем отдельный народ» [Яковлев 1925: 33].

Это отмечал тот самый Николай Феофанович Яковлев, который в выступлении осенью 1922 г. на заседании организованного при его деятельном участии Этнографического бюро, теоретически обосновывая национальную политику советского государства, говорил о важности каждой народности, как бы мала она ни была по численности, не только для науки, но и для страны (подробнее см. параграф «Общие замечания» главы 1 части 3).

Однако то ли под влиянием проявившихся новых тенденций в осуществлении национальной политики и национального строительства в СССР и развернутой кампании по унификации алфавитов родственных языков, то ли подпавав под влияние ингушского лингвиста Заурбека Мальсагова (создателя ингушской письменности на основе латинской графики), придерживавшегося особых взглядов на историко-культурные и языковые связи между ингушами и чеченцами, Яковлев изменил свою позицию. Предваряя сведения по этому конкретному вопросу, дадим справку об общественных настроениях и отношении к национальной государственности, отчетливо проявившихся в Ингушетии в 1920-е гг.

Как отмечалось ранее, сразу после выделения Чеченского автономного округа из состава Горской Республики в 1922 г. среди ингушской общественности стал обсуждаться вопрос о перспективах объединения их собственной автономии с Чечней [Бугай, Мекулов 1994: 107]. Активным сторонником та-

³⁶ В название нового издания этого труда была внесена существенная поправка. Новое название: «Первобытная религия чеченцев и ингушей» [Далгат 2004].

кого политического решения являлся Мальсагов³⁷. Фамилия Мальсаговых в Ингушетии была влиятельной, она дала своему народу немалое количество видных деятелей культуры, науки и политики, поэтому тема объединения Ингушетии, ставшей в 1924 г. самостоятельной автономной областью, с Чечней осмысливалась и аргументировалась с разных позиций.

И тот же Н. Ф. Яковлев в другой публикации 1925 г. говорил о чеченском народе, состоящем из трех родственных племен: ингушей, чеченцев и тушинов-бацой (бацбийцев, живущих в Грузии), как о «нарождающейся на наших глазах национальности», складывающейся на основе объединения ингушей и чеченцев «на основе новых экономических условий» и переходящей «от родового быта к быту общенациональному» [Яковлев 1999: 7, 9].

Н. Яковлев и З. Мальсагов ратовали за унификацию письменности чеченцев и ингушей и создание единого литературного языка. З. К. Мальсагов предложил и общий этноним — нахи, общий язык назвал нахским, а территорию, «занятую ими», — Нахистаном [Мальсагов 1928: 3]. Н. Ф. Яковлев внес уточнение в общее наименование чеченцев и ингушей (или, как он выражался, чечено-ингушей «как национальности») — вайнахи или вейнахи [Яковлев 1928: 195—196]³⁸. Оба недвусмысленно указывали на реальность объединения двух родственных народов.

Н. Ф. Яковлев писал:

...Необходимость в общем названии назревает в связи с тем, что теперь среди чеченцев и ингушей все чаще и чаще возникает мысль об объединении, как политическом (слияние двух автономных областей), так и культурном, двух близкородственных по языку и смежно расположенных народов. Конечно, то или иное объединение двух сравнительно немногочисленных народов в один национальный массив в общем явилось бы благотворным фактором, повышающим как материальные, так и культурные их ресурсы (средства).

Далее он отмечал, что административными и культурными мероприятия, исходящими извне, достичь этого нельзя, «но можно и должно создать условия, облегчающие естественный социальный процесс сближения». И в качестве одного из важнейших таких условий он называл «вопрос объединения и согласования (унификации) национальной письменности» [Яковлев 1927: 7—8]. Кроме того, он считал возможным фиксировать «определенную проявляющуюся социальную тенденцию, которая стремится уравнивать как язык, так и культуру на всей чечено-ингушской территории. Господствующие центры таких культурных влияний расположены сейчас на чеченской плоскости, раз-

³⁷ В литературе его фамилия сопровождается инициалом А. Нам не удалось определить лицо с такой фамилией и начальной буквой имени. Возможно, имелся в виду Иналук Мальсагов, в свое время народный комиссар земледелия Горской АССР, в описываемый период заместитель заведующего краевым земельным управлением, а позднее председатель Ингушского облисполкома и член ЦИК СССР. В Ингушетии он работал председателем облисполкома в то время, когда секретарем обкома там был И. Зязиков. Судя по имеющимся данным, между ними были разногласия по принципиальным вопросам, в результате чего И. Мальсагов перешел на работу в Край [Яндиев 2003: 131].

³⁸ Он отмечал, что «в чеченском языке само название „*vaj paħ*“ уже теряет свое непосредственное значение „наш народ“ и находится на пути к превращению в бессмысленный, до известной степени, термин, каким, по большей части, для сознания говорящих и является всякое национальное название» [Яковлев 1928: 196].

вившей более передовой тип сельского хозяйства) (имелось в виду введение в Чечне посевов пшеницы, а не кукурузы). Он говорил о необходимости создания «единого национального промышленного (городского) центра с ядром национального пролетариата и интеллигенции». Именно нового города, ибо Владикавказ и Грозный — это русские городские центры [Яковлев 1928: 198—200].

В свою очередь, З. Мальсагов обозначал дополняющие работу по унификации языков мероприятия, необходимые для достижения «действительного и прочного объединения культурной деятельности» среди нахов (чечено-ингушей). Они включали взаимную информацию в периодической печати, «обмен статьями на обоих наречиях», «перекрестное размещение определенных долей тиражей», совместный план издательской деятельности, создание объединенной терминологической комиссии, издание журнала, нацеленного на сбор фольклорного материала и «разработку общеписьменного нахского языка», ряд мероприятий по линии школьной и краеведческой работы [Мальсагов З. 1928: 9—10].

Среди ингушской и чеченской интеллигенции (как оценивало ОГПУ, «в лице ее националистических групп») движение за объединение двух автономных областей было весьма активным³⁹. Программа соответствующих групп сводилась к следующему (из письменного доклада начальника Информотдела ОГПУ Алексева, датированного первой половиной апреля 1928 г., в ЦК РКП(б)):

1) Чечня и Ингушетия — одного этнического происхождения, родственны по языку, быту и культуре, религии и хозяйственной степени развития (на перечисленное указывал в своих статьях и Н. Ф. Яковлев. — Ю. К.). В пограничных отношениях нет противоречий, а хозяйственная и духовная связь сильна.

2) Соединение, за счет единого аппарата, освобождает все культурные силы и позволяет их равномерное распределение, чем устраняет зависимость от русских культурных сил. Внутреннее районирование облегчает бюджет.

3) Объединение приведет к большей политической независимости. На случай осложнения с краем, можно будет ставить вопрос о вхождении непосредственно в РСФСР, подобно Дагестану. Увеличатся шансы на город Грозный и отчисление больших прибылей от Грознефти. Можно будет поднять вопрос о присоединении части Хасав-Юртовского округа Дагестана в прилегающем к Чечне районе, заселенном чеченским племенем (5 аулов — 17 тыс. человек), что позволит частично разрешить земельную тесноту в нагорных районах...

4) Край уделяет Чечне и Ингушетии недостаточное внимание, в то время как обе области, наиболее потерпевшие от режима колонизации и Гражданской войны, по своим революционным заслугам имеют право рассчитывать и на большие преимущества в деле поднятия их культурно-хозяйственного уровня.

Проект объединения Чечни и Ингушетии усиленно продвигался на протяжении двух лет и продолжает продвигаться в массы, несмотря на запрет со стороны краевых инстанций. Движение постепенно возникает и в среде молодежи. Вопросы объединения, правда. В частном порядке обсуждались на ряде партийно-комсомольских пленумов. Была Попытка поставить их в решительной форме и на чеченской партийной конференции в конце 27 г. Был подготовлен доклад в ЦК ВКП(б).

³⁹ Не остался в стороне от обсуждения данной темы и известный кавказовед Б. Далгат, работавший в то время в Ингушском НИИ. Он писал: «Чеченцы, включая сюда и ингушей, образуют единое, цельное по языку и происхождению племя... считая себя... одним народом» [Далгат 1934—1935: 7].

Лидерами этого движения являются: зав. ОНО Чечни — Ошаев Халил, зав. Облзу — Курбанов и зав. Здравотделом — Хамзатов, а в Ингушетии крупная и родовитая интеллигенция Мальсаговых, стоящая в оппозиции ингушскому элитарному руководству.

Далее отмечалось, что в последнее время «чеченская группа» усиленно отодвигает вопрос о Грозном и «завоевании национальных преимуществ в Грознефти, обвиняя эти организации в великодержавничестве по отношению к Чечне» — город увеличивает численность своего населения за счет приезжих, а не жителей ближайших чеченских селений, отмечая «оскорбительное отношение к представителям чеченской организации и недоверие к ним со стороны грозненских работников», третирование милицией чеченцев, приезжающих на грозненский базар, неаккуратное выполнение Грознефтью обязательств по отношению к Чечне, ограничения на устройство чеченцев на работу в объединение Грознефть. При изменении условий взаимоотношений с администрацией города и промышленной организации представители инициативной группы рассчитывали на назначение заведующим административным отделом Грозного чеченца, принятие в милицию 40 чеченцев, назначение представителей от чеченских рабочих в союз горнорабочих, «что даст маневр, рассчитанный на снижение претензий чеченцев на Грозный», хотя даже в случае слияния города с областью «превосходство русских по выборному городскому соотношению» будет весьма значительным, и потому предполагался вариант преобразования крупных селений — Шали и Урус-Мартана в поселки городского типа, что обеспечило бы увеличение национального представительства на областном съезде Советов примерно на 200 человек.

Завершался этот блок информации следующей фразой: «За последнее время в широких кругах ингушской интеллигенции, ранее осторожно относившейся к идее объединения Чечни и Ингушетии, объединенческие настроения находят широкий отклик» [ЦК РКП(б) 2005: 547—548].

Однако осенью того же года официальными инстанциями было объявлено о передаче Владикавказа Северной Осетии и практически тогда же о полном включении г. Грозный в состав Чеченской АО. В этих условиях, отмечалось в информации ОГПУ, «ингушская интеллигенция, которая до сих пор усиленно культивировала идею объединения с Чечней и „создания единой нации“, в настоящее время в своем большинстве считает, что этот вопрос на длительное время нужно отложить. Это мнение подавляющего большинства ингушской интеллигенции не мешает, однако, лидерам ингушской интеллигенции (в свое время стоявшим у руководства и опиравшимся на кулацко-религиозную верхушку аула) прощупывать настроения в обеих областях в этом направлении, искать и вербовать сторонников объединения этих двух областей» [Совершенно секретно 2002, т. 6: 537].

Параллельно о настроениях в Чечне сообщалось следующее:

Решения края о передаче г. Грозного и Сунженского округа Чечне вызвало в среде нацинтеллигенции сильный подъем настроений и ряд суждений о перспективах Чечни. Недостаток кадров национальных работников дает надежду всей той части нацинтеллигенции, которая в свое время была отстранена от руководства, вернуться вновь к власти. Активных шагов в этом направлении, однако, не отмечено, за исключением агитации о необходимости обеспечения национального контроля над областным руководством во избежание «русского за-

силы». Вопрос об объединении Чечни с Ингушетией встречается среди нацинтеллигенции все меньше сторонников. Вместо этого усиливаются разговоры о своевременности постановки вопроса о присоединении к Чечне хлебного Хасав-Юртовского округа Дагестана... [Совершенно секретно 2002, т. 6: 538].

Впрочем, смещение политических умонастроений в свете указанных событий не было однозначным и прямолинейным. Ситуация с Владикавказом, с возможной и даже вероятной передачей города Северной Осетии в близкой перспективе до известной степени скоординировала программу действий ингушского и чеченского актива. На вскоре состоявшемся заседании закрытого бюро Чеченского обкома партии, где присутствовали и высокопоставленные лица из Ингушетии, основной вопрос свелся к обсуждению будущей судьбы Ингушетии. Прозвучавшие на нем выступления представителей обеих сторон весьма красноречивы.

Павлов (сотрудник ГПУ):

Объединение необходимо, так как нельзя оставить Ингушетию драться с Осетией в связи с вопросом о городе Владикавказе. Срок надо ускорить и объединиться на общем съезде Советов в текущую избирательную кампанию. Практически вопрос можно решить на совместных совещаниях двух бюро.

Ганшин (начальник объединения Грознефть):

...Оставлять сейчас Ингушетию в таком состоянии, как сейчас, нельзя в связи с антагонизмом между Ингушетией и Осетией из-за города Владикавказа. Раз уж Грозненская организация вступила в полосу организационных пертурбаций, то можно пожертвовать еще четырьмя месяцами, чтобы покончить вопрос с Ингушетией и объединиться на ближайшем предстоящем съезде, приступив после к органической спокойной работе.

Кац (заведующий агитационно-пропагандистским отделом Грозненского окружкома):

Оставлять Ингушетию в теперешнем ее состоянии обостренных отношений с Осетией невозможно. При объединении должен быть разрешен основной вопрос, чтобы не нарушать интересов обеих областей. Этот вопрос должен решить край, чтобы не было осложнений. Вопрос о сроке объединения — вопрос расчета: объединяться сейчас или осенью. Во всяком случае, готовиться к объединению нужно немедленно.

Иоанисиани (заместитель председателя облисполкома) высказался за длительную подготовку:

Грозный было легче передать Чеченской области, чем Ингушетию слить с Чечней. В Ингушетии вопрос в низах уже ставился однажды, а в Чечне ни разу не обсуждался. В Ингушетии почва подготовлена, а в Чечне нет. Население Чечни не будет против объединения, но надо провести подготовку, чтобы не было никаких болезненных явлений.

Сомнения вызывали сроки объединения и еще неравноценность готовых к объединению областей и вероятные трения и разногласия как между представителями простого народа, так и между лицами при власти.

Цокиев (председатель облсовпрофа):

Вопрос крайне большой и серьезный, ставить его преждевременно, так как у нас мало подготовленных работников... Если произойдет объединение, то оно должно быть связано с передачей города Владикавказа Ингушетии...

Эсмурзиев (заведующий орготделом обкома ВКП(б):

У нас только постепенно начинает расти актив, а объединение приведет, несомненно, к раздору среди коммунистов Чечни и Ингушетии. Ориентировку нужно иметь на объединение, поскольку у обоих народов одинаковый язык, культура и т. д., но провести это объединение надо через несколько лет.

Банхаев (председатель контрольной комиссии обкома ВКП(б)):

Сейчас Ингушетию как будто навязывают Чечне. Если вопрос осуществится, будут неизбежные трения между работниками Чечни и Ингушетии, которые затормозят творческую работу. Уверен, что если обратиться к низам, то народ то же самое подтвердит.

Гудантов (секретарь Пригородного райкома партии):

В случае объединения Ингушетия попадает в положение между Осетией, которая ее выгоняет, и Чечней, которой ее навязывают. Такое положение недопустимо и невыносимо в отношении ингушского народа.

Дахкильгов (заместитель председателя облисполкома):

Экономика и культура Ингушетии несколько выше Чечни. Это заставит нас обращать больше внимания на Чечню, но так как мы абсолютно слабокультурны, то нам трудно будет разбиваться между Чечней и Ингушетией. Так же в отношении бюджета. Придется нам задерживать ассигнования на рост Ингушетии, пока Чечня не подтянется до нашего уровня. Административная связь значительно ухудшится, так как Владикавказ отойдет к Осетии, а Грозный отстоит слишком далеко. Надо учитывать также, что чеченцы побаиваются захвата со стороны Ингушского актива влияния в Чечне, поскольку актив Ингушетии более сильный. В связи с этим после объединения будем путаться в различного рода дипломатических, склочных вопросах, что затормозит плодотворную работу. Надо пару лет подождать с объединением.

В это же время секретарем Северо-Кавказской краевой административной комиссии Брюховецким была подготовлена для президиума крайисполкома служебная записка «О возможности слияния Ингушской и Чеченской Автономных областей». В ней автор давал пространные характеристики предлагаемых к объединению областей и приходил к следующим выводам:

Несмотря на общность экономики, Ингушетия совершенно не обнаруживает экономического тяготения к Чечне, и экономика Ингушетии растворяется между двумя пунктами экономического тяготения: г. Владикавказом и с. Назрань... Отсутствие экономического тяготения к Чечне и наличие довольно сильно обостренной национальной розни с б. Сунженскими казаками делают невозможным объединение Ингушетии и Чечни в одну административную единицу, учитывая, что единственное шоссе, связывающее эти области, проходит через территорию Сунженского округа, входящего в состав ЧАО... Помимо изложенного, объединение Ингушетии и Чечни создает такое значительное отдаление областного аппарата от низовых органов Ингушетии, что создает полный

отрыв областной власти от населения, каковое положение может создать большие осложнения в области советского строительства Ингушетии.

Подробную справку о возможности слияния Ингушской и Чеченской автономных областей представило в крайисполком и краевое земельное управление, в котором, в частности, говорилось: ДОСЮДП

Производственное и бытовое кооперирование разных отраслей сельского хозяйства может успешнее развиваться при существующих экономических центрах. Объединение Ингушской и Чеченской Автономных Областей с административным центром г. Грозным создает для Ингушетии раздвоенность управления с экономикой и отрицательно отразится на росте производительных сил, реорганизации хозяйства и в кооперативном строительстве. В Чеченской области наличие железнодорожного транспорта с быстрорастущим промышленно-экономическим центром г. Грозным создает внешне благоприятные условия для реорганизации близлежащих чеченских хозяйств с целью обслуживания рабочего населения сельского хозяйства. Но этот промышленно-экономический центр даже в своем будущем росте не может охватить интересы Ингушетии, всецело тяготеющей к городу Владикавказу и городу Назрань. Исходя из всего изложенного, КрайЗУ не может согласиться с возможностью объединения Чеченской и Ингушской автономных областей с административным центром в г. Грозном, тем более что ни одна из рассматриваемых народностей не может получить какого-либо преимущества от подобного слияния, а Ингушетия, безусловно, потеряет [Яндиев // Ингушетия.ру].

Идея объединения не была предана забвению и на другом уровне, хотя решалась уже в ограниченном формате. В октябре 1928 г. Иналук Мальсагов побывал в Чечне, где встречался со сторонниками объединения — Ошаевым, Шериповым, Хамзатовым, с религиозными деятелями: шейхом Гайсумовым и кадием Шамсудином Автахаджиевым, имевшими в Ингушетии основное число своих мюридов, и просил их о помощи в распространении среди населения идеи слияния двух автономных областей [Национально-государственное строительство 1995: 130].

Надлежит отметить, что у идеи объединения был авторитетный противник в лице секретаря Ингушского обкома партии Идриса Зязикова, настаивавшего на сохранении Ингушетией самостоятельности. Однако отношение к нему краевых и московских инстанций было противоречивым, ему инкриминировали соучастие в различного рода преступлениях, позицию в отношении национально-государственного переустройства в регионе именовали не иначе как «зязиковщиной» и, дабы избавиться от нежелательного лица на политической арене, в 1929 г. отправили его в Москву на учебу на курсы марксизма-ленинизма (см.: [Чахкиев 1991]).

Общественные настроения в Чечне и Ингушетии менялись, и существенно, в зависимости от решений Центра, касавшихся административного переустройства означенных областей региона. Вместе с тем надлежит отметить, что муслирование плана объединения Чечни и Ингушетии находилось в контексте «больших» проектов северокавказцев, а именно создания «Великой единой Осетии» через объединение Северной, Южной и Моздокской ее частей и воссоздания «Великой Черкесии» путем слияния Кабардино-Балкарской и Адыгее-Черкесской областей «в одно национальное объединение и переселения из Турции двух миллионов черкесов, выселенных туда царским правительством в середине прошлого столетия». В той же информационной сводке

ОГПУ отмечалось «внедрение в сознание черкесов убеждения, что Черноморье и Кубань принадлежат по историческому праву им (в этой связи вспомним проект организации Единой Адыгейской (Черкесской) ССР, которая объединила бы Шапсугский, Псекупский, Ширванский, Армавирский, Фарский и Баталпащинский кантоны Черноморской губ. — Ю. К.) (см. раздел «К „самостоятельности“ в больших и малых формах» 1-й главы второй части книги), «продвижение вопросов о скорейшей, полной национализации партийного руководства... и постепенном выталкивании из аппарата русского руководства» и др. [ЦК РКП(б) 2005: 550—551].

План создания Нахистана, озвученный языковедом З. Мальсаговым, находился в русле подобных проектов. На фоне перспективных планов появления в Северо-Кавказском регионе двух указанных этнополитических доминант появление третьей, в целом равноценной им силы, доминанты, было оправданно в глазах сторонников ее формирования. Конкуренция на национальной почве в этом регионе практически всегда играла весомую роль. Поэтому постоянно встречающиеся в литературе замечания об инициировании процесса объединения Чечни и Ингушетии Центром не вполне состоятельны. Другое дело, что Центр при оценке общественно-политической ситуации в регионе воспользовался соответствующими умонастроениями в Чечне и Ингушетии и стал разыгрывать эту карту, исходя из своих соображений, дабы противопоставить потенциальному усилению одних частей региона собственную в известном смысле протекционистскую политику по отношению к другой ее части, естественно, производимую административно-командными методами. Центр желал «равновесия» этнополитических сил в регионе, коль скоро игру таковы в политике он не мог предотвратить.

В 1928 г. ЦК ВКП(б) рассматривал вопрос о «возможности объединения ингушей и чеченцев», и Северо-Кавказскому крайисполкому поручалось «разработать вопрос о слиянии Чеченской области и Ингушской» [Ерещенко 1991]. В начале января 1929 г. в Чечню прибыл инструктор крайкома партии Богданов, и по его инициативе был создан местный обком, рассмотревший рекомендацию ЦК ВКП(б) и Северо-Кавказского крайкома о присоединении Ингушетии к Чечне. Были приняты решения о созыве ответственных работников Чечни и Ингушетии для обсуждения данного вопроса, а также о созыве крестьянских сходов и собраний советских и партийных органов обеих АО. В процессе этих обсуждений большинство представителей чеченцев и ингушей, а также членов обкомов обеих областей высказались против объединения. Это вынудило ЦК ВКП(б) и крайком партии снять вопрос с повестки дня [Национально-государственное строительство 1995: 130], что, впрочем, не мешало им действовать как бы исподволь. В первой половине марта 1930 г. Северо-Кавказский крайисполком вынес постановление, касавшееся десятилетнего юбилея победы «трудовых масс горцев Чечни и Ингушетии... над остатками царского самодержавия». По этому случаю, помимо прочего, было велено издать «юбилейный историко-политико-экономический сборник советского строительства в Чечне и Ингушетии, а также популярные брошюры на ту же тему (газ. «Власть труда» — орган Владикавказского городского комитета ВКП(б), горсовета и горсовпрофа, от 14 марта 1930 г., № 71).

В начале 1930-х гг. и общее силовое давление центральных органов власти на представителей местных административно-государственных и партийных структур возобновилось, что было тем легче сделать, ибо в мае—июне 1932 г. был организован политический процесс над бывшим секретарем Ин-

гушского обкома И. Зязиковым⁴⁰. В такой обстановке вновь, но уже в категоричной форме Центром был озвучен вопрос о передаче Владикавказа Северной Осетии. В постановлении ЦК ВЕП(б) от 31 мая 1933 г. говорилось: «Считать город Орджоникидзе начиная с 1 июля 1933 г. включенным в состав Осетинской Автономной области» [ЦК РКП(б) 2005: 716]. Новым хозяевам предписывалось обеспечить в городе хозяйственные и культурные интересы пока еще самостоятельной Ингушской АО.

Впрочем, «избавления» от соседей осетинской стороне долго ждать не пришлось. В конце ноября того же года вопрос об объединении Чечни и Ингушетии рассмотрел Северо-Кавказский крайком партии и в начале декабря вынес по нему положительное решение. Несмотря на многочисленные высказывания против подобного решения, во ВЦИК РСФСР была отправлена телеграмма, в которой говорилось о единодушной поддержке рабочими, колхозниками и трудящимися единоличниками решения об объединении двух автономных областей. За этим последовали предписания осуществить надлежащие реорганизации в новой административно-территориальной единице (в частности, центр Пригородного района Ингушетии, отныне Чечено-Ингушской АО, был перенесен из г. Орджоникидзе в с. Базоркино [Национально-государственное строительство 1995: 133—134]. Формировались новые структуры власти, в которых были представлены как чеченцы, так и ингуши (в частности, А. И. Горчханов был назначен председателем Чечено-Ингушского областного исполкома, а бывший партийным главой Ингушской АО Г. В. Маурер, на долю которого выпало объединение двух автономий, стал секретарем нового обкома ВКП(б)).

В свете сталинского определения нации: «Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры» — писатель Дошлуко Мальсагов по всем этим пунктам подтверждал, что «чеченцы и ингуши составляют единую нацию» (статья «О едином чечено-ингушском литературном языке», впервые опубликована в журнале «Революция и горец» в 1933 г., № 5) [Мальсагов Д. 1998: 22, 23, 28—29].

А другой Мальсагов — просветитель и языковед Заурбек Куразович в 1934 г. сделал на конференции ученых вновь созданной Чечено-Ингушской АО доклад, в резолюции по которому говорилось:

В основу чечено-ингушского литературного языка было положено плоскостное чеченское наречие, основываясь на том, что это наречие является центральным и распространено в районах, играющих ведущую роль в хозяйственном, политическом и культурном отношении... Однако конференция считает, что это решение вопроса достичь не препятствует, а напротив, требует максимального использования достижений других диалектов, в первую очередь ингушского, в качестве дополнительных средств развития общего языка... Конференция... находит возможным использование ингушского письменного языка в течение некоторого времени в качестве языка районной прессы и художественного творчества [ЦГА ЧИАССР. Ф. 586. Д. 6. Л. 23—24].

Чечено-Ингушская Республика (за вычетом десяти с лишним лет, с 1944 по 1956 г., пришедшихся на период депортации обоих народов в Казахстан

⁴⁰ Весной 1929 г. И. Зязиков был удален с Кавказа под благовидным предлогом направления на учебу в Москву в Институт марксизма-ленинизма [Кокорхоева 2002: 82].

и Среднюю Азию) просуществовала без малого 50 лет. Прогноз политиков, ученых и публицистов, что в этих условиях должна произойти консолидация чеченского и ингушского народов в единый этнос [Мартirosiан 1933: 311—314] не оправдался. Многолетняя деятельность по созданию общего литературного языка тоже не увенчалась успехом, каждый народ остался при собственном разговорном языке.

Общие замечания

Национальные автономии на Северном Кавказе за десятилетие, что прошло с момента их образования (к 1930 г.), в целом прошли путь стабилизации и развития общественно-политической обстановки в известном русле, имели место преобразования в их экономике. Изменилась социальная структура местных обществ, были достижения в ликвидации неграмотности и т. д.

К началу развертывания в стране с середины 1920-х гг. культурной революции, которая представляла собой многоплановое явление и такой же процесс, все народы Северного Кавказа, включая Дагестан, наряду с другими, преимущественно народами Востока и Севера, были отнесены к «культурно отсталым»⁴¹ (в противовес представителям «развитых» национальных меньшинств западных регионов страны — полякам, финнам, немцам; русские, к месту заметить, не были в их числе, их обычно относили к следующей после «западных» национальностей категории). Основным критерием являлся уровень грамотности населения.

Если «развитые» народы претендовали на большую самостоятельность, то «культурно отсталые» ратовали за предоставление им разнообразных льгот и дополнительных денежных вливаний из Центра для развития экономики, формирования кадров специалистов, за квоты для приема во всесоюзные вузы, из-за чего между ними наблюдалось соперничество [Мартин 2011: 179, 181]⁴². Помимо культурной отсталости в качестве аргументов для оказания дополнительной помощи национальным сообществам звучали неоднократные упоминания о революционных заслугах конкретного народа либо особо масштабных материальных потерях в годы гражданской войны, а также о сокращении по разным причинам размеров земель. Центр не всегда, но периодически удовлетворял такие просьбы. Так, в 1924—1925 гг. ингушское представительство при ВЦИК РСФСР испросило ссуду на сумму свыше 143 тыс. руб. и отсрочку платежей на без малого 100 тыс. руб. Президиум ВСНХ РСФСР в 1925 г. ассигновал Ингушской области более 384 тыс. руб. для расширения и укрепления промышленности [Эльбуздукаева 2011: 131].

⁴¹ Официально граница между разными категориями народов была определена в 1932 г. Список «культурно отсталых» народов включал в себя 97 «этнических единиц» (см. : [Мартин 2011: 179, 235, 236—237]).

⁴² Однако уровень получаемой на местах подготовки для учебы в вузе не соответствовал требованиям. Поскольку вузы обязаны были покрывать установленные для националов квоты, в регионе наблюдалась картина, когда молодые люди переходили из института в институт, за что получили прозвище «летунов». Зав. ОНО Чечни Халил Ошаев призывал бойкотировать «этих летунов», которые, используя «потребность в каждом даже и едва грамотном горце», бросали институты ради «должностей, зарплата на которых была в два или три раза больше их стипендий» [Ошаев 1931: 18—20].

Проводившаяся в стране политика коренизации сталкивалась с разнообразными трудностями⁴³, и очень часто ее результаты оказывались неэффективными. На начальном этапе данной кампании была принята тактика «механической» коренизации, когда замена руководящих работников, специалистов, рабочих и т. д. одной национальности (как правило, русских либо русскоязычных) на представителей титульной нации того или иного административно-территориального субъекта осуществлялась без каких бы то ни было весомых оснований, что вызывало массу нареканий и недовольство среди тех же русских, проживавших и работавших в восточных автономиях. Руководивший с 1925 г. партийной организацией Казахстана Ф. Голощекин заменил «механическую» коренизацию на коренизацию «функциональную», подразумевавшую замену квот для коренных жителей списками конкретных должностей; критерием для приема на работу должна была служить не национальность, а знание национального языка; «практиканство» заменили краткосрочными курсами, а вместо национальных комиссий по коренизации контроль по ее реализации был передан Рабкрину.

Сталин поддержал инициативу Голощекина [Мартин 2011: 203, 205]. Этот опыт старались перенять в ряде национальных автономий, что, однако, далеко не везде удавалось, в том числе по причине недостаточного внимания к поддержанию и развитию местных языков. В числе автономий, где сохранялась тактика «механической» коренизации, были и автономии Северо-Кавказского региона, которые не укладывались в предписанные свыше сроки осуществления и завершения политики коренизации и неоднократно переносили их [Сломить сопротивление 1931]. Одной из причин этого являлось то, что Центр диктовал нормы представительства титульных национальностей в госаппарате. В 1931 г. ВЦИК постановил поднять менее чем за полгода уровень представительства националов в аппарате автономий региона с 20—30 % до 70 %. На местах же планку представительства националов сознательно поднимали еще выше, доводя ее до 100 %, как это имело место в Черкесии. Однако данным планам не суждено было сбыться [Мартин 2011: 243, 244, 245]. Наилучшие показатели реализации плана коренизации фиксировались лишь по категории «руководящие должности»⁴⁴.

⁴³ В докладе о выполнении заданий по коренизации, представленном в 1929 г. во ВЦИК, руководством Кабардино-Балкарии отмечались следующие трудности, имевшие место даже в этой небольшой автономии: большое количество национальностей, слабая грамотность населения, что обуславливало трудности взаимоотношений представителей вышестоящих инстанций с нижестоящими, необходимость знания (и, соответственно, изучения) работниками вышестоящих учреждений не одного, а нескольких языков. По этим причинам коренизация будет носить затяжной характер и должна быть разделена на два этапа: на 1-м — внедрение делопроизводства на языке преобладающего населения (кабардинцев и балкарцев), на 2-м — осуществление того же в отдельных сельсоветах и округах на языках нацменьшинств [АКБИГИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 5. Л. 112—113].

⁴⁴ Позволим себе привести сравнительный материал, который, как нам видится, в достаточной мере отражает положение с коренизацией в разных, и в первую очередь в восточных, регионах страны. Цитируемые ниже слова принадлежат секретарю среднеазиатского бюро ВКП(б), и написаны они для вышестоящих инстанций в 1927 г.: «Наш местный *интеллигент* менее образован, менее культурен и не так хорошо подготовлен для работы в государственном аппарате. Но зато он хочет преуспеть. Если он коммунист, то у него есть преимущество: именно этим в значительной степени и объ-

Проблемы ликвидации неграмотности и поставленная руководством страны задача введения всеобщего начального образования (первоначально — к 1937 г., затем срок был «абсурдно оптимистически» скорректирован — к 1931/32 учебному году) определили создание в национальных областях и республиках средних специальных учебных заведений в основном педагогического профиля. Число технических, медицинских, сельскохозяйственных техникумов и вузов было ограниченным. Как следствие этого, количество специалистов — инженеров, врачей из националов — оказалось крайне низким. В 1939 г. среди советских инженеров было всего 2 кабардинца, 1 балкарец и 8 чеченцев; правда, среди них насчитывалось более тысячи азербайджанцев и более 4 тысяч грузин. Зато представителей творческой интеллигенции среди коренного населения восточных регионов было с избытком — число писателей и журналистов едва ли не превышало 100 %. Среди преподавателей вузов и научных работников их процент был более 40. Количество подготовленных школьных учителей также превышало 100 % [Там же: 517] ⁴⁵. Далеко не случайным выглядит и то, что в условиях политики коренизации, в первую очередь аппаратных работников, наибольшее количество желающих получить образование, например, в Северной Осетии фиксировалось по совпартшколе (в 1924 г. было подано 600 заявлений, принято 45 чел., тогда как в педтехникум было подано 250 заявлений, принято 45 чел., на туземно-командные военные курсы было подано 124 заявления, принято 20 чел.) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1022. Л. 12 об.].

Не соответствующими намеченным оказались и показатели вовлечения представителей коренных национальностей в промышленность. Подобное наблюдалось на всем советском Востоке, хотя национальный рабочий класс там все же появился. В автономных республиках и областях РСФСР его доля достигала почти 15 %, а в ряде союзных республик была еще выше. На предприятиях «Грознефти» в начале 1928 г. работало без малого 12 тыс. чел., из которых 9,8 тыс. чел. были рабочими. Количество рабочих-чеченцев составляло 515 чел., или немногим более 5 % от их общего числа. Из общего числа рабочих в Ингушской АО, в 1930 г. составлявшего 531 чел., ингушей было 99 [Эльбиздукаева 2011: 247, 249]. Текучесть рабочих кадров коренных национальностей приближалась к 100 %. Высокими советскими и партийными инстанциями принимались постановления о закреплении националов в промышленности, однако они практически не давали результатов [Там же: 273—276] ⁴⁶.

Данное направление коренизации и культурного строительства сталкивалось с очевидными трудностями. Среди них — нередко откровенно прояв-

яется стремление [местной] интеллигенции вступать в партию. Но если он не коммунист — то как же ему тогда продвигаться вверх по лестнице государственной службы? Тогда он должен работать как европеец или же он может поднять какой-нибудь другой вопрос, который поставит его в привилегированное положение по сравнению с европейцем. Потому-то он и поднимает вопрос коренной национальности. И этот источник национализма только-только начинает себя проявлять, и чем больше у нас будет [местной] интеллигенции, тем сильнее на нас будет давление этого источника» (цит. по: [Мартин 2011: 201—202]).

⁴⁵ Такое положение в национальных республиках сохранялось до конца существования СССР.

⁴⁶ Обстоятельный обзор социального состава населения Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи по данным переписи 1926 г. см.: [Мемсиров 2004: 11—21].

лявшееся нежелание руководителей предприятий принимать националов на работу, плохие бытовые условия, трения между националами и русскими рабочими, что противоречило принципам «пролетарского интернационализма» и часто приписывалось проявлениям великодержавного шовинизма, для борьбы с которым проводились публичные показательные процессы [Таболов 1929: 9; Эльбиздукаева 2011: 275].

Однако такому положению вещей были и другие причины. Это слабая профессиональная подготовка рабочих на фоне крайне низкого уровня их общеобразовательных знаний, производственная недисциплинированность. С очевидностью давало о себе знать несоответствие подобных форм труда исторически сложившимся навыкам местного населения [Эльбиздукаева 2011: 271]. Многие горцы, в частности Дагестана, продолжали воспринимать работу на промышленных предприятиях как отхожий промысел и с приближением весенне-летних сельскохозяйственных работ возвращались в родные селения. Мало привлекала их и жизнь во вновь возводимых городах [Булатов А. 2001: 48]. Города региона до конца столетия оставались русскими по составу жителей (единственным исключением был Дербент, у которого особая судьба). И это при том, что капитальные вложения в развитие промышленности национальных автономий региона были весьма значительными (см.: [Гарданов 1968: 29]).

Без особого преувеличения можно заметить, что подобная картина (как общая характеристика, в которой, безусловно, можно найти множество нюансов и отклонений) сохранялась в регионе едва ли не до конца XX в. и даже позднее. Исследователи отмечают, что «в культуре народов региона не произошло укоренения индустриальных форм труда, его мотивации и его ценностей, а также автономизации личности, которая выступает итогом формирования современных принципов организации жизни» [Денисова, Уланов 2003: 218]. Они, северокавказские общества, в основном порядке своего жизнеобеспечения — хозяйственно-экономическом и социальном — остались в рамках воспринятой из недалекого прошлого системы отношений между главными звеньями своей структуры. Фамильные и т. п. связи остались скрепами оной. Процесс модернизации в советско-российском, а благодаря этому относительно и условно в западном варианте в большой мере оказался поверхностным при наличии в нем внешне проявленных современных (приписываемых социалистическому или индустриальному обществу) форм ⁴⁷.

Что уж говорить о данных обществах применительно к концу 1920-х гг. Коллективизация сельского хозяйства (при всех попытках ее осуществления в стране в качественно единообразной форме), а равно индустриализация не коснулись основ жизнедеятельности местных обществ. Эти «страны» (по расхожей словесной формуле тех лет) не стали административными территориями диктатуры пролетариата и пролетарской демократии. В социально-политическом отношении в них процветал вождизм, соответствовавший вождизму государственного масштаба. Обычное право, право неписаного закона, обычая, понимаемого в предельно широком значении, оставалось в нем основным механизмом регулирования общественных отношений. Советизация (в широ-

⁴⁷ В этой связи трудно согласиться с В. А. Тишковым, который чеченское общество 1980-х гг. готов в полной мере отнести к современным, читай индустриальным или постиндустриальным [Тишков 2001b].

ком смысле как система) с очевидностью не стала корневой основой бытия местных обществ.

Отмеченное позволяет сравнивать функционирование северокавказских автономий в рамках советского государства с системой косвенного управления, осуществлявшегося, в частности, Британской империей в подвластных ей землях. Однако такое сравнение будет весьма формальным. Провозглашенные за десять лет до этого принципы взаимодействия Центра с национальными окраинами («ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев»), претерпев значительные, но в целом, как оказалось, преимущественно только внешние изменения, оставались действенными главным образом на бумаге. Культурная революция, коренизация и т. д. кардинально не изменили привычного для местной среды хода каждодневных социальных процессов. Коренизация главным образом коснулась руководящих кадров, так что в начале 1930-х гг. удельный вес националов по категории бухгалтерских и канцелярских работников оставался «крайне ничтожным», и если в промышленности процент рабочих местных национальностей составлял 27 %, то квалифицированных из их числа было вдвое меньше [Тлюняев 1932: 43, 47].

Т. Мартин назвал подобное состояние «вакуумом в середине», понимая под ним отсутствие в большинстве республик советского Востока «национальных инженерно-технических и административных кадров, способных обеспечить расширение сферы использования национальных языков и абсолютную власть местных элит» [Мартин 2011: 253].

В том числе по указанной причине не изменило сути дела и предоставление местным руководителям возможности занимать высшие места в партийной иерархии автономных областей и республик. Их права в новом статусе перекрывала отчетность перед высшими партийными инстанциями государства. Примечательно, что Дагестанская Республика, все 1920-е гг. успешно отбивавшаяся от подчинения ростовской власти, в 1931 г. была включена в состав Северо-Кавказского края, так как ее «независимое» экономическое, социальное и т. д. развитие Центр признал неудовлетворительным. Решение по данному вопросу принимало Политбюро ЦК ВКП(б). В его постановлении от 5 июля указанного года говорилось, что границы ДАССР остаются неизменными, и объединение имеет цель на основе единого с Краем хозяйственного плана обеспечить максимальное использование природных богатств для хозяйственного и культурного строительства [ЦК РКП(б) 2005: 666] Вслед за постановлением была организована широкая кампания по оказанию Дагестану разнообразной помощи краевыми инстанциями, автономиями края, а также крупными индустриальными, аграрными и культурными центрами и регионами страны, в частности, такая помощь оказывалась из Ленинграда и Центрального Черноземья [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1405. Л. 4—14, 22, 24; Д. 1678. Л. 8].

Относительно самостоятельной в своих политических планах и действиях была национальная интеллигенция, которая сложилась еще в дореволюционный период, а в советское время представители ее работали в основном в учреждениях культуры и образования, в советских структурах. Напомним эмоциональный подъем интеллигенции, сопровождавший решения Центра о передаче Владикавказа Северной Осетии и Грозного Чечне, а также активное обсуждение в этой группе населения автономий планов создания Великой Осетии, Великой Черкесии, Нахистана. Идеологами масштабных проектов

воссоздания былой или мнимой государственности, как правило, являлись институты и музеи краеведения. В информации об Осетинском институте краеведения, поступавшей из ОГПУ, сообщалось, что он стал убежищем всех бывших белых, «безработных попов и всей старой реакционной нацинтelligenции. Из всех 60 человек, объединяемых институтом, почти нет ни одного, который в свое время не входил в состав партии „Коста“, или „Осетинского Нац. Круга“ (другое название партии „Коста“). Деятельность Института краеведения насквозь пропитана националистической идеологией и по сути дела является очагом националистического движения в Осетии». Этой идеологией, по оценке упомянутой структуры, пропитано содержание издаваемых Институтом «Известий». Лингвистическое отделение последнего «обогащало» осетинский язык «древнеосетинскими словами, непонятными массам». Для этого использовалась газета «Растзинат», пользовавшаяся успехом у представителей эмиграции. Институт устраивал и открытые заседания, на которых зачитывались доклады, по форме представлявшие собой «откровенные проповеди национально-демократических идей» и привлекавшие большое количество публики. В сельской местности проводником соответствующей идеологии было учительство [ЦК РКП(б) 2005: 549].

Все это (и схожая деятельность национальной интеллигенции в других автономиях) вызывало открытую обеспокоенность властных структур Центра. Примечательно, что изменить общественно-политическую активность населения удалось, направив «общественно-национальную мысль на другой фронт», создав «целый ряд преимуществ для Осетии перед другими национальными областями» в сфере индустриализации (Гизельдонстрой, Бесланский комбинат и ряд мелких заводов) [Там же: 550].

В целом 1930-е гг. внесли значительные коррективы в порядок регулирования жизни национальных окраин страны. От «системы косвенного управления» государство постепенно, но уверенно переходило к системе прямого управления ими. Это стало возможным при корректировке принципов осуществления национальной политики, практики национально-государственного строительства, вызванной тем, что вопросы индустриализации страны, укрепления ее обороноспособности, колхозного строительства и т. д., то есть всего того, что составляло «великий перелом», стали главенствующими. Это переместило национальную политику (на фоне не оправдавшихся надежд на всемирную революцию, которая, судя по теоретическим раскладкам большевиков еще за десять лет до этого, должна была начаться с Востока) на вторую-третью позиции. Практически лишь формально национальная политика оставалась одним из приоритетных направлений деятельности власти.

Глава 4

ПОВОРОТ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Теоретические предпосылки

Конец 1920-х и начало 1930-х гг. стали новым этапом в обсуждении принципов выстраивания национальной политики, которое в скором времени привело к пересмотру практики, казалось, основательно утвердившейся. Это обсуждение не было в полной мере публичным, так как в основном выражалось в дискуссиях через печать в отдельных изданиях и тематических журналах (каковых в то время было не малое количество), а также в индивидуальных письменных обращениях заинтересованных лиц к Сталину и в его ответах на таковые. Обсуждавшиеся вопросы носили, на первый взгляд, сугубо теоретический характер, однако на поверку выводили на реальные проблемы в аспекте «жизни национальностей». При этом лица, задававшие вопросы вождю, были знакомы с основными положениями партийной (разработанной в начале советского периода истории в первую очередь Сталиным) линии по решению национального вопроса и в целом теории наций, исторического развития последних и их судьбы. Отслеживали они и то, что даваемые «главным специалистом» по национальному вопросу определения «нации» со временем, хотя и принципиально, но менялись.

Начнем с частных обращений к Сталину. Осенью 1927 г. он получил от некоего Бектимирова из Чечни письмо, в котором автор задавал вопрос: «Что такое нация?» И вот что он писал:

Мне кажется, что нация оформляется как самостоятельная национальная единица после того, как внутри этой нации возникают политические и классовые противоречия. У тебя есть много определений наций, но они Чеченским работникам как-то неясны. Например, Осетию считают нацией, а Чечню нет. Не потому, что в Осетии были те противоречия, которые я указывал в своем определении нации, а Чечню не считают нацией не потому ли, что в Чечне не были те противоречия, как в Осетии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 102].

Тогда же Сталин получил письмо от выходца из Карачая, обучавшегося в Коммунистическом университете народов Востока. В своем письме тот интересовался, стоит ли уделять особое внимание сословным различиям (при том что «есть князья и узданы, захудевшие и находящиеся в батраках у того же самого кула») при имевших место реальных «социально-классовых» различиях тех или иных категорий граждан местного общества. Конкретно автора письма волновало, «каково должно быть наше отношение к этим сословиям во время приема в партию, во время выборов в советские работы и т. д.

Должны ли мы исходить из сословных признаков или должны исходить из классовых признаков?» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 176—176 об.]

Нам неизвестно, ответил ли Сталин этим корреспондентам. Зато с другим корреспондентом он вступил в заочный диалог.

В начале 1929 г. Сталиным было получено письмо от В. Я. Касаткина, обучавшегося в Институте красной профессуры. В письме говорилось, что группа товарищей из этого института решила посвятить свои занятия изучению национального и колониального вопросов, однако из-за разноречивости изложения подобных вопросов в литературе они столкнулись со многими трудностями в правильном их понимании. Далее излагались основные волновавшие Касаткина и его товарищей вопросы. Об определении понятия «нация» — «достаточно ли ограничивать существование нации эпохой капитализма?» Его волновал вопрос, почему буржуазная теория ограничивается «культурным» определением нации, «а мы нет». «Право на политическую независимость — не является ли тем естественным и необходимым... правом, которое должно быть присуще всем нациям?» Вторым был вопрос о перспективах развития языковых процессов — «Будет ли в дальнейшем много языков или их будет мало, сохранятся ли все языки, вызванные... освобождением наций, или большинство из них уничтожится» [ЦК РКП(б) 2005: 609—611].

Через месяц Сталин ответил Касаткину. Он отверг как не являющиеся признаками понятия нации политическую независимость и государственную обособленность, приведя в подтверждение своих слов пример украинцев, которых при правлении гетмана следовало бы признать нацией, «в эпоху царизма» отказать в этом, после октябрьской революции и провозглашения независимости вновь признать нацией, а после образования СССР снова лишить их данного права. К этому он добавил, что подобная схема играет, в частности, на руку сепаратистам в национальных республиках страны. Далее он остановился на вопросе о происхождении наций, отметив, что таковые появляются лишь при капиталистической формации. Относительно судьбы национальных языков и культур Сталин подчеркнул, что культуры «национальные по форме (и языки, стало быть) должны предварительно расцвести вовсю для того, чтобы, исчерпав себя, слиться потом, в будущем, в период полной победы социализма, в одну общую социалистическую культуру. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в период диктатуры пролетариата для слияния их в будущем в одну общую социалистическую и по форме, и по содержанию культуру — таково положение. В этой противоречивости и состоит диалектичность развития. В этом же диалектичность Марковского учения». Сказанное равно относится и к судьбе языков [Там же: 611—615].

Касаткин в новом, ответном письме поблагодарил вождя партии и государства и «лучшего знатока проблем национального вопроса» и национально-государственного строительства за проявленное к нему внимание [Там же: 616—617].

Подобные вопросы в характерном ракурсе привлекали внимание молодых представителей партийно-советской общественности не случайно. У принципов осуществления национальной политики в стране были оппоненты в тех же партийных кругах, и потому сама тема в те годы оставалась полемичной.

Здесь можно сослаться на В. Ваганяна¹, который в 1927 г. опубликовал небольшую книжку о национальной культуре. В ней он утверждал, что «вопрос о национальной культуре, по сути дела, есть тот же вопрос о национализме», к которому партия всегда относилась с большим вниманием. Им было высказано, что «национальная культура — это форма, лучше всего прикрывающая зоологическое лицо национализма», она — «ядовитая штука... болезнь дурная». По его мнению, национальная культура — это господствующая классовая культура буржуазии, пролетариат же не имеет своей классовой культуры, а пролетарская революция лишь доделывает то, что не закончило буржуазное развитие.

Только дела, не имеющие общего интереса или мало выдающиеся, ограничиваются областью той нации и языка, в которых они возникли. Только их можно было бы рассматривать как «национальную культуру»... Лихорадка арменизации терминов отбрасывает наш язык в век церковной схоластики [Ваганян 1927а: 5, 6, 9, 27, 30, 111, 154].

В итоге Ваганян задавался вопросом:

Так ли мы строим культуру на языках наций, как нужно... Ту ли культуру мы строим, которая нам нужна... Принято думать и все молча соглашаются с тем, будто все идет как нельзя лучше и никаких забот у нас не предвидится [Там же: 96].

У него сразу же появились оппоненты, в ответе которым он заявлял:

От национальных особенностей до «национальной сущности» и через последнее до национальной ограниченности — непрерывная цепь [Ваганян 1927б: 22].

Полемика с Ваганяном, публичная критика его взглядов продолжалась и в дальнейшем. Так, Семен Диманштейн (в 1920-е гг. он возглавлял национальный сектор ЦК РКП(б), затем стал директором Института национальностей при ЦИК СССР и редактором журнала «Революция и национальности»), выступая в 1929 г. в Коммунистической академии, обвинял Ваганяна в развитии идей Л. Троцкого и «австро-марксистской школы» по национальному вопросу. Далее он характеризовал особенности национальной культуры значительной части населения страны, развитие которой происходит «в условиях

¹ Вагаршак Арутюнович Тер-Ваганян (1893—1936), член РСДРП с 1912 г. В 1923 г. поддержал Льва Троцкого и подписал «Заявление 46-ти» о социально-политической ситуации в государстве. В 1924 г. вошёл в состав президиума Общества воинствующих материалистов. На XV съезде ВКП(б) в 1927 г. за принадлежность к оппозиции был исключён из партии, но в 1929 г., после подачи заявления об отходе от оппозиции, был восстановлен. В 1933 г. вновь был исключён из партии и арестован вместе с группой старых большевиков за участие в оппозиционной организации И. Н. Смирнова. В 1934 г. был освобождён и восстановлен в партии. В 1935 г. за «антипартийную деятельность» Тер-Ваганяна в третий раз исключили из партии. В 1936 г. он был арестован вместе с Каменевым, Зиновьевым и другими лицами, включёнными в список обвиняемых в шпионской деятельности, подготовке террористических актов против руководства СССР и во вхождении в состав руководства «объединённого троцкистско-зиновьевского центра». В августе того же года был расстрелян.

наличия зачаточных форм передовой материальной культуры», и потому развитие самой национальной культуры требует у представителей таких народов гораздо большего времени, нежели у народов с более передовой материальной культурой. Он отмечал, что с развитием национальных культур оные у разных народов будут все больше различаться, однако в условиях индустриализации страны неизбежен будет и противоположный процесс, а именно процесс сближения культур. Особенно он усилится с развитием дорожной сети (здесь Дагестан представляет, по его выражению, «кричащий пример», там носители 6 языков и 30 наречий оторваны друг от друга больше, чем жители Англии и Франции), народы войдут в соприкосновение друг с другом, произойдет их сближение, «которое могло бы послужить предпосылкой возможности ассимиляции между национальностями в физическом и культурном отношении» [Диманштейн 1929а: 121].

Относительно ситуации с языками он отмечал наличие двух одновременно протекавших процессов — сближения их между собой и «временного взаимного отдаления» за счет борьбы местных филологов и — шире — националистов за «чистоту» родного языка и, соответственно, культуры. Причем в условиях объективно происходящей дифференциации языков наблюдается сближение наречий в рамках каждого языка. «Этот процесс еще не закончен, так же как еще не завершен полностью процесс образования национальностей в СССР» [Там же: 123].

Доклад С. М. Диманштейна вызвал оживленное обсуждение присутствовавших на этом собрании представителей автономий, в выступлениях которых прозвучали различные оценки высказанных докладчиком суждений и основополагающих принципов государственной политики в деле национального строительства [Там же: 133—136].

В заключительном слове Диманштейн особо остановился на интернациональном воспитании, составлявшем одну из важных политических линий партии. Он подчеркнул, что таковое не предполагает «уничтожения всех национальных черт». И далее отметил, что национальный момент не является самодовлеющим, но подчиненным по отношению к классовому моменту, однако он «должен быть достаточно учтен, достаточно понят для того, чтобы он, развиваясь на здоровой почве, привел бы скорее, при правильном руководстве партии, к подлинному пролетарскому интернационализму» [Там же: 142, 143].

В это же время весьма активно обсуждались частные вопросы национальной политики, а именно связанные с языковой политикой и системой образования в национальной школе. Так, на Всероссийском совещании работников нацменпросвещения, состоявшемся в начале 1930 г., было принято постановление, в котором в том числе значилось, что минимальный срок обучения в начальной нацшколе должен составлять 5 лет, с чем предполагалось обратиться в правительственные инстанции, дабы закрепить это решение законодательно [Панфилов 1930: 72].

Такое решение на тот момент согласовывалось с линией партии и руководства государства. Все тот же С. М. Диманштейн говорил:

Неопределенно стоит пока вопрос, до каких пределов для каких наций вести обучение на родном языке. Тут трудно дать исчерпывающие указания для всех наций и для всех времен, но руководящие принципы можно установить на основании той практики, которую мы имели до сих пор.

И далее конкретизировал: для крупных национальностей возможна полная коренизация от низшей школы вплоть до вузов, для громадного большинства национальностей на родном языке целесообразно среднее образование, а бесписьменным народам, «стремящимся к другому, более общему языку», обучение на родном языке допустимо со второй ступени [Диманштейн 1929б: 39].

Обсуждались вопросы «терминологического строительства». Отмечалась опасность и пагубность «великодержавнических установок, ликвидаторство по отношению к родному языку и стремление брать все недостающие слова исключительно из русского языка». Ссылки на то, что в СССР русский язык является языком передового и наиболее богатого революционным опытом пролетариата, языком сочинений Ленина, все же не должны были превращать его в единственный источник «терминологического строительства» в национальных образованиях². Отстаивавший такую позицию языковед Б. Гранде, помимо указанного, впрочем, отмечал и наблюдавшиеся на местах примеры устремлений заменить национальный язык русским:

Такие установки отвечают идеологии кулачества... «Зачем мне вотский язык? Куда мои дети с ним поедут? Ты их обучи русскому языку, а по-вотски они и без тебя говорят» [Гранде 1932: 87].

В это время на различных собраниях и совещаниях еще говорилось, что на Северном Кавказе проживает 101 нация и народность [ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 125. Д. 24. Л. 3]. Ответственные товарищи заявляли, что национальные различия еще не стерлись и, при всех достижениях национальной политики, еще долго не исчезнут [Диманштейн 1930: 14]. Однако «теоретические» посылки о все же неминуемом сближении народов в близкой перспективе с ассимиляцией малых народов крупными звучали все громче и настойчивей. При этом ссылались на «марксистскую установку», которая якобы утверждает, что в реконструктивный период национальный вопрос меняет свой характер сообразно с изменением экономической базы жизни страны, «вносящим коренные изменения в классовые взаимоотношения населения национальных республик» [Там же: 9]. То есть классовый фактор на новом этапе отводил на второй план фактор национальный. Поэтому и отношение к нему должно было корректироваться.

На первом пленуме научного совета Всесоюзного центрального комитета нового алфавита Диманштейн говорил:

Для народности, вернее, этнографической группы, которая имеет примерно до 1000, до 5000 человек и язык которой состоит из очень ограниченного количества слов, при наличии поблизости более богатого и в то же время сравнительно более подходящего для них языка, близкого к их родному языку, было бы целесообразно приблизиться к этому языку, а затем, в течение определенного периода, перенять его целиком... Если мы каждые 2—3 месяца открываем все новые и новые нации и ставим вопрос о выработке для них новых алфавитов, то я думаю, что разыскивать без конца эти языки во что бы то ни стало — дело, не соответствующее интересам самих наций [Диманштейн 1933: 37].

² «Труды Ленина облечены в форму русского языка, содержание же их имеет всемирное значение». Впрочем, критиковалась и позиция пуристов, стремившихся очистить «свои» языки от всего чужого [Гранде 1932: 88—89].

И далее о перспективах слияния языков — языков мелких и крупных народов «в сравнительно не очень длительный период», а языков крупных народов — между собой, «когда коммунизм войдет в быт», а сами они «дойдут до полного расцвета, ибо затем только начинается диалектический процесс слияния языков» [Диманштейн 1933: 38—39].

А еще за несколько лет до этого, летом 1927 г., на закрытом заседании Президиума Совета Национальностей секретарь ЦИК СССР, член Президиума ЦКК Абель Енукидзе, критикуя политику руководства Украины в отношении поддержания языка и культуры национальных меньшинств, на вопрос «Так разве нашей целью является ассимиляция?» ответил:

Там, где мы можем ассимилировать, мы и должны ассимилировать... Следует понять, что далеко не каждая группа населения является нацией. Нациями мы называем компактные массы, и для этих масс мы создаем автономные республики или области, тогда как небольшие группы населения, которые в РСФСР, например, территориально рассеяны, мы ассимилируем с русской культурой... Мы создаем замкнутые национальности, совершенно никак не связанные друг с другом, разобщенные и замыкающиеся в кругу своей собственной культуры, своего собственного языка, и это в том государстве, которое строит и должно построить социализм (цит. по: [Мартин 2011: 67, 68]).

Осуществленное объединение Ингушетии и Чечни (о чем подробно говорилось в предыдущей главе) предполагало именно такой вариант и соответствующим образом преподносилось. Опять же С. М. Диманштейн, официально один из главных идеологов национального строительства, заявлял:

Вопрос об ассимиляции национальностей при диктатуре пролетариата... в основном сводится не к экономическому господству одной нации над другой, а к разным путям и разным темпам развития той или иной национальности в зависимости от целого ряда причин, в том числе и от исторического наследия, но непременно на основе национального самоопределения. Напомним пример слияния ингушей и чеченцев. Ассимиляция как серьезная политическая проблема в жизни национальностей снимается с порядка дня... *Не ассимиляция национальностей, а их гармоническое слияние* (здесь и далее выделено автором. — Ю. К.)... Слияние же наций предполагает *атрофирование* национальных особенностей, а затем и полное их исчезновение, неизбежно ведущее к созданию единого человечества без подразделения на нации... Для нашего периода тов. Сталин твердо установил («Марксизм и национально-колониальный вопрос») как основную тенденцию *не ассимиляцию*, а, наоборот, *рост количества национальностей и языков на базе консолидации наций* [Диманштейн 1935а: 62].

Однако в своих мыслях он не был оригинальным. Фактически во всем он придерживался высказываний Сталина на соответствующую тему. «...Мы идем к слиянию наций, и окончательное их слияние произойдет даже гораздо более позже, чем после победы социализма во всем мире, когда коммунизм войдет в быт». Колоритные частности не должны были служить помехой генеральной линии. Их даже следовало использовать ей на пользу, руководствуясь «указанием т. Сталина, что только через расцвет своей национальной культуры они (в конкретном случае евреи. — Ю. К.) пойдут к слиянию» [Диманштейн 1935б: 77].

Сферы практических действий

Определение «теоретические предпосылки» (вынесенное в заголовок предыдущего параграфа) применительно к изменению курса государства в национальной политике надо поставить в кавычки. Собственно, теоретических разработок в этом направлении не делалось (хотя Сталин время от времени менял формулировку понятия «нация», впрочем, изменения не носили принципиального характера). В условиях сложно протекавшего процесса коллективизации, массового голода в деревне, масштабной индустриализации, военного строительства государственным мужам было явно не до них.

Равно и ученым было отказано в высказывании собственного мнения в отношении проводимого партией и государством курса и пропагандируемых «утвержденными» идеологами суждений. Делать это было опасно, так как, по словам одного из глашатаев «новой эпохи», «вредитель, вооруженный „учеными“ очками», не менее страшен, «чем его соратник, вооруженный газовой или иной смертоносной маской» [Хотинский 1930: 5].

В это время в исторической науке господствовала «школа» М. Н. Покровского, а в лингвистике — «школа» Н. Я. Марра. Покровский был ярким противником Российского государства как «тюрьмы народов». Для него сам термин «русская история» являлся контрреволюционным, не учитывавшим многонациональный состав населения страны. Н. Я. Марр, создатель нового учения о языке, весьма своеобразно трактовал этничность, историю культуры и языков. Согласно его построениям, язык является частью надстройки и отражает циклические изменения в базисе. Одной из главных задач «новых лингвистов» являлась реконструкция эволюции материальной культуры с помощью методов лингвистики. Марр стал одним из вдохновителей создания Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде (позднее переименованной в Институт археологии). В это же время еще одним «идеологом» нового этапа развития гуманитарной науки был В. Б. Аптекарь, весной 1929 г. создавший в ГАИМК этнографов Ленинграда и Москвы. Он заявил, что этнография рассматривает понятия «культура» и «этнос» в отрыве от производственных отношений и по этой причине является «буржуазным суррогатом обществоведения» [Совещание 1929: 115—116]. Начались открытые гонения на этнографию и этнографов. Были приостановлены полевые исследования, которые расценили как проявление империализма. Вскоре археологи обвинили в идеализации формального вещеведения, а этнографию — в эклектизме, буржуазном национализме и великодержавном шовинизме, тем самым обе науки были отлучены от марксизма. Вместо того чтобы изучать «первобытные народы» и изобретать несуществующие науки, специалистам данного профиля было предложено тщательно изучать вопросы, поднятые Марксом, Энгельсом, Лениным, а именно проблемы этногенеза и этнической истории конкретных народов, историю материального производства, происхождение семьи, классов, религии, искусства, а также формы перехода докапиталистических обществ непосредственно к социализму, строительство культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию (о развитии или, можно сказать, злключениях советский этнографии в те годы см.: [Слезкин 1993; Шнирельман 1993]).

Осенью 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» И. Сталин опубликовал письмо, в котором дал частичную переоценку явлений, наблюдаемых в общественной жизни страны, и научного осмысления оных, а также очень

кратко коснулся и национально-колониального вопроса, заметив, что его недооценивали левые социал-демократы Запада, а затем Л. Троцкий [Сталин 1952а: 91—92]. Исследователи полагают, что именно с этого «письма» начался «новый курс» в идеологии, а точнее, в идеологическом обеспечении внутригосударственной политики. Сталин, как утверждается, в этом своем сочинении не просто начал подправлять Ленина, а стал интерпретировать его взгляды, «принуждая принимать свою трактовку уже готовые к принуждению партийные массы... С этого же момента стала употребляться относительно дореволюционной России формула „наименьшего зла“» [Неретина 1990: 42, 44].

После этого научная общественность вынуждена была корректировать собственные оценки еще недавно произносившихся главными идеологами страны постулатов. В свете произошедших изменений этнография и археология были «реабилитированы», а взгляды их недавних обвинителей признаны «левацким упрощенчеством».

Вместе с тем надо констатировать, что то, что озвучивалось в широких аудиториях лицами, «отвечавшими» за «теоретическую базу» корректировавшегося политического курса, следовало за уже осуществляемыми государством действиями. А последние определялись рациональными мотивами упорядочения системы управления жизнедеятельностью государства как единого целого. В последнем сомнения не было, а созданная в течение десяти предшествующих лет весьма мозаичная картина административно-территориального устройства в немалой степени мешала этому. И она подверглась реорганизации.

Административно-территориальные преобразования...

Самый наглядный пример первому из указанного в подзаголовке — объединение двух автономных национальных областей — Ингушской и Чеченской.

Незадолго до этого, а именно в 1929 г., был ликвидирован Сунженский казачий округ. По данному поводу Северо-Кавказский крайисполком вынес соответствующее решение, в котором говорилось, что «опыт четырехлетнего существования этого округа показал невозможность дальнейшего сохранения его в качестве самостоятельной административно-хозяйственной единицы ввиду экономической маломощности и финансовых затруднений... Единственным выходом из такого положения крайисполком считает полную ликвидацию этого округа с дроблением его территории на две части», одна из которых, тяготеющая к Моздоку, передавалась Терскому округу, а другая, тяготеющая к Грозному, — Чечено-Ингушской АО. Там же указывалось, что вопросы национальной розни в связи с данной реорганизацией не должны возникнуть, так как в пределах ЧИАО существует русский Петропавловский район, «население которого не имеет повода для протеста против своего нахождения в составе Чеченской Авт. Области и своему административному подчинению Облисполкому последней» [РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 16. Л. 5—5 об.].

В это же время по всей стране проводилась административно-территориальная реорганизация. На XVI съезде ВКП(б) (июнь—июль 1930 г.) было принято решение о ликвидации округов и создании на их базе районов. Одна-

ко, как указывалось в резолюции съезда по отчету ЦКК РКИ, это не должно было отразиться на объеме прав, «присвоенных национальным образованиям (автономным областям, нацрайонам и советам)». Тезис о приближении госаппарата к населению и «поголовном привлечении трудящихся к управлению государством» формально сохранял силу [Зайцев 1930: 70, 75]. Национальные районы сохранились. Одни из них просуществовали до середины—второй половины 1930-х гг. (так, Ванновский немецкий национальный район на территории Армавирского округа был образован в 1928 г. и ликвидирован в 1935 г.) [Иванцов 2012], некоторые — дольше (вспомним историю Шапсугского района).

Но так либо иначе национальный фактор в заново организуемой административно-территориальной структуре устройства страны отводился на второй план. Вспомним слова А. Енукидзе, возражавшего против формирования «замкнутых национальностей». Ведение в национальных районах делопроизводства и школьного обучения на родном для населения конкретных (как правило, небольших по размерам) местностей языке, коренизация аппарата и др. способствовали созданию «замкнутости».

С рубежа 1920-х и 1930-х гг. для руководства страны все очевиднее становилась нецелесообразность и излишняя затратность создания письменности для всех народов вне зависимости от их численности. Об этом публично заявлял «теоретик и практик» национального строительства С. Диманштейн. Об этом же в 1935 г. на заседании партгруппы Президиума ВЦИК по вопросу о языках народов Севера говорил всесоюзный староста М. И. Калинин:

Я считаю, что мы создаем бесконечное количество народностей, которые не имеют никаких перспектив. У нас разрабатывается язык и грамотность среди народностей с числом населения в 500 человек... Надо родственные народности объединять... [ЦК РКП(б) 2009: 91].

И вскоре о том же он вещал руководителям Дагестана:

Я думаю, что вам нужно как-то урегулировать дело в отношении многоязычия. Вести обслуживание на 36 языках невозможно. Вам в этом отношении надо провести большую работу и определить, какие языки являются важнейшими. Если на каком-либо языке говорит всего 2—3, ну 5 тыс. населения, то какой же резон поддерживать этот язык... Очень осторожно, но надо проводить объединение родственных языков. Без этого, вы сами понимаете, это будет профанированием национальной политики. Конечно, тут нужно проявить очень большую осторожность, но это придется сделать. Даже и при этом у нас остается очень много языков. Обязательно 5—6 языков у вас останется, но во всяком случае будет зафиксировано, что у вас 5—6 языков... Этот вопрос унификации надо продумать и повести с участием самих народностей в этой работе... [Там же: 12].

И далеко не случайным выглядит то, что, в отличие от переписи 1926 г., имевшей «целью определить племенной (этнографический) состав населения», в задачах переписи 1937 г. оговаривалось иное. Поэтому в ее «итоговых» списках были отмечены «чечено-ингуши» и «карачаево-балкарцы»³. До

³ О том, как производилась «чистка» этнического состава страны при подготовке данной переписи, красноречиво свидетельствует пространный документ, составлен-

малых народов Дагестана и Памира руки тогда не дошли. «Дело здесь, — писал профессор Б. Гранде, подготовивший для публикации список народов страны, подлежащих учету в ходе переписи, — не столько в неизученности вопроса, сколько в не закончившемся еще процессе формирования народностей из племен либо из отдельных разрозненных частей» [Гранде 1936: 74—80].

Правда, одновременно, а именно через четыре месяца, в том же журнале «Революция и национальности» появилась статья некоего Н. Тюракулова, который писал заметно несхожее. Приведем пространную цитату из этого опуса:

Признавая и борясь всегда за право самых малочисленных народностей на самостоятельное существование, мы в то же время не обязаны классификацию народностей или составление их списков строить на выводах, сделанных на основе средневековой феодальной разобщенности народов. Нам кажется, что мы не совершим грубой ошибки, если 30 тыс. чел. ваханцев, шугенцев (так в тексте, правильно шугнандцев. — Ю. К.) и других горных таджиков объединим общей таджикской рубрикой, выделив каждую группу под отдельной буквой. Такое разрешение вопроса соответствовало бы процессу взаимной культурной ассимиляции, которая происходит на наших глазах и которая в результате дальнейшего роста таджикской культуры рано или поздно „отаджикит“ все отдельные племена горного Таджикистана.

ный языковедом из Баку А. Р. Зифельдт-Симумягой. Отмечая, что уже при производстве переписи населения 1926 г. в Азербайджане имели место «подлоги в подсчете количества (подчеркнуто автором. — Ю. К.) представителей отдельных народностей», заметно уменьшившие численность нацменьшинств в этой республике, он отмечал, что при подготовке к переписи 1937 г. «чья-то вражеская рука препятствовала сверху правильной организации научной подготовки к переписи». «Незадолго до начала переписи в Институт истории, этнографии и археологии АзФАН, „руководимый“ тогда... Вели Хулуфлу (из АзУНХУ, руководимого тогда И. Печерским), был прислан список народов АзССР с просьбой сократить его, приписав ряд нацменьшинств к крупным народам. Враг народа Хулуфлу охотно занялся ликвидацией нацменов, но ему тогда помешали энергичные протесты некоторых работников АзФАН. Вскоре бывшим председателем СНК (ныне разоблаченным врагом народа) Усейном Рахмановым было в его кабинете создано совещание под его председательством в составе И. Печерского, проф. А. Р. Зифельдта-Симумяги (тогда директора ИЯЛ АзФАН), известного пантюриста „проф.“ Б. В. Чобанзаде и Г. К. Багирова (тогда замдиректора ИЯЛ) для окончательного уточнения списка народов АзССР. На этом совещании Ус. Рахманов, при услужливом поддакивании И. Печерского и „благоразумном“ молчании Б. Чобанзаде, споря с А. Р. Зифельдтом, настойчиво гнул линию на сокращение списка, т. е. ликвидацию ряда „культурно отсталых“, бесписьменных (по вине НКПроса) нацменьшинств по признакам вероисповедной общности или — „родственности“ по языку. Проф. Зифельдт остался при особом мнении и через несколько дней вторично послал в СНК и АзУНХУ научно проверенный список народов без „урезки“ нацменьшинств. После этого И. Печерский еще раз пытался „воздействовать“ на А. Зифельдта, пугая его гневом „всесильного“ Усейна Рахманова, но безуспешно, а затем — уже без ведома ИЯЛ — АзУНХУ приступило к действиям согласно „директивам“ Усейна Рахманова. Все же при разработке уже произведенной переписи, в мае 1937 г. АзУНХУ прислало в Институт Истории, Языка и Литературы АзФАН „Словарь национальностей“ и „Словарь языков“ ЦУНХУ на заключение. Ответ директора ИИЯЛ, того же проф. А. Р. Зифельдта-Симумяги под заглавием „О грубых и тенденциозных искажениях в „Словаре национальностей“ для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года“ последовал немедленно...» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 556. Л. 33, 35—36].

Этот же автор, ссылаясь на Б. Гранде ⁴, писал о правомочности объединения малых народов в качестве особой подгруппы с народами большими и говорил, что подобное объединение «племен» не будет являться забеганием «вперед истории», а лишь фиксацией «известных исторических тенденций», являющихся следствием «взаимной ассимиляции» [Тюракулов 1936: 73] ⁵.

...и изменения в языковой политике

За десять лет — с середины 1920-х по середину 1930-х гг. — существенно изменилось отношение к языковому «строительству». Происходило это в непосредственной взаимосвязи с территориально-административными преобразованиями.

В ноябре 1925 г. на партийной конференции Кубанского округа рассматривался вопрос о работе среди украинского населения. Было принято решение: «Исходя из наличия в Кубанском округе 70—80 % населения, владеющего народным говором, положенным в основу литературного украинского языка», считать необходимой «конечной целью украинизацию Кубани». К этой теме регулярно обращались и предпринимали конкретные шаги к достижению требуемого — создавали украинские школы, переводили делопроизводство на украинский язык. В июне 1929 г. партийными инстанциями было принято решение в ближайшие три года закончить полную украинизацию 12 районов: в 1929 г. — Славянского; в 1930 г. — Павловского, Краснодарского, Брюховецкого, Тимашевского, Каневского; в 1931 г. Приморско-Ахтарского, Темрюкского, Абинского, Кореновского, Горячключевского, Северского. В эти сроки надлежало перевести на украинский язык все учреждения народного образования, органы власти и т. д.; обеспечить подготовку и переподготовку соответствующих работников [Справочник 1996: 103—104]. Однако эта программа (аналогичную ей намеревались осуществить и в Ростовской области) потерпела фиаско. Причины были разные: это изменение позиции центральных органов в отношении национально-языковой политики и нежелание населения «украинизироваться» (подробнее см.: [Васильев 2013; Дроздов 2013]).

В первой половине 1930-х гг. еще велись разговоры о развитии национальных языков и письменности на основе латинской графики, отмечались

⁴ Судя по всему, автор имел в виду публикацию Б. Гранде в том же журнале в 1935 г. Редакция журнала «Революция и национальности» сопроводила данную статью следующей ремаркой: «Помещая настоящий список народов СССР, редакция просит читателей, ввиду недостаточной изученности вопроса, на что ссылается и сам автор, высказаться по этому вопросу на страницах нашего журнала» [Гранде 1935: 77]. Через год Б. Гранде, отмечая действительно неизученность вопроса, все же не решился делать категоричные выводы.

⁵ Здесь же можно указать, что официальные представители власти Грузии на Всесоюзных совещаниях по подготовке переписи населения всячески противились выделению мегрелов, аджарцев и сванов в самостоятельные народы, на чем настаивали представители данных народов (субэтнических групп), в частности, обращаясь в центральные органы страны, опротестовывая закрытие властями республики газет на местных языках [ЦЕНИРГ. Ф. 607. Оп. 2. Д. 1428. Л. 30—34]. В то же время журналист из Юго-Осетии писал в газету «Правда» о желательности перевода письменности юго-осетин с латинской графики на грузинскую [Советская этнополитика 2012: 208—212].

успехи в этом направлении и строились планы на ближайшее будущее. Об этом летом 1934 г. председатель Всесоюзного центрального комитета нового алфавита Г. Мусабеков писал секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову [ЦК ВКП(б) 2009: 60—61]. Однако поворот в общем политическом курсе был все очевиднее.

Не порицавшие еще сравнительно недавно высказывания о том, что «каждый гражданин СССР, желающий быть по-настоящему образованным, должен... изучить тюркский язык, так как на нем говорят десятки миллионов наших граждан, десятки миллионов людей, находящихся за границей нашего Союза» [Луначарский 1930: 21], не вписывались во вновь принятую политическую линию. То же можно сказать относительно планов разработки специальной тюркской терминологии для военнослужащих — выходцев из соответствующих регионов и перевода на национальные языки технической документации промышленных предприятий.

Отмечено, что на Центральном и Северо-Западном Кавказе у русского языка не было конкурентов с учетом развитости местных языков, происхождения их из разных языковых семей, и поэтому «он вполне соответствовал требованиям времени и функционировал с точки зрения семантики в классе массовой информации» [Мемсиров 2004: 27]. Аналогичное правомерно заметить и относительно обусловленной «единством процесса общественной жизни» позиции русского языка в других регионах страны [Алпатов 2000: 84].

Так либо иначе, но решение о переводе большого ряда национальных языков с латиницы на кириллицу было принято по объективным обстоятельствам. Очередная кампания началась с языков народов Севера (вопрос о чем якобы был решен осенью 1933 г., а законодательно оформлен в начале лета 1935 г.) [Алпатов 1993: 123]. На Кавказе пионером в этом преобразовании, как нетрудно догадаться, стала Кабардино-Балкария, которую возглавлял Бетал Калмыков. Вслед за ней аналогичные решения последовали в других национальных образованиях Северного Кавказа и страны в целом.

Школьный отдел обкома ДАССР в конце 1936—начале 1937 г. составил «Доклад о замене латинизированного алфавита русским». В нем, в частности, говорилось, что русский язык теперь в представлении горца стал языком русского пролетариата, языком Ленина и Сталина. Партийная конференция утвердила решение об изменении графической основы письменности [Магидов 1971: 117—118]. Этому предшествовала деятельность по формированию общественного мнения, в которой в том числе были задействованы профессионалы, которые с профессиональных позиций оценивали те либо иные планы осуществления языкового строительства в том же Дагестане. Так, в 1935 г. востоковед и педагог Н. А. Анисимов написал работу «Вопросы методики преподавания русского языка в нерусских школах. Материалы», в которой изложил проект создания Института социалистического языкового строительства, отмечая, что «с расцветом национальных литературных языков усилилось стремление теснее связаться, сродниться с русским языком». Через год он говорил, что необходимо «обучение родным языкам строить таким образом, чтобы оно облегчало обучение русскому языку... Преподавание на родном языке не должно быть навязываемо. Там, где население (Дагестана. — Ю.К.) считает целесообразным преподавание на русском или тюркском языке, таковое должно быть организовано без всяких промедлений» (цит. по: [Тамазашвили 1993: 286, 298]).

В итоге, как отмечалось в официальном издании о достижениях советского Дагестана, «эти мероприятия, укрепляя братскую связь трудящихся Дагестана с великим русским народом, помогут быстрее ликвидировать последствия вредительства буржуазно-националистических бандитов в области письменности и языка и создадут еще большие условия (для) дальнейшего расцвета культуры народов Дагестана» [Советский Дагестан 1938: 24—25]. В июле 1937 г. бюро Дагобкома приняло постановление «О переходе письменности дагестанских народов на русскую графику» [Османов А. 2007: 393].

И вскоре после этого был поставлен вопрос об обязательном изучении в школах национальных регионов русского языка. С ним на пленуме ЦК ВКП(б) в октябре 1937 г. выступил И. Сталин. Это требование было вызвано «единством процесса общественной жизни», требованиями, обусловленными индустриализацией страны, в еще большей степени задачами обеспечения ее обороноспособности и замены национальных территориальных воинских формирований построенными на основе всеобщей воинской повинности. «...Отсюда, — говорил И. Сталин, — и родилась абсолютная необходимость при всеобщей воинской повинности, при условии призыва всех граждан, абсолютная необходимость обладать красноармейцам одним каким-нибудь языком, на котором они могут изъясняться во всех краях и областях Союза. Этот язык — русский» [ЦК ВКП(б) 2009: 299].

В марте 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [Там же: 391—392].

За два месяца до этого ЦК принял постановления «О ликвидации национальных районов и сельсоветов» и о реорганизации национальных (немецких, финских, польских и др.) школ в советские школы обычного типа [Там же: 341, 342].

И в это же время еще обсуждался вопрос о коренизации государственных органов власти как о деле, которому партия и советская власть уделяет повышенное внимание [Красов 1936: 37]. Отмечались успехи [Аюпов 1936: 41—43], и одновременно ЦИК СССР, а вслед за ним Северо-Кавказский краевой исполком вынесли постановление «О нарушении национальной политики» в Крае [Постановление 1936: 73—74; О нарушении 1936: 39—43], в первую очередь имея в виду коренизацию.

В 1930-е гг. публично еще всячески поощрялось развитие культуры и языков наций и народностей (впрочем, эти аспекты общественной и политической жизни никогда не снимались со счетов советского государства). Однако на фоне «глобальных» проблем индустриализации и кооперирования сельского хозяйства «национальная карта» отошла на второй план. Обещанные народам «вольности», как виделось, были предоставлены или возвращены если не всем, то многим. Официально народы стали равноправными. Политический же курс государства склонился к тому, чтобы признать достигнутым разрешение классовых противоречий, а стало быть, и национальный вопрос в стране побеждающего (или уже победившего) социализма выглядел практически исчерпанным. Время диалогов Центра с созданными им национальными автономиями, равно как и союзными республиками, заканчивалось. Наступал период монолога центральной власти. Форма (национальная) по-своему соблюдалась, содержание же (социалистическое) предопределяли обстоятельства и вновь сформулированные политические приоритеты.

Долго сопротивлявшаяся подчинению Ростову Дагестанская Республика в 1931 г. была присоединена к Северо-Кавказскому краю, так как ее «независимое» экономическое, социальное и т. д. развитие Центром было признано неудовлетворительным. Вскоре был реорганизован и сам Край. В начале 1934 г. в «целях приближения руководства к местам» его разделили на два — Азово-Черноморский с центром в Ростове и Северо-Кавказский с центром в Пятигорске⁶. А уже через три с небольшим года, в сентябре 1937 г., Азово-Черноморский край разделили на Краснодарский край и Ростовскую область. Впрочем, к «решению» национального вопроса такая реорганизация вряд ли имела отношение, приоритеты были экономические и административные.

К «национальной теме» относился перенос центра Адыгейской автономной области из Краснодара в Майкоп, по составу населения далеко не адыгский город (даже в настоящее время). Одновременно в состав области был передан Гиагинский район с включением в него Ханского сельсовета Майкопского района [Основные преобразования 1986: 112—113]⁷. Превращение Майкопа в столицу Адыгеи являлось «техническим маневром» Центра по завершению оформления государственности адыгейцев, и не случайно после этого имели место обращения в Центр о возвращении административных и прочих институтов Адыгейской АО в Краснодар, причем исходившие уже от управленческих органов вновь организованного Азово-Черноморского края [Советская этнополитика 2012: 43]. Но что Центр сделал, то сделал, и это была одна из последних, если не последняя его акция по «созданию нации».

Само национальное многообразие в политическом аспекте имело смысл на этапе борьбы за построение «нового общества», а по достижении последнего оно уже выглядело избыточным. Если каждый народ, какой бы величины он ни был, требовал своего «правительства» или представительства в правительственных органах оформленной административно-государственной структуры, своих школ и учебников к ним и еще много чего другого, то Центр не находил денег на подобные цели либо уже не считал необходимым быть особо щедрым. В это время в Центре проявилась новая тенденция — упрощения, унификации излишне сложной этнической структуры населения, которую он сам выпестовал, но оказался не в силах переварить. Оформление государственности адыгейцев (впервые данный этноним появился в начале XX в.) явилось исключением из этой тенденции, ставшей правилом. Оно закрепило, в том числе официально, размежевание трех основных групп адыгского этнического массива: адыгейцев (западную группу адыгов) и восточных адыгов — кабардинцев и жителей Карачаево-Черкесии — черкесов, по языку и культуре практически идентичных кабардинцам (ядром этого этнического/субэтнического образования были так называемые беглые кабардинцы, в начале XIX в. покинувшие пределы Большой Кабарды).

В национальных образованиях проводились культурная революция и языковое строительство, при которых «племенная дробность», «пестрота национального состава» воспринимались как помеха успешному осуществлению поставленных целей. Приоритеты были изменены.

⁶ Сравните с разделением в 2010 г. Южного федерального округа на два, в том числе и Северо-Кавказский.

⁷ «Переезд» «национальных» учреждений Адыгеи в Майкоп сопровождался переводом туда учебных заведений и, в свою очередь, переводом из Майкопа в Краснодар ряда учреждений и учебных заведений [ЦДНИКК. Ф. 4383. Оп. 1. Д. 17в. Л. 47—47 об.].

По разным причинам, связанным в первую очередь с нежеланием центральной власти официально признать огромные потери населения в результате принудительной коллективизации и голодомора, материалы и итоги переписи 1937 г. были признаны неудовлетворительными и были аннулированы. В поле зрения власти попал и национальный аспект проведенной переписи. По тем либо иным причинам (которые я не берусь комментировать в силу незнания соответствующих документов) практика сокращения численного состава народов страны тоже была признана неправильной⁸. По крайней мере, в отношении довольно крупных народов, например таких, как ингуши. В результате профильным организациям было предписано заняться подготовкой к новой переписи населения, намеченной на 1939 г. Институт этнографии АН СССР (функционировавший на базе современного МАЭ РАН) должен был подготовить «Словарь национальностей», а Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра (предтеча современного академического Института языкознания) — «Словарь языков».

Из Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР (вскоре переименованного в Центральное статистическое управление Госплана) в Академию наук и через нее в указанные академические институты пришла соответствующая бумага, в которой говорилось, что подготовленные к переписи 1937 г. словари «содержат ряд извращений и ошибок и поэтому требуют коренного пересмотра и переработки» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 556. Л. 121].

Опустим детали, характеризующие трудности методологического порядка, возникавшие в процессе данной работы у созданных для указанных целей коллективов. Отмечу лишь, что достигнутые ими результаты получили весьма критические отзывы рецензентов — сотрудников исторического факультета Московского университета. Так, доцент З. Черняков, отмечая разного рода противоречия в представленных Академией наук соответствующих словарях и перечнях, писал:

...Они («ученые специалисты Института этнографии». — *Ю. К.*) беззастенчиво ссылаются на тов. Сталина и в подтверждение своей ошибочной позиции приводят цитату, произвольно выхваченную из контекста и вследствие этого искажающую смысл сталинского учения о нациях. Неудивительно, что у авторов первоначального академического проекта получилось «в конечном итоге» 90 наций⁹, национальных групп и народностей, тогда как Сталин в историче-

⁸ Цитированный выше проф. А. Р. Зифельдт-Симумяга в том же документе относительно результатов данной переписи отмечал: «Подобные же тенденциозные буржуазно-националистические искажения допущены УНХУ ряда других республик, и совершенно справедливо „результаты“ этой переписи квалифицированы руководством ВКП(б) и правительством СССР как вредительские и аннулированы» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 556. Л. 36].

⁹ В «Объяснительной записке к проекту Списка национальностей СССР», представленной дирекцией Института этнографии, отмечалось, что за основу его был взят список языков, подготовленный Институту языка и мышления, и он включал 31 нацию, 28 народностей, 31 национальную группу и 30 этнографических групп [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208. Л. 54]. В подготовленной самим З. Черняковым в 1931—1932 гг. учебной этнографической карте значилось «112 народов и народно-

ском докладе о проекте Конституции СССР на чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов отметил, что «в Советский Союз входят, как известно, 60 наций, национальных групп и народностей» [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208. Л. 6—6 об.].

Профессор кафедры этнографии МГУ С. А. Токарев, в основном соглашаясь с отзывом своего коллеги, сделал дополнение об «отсутствии ясного принципа в самом выделении групп. Некоторые народности (особенно народы Сибири) вообще оказались не заслуживающими выделения в особые этнические группы. Для них создана рубрика „Прочие северные народности“... Это совершенно недопустимое с точки зрения советской национальной политики пренебрежение к отдельным народностям, по-видимому, вызвано только их малочисленностью». Данную оплошность усугублял другой недочет разработчиков «Списка». Чуть ниже Токарев добавлял:

Напротив, в «перечне» выделены в отдельные группы некоторые такие народы, в отношении которых это выделение не представляется необходимым. Так, например, едва ли следует создавать отдельную народность абазин¹⁰. Можно также поставить под вопрос целесообразность отделения... ингушей от чеченцев, карачаевцев от балкарцев, — когда языковые и культурные различия между этими этническими группами сравнительно невелики [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208. Л. 2—3].

В итоге рецензенты требовали от авторов списков существенной доработки, предлагая им собственные рекомендации по существу вопроса. Те, в свою очередь, объясняли различным инстанциям или, скорее, даже оправдывались перед ними за указанные недочеты в работе и готовы были согласовывать свои решения с вышестоящими структурами и различными организациями¹¹. Приведу примеры, относящиеся к некоторым народам Кавказа:

Аджарцы составляют с грузинами в этнографическом отношении одно целое. Должны ли они быть выделены, как население Аджарской республики, в

стей вместо 169, учтенных переписью 1926 г. 57 оставшихся народностей не отброшены, а включены в состав 112. Дальнейшие сокращения были невозможны, так как иначе карта теряла бы свое научное значение» [АМАЭ. Ф. К-І. Оп. 1. Д. 137. Л. 8].

¹⁰ Абзины сохранили самостоятельность не в последнюю очередь благодаря стараниям А. Н. Генко и Л. И. Лаврова. Первый к этому времени завершил составление грамматики абазинского языка, а второй, его ученик, приступил к написанию историко-этнографического очерка об абазинах [Лавров 1998: 214].

¹¹ Ученые, с подобающей их званию обстоятельностью, отмечали нюансы лингвистической и этнографической картины страны, в том числе Кавказа. Например, в примечаниях относительно малого народа Дагестана каратинцев (каратаи) говорилось: «Хотя к каратаям (каратаинам) обычно причисляются тукитинцы (токитинцы), живущие в сел. Тукита Ахвахского р., но они резко отличаются и по быту, и по языку от каратинцев» [АМАЭ. Ф. К-І. Оп. 1. Д. 556. Л. 13]. Схожее сообщалось относительно «своеобразных» групп населения в составе багулалов и других малых народов. Примечателен и такой факт. О дидойцах отмечалось, что их желательно именовать по самоназванию цезами, «так как названия дидойцы, дидои воспринимаются как оскорбительные» [Там же. Л. 14]. На чем основывалось данное утверждение, не пояснялось. В дальнейшем этноним *цезы* стал общеупотребительным. Любопытно, что в местной — цезской/дидойской среде в последние годы наблюдалась активизация общест-венности, ратававшей за возвращение к этнониму *дидойцы* (см.: [Карпов 2007: 531—536].

особую национальность в интересах использования этих данных для хозяйственного и культурного строительства — следует выяснить в Совете Национальностей.

После объединения Чеченской и Ингушской А.О. некоторые исследователи полагали, что ингушей и чеченцев следует считать единой национальностью: чечено-ингушами (кохч-галгай; так в оригинале. — Ю. К., должно быть нохч-...). Но по другим материалам (отчет Мандатной комиссии Верховного Совета СССР) учитываются отдельно. Вопрос этот желательно согласовать с Чечено-Ингушской республикой [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208. Л. 42].

Сложнее всего обстояло дело с народами Дагестана, причем не только малыми, но и большими.

Вопрос об отнесении балкар (они, впрочем, не дагестанцы. — Ю. К.), даргинцев, лаков, лезгин, кумыков и авар к нациям или народностям необходимо согласовать с Советом Национальностей. При окончательном решении Совета Национальностей вопроса об отнесении авар к нациям или народностям необходимо в том и другом случае особо учесть в том числе и этнографические группы, объединяемые нами под именем андо-дидойцев, живущих на одной высокогорной территории (долина Андийского Койсу), примерно в одинаковых экономических и культурных условиях, имеющих свои родные языки и обслуживающихся аварской школой и письменностью. При разработке данных переписи их желательно выделить для того, чтобы иметь цифровые данные, характеризующие их культурное развитие [Там же. Л. 64]¹².

Здесь же добавим, что Институтом этнографии давались конкретные рекомендации непосредственным участникам переписи: отмечалась необходимость фиксировать самоназвание представителей тех или иных этнических образований, а также снять определение «чечено-ингуши», так как в списке чеченцы и ингуши «даны отдельно», то же применительно к карачаевцам и балкарцам, «каждому, кто назовет себя черкесом, необходимо поставить дополнительный вопрос: кабардинец или адыгеец?» [Там же. Л. 70, 90].

Впрочем, благие пожелания ученых не были услышаны теми, кто непосредственно руководил переписью. Видный кавказовед А. Н. Генко в отзыве на подготавливавшийся Институтом этнографии однотомник «Народы СССР» сетовал на отсутствие в опубликованной сводке материалов переписи 1939 г. данных о «мелких этнических единицах Кавказа (в частности, всех народах Дагестана)» [АМАЭ. Ф. К-І. Оп. 1. Д. 639. Л. 50]¹³.

¹² Относительно малых народов говорилось, что они еще «окончательно не изжили своих старых племенных особенностей и еще окончательно не сложились ни в нацию, ни в народность» [АМАЭ. Ф. К-І. Оп. 1. Д. 556. Л. 113—113 об.]. Судьба этих народов Дагестана будет окончательно решена властью с учетом «научных обобщений» этнографов в 1950-е гг.; подробнее см.: [Карпов 2010б: 19—24].

¹³ В подготовленном сборнике по малым народам Дагестана были приведены статистические данные переписи 1926 г. [АМАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 139]. В этом же отзыве Генко отмечал: «Основной недостаток статей, посвященных Кавказу, состоит, на мой взгляд, в том, что собственно этнографический материал, который, если не ошибаюсь, должен по замыслу издания доминировать, отсутствует, отступает в них в общем на задний план, будучи заслонен чрезвычайным обилием статистических, по существу экономических данных; равным образом „историческая справка“ перерастает в некоторых статьях в равноправный по объему остальной части статьи отдел» [АМАЭ.

Собственные рекомендации по проведению переписи давали и представители местной власти. Из Нальчика поступило замечание о необходимости исправлять обозначения «балкары» на «балкарцы», «так как последнее начертание принято как в официальном, так и литературном языке Кабардино-Балкарии». Из Орджоникидзевского (читай Ставропольского) края писали:

...Мы не нашли черкесов. Нам это совершенно непонятно, если принять во внимание, что в Орджоникидзевском крае имеется Черкесская автономная область, на черкесском языке издается газета... считаем необходимым пополнить список национальностью «черкесы» [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 210. Л. 54].

Вопрос о том, кого именовать черкесами, кого адыгейцами, равно как и другие, схожие с ними, в то время был актуальным в связи с завершением оформления национально-государственного и территориального устройства в регионе ¹⁴.

Ф. К-И. Оп. 1. Д. 639. Л. 49]. В то время заведующий Кабинетом Кавказа Е. Г. Кагаров относительно предложенного плана подготовки статей для данного сборника писал от имени сотрудников Кабинета: «Основным недостатком плана является требование весь этнографический материал (материальная культура, общественная жизнь, народное творчество) излагать под углом зрения постоянного противопоставления старого и нового быта по каждому вопросу раздельно, вследствие чего получается крайняя чересполосица, и цельная, стройная картина социалистического переустройства быта разбивается на множество мелких, разрозненных штрихов» [АМАЭ. Ф. К-И. Оп. 1. Д. 639. Л. 63]. В подготовленном к изданию сборнике эти замечания были учтены [АМАЭ. Ф. К-И. Оп. 1. Д. 79].

¹⁴ Здесь же любопытно привести такой факт. Институт абхазской культуры, откликнувшийся на предложение Центра местным инстанциям высказать свои замечания по составленным Академией наук спискам национальностей и языков и согласившийся с предложениями относительно абхазов, обратил внимание на другое: «По отношению к внесенным в I разряд „осетинам“, считать целесообразным следующее добавление: „в том числе северо-осетины и юго-осетины“. Основание: Хотя осетины и могут считаться единой нацией, (но) поскольку существует Северо-Осетинская автономная республика (входящая в РСФСР) и Юго-Осетинская а.о. (входящая в Грузинскую ССР), постольку в интересах хозяйственного и культурного строительства данных республики и области — желателен отдельный учет Северо-Осетии и Юго-Осетии» [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 210. Л. 63]. Чем была вызвана подобная инициатива абхазских товарищей, чем они при этом руководствовались, не вполне понятно.

Примечательно, что со стороны (и при желании) данные процессы могли восприниматься совсем иначе. Так, например, представитель кавказской эмиграции в Европе осетин Б. Байтуганов писал в это время: «Несмотря на то что советская политика сознательно стремится к племенному дроблению Северного Кавказа, идея общегорского единства выявляется во всех тех начинаниях, которые можно назвать (даже в советских условиях) начинаниями горской общественности. Таковым является, например, кампания по унификации горских алфавитов, о которой все время пишут различные горские авторы и которая систематически саботируется русскими „специалистами-лингвистами“. Если бы горцы не сознавали свое национальное единство, то кому бы из них пришло в голову (особенно в условиях советских, где правящая власть всячески стремится к дифференциации подвластных себе народов) создавать единый алфавит для языков, принадлежащих в основном к трем различным группам: яфетической, тюркской и иранской... Нельзя отрицать и того, что на Северном Кавказе подготовляются кадры интеллигенции, которые в большинстве мыслят национально. Этому способствует вся советская действительность, а в особенности методы советской пропаганды, которые весьма часто дают повод к нежелательным для советской власти

Именно с ним, судя по всему, нужно связывать то, что карачаево-балкарцы в итоге оказались разделенными на два народа (хотя и с общим литературным языком), ибо проживали в разных национально-административных образованиях (Кабардино-Балкарской АССР и Карачаевской АО).

Разделили и чечено-ингушей. Они проживали в одной административно-территориальной единице, и подобный шаг, вероятно, можно связывать с высказывавшимися Центром и ранее опасениями по излишнему усилению «наций», претендующих на создание собственных «Великих» национальных образований. Ситуация в регионе, как и национальная политика страны в целом, была довольно противоречивой. Хотя в последней все отчетливее прослеживалась жесткая линейность.

Развенчание планов и лидеров

Ранее упоминалось о принятом в Дагестане в 1927 г. плане земельно-водной реформы, который предусматривал масштабные оросительно-мелиоративные работы в равнинной зоне этой «страны» и такое же переселение туда горцев, интенсивную эксплуатацию Кизлярского округа и Ачикулакского района. Данный план начал осуществляться.

Однако уже в начале 1932 г. по поводу его реализации тогдашним секретарем Дагестанского обкома М. Шарапиловым на XII областной партийной конференции было высказано следующее:

В процессе проведения ЗВР (земельно-водной реформы. — Ю. К.) в связи с новыми задачами мы столкнулись с положением, что план мероприятий ЗВР должен быть пересмотрен. Основная ошибка ЗВР заключалась в том, что план мероприятий ЗВР совершенно недооценивал производственных возможностей самих гор... Переселенцы, которые переселились на плоскость, в значительной степени возвращались обратно. За три года проведения ЗВР мы потратили 9—10 млн. руб. Но хозяйственного и политического эффекта, который мы должны были получить от проведения ЗВР, мы не получили... [Аграрный вопрос 2006, т. 1: 192].

В последующем были отмечены и другие ошибки разработчиков указанного плана. В 1970-х гг. тогдашний первый секретарь Дагестанского обкома КПСС А. Д. Даниялов писал:

Его составители рассчитывали на то, что дополнительные наделы, предоставляемые овцеводческим хозяйствам, в первые четыре года после реформы станут служить пастбищами, а в дальнейшем будут распахиваться. Эта идея оказалась беспочвенной, поскольку 80 % горских хозяйств вообще не имели овец и, следовательно, не могли использовать дополнительные наделы под пастбища. Объективно реформа приводила к усилению крупных овцеводов, которые пользовались предоставленными (сельскому. — Ю. К.) обществу пастбищами бесплатно... Кроме того, план реформы не учитывал переход к коллективным формам хозяйства, не предусматривал создания совхозов, не ставил вопроса о сельскохозяйственном развитии горных районов [Даниялов 1975: 85, 86].

аналогиям и фактически направляются против нее самой, ибо в своей сущности она продолжает оставаться властью русской над „инородцами“» [Кристаллизация 2001: 15].

Действительно, рубеж 1920-х и 1930-х гг. и начало нового десятилетия были ознаменованы масштабными планами и действиями по кооперированию сельскохозяйственного производства. И если для отдаленных, труднодоступных горных районов делались поправки в сроках осуществления данных планов (массированное кооперирование привело к вооруженному сопротивлению жителей ряда горных районов, о чем говорилось ранее), то для равнинных территорий Северного Кавказа они исключались. А в деле колхозного строительства и достижения новых результатов по объемам сельхозпродукции руководству ДАССР, судя по всему, гордиться было нечем. Положение в других областях жизни дагестанского общества в Центре также было признано неудовлетворительным и, как следствие этого, были сделаны оргвыводы¹⁵.

В марте 1931 г. секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) А. И. Муравьев на IV пленуме областной партийной организации говорил о недостатках в работе республиканских хозяйственников еще в общих чертах [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1406. Л. 330]. Но вскоре был проведен следующий пленум той же организации, и принятые на нем решения (с очевидностью вынужденные) кардинально отличались от предыдущих (мы не нашли в архиве материалы этого пленума). Впрочем, об их содержании нетрудно судить по закрытому письму, подписанному новым секретарем обкома А. Цехером и разосланному во второй половине того же года в райкомы и в Махачкалинский горком республики. В нем положение в республике оценивалось (при отмеченных определенных достижениях в развитии промышленности и коллективизации сельского хозяйства преимущественно в плоскостных районах) весьма критически¹⁶. В «период развернутого наступления социализма по всему фронту» развитие республики оценивалось как неудовлетворительное, констатировалось «отставание Дагестана от большевистских темпов Союза, а также соседнего Северо-Кавказского Края и автономных областей и нацреспублик СССР». Из этого следовал простой оргвывод — включить ДАССР в состав Северо-Кавказского края — передового в отношении коллективизации и промышленно развитого.

Решение ЦК ВКП-б о вхождении Дагестана в Северо-Кавказский край имеет величайшее политическое значение; это огромный исторический акт, который при «помощи передовых отстающим (Сталин) — буксира Северо-Кавказской парторганизации рабочего класса и колхозников — центральной фигуры в земледелии, позволит Дагестану использовать весь опыт и достижения промышленного строительства и соц[иалистической] реконструкции сельского хоз[яйст]ва Северо-Кавказского края». Дагестанская партийная организация отныне подчинялась краевой, что должно было обеспечить «более

¹⁵ На этом фоне довольно странной выглядит статья, опубликованная в одном из московских журналов, озаглавленная «Большевики Дагестана добились решающих успехов на культурном фронте» [Мальсагов Н. 1932].

¹⁶ В письме, в частности, указывалось: «Лимиты промстроительства 1929—30 года были не освоены почти на 50 %... Особенно слабая коллективизация животноводства (4—5 %) главным образом в нагорных районах, составляющих 75 % всего животноводства Дагестана. Земельно-водная реформа, которая должна была ликвидировать остатки феодально-родовых отношений и ускорить соц[иалистическую] реконструкцию сельского хоз[яйст]ва, проводилась крайне медленно» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. № 1403. Л. 53].

непосредственное руководство и быстрое разрешение основных политических и хозяйственных вопросов Дагестана». Помимо этого данный акт объявлялся «ленинским разрешением национального вопроса». В качестве прецедентов и положительных образцов решения этого вопроса называлось включение Республики немцев Поволжья в Нижне-Поволжский край, а Республики Карелия в Ленинградскую область.

Новое партийное руководство Дагестана категорично указало, что все ранее звучавшие доводы против вхождения республики в Край являются происками шовинистически и националистически настроенных классовых врагов, ибо ныне казачество представляет собой колхозное крестьянство и является опорой советской власти¹⁷.

Попытки вести агитацию, что вхождение ДАССР в Сев. Кав. край „ликвидирует“ автономию Дагестана, что ДАССР будет разбита на отдельные районы и т. д. — эти попытки должны пресекаться в корне. Всяким попыткам агитации националистических элементов о том, что Дагестан с вхождением в С.-К. край подпадет под влияние казачества, как было прежде, должен быть дан самый жесткий отпор, как агитации классового врага...

В такой же категоричной форме была заявлена недопустимость «ориентации на восток... как отражения пантюркистских настроений, делающих ставку на тюркизацию Дагестана», которая, как говорилось в письме, значительно влияла на политическую жизнь республики.

Далее подчеркивалось, что Дагестану гарантируются территориальная целостность, льготы и преимущества в хозяйственно-культурном строительстве, представительство в управленческих структурах края. И наконец отмечалось, что окончательное оформление вхождения ДАССР в состав упомянутого края произойдет на внеочередном съезде Советов республики, который «выразит волеизъявление согласия трудящихся...» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1403. Л. 52—62].

Президиум Всероссийского ЦИК, «рассмотрев решение IX внеочередного Вседагестанского съезда Советов» (явно сыницированного Центром), утвердил его, и таким образом Дагестан оказался в составе указанного края [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1440. Л. 2]. Соответствующее решение было принято и Политбюро ЦК ВКП(б). В его постановлении от 5 июля упомянутого года говорилось, что границы ДАССР остаются неизменными, а объединение имеет цель на основе единого с краем хозяйственного плана обеспечить максимальное использование природных богатств для хозяйственного и культурного строительства [ЦК РКП(б) 2005: 666].

Вслед за постановлением и оргвыводами была организована широкая кампания по оказанию Дагестану разносторонней помощи. К их выполнению подключались самые разные организации. Из Ростова командировались опыт-

¹⁷ В это же время республиканская власть стремилась сгладить негативное восприятие горцами русских, в историческом аспекте переводя его коллизии в русло классовых противоречий. Так, автор публикации в журнале «Социалистическое строительство Дагестана», критикуя оппонента за слова о гнете, который испытывали дагестанцы «под сапогом расейского солдата», отмечал, что «расейский солдат» — это рабочие и крестьяне, использовавшиеся самодержавием для разжигания национальной вражды [Сухоруков 1930: 76].

ные хозяйственники, работники финансовых и советских структур, народного образования. Было принято решение о создании в столице республики педагогического института и о переводе из Орджоникидзе в Махачкалу нескольких факультетов Горского сельскохозяйственного института, об открытии медицинского и химического институтов (последний должен был быть переведен из Новочеркасска). «Передовые районы» Северо-Кавказского края и ряд входивших в него национальных областей (Северо-Осетинская, Адыгейская, Кабардино-Балкарская), а также Центрально-Черноземная область взяли шефство над конкретными районами Дагестана. Чеченская область обязалась ликвидировать неграмотность среди единоплеменников, проживающих в Дагестане. Петроградский район Ленинграда решил оказать Дагестану помощь в налаживании работы жилищной кооперации. В республику в немалых размерах стала поступать сельскохозяйственная и другая техника [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1399. Л. 4—24; Д. 1678. Л. 6, 8—9]. Были значительно увеличены капиталовложения в экономику республики, и это благотворно сказалось на ее развитии [Летифов 1972: 119].

Краевая партийная инстанция в октябре 1931 г. выпустила собственное постановление о взаимоотношениях с вновь присоединенной республикой. Его тональность соответствовала пропагандистским установкам советской национальной политики.

Вхождение Дагестана в состав Сев. Кав. края ставит перед краевыми советскими, хозяйственными и кооперативными организациями важнейшие задачи с точки зрения правильного обслуживания Дагестана.

Крайком обязывает руководителей всех краевых организаций переключиться на оперативное руководство соответствующими организациями Дагестана, проявляя особую тщательность и внимательность ко всем вопросам, которые в какой бы то ни было мере связаны с Дагестаном, причем особое внимание должно быть направлено к тому, чтобы гарантировать недопустимость каких-либо великодержавных проявлений со стороны отдельных шовинистических элементов, имеющих еще в наших краевых аппаратах. Любой документ, любая директива, исходящая из краевого учреждения или организации, касающаяся Дагестана, должна быть глубоко продумана как по существу, так и по форме, должна соответствовать установкам, данным в решениях ЦК Партии и ВЦИК'а [Там же. Л. 24].

Большое количество задач было поставлено и перед дагестанской партийной организацией, в частности, задача «обеспечить дифференцированный подход к различным районам Республики, строго учитывая экономические и политические особенности плоскости, гор и отдельных районов, ни в коем случае не допуская общего подхода и шаблона в этой работе» [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1399. Л. 123].

Включение Дагестана в состав Северо-Кавказского края не нанесло сколько-либо заметного ущерба «национальным интересам». Политика коренизации аппарата (не только на местах, но и в высшем республиканском эшелоне власти)¹⁸, формирования национальных кадров, языкового строительства продолжилась, как и в целом по стране, до второй половины 1930-х гг. По

¹⁸ Укажем только, что в 1930—1934 гг. секретарем Дагестанского обкома ВКП(б) являлся М. Шарапилов, а после него до 1937 г. — Н. Самурский.

«национальным чувствам» больно ударили широко развернутые Центром кампании колхозного строительства и борьбы с религией. Хотя их переживало население всех регионов страны, но в каждом из них были свои объективные и субъективные нюансы. В Дагестане они определялись тем, что там служители культа, как в свое время отмечал Н. Самурский, составляли значительный процент населения, занимая открытую и важную позицию в жизни местного общества.

При финансовом обеспечении Центра продолжалось осуществление плана земельно-водной реформы с переселением горцев на равнину. Участие Москвы и Ростова в делах республики предполагало контроль со стороны соответствующих инстанций за деятельностью руководства республики и почти всем, происходящим на ее территории. Хотя Кизлярский вопрос до поры не возникал, но «проблему Терека» краевая и центральная власть пристально отслеживали¹⁹.

До середины 1930-х гг. руководство республики и опосредованно с ним сам Дагестан балансировали в отношениях с Центром. В 1935 г. в соседних номерах журнала «Революция и национальности» были помещены статьи, одна (в свете решений ВЦИК) содержала информацию о том, что планы в промышленности, животноводстве, виноградарстве, на рыбных промыслах и т. д. Дагестаном не выполнены [Нурмаков 1935: 15—17], во второй, написанной секретарем Дагестанского обкома Н. Самурским, отмечалось, что Дагестан — «страна богатая и цветущая... сознательных и активных строителей социализма» [Самурский 1935: 47, 48].

Прокатившийся по стране в 1937 г. шквал политических репрессий градом обрушился и на Дагестан.

Чистка кадров и перестройка политики началась после февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б). Член бюро Дагестанского обкома Ю. Н. Шовкринский был обвинен в создании «теории неверия построения социализма в горах... Он считает, что Дагестан — горы, это особый утес, к которому неприменительна политика партии» [Репрессии 1997: 179]. В итоге позиция дагестанского республиканского руководства по земельной реформе и переселенческой политике была признана вредительской.

В сентябре 1937 г. газета «Правда» опубликовала статью «Гнилая позиция дагестанского обкома». На состоявшемся вслед за ее выходом республиканском партактиве второй секретарь обкома М. Сорокин, в частности, сказал:

В свое время проводилась земельно-водная реформа, по существу являвшаяся вредительской с точки зрения того, что в горах социализма строить нельзя, нужно всех горцев переселить на плоскость. Эта посадка на плоскость так была организована и так проводилась, что в основном создала среди горских масс, среди горцев, живущих в горах бедняков и середняков исключительное озлобление этим мероприятием. Многие бедняки и середняки из горных рай-

¹⁹ В октябре 1931 г. Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б) издал постановление, в котором говорилось: «...Придавая огромное значение проблеме Терека, обязать в 2-месячный срок крайисполком вместе с дагестанским правительством разработать план конкретных мероприятий, связанных с ускорением (решения) проблемы Терека и внести свои предложения в Москву, предварительно рассмотрев их на бюро Крайкома ВКП(б)» [Об очередных задачах 1931: 67].

онов, переселенные в свое время на плоскость, вынуждены были через непродолжительное время вернуться обратно в свои горные аулы [Аграрный вопрос 2006, т. 1: 199].

Выступил и нарком внутренних дел ДАССР В. Ломоносов, обративший внимание на действия Н. Самурского, в основу которых якобы «была положена теория такого порядка, что „горы это каменный мешок и надо с гор переходить на плоскость, социалистическое переустройство гор невозможно“»:

Целевой установкой земельно-водной реформы было переселено 48 000 горских хозяйств... Товарищи, обвиняемые вредители, которые сами вредили в земельно-водной реформе, говорят, что в плане было забыто социалистическое переустройство гор, в то время когда сотни и тысячи вкладывались в неплодородные солончаковые земли. Таким образом продолжалось в течение нескольких лет... Деньги долгое время тратились на солончаковые земли вместо того, чтобы расширить сады, построить оросительную систему и т. д. ... Теперь о кулаке. До 1936 года, так называемая политика ограничения и вытеснения кулака в горных районах Дагестана проводилась, по существу, формально... [Репрессии 1997: 300—301, 303]²⁰.

Нажмутдин Самурский в августе 1937 г. написал письмо Иосифу Сталину, в котором оправдывался, выгораживая себя и ссылаясь на вредительство «троцкистско-бухаринских двурушников и буржуазных националистов», осуществлявших свою деятельность в экономике и политике, проводимой в республике до того, как он сам возглавил местный обком [Советская этнополитика 2012: 126—136].

В начале 1936 г. прокурор СССР А. Я. Вышинский направил послание в ЦК ВКП(б) о «контрреволюционной организации в Кабардино-Балкарии», главным фигурантом которого стал «бывший пред.» облисполкома Келлет Ульбашев, якобы нацеливавшийся отсоединить Балкарию от Кабарды [Советская этнополитика 2012: 54—56].

О слезном письме Сталину Бетала Калмыкова говорилось ранее.

Судьба упомянутых и целого ряда других политиков была предрешена, равно как предрешенной оказалась и проводившаяся ими линия реорганизации жизни республик-«стран». Их объявили врагами народа со всеми вытекающими из этого последствиями. Они поплатились жизнью, а имена этих людей были опорочены по всем статьям.

Об Н. Самурском, в частности, писали, что у него нет никаких заслуг перед Дагестаном в плане обретения последним автономии, а все таковые в этом принадлежат Сталину [ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4347. Л. 13].

В таком обвинении имелася доля правды. Самурский действительно первоначально сомневался в возможности установления автономии, ссылаясь на нехватку подготовленных для организации работы в оной кадров [Османов А.

²⁰ Одновременно Н. Самурский, Ю. Шовкринский и др. обвинялись в очковитирательстве, выражавшемся в том, что в Москву они посылали искаженные данные о проделанной работе и требовали все новых и новых денег, а равно в национализме, осуществлявшемся якобы под лозунгом «подальше от социалистической русской культуры, подальше от Москвы», в потворстве духовенству и религии [Репрессии 1997: 180, 209, 211, 289, 295, 299].

2007: 135—136]²¹. Однако нельзя не признать, что вся его деятельность (как фигуры честолюбивой) сразу же после установления в Дагестане советской власти была сконцентрирована и энергично направлена на обретение этой республикой полновесной автономии (самостоятельности).

В скором времени после означенных мероприятий последовали события, которые существенно скорректировали экономическое развитие, в частности Дагестана, на последующие годы. В феврале 1938 г. присоединенные к ДАССР за пятнадцать лет до этого Кизлярский и Ачикулакский районы «в целях успешного хозяйственного развития» были от него отделены и переданы Орджоникидзевскому краю (который в основных границах соответствовал современному Ставропольскому краю, правда, пастбищные угодья на этих территориях остались за хозяйствами горных районов Дагестана) [Известия. 1938. № 45].

Они будут возвращены Дагестану без малого через 20 лет после решений и дел, предпринятых Центром в отношении Чечено-Ингушской АССР: сначала ее ликвидация с выселением жителей в Среднюю Азию и Казахстан и переезда, в том числе Дагестану, ряда районов; затем восстановление ЧИАССР с новой перетасовкой политической карты и людских судеб в 1957 г. Но все это произойдет за временными рамками, указанными в названии книги.

Завершение оформления новой политической линии

Новую политическую линию в национальной политике страны отличала выраженная противоречивость.

В издании с официозным названием «Итоги разрешения национального вопроса в СССР» неоднократно упоминавшийся С. М. Диманштейн писал:

Подчеркивая огромное значение национального вопроса и в то же время подходя к нему диалектически, т. Сталин указал на подчиненное место национального вопроса в общей борьбе пролетариата и предлагал не преувеличивать его значения, как это делали некоторые представители национальностей [Итоги 1936: IX].

И в другом месте:

Наше федеративное объединение было направлено на преодоление недоверия местных людей, — что требует длительного исторического срока, причем принцип децентрализации вовсе не противопоставлялся централизации» [Там же: XV].

Очевидно, что ход политической и экономической жизни страны к середине 1930-х гг. предопределил второстепенность (а лучше бы сказать — второзначимость) национального фактора. Его не могли отбросить ввиду осуществления всего предыдущего политического курса партии и государства, од-

²¹ Здесь к месту отметить скепсис в отношении образования автономий, высказываемый и другими «националами», в последующем деятельно участвовавшими в жизни таковых. К их числу относился и будущий председатель Горской АССР С. Мамсуров, в декабре 1920 г. говоривший, что «еще не пришло время давать автономии» [Мемсиров 2004: 78].

нако над ним не желали особенно хлопотать, ибо формально он должен был вот-вот быть узаконен (что произойдет в соответствии с Конституцией 1936 г.).

Диалектика, а правильное сказать, внутренняя противоречивость подобных высказываний являлась органичной чертой заявлений и действий тогдашних политиков (они косвенно согласовывались с одним из основополагающих принципов организации внутрипартийной жизни — принципа демократического централизма).

Это достаточно отчетливо фиксируется и на примере изменения взглядов на историю, конкретно — подхода к преподаванию истории, который варьировал в зависимости от весьма субъективных обстоятельств.

В конце 1928—начале 1929 г. состоялась I Всесоюзная конференция историков-марксистов [Всесоюзная конференция 1929; Труды 1930], часть участников которой сетовали на то, что традиционная для прежних собраний аналогичного формата «русская секция» была заменена секцией «истории народов СССР», из чего они делали вывод, что «теперь вообще русской истории, по-видимому, уже нет» [Пионтковский 2009: 230]²². Для этого имелись достаточно веские основания и ссылаться при этом можно было (хотя тогда еще не публично) на пользовавшегося благоволением власти предрассудочного историка М. Н. Покровского.

Очень скоро взгляды М. И. Покровского и иже с ним будут развенчаны. Автор, задействованный в обличении данной фигуры, писал:

Покровский и вся его школа полностью игнорировали ленинско-сталинские указания в отношении изучения истории народов СССР и в этом основном вопросе стояли целиком на позициях, отражавших буржуазное влияние на нашу историческую науку. Судьба отдельных народов России как субъекта исторического процесса не интересовала дворянско-буржуазных историков [Панкратова 1939: 67].

И это при том, что под редакцией М. И. Покровского была опубликована 4-томная «История России и народов СССР», при его кураторстве появился учебник Н. Н. Ванага «Краткий очерк истории народов СССР», а сам он на упомянутом съезде историков-марксистов публично заявлял:

Мы поняли — чуть-чуть поздно, что термин «русская история» есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом «единой, неделимой»... История угнетенных народов не может не упоминать об истории на-

²² В свете рельефно обозначившихся в украинской исторической науке явлений небезынтересно замечание С. А. Пионтковского, высказанное под впечатлением работы данного съезда: «...Украинцы под историю Украины относят все, что совершилось на территории Украины, определяя эту историю по географическим принципам. А не по принципам социальным. При такой постановке национальный вопрос для них превращается не в средство, а в самоцель. Это, вот, пожалуй, основной итог съезда» [Пионтковский 2009: 230—231]. Вскоре после этого состоялась новая встреча историков, на которой лидер украинской науки, Рубич, по словам того очевидца, С. А. Пионтковского, «очень твердо требует от нас внесения национального момента в историю, но что он в своей украинской истории ориентирован очень плохо. Он едва-едва знает ее, но зато необыкновенно громко и решительно обвиняет в национал-шовинизме. Вообще сейчас сказать человеку, что он великодержавный шовинист, — это привести его в ужас, напугать до смерти» [Там же: 341].

рода-угнетателя. Но отсюда заключать к их тождеству было бы величайшей бессмыслицей [Труды 1930: IX].

Так либо иначе, но через пять лет, а именно в конце марта 1934 г., состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором обсуждались вопросы о введении учебного курса «гражданской истории» в школах и вузах, а также об учебниках для них. И на этом заседании, при некоторой неопределенности высказывавшихся суждений, выступил тов. Сталин и, естественно, расставил точки над *i*:

Сталин говорил очень тихо. В руках он держал все учебники для средней школы, говорил с небольшим акцентом, ударяя рукой по учебнику, заявил: «Учебники эти никуда не годятся... Что это такое „эпоха феодализма“, „эпоха промышленного капитала“, „эпоха формаций“ — все эпохи и нет событий, нет людей, нет конкретных сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания. Это никуда не годится». То, что учебники никуда не годятся, Сталин повторил несколько раз. Нам, сказал Сталин, нужны другие учебники, с фактами, событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники древнего мира, средних веков, нового времени, история СССР, история колониальных и угнетенных народов. Бубнов (нарком просвещения. — *Ю. К.*) сказал: может быть, не СССР, а история народов России. Сталин говорит — нет, история СССР, русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас... [Труды 1930: 506—507]²³.

Но через два года ситуация, которая определялась менявшимися установками «верховного», обрела новую конфигурацию. Ссылаясь на обсуждение «в верхах» все тех же учебников, С. Диманштейн, курировавший «национальный вопрос» в стране, писал в журнале «Революция и национальности», цитируя «новых классиков»²⁴: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР». И от себя добавлял:

Эти замечания руководителей нашей партии по поводу истории СССР как истории всех народов СССР служат для нас руководством к действию... Нельзя писать историю СССР, не осветив исключительной роли национальностей в революционном движении, особенно таких стран, как Закавказье, и других крупных революционных центров [Диманштейн 1936: 17, 20].

Работа научно-исследовательских институтов соответствующего профиля была срочно скорректирована [О. К. 1936].

²³ Здесь позволим себе привести следующую запись из дневника Пионтковского, которая не имеет прямого отношения к рассматриваемой теме, но в достаточной мере характеризует ощущение вершителями судеб страны той поры своих возможностей и прав. «Между прочим, — записал С. А. Пионтковский, — полемицируя с Крупской, Сталин высказал интересную мысль, что в течение второй пятилетки не исчезнет разница между физическим и умственным трудом (о чем упомянула на этом заседании Крупская. — *Ю. К.*). Мы, говорит, страна нищая, малокультурная, нам нужно воспроизводить квалифицированную рабочую силу, а это есть воспроизводство противоположности между физическим и умственным трудом» [Пионтковский 2009: 506—507].

²⁴ В это время высшим лицом в стране был подвергнут сомнению и тезис Ф. Энгельса о реакционной внешней политике России в XIX в. [Сталин 2006: 237].

Все это было слепком с «явления», которое применительно к исторической науке того времени характеризуют как «причудливую смесь патриотизма с марксизмом», где пролетарский интернационализм пришел на смену мировой революции, где не следовало расценивать присоединение «иностранцев» к России как абсолютное зло. Вхождение в последнюю, в частности, Украины и Грузии интерпретировалось как «наименьшее зло» для них (в отношении Грузии такую поправку сделал Сталин), и подобная оценка была распространена на едва ли не все вошедшие в состав государства народы и национальные окраины, главным образом восточные. Это привносило в проблему своеобразный евразийский контекст или компонент, особенность которого в немалой степени определялась внешней и внутренней ситуацией и политикой СССР. Прозвучавшие в те годы замечания о том, что слова нового гимна «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь» опровергают тезис о народе-собирателе (принадлежащий Сталину), так как Союз является не продолжением, а отрицанием «единой неделимой России», единство же народов в новых условиях выросло через разрушение царской России — «тюрьмы народов», были проигнорированы политическим руководством [Ганелин 1998: 103, 107, 108, 112]. Это, однако, и вполне естественно, не отрицало подготовку работ по истории народов страны в дореволюционном прошлом, о вызревании революционного движения в их среде, о «национальной политике партии и советской власти», а также подготовку кадров по истории народов СССР, расширение и углубление связей с местными научными учреждениями [О. К. 1936: 79—83]. При этом следовало не «перегибать палку», дабы не получилось как с «Историей Казахской ССР», которая была оценена как антирусская [Ганелин 1998: 111].

Отмеченное в полной мере отражало изменения в идеологии национально-государственного, а точнее, уже просто государственного строительства. Пятнадцать лет до этого (см. материалы XII съезда РКП(б)) акцент делался на великодержавном шовинизме, с которым, по оценке политиков той поры, не мог соперничать местный национализм. Вскоре они, с подачи главного лица в стране, уравнили свои позиции. На XVII съезде ВКП(б) И. Сталин говорил так:

Что значит уклон к национализму, — все равно, идет ли речь об уклоне к великорусскому национализму или об уклоне к местному национализму? Уклон к национализму есть приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистической политике буржуазии... Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность, уклон к великодержавному национализму или уклон к местному национализму? При современных условиях это — формальный и поэтому пустой спор. Глупо было бы давать пригодный для всех времен и условий готовый рецепт о главной и неглавной опасности. Таких рецептов нет вообще в природе. Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности [Сталин 1952б: 361, 362].

Теперь, далеко не косвенным порядком, главной опасностью для государства как в целом сформировавшейся политической целостности (сложно структурированной), чего нельзя сказать о реально сложившейся социальной общности, стал местный национализм, так либо иначе угрожавший главному звену «структуры» и «системы» — государству.

В это время политическое руководство представило «своему» народу и миру Конституцию — «самую демократичную» из возможных. В ней были учтены результаты деятельности, которую оно, руководство, осуществляло на протяжении полутора десятков лет и особенно активно в последнее десятилетие. Были реабилитированы бывшие кулаки, белогвардейцы, казачество, духовенство и др. Был значительно повышен статус административно-территориальных национальных образований. Республики Средней Азии и Казахстан были преобразованы в союзные. На Северном Кавказе большая часть автономных областей была «переведена» в разряд автономных республик, что позволяло жителям каждой из республик ожидать «еще большего расцвета своей страны» [Мугуев 1936: 47]. Автономные республики обрели право на собственные конституции, которые должны были (?) учитывать их особенности при надлежащем соответствии конституциям СССР и РСФСР, а высшим органом власти таковых отныне становились Верховные Советы, избиравшие собственные президиумы и формировавшие Советы народных комиссаров²⁵. Все это должно было сопутствовать оформлению «наций». Далеко не случайно профессор Гарвардского университета Терри Мартин назвал свою книгу о национальной политике в СССР рассматриваемого периода «Империя „положительной деятельности“. Нации и национализм в СССР, 1923—1939» [Мартин 2011]. Подразумевавшая формирование наций в регионе задача, о которой в 1926 г. говорил руководитель Северо-Кавказского края А. И. Микоян, в значительной степени выполнялась, через 10 с небольшим лет они там уже реально формировались, а то и сложились (для примера назовем хотя бы Осетию) — государство достигло одной из своих целей.

Причем это была заслуга именно государства. Если признать, что «нации» есть продукт «трудной конструктивной интеллектуальной и политической работы элит» [Суни 2011: 37] (см. также: [Тишков 2003: 96 и след.]), то в советском варианте такой «работы» надлежит отдать должное «элите» Центра. Сначала она была представлена идеологами партии большевиков, еще не пришедшей к власти, а затем идеологами и практиками той же партии, но уже находившимися у власти.

Означает ли это, что национальный вопрос был разрешен, а нациестроительство в СССР завершено? Цитированный выше автор, осетин по национальности, выразился так, что причисление, в частности, автономий Северного Кавказа к республикам (автономным) позволит каждой из этих республик «стран» добиться «еще большего расцвета». Однако «своей страны» (слово «страна» было перенесено из риторики 1920-х гг.) не могло быть ни у Грузии, ни у Дагестана, ни у Северной Осетии. В новых условиях данному вопросу была отведена особая социальная ниша, преимущественно замыкавшаяся на культуре — «национальной по форме и социалистической по содержанию». А страна была общая, объединявшая братские республики и народы-братья. Но это была не «братчина» (в смысле не вполне определенного союза), а «братская семья» («в семье единой»), сплоченная «кровными узами». И как в любой нормальной семье, в ней был «старший брат» и обязательно «отец». Он действительно был определен, и именно в статусе «отца народов». С от-

²⁵ О том, как данный процесс реализовался на местах, в частности в Дагестане, см.: [Булатов, Курбанов 2006: 88 и след.; Муслимова 2010: 47 и след.].

цом не поспоришь, да и со старшим братом не резон вступать в перепалку, им по заповедям семейной жизни обязаны подчиняться²⁶.

В новых условиях были «перекодированы» и социальные реалии, так что в документах середины-второй половины 1930-х гг. очень часто фигурировали не деревни, селения, аулы и кишлаки, а колхозы и, соответственно, колхозники. Их национальность не имела принципиального значения. Если в первой половине 1920-х гг. «классик» марксизма и советского государственного строительства заявлял, что «национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский. Не аграрный, а крестьянский, ибо это две вещи разные» [Сталин 1947е: 71]²⁷, повторяя аналогичное и в дальнейшем, то в середине 1930-х он же констатировал, что «наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство... в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство», так что в целом закономерным стало то, что «опыт образования многонационального государства, созданного на базе социализма, удался полностью» [Сталин 1947ж: 511, 513]. Тогда же был фактически полностью положен конец территориально-административным перекройкам. «В СССР, — заявил Сталин в докладе о проекте Конституции, — имеются люди, которые готовы с большой охотой и без усталости перекраивать края и области, внося этим путаницу и неуверенность в работе. Проект Конституции создает для этих людей узду» [Там же: 512].

Тогда же русский язык обрел статус основного, главного не только по количественным показателям, но и в государственном аспекте. Резон в этом был очевидным.

Вполне закономерным в глазах руководителей страны стало и то, что в очень многонациональной стране должен был появиться «стержень», и неудивительно, что им оказались русские, которых официально признали государствообразующим этносом и «великим». Заблуждением является широко бытующее мнение, что русский народ в подобном качестве был впервые назван в речи Сталина по поводу завершения Великой Отечественной войны. Не беремся судить, с чего началось употребление данного эпитета, однако в публикации с названием «Советский Дагестан», появившейся в 1938 г., русский народ был назван именно великим [Советский Дагестан 1938: 24]. А на 16-й областной партконференции Кабардино-Балкарской АО, проходившей в следующем году, прозвучала благодарность в адрес братской помощи также великого русского народа [ЦДИКБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 23].

Из этого видно, что данный эпитет был «прикреплен» к русскому народу уже во второй половине 30-х гг. и воспринимался как уместный и желательный на официальных мероприятиях и в официозных изданиях. Общественное сознание целенаправленно подготавливалось к этому. Равно в многонациональной стране в качестве постулата утвердилась формула, что присоеди-

²⁶ Дж. Сэнборн находит истоки «семейной риторики» и «метафорического родства» в российской истории и политике в институтах военного профиля [Сэнборн 2011]. Но, упомянув «царя-батюшку», очевидно, следует отметить большую глубину подобных риторики и метафор в русской социальной и политической культуре. И здесь же допустимо вспомнить «братьев мусульман» и «братьев кавказцев» (см., например: [Тахо-Годи 1927: 34—35]).

²⁷ Не случайно национальный вопрос, хотя и косвенно, но определенно соотносился с союзом рабочего класса с крестьянством [Двенадцатый съезд 1968].

ние народов к Российскому государству, произошедшее даже в результате масштабных и длительных военных акций, являлось для них «наименьшим злом». Он просуществовал десятилетия, обращая «особое внимание на факты общения народов, на то новое и положительное, что вопреки царизму вносил в хозяйственную и культурную жизнь народов великий русский народ» [Нечкина 1951: 47].

Пропагандисты национального строительства громко заявляли, что «только победа социалистических форм хозяйства разбила прежнюю родовую замкнутость, уничтожила пережитки патриархального быта, сплотила разрозненные, часто кочевнические группы в нации» [Трайнин 1938: 11]. Автор приводил сталинское определение нации, акцентируя внимание на том, что партия и советское руководство при осуществлении соответствующей политики следовали основным положениям оногo. Национальные языки даже сравнительно небольших по численности народов преподавались в школах, на них велось делопроизводство. Если не за большинством народов страны, то за многими из них были закреплены территории. Придавались значительные усилия для развития экономики на местах. С очевидностью можно было говорить об успехах в области культуры. Даже психический склад конкретных народов желательнo было принимать во внимание при реализации планов нациестроительства²⁸.

Достижения в разных областях жизни страны сопровождались эффектными действиями государственного масштаба — покорением арктических широт, перелетом советских летчиков в Америку. На Северном Кавказе пропагандируемые успехи в области национальной политики также озаменовывались зримыми действиями, а именно коллективными восхождениями на недоступные горные вершины. Напомним, что Бетал Калмыков, руководитель Кабардино-Балкарии, являлся организатором и руководителем восхождения на Эльбрус в 1935 г. большой группы альпинистов из числа колхозников автономной области. В честь хозяйственных и культурных достижений, осуществленных за 15 лет, в Северной Осетии летом того же года был совершен «военизированный поход „500“ на одну из классических вершин Европы — гору Казбек» [Об итогах 1935].

Подобные мероприятия правомерно рассматривать в контексте характерной для эпохи советского строительства мифологизации социально-политической действительности. Известно, что у ариософов важное место в формировании и распространении пангерманских воззрений на рубеже XIX и XX вв. занимала система обрядовой практики, и в частности коллективные восхож-

²⁸ Сошлемся в данном случае на планы изучения процессов национальной консолидации у народов Дагестана, разработанные на рубеже 1940-х и 1950-х гг. в Институте этнографии АН СССР. Они предусматривали изучение формирования языковой, экономической, территориальной общности, а также «общности психического склада у разных дагестанских народов» [АМАЭ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32. Приложение. Л. 4]. На трудность изучения «психического склада» указывал Л. И. Лавров, написавший (оставшуюся неопубликованной) статью «о процессе национальной консолидации у народов Дагестана», в которой отмечал: «Каждый из народов Дагестана имеет свой особый психический склад. К сожалению, этот признак нации сам по себе очень труден для исследования. Для нашей цели достаточно ограничиться областью национальной культуры, в которой, как известно, проявляет себя психический склад нации» [Там же. Л. 39].

дения в горы — покорение вершин, в традиционных представлениях интерпретировавшихся как мировая ось, космическая модель в целом. «Соответственно, — считает Ж. Ф. Коновалова, — покорение горных вершин, очевидно, должно было символизировать будущее покорение мира, мировое господство...» [Коновалова 1998: 65]. Как не вспомнить, что горные вершины Памира в эти годы были названы пиком Ленина (7127 м) и пиком Сталина (7495 м), в 1962 г. переименованным в пик Коммунизма.

Тот же пропагандист национальной политики продолжал:

Советская система национально-государственного устройства народов проверена практикой и ее результат — тесное содружество народов вызывает восхищение всего угнетенного человечества... [Трайнин 1938: 11].

Впрочем, не все в содружестве народов было гладко. Во второй половине 1930-х гг. на Северном Кавказе отмечались факты попыток выселения из национальных автономий проживавшего там русского населения [Распоясавшиеся националисты 2012: 25—27] (перепечатка из издававшегося в Варшаве журнала «Северный Кавказ». 1937 г. № 37), в свою очередь, русское население городов региона не очень-то жаловало националов.

Так либо иначе, но национальный вопрос как таковой и национальное строительство как практическое выражение одного к концу 1930-х гг. утратили для Центра важность. В стране победившего социализма национальный вопрос был снят с политической повестки дня как решенный. Соответственно, завершилось и время диалогов Центра и национально-государственных образований такой страны. Пришло время монолога Центра.

Сформированная большевиками и советским правительством к концу 1930-х гг. модель политического устройства страны, с характерным для нее приматом государства над личностью, социальными и национальными группами населения, с уже выраженными к тому времени предпочтениями «русскому народу», оказалась неформально созвучной той модели государства, которую они, большевики, отвергали в ходе борьбы за власть и на начальных этапах своего господства.

Из речи председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина в Государственном совете 4 марта 1911 г.:

...Можно понимать государство как совокупность отдельных лиц, племен, народностей, соединенных одним общим законодательством, общей администрацией. Такое государство, как амальгама, блюдет и охраняет существующие соотношения сил. Но можно понимать государство и иначе, можно мыслить государство как силу, как союз, проводящий народные, исторические начала. Такое государство, осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого. Таким целым я почитаю Россию... [Столыпин 1991: 340]²⁹.

²⁹ За три года до этого экономист, философ, публицист и общественный деятель Петр Струве говорил в целом вполне созвучное словам Столыпина: «Государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи. Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией... Сила национальной идеи, нашедшей себе орудие в государстве, которое стремится увеличить свою мощь. Или,

Логика исторического развития данного государства?..

В региональной политике национальный момент вновь станет актуальным в 1943—1994 гг. (а в союзном масштабе раньше), когда депортировать будут не по социальному, а по национальному принципу, и расселять на освобожденные территории тоже будут с учетом последнего. Однако это особая тема.

наоборот, такова сила государства, поставившего себе на службу национальную идею. Это — две силы, которые, для того чтобы перевернуть судьбы народов, должны найти одна другую и действовать в полном союзе» [Нация и империя 2004: 218, 219]. Через три года после гибели Петра Столыпина ему вторил философ, писатель и публицист Василий Розанов в газетной статье под названием «„Трудности“ для инородцев»: «...Навсегда должны выкинуть из мысли инородцы, что кто-то их не уважает, кто-то пренебрегает их лицом, душою, психикой, народностью, кто-то хотя бы сколько-нибудь хочет их *притеснить*. Ничего подобного. Но дело выходит жестко, потому что его делает государство; и государство делает все жестко и „повелительно“ в отношении самих русских... И это хорошо. Государство всегда есть „повелитель“: и счастье граждан заключается в том, что они знают и сознают, *частицу какой мощи* сами составляют. „Трудно и прекрасно“. Так и должно быть. Царства суть царства, а кто хочет мармеладу — может кушать его у Абрикосова за 50 коп.» [Нация и империя 2004: 144].

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Чтобы показать что-либо безошибочно современное,
нам необходимо тщательное исследование прошлого,
его безупречное воспроизведение и еще бог знает что.
Парадокс? Но с этим ничего не поделаешь.*

Робертсон Дэвис. «Мир чудес»

В этой книжке мы не пытались осветить все стороны такого значимого по существу для истории Российского государства первой половины XX столетия вопроса, каковым являлся вопрос национальный.

Он весьма многогранен и противоречив. Идя по избранному пути, мы стремились избегать тех вариантов интерпретаций материалов, которые, направляя по «проторенным дорожкам», нередко приводят к однозначным, однако упрощенным выводам. Опыт Британской, Французской, Австро-Венгерской и Германской империй, существовавших в указанное время, в данном случае подходит плохо. Равно не очень поучителен и пример Швейцарии. Россия практически всегда жила таким умом, который если не вообще «не понять», то понять достаточно сложно. Что делать? Впору — разводить руками. Впрочем, если «чужие» (зарубежные исследователи) берутся разобраться в подобном «деле», почему бы и «своим» не попробовать?

Еще немного о характере империи и национальной проблеме в ней

Россия являлась империей, хотя довольно своеобразной. Осуществлявшейся в ее пределах политике были свойственны характерные черты любой власти в централизованном государстве, когда при формулировании идеологической доминанты в той или иной мере должны были учитываться факторы полиэтнического и поликонфессионального состава населения страны. Показательны слова царского Манифеста относительно организуемой Государственной думы, которая «должна быть русской по духу и в которой иные народности должны иметь представителей своих нужд, но не в количестве, делающем их вершителями дел чисто русских» [Столыпин 1991: 213]. Председатель Совета министров П. А. Столыпин в связи с разногласиями, имевшими место в отношениях между имперской властью и позицией Сейма Финляндии, добавлял: «...Россия сама смело шагает вперед по пути усовершенствования... Россия не обречена стать лишь питательной почвой для чужих культур и для чужих успехов» [Там же: 311]¹.

¹ Положение в западных регионах, с точки зрения государственных мужей той поры, выглядело сложным, но не «по-боевому» критическим, и правительство стре-

Со второй половины XIX в. страна переживала активное индустриальное и в целом экономическое развитие, когда «колонии» уже составляли (или должны были составить в близкой перспективе) единое целое с «метрополией». Характерно, что современные исследования национализма преимущественно как дискурсивной практики позволяют специалистам, занимающимся этой проблематикой, говорить о России до 1917 г. как «формирующемся национальном государстве с национальным ядром на основе русскоязычной российской культуры» и отмечать схожую ситуацию во многих странах мира [Аствацатурова и др. 2010: 98]. В этих условиях национальные, языковые и постепенно конфессиональные различия народонаселения страны должны были отходить на второй план. Так или иначе, национальные окраины становились частью общероссийской капиталистической системы (см., например: [Булатов Б. 1996]).

Обширной и сложной теме о характере Российской империи и национальной проблеме в ней уделено большое внимание в современной науке. Здесь не место рассматривать ее сколь-либо подробно, тем более что сравнительно недавно постсоветская историография по этой теме была обстоятельно представлена А. Бахтуриной [Бахтурина 2008]. Мы лишь затронем ее в аспекте, сопряженном с основной проблематикой нашей работы.

Во многом близких изложенным выше оценок придерживаются многие современные отечественные историки. Так, Б. Н. Миронов обращает внимание на то, что «индекс человеческого развития у нерусских был выше, чем у русских, и положение нерусских в целом было более предпочтительным» (в первую очередь имеются в виду народы, проживавшие в западных областях/губерниях империи. — Ю. К.) [Миронов 2003, т. 1: XXX] (см. также: [Там

милось решать подобные вопросы. Из текста первого выступления П. А. Столыпина в качестве председателя Совета министров в марте 1907 г. на заседании 2-й Государственной думы (окончание далее приводимого словесного пассажа представлено в основном тексте). «Самоуправление на... общих основаниях с некоторыми, вызванными местными особенностями изменениями, предполагается ввести в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском, за выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредотачивается истари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы» [Столыпин 1991: 55] (уточним, что под «чисто» русским населением в данном случае понимались не только великороссы, но и малороссы (украинцы) и белорусы — в определенном смысле — факт великодержавности). Впрочем, сложность ситуации в Западном крае определялась тем, что основными землевладельцами там являлись поляки, и определенные ограничения для них в земских учреждениях были вызваны именно этим. («Правительство понимает, что необходимо в должной мере использовать и густо окрашенную национальную польскую струю, но опасно лишь равномерно разлить эту струю по всей поверхности будущих земских учреждений» [Там же: 340].) Сейм же Великого Княжества Финляндского настаивал на том, чтобы принятые им решения были фактически выше общеперских. «Чтобы идти по этому пути, надо не только понимать, что общеперские законодательные учреждения не могут быть устранены от решения общеперских дел и что эти учреждения не могут быть уравнены с провинциальными учреждениями, а должны обладать компетенцией...» [Там же: 310—311]. Писатель, философ, публицист Василий Розанов через два года писал в газетном очерке практически на ту же тему: «... Финляндия, Балтика, Привислинье, армяне имеют вид каких-то обиженных барышень, капризных и недовольных, которые кричат и хмурятся, смотря по времени и удобству, на не угодившую прислугу Россию, страну варварскую, грубую, необразованную...» [Нация и империя 2004: 111].

же: 33, 35]). Этот же исследователь отмечает, что территориальная экспансия, сделавшая страну многонациональной, «замедлила развитие единой российской нации» [Миронов 2003, т. 1: 47]. Эпоха же Великих реформ второй половины XIX в. поставила задачи унификации всех частей империи в плане административном, культурном, правовом и социальном, интегрирования общества по вертикали — через прежние сословные барьеры и по горизонтали — через национально-региональные границы, укрепления всех частей государственного аппарата вне зависимости от их местоположения [Там же: 41]. В итоге он делает вывод, что ярлык «колониальной державы» не соответствовал сущности Российской империи [Там же: 63].

Применительно к Закавказью, жившему в условиях империи, некоторые исследователи склонны оценивать его положение де-факто как самоуправляющихся провинций, ибо утвердившаяся там форма правления не может быть названа даже протекторатом, так как протекторат предполагает значительно больший контроль над местным самоуправлением [Лурье 1994: 127].

Современные зарубежные исследователи Российской империи стремятся соблюдать определенный баланс, уделяя внимание не только репрессивности политики империи в отношении национальных окраин (что часто, по их оценкам, заглушается российскими историками), но и изучению сложного процесса выработки властью разнообразных форм взаимодействия Центра и периферии [Российская империя 2005: 10].

Впрочем, ситуацию можно оценивать и иначе, так что развитие рынка в конце XIX—начале XX в., по мнению швейцарского исследователя Андреаса Каппелера, придавало России черты собственно колониальной империи, о чем в целом нет оснований говорить применительно к дореформенному периоду ее истории [Каппелер 2000: 122, 238]. Вместе с тем он отмечает, что «государственный» народ — русские по своему экономическому развитию, социально-политической организации и образовательному уровню не превосходили многие другие народы империи, и не только ее западных регионов, но и волжских и крымских татар. К тому же правительство не только не создавало преимуществ для русских «низов», но нередко допускало, что их правовое и экономическое положение было хуже, нежели у инородцев. Длительное же сохранение мультикультурного мира империи, на его взгляд, объясняется аж средневековой традицией прагматического обращения князей и купцов с представителями других культур и религий [Там же: 121, 122]. Вплоть до Первой мировой войны царское правительство держалось того принципа, что лояльность трону, знатное происхождение и пр. ценились выше, нежели определенное вероисповедание и национальная принадлежность [Там же: 223].

Явными противниками оценки политики Российского государства, в частности на Северном Кавказе, как колониальной державы являются приверженцы школы В. Б. Виноградова. Основоположник данной школы определил политическую деятельность России в указанном регионе и ее последствия как «совместничество» и формирование кавказского варианта «русскости» (см.: [Виноградов 2002; Виноградов и др. 2009] и др.). Теория имеет целью нивелирование былых ран с подчеркиванием общего сложного, но в целом созидательного прошлого.

Политику Российского государства в национальных окраинах, и в частности на Северном Кавказе, В. А. Матвеев характеризует как универсалистскую, естественно, не оставляя поводов для признания его колониальным [Матвеев 2006; 2011]. В свою очередь, В. А. Тишков считает правомерным говорить об

«огромных позитивных переменах» на российской иноэтнической периферии, которые «не осознаются, замалчиваются или сознательно искажаются» в последнее время [Тишков 2001а: 146].

Не дают однозначной оценки характеру Российской империи и авторы коллективной монографии, посвященной Северному Кавказу в составе оной, отмечая, что деление на метрополию и колонии в данном случае «расплывается» и что многое зависело от «администраторов», представлявших власть Центра в регионе [Северный Кавказ 2007].

От оценки деятельности «администраторов» и правда трудно отказаться.

В начале XX в. известный публицист и общественный деятель Е. Марков писал:

Наша собственная, недоделанная, насильственная, чисто внешняя гражданственность, неспособная проникнуть собою внутреннее существо побежденных народностей и возродить их полудикий средневековый мир в нечто более плодотворное и осмысленное, действует пока только расшатывающим и развращающим образом на твердые устои патриархальной старины... Мы знаем, что бывает необходима администрация, и везде устраиваем ее, но еще не умеем управлять: мы слышим, что закон должен стоять вершителем всего, но не привыкли еще питать в своем сердце благоговения к нему, и потому господство закона у нас не идет дальше водружения зеркала с двуглавым орлом на зеленом или красном столе... [Марков 1904: 174].

И другой общественный деятель, которого нельзя причислить к тем, кто симпатизировал кавказцам, а именно П. И. Ковалевский, тогда же признавал:

Чеченец и лезгин, сознавая необходимость и личную пользу, будут переносить от власти всякое давление, всякий гнет, всякий деспотизм, если он видит в этом смысл, но если этот гнет — грубый произвол служит выражением личного каприза и не приносит чеченцу никакого блага, — в этом случае чеченец озлобляется бесконечно, приходит в отчаяние и действует как истинный хищник. К сожалению, русские действовали именно в этом направлении и, не дав чеченцам ничего доброго, довели их до последней степени озлобления против России и русских [Ковалевский 1912: 56].

Результаты советской национальной политики глазами современных «обозревателей»

В советские время результаты советской национальной политики не подвергались сомнению². С начала так называемой перестройки ситуация изменилась, итоги оной стали подвергать критике и довольно жесткой.

² Однако к самому определению нации, в свое время предложенному отечественным ученым и простым гражданам И. Сталиным, с 1950—1960-х гг. подход стал довольно скептическим. Не будем сколь-либо подробно останавливаться на этом вопросе, уже достаточно освещенном в литературе. Приведем лишь один пример — критического осмысления во второй половине 1960-х гг. известным кавказоведом Л. И. Лавровым «теории» нации, попытки ее корректировки и приложения в новом виде к реалиям, которые он наблюдал и изучал на Северном Кавказе. В небольшой хранящейся в архиве МАЭ статье-заметке (на трех рукописных страницах, очевидно, представляющей собой фрагмент более обширной работы) изложена критика «теоретических обоснований» сталинского понятия «нация» с указанием, что выделенные «от-

В целом во многом прав исследователь, который пишет, что с «завершением административно-территориального устройства страны на основе экономического принципа... национально-территориальный фактор, выступая внешним фасадом, практически уступает место хозяйственному принципу организации территории», и в результате этого в частности РСФСР представляла собой унитарное государство с элементами федерализма [Максимов 2012: 229, 232].

Однако другие исследователи придерживаются иной точки зрения. Н. Т. Муслимова пишет, что не согласна с нередко звучащим в настоящее время мнением о сохранении Дагестанской автономией в 1930-е гг. прав чисто номинальных:

«На наш взгляд, это было проявлением складывающихся административно-командных методов управления страной, а не попытками лишить республику ее автономного статуса... В 30-е годы республика и ее народы получили широкий круг прав в политической, экономической и культурной жизни, позволивших

цом народов» критерии одного работают плохо. «Существенным недостатком определения нации, данного И. Сталиным, — писал Лавров, — является то, что оно в одинаковой мере применимо и для других общностей людей, например, для рода, племени, семьи и для некоторых небольших по численности этнографических групп. Так, все четыре признака, присущие будто бы только нации, есть у таких этнографических групп, как арчинцы в Дагестане и хиналугцы в Азербайджане. Каждая из них населяет территорию определенного сельсовета, работает в своем определенном колхозе, а также имеет свои специфические обычаи и свой язык, непонятный соседям... Объясняется это тем, что в основу классификации народов нужно класть не упомянутые выше (у Сталина. — Ю. К.) признаки, а удельный вес того или иного народа в экономической, культурной и политической жизни края, государства или континента... Не прибегая к оторванным от жизни надуманным схемам, народы Советского Союза можно примерно разделить на следующие группы: 1) народы, имеющие свою национальную государственность и достаточно развитую национальную культуру; 2) народы, не имеющие своей национальной государственности, но развивающие свою культуру на базе национальной письменности; 3) группы населения, живущие в отрыве от своего основного этнического массива и 4) малые бесписьменные этнографические группы, консолидирующиеся с соседними народами...» Далее, следуя предложенной им самим «классификации», Лавров говорил, что на Северном Кавказе (о Дагестане речь в данном случае не велась) преимущественно представлены первая и третья. К первой, помимо русских, им были отнесены чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы и адыгейцы. К третьей — украинцы, белорусы, армяне, греки, туркмены и др. «Среди северокавказских народов есть и такие, — заключал автор, — которых трудно отнести к определенной группе. Например, небольшая часть ногайцев, наряду с карачаевцами, черкесами и абазинами, пользуется автономией (в рамках Карачаево-Черкесской автономной области) и тем самым как бы входит в первую из названных групп. Однако большинство ногайцев живет вне автономных образований Северного Кавказа, и его (это большинство. — Ю. К.) можно отнести ко второй группе народов, которые не имеют своей национальной государственности, но развивают свою культуру на базе национальной письменности» [АМАЭ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 42. Л. 1—3]. Далеко не безупречная корректировка известной теории, а равно и трактовка соответствующих северокавказских реалий. Стремясь уйти от, как выразился Л. И. Лавров, «оторванных от жизни надуманных схем», он, сам того не желая, предлагал весьма схематичное решение вопроса. В данном случае правомерно ставить вопрос об ущербности теорий подобного типа как таковых (сравните с дискуссиями относительно «этноса», см., например: [Тишков 2003]).

органам власти республики самостоятельно решать» разнообразные вопросы [Муслимова 2010: 110—111].

Схожий вывод делают и другие исследователи Дагестана, отмечая наличие значительных достижений в разных областях жизни этой республики и ее населения в рассматриваемый период, одновременно признавая наличие «целого ряда сложностей и противоречий», вызванных административно-командной системой и культом личности Сталина [Булатов, Курбанов 2006: 162—163].

Четверть века назад при всеобъемлющем кризисе в государстве стали резко осуждаться недостаток прав и невозможность свободного волеизъявления народов как субъектов политического пространства. Наблюдалось осложнение межнациональных отношений в стране в целом и в отдельных ее республиках и др. Ответом на подобные претензии национальных субъектов государства стала знаменитая фраза первого президента Российской Федерации: «Берите суверенитета, сколько влезет». Другим, но связанным с этим, шагом Центра стало повышение статуса некоторых субъектов. На Северном Кавказе это были Адыгея и Карачаево-Черкесия, из автономных областей перешедшие в категорию республик.

Для Дагестана злободневной оказалась проблема взаимоотношений между народами, едва ли не в первую очередь обострившаяся в результате многодесятилетнего осуществления политики переселения жителей горных районов на равнинные земли (или, как говорят на Северном Кавказе, на плоскость) (подробнее см.: [Карпов, Капустина 2011: 281 и след.]), а также в это же время громко зазвучавшие требования малых народов, в 1950-е гг. официально причисленных к более крупным (народов андо-дидойской подгруппы к аварцам, кубачинцев и кайтагов к даргинцам), о восстановлении их статуса самостоятельных народов (подробнее см.: [Карпов 2007: 527 и след.]). На этой почве начались раздоры, и на этом же фоне стал активно обсуждаться вопрос, в результате чего они возникли.

Ученый пишет:

Дагестанские национальности, которые сейчас находятся в центре политического дискурса, в недавнем прошлом существовали лишь как «вещь в себе». Складывание дагестанских «народностей» — аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков, лакцев, табасаранцев, ногайцев, татов, рутульцев, агульцев, цахуров — происходило уже в период, когда Дагестан стал автономной республикой в составе коммунистической России. Этот процесс осуществлялся в рамках разработанных марксизмом и принятых на вооружение понятий нации и народности, в русле национальной политики «самоопределения народов». Правда, понятие «национального самоопределения» было лишено тогда какого-либо подлинного политического смысла, но зато исчерпывающе наполнялось всем богатством этнографического материала... Современные дагестанские национальности складывались «сверху», опережая национальное самосознание, как результат принимаемых органами власти решений по установлению «научно обоснованной» номенклатуры национальностей и их регистрации в актах гражданского состояния и в паспортах. Конечно, при этом принимались во внимание объективные этнографические характеристики и складывавшиеся в сознании населения этнические идентификации [Кисриев 1998: 15—16].

Действительно, советское руководство в известной степени абсолютизировало «национальную» — этническую и этнографическую составляющие на-

родонаселения окраин страны. При этом оно руководствовалось популярным в европейской социал-демократии начала века, а затем в коммунистическом движении тезисом о «национальном самоопределении», но как подготовительной и переходной форме к бесклассовому обществу победившего в мировом масштабе пролетариата, к мировому сообществу с единым для всех языком. Это была тактика, но не стратегия достижения большой цели, при том, что и первое, и второе, и третье оценивалось и рассчитывалось весьма умозрительно. В восточных окраинах страны подобная тактика выглядела оправданной и обоснованной еще и с той точки зрения, что акцентирование внимания на этническом наполнении социального поля должно было переместить, отвести его общественно-политические доминанты от религиозного фактора, который уже с середины 1920-х гг. был непривлекателен для новой власти, а затем и вовсе стал оцениваться как враждебный при достижении «главной» цели.

Действительно, советское руководство многое конструировало в своей деятельности (конструирование вообще присуще политикам), но ведь, как признает автор научной публикации, им «принимались во внимание объективные этнографические характеристики и складывающиеся в сознании населения этнические идентификации». Соответственно, «конструкты» рождались не на пустом месте и с известным обоснованием.

Напомним и о «националах» Кавказского региона, настойчиво требовавших, чтобы их народам в «эпоху» независимой Горской Республики, Северо-Кавказского эмирата и т. д. было предоставлено право на самоопределение. Да и вряд ли было возможно уже в период советского строительства, когда значительная часть территории Северного Кавказа была поделена на национальные «квартиры» — автономные (национальные) области, не учитывать в Дагестане национальную мозаику собственной среды. Правда, по соседству были Грузия и Азербайджан, где языковые (и диалектные), этнографические особенности были проигнорированы. В первой из республик единственным (или государственным) языком делопроизводства и школы был признан картвельский (а сфера функционирования мегрельского и сванского языков сводилась к домашнему, бытовому обиходу). Во второй азербайджанизация напрямую затронула проживающих на территории республики талышей, лезгин, аварцев.

Но можно ли было их политическую модель перенести на Дагестан? Схожие модели применительно к нему обсуждались, и с целью их реализации даже предпринимались известные попытки, в частности, введение в этой автономии азербайджанского языка в качестве основного языка делопроизводства, что, однако, было отвергнуто по очевидным причинам. И надо принять во внимание, что если в начале процесса нового национально-государственного строительства в республике один из главных ее руководителей настаивал на необходимости полной «национализации» власти в Дагестане как ни в «какой другой стране», то подобный взгляд по инерции либо иначе не мог не распространиться на места, в районы.

Дидойцы (цезы) в конце 1920—начале 1930-х гг. связывали несправедливые аресты людей, закрытие мечетей, жесткие формы проведения коллективизации в значительной мере с тем, что соответствующие акции у них проводили лица из других народов, и приписывали «чужакам» откровенно недоб-

рожелательное отношение к себе (см.: [Раджабов 2003: 145—147])³. Восприятие, тяготеющее к универсалиям⁴. И ведь республиканское руководство учло это, создав для дидойцев самостоятельный район. В этом оно видело наименьшие издержки для умиротворения края. Вероятно, правильно сделало, ведь и в 1990-е гг. по схожим причинам на карте Дагестанской Республики появились новые Докузпаринский район и Бежтинский участок (хотя административные участки не предусмотрены Конституцией РД).

В газетной публицистике обвинения в адрес рассматриваемой политики звучат намного более недоброжелательно:

...Межнациональному миру в Дагестане никто не нанес большего урона, нежели ленинская национальная политика. До того как большевики не занялись наведением своего порядка в Дагестане, деления по национальности на нашей земле не было. Горцы идентифицировали себя со своим джамаатом, горским обществом, уммой, и ни о каких национальностях никто и не слышал. Разделив представителей дагестанских общин на национальности, большевики поставили препятствие для образования общедагестанского этноса [Газиев 2007].

Автор публикации, скорее всего, опирается на тезис известного этнографа-дагестановеда М. А. Агларова:

Причина межэтнического мира в прошлом и настоящем заключается в том, что в Дагестане не были известны, подчеркну, абсолютно не известны «этнические территории», первопричина межэтнических конфликтов... [Агларов 2007: 24—25].

³ В местной среде такая недоброжелательная сила соотносится главным образом с аварцами. Там же циркулирует не то предание, не то устный текст, имеющий книжную основу и рожденный в последние годы, в котором говорится следующее. В прошлом все андо-цезы (андо-дидойцы — малые народы Западного Дагестана, в 1950-е гг. официально причисленные к аварцам) разговаривали на одном языке (посыл показательный, однако не соответствующий действительности, так как современными лингвистами установлено, что языки народов андийской подгруппы и языки народов дидойской подгруппы — каждый со своей стороны ближе к аварскому языку, нежели друг к другу). Но их покорили аварцы и, чтобы разобщить людей, заставили жителей разных местностей изменить привычный старый язык. Тех же, кто не подчинялся приказу, они облагали данью. Следствием этого явилась разобщенность 12 малых народов, живущих в тесном соседстве на ограниченной территории, но «не понимающих» друг друга. Этот рассказ напоминает повествование о Вавилонской башне, и тем не менее... [Карпов 2001: 241].

⁴ Об универсальности данного явления на дагестанском материале свидетельствует и такой пример. По соседству с основным территориальным массивом расположения дидойских селений находится селение Генух (Гинух; в 4 км от дидойского селения Кидеро), жители которого являются носителями особого языка. Примечательно высказывание автора второй половины XIX в., посетившего его: «Этот крайний из дидойских аулов... состоящий всего из 26 дворов, составляет по языку нечто особое от всего Дидо, претендует на самостоятельность или независимость от дидойского общественного распорядка, спорит за земли с кидеройцами и на сходке заявляет открыто, что и дидойский наиб, и вся цунта их обижают. Такие сепаратистские стремления со стороны 70 душ инухцев, забавные в другой местности, кажутся вполне естественными в Дагестане, где отдельность, уединенность, замкнутость местоположения дают все способы, а следовательно, порождают и стремления к тому, чтобы обособиться» [Воронов 1868: 20—21].

Тезис верный, однако автором газетной публикации он использован искаженно. Обвиняя «ленинскую национальную политику» в разрушении межнационального мира в Дагестане, он в первую очередь имеет в виду реалии нынешнего дня, конкретно — обострение межнациональных отношений на почве результатов переселенческой политики, осуществлявшейся в Дагестане начиная с 1920-х гг. и особенно активно и массово в период 1950—1970-х гг., когда из горных местностей в равнинные районы было переселено (и самостоятельно переселились) сотни тысяч горцев, обосновавшихся на землях, истари принадлежавших кумыкам, ногайцам, а также старожильческому русскому населению. В результате этого в глобальном отношении был нарушен принцип, обеспечивавший толерантность в стародагестанском обществе — «окрестная территория каждого общества является его полной собственностью и в идеологическом и в гражданском сознании фигурирует как священное и неприкосновенное пространство» [Аглазов 2007: 24—25]. Нарушена была неприкосновенность территорий населенных пунктов одних народов из-за поселения на них других, и это стало оселком межнациональной напряженности в республике. Автор публикации, судя по всему, ориентируется в происходящем на основе логической цепочки — «мое» (моего села, моей родины) — это мой и моих односельчан домен (попробуй кто-нибудь чужой поселиться в горном селении и приобрести там земельный надел), «наше» — это вся территория Дагестана и «мы» все на равных условиях имеем право распоряжаться ею. А для последнего варианта деление на «нации» с собственными территориями (тем более «неприкосновенными») излишне.

Советская национальная политика в глазах этого автора внесла раскол в некое социокультурное единство населения Дагестана (которое было и остается, несмотря на очевидные трения внутри него), что вменяется ей в вину. Однако обойден стороной вопрос, что то же советское руководство предоставило горцам возможность выбраться из «каменного мешка», присоединив к республике территории изрядной площади и профинансировав огромную по масштабам, длившуюся десятилетиями кампанию по переселению горцев на плоскость и обустройству ее для активного хозяйственного использования (в первую очередь через мелиорацию земель, строительство дорог, жилья для переселенцев и проч.). Очевиден двойной подход.

Двойной подход очевиден и в нередко наблюдаемой излишне критической оценке результатов осуществления языковой политики. Однако лингвисты (социолингвисты) признают, что языковая политика указанных годов была сходна с политикой других индустриальных государств (Франции, Норвегии, Швеции и др.). И в то же время в СССР («пусть иногда лишь по инерции») уделялось больше внимания сохранению национальных языков, нежели в ряде других стран. В деле языкового строительства СССР оказался первопроходцем, и за 1920—1930-е гг. многие языки достигли значительного уровня развития [Алпатов 2000: 100—101]. Объективно шел «процесс европеизации народов СССР, значительно ускорившийся по сравнению с дореволюционным временем. Обратной стороной этой политики были сознательный разрыв с прежними традициями, репрессии в отношении носителей старой, неевропеизированной культуры» [Алпатов 1993: 117].

Однако обвинения в адрес государства по поводу разрушения либо сильной деформации и искажения национальных культур также не вполне корректны, поскольку проигнорировано формирование в советское время профессиональных искусства и литературы многих и многих народов страны.

Схожее можно сказать и применительно к национально-государственному строительству как таковому. В начальные годы советской власти наблюдался очевидный прорыв в области национальной политики, конструирования национально-государственных структур в ранее нигде не использовавшихся формах, на различных уровнях. По словам упоминавшегося ранее Терри Мартина, «никогда прежде не затевалось ничего подобного, и впоследствии деятельность ни одного многонационального государства (за исключением разве что Индии) так и не сравнялась по своим масштабам с той положительной деятельностью, которая была осуществлена в СССР» [Мартин 2011: 11].

Однако со временем практика жизнедеятельности вновь созданных структур стала выглядеть противоречащей потребностям и требованиям (вполне объективным) функционирования единого социально-политического пространства — СССР. К «единому» пошли дорогой унификации структур, ликвидации «частностей». Произошел откат от первоначального курса сохранения «этнографического» многообразия населения, и нередко он осуществлялся жесткими методами. В итоге была сформирована модель, просуществовавшая без малого до конца XX в.

В последние десятилетия данная модель активно критикуется. Только в одном Северо-Кавказском регионе были предприняты многочисленные попытки ее реорганизации теми либо иными способами и средствами. Параллельно с 1990-х гг. начался новый период нациестроительства, обусловленный кардинальными изменениями в политической жизни государственной системы страны. При таких обстоятельствах соответствующие процессы развернулись по инициативе с мест, средствами, доступными вновь организованным национальным общественным организациям.

С этого времени не прекращается кипучее обсуждение общественностью Кабардино-Балкарии прав на территории, представительства во властных структурах республики и т. д. двух титульных народов этого субъекта Российской Федерации. И не только обсуждение, но и некоторые действия, слава Богу, не приведшие (и, надо надеяться, не приведут в будущем) к ужесточению конфликта.

В конце XX столетия Карачаево-Черкесия была раздираема схожими проблемами, полностью не угасшими до настоящего времени (применительно к обоим примерам см.: [Казенин 2009; 2011]).

Адыгский «мир», представленный общественными организациями кабардинцев, черкесов⁵ и адыгейцев⁶, в тех либо иных формах ставит вопрос о воссоздании «Великой» Черкесии (данный вопрос особо обострился в связи с подготовкой к проведению Олимпиады в Сочи).

Осетино-ингушский конфликт, который новый Центр стремится свести «на нет», с очевидностью тлеет, не исключая возможности его обострения (не дай бог).

⁵ В действительности тех же кабардинцев, ибо современные черкесы — это так называемые беглые кабардинцы, которые в конце XVIII—начале XIX в. под напором русской армии и Российского государства переселились из района Пятигорья в верховья Кубани.

⁶ То есть незначительной части западных адыгов, не переселившихся на территорию Турецкой империи и оставшихся жить на территории Северного Кавказа по завершении Кавказской войны XIX в.

Само появление на карте Российской Федерации Ингушской Республики было обусловлено очевидностью данного конфликта (упирающегося в проблему Пригородного р-на), а также довольно сложными отношениями между двумя титульными народами Чечено-Ингушской АССР в советские годы и крайним обострением взаимоотношений Чечни с федеральным центром в 1990-е гг., к участию в котором ингуши не были расположены.

О проблемах в современном Дагестане уже говорилось. Примечательно, что в программных требованиях кумыкской общественно-политической организации «Тенглик», появившейся в начале 1990-х гг., были следующие: «...сохранение экономически и демографически целесообразного образа жизни кумыкского населения, а также среды обитания; прекращение массового переселения в Кумыкию и возврат незаконно изъятых земель их законным хозяевам». Восполненные и защищенные от новых посягательств со стороны земельные угодья кумыкского народа должны стать базой «восстановления всех структур этнизации» и т. д. [Кумыкское движение 1996: 21, 89, 91].

Это программа, в полной мере соответствующая целям и задачам национально-строительства, программа, появившаяся, когда было позволено появиться общественной организации и когда стала более чем очевидной изрядная трансформация этнической карты Дагестана, а равно и, в соответствующем ракурсе, «традиционной» картины мира его жителей (по крайней мере, значительной его части).

В то же время, очевидно, не следует преувеличивать значения собственно национального противостояния в современном Дагестане, так как эксперты отмечают, что не национальности, а этнопартии противостоят друг другу, и «это означает еще больший плюрализм политических сил, чем это может казаться, если различать в политической структуре Дагестана только национальности. Это говорит также о более сложном переплетении многообразных альянсов политических группировок и одновременно об умножении всевозможных поводов для противостояний между ними» [Кисриев 2005: 73].

На современном этапе не наблюдается нового этапа диалогов национальных образований с Центром. За последние годы немногочисленные реорганизации на местах были осуществлены исключительно с разрешения или под жестким (в отдельных случаях крайне жестоким, военным) давлением Центра. Выстроенная Центром в первом десятилетии XXI в. вертикаль власти установила внешний четкий контроль административно-политической (но не собственно политической) жизни регионов. Однако именно внешний, так как внутри Северного Кавказа происходят чрезвычайно сложные и болезненные процессы и имеют место аналогичного характера явления, в первую очередь связанные с религиозным экстремизмом и бандитизмом. По оценкам экспертов, последнее в значительной мере связано с неудовлетворенностью населения результатами национальных движений и фронтов 90-х гг. ушедшего столетия, когда настоящего диалога между Центром и автономиями (а не только общественностью и общественными активистами оных) не получилось.

Укрепление вертикали власти сопровождается укрупнением административно-территориальных единиц через создание краев, уже включивших в себя мелкие национальные автономии на Камчатке, в Забайкалье и Приуралье. Постановка же вопроса о включении Адыгеи в Краснодарский край вызвала крайне негативную реакцию, и не только в этой ныне автономной республике, но и на всем Северном Кавказе. Ту же негативную реакцию вызывают и нередко звучащие в политических кругах и среди некоторых политизированных

представителей науки разговоры о желательности отказа от деления страны на автономии и возвращения к дореволюционной системе губерний. И дело не только в сопротивлении ныне находящимся у власти местных политических элит и распоряжающихся большими (часто огромными, выделяемыми государством) средствами ведомственных чиновников. Накопленный за без малого столетие опыт национального административно-территориального оформления структуры значительной части государства (национальных республик, областей, округов) не прошел бесследно.

Однако баланс между государством (Центром) и национальными административно-территориальными образованиями (в настоящее время республики в Российской Федерации уже не называются автономными, хотя во многих из них «звание» «президента» заменено на «главу республики»), меняющийся в зависимости от состояния «силы» первого, определяет и их взаимоотношения. Это наблюдалось в 1990-е гг., но равно имело место и в начале 1920-х гг. Последовавшее за этим упрочение государством своих позиций в обоих случаях сопровождалось отведением национального фактора на вторые роли. В 1930-х гг. «появился» «советский народ» с формальным обозначением русского народа в качестве важнейшего его звена. В настоящее время активен дискурс о «российском народе», с определенными преференциями опять-таки русским, а вместе с ними и православной церкви. Далеко не случайно создается впечатление о развитии социально-политических процессов в России по спирали. И на вопрос, озвученный в самом конце 4-й главы, напрашивается положительный ответ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Государственный архив Российской Федерации — ГАРФ

Ф. р-1235. Оп. 118. Д. 5 — Отчет представительства Чеченской автономной области при Президиуме ВЦИК о работе в 1924 г.

Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 2 — Постановления ВЦИК и СНК РСФСР о ликвидации народного комиссариата по делам национальностей, об упразднении автономной Горской Советской Социалистической Республики и др. 1924 г.

Ф. р-1235. Оп. 119. Д. 50 — Переписка с представителями Карачаево-Черкесской автономной области об организации пограничной милиции на границе с Кабардой, о присылке сведений о коренизации родного языка в области, о предоставлении левого берега реки Малки Карачаю для временного использования и по другим вопросам. 1924 г.

Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 71 — Дело о передаче Кизлярского округа Дагестанской АССР в состав Северо-Кавказского края. 1927 г.

Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 72 — Дело по обследованию земельного устройства национальных меньшинств Северного Кавказа. 1925—1926 гг.

Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 89 — Дело о закреплении за Чеченским областным революционным комитетом в безарендное пользование семи домов в г. Грозном. 1925 г.

Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 90 — О выделении осетинского населения Моздокского и Прохладненского районов Терского округа Северо-Кавказского края в самостоятельный национальный округ. 1925—1930 гг.

Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 102 — Сведения о переводе делопроизводства на местный язык в автономных республиках и областях РСФСР. 1925—1926 гг.

Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 104 — Об ассигновании средств на содержание государственного аппарата и плановых комиссий в автономных республиках и областях на 1926/1927 бюджетный год. 1926—1927 гг.

Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 161 — Переписка с представителем Дагестанской АССР при Президиуме ВЦИК по проекту Положения о сельских милиционерах, направленному на заключение ВЦИК с приложением проекта положения. 1926 г.

Ф. р-1235. Оп. 120. Д. 162 — Дело об урегулировании пограничных споров между Дагестанской АССР и Чеченской автономной областью. 1925—1928 гг.

Ф. р-1235. Оп. 121. Д. 77 — Об уточнении и установлении границ между Ингушской, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской автономными республиками. 1926—1927 гг.

Ф. р-1235. Оп. 121. Д. 88 — Просьба провести обследование состояния Ингушской автономной области. 1926 г.

Ф. р-1235. Оп. 121. Д. 89 — Дело по обследованию Ингушской автономной области. 1926—1928 гг.

Ф. р-1235. Оп. 121. Д. 161 — О ходе работ по переводу делопроизводства на местные языки, по коренизации аппарата. Переписка с представителем Дагестанской АССР при Президиуме ВЦИК по проекту положения о сельских милиционерах. 1926 г.

Ф. р-1235. Оп. 125. Д. 24 — Материалы обследования и проверки работы по обслуживанию нацменьшинств: доклады, предложения, выводы. 1930 г.

Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 10 — Протоколы заседаний Народного комиссариата по делам национальностей за январь 1922 г. с материалами. 1922 г.

Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 84 — Отчеты о деятельности Народного комиссариата по делам национальностей по армянским делам и других национальных комиссариатов и отделов, доклад о положении дел в Закавказье и по другим вопросам. 1918—1923 гг.

Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 135 — Отчеты о деятельности латышского отдела ... и по другим вопросам. 1920—1923 гг.

Ф. 3316. Оп. 17. Д. 122 — Об отнесении женщин-черкешенок независимо от возраста к числу нетрудоспособных при обложении их налогами. 1924 г.

Ф. 3316. Оп. 17. Д. 189 — О шариатских и адатских судах. 1924—1927 гг.

Ф. 3316. Оп. 17. Д. 192 — Об отнесении женщин-черкешенок независимо от возраста к числу нетрудоспособных при обложении их налогами. 1924 г.

Ф. 3316. Оп. 17. Д. 687 — Об урегулировании взаимоотношений русского населения с коренным населением в автономных республиках и областях РСФСР. 1924—1927 гг.

Ф. 3316. Оп. 17. Д. 717 — Копия постановления ВЦИК о ликвидации Наркомнац; постановления и переписка ЦИК СССР о передаче в ведение Президиума ЦИК СССР Московского института востоковедения, Коммунистического института трудящихся Востока, Ленинградского института восточных языков и др. организаций. 1924—1925 гг.

Ф. 3316. Оп. 119. Д. 2 — Постановление ВЦИК (копия) о ликвидации Наркомнац, постановление об упразднении Горской Республики. 1924 г.

Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ

Ф. 17. Оп. 16. Д. 1019 — Информационные отчеты о работе Кабардино-Балкарского обкома РКП(б). 1925 г.

Ф. 17. Оп. 16. Д. 1022 — Протоколы заседаний секретариата и Оргбюро Северо-Осетинского комитета РКП(б) и информационные отчеты о работе обкома. 1924—1925 гг.

Ф. 17. Оп. 16. Д. 1023 — Протокол 3-й партийной конференции Сунженского автономного округа Северо-Кавказского края с материалами. 1925 г.

Ф. 17. Оп. 16. Д. 1024 — Протоколы заседаний оргбюро и партийной комиссии Чеченского областного комитета РКП(б), секретарей ячеек РКП(б), 1-го Областного съезда Советов Чеченской автономной области, информационный отчет о работе обкома за октябрь—декабрь 1924 г. и докладные записки обкома о борьбе с бандитизмом, и др. 1924—1925 гг.

Ф. 17. Оп. 33. Д. 2 — Доклад председателя облревкома Дагестана В. И. Ленину об экономическом и политическом положении, о партийной работе и проч. 1921 г.

Ф. 17. Оп. 33. Д. 165 — Закрытые письма секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) о политическом и экономическом состоянии, о партийной работе, о посевной кампании и др. 1922 г.

Ф. 17. Оп. 33. Д. 168 — Обзор, памятка информационно-инструкторского отдела и закрытое письмо Адыгейского (Черкесского) оргбюро РКП(б) об организационном оформлении, росте и работе партийной организации. 1922—1923 гг.

Ф. 17. Оп. 33. Д. 383 — Письма и заявления представителя Кабардино-Балкарской автономной области при ВЦИК и отдельных лиц в ЦК РКП(б) с ходатайствами: об увеличении бюджетных ассигнований, об изжитии бюрократизма, национализма и т. д. 1924 г.

Ф. 17. Оп. 33. Д. 384 — Закрытые письма Карачаево-Черкесского обкома РКП(б) об экономическом и политическом состоянии области и другие материалы. 1924 г.

Ф. 17. Оп. 33. Д. 521 — Закрытые письма секретаря крайкома, выписки из протоколов заседаний бюро и другие материалы Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). 1926 г.

Ф. 17. Оп. 33. Д. 526 — Заявление коммунистов Северо-Осетинской парторганизации с просьбой о пересмотре дела исключенного из партии Елекоева и текущая переписка. 1927 г.

Ф. 17. Оп. 85. Д. 77 — Письма И. В. Сталину по национальному вопросу и о международном положении; доклад и другие материалы Рыскулова об «Аллаш-орде». 1926—1927 гг.

Ф. 17. Оп. 85. Д. 108 — Стенограмма, протокол и предложения частного совещания работников национальных республик — членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин; положения и докладные записки о деятельности Отдела национальностей ВЦИК, о работе тюркологического съезда и др. 1926—1927 гг.

Ф. 17. Оп. 85. Д. 123 — Материалы Наркомвнудела РСФСР, докладные записки в ЦК ВКП(б) о взаимоотношениях сельских советов с сельскими сходами, о заработной плате милиции, переписка по кадрам и другим вопросам. 1927 г.

Ф. 17. Оп. 85. Д. 166 — Переписка с Наркомюстом о поправках к «Основным началам уголовного законодательства», о соблюдении революционной законности на Северном Кавказе и заявления об освобождении из-под стражи. 1926—1927 гг.

Ф. 17. Оп. 85. Д. 240 — Материалы Средазбюро ЦК ВКП(б); запись выступления Н. Самурского на «частном совещании националов» — членов ВЦИК и ЦИК СССР; материалы о ликвидации банды Джаны-бек-Казы; платформа троцкиста А. Семенова. 1927 г.

Ф. 65. Оп. 1. Д. 5 — Протоколы и стенограммы заседаний пленумов Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). 1921 г.

Ф. 65. Оп. 1. Д. 36 — Докладные записки, сводки комиссии ЦК РКП(б) и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) о результатах обследования партийной и советской работы в Горской Республике. 1924 г.

Ф. 65. Оп. 1. Д. 44 — Переписка Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) с ЦК РКП(б), Кавбюро ЦК РКП(б), Ю.-В. бюро ВЦСПС, уполномоченным Наркомзема Юго-Востока РСФСР, промышленно-экономического Бюро и др. о выделении Ю.-В. бюро из состава Кавбюро ЦК РКП(б), о разграничении территории Кабарды, Черкесии, Карачая и Балкарии и др. 1921—1922 гг.

Ф. 65. Оп. 1. Д. 61 — Переписка Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) с ЦК РКП(б), Карачаево-Черкесским оргбюро ЦК РКП(б), политуправлением СКВО о политическом положении и борьбе с бандитизмом в Карачаево-Черкесской области. 1922—1923 гг.

Ф. 65. Оп. 1. Д. 63 — Переписка Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) с Дагестанским областным комитетом РКП(б) о политическом положении в Дагестане, о борьбе с хищениями и взяточничеством на железнодорожном транспорте. 1922 г.

Ф. 65. Оп. 1. Д. 70 — Письма В. Нанейшвили — члена Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) о политической обстановке на Юго-Востоке РСФСР, о работе Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), о подготовке к XI съезду РКП(б) и др. 1922 г.

Ф. 84. Оп. 3. Д. 293 — Материалы, собранные А. И. Микояном, для написания воспоминаний, книг, статей. Копии документальных материалов за 1921—1923 годы о партийной деятельности Микояна на Северном Кавказе.

Ф. 84. Оп. 3. Д. 294 — Копии документальных материалов за 1921—1923 годы о партийной деятельности Микояна на Северном Кавказе.

Ф. 84. Оп. 3. Д. 296 — Материалы, собранные А. И. Микояном, для написания воспоминаний, книг, статей. Копии документальных материалов за 1922—1924 годы о партийной деятельности Микояна на Северном Кавказе.

Ф. 85. Оп. 26. Д. 3 — Орджоникидзе Г. К. Блокнот и листы из блокнота с записями фамилий лиц руководящих кадров, названий учреждений и организаций Северо-Кавказского края. 1926 г.

Ф. 94. Оп. 1. Д. 16 — О расформировании Сунженского округа Северо-Кавказского края. 1929 г.

Ф. 94. Оп. 1. Д. 39 — О ликвидации Комиссии по районированию при Президиуме ВЦИК. 1929 г.

Ф. 94. Оп. 1. Д. 48 — О переименовании города Грозного в город Нохчи. 1930 г.

Российский государственный архив экономики — РГАЭ

Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4 — Стенограмма Всесоюзной статистической конференции по разработке материалов переписи населения 1926 г. 1927 г.

Ф. 1562. Оп. 336. Д. 8 — Протоколы № 1—7 заседаний комиссии при ЦСУ СССР по производству Всесоюзной переписи населения 1926 г. и материалы к протоколам. Т. 1. 1926 г.

Ф. 1562. Оп. 336. Д. 23 — Дополнительные инструкции и замечания губернских, областных и республиканских статбюро к инструкциям по проведению и разработке материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 4. 1926 г.

Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208 — Материалы к словарю национальностей, представленные Академией наук. 1939 г.

Ф. 1562. Оп. 336. Д. 210 — Отзывы местных бюро переписи населения по списку национальностей. 1939 г.

Ф. 1562. Оп. 336. Д. 224 — Распределение населения СССР по возрасту, грамотности, образованию и национальности. Таблицы по союзным республикам, автономным республикам и по краям и областям РСФСР. 1939 г.

Государственный архив Ростовской области — ГАРО

Ф. р-63. Оп. 1. Д. 8 — Выписки из протоколов заседаний Президиума коллегии НТА о проведении в жизнь Нового тюркского алфавита. 1928 г.

Ф. р-63. Оп. 1. Д. 9 — Обследование работы уполномоченных НТА и о кинофильмах. 1928 г.

Ф. р-63. Оп. 1. Д. 11 — Отчет о деятельности Северо-Кавказского комитета нового тюркского алфавита в 1927—1928 гг. 1928 г.

Центр документации новейшей истории Ростовской области — ЦДНИРО

Ф. 7. Оп. 1. Д. 5 — Протокол № 71 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1925 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 14 — Отчетный доклад и заключительное слово тов. А. И. Микояна на IV пленуме крайкома РКП(б). 1924 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 17 — Протоколы № 19—28 заседаний бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б). 1924 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 19 — Протоколы № 29—38 заседаний бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б). 1924 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 25 — Протоколы № 51—56 заседаний бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б). 1924 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 95 — Протокол заседания VII пленума Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б); земельный вопрос в крае; о дальнейших работах пленума крайкома. 1925 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 100 — Протокол № 58 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1925 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 100 — Протокол № 62 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1925 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 142 — Протокол № 101 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1925 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 242 — Протокол № 17 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1926 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 323 — Протокол № 18 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1926 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 389 — О религиозном движении и антирелигиозном вопросе в крае. 1926 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 440 — Протокол № 6 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1927 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 479 — Протокол № 96 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1927 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 498 — Протокол № 114 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1927 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 504 — Протокол № 120 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1927 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 607 — Выписки из решений бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), резолюции и постановления «О распространении закона об обязательной военной службе на горские народы края», «О состоянии кооперации и организации сбыта в нацобластях Северо-Кавказского края», «О партработе в национальных областях С.-К. края», «О работе среди женщин-горянок нацобластей края» и др., 1927 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 661 — Протокол № 34 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1928 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 670 — Протокол № 44 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) и материалы к нему. 1928 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 828 — Материалы к заседанию пленума Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). 1928 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 831 — Стенографический отчет 1-го пленума национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Доклады и выступления по докладам: «О проверке выполнения директив крайкома ВКП(б) по докладам национальной комиссии и очередных задачах в связи с решениями XV партийного съезда», «О состоянии и задачах сельхозкооперации в национальных областях в связи с решениями XV партийного съезда», «О работе по экономическому раскрепощению горянок». 1928 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 843 — Стенограмма заседания национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Доклады Богданова «О хозяйственном и культурном строительстве в национальных областях и его перспективах» и Кондухова «О плане работ национальной комиссии». Заключительное слово т. Андреева. 1928 г.

Ф. 12. Оп. 5. Д. 171 — Письма А. И. Микояна в Политбюро ЦК РКП(б) об экономическом и административном районировании Юго-Восточного края; Постановление ВЦИК о введении в действие положения о Юго-Восточном крае; закрытые письма тов. Микояну о состоянии в Чеченской области; к вопросу о двух палатах; о правах крайисполкома в связи с переименованием в Северо-Кавказский край. 1924 г.

Центральный архив новейшей истории Республики Грузия — ЦАНИРГ

Ф. 607. Оп. 1. Д. 129 — Проект наказа Президиума ЦИК Союза ССР, изменения, подлежащие внесению в Конституцию ССР Грузии, и протоколы Украинского ЦИК. 1924 г.

Ф. 607. Оп. 1. Д. 133 — Проект постановления Президиума ЦИК Союза ССР и заключение Законодательной комиссии ЗакЦИК «О шариатских и адатских судах». 1924—1927 гг.

Ф. 607. Оп. 1. Д. 332 — Выписки из протоколов заседаний Президиума ЗакЦИК. 1925 г.

Ф. 607. Оп. 1. Д. 754 — Положение об автономной области Нагорного Карабаха; переписка с секретариатом Президиума ЦИК СССР по вопросу о реорганизации высших органов власти в АО Нагорного Карабаха и Юго-Осетии. 1926 г.

Ф. 607. Оп. 1. Д. 962 — Заключение Законодательной комиссии по выписке из протокола № 38 от 19/II ЦИК СССР по вопросу о реорганизации ЦИК АО Юго-Осетии и АО Нагорного Карабаха. 1926 г.

Ф. 607. Оп. 2. Д. 14 — О закрытии грузинским центром газеты на мингрельском языке и др. 1924 г.

Ф. 607. Оп. 2. Д. 23 — О высших органах власти в автономных областях. 1925—1926 гг.

Ф. 607. Оп. 2. Д. 527 — О реорганизации власти в Автономных областях. 1929—1930 гг.

Ф. 607. Оп. 2. Д. 3483 — Протоколы заседаний Президиума ЗакЦИК за 1924 г.

Ф. 607. Оп. 2. Д. 3500 — Протоколы Большого и Малого Президиумов Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета за 1925 г.

Ф. 607. Оп. 2. Д. 3505 — Протоколы заседаний Президиума ЗакЦИК за 1926 г.

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук — ПФА РАН

Ф. 135. Оп. 1. Д. 1 — По научно-организационным вопросам, в том числе черновые протоколы и отчеты Комиссии по изучению племенного состава России. 1917—1924 гг.

Ф. 135. Оп. 1. Д. 3 — Протоколы КИПС. Январь 1919 — декабрь 1923 г.

Ф. 135. Оп. 1. Д. 11 — По научно-организационным вопросам, экспедициям, изданию карт, финансовым вопросам и личному составу, в том числе по Кавказским экспедициям. 1924 г.

Центральный государственный архив Республики Дагестан — ЦГА РД

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4 — Директивные указания Центрального комитета партии, Кавказского бюро ЦК РКП(б), Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), Кавказского краевого комитета, Дагестанского обкома РКП(б) партийным организациям по вопросам организационно-партийной и хозяйственной работы. 1920 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 6 — Протоколы совещаний заведующих оргинструкторскими делами областных и губернских комитетов РКП(б) Кавказа и Дона. Заседания ответственных работников Дагестана. Резолюция Кавказского краевого партийного совещания. 1920 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 67 — Резолюция совещания Кавбюро ЦК РКП(б) с секретарями партийных организаций и представителями Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Горской Республики и Абхазии и политработниками частей отдельной Кавказской армии. Директивы ЦК о работе в промкооперации. 1921 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 164 — Андийский округ. Докладные записки о проделанной работе. 1921 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 322 — Докладные записки, отчеты, переписка, характеризующие партийную работу, политическое и экономическое положение Дагестана. Доклад о положении информационного подотдела. 1922 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 334 — Протоколы партконференций, заседаний президиума, окркомитета, общих собраний коммунистов Аварского и Андийского округов. 1922 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 373 — Директивные указания ЦК, Дагобкома РКП(б), переписка по вопросам работы Красного Креста, национальных секций, шариатских судов. 1922 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490 — Доклад расширенного пленума Дагестанского областного комитета РКП(б) в Центральный комитет РКП(б) по вопросу о районировании Юго-Восточной области и о предполагаемом включении Дагестана в эту область. 1924 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 492 — Стенограмма (неполная) сессии Президиума Центрального Исполнительного комитета, посвященной выходу ДАССР из Юго-Восточного края и о районировании. 1924 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 522 — Докладные записки, справки по обследованию состояния партийно-советской работы в округах и районах республики. 1924 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 525 — Итоги годовой работы Дагестанского комитета РКП(б) в области национальной политики за 1924 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 747 — Материалы обследования Кюринского округа и парторганизаций. 1926 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 756 — Доклад Дагестанского областного комитета ВКП(б) по вопросу об отделении Кизлярского округа и Ачикулакского района от Дагестана. 1926 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 874 — Протокол заседания комиссии по обсуждению проекта Госплана ДАССР по районированию и объяснительная записка к нему, и по вопросу вхождения ДАССР в акционерное общество «Госторг РСФСР». 1927 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 879 — Доклад по вопросу об установлении границ между ДАССР и Чеченской автономной областью и о работе согласительной комиссии. Переписка с Наркоматами по вопросам расселения беженцев, проживающих в Дагестане и Ставропольском крае. 1927 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 885 — Докладная записка ДК ВКП(б) о работе комиссии по национализации Госаппарата. Сведения об укомплектованности учреждений и предприятий республики национальными кадрами и наличии в них членов ВКП(б). 1927 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 977 — Рецензия члена пропгруппы ЦК ВКП(б) Мосина на книгу Н. Самурского «Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане» и ответ на нее Самурского. 1927—1928 гг.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 992 — Докладные записки, информации, сводки в ЦК ВКП(б) по вопросам: об итогах проработки решений XV партсъезда и предсъездовской дискуссии, об итогах партийных конференций, об итогах перевыборов в органы кооперации, об агитационно-разъяснительной кампании по введению обязательной военной службы для горских национальностей. 1928 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 997 — Доклад Д. Коркмасова «О языке и алфавите» на II-м пленуме Дагестанского комитета ВКП(б). 1928 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1034 — Протоколы совещаний, докладные записки, справки, сводки, тезисы и переписка о введении обязательной военной службы для горцев Дагестана. 1928 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1077 — Резолюции разъяснения и брошюра Н. Самурского «Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане». 1928 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1162а — Документы по административно-хозяйственной реорганизации территории Дагестана (объяснительная записка, справки, переписка). 1929 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1204 — Переписка о формировании стрелковых взводов из национальностей Кавказа. Отчет о работе Политсекретариата теруправления ДАССР и итоги призыва граждан ДАССР в РККА. 1929 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1240 — Стенограмма совещания по антирелигиозной пропаганде. 1929 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1310 — Директивы обкома, ГК, РК партии по вопросам: оргпартработы, партийно-политического и советского строительства, о проведении с/х работ и хозяйственных кампаний. Воззвание обкома ко всем горцам, батракам и беднякам Нагорного Дагестана. 1930 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1328 — Докладные записки по обследованию партийно-советских организаций по хлебозаготовкам, политическому состоянию районов. О проведении праздника «Дня урожая и коллективизации». 1930 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1352 — Письмо культпропотдела и докладная записка о краеведческом движении. 1930 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1362 — План, тезисы, списки о подготовке начала культурной революции в республике (вузы, техникумы). 1930 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1399 — Выписки из протоколов заседаний Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) и приложения к протоколам. 1931 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1401 — Постановление ЦИК, проект постановления президиума Всероссийского центрального исполкома о вхождении Дагестана в Северо-Кавказский край. 1931 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1403 — Директивы и телеграммы секретного характера. 1931 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1405 — Выписки из протоколов заседаний секретариата и бюро Северо-Кавказского крайкома, Адыгейского, Чеченского, Центрально-Черноземного обкомов ВКП(б) о принятии культурного шефства над Дагестаном, об открытии в ДАССР педагогических и химико-технологических вузов и техникумов, телеграммы соседних республик. 1931 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1406 — Стенограмма IV пленума Дагестанского обкома ВКП(б) и резолюции к ней. 1931 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1440 — Постановление Военного Совета Сев.-Кавказского военного округа о национальных формированиях на территории Северо-Кавказского края. 1931 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1477 — Докладные записки, отчеты, информационные письма ДК в ЦК ВКП(б), секретарей РК в ДК ВКП(б) по вопросам внутриполитического и хозяйственного положения районов республики. 1931 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1678 — Постановление секретариата ДК ВКП(б), директивы ЦК и Северо-Кавказского крайкома, докладные записки, переписка о коренизации националов ДАССР и др. 1932 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3146 — Стенограмма беседы руководителей Дагобкома ВКП(б) с представителями советского казачества Шелковского и Кизлярского районов и постановление областного комитета ВКП(б) о результатах проверки заявлений колхозников казаков и казачек Кизлярского и Шелковского районов. 1936 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3492 — План и смета экспозиции в Музее народов СССР, переписка с профессором Орленко по вопросу фотографий Шамиля. 1936 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3597 — Материалы по языковому вопросу и о вредительстве в аварской терминологии. 1937 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4128 — Докладные записки, справки о работе Союза писателей, о подготовке литературных кадров из национальностей Дагестана. Письмо в ЦК ВКП(б) от писателей Дагестана о переводе Интернационала на языки народов Дагестана, списки писателей, поэтов, ашутов. 1938 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4347 — Докладные записки, справки, информации и переписка о работе Дагестанского краеведческого музея, состоянии памятников старины. Статья Р. Магомедова об автономии Дагестана. 1939 г.

Ф. р-37. Оп. 23. Д. 20 — Сведения о национальном составе и планы коренизации центральных учреждений ДАССР местными кадрами, переписка по этому вопросу. 1935 г.

Ф. р-37. Оп. 23. Д. 22 — Выписки из протоколов заседаний Президиума ЦИК ДАССР, переписка и другие материалы по вопросу предоставления пастбищ барановодам Грузии, Азербайджана, Осетии и других областей на территории ДАССР. 1928—1929 гг.

Ф. р-37. Оп. 120. Д. 107 — Постановление, выписка из протокола ЦИК и СНК ДагАССР, инструкции, переписка об упразднении института сельских милиционеров «Чауш» и введении в действие на территории ДАССР положения о сельских исполнителях, об установлении сбора с лиц, лишенных права быть сельскими исполнителями. 1928 г.

Ф. р-411. Оп. 1. Д. 10 — Экономические характеристики колхозов. Переселенческий отдел при СМ ДАССР. 1939 г.

Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра — НА ИИАЭ ДНЦ

Ф. 2. Оп. 1. Д. 48 — Перевод хроники Абусупьяна «Лучезарная жемчужина по истории революции и гражданской войны в Дагестане 1917—1919 гг.

Ф. 2. Оп. 1. Д. 49 — Рукопись (перевода, машинописная копия) мемуаров Магомед-кади Алхасова, б[ывшего] председателем серхинского сельского участкового исполкома «История революции в Дагестане (1917—1922 гг.)». 1924 г.

Ф. 2. Оп. 1. Д. 107 — Рукопись (машинопись) тезисов доклада Д. М. Павлова «К вопросу о вхождении Ачикулала и Кизлярщины в состав Дагреспублики с точки зрения истории и национального вопроса».

Ф. 2. Оп. 1. Д. 159 — Документальные материалы по истории Дагестана периода 1921—1923 гг.

Ф. 2. Оп. 1. Д. 173 — Материалы к докладу правительства Дагестанской автономной советской социалистической республики о состоянии советского, хозяйственного и культурного строительства в ДАССР (к десятилетию автономии ДАССР). 1921—1931 гг.

Ф. 2. Оп. 1. Д. 307 — Материалы по истории Дагестана. 1919—1920 гг.

Ф. 2. Оп. 1. Д. 842. — *Павлович М.* (М. Вельман). «Волонтер». На высотах Красного Дагестана. Из истории контрреволюции на Кавказе. Путевые наброски. 1921 г.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания — ЦГА РСО-А

Ф. 1. Оп. 1. Д. 1 — Приказы по Терскому казачьему войску (копии). Протоколы заседаний Большого Войскового круга, войскового правительства войска Терского. 1917—1919 гг.

Ф. 11. Оп. 11. Д. 2 — Приказы по Терской области об улучшении быта горского населения. 1919 г.

Ф. 12. Оп. 6. Д. 303 — Канцелярия начальника Терской области. Второе отделение, 1-й стол и 2-й стол. 1865—1866 гг.

Ф. р-5. Оп. 1. Д. 24 — Протоколы заседаний финансовой комиссии Большого войскового круга Терского казачьего войска. 1919—1920 гг.

Ф. р-36. Оп. 1. Д. 71 — Терский областной исполнительный комитет. 1920 г.

Ф. р-39. Оп. 1. Д. 44 — Постановление 3-го съезда Советов Осетинского округа, состоявшегося 24 марта 1921 г. в сел. Беслан. 1921 г.

Ф. р-41. Оп. 1. Д. 6 — Материалы Центрального исполнительного комитета Горской Республики. 1921 г.

Ф. р-41. Оп. 1. Д. 22 — Постановление ГорЦИК о запрещении похищения женщин. Выписка из приказа о назначении комиссии по изучению уголовного кодекса. Выписки из протоколов заседаний Малого Президиума ГорЦИК. 1922 г.

Ф. р-41. Оп. 1. Д. 25 — Постановления совещания ГорЦИК о применении в Горреспублике декрета о едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства, о борьбе с голодом. Приказ чрезвычайной комиссии уполномоченных по Дигорскому району об укреплении советской работы в округе. Выписки из протоколов заседаний Малого президиума ГЦИК. 1922 г.

Ф. р-41. Оп. 1. Д. 30 — Протокол (стенографический) совещания краевого экономического совета Юго-Востока России с представителями автономных национальных республик и областей о районировании Юго-Востока России.

Ф. р-41. Оп. 1. Д. 44 — Отчет Горсовнархоза за 1922—1923 гг. Тезисы докладов на IV съезде Советов Горской АССР. 1923—1924 гг.

Ф. р-41. Оп. 1. Д. 63 — Протоколы заседаний Малого и Большого Совнаркомов Горской Республики (копии). 1921 г.

Ф. р-41. Оп. 1. Д. 71 — Протоколы и выписки из протоколов заседаний Яндырско-го исполкома кооперативной коллегии, Чеченского исполкома. Доклад о деятельности Чеченского окрисполкома. Воззвание ГорЦИК ко всем укрывшимся от Советской власти. 1921 г.

Ф. р-41. Оп. 1. Д. 153 — Постановление ЦИК о центральной комиссии помощи детям. Выписка из протоколов заседаний Президиума Гороблпарткома. Наказ делегатам Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тезисы по методологии экономического районирования. 1922 г.

Ф. р-41. Оп. 1. Д. 268 — Переписка с президиумом ВЦИК и телеграфные правительственные сообщения об образовании Президиума ЦИК. 1923 г.

Ф. р-41. Оп. 2. Д. 6 — Информационные сводки об общем политическом состоянии округов, о ходе продкампании, о настроениях рабочих и служащих. 1922 г.

Ф. р-41. Оп. 2. Д. 12а — Госинсводки ГССР о политическом и экономическом положении рабочих и крестьян в Терской области (республике). 1923 г.

Ф. р-42. Оп. 1. Д. 6 — Проект постановления Всероссийского Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о взаимоотношениях между автономными областями, входящими в состав краевых объединений, и органами краевой власти. 1927 г.

Ф. р-42. Оп. 1. Д. 45 — Северо-Осетинский областной исполнительный комитет. 1926—1927 гг.

Ф. р-45. Оп. 1. Д. 15 — Переписка Северо-Осетинского представительства с земельным управлением об установлении границ между Сев. Осетией и Ингушетией. 1925—1927 гг.

Ф. р-45. Оп. 1. Д. 16 — Северо-Осетинское представительство при ВЦИК в Москве. 1923 г.

Ф. р-47. Оп. 1. Д. 481 — Распоряжение о распределении средств среди выселенных казаков. 1925 г.

Ф. р-47. Оп. 1. Д. 834 — Протоколы заседаний ведомственного совещания при государственном народном комиссариате земледелия. 1927—1928 гг.

Ф. р-50. Оп. 1. Д. 40 — Подотдел землеустройства Тероблотдела. По переселенческому вопросу. 1920—1921 гг.

Ф. 50. Оп. 1. Д. 60 — Дело по распределению земельного фонда между беженцами и о переселении горцев на плоскость. 1922 г.

Ф. р-50. Оп. 1. Д. 63 — Постановления президиума Всероссийского Центрального исполкома об установлении административных границ и границ землепользования между Горской Советской Социалистической Республикой, Кабардино-Балкарской автономной областью, Карачаевской автономной областью и Терской губернией. Протоколы заседаний комиссии крайисполкома по установлению границ Владикавказа с Осетией, Ингушетией и др. 1923—1927 гг.

Ф. 50. Оп. 1. Д. 69 — Статистические данные о количестве населения и размере земельного обеспечения Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей. 1923—1925 гг.

Ф. р-50. Оп. 1. Д. 77 — Протоколы и выписки из протоколов заседаний Президиума Федкомзема при Наркомназе, Малой Коллегии Народного Комиссариата по делам национальностей и др. 1923 г.

Ф. р-82. Оп. 1. Д. 1 — Постановления ВЦИК о реорганизации народного комиссариата по национальным делам, об образовании Горской Республики. Протоколы заседаний делегации съезда народов Терской области о разрешении земельного вопроса в Горреспублике. 1921 г.

Ф. р-97. Оп. 1. Д. 7 — План переселения горцев и малоземельных граждан плоскостной части округа на земли, прирезанные от Автономной Кабардинской области. 1923 г.

**Центральный государственный архив
историко-политической документации
Республики Северная Осетия-Алания — ЦГАИПД РСО-А**

Ф. 1. Оп. 1. Д. 1, 19, 37, 81, 107, 118, 139, 147, 149, 153, 165, 632, 666 — Протоколы заседаний бюро Северо-Осетинского обкома РКП(б). 1924—1925 гг., 1929 г.

Ф. 1. Оп. 2. Д. 457 — Протокол № 18 от 8 июля 1934 г. заседания бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б). 1934 г.

Ф. 204. Оп. 1. Д. 42 — Протоколы заседаний бюро Горского областного комитета РКП(б). Май—июль 1924 г.

Ф. 204. Оп. 1. Д. 81 — Горский областной комитет РКП(б). Совещание по национальному вопросу 22—23 ноября 1923 г.

Ф. 1849. Оп. 1. Д. 36 — Съезд делегатов Северной и Южной Осетии в 1917 г. в г. Владикавказе в связи с Октябрьской революцией. Беседа с тов. Джугашвили (Сталиным). Статья «Организация РСДРП в г. Владикавказе».

Ф. 1849. Оп. 1. Д. 41 — Копия докладной записки начальника цхинвальского отряда о необходимости ликвидации национального совета в Осетии. Материал о столкновении красноармейцев с ингушами. 1917, 1919 гг.

Ф. 1849. Оп. 1. Д. 62 — Стенограмма пленума Гороблпарткома (городского и областного партийного комитета) за 1924 г. Личные документы Авсарагова Марка Гавриловича, военного комиссара Осетинского округа. 1924—1929 гг.

Ф. 1849. Оп. 1. Д. 109 — Обзор развития хозяйственной жизни народностей Горской Республики. 1920 г.

Ф. 1849. Оп. 1. Д. 121 — Материалы по Горской Республике, отобранные в Институте марксизма-ленинизма (протоколы заседаний комиссий ЦК РКП(б) по обследованию состояния партийной работы в Горской Республике). 1924 г.

**Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных
и социальных исследований — НА СОИГСИ**

Ф. 12. Оп. 1. Оп. 18 — Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. Стенографический отчет. 1921 г.

**Центральный государственный архив
Кабардино-Балкарской республики — ЦГА КБР**

Ф. и-27. Оп. 1. Д. 10 — Инструкции начальника Нальчикского округа о выборе должностных лиц в сельское правление. 1913 г.

Ф. р-1. Оп. 1. Д. 5 — Протоколы и выписки из протоколов заседаний областного ревкома и облисполкома, приказы и выписки из приказов. 1921 г.

Ф. р-2. Оп. 1. Д. 11 — Протоколы общих собраний граждан селений КБАО. 1921—1922 гг.

Ф. р-2. Оп. 1. Д. 119 — Документы IV Областного съезда Советов КБАО. 1924 г.

Ф. р-2. Оп. 1. Д. 122 — Протоколы пленумов, доклады о деятельности отделов обл. исполкома. 1924—1925 гг.

Ф. р-2. Оп. 1. Д. 156 — Протоколы, выписки из протоколов заседаний краевого исполкома и бюро Терского комитета РКП(б), переписка с сельскими и окружными исполкомами о налаживании взаимоотношений между Карачаем, Кабардино-Балкарией и Терской областью. 1924—1925 гг.

Ф. р-2. Оп. 1. Д. 251 — Протоколы заседаний президиума облисполкома и переписка с Северо-Кавказским крайисполкомом о районировании области, о поднятии культурного уровня, развитии и росте хозяйства национальных меньшинств, положение о городских советах. 1925—1926 гг.

Ф. р-2. Оп. 1. Д. 342 — Документы 5-го Областного съезда Советов Кабардино-Балкарской области. 1926 г.

Ф. р-16. Оп. 1. Д. 100 — Протоколы и выписки из протоколов Президиума облисполкома, материалы IV—VI областных съездов Советов КБАО. 1927—1928 гг.

Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики — ЦДНИ КБР

Ф. 1. Оп. 1. Д. 11 — Резолюция первого совещания секретарей коммунистических и комсомольских ячеек области. 1922 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 13 — Протоколы заседаний обкома РКП(б). 1923 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 43 — Протокол областного совещания секретарей и заворгов окружкомов, секретарей сельских ячеек РКП(б). 1925 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 49 — Протоколы № 4—46 заседаний бюро обкома ВКП(б). 1926 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 54 — Выписки из протокола VIII областной партийной конференции. 1927 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 55 — Резолюции IX областной партийной конференции. 1927 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 69 — Протоколы 2—4, 14-го пленумов обкома ВКП(б). 1928 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 80 — Выписки из протоколов пленумов и бюро окружкомов ВКП(б), протоколы общего нальчикского городского партийного собрания и заседаний бюро обкома ВЛКСМ. Выписки из протоколов собраний партячеек и общих сходов жителей селений области в связи с баксанскими событиями. 1928 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 85 — Протоколы № 4—29 заседаний бюро обкома. 1929 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 171 — Материалы (выписки из протоколов пленумов заседаний бюро горкома и райкомов ВКП(б), протоколы партийных собраний, справки) о борьбе с троцкистами в областной партийной организации. 1936 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 205 — Протокол XVI партийной конференции. Т. 1. 1939 г.

Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований — АКБИГИ

Ф. 4. Оп. 1. Д. 1 — Архивные материалы по истории Кабарды и Балкарии из Центрального государственного архива КБР. 1918—1929 гг.

Ф. 4. Оп. 1. Д. 1а — Архивные материалы из Центрального государственного архива Октябрьской революции по истории Кабарды и Балкарии. 1920-е гг.

Ф. 4. Оп. 1. Д. 2 — Земельный вопрос в Горской Советской Республике. 1921 г. (Копия из Грозненского государственного архива).

Ф. 4. Оп. 1. Д. 3 — Архивные материалы по истории КБАССР, собранные в фондах Кабардино-Балкарского обкома КПСС. 1921—1923 гг.

Ф. 4. Оп. 1. Д. 4 — Архивные материалы по истории Кабардино-Балкарии советского периода. 1921—1924 гг.

Ф. 4. Оп. 1. Д. 6 — Материалы на тему «Кабарда в период восстановления народного хозяйства». 1921—1925 гг.

Ф. 4. Оп. 1. Д. 7 — Архивные материалы по истории КБАССР, собранные в фондах Кабардино-Балкарского обкома КПСС. 1921—1925 гг.

Ф. 4. Оп. 2. Д. 1 — Архивные документы из Ростовского партархива по истории Кабарды и Балкарии. 1926—1929 гг.

Ф. 4. Оп. 2. Д. 3 — Архивные материалы из Центрального государственного архива Октябрьской революции по истории Кабарды и Балкарии. 1927 г.

Ф. 4. Оп. 2. Д. 4 — Архивные материалы из Центрального государственного архива Октябрьской революции по истории Кабарды и Балкарии. 1928 г.

Ф. 4. Оп. 2. Д. 5 — Архивные материалы из Центрального государственного архива Октябрьской революции по истории Кабарды и Балкарии. 1929 г.

Ф. 4. Оп. 2. Д. 7 — Архивные материалы из Центрального государственного архива Октябрьской революции по истории Кабарды и Балкарии. 1930 г.

Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики — ГА КЧР

Ф. р-19. Оп. 1. Д. 18 — Протокол первого Черкесского национального окружного съезда Советов со списками членов и кандидатов съезда. 1926 г.

Ф. р-19. Оп. 1. Д. 25 — Протокол Черкесского окружного исполкома. 1926—1927 гг.

Ф. р-19. Оп. 1. Д. 29 — Протоколы заседаний съезда Советов по реорганизации КЧАО. 1926—1927 гг.

Ф. р-19. Оп. 1. Д. 88 — Протоколы заседаний Черкесского окрисполкома. 1927 г.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 2 — Приказы, воззвания, письма исполкома Карачаевского окружного совета. 1921 г.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 12 — Протоколы 3—5 пленумов и № 21—35 заседаний президиума Карачаевского областного исполкома. 1927—1928 гг.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 13 — Протоколы Учкуланской избирательной комиссии. 1927 г.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 20 — Документы по перевыборам Советов по Карачаевской автономной области (протоколы, доклады, анкеты). Т. 1. 1927 г.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 22 — Документы по отчетно-перевыборной кампании Хумаринского округа Карачаевской автономной области (протоколы, письма, заявления). 1927 г.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 29 — Документы по восстановлению избирательных прав лицам, лишенным их (протоколы, письма, заявления). 1927—1928 гг.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 37 — Протоколы заседаний Карачаевского областного исполнительного комитета. 1929—1930 гг.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 38 — Отчет председателя Карачаевского облисполкома о работе за 1929 г.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 54 — Протоколы заседаний президиума избиркома и общих собраний граждан аула Джырлыкского. 1930—1931 гг.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 69 — Протоколы № 1—30 пленумов совета, заседаний президиума сельсовета и общих собраний граждан аула Верхняя Мара. 1931 г.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 73 — Итоги хозяйственного и культурного строительства в Карачаевской автономной области в 1931—1934 гг.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 96 — Протоколы № 28—64 заседаний президиума Карачаевского облисполкома. 1927—1928 гг.

Ф. р-307. Оп. 1. Д. 220 — Сведения о состоянии коренизации в Карачаевской автономной области на 1 июня 1937 г.

Ф. р-317. Оп. 1. Д. 1 — Учкуланский окружной исполнительный комитет Карачаевской области. Постановления окрисполкома, рапорты, заявления аулсоветов. Списки председателей и секретарей аулсоветов. 1923—1924 г.

Филиал государственного архива Карачаево-Черкесской Республики — Центр документации новейшей истории — ФГАКЧР ЦДНИ

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 17 — Протоколы Оргбюро РКП(б) Карачаево-Черкесской автономной области. Списки по приему в кандидаты и члены партии. 1925 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 18 — Протоколы Оргбюро РКП(б) Карачаево-Черкесской автономной области и партколлегии № 1—47. 1925 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 20 — Протокол 3-й Карачаево-Черкесской областной конференции РКП(б). 1925 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 22 — Протоколы № 2—17 заседаний бюро Черкесского окружкома ВКП(б). 1926 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 27 — Протоколы оргбюро Черкесского окружкома ВКП(б). 1927 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 30 — Протоколы № 7—33, 37, 39, 45—78 заседаний бюро Черкесского обкома ВКП(б) с материалами. 1928 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 36 — Протоколы № 64—95, 100, 101 заседаний бюро Черкесского обкома ВКП(б) с материалами. 1930 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 50 — Протоколы № 1—7, 10—12, 14—33, 35—39 заседаний бюро Черкесского обкома ВКП(б) с материалами. 1932 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 53а — Протоколы № 40—64 заседаний бюро Черкесского обкома ВКП(б) с материалами. 1933 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 58 — Протоколы № 15—38 заседаний бюро Черкесского обкома ВКП(б). 1934 г.

Ф. п-1. Оп. 1. Д. 60 — Протоколы № 36—48, 50, 51, 53—59, 61—63 заседаний бюро Черкесского обкома ВКП(б). 1935 г.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 3 — Документы по вопросу землеустройства Карачаевской области, номенклатуре должностей, тезисы к перевыборам народных заседателей. 1926 г.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 6 — Протокол 1-й Карачаевской областной партийной конференции. 1927 г.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 8 — Протоколы оргбюро Карачаевского обкома ВКП(б) и приложения к ним. № 1—26. 1927 г.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 9 — Протоколы оргбюро Карачаевского обкома ВКП(б) № 1—40. 1927—1928 гг.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 15а — Протокол 3-й Карачаевской областной партконференции. 1928 г. Т. 2.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 15в — Протокол 3-й Карачаевской областной партконференции. Заседание 5 декабря 1928 г.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 22 — Доклад о состоянии и работе областной партийной организации на 3-й партийной конференции. 1928 г.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 33 — Протоколы Карачаевского обкома ВКП(б) № 3—40. 1930 г.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 38 — Протоколы Карачаевского обкома ВКП(б) № 95—110. 1931 г.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 39 — Протокол 5-й Карачаевской областной партийной конференции. 1932 г.

Ф. п.-45. Оп. 1. Д. 81 — Стенографический отчет 8-й Карачаевской областной партийной конференции. 1938 г.

Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР (1980-е гг.) — ЦГА ЧИР

Ф. 586. Д. 6 — Резолюция по докладу З. К. Мальсагова «О нормах литературного чечено-ингушского языка». 1934 г.

Государственный архив Краснодарского края — ГАКК

Ф. р.-6. Оп. 1. Д. 47 — Переписка Кубанского областного правительства с центральным правительством Российской республики о полном содействии Учредительному собранию и о выражении надежды на установление федеративной республики. 1918 г.

Ф. р.-6. Оп. 1. Д. 48 — Протоколы заседаний Объединенного правительства Юго-Восточного Союза и его постановления о необходимости образования Федерации, об установлении связей с другими правительствами, об учреждении в Ростове управления путями сообщения и другие вопросы. 1917—1918 гг.

Ф. р-102. Оп. 1. Д. 25 — Протокол заседания горцев, список станичных, хуторских и аульских Ревкомов, и переписка с отделами о милицеских штатах, о присылке отчетов и сведений, и другие вопросы. 1920 г.

Ф. р-102. Оп. 1. Д. 330 — Постановления общих собраний граждан аулов Хатукай, Асоколай, Понежухай и других о выборах исполнительных комитетов, месячный отчет о деятельности подотдела общественных работ и доклад о деятельности армянской секции. 1921—1922 гг.

Ф. р-102. Оп. 1. Д. 342 — Протоколы заседаний 2-го съезда горцев Зеленчукских аулов, заседаний волисполкомов и общих собраний граждан ст. Воронцовской, Лазаревской, Приморско-Ахтарской, аула Ураковского. 1921 г.

Ф. р.-686. Оп. 1. Д. 3 — Протоколы заседаний президиума и пленума Кубано-Черноморского облисполкома. 1920—1922 гг.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края — ЦДНИКК

Ф. 1. Оп. 1. Д. 25 — Протокол организационного заседания инициативной группы по созданию Западно-Славянской и Немецкой групп при Кубчеробласткоме РКП(б). 1923 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 314 — Выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК об утверждении границ Адыгейской автономной области и протокол заседания пленума исполкома Майкопского отдела о районировании. 1923 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 315 — Докладная записка исполкома Адыгейской автономной области в административную комиссию ВЦИК об истории, состоянии хозяйства и административном делении области. 1923 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 354а — Отчеты Юго-Восточного краевого комитета РКП(б). 1924 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 356 — Стенограмма VIII областной партийной конференции. Часть 1. 1924 г.

Ф. 4383. Оп. 1. Д. 17в — Протоколы № 152—155 заседаний бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 1936 г.

Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН — АМАЭ

Ф. К-1. Оп. 1. Д. 79 — Этнографический обзор народов СССР. Папка 2-я. Народы Кавказа. 1939—1940 г.

Ф. К-1. Оп. 1. Д. 137 — *Черняков З. Е.* Записка к учебной этнографической карте СССР. 1937.

Ф. К-1. Оп. 1. Д. 556 — Материалы к переписи населения СССР 1939 г.: списки народов СССР, самоназвания, критические замечания на списки, составленные ЦУНХУ Госплана СССР. 1937—1938 гг.

Ф. К-1. Оп. 1. Д. 639 — Материалы к сборнику «Народы СССР»: словарь, указатель, рецензии Сергеева М. А., Малова С. Е., Генко А. Н., Кагарова Е. Г. 1939—1940.

Ф. 25. Оп. 1. Д. 32, приложение — *Лавров Л. И.* «О процессе национальной консолидации у народов Дагестана»; приложение: докладная записка по теме «Национальная консолидация у народов Дагестана». 1953, 1956.

Публикации документов, архивных материалов и справочные издания

Аграрный вопрос 2006: Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920—1995). Документы и материалы / под ред. А. И. Османова. В 2 т. Махачкала, 2006.

Борьба за установление власти 1958: Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. 1917—1921 гг.: Сб. документов и материалов / под ред. Г.-А. Даниялова. М., 1958.

Власть и религия 2007: Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г.—декабрь 1991 г.). Документы и материалы / сост. Г. И. Какагасанов, М. Д. Бутаев, М. М. Амирханов. Махачкала, 2007.

Восьмой съезд 1959: Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959.

Государственный строй 1995: Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сб. законодательных актов / сост. О. И. Чистяков, Г. А. Кутьина. М., 1995.

Двенадцатый съезд 1968: Двенадцатый съезд РКП(б). (17—22 апреля 1923 г.). Стенографический отчет. М., 1968.

Декреты 1957: Декреты Советской власти (25 октября 1917 г.—16 марта 1918 г.). М., 1957.

Докладная записка 2010: Докладная записка товарища Алиева / подгот. к публикации и коммент. А. Г. Кажарова // Исторический вестник. Нальчик, 2010. Вып. 9.

Документы 1983: Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917—1922 гг.). Нальчик, 1983.

К очередным задачам 2007: «К очередным задачам Горской республики» / публ. Л. С. Гатаговой // История народов России в исследованиях и документах. М., 2007. Вып. 2.

Коллективизация 2007: Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927—1940 гг.). Документы и материалы / сост. Г. И. Какагасанов. Махачкала, 2007.

КПСС в резолюциях 1983: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2.

Культурное строительство 1980/1985: Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. 1918—1941 гг. Нальчик, 1980. Т. 1; 1985. Т. 2.

Культурное строительство в РСФСР 1985/1986: Культурное строительство в РСФСР. 1928—1941. Документы и материалы. М., 1985. Т. 2, ч. 1.; 1986. Т. 2, ч. 2.

Культурное строительство 1989: Культурное строительство в СССР. 1917—1927. Разработка единой государственной политики в области культуры. Документы и материалы / под ред. А. П. Ненарокова. М., 1989.

Материалы к вопросу 1923: Материалы к вопросу о районировании Кавказа. (Кубано-Черноморское областное экономическое совещание). Краснодар, 1923. Вып. 1.

О нарушении 1936: О нарушении национальной политики в Северо-Кавказском крае // РИИ. 1936. № 6.

Основные преобразования 1986: Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793—1985) / сост. А. З. Азаренкова, И. Ю. Бондарь, Н. С. Вертышева. Краснодар, 1986.

Особые журналы 1982: Особые журналы Совета министров царской России. Т. 2. М., 1982.

Отчет 1923: Отчет 3-й сессии Центрального исполнительного комитета Горской Социалистической Советской Республики 2—3 октября 1923 г. Владикавказ, 1923.

Политика 1920: Политика советской власти по национальным делам за три года. 1917 — XI — 1920. М. 1920.

Постановление 1936: Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза СССР // РИИ. 1936. № 2.

Приговоры сходов 2009: Приговоры сходов населенных пунктов Нальчикского округа Терской области от 1920 г. о переименовании сел // Архивы и общество. 2009. № 10.

Программы партий 1992: Программы политических партий и организаций России конца XIX—XX века. Ростов-на-Дону, 1992.

Революция и национальный вопрос 1930: Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / под ред. С. М. Диманштейна. Т. 3. М., 1930.

Революция на Северном Кавказе 1926: Революция 1905—07 годов на Северном Кавказе: Сб. материалов и документов № 1. Ростов-Дон; Краснодар, 1926.

Революция на Тереке 1980: Революция 1905—07 годов на Тереке. Документы и материалы. Орджоникидзе, 1980.

Репрессии 1997: Репрессии 30-х годов в Дагестане. (Документы и материалы) / сост. Г. И. Какагасанов, М. Д. Бугаев, Р. И. Джамбулатова. Махачкала, 1997.

Самурский. Автобиография: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/110102/%. 15.12. 2013.

Собрание узаконений 1927: Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом юстиции. М., 1927. № 51.

Совершенно секретно 2001—2008: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934): в 10 т. М.: ИРИ РАН, 2001—2008. Т. 1, 2, 4. М., 2001; Т. 3, 6. М., 2002; Т. 5. М., 2003; Т. 7. М., 2004.

Советская деревня 2000: Советская деревня глазами ВЧК — ГПУ — НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 2. 1923—1929.

Советская политика 1928: Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР: Систематический сборник действующих актов правительств Союза ССР и РСФСР по делам национальностей РСФСР (октябрь 1917—ноябрь 1927 г.) / под общ. ред. Г. К. Клингера. М.; Л., 1928.

Советская этнополитика 2012: Советская этнополитика. 1930—1940-е годы: Сб. док. / сост., автор предисл. и коммент. Л. С. Гатагова. М., 2012.

Совещание уполномоченных 1928: Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИК'ах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетов. 1928 г. Стенографический отчет. М., 1928.

Союз горцев 1994: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.), Горская Республика (1918—1920 гг.). Документы и материалы / под ред. А. И. Османова. Махачкала, 1994.

Справочник 1996: Справочник. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Вып. 1. Фонды партийных комитетов и комиссий. 1920—1930-е гг. / сост. И. Ю. Бондарь. Краснодар, 1996.

Сталин 1923: Сталин И. В. Организационный отчет Центрального комитета РКП(б) на XII съезде Российской коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет // <http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-2.html>.

Сталин 2006 — И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920—1950-х гг.: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. док. и мат. Ч. 1. 1920—1930-е гг. СПб., 2006.

Стенографический отчет 1926: Стенографический отчет 2-й краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1926.

Съезды Советов 1959: Съезды советов в документах 1917—1936 гг. М., 1959. Т. 1. Тайны политики 1992: Тайны национальной политики. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9—12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992.

ЦК РКП(б) 2005: ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Книга 1. 1918—1933 гг. М., 2005.

ЦК ВКП(б) 2009: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Книга 2. 1933—1945 гг. М., 2009.

Литература

- Авалов 1910: *Авалов З.* Грузины // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия* / под. ред. А. И. Кастелянского. СПб., 1910.
- Авторханов 1931: *Авторханов А.* К вопросу изучения тейп, тукумов и классовой борьбы в Чеченской деревне // *РВ.* 1931. № 4.
- Агаев 1990: *Агаев А. Г.* Нажмутдин Самурский. Политический портрет. Махачкала, 1990.
- Агамали-оглы 1928: *Агамали-оглы С. А.* Культурная революция и новый алфавит // *Культура и письменность Востока.* Баку, 1928. Кн. 3.
- Агларов 1988: *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—начале XIX в. М., 1988.
- Агларов 2002: *Агларов М. А.* Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002.
- Агларов 2007: *Агларов М. А.* Исторические корни межэтнической толерантности в Дагестане // *Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских чтений 2006—2007 гг. Этнология, история, археология, культурология.* СПб., 2007.
- Аджиева 2009: *Аджиева З. И.* Формирование национальной бюрократии в автономных образованиях РСФСР в первые десятилетия советской власти (на материалах Карачаево-Черкесии) (1920—1941 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2009.
- Адыги 1974: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под ред. В. К. Гарданова. Нальчик, 1974.
- Айшаев 2011: *Айшаев О. О.* Крестьянские восстания на Северном Кавказе в период коллективизации сельского хозяйства // *Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918—1930-х годах. Статьи и документы.* Нальчик, 2011. Вып. 5.
- Алекторов 1906: *Алекторов А. Е.* Инородцы в России. Современные вопросы. СПб., 1906.
- Алиев 1926: *Алиев У.* Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае: Итоги и перспективы. К предстоящему съезду горских народов. Ростов-на-Дону, 1926.
- Алиев 1927а: *Алиев У.* Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов-на-Дону, 1927.
- Алиев 1927б: *Алиев У.* Достижения Соввласти на Северном Кавказе в области национальной политики к 10-летию Октября. Ростов-на-Дону, 1927.
- Алиев 1928: *Алиев У.* Книгоиздательское дело на национальных языках Северного Кавказа (итоги за 3 года и перспективы) // *ЗГНИИ.* 1928. Т. 1.
- Алиев и др. 1927: *Алиев У., Городецкий Б., Суюхов С.* Адыгея (Адыгейско-Черкесская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов-на-Дону, 1927.
- Алиева 2015: *Алиева С. И.* Азербайджанская демократическая республика и Горская республика: проекты образования единого государства // *Caucasus survey.* 2015. Vol. 3. № 1.
- Алпатов 1993: *Алпатов В. М.* Языковая политика в СССР в 20—30-е годы: утопии и реальность // *Восток.* 1993. № 5.
- Алпатов 2000: *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917—2000. Социолнгвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.
- Анчабадзе 2012: *Анчабадзе Ю. Д.* Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в.—1920-е гг.). М., 2012.
- Анчабадзе 2013: *Анчабадзе Ю. Д.* Политическая культура адыгов: традиционные общинные институты и их эволюция (вторая половина XIX в.—1920 гг.): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2013.
- Апухтин 1926: *Апухтин В.* Революционное движение 1905 г. среди горцев Северного Кавказа // *Новый Восток.* 1926. № 13—14.

Аствацатурова и др. 2010: *Аствацатурова М. А., Тишков В. А., Хоперская Л. Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010.

Ахмадов 1974: *Ахмадов Ш. Б.* Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Изв. Чеч.-Инг. НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1974. Т. 9, ч. 3, вып. 1.

Аюпов 1936: *Аюпов Т.* Коренизация аппарата в Чечено-Ингушетии // РИИ. 1936. № 2.

Бабич 1999: *Бабич И. Л.* Эволюция правовой культуры адыгов (1860—1990-е годы). М., 1999.

Баглиев 1967: *Баглиев З. Д.* Переселение горцев на равнину — путь к изобилию и культуре. Махачкала, 1967.

Бадоев 1937: *Бадоев К.* Против буржуазно-националистической клеветы // РИИ. 1937. № 5.

Базоркин 2012: *Базоркин И. М.* Письма о «вайнахах». Назрань, 2012.

Баранов 1931: *Баранов Н.* Коренизация — узкое место в Карачае // РИГ. 1931. № 10—11.

Барт 1989: *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Бахтурина 2008: *Бахтурина А.* «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии // Полит.ру <http://www.polit.ru/article/2008/06/20/bahturina/>.

Бгажноков 2011: *Бгажноков Б. Х.* Этнография адыгов. Нальчик, 2011.

Бегеулов 1932: *Бегеулов А.* В борьбе за социалистическое развитие сельского хозяйства горских народов // РИГ. 1932. № 10—12.

Бенкендорф 2000: *Бенкендорф К. К.* Воспоминания. 1845 г. // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000.

Бердяев 1907: *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907.

Битова 1997: *Битова Е. Г.* Социальная история Балкарии XIX века. Сельская община. Нальчик, 1997.

Бобровников, 1997: *Бобровников В. О.* Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана // ЭО. 1997. № 5.

Бобровников 2002а: *Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа. Обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.

Бобровников, 2002б: *Бобровников В. О.* Современное дагестанское село // Народы Дагестана / под ред. С. А. Арутюнова, А. И. Османова, Г. А. Сергеевой. М., 2002.

Боров и др. 1999: *Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии, истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.

Борисенко 1930: *Борисенко И.* Авантюристы в Гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов-на-Дону, 1930.

Борцы за власть 1967: Борцы за власть Советов в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1967.

Бочаров 1998: *Бочаров В. В.* Политическая антропология и общественная практика // ЖССА. 1998. Т. 1, № 2.

Бочаров 2001: *Бочаров В. В.* Политическая антропология // ЖССА. Т. 4, № 4.

Бриль, Софу 1934: *Бриль М., Софу Э.* 10 лет Северной Осетии // РИ. 1934. № 8.

Бройдо 1923а: *Бройдо Г. И.* Наша национальная политика и очередные задачи наркомнаца // ЖН. 1923. № 1.

Бройдо 1923б: *Бройдо Г. И.* Исходный момент в строительстве СССР // ЖН. 1923. № 2.

Бройдо 1924а: *Бройдо Г. И.* Национальный и колониальный вопрос. М., 1924.

Бройдо 1924б: *Бройдо Г. И.* К вопросу о замене арабского алфавита латинским // ЖН. 1924. № 1 (6).

Броневский 2004: Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеновым Броневским / подгот. текста, предисл., примеч., словарь, указатели И. К. Павловой. СПб., 2004.

Бугай 2000: *Бугай Н. Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917—90-е годы). М., 2000.

Бугай 2011: *Бугай Н. Ф.* Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011.

Бугай 2012: *Бугай Н. Ф.* Этнические меньшинства «с примитивной культурой и особым языком...»: «шапсутский вопрос» и пути его решения // *Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Материалы заочного круглого стола.* Ростов-на-Дону, 2012.

Бугай, Мекулов 1994: *Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994.

Булатов А. 2001: *Булатов А. Г.* Индустриализация Дагестана: история, опыт, проблемы (1926—1932 гг.). Махачкала, 2001.

Булатов Б. 1996: *Булатов Б. Б.* Дагестан на рубеже XIX и XX вв. Махачкала, 1996.

Булатов Б., Курбанов 2006: *Булатов Б. Б., Курбанов М. А.* Дагестан в 1920—1930-е годы. Махачкала, 2006.

Бутаев 1923: *Бутаев К.* Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // *ЖН.* 1923. № 2.

Бутков 1869: *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. 3 ч.

Бурдые 2001: *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.; М., 2001.

Буркин 1931: *Буркин Н. Г.* Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1931.

Буркин 1933: *Буркин Н. Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1933.

В боях за власть 1957: В боях за власть Советов. Воспоминания участников социалистической революции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1957.

В издательстве 1912: В осетинском издательстве // *Терские ведомости.* 1912. № 93.

Ваганян 1927а: *Ваганян В.* О национальной культуре. М., 1927.

Ваганян 1927б: *Ваганян В.* Не согласен ни с одним из моих оппонентов. М., 1927.

Барман 1931: *Барман Г.* К итогам перевыборов советов в нацобластях // *РиГ.* 1931. № 3.

Васильев 2013: *Васильев И. Ю.* Украинизация на Кубани: причины свертывания // *Украинцы Юга России: Проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: Материалы Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 3—4 октября 2013 г.* Ростов-на-Дону, 2013.

Вдовин 1992: *Вдовин А. И.* Национальная политика 30-х годов. (Об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* 1992. № 4.

Вдовин 1994: *Вдовин А. И.* Этнополитика и формирование государственности в России // *Кентавр.* 1994. № 1.

Вернадский 1995: *Вернадский В. И.* Задачи науки в связи с государственной политикой в России // *Научная мысль Кавказа.* 1995. № 1.

Виноградов 2002: *Виноградов В. Б.* «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Армавир, 2002.

Виноградов и др. 2009: *Виноградов В. Б., Люфт Е. Г., Чарыкова Ю. Е.* Эскизы принципов и практики кавказской «российскости». М.-Армавир, 2009.

Водовозов 1910: *Водовозов В.* Национальность и государство // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / под ред. А. И. Кастелянского.* СПб., 1910.

- Воронов 1868: *Воронов Н. И.* Из путешествия по Дагестану // ССКГ. 1868. Вып. 1.
- Врангель 2002: *Врангель П. Н.* Записки. Ноябрь 1916 г.—ноябрь 1920 г. Минск; 2002. Т. 1. Воспоминания и мемуары.
- Всесоюзная конференция 1929: Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 11.
- Газиев 2007: *Газиев З.* Особенности национальной охоты // Республика. 2007. № 47. 23 ноября.
- Гамзатов 1989: *Гамзатов Р.* Мой Дагестан. Махачкала, 1989.
- Ганелин 1998: *Ганелин Р. Ш.* Сталин и советская историография предвоенных лет // Новый часовой. 1998. № 6—7.
- Гарданов 1968: *Гарданов В. К.* Социально-экономические преобразования // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.
- Гасилов 1928: *Гасилов Г. В.* О построении плана введения всеобщего обучения среди нацмен // Просвещение национальных меньшинств в РСФСР / под ред. Г. В. Гасилова. М., 1928.
- Гатагова 2001: *Гатагова Л. С.* Кавказ после Кавказской войны: этноконфессиональный аспект // Россия и Кавказ. Сквозь два столетия. СПб., 2001.
- Гатагова 2009: *Гатагова Л. С.* Этнические процессы на Северном Кавказе в контексте политико-административного освоения региона (XIX—начало XX столетия) // Генерал А. П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX—начале XX века. СПб., 2009.
- Гатагова 2011: *Гатагова Л. С.* Подъем национального движения на Северном Кавказе в начале XX в. // История народов России в исследованиях и документах. М., 2011. Вып. 5.
- Гемпель 1977: *Гемпель К.* Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // Философия и методология истории / под ред. И. С. Кона. М., 1977.
- Гильденштедт 2002: *Гильденштедт И. А.* Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. / пер. Т. К. Шафрановской; ред. и коммент. Ю. Ю. Карпова. СПб., 2002.
- Гимпельсон 1995: *Гимпельсон Е. Г.* Формирование советской политической системы. М., 1995.
- Гипари 1923: *Гипари Э.* Организация распыленных нацменьшинств // Красное знамя. 1923. № 75. 5 апреля.
- Глиноецкий, 1862: *Глиноецкий Н.* Поездка в Дагестан. Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г. // Военный сборник. 1862. Т. 23, 24.
- Горький 1909: *Горький М.* Разрушение личности // Очерки философии коллективизма. СПб., 1909.
- Гранде 1932: *Гранде Б.* На фронте терминологического строительства // Просвещение национальностей. 1932. № 8—9.
- Гранде 1935: *Гранде Б.* Материалы для уточнения списка народов СССР // РиН. 1935. № 4.
- Гранде 1936: *Гранде Б.* Список народностей СССР // РиН. 1936. № 4.
- Губжоков 1999: *Губжоков М. Н.* Эволюция традиционной политической культуры западно-адыгских княжеств в период Кавказской войны // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. 1. История, Этнология, Археология.
- Гугов 2005: *Гугов Р. Х.* Бетал Калмыков. Штрихи к портрету // И жар души, и хлад ума... Вспоминая Рашада Хусейновича Гугова. Нальчик, 2005.
- Гуревич 1991: *Гуревич А. Я.* О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2—3.
- Гутнов 2008: *Гутнов Ф. Х.* Горский феодализм. Владикавказ, 2008. 2 ч.
- Дагестан 1929: Дагестан. Факты и цифры / сост. Г. Изахсон, А. Назаревич; под общ. ред. И. Грушина. Махачкала, 1929.
- Дагестан 1932: Дагестан. К 15-й годовщине Октября. Махачкала, 1932.
- Дагестанская антология 1934: Дагестанская антология / сост. и коммент. Э. Капиева. М., 1934.

Далгат 1893: *Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. 1893. Вып. 3.

Далгат 1934—1935: *Далгат Б.* Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Изв. Ингуш. НИИ по отделению истории и языка. Орджоникидзе; Грозный, 1934—1935.

Далгат 2004: *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004.

Данилов 1970: *Данилов В. П.* Об исторических судьбах крестьянской поземельной общины в России // Тезисы докладов и сообщений 12-й сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970.

Данилов 1972: *Данилов В. П.* Типы общинных организаций сельского населения в СССР после 1917 г. // Тезисы докладов и сообщений 14-й сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972.

Данилова 2012: *Данилова Е. Н.* Национальные меньшинства и опыт государственного управления национальными делами. 1920—1930-е годы // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею доктора исторических наук, профессора Клавдии Ивановны Козловой: Сб. науч. статей. М., 2012.

Даниялов 1975: *Даниялов А. Д.* Строительство социализма в Дагестане. 1921—1940 гг. Узловые проблемы. М., 1975.

Дарчиева 2009: *Дарчиева С. В.* Северокавказские депутаты Государственной думы и проблемы национальной политики Российской империи: контент-анализ стенограмм (1906—1907 гг.) // Изв. СОИГСИ. 2009. № 3.

Дарчиева 2013: *Дарчиева С. В.* Национальный вопрос в работе северокавказских депутатов Государственной думы России (1906—1907 гг.) // Стратегическое планирование в полиэтническом макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: Материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3—4 октября 2013 г.). Ростов-на-Дону, 2013.

Даудов, Месхидзе 2009: *Даудов А. Х., Месхидзе Д. И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917—1924 гг.). СПб., 2009.

Деникин 2003: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Том четвертый и пятый: Вооруженные силы Юга России. М., 2003.

Денисова, Уланов 2003: *Денисова Г. С., Уланов В. П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003.

Джабагиев 1905а: *Джабагиев В.-Г.* Доверенные лица ингушского народа перед лицом представителя наместника его Императорского Величества на Кавказе // СПб. ведомости. 1905. № 156. 29 июня.

Джабагиев 1905б: *Джабагиев В.-Г.* Что нужно Кавказу? // СПб. ведомости. 1905. № 236. 1 октября.

Джабагиев 1906: *Джабагиев В.-Г.* Кавказ и наместник // СПб. ведомости. 1906. № 5. 6 января.

Джанаев 1948: *Джанаев А. К.* К истории возникновения феодального землевладения в Стыр-Дигории // Изв. Сев.-Осетин. НИИ. Орджоникидзе, 1948. Т. 15, вып. 3.

Джанаев 1988: *Джанаев А. К.* Народы Терека в российской революции 1905—1907 гг. Орджоникидзе, 1988.

Дзамихов 2000: *Дзамихов К. Ф.* Адыги и Россия (формы исторического взаимодействия). М., 2000.

Джидалаев 1990: *Джидалаев Н. С.* Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического сравнения. М., 1990.

Дзагуров 1935: *Дзагуров Г.* Промышленность Дагестана за 15 лет // РиН. 1935. № 6.

Дзасохов 2006: *Дзасохов Г.* Письмо из Осетии // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост., предисл., примеч. и коммент. Л. А. Чибирова. Владикавказ, 2006. Кн. 6.

Дидигова 1997: *Дидигова И. Б.* Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. 1920—1930-е гг.: Дис... канд. ист. наук. М., 1997.

Дидигова 2005: *Дидигова И. Б.* Реформа районирования в Ингушетии в начале XX века: особенности, значение // Сб. науч. трудов Ингушского гос. ун-та. Магас, 2005. Вып. 3.

Диманштейн 1929а: *Диманштейн С.* Проблемы национальной культуры и культурного строительства в национальных республиках // Вестник коммунистической академии. М., 1929. Кн. 3.

Диманштейн 1929б: *Диманштейн С.* О практическом проведении национальной политики в области народного просвещения в СССР // Народное просвещение. 1929. № 5.

Диманштейн 1930: *Диманштейн С.* Реконструктивный период и работа среди национальностей СССР // РиН. 1930. № 1.

Диманштейн 1933: *Диманштейн С.* Принципы создания национальной терминологии // Письменность и революция. М.; Л., 1933.

Диманштейн 1935а: *Диманштейн С.* Отношение марксизма-ленинизма к вопросу об ассимиляции национальностей // РиН. 1935. № 7.

Диманштейн 1935б: *Диманштейн С.* В ответ на вопрос, составляют ли собой евреи в научном смысле нацию // РН. 1935. № 10.

Диманштейн 1936: *Диманштейн С.* История народов СССР и положение на фронте исторической науки // РиН. 1936. № 3.

Дицман 1931: *Дицман.* К очередным задачам колхозного строительства в нацобластях // РиГ. 1931. № 9.

Дочь Батам-хаджи 1929: *Дочь Батам-хаджи* // РГ. 1929. № 5.

Дроздов 2013: *Дроздов К. С.* Советская украинизация 1920—1930-х гг. на Кубани и в Центральном Черноземье: общее и особенное // Украинцы Юга России: Проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: Материалы Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 3—4 октября 2013 г. Ростов-на-Дону, 2013.

Ерещенко 1991: *Ерещенко Г.* Трагедия ингушского народа // Ингушское слово. 1991. № 6.

Ерещенко 2004: *Ерещенко Г. А.* Гордость народа. Магас, 2004.

Жак 1928: *Жак Д. К.* Грамотность в национальных автономиях края // ЗГНИИ. 1928. Т. 1.

Жанситов 2007: *Жанситов О. А.* Противоправные действия советской власти в Кабарже и Балкарии в годы гражданской войны (1918—1920 гг.) // Информационно-аналитический бюллетень: Материалы научно-практической конф. «Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918—1930-е годы. Нальчик. 11 мая 2007 г.

Жанситов 2009: *Жанситов О. А.* Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917—1920 гг.). Нальчик, 2009.

Зайцев 1930: *Зайцев П.* Национальный момент в проблеме ликвидации округов // РиН. 1930. № 4—5.

Зелимхан 1929: «Зелимхан» // РиН. 1929. № 8.

Зельницкая 2013: *Зельницкая (Шларба) Р. Ш.* Попытка слома традиционной системы ценностей в период установления колхозного строя в Советской Абхазии // Лавровский сборник: Материалы XXXVI—XXXVII среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2010—2011. СПб., 2013.

Зорин, Аманжолова, Кулешов 1999: *Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В.* Национальный вопрос в Государственных думах России (опыт законоотворчества). М., 1999.

Зорич 1929: *Зорич А.* В стране гор. М.; Л., 1929.

Иванцов 2012: *Иванцов И. Г.* Советские формы «малой автономии». Ванновский национальный район. 1928—1935 гг. // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы: Материалы Всерос. науч. конф. Ростов-на-Дону, 27—28 сентября 2012 г. Ростов-на-Дону, 2012.

Ингуши 2013: Ингуши / под ред. М. С.-Г. Албогачиевой, А. М. Мартазанова, Л. Т. Соловьевой. М., 2013.

Ипполитова 2001: *Ипполитова А. Б.* История Музея народов СССР в Москве // ЭО. 2001. № 2.

Исмаил-Заде 2001: *Исмаил-Заде Д. И.* «Земли... будут отданы вам в вечное владение» // Россия и Кавказ. Сквозь два столетия. СПб., 2001.

Исмаил-Заде 2005: *Исмаил-Заде Д. И.* Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.

Истер 2010: *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

Исхаков 2004: *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г.—лето 1918 г.). М., 2004.

Исхаков 2007: *Исхаков С. М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007.

Итоги 1936: Итоги разрешения национального вопроса в СССР / под ред. С. Диманштейна. М., 1936.

Кабардинский фольклор 2000: Кабардинский фольклор / общ. ред. Г. И. Бройдо. Изд. 2-е доп. Нальчик, 2000.

Кабоев 1931: *Кабоев Г.* Очередные задачи советского строительства в нацобластях и нацменрайонах Северного Кавказа // РИГ. 1931. № 4.

Кавказские депутаты 1912: Кавказские депутаты в 3-й Государственной думе. Баку, 1912.

Кадио 2010: *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860—1940. М., 2010.

Кажаров А. 2006: *Кажаров А. Г.* Проблемы взаимоотношений Кабарды и Горской Республики // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 3.

Кажаров А. 2010: *Кажаров А. Г.* У. Д. Алиев и некоторые проблемы национально-государственного развития народов Северного Кавказа в 1920-е гг. // Исторический вестник. Нальчик, 2010. Вып. 9.

Кажаров А. 2012: *Кажаров А. Г.* Национально-политическое самоопределение народов Северного Кавказа в условиях революции и гражданской войны (1917—1920 гг.) // Исторический вестник. Нальчик, 2012. Вып. 10, ч. 1.

Кажаров В. 1990: *Кажаров В.* Историческое беспамятство // Версия. 1990. № 19. 31 октября.

Кажаров В. 1994: *Кажаров В. Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII—первой половине XIX в. Нальчик, 1994.

Кажаров В. 2007: *Кажаров В. Х.* Кабардинская община-вотчина времен русского завоевания Северо-Западного Кавказа // Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

Казанбиев 1960: *Казанбиев М. А.* Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920—1940 гг.). Махачкала, 1960.

Какагасанов 2010: *Какагасанов Г. И.* Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20—50-е годы XX в. Историко-документальное исследование. Махачкала, 2010.

Каламбий 1988: *Каламбий (Кешев А. Г.).* Записки черкеса. Нальчик, 1988.

Калмыков 1958: *Калмыков Б.* Революционное движение в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1958.

Калмыков 1961: *Калмыков Б.* Статьи и речи. Нальчик, 1961.

Калоев 1971: *Калоев Б. А.* Моздокские осетины. Хозяйство и хозяйственный быт // Кавказский этнографический сборник. Вып. 7. М., 1971.

Канторович 1989: *Канторович В.* Бабель рассказывает о Бетале Калмыкове // Воспоминания о Бабеле. М., 1989.

Каппелер 1997: *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997.

Карпов 1996: *Карпов Ю. Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

Карпов 2001: *Карпов Ю. Ю.* Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // *Антропология насилия* / под ред В. В. Бочарова и В. А. Тишкова. СПб., 2001.

Карпов 2003: *Карпов Ю. Ю.* Портрет современного Джигита глазами этнографа // *Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность*. СПб., 2003.

Карпов 2007: *Карпов Ю. Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007.

Карпов 2010а: *Карпов Ю. Ю.* Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // *Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова*. СПб., 2010.

Карпов 2010б: *Карпов Ю. Ю.* Леонид Иванович Лавров: ученый и гражданин // *Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова*. СПб., 2010.

Карпов 2010в: *Карпов Ю. Ю.* Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций // *Там же*.

Карпов 2011: *Карпов Ю. Ю.* «Борьба плуга и овцы». Некоторые аспекты колониционных процессов в степных районах Северо-Восточного Кавказа в новейшее время // *Материалы полевых исследований МАЭ РАН*. СПб., 2011.

Карпов, Капустина 2011: *Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX—начале XXI в.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.

Кастелянский 1910: *Кастелянский А. И.* Предисловие // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия* / под. ред. А. И. Кастелянского. СПб., 1910.

Кашкаев 1976: *Кашкаев Б. О.* Гражданская война в Дагестане 1918—1920 гг. М., 1976.

Кислицын, Перехов 1989: *Кислицын С. А., Перехов Я. А.* Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за решение казачьего вопроса на Тереке в первой половине 20-х годов // *Изв. Северо-Кавказ. науч. центра высшей школы. Общественные науки*, 1981. № 1.

Кисриев, 1994: *Кисриев Э. Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. М., 1994. № 72.

Кисриев 1998: *Кисриев Э. Ф.* Национальности и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998.

Кобахидзе 2010: *Кобахидзе Е. И.* «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII—начала XX в.: Опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010.

Ковалевский 1912: *Ковалевский П. И.* Восстание Чечни и Дагестана 1877 года. СПб., 1912.

Кокорхоева 2002: *Кокорхоева Д. С.* Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа (1917—1944 гг.). Элиста, 2002.

Коновалова 1998: *Коновалова Ж. Ф.* Миф в советской истории и культуре. СПб., 1998.

Котляровы 2013: *Котляровы М. и В.* Неизвестная Кабардино-Балкария. Увлекательные, захватывающие, остросюжетные рассказы о загадках истории и людях республики, которую называют жемчужиной Кавказа. Нальчик, 2013.

Красов 1936: *Красов С.* К коренизации аппарата в Кабардино-Балкарии // *РиН*. 1936. № 6.

Красильников 1998: *Красильников С. А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917—конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998.

Кривенко 1896: *Кривенко В. С.* По Дагестану: Путевые заметки // Русский вестник. 1896. № 2—4.

Кринко, Хлынина 2009: *Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П.* История Северного Кавказа в 1920—1940-е гг.: современная российская историография. Ростов-на-Дону, 2009.

Кристаллизация 2001: «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтуганова об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана. Вступительная статья С. М. Исхакова // Вопросы истории. 2001. № 5.

Кристин 1932: *Кристин К. И.* Плановая работа в Чеченской области // СКК. 1932. № 3—4.

Крупская 1928: *Крупская Н. К.* О национальной и интернациональной культуре // Просвещение национальных меньшинств в РСФСР / под ред. Г. В. Гасилова. М., 1928.

Кулов 1933: *Кулов К.* Пережитки родового быта как форма классовой борьбы в Сев. Осетии // РИИ. 1933. № 2.

Кульчик, Конькова 1995: *Кульчик Ю. Г., Конькова З. Б.* Дагестан: Нижнее-терское казачество. М., 1995.

Курбанов 1995: *Курбанов А. В.* Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки. СПб., 1995.

Кучмезова 2009: *Кучмезова Р.* Ако Гемуев: революционер, отрицающий классовую борьбу // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918—1930-х годах (Статьи и документы). Нальчик, август 2009 г. Вып. 3.

Ленин 1959: *Ленин В. И.* Аграрная программа русской социал-демократии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1959. Т. 6.

Ленин 1961а: *Ленин В. И.* Либералы и демократы в вопросе о языке // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. 1961. Т. 23.

Ленин 1961б: *Ленин В. И.* Нужен ли обязательный государственный язык? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. 1961. Т. 24.

Ленин 1961в: *Ленин В. И.* К вопросу о национальной политике // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. 1961. Т. 25.

Ленин 1961г: *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. 1961. Т. 25.

Ленин 1963: *Ленин В. И.* Проект постановления о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народностями // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1963. Т. 41.

Ленин 1964: *Ленин В. И.* К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. 1964. Т. 45.

Летифов 1972: *Летифов А. Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала, 1972.

Лихницкий 1930: *Лихницкий Н. Т.* О старом и новом кавказоведении // Тр. Кубан. пед. ин-та. Краснодар, 1930. Т. 1 (4) историко-экономический и литературно-лингвистический.

Луначарский 1908: *Луначарский А. В.* Религия и социализм. СПб., 1908.

Луначарский 1924: *Луначарский А. В.* Проблемы образования в автономных республиках и областях // ЖН. 1924. № 1 (6).

Луначарский 1930: *Луначарский А. В.* Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Кн. 6.

Луначарский 1998: *Луначарский А. В.* К вопросу о философской дискуссии 1908—1910 гг. // Луначарский?.. Нет, он Антонов! Документ, повествование о жизни и деятельности А. В. Луначарского. в 2 ч. / автор-сост. Н. Ф. Пияшев. [Б. м.], 1998.

Лурье 1994: *Лурье С. В.* Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. Вып. 1: Россия и цивилизационные отношения. М., 1994.

М. С. 1924: *М. С.* Бюджет Горреспублики // Юго-Восток. 1924. № 3.

Магидов 1971: *Магидов Ш. Г.* Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Из опыта работы Дагестанской областной партийной организации. Махачкала, 1971.

Магомедов 1976: *Магомедов М. З.* Социализм и судьбы горцев. (Из опыта разрешения национального вопроса и борьбы с идеологией ислама в Дагестане и на Терек-ке). Махачкала, 1976.

Магомедханов 2008: *Магомедханов М. М.* Дагестанцы. Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М., 2008.

Максимов 2012: *Максимов К. Н.* Парадоксы советской политики национально-государственного устройства // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы: Материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27—28 сентября 2012 г.). Ростов-на-Дону, 2012.

Мальсагов Д. 1998: *Мальсагов Д. Д.* Избранное. Нальчик, 1998.

Мальсагов З. 1928: *Мальсагов З.* Культурная работа в Чечне и Ингушетии в связи с унификацией алфавитов. Владикавказ, 1928.

Мальсагов Н. 1932: *Мальсагов Н.* Большевики Дагестана добились решающих успехов на культурном фронте // Просвещение национальностей. 1932. № 7.

Марков 1904: *Марков Е.* Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.; М., 1904.

Мартин 2011: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М., 2011.

Мартиросян 1933: *Мартиросян Г. К.* История Ингушии. Орджоникидзе, 1933.

Матвеев 2006: *Матвеев В. А.* Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX—начало XX в.). Ростов-на-Дону, 2006.

Матвеев 2011: *Матвеев В. А.* Российская универалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в.—1917 г.). Ростов-на-Дону, 2011.

Мемсиров 2004: *Мемсиров Х. Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. (На материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик, 2004.

Микоян 1926: Речь тов. А. Микояна (вместо предисловия) // Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае: Итоги и перспективы. Ростов-на-Дону, 1926.

Микоян 1975: *Микоян А. И.* В начале двадцатых... М., 1975.

Микоян 1999: *Микоян А. И.* Так было... М., 1999 //

<http://e.mail.ru/cgbin/link?check=1&refresh=1&cnf=ab6610&url=http%3A%2F%2Fmilitera.lib.ru%2Fmemo%2Frussian%2Fmikoyan%2Findex.html&msgid=13668032180000000860&x-email=ukarp%40bk.ru&js=1>

Милюков 1925: *Милюков П. Н.* Национальный вопрос: Происхождение национальности и национальных вопросов в России. Прага, 1925.

Миронов 2003: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 2 т. СПб., 2003.

Мишуриев 1923: *Мишуриев К.* 2-й Областной съезд Советов Адыгейской (Черкесской) автономной области // Красное знамя. 1923. № 273, 6 декабря.

Морозова 2011: *Морозова О. М.* Николай Федорович Гикало // Вопросы истории. 2011. № 9.

Морозова 2012: *Морозова О. М.* Зарождение провинциальной бюрократии (на материалах Северного Кавказа и Нижнего Поволжья) // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы: Материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27—28 сентября 2012 г.). Ростов-на-Дону, 2012.

Мостовая 1930: *Мостовая Е.* Советы в национальных республиках и областях // РиН. 1930. № 4—5.

Мутуев 1931: *Мутуев Х.-М.* Ингушетия. Очерки. М., 1931.

Мутуев 1936: *Мутуев Х.-М.* Социалистическая Северная Осетия // РиН. 1936. № 11.

Муслимова 2010: *Муслимова Н. Т.* Система органов власти Республики Дагестан в 30-е годы XX века. Структура и деятельность. Махачкала, 2010.

Навширанов 1924: *Навширанов З.* Почему мы стремимся перейти к латинскому алфавиту // ЖН. 1924. № 1 (6).

Народы Русского царства 1901: Народы Русского царства Сб. ст. по этнографии. Книга для чтения дома и в школе. Из: «Географическая хрестоматия» Н. Малинина. М., 1901.

Налоев 2007: *Налоев З. М.* Диктатура и писатели // Информационно-аналитический бюллетень: Материалы научно-практической конф. «Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918—1930-е годы. Нальчик. 11 мая 2007 г.

Налоев 2011: *Налоев З. М.* Институт джегуако. Нальчик, 2011.

Национальная политика 1997: Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

Национально-государственное строительство 1995: Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917—1941 гг.). Майкоп, 1995.

Неретина 1990: *Неретина С. С.* Смена исторических парадигм в СССР. 20-е—30-е годы // Наука и власть. М., 1990.

Нечипурнова 1968: *Нечипурнова Н. С.* Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1968.

Нечкина 1951: *Нечкина М. В.* К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4.

Новое в тактике 1930: Новое в тактике мулл и антирелигиозная работа в Адыгее // РГ. 1930. № 2.

Нурмаков 1935: *Нурмаков Н. К.* решению ВЦИК по Дагестану // РиН. 1935. № 7.

О. К. 1936: *О. К.* Работа по истории народов СССР (В научно-исследовательском институте национальностей СССР) // РН. 1936. № 5.

Об итогах 1935: Об итогах массовой альпиниады военизированного похода 500 на Казбек // Пролетарий Осетии. 1935. № 197.

Об очередных задачах 1931: Об очередных задачах дагестанской парторганизации // РиГ. 1931. № 10—11.

О переселении 1931: О переселении черкесов из Анапского и Армавирского районов в Адыгею // РиГ. 1931. № 8.

О пересмотре решений 1930: О пересмотре решений ДК ВКП(б) 1928 года по вопросу о языке // ССД. 1930. № 1.

Осетины 1967: *Осетины глазами русских и иностранных путешественников* / сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967.

Османов А. 2000: *Османов А. И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20—70-е годы XX в.). Махачкала, 2000.

Османов А. 2007: *Османов А. И.* Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. Кн. 2-я. Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала, 2007.

Османов Г. 1970: *Османов Г. О.* Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма. Махачкала, 1970.

Османов и др. 1994: *Османов А. И., Гаджиев А. С., Искендеров Г. А.* Из истории переселенческого движения и решения аграрного вопроса в Дагестане. Махачкала, 1994.

Основные итоги 1924: Основные итоги XII съезда. Доклад т. Зиновьева на собраниях организаторов коллективов Петроградской организации // Горский коммунист. 1924. № 3.

Ошаев 1928а: *Ошаев Х.* Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1928.

Ошаев 1928б: *Ошаев Х.* В сердце Чечни. Грозный, 1928.

Ошаев 1931: *Ошаев Х.* За большевистские темпы подготовки кадров для горских областей // РиГ. 1931. № 3.

Памятная книжка 1895: *Памятная книжка Дагестанской области* / сост. Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1895.

Панкратова 1939: *Панкратова А.* Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. М., 1939. Ч. 1.

Пантюхов 1901: *Пантюхов И. И.* Современные лезгины // Кавказ. 1901. № 228, 233.

Панфилов 1930: *Панфилов В. Н.* Культурная революция и пятилетка нацменпросвещения. М.; Л., 1930.

Партработа 1924: *Партработа* // Горский коммунист. 1924. № 3.

Перебийнос 1933: *Перебийнос Ф.* Народ галгай // РиН. 1933. № 4.

Петров 1930: *Петров В. П.* Социалистическое строительство в нацобластях и нацменрайонах Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1930.

Пионтковский 2009: *Дневник историка С. А. Пионтковского (1929—1934).* Казань, 2009.

Пирождкова 1989: *Пирождкова А. Н.* Годы, прошедшие рядом (1932—1939) // Воспоминания о Бабеле. М., 1989.

Плаггенбург 2000: *Плаггенбург Ш.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.

Платонов 2011: *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 2011.

Полян 2007: *Полян П. М.* Коса и камень: конфликтный этнос в крепчающих объятиях советской власти // Звезда. 2007. № 12.

Попов 1931: *Попов Д.* Основные этапы плановой работы на Северном Кавказе // ССК. 1931. № 2—3.

Путеводитель 2009: *Путеводитель. Центр общественных движений и партий Карачаево-Черкесской республики.* Черкесск, 2009.

15 лет торжества 1936: 15 лет торжества ленинско-сталинской национальной политики. Махачкала, 1936.

Раджабов 2003: *Раджабов Р. Н.* История Дидо. Махачкала, 2003.

Районированный Дагестан 1930: *Районированный Дагестан (административно-хозяйственное деление ДССР по новому районированию 1929 г.).* Махачкала, 1930.

Распоясавшиеся националисты 2012: *Распоясавшиеся «буржуазные националисты»* // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918—1930-х годах. Статьи и документы. Нальчик, 2012, сентябрь. Вып. 6.

Резван 2006: *Резван Е. А.* Коран в истории России (рукописи, издания, судьбы) // Кавказ и Россия: Прошлое и настоящее. История, обычаи, религия. СПб., 2006.

Ржавин 1999: *Ржавин А. А.* Шапсутский национально-территориальный район: из истории образования // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. 1. История. Этнология. Археология.

Рогов 1935: *Рогов А.* Чечено-Ингушетия на пути социалистического расцвета // РиН. 1935. № 4.

Розен 1958: *Розен Р. Ф.* Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архив. Материалы / под ред. М. О. Косвена, Х. М. Хашаева. М., 1958.

Российская империя 2005: *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет.* Антология. М., 2005.

Руновский 1904: *Руновский А.* Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в Калуге с 1859 по 1862 г. // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1904. Т. 12.

Руновский 1989: *Руновский А.* Записки о Шамиле. М., 1989.

- Русаков 2011: Воспоминания Г. С. Русакова о революционной деятельности в Кабарде и Балкарии / подг. публ. О. А. Жанситова // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918—1930-х гг. Статьи и документы. Нальчик, 2011, сентябрь. Вып. 5.
- Саидов 1967: Аварско-русский словарь / Сост. М.-С. Саидов. М., 1967.
- Самарский 1928: *Самарский А. Я.* Культурная революция и кадры культурников-националов // Зап. Северо-Кавказ. краевого Горского НИИ. 1928. Т. 1.
- Самурский 1925а: *Самурский Н.* (Эфендиев). Дагестан. М.; Л., 1925.
- Самурский 1925б: *Самурский Н.* (Эфендиев). Гражданская война в Дагестане. Махачкала. 1925.
- Самурский 1927: *Самурский Н.* (Эфендиев). Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане. К X-й годовщине Октябрьской Революции. Махачкала, 1927.
- Самурский 1935: *Самурский Н.* Красный Дагестан // РиН. 1935. № 8.
- Сафаров 1923: *Сафаров Г.* Национальный вопрос и пролетариат. Изд. 2-е, дополненное. М., 1923.
- Северный Кавказ 1925: Северный Кавказ после районирования. Итоги и выводы. Ростов-на-Дону, 1925. Т. 1.
- Северный Кавказ 2007: Северный Кавказ в составе Российской империи / под ред. В. О. Бобровникова, И. Л. Бабич. М., 2007.
- Семенов 1881: *Семенов Н.* Очерк Чечни и чеченского народа // Терские ведомости. 1881. № 35.
- Серебряков 1933: *Серебряков А. Е.* Расселение горцев в Карачаевской автономной области // РН. 1933. № 2.
- Сказки 1983: Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М., 1983.
- Скачко 1931: *Скачко Ан.* Дагестан. М., 1931.
- Славинский 1910: *Славинский М.* Национальная структура России и великороссы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / под ред. А. И. Кастелянского. СПб., 1910.
- Слезкин 1993: *Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне // ЭО. 1993. № 2.
- Словарь национальностей 1937: Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года. М., 1937.
- Сломить сопротивление 1931: Сломить оппортунистическое сопротивление коренизации, провести ее в срок // РиГ. 1931. № 9.
- Советский Дагестан 1938: Советский Дагестан. Махачкала, 1938.
- Совещание 1929: Совещание этнографов Ленинграда и Москвы // Этнография 1929. № 2.
- Современный Дагестан 1926 — Современный Дагестан. Махачкала, 1926.
- Соколовский: *Соколовский С.* «Итальянские корни» советской теории этноса [Электронный ресурс] // Постнаука. 2013. 12 февраля. URL: <http://postnauka.ru/longreads/8877> (дата обращения: 22.07.2017).
- Сорокин 1992: *Сорокин П.* Национальность, национальный вопрос и социальное равенство // Он же. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Сохов 2004: *Сохов М.* Слово предоставляется... Ныхасы бар ис... Дзурди барае ес... О традициях осетинского ораторского искусства. Владикавказ, 2004.
- Список народностей 1927: Список народностей Союза Советских Социалистических Республик / под ред. И. И. Зарубина. Л., 1927.
- Сталин 1939: *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос // Сталин. Сб. избр. статей и речей. М., 1939.
- Сталин 1946 — *Сталин И.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. Сочинения. М., 1946. Т. 2.
- Сталин 1947а: — *Сталин И.* Октябрьский переворот и национальный вопрос // Сталин И. Сочинения. М., 1947. Т. 4.
- Сталин 1947б: *Сталин И.* Организация Российской федеративной республики. Беседа с сотрудниками газеты «Правда» // Сталин И. Сочинения. М., 1947. Т. 4.

Сталин 1947в: *Сталин И.* К постановке национального вопроса // Сталин И. Сочинения. М., 1947. Т. 5.

Сталин 1947г: *Сталин И.* XII съезд РКП(б). Заключительное слово по организационному отчету ЦК // Сталин И. Сочинения. М., 1947. Т. 5.

Сталин 1947д: *Сталин И.* О политических задачах Университета народов Востока. Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г. // Сталин И. Сочинения. М., 1947. Т. 7.

Сталин 1947е: *Сталин И.* К национальному вопросу в Югославии // Сталин И. Сочинения. 1947. М., Т. 7.

Сталин 1947ж: *Сталин И.* О проекте Конституции Союза ССР // Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. 1947.

Сталин 1952а: *Сталин И.* О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин И. Сочинения. М., 1952. Т. 13.

Сталин 1952б: *Сталин И.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сталин И. Сочинения. М., 1952. Т. 13.

Сталин 1953: *Сталин И.* Как понимает социал-демократия национальный вопрос // Сталин И. Сочинения. М., 1953. Т. 1.

Столыпин 1991: *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911. М., 1991.

Столяров 1928: *Столяров Н.* Борьба Красной Армии в Дагестане. М.; Л., 1928.

Сулаев 2009: *Сулаев И. Х.* Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917—1991 гг.). Махачкала, 2009.

Суни 2011: *Суни Р. Г.* Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная идентичность и теории империи // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011.

Сухоруков 1930: *Сухоруков П.* Более решительно выгравить макаровщину и правый оппортунизм в земельно-водной реформе // ССД. 1930. № 1.

Сэнборн 2011: *Сэнборн Дж.* Семья, братство и национальное строительство в России 1905—1925 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011.

Т. 1885: *Т.* Разбой и саморасправа на Кавказе // Вестник Европы. 1885. № 12.

Таболов 1929: *Таболов К.* Правый уклон в национальной политике // РиГ. 1929. № 7—8.

Тамазишвили 1993: *Тамазишвили А. О.* Востоковед и педагог Н. А. Анисимов: к изучению опыта взаимоотношений русской и национальных культур малых народов Кавказа // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 2.

Тахнаева 2012: *Тахнаева П. И.* Аргвани. Мир ушедших столетий. Исторический портрет сельской общины Нагорного Дагестана. М., 2012.

Тахо-Годи 1927: *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.

Тахо-Годи 1930: *Тахо-Годи А.* Проблема языка в Дагестане // РиН. 1930. № 2.

Тишков 1996: *Тишков В. А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1996.

Тишков 2001а: *Тишков В. А.* Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.

Тишков 2001б: *Тишков В. А.* Новая политическая антропология // ЖССА. 2001. Т. 4, № 4.

Тишков 2001в: *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М., 2001.

Тишков 2003: *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

Ткачев 1911: *Ткачев Г. А.* Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911.

Тлюняев 1932: *Тлюняев А.* Коренизация аппарата в нацобластях — одна из основных задач социалистического строительства // *РиГ.* 1932. № 8—9.

Тогошвили 2012: *Тогошвили Г. Д.* Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ, 2012. Т. 1.

Тольц 2013: *Тольц В.* «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013.

Трайнин 1923: *Трайнин И.* О племенной автономии // *ЖН.* 1923. № 2.

Трайнин 1938: *Трайнин И.* Что дала советская власть народам СССР. М., 1938.

Труды 1930: Труды 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930.

Тюрякулов 1924: *Тюрякулов Н.* К вопросу о латинском алфавите среди тюрков СССР // *ЖН.* 1924. № 1 (6).

Тюрякулов 1936: *Тюрякулов Н.* Список народностей СССР // *РиН.* 1936. № 8.

Угурчиева 2006: *Угурчиева Х. Х.* Назрановский (Ингушский) округ: этапы образования, становления, развития (1905—1921 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

Услар 1870: *Услар П. К.* О распространении грамотности между горцами // *ССКГ.* 1870. Вып. 3.

Услар 1888: *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

Фадеев 2005: *Фадеев Р. А.* Записка об управлении азиатскими окраинами (1882—1883 гг.) // Кавказ и Российской империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX—начало XX в. СПб., 2005.

Ф. С.-О. 1931: *Ф. С.-О.* Как не следует проводить реорганизацию // *РиГ.* 1931. № 4.

Хаджиев 1930: *Хаджиев А.* Латинизация и унификация горских алфавитов на Северном Кавказе // *Хаджиев А., Яковлев Н. Ф., Беляев М. В.* Культура и письменность горских народов Северного Кавказа. Владикавказ, 1930.

Ханбабаев 2004: *Ханбабаев К. М.* Нажмутдин Самурский — политик и ученый (мифы и реальность) // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе / под ред. В. В. Черноуса. Ростов-на-Дону, 2004.

Хатуев 2012: *Хатуев Р. Т.* Карачаево-балкарская семиотика. Опыт этнической семиотики. Черкесск, 2012.

Хлынина 1997: *Хлынина Т. П.* Адыгья в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997.

Хлынина 2001: *Хлынина Т. П.* Советская национальная государственность: понятие, образ, природа. Майкоп, 2001.

Хлынина 2007: *Хлынина Т. П.* Проблемы истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 20—30-е гг. XX в. // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа / под ред. В. В. Черноуса. Ростов-на-Дону, 2007.

Хлынина 2008: *Хлынина Т. П.* «Синдром осажденной крепости», или как на Кубани появились национальные районы // Кубанский сборник: Сб. науч. ст. и материалов по истории края / под ред. А. М. Авраменко, Г. В. Кокунько. Краснодар, 2008. Т. 3 (24).

Хлынина 2010: *Хлынина Т. П.* Национальная государственность как особенность и вызов российской цивилизации // Материалы междунар. юбилейной науч. конф. «Россия и Кавказ», посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказ. Владикавказ. 6—7 октября 2009 г. Владикавказ, 2010.

Хлынина, Кринко 2014: *Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф.* История, политика и национальное строительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2014.

Хотинский 1930: *Хотинский Б.* XVI съезд партии и наши задачи // *Этнография.* 1930. № 4.

Хронин 1924: *Хронин В.* Административное устройство и план проведения районирования Юго-Востока // Юго-Восток. 1924. № 4.

Хубулова 2003: *Хубулова С. А.* «Неудобный класс»: Некоторые проблемы социально-экономического и этнодемографического развития доколхозного севрокавказского крестьянства. Владикавказ, 2003.

Хуршилов 1931: *Хуршилов.* Колхозное строительство на новом этапе и классовая борьба в Буйнакском районе // ССД. 1931. № 5—6.

Цаликов 1906: *Ца[лик]ов Ахмет.* В горах Кавказа. Революционное движение в Осетии // Итоги и перспективы: сб. статей. М., 1906.

Цаликов 1908: *Ца[лик]ов Ахмет.* К инородческому вопросу на Кавказе // Возрождение. 1908. № 1.

Цаликов 1917: *Цаликов А.* Мусульмане России и мусульмане. Речи, произнесенные на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1—11 мая 1917 г.. Пг., 1917.

Цей 1931: *Цей Д.* За дифференцированное руководство районами Дагестана // РиГ. 1931. № 12.

Чакхиев 1991: *Чакхиев С.* Идрис Зязиков: верой и правдой. Грозный, 1991.

Чеботарева 2008: *Чеботарева В. Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925—1938 гг. М., 2008.

Чеченцы 2012: Чеченцы / под ред. Л. Т. Соловьевой, В. А. Тишкова, З. И. Хасбулатовой. М., 2012.

Чирг 2002: *Чирг А. Ю.* Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII—60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002.

Чокаев 2001: *Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио; М., 2001.

Чхеидзе 2004: *Чхеидзе К. А.* Страна Прометея. Нальчик, 2004.

Чхеидзе 2009: *Чхеидзе К. А.* Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918—1930-х годах (Статьи и документы). Нальчик, август 2009 г. Вып. 3.

Шебзухов 1992: *Шебзухов М. Х.* Красный террор в Адыгее // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992.

Шесть лет 1924: Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац (вместо отчета). М., 1924.

Широкогоров 1923: *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

Шнирельман 1993: *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // ЭО. 1993. № 3.

Шортанов 1983: *Шортанов А.* Всегда в седле. Рассказы о Бетале Калмыкове / Авторизованный перевод с кабардинского В. Кузьмина. М., 1983.

Штернберг 1910: *Штернберг Л. Я.* Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / под ред. А. И. Кастелянского. СПб., 1910.

Эльбуздукаева 2011: *Эльбуздукаева Т. У.* Чечня и Ингушетия в 20—30-е годы XX века: опыт модернизации. М., 2011.

Эмиров 1972: *Эмиров Н. П.* Из истории военной интервенции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1972.

Яковлев 1925: *Яковлев Н.* Ингуши. Популярный очерк. М.; Л., 1925.

Яковлев 1926: *Яковлев Н.* Проблемы национальной письменности восточных народов СССР // Новый Восток. 1926. № 10—11.

Яковлев 1927: *Яковлев Н. Ф.* Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Лекция, читанная 17 апреля 1927 года на объединенном собрании Чеченского и Ингушского землячества студентов г. Москвы. Грозный, 1927.

Яковлев 1928: *Яковлев Н. Ф.* К вопросу об общем наименовании родственных народов // Зап. Северо-Кавказского краевого горского научно-исслед. ин-та. Ростов-на-Дону, 1928. Т. 1.

Яковлев 1930а: *Яковлев Н. Ф.* За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Кн. 6.

Яковлев 1930б: *Яковлев Н. Ф.* Унификация алфавитов для горских языков Северного Кавказа // Хаджиев А., Яковлев Н. Ф., Беляев М. В. Культура и письменность горских народов Северного Кавказа. Владикавказ, 1930.

Яковлев 1930в: *Яковлев Н. Ф.* Унификация алфавитов для горских языков Северного Кавказа // Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Кн. 6.

Яковлев 1999: *Яковлев Н. Ф.* Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей // Многоликая Ингушетия / сост. М. С.-Г. Албогачиева. СПб., 1999.

Яндиев 2003: *Яндиев А. Д.* Они стояли у истоков. Магас, 2003.

Яндиев: *Яндиев А. Д.* Владикавказ. Неизвестные страницы истории города // Ингушетия.ру.; Настоящий ингушский форум.

Янчевский 1927: *Янчевский Н. Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1927. В 2 т.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург
ЖН — Жизнь национальностей. Москва
ЖССА — Журнал социологии и социальной антропологии. Санкт-Петербург
ЗГНИИ — Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону
КЕПС — Комиссия по исследованию естественных производительных сил России
КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения России
РВ — Революционный Восток. Москва; Ленинград
РиГ — Революция и горец. Ростов-на-Дону
РиН — Революция и национальности. Москва
ССД — Социалистическое строительство в Дагестане. Махачкала
ССК — Северо-Кавказский край. Ростов-на-Дону
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис
ЭО — Этнографическое обозрение. Москва

Ю. Ю. КАРПОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
НА СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПЕРИФЕРИИ В 20—30-е гг. XX в.:

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМ И РЕШЕНИЙ

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Подписано в печать 11.09.2017. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 35,12 уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Заказ № 474

PRINTED IN RUSSIA

ООО «Литография Принт»
г. Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14
www.spbprinting.ru
тел. +7 (812) 712-02-08

Ю. Ю. КАРПОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

НА СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ
ПЕРИФЕРИИ в 20–30-е гг. XX в.:
ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМ И РЕШЕНИЙ

Настоящее исследование предлагает комплексное изучение государственной политики по отношению к северокавказской периферии в контексте так называемого «национального вопроса». В ранней практике советского государственного управления получили развитие идеи «коренизации», выстроенные на этнической идеологии и предполагавшие уступки в отношении языка, кадровой политики и культуры, что, по убеждению инженеров «коренизации», должно было способствовать снижению уровня сепаратистских настроений в национальных автономиях советской России.

Широкое использование архивных материалов позволило документально проследить за ходом «диалогов» между центральной и местной властью, выявить основные направления трансформаций социальных институтов и общественных практик в разных частях региона — в условиях использования различных методов и направлений осуществления государственной политики в одной из национальных окраин страны.

Книга предназначена для этнологов, историков, культурологов, обществоведов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории и культуры народов Северного Кавказа.

ISBN 978-5-85803-505-3

9 785858 1035053